

ISSN 0131-6095

Русская литература

1

2024

НАУКА

— 1727 —

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2024

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. Н. Виролайнен. Русский романтизм как проблема 5

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ СЛУЧАЙ Я. А. ГАЛИНКОВСКОГО

М. Э. Баскина. «Архаист-просветитель» Я. А. Галинковский: к характеристике литературной репутации 25

А. В. Волков. О переводческих воззрениях Я. А. Галинковского 47

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. С. АКСАКОВА

А. П. Дмитриев. «Слава — какою... гремит Вавилон»: к поэтическому диалогу И. С. Аксакова и Н. М. Языкова об А. О. Смирновой-Россет (1845–1846) 60

О. Л. Фетисенко. И. С. Аксаков и М. Ф. Де-Пуле в диалоге о русской литературе 75

Приложение. Письмо И. С. Аксакова к М. Ф. Де-Пуле от 20 апреля 1876 года 87

Е. С. Левшина. Переписка И. С. Аксакова и Р. А. Фадеева 1874–1882 годов 89

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

И. Н. Сухих. Кафедра русской литературы Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета: XX век (к 300-летию СПбГУ) 103

ПОЛЕМИКА

Д. М. Буланин. Симеон Бекбулатович и вопрос о «литературной игре» Ивана Грозного 131

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. И. Николаев. Житие Меркурия Смоленского: с русского на польский и обратно 139

Приложение. Żywot pobożnego Merkuriusza, Żołnierza у Męszennika 145

А. В. Пигин, С. А. Семячко. Севернорусские жития святых в «Алфавите российских чудотворцев...» старообрядческого книжника Ионы Керженского 146

А. А. Терещук. Карлистка тема в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» 159

И. В. Немировский. Капитан Лебядкин и В. К. Третьяковский	165
П. Р. Заборов. Ф. Д. Батюшкови и Дени Рош	173
К. А. Кумпан. Над рукописями статей Вяч. Иванова. Часть 2. «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт»	180
Маша Левина-Паркер (США), Михаил Левин (США). Модернисты в поисках неясности: к типологии квазидетектива	191
О. С. Лалетина, Е. В. Хворостьянова. Стратегия и тактика становления поэтических систем В. В. Набокова, К. К. Вагинова, А. П. Платонова	211
Е. Н. Никитин. Об одной писательской дружбе: М. М. Пришвин и С. Т. Григорьев	220
Е. Р. Обатнина. Учитель музыки и «парижская нота» (к истории сотрудничества А. М. Ремизова с журналом «Числа»)	228
Чжицян Лю (КНР), Хуэй Сюн (КНР). Некоторые особенности поэтических переводов китайской классической поэзии в России: на примере переводов стихотворения Цао Чжи «Вздохи»	246

ЗАМЕТКИ

К. С. Корконосенко. Переводы К. И. Тимковского в оценке русской критики	255
А. С. Урюпина. О двух прототипах героев рассказа А. М. Ремизова «Гороскоп»	257

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. В. Сартаков. «Малая» драматургия Н. В. Гоголя в новом академическом издании	260
Т. В. Мисникевич. «Недостовольные» мемуары как воскрешение духа времени	262
С. А. Дубровская, О. Е. Осовский. Русская литература в терминах исторической нарратологии	265

ХРОНИКА

Н. Ю. Алексеева. Научный семинар Отдела по изучению русской литературы XVIII века в 2022 году	267
А. Б. Белова. Научная конференция «Письменная и иконографическая традиция Древней Руси»	271
Н. А. Прозорова. Шестой Научный семинар «Русская литература в советскую эпоху»	273
С. А. Васильева, А. Ю. Сорочан. Всероссийская научная конференция «Век как сюжет»	275
М. Ю. Любимова, Е. А. Михайлова. VI Научная конференция «История отечественной культуры в архивных документах»	279
Памяти Валерии Игоревны Ереминой	286
Summaries	288

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН,
А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА,
С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО,
В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2024
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2024
© Составление. Редакция журнала
«Русская литература», 2024

RUSSKAYA LITERATURA

№ 1

Historical and Literary Studies

2024

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
M. N. Virolainen. Russian Romanticism as a Problem	5
LITERARY CONTEXT OF TRANSITIONAL TIMES THE CASE OF YA. A. GALINKOVSKY	
M. E. Baskina. <i>Archaist-Enlightener</i> Ya. A. Galinkovsky: To the Characteristics of Literary Reputation	25
A. V. Volkov. On the Translation Views of Ya. A. Galinkovsky	47
HONORING THE 200 TH ANNIVERSARY OF I. S. AKSAKOV	
A. P. Dmitriev. <i>The Glory of Babylonian Harlot</i> : A. O. Smirnova-Rosset in the Poetic Dialogue Between I. S. Aksakov and N. M. Yazykov (1845–1846)	60
O. L. Fetisenko. I. S. Aksakov and M. F. De-Poulet in a Dialogue about Russian Literature	75
Appendix. I. S. Aksakov's Letter to M. F. De-Poulet, 20 April 1876	87
E. S. Levshina. Correspondence Between I. S. Aksakov and R. A. Fadeev in 1874–1882	89
HISTORY OF THE RUSSIAN SCHOLARSHIP	
I. N. Sukhikh. Department of Russian Literature of St. Petersburg / Petrograd / Leningrad University: the 20 th Century (To the 300 th Anniversary of St. Petersburg State University)	103
POLEMICS	
D. M. Bulanin. Simeon Bekbulatovich and the Question of the «Literary Game» Played by Ivan the Terrible	131
REPORTS AND RELEASES	
S. I. Nikolaev. The Vita of Mercurius of Smolensk: Russian into Polish and Back	139
Appendix. <i>Żywot Pobożnego Merkuriusza, Żołnierza y Męczennika</i>	145
A. V. Pigin, S. A. Semiachko. The Northern Russian Vitas of Saints in the <i>Alphabet of Russian Miracle Workers</i> ... by the Old-Believer Scribe Jonah Kerzhensky	146

A. A. Tereshchuk. The Carlist Theme in the <i>Diary of a Madman</i> by N. V. Gogol	159
I. V. Nemirovsky. Captain Lebyadkin and V. K. Trediakovskiy	165
P. R. Zaborov. F. D. Batyushkov and Denis Roche	173
K. A. Kumpan. Working on the Manuscripts of Vyach. Ivanov's Articles. Part 2. <i>Jurgis Baltrusaitis as a Lyricist</i>	180
Masha Levin-Parker (USA), Misha Levin (USA). The Modernists in Search of Uncertainty: Towards a Typology of Quasi Detective Story	191
O. S. Laletina, E. V. Khvorostianova. Emergence of the Poetic Systems of V. V. Nabokov, K. K. Vaginov, A. P. Platonov: Tactics and Strategy	211
E. N. Nikitin. On a Writers' Friendship: M. M. Prishvin and S. T. Grigoryev	220
E. R. Obatnina. The Music Teacher and the «Parisian Note» (Concerning the History of A. M. Remizov's Engagement with the Literary Magazine <i>Chisla</i>)	228
Zhiqiang Liu (China), Hui Xiong (China). Some Features of Poetical Translations of Chinese Classical Poetry in Russia: The Case of Translations of <i>The Sighs</i> by Cao Zhi	246

NOTES

K. S. Korkonosenko. Translations by K. I. Tinkovsky as Evaluated by the Russian Criticism	255
A. S. Uryupina. A. M. Remizov's Story <i>The Horoscope</i> : Two Prototypes of the Protagonists	257

REVIEWS

E. V. Sartakov. N. V. Gogol's «Minor» Dramas in a New Academic Edition	260
T. V. Misnikevich. «Unreliable» Memoirs as the Resurrection of the <i>Zeitgeist</i>	262
S. A. Dubrovskaja, O. E. Osovskii. Russian Literature in Terms of Historical Narratology	265

NEWSREEL

N. Iu. Alekseeva. Department of Russian Literature of the 18 th Century, Research Seminar in 2022	267
A. B. Belova. <i>The Written and Iconographic Tradition of Ancient Russia</i> Research Conference	271
N. A. Prozorova. <i>Russian Literature in the Soviet Era</i> Sixth Research Seminar	273
S. A. Vasil'eva, A. Iu. Sorochan. <i>Century as a Plot</i> National Research Conference	275
M. Iu. Liubimova, E. A. Mikhailova. <i>History of Russian Culture in Archival Documents</i> Sixth Research Conference	279
In Memoriam of Valeriia Igorevna Yeremina	286
Summaries	288

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK,
T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief V. E. BAGNO

Editorial Board:

M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN,
A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA,
S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII,
A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2024
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2024

РУССКИЙ РОМАНТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА

Представление о литературном развитии как последовательной смене направлений не раз подвергалось критике, однако существенной его корректировки так и не произошло — скорее оно просто ушло из центральной зоны исследовательского внимания, особенно заметного в 1960–1980-е годы.¹ Однако в свое время такое представление было привито нам столь основательно, что до сих пор оно не позволяет разглядеть некоторые важные особенности литературного процесса. В этой статье речь пойдет о так называемой эпохе романтизма, которая, согласно давно сформированной точке зрения, занимает промежуточное место на хронологической оси «сентиментализм — романтизм — реализм».²

У понятия «романтизм» имеется одно несомненное преимущество перед «сентиментализмом» и «реализмом» — его использовали носители культуры, которая признана романтической (а также и их противники). Но у этого есть своя оборотная сторона: создается иллюзорное впечатление, будто в 1820–1830-е годы романтизмом называли то же самое, что и в позднейших исследованиях. В пушкинскую эпоху объем понятия «романтизм» формировался в дискуссионном поле, и общая концепция тогда едва ли сложилась. А положения, в которых все-таки сходились большинство авторов, как раз не совпадают с выработанным позднее пониманием романтизма.³

¹ В эти годы романтизм как художественное направление был предметом многочисленных монографий и сборников — назовем хотя бы некоторые из них: Вопросы романтизма в русской литературе. Казань, 1963; Ванслов В. В. Эстетика романтизма. М., 1966; Проблемы романтизма: Сб. статей. М., 1967; Манн Ю. В. Русская философская эстетика (1820–1830-е гг.). М., 1969; Европейский романтизм. М., 1973; К истории русского романтизма. М., 1973; Маймин Е. А. О русском романтизме. М., 1975; Проблемы романтизма в художественной литературе и критике. Казань, 1976; Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976; Русский романтизм. Л., 1978; На путях к романтизму: Сб. науч. трудов. Л., 1984; Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988.

² Так, второй том «Истории русской литературы», посвященный первой половине XIX века, вышел в начале 1980-х годов под заглавием: «От сентиментализма к романтизму и реализму». В предисловии редактора говорилось: «Построение тома определяется предложенной в нем периодизацией литературного процесса первой половины XIX в. В нем выделяются два основных периода. Первый характеризуется движением от сентиментализма к романтизму; второй — от романтизма к реализму» (История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2 / Под ред. Е. Н. КуPREяновой. С. 5).

³ Как известно, на это указывал еще Ю. Н. Тынянов: «Большинство попыток определить романтизм и классицизм было не суждением о реальных направлениях литературы, а стремлением подвести под эти понятия никак не укладывавшиеся в них многообразные явления»; «Подходя с готовыми критериями „классицизма“ и „романтизма“ к явлениям тогдашней русской литературы, мы прилагаем к многообразным и сложным явлениям неопределенный ключ, и в результате возникает растерянность, жажда свести многообразное явление хоть к каким-нибудь, хоть к кажущимся простоте и единству. Таков выход, продиктованный историкам самим определением романтизма, которое сложилось не во время борьбы 20-х годов, а позднее, — определением, в котором сложные явления предыдущего литературного поколения, уже стертые

Когда в России заговорили о романтизме, в западных литературах (прежде всего в Германии) он уже был отрефлексируемым фактом; мы получили его, так сказать, из вторых рук. Но европейский романтизм не был единым движением. Существуют разные версии и английского, и французского, и немецкого романтизма, и каждая из них имеет ярко выраженную индивидуальную определенность и национальную окраску.

Английский романтизм, несомненно, разнолик. Так, Байроном⁴ он заявлен как пафос индивидуализма, как выдвижение героя, способного в одиночку противостоять и миру, и Богу, как экзотический колорит, как ирония, сплавливающая лирику с эпосом, в котором есть место для литературной рефлексии. Но совсем иначе выглядит озерная школа, с ее обращенностью к простой, не героической жизни, с ее идеями пантисократии, равенства всех существ в мире, который напоен из божественного источника, но и уязвлен таинственными злыми силами, с ее мечтой о восстановлении исконных красот и благополучия, свободных от этих злых сил.⁵

Французский романтизм знает сосредоточенность на внутренней жизни, часто меланхоличной, как у Сенанкура или в поэзии у Ламартина — но знает и кипение страстей, по силе не уступающих байроновским. Однако страсти, движущие, например, сюжеты драм и романов Гюго, сталкиваются между собой равномогущих героев, ни одному из которых не дано, как это было у Байрона, занять единственно центральное положение. Гюго разворачивает многофигурные композиции, вводит широко разработанную социальную тему.

Совершенно иная доминанта у немецкого романтизма, благодаря Шеллингу исконно метафизичного. Здесь в центре не отдельный герой, как у Байрона, и не сообщество людей, как у Гюго, но устройство мира как такового. Для немецких романтиков, и йенских, и более поздних Клейста или Гофмана, живое начало мира несовместимо с мертвой определенностью, неподвижностью, косностью; оно расшатывает любые четкие контуры — будь то контуры предметов, идей или человеческой личности. Но совсем иначе выглядят гейдельбергские и швабские романтики с их любовью к фольклору, к патриархальности, с мечтой об успокоенной в конечном счете идиллической жизни. И в этом они ближе к лейкистам, чем к йенской школе или романтизму Клейста и Гофмана.

Каждый из русских авторов, которым романтизм в принципе импонировал, избирал для себя, в зависимости от своих личных симпатий, тот или иной вариант европейского романтизма. Для Пушкина значимой фигурой стал Байрон, на фоне которого Ламартин казался недостаточным романтичным.⁶ Симпатии Николая Полевого однозначно склонялись к Франции, совершенное воплощение романтизма он видел в творчестве Гюго.⁷ Проза

в памяти позднейшего, были приведены к насильственному упрощению» (Тынянов Ю. Н. Архивы и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 24, 51).

⁴ В России творчество Байрона уже к началу 1820-х годов было признано одним из эталонов романтизма.

⁵ См.: Берковский Н. Я. Лекции // Берковский Н. Я. Лекции и статьи по зарубежной литературе. СПб., 2002. С. 139–140.

⁶ 30 ноября 1825 года Пушкин писал А. А. Бестужеву: «...робкий вкус наш не терпит истинного романтизма. Под романтизмом у нас разумют Ламартина» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 244–245). Семь лет спустя Пушкин уже писал о «тощем и вялом однообразии» Ламартина (см. «Начало статьи о В. Гюго» — Там же. Т. 11. С. 219).

⁷ См. вышедшую в самом начале 1832 года статью Полевого «О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах (Против статьи г-на Шове)» (Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика: Статьи и рецензии, 1825–1842 / Сост., вступ. статьи и комм. В. Берзиной и И. Сухих. Л., 1990. С. 104–105, 127).

Гоголя, органично (вероятно, стихийно) близкая немецкому романтизму (которому Пушкин остался по большому счету чужд), производит впечатление, что ее автор о существовании Байрона даже не подозревал. Что же касается Франции, то тут для Гоголя интереснее всего оказалось направление, которое в России принято называть неистовой словесностью. Подобный сопоставительный перечень можно было бы продолжать, но отсутствие единых ориентиров русского романтизма и так довольно очевидно. Общую картину мы можем только сложить — сложить в буквальном смысле этого слова, суммировав то, что было разрозненными фрагментами литературной жизни. Для современников Пушкина и Жуковского единство такой картины вовсе не было очевидным.

Возьмем для сравнения посвященное русскому романтизму и обладающее неоспоримыми достоинствами исследование И. И. Замотина,⁸ написанное на рубеже XIX и XX веков и ставшее отправной точкой для многих позднейших работ. Замотин начинает свою книгу с обширного аналитического обзора литератур европейского романтизма и, суммируя свои наблюдения, приходит к определению трех фундаментальных оснований этого течения: индивидуализм, национализм (имеются в виду народность и национальное своеобразие), универсализм. С этими ключами в руках он переходит к русскому литературному материалу, находя в нем несомненные проявления основополагающих свойств европейского романтизма.⁹ Между тем индивидуализм, проявившийся в творчестве Байрона, и проповедуемый Гердером интерес к национальному своеобразию, захвативший Германию XVIII века гораздо раньше, чем были заявлены идеи романтизма, — эти две тенденции, обозначенные Замотиным как индивидуализм и национализм, — имели между собой лишь незначительные точки соприкосновения. Плохо объединялись они и в сознании русских критиков. Байрон был воспринят в России как образцовый романтик еще до появления «Кавказского пленника» и рассуждений Вяземского, уравнивающих между собой байронизм и романтизм. Романтическим было признано и обращение к национальной старине, к имеющей национальную окраску области фантастического (волшебного). В 1820 году в рецензии на «Руслана и Людмилу» А. Ф. Воейков, определив пушкинскую поэму как богатырскую, шуточную и волшебную, почерпнутую «из старинных русских сказок», заключал: «Ныне сей род поэзии называется *романтическим*».¹⁰ Не соглашаясь с Воейковым, А. А. Перовский (в будущем Антоний Погорельский, вставший у истоков русской фантастической повести) указал на принципиально иную, байроновскую версию романтизма: «Следовательно, смесь богатырского, волшебного и шуточного составляет романтическое! Прекрасная дефиниция! Неужели не случилось никогда г. В<оейкову> читать творения так называемые романтические, в коих не было ничего ни волшебного, ни богатырского, ни шуточного? Советуем ему прочитать лорда Байрона, признанного первым сочинителем в сем роде: там

⁸ Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. СПб., 1902, 1907. Т. 1–2.

⁹ В труде Замотина подобный ход исследовательской мысли дан эксплицитно. Что же касается прочно сформировавшегося в течение следующего столетия представления о русском романтизме, то оно имплицитно основано на сходных предпосылках: в общей сумме русских художественных текстов первой трети XIX века мы действительно находим общую сумму ключевых признаков европейского романтизма и представляем себе русский романтизм как некое целое.

¹⁰ [Воейков А. Ф.]. Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочинение Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827. СПб., 2001. С. 36, 38 (впервые: Сын отечества. 1820. Ч. 64. № 34; подпись: В).

он найдет многое, где нет ничего ни волшебного, ни шуточного, ни богатырского». ¹¹ Как видно из реплики Перовского, две версии романтизма не соединялись друг с другом в глазах современников. ¹²

Сказанное не значит, конечно, что согласованных тенденций вовсе не возникало. Существовал общий круг метафизических переживаний; одна за другой писались и байронические поэмы, и фантастические повести. ¹³ Но между двумя последними ярко выраженными направлениями художественных усилий едва ли найдется серьезно объединяющая их эстетическая идея.

Между тем на теоретическом уровне такая идея, пожалуй, существовала. Как и следует ожидать, обнаруживается она там, где имеется общий генезис. Хорошо известно, что одним из влиятельных источников русских воззрений на романтизм стала книга Ж. де Сталь «О Германии» (1810). Существенно, что ею были впечатлены авторы, отнюдь не придерживавшиеся хоть скольнибудь согласованных взглядов.

Жермену де Сталь многие причисляли к романтикам, хотя на ее художественном творчестве, как и на образе мысли в целом, несомненно, лежит печать века Просвещения. Другое дело, что она оказалась пропагандистом романтической культуры — не даром ее «Вергилием» долгие годы был Август Шлегель, один из виднейших теоретиков немецкого романтизма. ¹⁴ Согласно постулату, выдвинутому в книге «О Германии», классицизм и романтизм соответствуют двум эрам: языческой и христианской. Хронологически романтизм берет свое начало в эпоху Средневековья, когда религиозная вера стала доминантой европейского сознания, когда процвело искусство трубадуров, рожденное рыцарством и христианством. По убеждению Ж. де Сталь, вся область литературы поделена между язычеством и христианством, Югом и Севером, Античностью и Средневековьем. Это и есть сферы влияния классицизма и романтизма. Так, литературы Юга (Франции, Италии) склоняются к классицизму, литературы Севера (Англии, Германии) — к романтизму. В рамках этой классификации был высказан еще один важный тезис: верность европейского классицизма античному наследию — это верность при-

¹¹ [Перовский А. А.]. Замечания на разбор поэмы «Руслан и Людмила», напечатанный в 34, 35, 36 и 37 книжках «Сына отечества» (Письмо к издателю) // Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827. С. 76 (впервые: Сын отечества. 1820. Ч. 65. № 42; подпись: П. К-в).

¹² Ср. сделанное в конце 1824-го или начале 1825 года полемическое замечание В. К. Кюхельбекера о том, что Вяземский и его противники напрасно «сбивают», т. е. соединяют «две совершенно разные школы — истинную романтику (Шекспира, Кальдерона, Ариоста) и недоговаривающую поэзию Байрона» (Кюхельбекер В. К. Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области Российской словесности // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подг. Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979. С. 499 (сер. «Литературные памятники»)).

¹³ Религиозно-мистические предпосылки, импульсы, мотивы и темы в литературе эпохи, которую принято называть романтической, получили масштабное рассмотрение в книге: *Вайскопф М.* Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012. Русским байроническим поэмам и фантастическим повестям посвящена столь обширная исследовательская литература, что даже избирательный перечень составил бы объемную библиографию.

¹⁴ В 1876 году в «Приписке» к статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» П. А. Вяземский отмечал: «Толки о романтизме пошли с легкой руки Шлегеля и ученицы его г-жи Сталь, особенно в книге ее „О Германии“» (Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи / Сост., подг. текста и комм. М. И. Гиллельсона. С. 40). В 1824 году в предисловии к «Бахчисарайскому фонтану» он объединял их имена так же, как в этом позднем признании (см.: Там же. С. 97). Орест Сомов в трактате о романтизме прямо называл г-жу Сталь-Голстейн своей путеводительницей (см.: Сомов О. М. О романтической поэзии: Опыт в трех статьях. СПб., 1823. С. 29–30). Вообще похоже, что русские литераторы чаще ориентировались на франкоязычное и компактное изложение французской писательницей немецких идей, чем на сами первоисточники.

внесенной культуре, в то время как романтизм питается из родной национальной почвы.¹⁵

Из всего этого следовало, что понятия «классицизм» и «романтизм» описывают все обозримое историческое и географическое пространство европейской культуры. Вполне очевидно, что с современным представлением о последовательно сменяющихся друг друга литературных направлениях такая конструкция не имела ничего общего. Она выдвигала романтизм и классицизм как диаду, как две соотнесенные друг с другом *универсалии*, как два модуса бытия словесности (а иногда и шире — как два модуса бытия человечества).

Именно эта концепция стала общим местом в теоретических выступлениях русских критиков. Ее приняли такие разные авторы, как, например, Н. И. Надеждин, А. А. Бестужев и Н. А. Полевой, определявшие античность как «период вещественного бытия человеческого», а христианскую эпоху — как «период жизни духа человеческого».¹⁶ Та же антитеза (вещественное — духовное) описывала диаду «классицизм — романтизм». Различие их экспонирования в русских теоретических трудах в основном было связано с тем, что их можно было трактовать и как доминирующие в определенной хронологической последовательности (сначала язычество и классицизм, потом христианство и романтизм), и как поочередно сменяющиеся друг друга, и как расщепленное единство, которому еще предстоит восстановиться.

Последней точки зрения придерживался Надеждин,¹⁷ который исходил из того, что в человеке неразрывно соединены две стихии — «мир телесный, внешний, видимый и мир невещественный, внутренний, недоступный чувствам»; их борьба и синтез осуществляются в сознании и самосознании человеческом. Младенчество человечества — эпоха «первоначального тождества» двух стихий и двух устремлений. С разрушением тождества началась их борьба и поочередное доминирование. Эти две тенденции и определяют природу классицизма, с одной стороны, и романтизма — с другой.

Следуя за видимой природой, классическая поэзия облекала «симметрической гармонией» «грубую массу материи», обнажала «ясную простоту» своего предмета; ей более всего приличествовало «выражение скульптурное». Утонченный и невещественный предмет романтической поэзии «исчезал в странах надзвездных, недоступных для внешнего чувства»; воплощаясь, он сближался с живописной смесью радужных цветов. Отсюда ее щегольство, страсть к украшательству, «отсутствие единства, порядка и соразмерности

¹⁵ См.: *Staël-Holstein G. de. De l'Allemagne*. 2me éd. Paris, 1814. Т. 1. Р. 271–278. Отметим, что в концепции романтизма, предложенной Ж. де Сталь, индивидуализм не фигурировал как маркер романтизма.

¹⁶ *Полевой Н. А.* О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах. С. 100, 101. Аналогичную точку зрения Надеждина см.: *Надеждин Н. И.* О современном направлении изящных искусств // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика / Вступ. статья, сост. и комм. Ю. Манна. М., 1972. С. 369; о том же писал Бестужев (см.: *Бестужев-Марлинский А. А.* «Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века». Сочинение Н. Полевого. М., 1832 // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 416–417).

¹⁷ Свою обстоятельную латинскую диссертацию «О романтической поэзии. О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (*Nadezdin N. De poesi romantica. De origine, natura et fati poeseos, quae romantica audit*. М., 1830) Надеждин защитил в 1830 году и в том же году издал переводы отрывков из нее (см.: *Вестник Европы*. 1830. № 1. С. 3–37; № 2. С. 122–151; *Атеней*. 1830. № 1. С. 1–33). В указанном выше издании 1972 года, подготовленном Ю. В. Манном, опубликован полный и, судя по всему, авторский перевод диссертации (см.: *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. С. 498–503; комм. Ю. В. Манна), который и цитируется в настоящей статье. Разумеется, диссертация не была единственным текстом, в котором Надеждин высказывался о романтизме.

в частях»,¹⁸ разгоряченность чувств, фантастичность организации, отвержение границ пространства и времени, а вместе с ними — и Аристотелевых единств.

Располагая классическую и романтическую поэзию на историческом поле, Надеждин отводит первой эпоху Античности, второй — эпоху Средневековья. В Византии он видит «огромный труп» умершего и разлагающегося Древнего мира,¹⁹ окончательно истребленный варварами; вместе с этим миром умерла и классическая поэзия. Эпоха рыцарства, озаренная светом божественной религии, стала эпохой романтизма, XVI столетие — его золотым веком и свидетелем его падения.²⁰ К XVII веку романтическая поэзия уже «скончалась, как и классическая»,²¹ и тогда эстетическая деятельность обратилась вспять, к античной древности, которая к тому времени была уже неплохо изучена. Однако «метемпсихоз поэзии классической», задуманный французским гением, не мог состояться, ибо «век, однажды умерший, не воскреснет». Французский классицизм, навязавший свои законы Европе, был лишь слабым подобием античного искусства, искажившим его черты, давно уже не соответствовавшие историческому состоянию духа человеческого. Опять начались поиски обновления, и, на сей раз из Германии, пришла мысль возродить мир романтический, который «ближе, кажется, и сроднее с духом настоящих времен, чем тот, коим дышит классическая древность, отделенная от нас столь многими веками».²² Но возрожден был лишь призрак, «лже-романтические шарлатаны», отвергнувшие все пределы, законы и правила, создали лишь уродливую карикатуру на романтизм. В числе этих шарлатанов — Байрон, «зловещее знамение» миру.²³

С точки зрения Надеждина, романтизм, как и классицизм, «выражает <...> одну только половинную сторону человечества».²⁴ Бессмысленно восстанавливать лишь одну из них. Следует привести их к «средоточному единству», которое может быть достигнуто «не чрез механическое их сгромождение, но чрез динамическое соприкновение».²⁵

Диссертация Надеждина и опубликованные им отрывки из нее, разумеется, вызвали споры.²⁶ А. Ф. Мерзляков во время диспута выступил в защиту новоевропейского классицизма,²⁷ И. Н. Середний-Камашев — в защиту современного романтизма,²⁸ Н. А. Полевой указывал на нелепость идеи «какого-то соединения романтизма с классицизмом».²⁹ Надеждину, таким образом, возражали по всем его основным позициям.

¹⁸ Надеждин Н. И. О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической. С. 196–198.

¹⁹ Там же. С. 139.

²⁰ Публикуя фрагмент диссертации в «Атене», Надеждин добавил специальное примечание: «...под именем романтической поэзии разумеется здесь везде ни более и ни менее как поэзия средних веков, начавшаяся, при возрождении Европы, прованскими трубадурами и кончившаяся с падением рыцарства, составлявшего душу Среднего мира, и с началом нового порядка вещей, принадлежащего, собственно, последним двум столетиям» (цит. по: Там же. С. 182).

²¹ Там же. С. 215.

²² Там же. С. 231.

²³ Там же. С. 238.

²⁴ Там же. С. 232.

²⁵ Там же. С. 247.

²⁶ См.: Там же. С. 496–498 (комм. Ю. В. Манна).

²⁷ См.: Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. 1887. Кн. 1. № 3. С. 346.

²⁸ См.: Середний-Камашев И. Н. Несколько замечаний на рассуждение г. Надеждина о романтической поэзии // Московский вестник. 1830. Ч. 3. № 9. С. 44–57.

²⁹ См.: П. Н. [Полевой Н. А.]. О начале, сущности и участии поэзии, романтической называемой (лат., рус.). Соч. Н. Надеждина. М., 1830. 146 и V с.; О трагедии греков, французов и романтиков <...> соч. В. Ф. Товарищского. М., 1830. 22 с. // Московский телеграф. 1830. Ч. 33. № 10. С. 233.

Впрочем, Полевой, отвергнувший идею Надеждина в 1830 году, уже в 1832-м осторожно скорректировал свое заявление, оговорив, что сближение романтизма возможно лишь с древней классической литературой, но не с классицизмом французского толка. Отметив это в статье «О романах Виктора Гюго...», он постарался дать в ней четкие определения понятий: «Почитаем необходимым объяснить здесь смысл, в каком принимаем мы слова: *классицизм*, *романтизм*. Классическую литературу мы называем вообще литературу древнюю, то есть греческую и латинскую, и литературу, образованную по ложно понятым основаниям древней литературы, то есть французскую, перенятую у французов другими народами. В самом последнем, ограниченном смысле мы употребляем в статье нашей слово: *классицизм*. Романтическую литературу называют собственно народную литературу христианской Европы средних времен; но вообще можно принимать слово *романтизм* для означения всех литератур Востока и Севера, а также для означения литературы современной, составившейся из соображения древней классической и литератур северных, южных и восточных. В сем смысле говорим мы в статье нашей: *Романтизм*».³⁰

Принципиальное отличие Полевого от Надеждина в том, что романтизм для него — полноправный и, более того, главный участник современного литературного процесса. Относя зарождение романтизма к христианскому Средневековью, Полевой обновленное романтическое движение связывает, как уже говорилось, прежде всего с Францией, где начало ему положил Шатобриан, а торжество обеспечил Виктор Гюго.³¹ Таким образом, в начале 1830-х годов Полевой в целом трактовал романтизм как движение, пришедшее на смену классицизму, и в историческом плане располагал их в однонаправленной временной последовательности. В начале 1840-х его концепция существенно изменилась. Теперь ему представляется, что две эти эстетические доминанты поочередно сменяют одна другую: «Настоящее время есть переход от романтического бурного переворота к времени мирному, к новому, тихому воссозданию прежних положительных идей человечества. Потомки наши доживут опять до времени своего классицизма, а их потомки опять разрушат их создание новым переворотом — в том заключается жизнь человека и жизнь ума его».³² Пусть идея эта предложена с оговорками (новый классицизм должен научиться ценить и Корнеля, и Шекспира), она резко переносит акцент с исторической последовательности направлений на их универсальный характер: романтизм и классицизм предстают как две основные тенденции, поочередно подчиняющие себе мировую культуру.

Через год после появления программной статьи Полевого о романах Гюго в «Московском телеграфе» была напечатана большая статья ссыльного Бестужева о романе самого Полевого (1833. № 15–18). Впрочем, к его анализу автор приступает лишь в самом финале, главное содержание статьи посвящено романтизму. Бестужев дает очень четкое определение, которое резко сближает его версию с той, что предложена Надеждиным: «Надобно сказать однажды навсегда, что под именем романтизма разумею я стремление бесконечного духа человеческого выразиться в конечных формах. А потому я считаю его ровесником душе человеческой... А потому я думаю, что по духу и сущности есть только две литературы: это литература до христианства и литература

³⁰ Полевой Н. А. О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах (Против статьи г-на Шове). С. 108.

³¹ Мощным стимулом к возникновению романтизма Полевой считал Великую французскую революцию (см.: Там же. С. 104–105).

³² Полевой Н. А. Несколько слов о современной русской критике // Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика. С. 333.

со времен христианства <...> В первой преобладают чувства и вещественные образы; во второй царствует душа, побеждают мысли».³³ Идеал вещественно-прекрасного мы находим в древнегреческом искусстве, однако и в эпоху Античности романтизм «оперялся понемногу», развитие шло от Гомера к Платону.³⁴ Древний мир пал, и на его развалинах в Средние века стали прокладываться тропинки, «по коим романтизм вторгался в Европу».³⁵ По мере того, как ветшал феодальный мир, с изобретением пороха и книгопечатания, с открытием Нового Света, с выступлениями протестантов, которые отвергли «вещественность» католичества, «дух зашевелился везде: он рвался на простор, оттого что телу пришлось (так!) чересчур тесно».³⁶ Культура начала «сбрасывать с себя классицизм, как одежду мертвеца»,³⁷ но в то время, когда мир уже получил Данте, Кальдерона, Камюэнса и Шекспира, Франция «замуровала свой ум в гробовые плиты классицизма»,³⁸ опять возобладала вещественность, хотя и возмущаемая такими романтиками, как Руссо.

Обращаясь к России, Бестужев называет первого нашего романтика — это «огнедышащий Державин», с его «дерзостью образов», «новостью форм», с его восторгом, который «сплавлен всегда с грустною мечтательностью».³⁹ Ту же «романтическую мечтательность», а с ней и любовь к родной истории внушил русским читателям Карамзин.⁴⁰ Самобытный Крылов обновил «ум и язык русский во всей их народности».⁴¹ Жуковский пересадил на русскую почву романтизм немецкий, шиллеровский.⁴² Наконец, явился Пушкин, а затем толпы подражателей ему и Жуковскому, и романтизм победил.

Заметим, что круг русских авторов, причисляемых к романтикам, расширен таким образом, чтобы максимально захватывать прошлое: отсчет русского романтизма начинается с Державина. Тем не менее для Бестужева исторический вектор направлен в одну сторону — от прошлого к настоящему, в сторону романтизма. Зарождаясь в недрах Античности, укрепляясь в Средние века, временно отступая в XVII и XVIII столетиях, он, тем не менее, снова берет верх и торжествует в современности. Отдельной строкой Бестужев заявляет: «Мы живем в веке романтизма»⁴³ — и, варьируя этот тезис, повторяет: «Поэт в наш век не может не быть романтиком».⁴⁴ Остается только отметить, что изображаемое Бестужевым направление исторического движения от классицизма к романтизму никоим образом не отменяет того, что он, как и другие его современники, мыслит две эти эстетические доминанты как универсальную диадку, с помощью которой может быть описана вся история литературы.

За десять лет до Бестужева тот же вектор исторического движения пытался наметить Орест Сомов. Признавая общую биполярную картину, он возражал против ограничения романтической поэзии исключительно Средними

³³ Марлинский А. «Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века». Сочинение Н. Полевого. С. 416–417. Первую Бестужев называет литературой судьбы, вторую — литературой воли.

³⁴ Там же. С. 422.

³⁵ Там же. С. 426.

³⁶ Там же. С. 433.

³⁷ Там же. С. 434.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 440–441.

⁴⁰ Там же. 441.

⁴¹ Там же. С. 442.

⁴² В Шиллере Бестужев видит наследника Шекспира, а в Гете — воплощение самой мечтательной, полудемной Германии, «вечно колеблющейся между картофелем и звездами» (Там же. С. 442–443).

⁴³ Там же. С. 415.

⁴⁴ Там же. С. 446.

веками и временами рыцарства, ибо не все народы пережили культуру рыцарства. Поэтому романтической Сомов назвал «новейшую поэзию, не основанную на мифологии древних и не следующую раболопно их правилам».⁴⁵ Исходя из этого он методично очертил круг романтических авторов, появившихся вслед за маврами, в которых видел прародителей романтизма: Ариосто, Тассо, Лопе де Вега, Кальдерон, Шекспир, Спенсер, Мильтон, Байрон, Томас Мур, Вальтер Скотт, Саути, Кольридж, Томас Кемпбелл, Клопшток, Гете, Шиллер, Фредерик Матиссон, Людвиг Тик, Бюргер. По этому списку хорошо видно, что романтизм ни в коем случае не рассматривался как новое литературное течение. Более или менее сходные своей пестротой наборы имен мы встречаем в статьях других авторов того времени.

Очень близкий взгляд намечен и Пушкиным в наброске статьи, озаглавленной так же, как соответствующая глава в книге Ж. де Сталь «О Германии» — «О поэзии классической и романтической» (1825):⁴⁶ романтизм зародился в Средние века; во Франции в эпоху Людовика XIV классицизм взял реванш, но не отменил дальнейшего развития романтизма, к которому Пушкин отнес, в частности, «Орлеанскую девственницу» Вольера. Еще более четко, чем Сомов, Пушкин предложил способ проведения разделительной черты между классической и романтической поэзией: к первой следует относить произведения, форма которых соответствует жанрам, оформившимся в Античности, ко второй — те, «формы» (т. е. жанры) которых «не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими».⁴⁷

Полный обзор всех высказываний современников Пушкина о романтизме и тем более полемик о нем никак не входит в задачу настоящей статьи. Здесь важно было наметить общую тенденцию, которая заключается в трактовке классицизма и романтизма как двух универсальных принципов, через противостояние которых может быть описано все историческое поле европейской культуры. Когда позднее возникло представление о литературных направлениях, последовательно сменяющих друг друга, и «классицизм» и «романтизм» были встроены в их общую цепочку, эти понятия, конечно, не оказались омонимами тех, что употреблялись в 1820–1830-е годы, но отличались от них весьма существенно.

Найдя некий общий знаменатель в трактовках романтизма, возникавших в 1820–1830-е годы, отметим и характерную для них сумятицу разноречивых мнений. Русская ситуация существенно отличалась от той, которая дала возможность Ж. де Сталь высказать свои умозаключения. Многим в книге «О Германии» она, как было сказано, обязана Августу Шлегелю, уже пережившему расцвет йенского романтизма.⁴⁸ Вполне оформившиеся и вполне уникальные философская эстетика и идеология этого литературного течения были той основой, которая позволяла перейти к генерализирующим обобщениям. В России движение шло в обратном порядке: предложенные Ж. де Сталь универсалии становились матрицей, которая прикладывалась к не получившему цельного оформления национальному материалу. Соответствия между тем и другим или отыскивались с трудом, или не отыскивались вовсе, понятия утрачивали отчетливость, хронологические параметры теряли устойчивость.

Одним из примеров, на которых это хорошо видно, могут служить смешение понятий «романтический» и «романический» и вытекающее из их трактовки определение волшебного и фантастического как мотивов, маркирующих принадлежность произведений к романтизму.

⁴⁵ Сомов О. М. О романтической поэзии. С. 23.

⁴⁶ Во французском оригинале: «De la poésie classique et de la poésie romantique».

⁴⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 36.

⁴⁸ Знакомство Ж. де Сталь с А. Шлегелем относится к 1804 году.

Предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» (1824), которое нередко называют манифестом русского романтизма, построено как спор между Классиком и Издателем — приверженцем романтической школы. Диалог начинается со слов Классика о том, что ожидается появление третьей «романтической» поэмы Пушкина.⁴⁹ Это определение не вызывает возражений Издателя, который, таким образом, молчаливо соглашается с Классиком в том, что первой романтической поэмой Пушкина можно считать «Руслана и Людмилу». Между тем, рецензируя за два года до этого «Кавказского пленника», Вяземский аттестовал его как произведение романтическое, написанное «по примеру Байрона в „Child-Harold“». ⁵⁰ Поэзия романтическая, таким образом, трактовалась как восходящая к наследию английского поэта. Казалось бы, ни содержание, ни поэтика байронической поэмы, с одной стороны, и «Руслана и Людмилы», с другой, не имеют между собой ничего схожего, позволяющего поставить их в общий романтический ряд. Мы уже видели, как именно на этой почве возникли разногласия между Воейковым и Перовским. Рассмотрим более внимательно те основания, исходя из которых русские критики могли относить первую пушкинскую поэму к романтизму.

Основной жанровой моделью «Руслана и Людмилы» была выбрана волшебнo-рыцарская поэма, ее главным образцом считался «Неистовый Роланд» («Orlando Furioso», 1507–1532) Л. Ариосто. Этой модели соответствуют фабула, в которой переплетаются истории нескольких героев, участие в событиях волшебников и волшебниц, шуточные авторские комментарии, неожиданные тематические перебивы в сюжетно напряженных местах. Ироническая «реконструкция» русской старины опиралась в области поэтики на поэму Вольтера «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans», 1762), в области сюжетики — на «старинные русские предания», представленные лубочными книжками (в частности, сказкой о Еруслане Лазаревиче), сборником Кирши Данилова, возможно — «Русскими сказками» (1780–1783) В. А. Лёвшина. Известную роль в формировании «Руслана и Людмилы» сыграли русские «богатырские» поэмы конца XVIII — начала XIX века: «богатырская сказка» Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794), «богатырская песнь» Н. А. Львова «Добрыня» (опубл. 1804), «богатырская повесть» А. Х. Востокова «Светлана и Мстислав» (опубл. 1806), «Богатырские повести в стихах» (М., 1801) Н. А. Радищева — «Альшова Попович» и «Чурила Пленкович». Из европейских источников к ним следует добавить «Скандинавскую поэму» Э. Парни «Иснелъ и Аслега» (опубл. 1802; второе изд. 1808).

Вполне очевидно, что все основные опоры, на которых построено здание «Руслана и Людмилы», ничего общего с романтизмом в современном его понимании не имеют. Однако ранняя критика определяла «Руслана и Людмилу» как поэму «романтическую» или «романическую», используя эти термины как синонимы. В большой мере это объясняется тем, что в первых же откликах на поэму была отмечена ее связь с Ариосто, обильно черпавшим материал в средневековых романах. Связь с романным жанром как раз и подчеркивалась термином «романический», а классификация госпожи де Сталь убеждала в том, что все, имеющее средневековый генезис, является романтическим. Кроме того, использование не античных, а национальных фольклорных сюжетов — еще одно основание, следуя ей, зачислить произведение в разряд романтических (вспомним приведенное выше определение романтизма Орестом Сомовым). Но в таком случае к тому же разряду должны были

⁴⁹ В точности его слова звучат так: «Правда ли, что молодой Пушкин печатает новую, третью поэму, то есть поэму по романтическому значению, а по-нашему, не знаю, как и назвать» (Вяземский П. А. Соч. Т. 2. С. 94).

⁵⁰ Там же. С. 45.

бы быть отнесены названные выше поэмы Карамзина, Львова, Востокова, Радищева-сына.

Конечно, здесь сказалось влияние не одной только Ж. де Сталь. Свою лепту внесли немецкие труды XVIII века по эстетике и поэтике, широко интегрированные в систему русского литературного образования первых десятилетий XIX столетия. С ориентацией на них Жуковский еще в 1810 году сообщал А. И. Тургеневу, что задуманная им поэма о Владимире будет «не героическая, а то, что называют немцы *romantisches Heldengedicht*».⁵¹ Как показал в обширном комментарии к «Руслану и Людмиле» О. А. Проскурин, «понятие *romantisches Heldengedicht* (или *Rittereporöe*) ближайшим образом восходило к эстетике Эшенбурга», который «в свою очередь опирался на утвердившееся в европейской теории с XVII в. противопоставление „*poésie héroïque*“ (поэзия, основанная на «правилах» древних, использующая топику поэм Гомера и Вергилия) и „*poésie romanesque*“ (поэзия, заимствующая темы, приемы и персонажей не у античных классиков, а из средневековых романов). К „романтической“ (или «романтической») поэзии относили ренессансные итальянские поэмы Пульчи, Боярдо и Ариосто. В XVIII в. прежде несколько уничижительный термин стал номенклатурным, нейтрально-описательным. Прямого отношения к европейскому „романтическому движению“ конца XVIII — начала XIX в. понятия „*romantisches Heldengedicht*“, „*poésie romanesque* (или *romantique*)“, „*romantic poetry*“ и т. п. не имели, хотя новейшее понятие „романтизм“ и опирается на старый понятийный аппарат».⁵² Зато в сознании русских критиков эти понятия соединились. С наибольшим простодушием об их тождестве писал В. Н. Олин: «Поэзию романтическую можно иначе назвать *романтической*, потому что все обстоятельства, все положения, приличествующие *роману*, приличны также и поэме романтической».⁵³ Более основательное определение, непосредственно связанное с «Русланом и Людмилой», давал в своем словаре Н. Ф. Остолопов.⁵⁴

⁵¹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2019. Т. 15. С. 91.

⁵² Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1. С. 46 (2-я паг.; комм. О. А. Проскурина). Там же дана ссылка на статью, содержащую обширную сводку по соответствующему словоупотреблению (с XVII века до 1810 года): *Baldensperger F.* «Romantique» — ses analogues et équivalents // *Harvard Studies and Notes in Philology and Literature.* 1937. Vol. 19. P. 13–105.

⁵³ Олин В. Н. Ответ г-ну Булгарину на сделанные им замечания к статье «Критический взгляд на „Бахчисарайский фонтан“», помещенной в 7-м номере «Литературных листков» минувшего 1824 года // Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827. С. 206. Из этого Олин делал далеко идущие выводы: «Итак, поэма романтическая есть роман в стихах, или, говоря иначе, роман поэтический. И если план должен находиться в романе, то без сомнения должен находиться также и в поэме романтической; если романист обязан также выдерживать страсти и рисовать характеры, то само собой разумеется, что и поэт романтический не увольняется от сей обязанности» (Там же. С. 207).

⁵⁴ «Поэма *романтическая* есть стихотворческое повествование о каком-либо происшествии *рыцарском*, составляющем смесь любви, храбрости, благочестия и основанном на действиях чудесных. От героической поэмы различается как по содержанию своему, так и по самой форме; ибо содержание в ней бывает всегда *забавное*, а форма, требуемая героическою поэмою, как то в рассуждении приступа, разделения, и даже самого рода стихов, изменяется по воле автора, между тем как в героической требуется непременно последование принятым правилам. <...> Лица, производящие в романтической поэме *чудесное*, суть: духи, волшебники, волшебницы, гномы, исполины и т. п. Аллегорические лица, как то раздор, брань, истина и пр., почти никогда не вводятся; а верховное божество не должно быть представляемо ни в каком случае: сие также составляет отличительный характер сей поэмы от других. Что касается до *единства* места, происшествия и времени, столь строго соблюдаемого в поэмах героических, то можно сказать, что *романтический* автор <...> может иногда нарушать сии правила; от него требуется только точное исполнение главнейшей его обязанности, состоящей в увеселении читателей. <...> В романтической поэме всякий размер употреблен быть может; но, кажется, приличнейшими следует почесть стихи ямбические четырехстопные и даже вольные. На русском языке в *романтическом* вкусе мы

Смешение понятий «романический» и «романтический» было характерно и для Вяземского. В 1816 году в предисловии к «Сочинениям» В. А. Озерова (СПб., 1817), рассказывая о духовной биографии драматурга, он писал, что «чтение романов дало его поэзии цвет романизма, <...> и удивительно, как с таким расположением не искал он для содержания трагедий своих повестей из рыцарских романов». Завершая статью, Вяземский утверждал, что трагедии Озерова, которого он называл «чувствительным поэтом», уже «несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому *романтическому*, который принят немцами от испанцев и англичан», поскольку отступают от правил французской классической традиции.⁵⁵ Можно было бы думать, что в двух этих пассажах говорится о разных вещах, если бы шестьдесят лет спустя, готовя переиздание статьи в составе собрания своих сочинений, Вяземский не повинулся в «Приписке» к ней, что «признал» тогда «слова *романизм* и *романтизм* за слова совершенно однозначные, а они только в свойстве между собою».⁵⁶ Из той же «Приписки», однако, следует, что и в 1876 году Вяземский не вполне разделял эти понятия. Увлечение собственно романтическим движением выражалось, согласно его описанию, в том, что «все бросились в средние века, в рыцарские предания и в легенды, в сумрак готического зодчества, в мистицизм и так далее».⁵⁷

Утвердившееся представление о Средневековье как колыбели романтизма и, соответственно, о средневековых преданиях и легендах как о «романтическом» материале укрепило убеждение в том, что обращение к характерной для этих легенд сфере чудесного, фантастического, волшебного (отличной от античной мифологии) является органичной чертой романтизма. Так был зачислен в романтики Жуковский. Его творчество соответствовало обсуждаемой концепции романтизма сразу по нескольким параметрам: оно было ориентировано на немецкую и английскую литературу; оно вводило читателя в мир фантастического; как автор баллад он обращался к жанру, неизвестному в Античности. С этими особенностями музыки Жуковского Ф. Ф. Вигель уже в 1840-х, по-видимому, годам уверенно связывал само появление романтизма: «Упитанные литературою древних и французскою, ее покорною подражательницей <...>, мы в выборах его (Жуковского. — М. В.) увидели нечто чудовищное. Мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною, да это все принадлежит к сказкам да разве английским романам; вместо Геро, с нежным трепетом ожидающей утопающего Леандра, представить нам бешено-страстную Ленору со скачущим трупом любовника! Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец, даже полюбить их. Не знаю, испортил ли он наш вкус; по крайней мере создал нам новые ощущения, новые наслаждения. Вот и начало у нас романтизма».⁵⁸

Показательно, однако, что в поисках романтических балладных сюжетов Жуковский обращался к литературе, не принадлежащей к романтизму в современном понимании термина. Как известно, в кругу его вдохновителей рядом с Саути и значительно позднее появившимися Уландом и В. Скоттом фигурируют Шиллер и Гете, Г. А. Бюргер и впечатлившийся Шиллером Шпис,

имеем написанную г. Пушкиным поэму „Людмила и Руслан“» (Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 3. С. 28–29). См. также: Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности. СПб., 1820. Ч. 3. С. 304–305, 308–318.

⁵⁵ Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова. С. 16, 33–34.

⁵⁶ Там же. С. 41.

⁵⁷ Там же. С. 40.

⁵⁸ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 342–343.

Голдсмит и друг Дж. Томсона Д. Маллет, А. Шенье и представитель французского рококо Ф.-О. Паради де Монкриф.⁵⁹ Конечно, можно заявить, что под пером Жуковского произведения названных европейских авторов превращались в факт русского романтизма, а если вдобавок к этому отнести источники его баллад к преромантизму, все выстроится в непротиворечивую картину.

О прочно утвердившемся термине «преромантизм» необходимо сказать несколько слов, и прежде всего отметить, что он порожден логикой ретроспективы: если одну из тенденций, доминирующих в эпоху, признанную романтической, мы обнаруживаем в более раннем контексте, романтической эстетике в целом не соответствующем, мы даем этому название «преромантизм». Но последовательное движение по этому пути заводит в тупик. Так, например, народность в глазах всех, писавших о романтизме в 1820–1830-е годы, — такое же неотъемлемое качество романтической поэзии, как интерес к области фантастического. В этом вопросе позднейшие исследователи могут найти твердую опору в высказываниях современников. Но призывы к национальной самобытности раздавались задолго до того, как на страницах русской печати утвердилось слово «романтизм» — и это были призывы совершенно непричастных к нему авторов, таких как М. М. Херасков или А. С. Шишков.⁶⁰ Никакого отношения к романтизму не имело ни обострение национального самосознания в литературе эпохи Отечественной войны 1812 года, ни пробуждение интереса к фольклору (достаточно вспомнить фигуру Н. А. Цертелева — деятельного собирателя фольклора⁶¹ и яростного противника романтизма).

В поисках преромантизма исследователи, как правило, не заходят дальше XVIII века. Но если начать искать его так же тщательно, как разыскивались в интересующую нас эпоху первые ростки романтизма (их находили и у Платона, и у Аристофана), или с тем же усердием, с каким в советское время отмечали ранние проявления реализма, то преромантизм тоже не окажется ограниченным определенной эпохой. Если Шиллера или Шенье можно назвать преромантиками, отчего бы не называть так же Шекспира или Ариосто?⁶²

Описанное положение дел связано, в частности, с тем, что в 1820-е годы в русском понимании романтизма смешивались два разных представления. Согласно первому, романтическая поэзия в течение многих веков существовала в Европе; согласно второму, романтизм был новостью, возникшей в последние десятилетия литературной жизни. В русском контексте второе представление было так же отчетливо выражено, как и первое: и сторонники, и противники романтизма часто характеризовали его как *новое* явление, только что явившееся на смену классицизму.

Понимание русского романтизма как исторической новости возникало в силу естественных причин. Большая часть серьезных русских эстетических

⁵⁹ Не забудем и о балладах на античные сюжеты.

⁶⁰ См., например: *Виноградов В. В.* Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941. С. 548; *Курилов А. С.* Начало теоретического осознания романтизма русской критикой // История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790–1825). М., 1979. С. 163–168.

⁶¹ Подготовленный Цертелевым «Опыт собрания старинных малороссийских песен» (СПб., 1819) стал первым сборником украинской народной поэзии. Уже один этот факт указывает на то, что обращение к фольклору не следует рассматривать как проявление культуры романтизма.

⁶² Ср. замечание Пушкина в адрес неких французских журналистов, которые «относят к романтизму всё, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное. Стихотворение может являть все сии признаки, а между тем принадлежать к роду классическому» (*Пушкин А. С.* О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 36).

трудов, посвященных проблеме романтизма, включала исторический обзор, начинавшийся *ab ovo* — с эпохи Античности. И если европейский романтизм, порожденный Средневековьем, оказывался в такой перспективе отнюдь не новостью, то русский романтизм предстал совсем молодым явлением, в лучшем случае восходящим к Державину, а скорее возникшим лишь в начале 1820-х годов. Это обстоятельство сближает взгляд современников на русскую литературу первой трети XIX столетия с позднейшим убеждением, согласно которому романтизм приходит на смену классицизму. Игнорируя, что оба «направления» в то же время мыслились авторами эстетических трактатов 1820–1830-х годов как универсалии, можно подумать, будто историки литературы находятся в полном согласии с ними. Наложение друг на друга двух хронологически не совпадающих представлений о романтизме порождало двусмысленность, далеко не всегда рефлекслируемую русскими авторами и оставшуюся недостаточно отрефлексированной в исследовательской литературе.

К этой двусмысленности добавляется еще одна: в русской литературной практике романтизм и классицизм существовали на паритетных началах не потому, что классики и романтики разделились на два лагеря, а потому, что реализация «романтических» начинаний чаще всего сопровождалась соблюдением тех или иных фундаментальных «классических» принципов. Можно сказать, что на литературном поле эпохи классицизм и романтизм проявляли себя именно как две равноправные универсалии, находившиеся в том самом «динамическом соприкосновении», о котором писал категорически не принимавший современного романтизма Надеждин. Фактической новостью было не вытеснение классицизма романтической эстетикой, а возникновение разнообразных способов их сосуществования.⁶³

В научной литературе это является общепризнанным лишь по отношению к одному кругу текстов — к так называемой поэзии декабристов.⁶⁴ Отметим некоторые другие проявления той же закономерности, не претендуя в рамках данной статьи на их исчерпывающее освещение.

Тесная связь наших «романтиков» с классицизмом совершенно закономерна. Для авторов 1810–1830-х годов эстетика классицизма в ее просветительской версии была важнейшей составляющей литературного образования. Европейские учебные книги, поэтики, хрестоматии, энциклопедии⁶⁵

⁶³ В известной мере сходная ситуация сложилась в немецкой литературе рубежа XVIII–XIX веков (см.: *Дмитриева Е. Е.* Немецкий классицизм // *Европейский классицизм: Энциклопедический путеводитель. Т. 1* (в печати)).

⁶⁴ Само выделение поэзии декабристов как самостоятельного феномена — еще один результат ретроспективного различения литературной реальности.

⁶⁵ Назовем некоторые издания из числа наиболее популярных: *La Harpe J.-F. de.* *Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne.* Paris, 1798–1799. Т. 1–16 (книга была настольной в пушкинском Лицее); *Batteux Ch.* *Cours de belles-lettres, ou Principes de la littérature.* Paris, 1753. Т. 1–4; *Marmontel J.-F.* *Les éléments de littérature.* Paris, 1787 (в собрании сочинений Мармонтеля, имевшемся в библиотеке Пушкина (*Œuvres complètes de Marmontel.* Paris, 1818–1819. Т. 1–18), страницы разрезаны в шести томах, из которых четыре содержат указанный труд «Основы литературы» — см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. № 1136 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 9–10)); *Sulzer J. G.* *Allgemeine Theorie der schönen Künste.* Leipzig, 1771–1774; *Eschenburg J. J.* *Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften.* Berlin; Stettin, 1783; *Eberhard J. A.* 1) *Theorie der schönen Künste und Wissenschaften.* Berlin, 1783; 2) *Handbuch der Aesthetik für gebildete Leser allen Ständen.* Halle, 1803–1805. Bd. 1–4; *Heinsius O. F. T.* *Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der deutschen Sprachwissenschaft.* Leipzig, 1807–1812. Т. 1–6; *Petite encyclopédie poétique, ou Choix de poésies dans tous les genres / Par une Société de gens de lettres.* Paris, 1804–1806; *Nouvelle encyclopédie poétique, ou Recueil complet de chef-d’œuvres de Poésie sur tous les sujets possibles...* / Par A. Toussaint de Gaigne. Paris, 1778–1781.

и непосредственно использовались в преподавании, и переводились, и служили образцами русских словарей, учебных и справочных пособий.⁶⁶ Русские авторы были прекрасно знакомы и с основами нормативной поэтики, и с античной литературой, и с теми «классическими» европейскими произведениями, которые считались образцовыми как в XVII, так и в XVIII веке. Новые эстетические идеи ложились на этот фундамент. Другим определяющим фактором явилось, так сказать, скоростное овладение этими идеями, при котором несколько разных этапов их европейского развития усваивались одновременно.

Так, например, в Европе повышенный интерес романтиков к национальному своеобразию сформировался как результат определенной линии преемственности. Она особенно отчетливо прослеживается в Германии и восходит к открытию «аутентичной» античности Винкельманом, которого никак нельзя связать с романтизмом, и лишь затем через внимание Гердера, Гете, Шиллера к другим «аутентичным» культурам, включая немецкую, ведет к писателям Йенской и особенно — Гейдельбергской школы. Пафос Винкельмана связан с тем «истинным» классицизмом, который позднее столь многие противопоставляли классицизму французскому; принципы винкельмановской эстетики соответствовали рациональным заветам просветительского классицизма. По замечанию К. Ю. Лаппо-Данилевского, Винкельман создал *аполлинический* образ античности, определивший «представления нескольких поколений о древнегреческой культуре».⁶⁷ К числу таких представлений относятся «благородная простота, спокойное величие»,⁶⁸ единство и целостность образа, заключенного в четкий контур, обобщенный характер изображения. Выдвинутые Винкельманом требования автономной завершенности, цельности и гармоничности образа, несомненно, являются принципами классического искусства, отвергнутыми романтиками: они намеренно освобождали изображаемое от четкости контуров, которые, по их убеждению, заковывают мир в мертвую определенность, по той же причине противопоставляли целостности фрагментарность и т. п.

В Европе от Винкельмана до начала деятельности немецких романтиков прошло несколько насыщенных литературными событиями десятилетий. В России усвоение идей Гердера и освоение наследия Винкельмана происходило практически одновременно, и «классическая» печать ложилась на тексты, обращенные к национальному материалу.⁶⁹ Показательны настойчивые попытки Гнедича (причастившегося к культу Винкельмана в оленинском кружке) и Жуковского воплотить русскую тему в классическом жанре

⁶⁶ См., например: *Греч Н. И.* Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и поэтики и истории словесности. СПб., 1819–1822. Ч. 1–4; *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1–3; *Ручная книга древней классической словесности <...>*, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1816–1817. Т. 1–2.

⁶⁷ *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Русская рецепция идей И. И. Винкельмана: Хронология и специфика // *Древность и классицизм: Наследие Винкельмана в России. Antike und Klassizismus — Winckelmanns Erbe in Russland: Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September — 1. Oktober 2015.* Mainz; Ruppolding; Petersburg, 2017. С. 30. Там же (с. 32–36) см. краткий очерк рецепции идей Винкельмана в России 1791–1825 годов. Подробно о том же см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Gefühl für das Schöne: Johann Joachim Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007. S. 109–258.

⁶⁸ *Винкельман И.-И.* Избр. произведения и письма / Пер. с нем. А. А. Алявиной. [М.; Л.], 1935. С. 107.

⁶⁹ Впрочем, заново понятая античность и в Германии не была оставлена за порогом — она питала творчество великих веймарцев, на ней было сосредоточено внимание Гёльдерлина... Но все это к началу XIX века уже прочно погружено в контекст, далеко ушедший от классицизма двух предыдущих столетий, с которым мало сходствует даже веймарский классицизм.

идиллии. Отталкиваясь от национально-безличной идиллии панаевского (геснеровского) типа, они, с одной стороны, разворачивают ее материал в сторону народности, а с другой, плотно сближают специфику жанра с античностью — не только с Феокритом, но и с Гомером,⁷⁰ с эпически развернутыми описаниями, которые, кроме всего прочего, отвечают принципу пластичности, выдвинутому Винкельмановской классической эстетикой. Дельвиг, воспитанный на образцах античной поэзии и изучавший в Лицее немецких поэтов, впечатленных Гердером, пишет русские песни, которые перемежаются в его творчестве с идиллиями (в них тоже, но далеко не сразу появляется русская тема) и антологической лирикой. Анализируя его русские песни, В. Э. Вацуро заключает, что Дельвиг «подходил к русской народной культуре как к своеобразному аналогу античной культуры <...> Это была своеобразная „антология“ — но на русском национальном материале».⁷¹

Разумеется, классическая компонента вовсе не была обязательным сопровождением при разработке национального материала. Но становилось ли непосредственное обращение к нему признаком «романтических» убеждений? В этом отношении показателен случай П. А. Катенина, который, как автор простонародных баллад, не раз был назван романтиком.⁷² В 1825 году Кюхельбекер писал, что катенинские «Мстислав», «Убийца», «Наташа», «Леший», по большей части написанные в 1814–1815 годах,⁷³ «по сю пору одни, может быть, во всей нашей словесности принадлежат поэзии романтической».⁷⁴ Пушкин в 1833 году, явно имея в виду те же произведения, назвал Катенина «апостолом романтизма», впрочем, от романтизма затем отрекшимся: «...быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования».⁷⁵ Катенин, однако, и в первой половине 1820-х годов работал над «Романсами о Сиде», используя для перевода гердеровскую переработку испанских романсов и поясняя в 1830 году, что при передаче этой «самородной» поэзии необходимо «применяться к обычаям старины, перенестись совершенно в тот быт, забыть на время свое воспитание и предрассудки, им вкорененные...».⁷⁶ Представление о заветах Винкельмана и Гердера Катенин должен был получить еще в 1808–1809 годах, когда был посетителем салона Оленина, и эти заветы не расходились в его понимании с убеждениями классика. Усвоенный им пафос национального

⁷⁰ См.: Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 526, 528, 529. Ориентацией на «гекзаметрическую» «Илиаду» объясняется и выбор гекзаметра в переводах Жуковским идиллий Гебеля (Там же. С. 523), а когда Гнедич избирает для своей идиллии пятистопный амфибрахий, он, по предположению В. Э. Вацуро, видит в этом размере модификацию гекзаметра (Там же. С. 525).

⁷¹ Вацуро В. Э. Антон Дельвиг — литератор // Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 12, 13.

⁷² Напомним, что классификация, предложенная Ж. де Сталь, решительно разводила на разные полюса идиллию и балладу. Идиллия была наследием античности, баллада возникла в христианскую эру, — соответственно, первая понималась как жанр классицистический, вторая — как романтический (именно такой взгляд представлен в статье Пушкина «О поэзии классической и романтической» — см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 36, 37).

⁷³ «Мстислав Мстиславич» датируется 1819 годом, «Наташа» — 1814-м, «Убийца» и «Леший» — 1815-м.

⁷⁴ Кюхельбекер В. К. Разбор Фон-дер-Борговых переводов русских стихотворений // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 493. Впервые: Сын отечества. 1825. Ч. 103. № 17.

⁷⁵ Пушкин А. С. «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 220.

⁷⁶ Катенин П. А. Размышления и разборы // Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 127.

своеобразия он даже готов был с некоторыми оговорками считать чертой романтизма,⁷⁷ но это не было в его глазах причиной отречься от «классических», восходящих к античности правил (ср. его подпись под письмом к Пушкину от 24 ноября 1824 года: «неромантик Павел Катенин»⁷⁸).

Полтора века спустя позиция Катенина была объявлена парадоксальной.⁷⁹ Но ничто не позволяет думать, что сам он считал ее хотя бы противоречивой. Говоря о Петrarке или об Ариосто, Катенин находил в их творчестве черты классицизма и романтизма,⁸⁰ явно считая эти определения универсальными, а отнюдь не относящимися к его собственной эпохе и тем более не встраиваемыми ее в хронологическую перспективу. Более того, он оставил совершенно определенное высказывание по поводу того, что не принимает самого разделения поэзии на романтическую и классическую: «С некоторого времени в обычай вошло делить поэзию надвое: на классическую и романтическую, разделение совершенно вздорное, ни на каком ясном различии не основанное. Спорят, не понимая ни себя, ни друг друга...»⁸¹

Прививку классицистической эстетики можно обнаружить не только при обращении к творчеству того или иного автора. Она ощутима и в разновидностях жанров, имеющих устойчивую репутацию романтических. Такова,

⁷⁷ Ср. его определение романтизма «по Августу Шлегелю», с которым он неустанно polemизирует в «Размышлениях и разборах»: «Краеугольный камень всего Шлегелева здания есть одностороннее пристрастие к тому, что он исключительно почитает христианством, то есть к католицизму, отчего он (как известно) переменял веру; и, войдя, так сказать, в его кожу, должно сознаться, что он логически рассуждает, требуя везде и во всем романтизма, сиречь нравов, обычаев, поверий, преданий и всего быта средних веков Западной Европы» (Там же. С. 72–73). Отметим, что и здесь хронологическими вехами романтизма служат христианская эра и Средневековье, а географической вехой — Западная Европа. Катенин подчеркивает, что в понимании романтизма он держится определения, данного Шлегелем (Там же. С. 73), но его католической ориентации противопоставляет православно-византийскую, подготавливая таким образом утверждение о «не романтическом» характере русской старины: «...все близкое в истории нашей едва ли годно в поэзию, а старина наша отнюдь не романтическая; прибегать же, как многие делают с отчаяния, к Лифляндии, Литве, Польше, Украине, Грузии, мужеством предков или современников приобретенным, значит уже в самом деле слишком дешево менять свягую Русь» (Там же. С. 73).

⁷⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 243.

⁷⁹ Ср.: Фризман Л. Г. Парадокс Катенина // Катенин П. А. Размышления и разборы. С. 9–44. Здесь, в частности, существо «парадокса Катенина» объяснялось тем, что «в 1820-х — начале 1830-х годов в России была создана оригинальная эстетическая система, которая не укладывалась в рамки ни классицизма, ни романтизма, которая отразила своеобразие путей развития русской эстетической мысли и противоречия которой — это противоречия катенинской эпохи, эпохи, когда романтизм терял свою господствующую роль в литературе, уступая ее реализму» (Там же. С. 11). В конце статьи, подводя итоги, Л. Г. Фризман писал, что в основе эстетических построений Катенина «лежала идея необходимости смены романтизма новым искусством, которое синтезировало бы в себе достижения предшествующего художественного развития. Реализм не был назван и описан, но — предугадан» (Там же. С. 42).

⁸⁰ Катенин считает Петрарку классиком в силу «почтения его к древним» (Катенин П. А. Размышления и разборы. С. 95), но его сонеты к Лауре, в которых он уподобился влюбленным рыцарям и трубадурам, — романтическими (см.: Там же. С. 97). Ариосто «там особенно велик и похвал достоин <...>, где он не романтик, а классик» (Там же. С. 107). О романтизме Ариосто: «...все пошли выдумывать новые лица, сражения, любовные повести и связывать их, как поможет бог, с главным происшествием, войною Карла Великого с маврами <...>. Как много прекрасного не вышло в сих романтических поэмах, паче всего в Ариостовой» (Там же. С. 102); чуть ниже «Неистовый Роланд» назван «романтической эпопеей» (Там же. С. 104). И в то же время истинное достоинство Ариосто — в его «любви и почтении к древним», прежде всего — к латинским стихотворцам («Кагулли, Виргилию и Овидию, обязан Ариост за лучшие места своего „Роланда“» — Там же. С. 107, 106). Ср. также высказывание о Боккаччо: «Он первый также, что не так похвально, начал древнегреческих героев рядить в рыцарские костюмы; подражания и переводы сих дурных его романтических поэм сохранили к себе донныне некоторое уважение в Англии...» (Там же. С. 98).

⁸¹ Там же. С. 49.

например, байроническая поэма. Почти обязательное для нее включение обширных описательных фрагментов — актуальное и для самого Байрона наследие классической дескриптивной поэзии, горячо рекомендованной еще в «Поэтическом искусстве» Буало. Начиная с «Кавказского пленника», русские романтические поэмы, которые служат хрестоматийными примерами ломки классицистического канона, написаны в соответствии с выработанной классицистической культурой ориентацией на образец. Они, действительно, ломают канон эпической поэмы XVIII века, но вовсе не потому, что в них отринуты правила — в них просто приняты другие правила, избран другой образец. Его сюжетике и поэтике русская байроническая поэма следует с такой степенью строгости, что если бы блестящее описание этой традиции В. М. Жирмунским представить в сжатом виде, оно могло бы конкурировать с любыми «нормативными» описаниями жанров в каком-нибудь словаре начала XIX века типа остолоповского. Систематическое описание Жирмунского именно потому и оказалось возможным, что жанровый канон соблюдался русскими авторами достаточно строго (и был с большой степенью полноты эксплицирован в современных им критических отзывах).

«Бориса Годунова» автор называл «романтической трагедией» — она очевидным образом опрокидывала канон классицистического театра. Но «Борис Годунов» тоже написан по образцу, прямо названному Пушкиным в «<Письме к издателю „Московского вестника“>»: «...я расположил свою трагедию по системе Отца нашего — Шекспира».⁸² Симптоматично здесь слово «система», предполагающее вполне определенный свод правил, почерпнутый, между прочим, из проникнутых пафосом романтизма «Лекций о драматическом искусстве» все того же Августа Шлегеля.⁸³ Разумеется, следование образцам ни в «Кавказском пленнике», ни в «Борисе Годунове», ни во многих других случаях не было их «рабским воспроизведением». Но этого не было и в классицизме XVII века, иначе Корнель не был бы отличим от Расина, а все комедии Мольера были бы на одно лицо.

За пределами рассмотрения остались пока слишком обширные для одной статьи темы, в частности проза, фантастическая и историческая; особая позиция Лермонтова, на протяжении большей части жизни исключенного волею судеб из того литературного сообщества, в котором так или иначе совместно участвовали почти все критики и писатели; тот творческий способ, каким вошел в это сообщество Гоголь; природа того поэтического языка, который был сформирован эпохой Золотого века... Но думается, сказанного достаточно, чтобы подвести некоторые *предварительные* итоги. Они связаны с двумя обстоятельствами, не позволяющими сказать, что русская литература пережила отчетливо выраженный период романтизма. Во-первых, этому мешает описанная выше двусмысленность в понимании романтизма современниками: восприятие его как нового для России течения, требующего консолидированного самоосмысления, смешивалось с представлением о нем как об одном из двух полюсов, к которым тяготеет многовековое разви-

⁸² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 66.

⁸³ Приведенными двумя примерами связь Пушкина с культурой классицизма, конечно, никак не исчерпывается. Эта связь становилась предметом исследовательского внимания на разных этапах изучения пушкинского творчества — см., например: Пумпянский Л. В. 1) «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 158–196; 2) Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Там же. С. 210–219; Ивинский Д. П. От романтизма к классицизму: К вопросу о литературной позиции Пушкина // Ивинский Д. П. О Пушкине. М., 2005. С. 5–23.

тие всей европейской словесности. Во-вторых, на это накладывалось сосуществование тех же двух универсальных начал в рамках литературного поля эпохи: поэзия классическая и романтическая развивались в русской литературе первой трети XIX века в теснейшем единстве. Линия размежевания «старого» и «нового» не проходила по границе классицизма и романтизма. И если лагерь «староверов» отрицал достоинства «нового романтизма», то те, кого называли романтиками, завоеваниями поэтики классицизма ни в коем случае не пренебрегали. Если бы романтизм хотя бы в нескольких значимых точках проявил себя как отчетливо доминирующая тенденция, не прозвучал бы широко известный недоуменный вопрос Вяземского: «Романтизм как домовый: многие верят ему; убеждение есть, что он существует, но где его приметы, как обозначить его? Как наткнуться на него палец?»⁸⁴ Это написано в декабре 1824 года, когда Вяземский, деятельно отстаивавший права романтизма, уже выступил с программным предисловием к «Бахчисарайскому фонтану». Можно было бы сказать, что к этому моменту еще не весь потенциал русского романтизма был развернут. Но и полвека спустя, бросая ретроспективный взгляд на ушедшую эпоху, Вяземский не мог вложить в определение романтической поэзии конкретного содержания. В его «Приписке» 1876 года к статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» читаем: «...в то время значение *романтизма* не было вполне и положительно определено. Не определено оно и ныне. Под заголовком романтизма может приютиться каждая художественная литературная *новизна*, новые приемы, новые воззрения, протест против обычаев, узаконений, авторитета, всего того, что входило в уложение так называемого классицизма, — вот и романтизм...»⁸⁵

(Отметим в скобках, что в 1830 году было создано произведение, в котором сведены на общей территории принципы классицизма и романтизма. Речь идет о трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». Уже приходилось писать о том, что в ее героях воплощены два типа культуры.⁸⁶ Монологи Сальери дают образцы поэтики классицизма: герой эксплицирует себя в слове, сполна предъявляя читателю и зрителю свои страдания, намерения и опасения. Совсем иное — речь Моцарта: недоговаривающая, иносказательная, намекающая, суггестивная, она звучит именно так, как описывали стилистику романтической речи ее недруги, негодовавшие по поводу темного, неудобопонятного, лишённого однозначной определенности новейшего поэтического языка.⁸⁷ Пушкин представляет классическую и романтическую культуры как явственно различенные. Но, оставаясь контрастными и конфликтными, эти начала неотторжимы друг от друга: целое драмы они формируют

⁸⁴ Из писем князя Вяземского к Жуковскому // Русский архив. 1900. Кн. 1. № 2. С. 193.

⁸⁵ Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова. С. 40.

⁸⁶ См.: Беляк Н. В., Виралайнен М. Н. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новейшей европейской истории (Судьба личности — судьба культуры) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1991. Т. 14. С. 82.

⁸⁷ «Легкие намеки, туманные загадки — вот материалы, изготовленные романтическим поэтом», — говорит Классик Издателю в «Разговоре...», предпосланном Вяземским первому изданию «Бахчисарайского фонтана» (Вяземский П. А. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова // Вяземский П. А. Соч. Т. 2. С. 99). Классик здесь повторяет претензии, уже не раз высказанные противниками романтизма, которые упрекали «молодых наших авторов» в том, что их сочинения «ближе всего к шарадам» (Цертелев Н. А.]. Отрывки из моего журнала // Благонамеренный. 1823. Ч. 23. № 13. С. 66; подпись: Житель Васильевского острова), в том, что у них отсутствует логическая точность (см.: [Цертелев Н. А.]. Спор // Благонамеренный. 1820. Ч. 9. № 6. С. 391–397; та же подпись), в том, что они приняли за правило «половину слов, необходимых для смысла, пропускать, оставляя догадываться читателем» ([Федоров Б. М.]. Разговор о романтиках и о «Черной речке» // Благонамеренный. 1823. Ч. 23. № 15. С. 179–180; подпись: Д. В. р. ст-в) и т. п.

совместно. Быть может, сама пушкинская идея и столкнуть, и навеки соединить в одном произведении два современных ему типа культуры знаменует то неразъемлемое единство, в каком они в то время существовали. Не будем настаивать на подобной интерпретации — скорее используем ее как метафору, уподобляющую поэтику трагедии совмещению двух опровергающих друг друга, но и нуждающихся друг в друге начал словесного творчества 1810–1820-х годов.)

Как кажется, романтическая культура развивалась в России до тех самых пор, пока действенными оставались принципы классицизма.⁸⁸ По мере того, как угасало жанровое сознание,⁸⁹ исчезал интерес к наследию античности, вытеснялась на периферию сама царившая в классицистической культуре поэзия, постепенно гасли и те краски, которыми был так или иначе означен романтизм.⁹⁰ Достаточно вспомнить краткий век русской фантастической повести. Следующая литературная эпоха обратилась к неовозделанной эстетическим сознанием действительности (возникали, конечно, и новые фильтры ее восприятия, но ими становились прежде всего философские и исторические концепции). Высокая эстетика классицизма и творческие установки романтизма отличались одним общим качеством: они создавали суверенные художественные миры — и потому вместе ушли со сцены, когда автономия этих миров перестала цениться и литература начала искать прямые выходы к реальности.

⁸⁸ Не случайно в 1842 году Герцен пропел романтизму и классицизму общую отходную: «...тяжба романтизма и классицизма, так волновавшая умы и сердца в первую четверть нашего века (даже и ближе) <...> сошла с ними <...> в могилу <...> А давно ли этот бой, шумно начавшийся, блистал во всей красе? Много было талантов на арене; общественный голос участвовал живо, деятельно; нынче избитые имена „классик“, „романтик“ были многозначительны — и вдруг все замолкло; интерес, окружавший сражавшихся, исчез; зрители догадались, что и те и другие сражаются за мертвых...» (*Герцен А. И. Дилетантизм в науке // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 3. С. 24–25*).

⁸⁹ Черта классицистической эстетики, актуальная на протяжении 1810–1830-х годов.

⁹⁰ Можно было бы сказать, что романтизм оставил в наследие следующей эпохе принципы историзма и народности. Но к истории была обращена вообще вся русская словесность начиная с XI века, и интерес к национальным основаниям культуры тоже не был впервые принесен романтическими веяниями. На разных этапах так называемые историзм и народность просто получали разный характер, интересующая нас эпоха была всего лишь одним из таких этапов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ. СЛУЧАЙ Я. А. ГАЛИНКОВСКОГО

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-25-47

© М. Э. БАСКИНА

«АРХАИСТ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ» Я. А. ГАЛИНКОВСКИЙ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ

Литературная биография Якова Андреевича Галинковского (Галенковского) (6 (17) октября 1777 — 16 (28) июня 1815), скоропостижно умершего в 38 лет, ограничена переходной эпохой 1790–1810-х годов. Он принадлежит к тем ее деятелям, кто не успел к «золотому десятилетию» Н. И. Новикова и сошел с литературной сцены, не перейдя в новую эпоху. Единственная институализированная литературная связь Галинковского, в последние годы жизни, — с «Беседой любителей русского слова»; в протоколах «Арзамаса» он не удостоился личного насмешливого эпитета и был отмечен в 1815 году С. П. Жихаревым только как собирательный знак ничтожных, дежурно презираемых архаистов: «Политковские и Галинковские». ¹ Упоминания Галинковского в работах по истории литературы опираются прежде всего на фундаментальную статью о нем Ю. М. Лотмана. ² Лотман рассматривает небольшую и тогда совершенно забытую литературную фигуру Галинковского в рамках системы карамзинизма / анти-карамзинизма: романы Галинковского конца 1790-х годов — подражание входившему в моду чувствительному стилю Карамзина; под влиянием последующей близости с «Дружеским литературным обществом» Андрея Тургенева происходит формирование критической позиции по отношению к творчеству Карамзина. Реакция современников на главный труд Галинковского, компилятивную, в основном переводную эстетическую энциклопедию «Корифей, или Ключ литературы» (1802–1807, 2 части, 11 выпусков), состояла, в изложении Лотмана, в резкой критике, исходившей из лагеря карамзинистов, П. И. Макарова и И. Рихтера, а анонимные статьи Галинковского 1805 года в журнале «Северный вестник» представляли собой ответ на нее и «широкую критику карамзинизма

¹ Арзамас и Арзамасские протоколы / Вводная статья, ред. и прим. М. С. Боровковой-Майковой; предисловие Д. Благого. Л., 1933. С. 100. Ср. также, вероятно, притворные воспоминания Жихарева, который сам когда-то был «беседчиком», о том, что он в 1807 году не знал Галинковского, и его небрежную аттестацию как «автора какой-то книги для прекрасного пола под заглавием „Утренник“», в которой лучшими статьями можно почтеть не собственно включенные в нее сочинения автора, а «Белые листы для записок на 12 месяцев» (Жихарев С. П. Записки современника / Ред., статьи и комм. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1955. С. 348). Эта характеристика, впрочем, отражает низкий литературный статус Галинковского среди современников (ее, повторил Жихарева, использовал Ю. Н. Тынянов в романе «Пушкин» (Л., 1976. С. 150)).

² Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 230–256. Эта статья с сокращениями и без принципиальных изменений послужила основой для статей Лотмана о Галинковском в «Словаре русских писателей XVIII века» (Л., 1988. Вып. 1. С. 192–194) и биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1989. Т. 1. С. 515–516). Значимые, основанные на архивных материалах дополнения к статье Лотмана о Галинковском сделаны в работе С. Д. Дзюбанова «Родственное окружение Е. Я. Бастидон (первой супруги Г. Р. Державина)» (Г. Р. Державин и его время. СПб., 2011. Вып. 7. С. 77–82, 91–96).

как направления».³ Описание позиции Галинковского как анти-карамзинистской вкупе с его членством в «Беседе», кажется, исчерпывающе фиксирует его место в истории литературы — ретрограда, которого «нападки карамзинистов сопровождали <...> до могилы, утвердив за ним славу бездарного педанта».⁴

Впрочем, в статье 1959 года Лотман отметил те точки, где позиция Галинковского-критика выходит за рамки анти-карамзинизма (в статьях в «Северном вестнике» Галинковский, будучи недоволен вообще фактом «чиновной» иерархии в «республике литературы», обещал «бранить» не только Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева и П. И. Шаликова, но и А. С. Шишкова, Г. А. Глинку, П. И. Голенищева-Кутузова и др.), а также признал, что воззрения, сформулированные в «Корифее», «обладали чертами, отделяющими их от принципов будущего руководителя „Беседы“ не менее решительно, чем от принципов карамзинистов».⁵ Так, представление Галинковского о гении имеет преромантический характер, интерес к Шиллеру и Шекспиру сближает его с Андреем Тургеневым. Лотман отмечает оригинальность взгляда Галинковского на отечественную литературу недавнего прошлого, в частности, весьма сочувственные отзывы о Третьяковском, в духе радищевских.⁶ Патристически окрашенный интерес Галинковского к античности, а также перевод древних авторов безрифменным белым стихом позволяют Лотману связать его с позже высказавшими сходные мысли Н. И. Гнедичем и А. Ф. Мерзляковым и т. д. Таким образом, и те элементы позиции Галинковского, которые выходят за рамки системы анти-/карамзинизма, описываются через аналогии со взглядами других, более крупных писателей. Это обычный историко-литературный способ рассмотрения таких небольших фигур переходного времени: на них смотрят, фокусируясь на более заметных деятелях эпохи и связанных с ними полемиках и направлениях. В результате при сокращенном изложении литературной биографии Галинковского на поверхности остаются только эти самые возвышенные общие точки историко-литературной схемы — черты его сходства с ними и критика в его адрес — сам же он буквально исчезает из виду: не будучи автором «первого разряда, <...> тем не менее подошел к разрешению самых существенных литератур-

³ Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 236–237. Позже В. Э. Вацуру в статье об И. И. Дмитриеве заострил эту интерпретацию статей Галинковского, назвав их «сигналом к открытой полемике» с «карамзинизмом» (Вацуру В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Вацуру В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 23 (впервые: XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 139–179)), Лотман тогда же утрировал свою позицию, оценив выступление Галинковского как «по значению в истории критики равное статьям Макарова в защиту карамзинистов» (Лотман Ю. М. Галинковский Яков (Иаков) Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 194), с чем трудно согласиться, имея в виду ничтожный литературный вес Галинковского. Н. И. Мордовченко в своем фундаментальном обзоре русской критики не обнаружил в выступлениях Галинковского сколько-нибудь широкого и принципиального значения и упомянул начавшее критический цикл письмо издателю «Северного вестника» лишь как «запрос со стороны одного из читателей», вызванный, возможно, тем, что «в течение первого года издания „Северного вестника“ отдел рецензий и критики был довольно широко представлен в журнале, но вот на второй год издания рецензии стали появляться значительно реже» (Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М., 1959. С. 70). В. Д. Левин также не увидел в этих анонимных статьях значения, выходящего за рамки позиции «Северного вестника», и предположил, что их автором мог быть сам издатель журнала И. И. Мартынов (Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. (Лексика). М., 1964. С. 267, прим. 315).

⁴ Лотман Ю. М. Галинковский Яков (Иаков) Андреевич. С. 193.

⁵ Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 240.

⁶ Об этом см. также: Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 305–307.

ных проблем его эпохи»;⁷ «не будучи фигурой, отмеченной печатью крупного таланта или резкой самобытности, <...> тем не менее представляет интерес как писатель и критик, отразивший литературные воззрения переходного времени»;⁸ литератор, «в 1800-е гг. резко порвавший с карамзинской традицией и быстро сблизившийся с кругом А. С. Шишкова».⁹

Попробуем сначала подвергнуть ревизии утверждения об идейно определяющей связи Галинковского с «Дружеским литературным обществом» Андрея Тургенева и «Беседой» как кругом Шишкова. Лотман признает, что «скудость источников не позволяет в полной мере восстановить характер взаимоотношений Галинковского и ведущих членов „Дружеского литературного общества“», однако утверждает: «...упоминания в дневнике Андрея Тургенева говорят о дружеской близости. Вместе с Андреем Кайсаровым Тургенев бывал вечерами у Галинковского».¹⁰ Источников для утверждения о дружеской близости действительно слишком мало (и вовсе нет сведений о том, что Галинковский участвовал в заседаниях общества в его основной, московский, период): в архивных материалах Андрея Тургенева обнаруживаются процитированное Лотманом его письмо А. Ф. Мерзлякову и В. А. Жуковскому от 21 декабря 1801 года с упоминанием о том, как вместе с братьями Кайсаровыми и Д. М. Юзefовичем они провели у Галинковского «прекрасный, прещастливый вечер, которым единственно обязаны нашему бывшему Собранию»,¹¹ а также упомянутая, но не процитированная Лотманом запись в дневнике Андрея Тургенева от 8 декабря 1801 года, которая оказывается весьма лаконичной: накануне «на вечер поехал с Кайс<аровыми?> к Галинковскому, у которого провели время довольно приятно».¹² Вполне вероятно, что речь в обеих записях идет об одном и том же вечере, проведенном в гостях у Галинковского в Петербурге в начале декабря 1801 года (когда «Дружеское общество» уже перестало существовать), что вряд ли дает основание для утверждения об идейно и лично значимой близости.

Описание позднейшей позиции Галинковского как перехода в «круг А. С. Шишкова»,¹³ основанное на членстве в «Беседе», также нуждается в уточнении. Галинковский, что было отмечено Лотманом,¹⁴ сошелся с Г. Р. Державиным до возникновения «Беседы»: в апреле 1804 года он составлял выписки «по разным предметам словесности»¹⁵ для его итогового литературно-теоретического труда «Рассуждение о лирической поэзии, или об оде». В июле 1806 года Галинковский женился на Марии Феофилактовне, по первому мужу Бастидон, вдовой племяннице первой жены Державина,¹⁶ таким образом войдя в широкий родственный круг поэта поздних лет его жизни. Дружеский кружок, собиравшийся вокруг Державина с 1804 года, перерос в «Беседу», куда Галинковский перешел, видимо, прежде всего как родственник и помощник Державина. В «Беседе» ему было поручено делать то же, что он уже делал для Державина, — «извлечения из общего круга литературы»¹⁷

⁷ Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 254.

⁸ Там же. С. 256.

⁹ Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. С. 305.

¹⁰ Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 232, 241.

¹¹ ИРЛИ. Ф. 309. № 4759; цит. по: Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 233.

¹² ИРЛИ. Ф. 309. № 272. Л. 16.

¹³ Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. С. 305.

¹⁴ Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 254.

¹⁵ РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин). Оп. 1. № 5. Л. 231; Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 254.

¹⁶ Дзюбанов С. Д. Родственное окружение Е. Я. Бастидон. С. 77.

¹⁷ Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 11. С. 20–21.

и, прежде всего, быть одним из сотрудников Державина в его работе над «Рассуждением о лирической поэзии». Таким образом, и в «Беседе» он оставался «в неизвестном и бесславном круге собирателя»,¹⁸ а среди ее членов — фигурой неважной и служебной.¹⁹ Следует также учесть, вероятно, сильную личную обиду Галинковского на Шишкова, который в своем знаменитом «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803) в качестве одного из примеров того, как новые переводчики, не зная многих слов «природного языка своего», прибегают к калькам с французского, упомянул о «книжке, называющей себя *опытом всеобщей словесности, и первою классическою на русском языке*» — т. е. о «Корифее» — и, издевательски разобрав рассуждение Галинковского о центральном понятии его труда, «литературе», отпустил по поводу этимологического перевода «*littérature*» на русский словом «письменность» (вместо «словесность») известную шутку, что «письменность» «в российском языке столь же обширный смысл имеет, как *полотненность, бумажность, грибовность* и проч.»²⁰ Кроме того, Галинковский прямо высказал претензию к Шишкову, публикуя в 1813 году в «Чтениях в Беседе...» свой перевод первой эклоги Вергилия и сопровождавшее его «Письмо к издателям академического журнала: *Сочинения и переводы*, писанное 26 декабря 1804 года», за то, что тот в свое время, в 1804 году, не передал в Российскую академию это тогда новаторское сочинение.²¹

¹⁸ Корифей. 1803. Ч. 1. № 6. С. 182 нenum. В. А. Западов в статье «Работа Г. Р. Державина над „Рассуждением о лирической поэзии“» (XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 232–233) упоминает Галинковского среди сотрудников Державина по этой работе, однако ссылается только на сообщение в «Записках о словесности» Д. И. Хвостова о чтении Державиным своего «Рассуждения» в «Беседе» в марте 1811 года, после которого был создан «комитет» из А. Ф. Лабзина и Галинковского для исправления и сокращения трактата. Однако в папке «Разные бумаги, относящиеся к „Беседе“» архива Державина (РНБ. Ф. 247. Оп. 1. № 5) первые выписки Галинковского «по разным предметам словесности» датированы еще апрелем 1804 года, также его рукой сделаны многочисленные вставки, библиографические справки, включающие отсылки к «Корифею», и маргиналии к «Рассуждению о лирической поэзии», «Рассуждению об оде» и «Продолжению опыта о лирической поэзии» Державина, составлена «Записка о лучших изданиях Пиндара и Горация». Критическая оценка Д. И. Хвостовым «Рассуждения» Державина: «...слепок несообразный из разных учебных книг, а большею частью из немецких эстетик, <...> перевод из слова в слово аббата Батте (Batteaux), но умноженный или, лучше сказать, разжиженный неосновательными понятиями и ложными заключениями русского сочинителя» (Из архива Хвостова / Публ. А. В. Западова // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. С. 370, 375), — видимо, в большой степени на совести Галинковского и разительно напоминает его «Корифей».

¹⁹ Помещенные в «Чтениях в Беседе...» за 1813 год две статьи Галинковского и перевод из Вергилия сопровождалась особыми пометами, что «при посетителях» они прочитаны не были, в протоколах заседаний «Беседы» выступления Галинковского не зафиксированы (*Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова*. С. 216).

²⁰ [Шишков А. С.]. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. [2-е изд.]. СПб., 1813. С. 296–298. В статье Лютмана о Галинковском, где акцент сделан на его критике из лагеря карамзинистов, критика Шишкова не упомянута.

²¹ См.: *Галинковский* [Я.]. Перевод первой Виргилиевой эклоги древним размером // Чтение в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 10. С. 135. Для 1804 года мысль Галинковского о переводе древних авторов белым безрифменным стихом, которую он возводил к «Телемахиде» Тредиаковского, «Мессиаде» Клопштокa, античным переводам И. Г. Фосса и белому драматическому стиху Шекспира и Мильтона (Там же. С. 121–126), и сделанные им соответствующие опыты перевода (ср. также переводы безрифменным стихом фрагментов из «Бури» Шекспира (Корифей. 1803. Ч. 1. Кн. 2. С. 103), «Потерянного рая» Мильтона (Там же. 1807. Ч. 2. Кн. 11. С. 55–57, 61–62, 75–76), стилизацию стихов Сафо (Утренник прекрасного пола, содержащий сочинения в стихах и прозе... Сочинение Я. А. Галинковского. СПб., 1807. С. 49–50)) были новаторством, опередившим аналогичные опыты А. Х. Востокова, Н. И. Гнедича, А. Ф. Воейкова (см. об этом статью А. В. Волкова в наст. изд. — *ред.*). Однако в 1813 году, когда «Письмо» наконец попало в печать, все это уже воспринималось как повторение сказанного гораздо более основательно в «Опыте о русском стихосложении» Востокова. Галинковский одобрительно упо-

Таким образом, ранняя тесная связь Галинковского с «Дружеским литературным обществом» основательно не подтверждается, а поздняя, с «Беседой», имеет характер преимущественно родственной, а не идейной, кружковой приверженности. Кроме того, эти влияния почти не касаются центрального периода в литературной судьбе Галинковского — издания им в 1802–1807 годах «Корифея». Видимо, для описания небольшой, чуждой литературным объединениям фигуры Галинковского нужно перестроить литературную оптику, использовать неиерархический расфокусированный взгляд, который предложил тот же Лотман для характеристики целого ряда авторов переходной эпохи 1790–1810-х годов, удаленных от литературных «вершин»: «...идеологические и историко-литературные классификации лишь отчасти объясняют реальное расположение сил в глубине литературной жизни конца XVIII — начала XIX века. <...> Чем дальше от литературных „вершин“, тем труднее построить покоящуюся на единых логических основаниях всеобъемлющую классификацию», объединяющий признак приходится искать не в отчетливой литературной позиции и организационной принадлежности, а в пестрой социальной материи «дружеских связей, определяемых порой довольно случайными причинами, симпатий, вызванных общностью социальных эмоций, типом воспитания, службой», принадлежности к «одному, в достаточной мере расплывчатому провинциальному культурному „гнезду“, в ситуативном объединении вокруг какого-то журнала, в «принадлежности к недворянской культуре переходного времени» и вообще в «индивидуальных особенностях <...> судьбы».²²

Галинковского можно отнести к тем, кто действовал на литературной сцене только в связанное с поздним русским классицизмом и Просвещением начало александровского царствования, после чего сошел с нее по одной из причин: умерев, пережив поприще на ученое, чиновничье или военное, потопив свой дар «в вине или лучше сказать в водке» или «зарыв в деревне».²³ Это ярко своеобразные поэты С. С. Бобров и М. В. Милонов, погубленные «несчастной страстью излишнего служения Вакху»; основатели ВОЛСНХ — рано умерший И. П. Пнин, И. М. Борн, сменивший филологические занятия на роль учителя в семействе принца Ольденбургского и долгие годы находившийся с ним в Германии, В. В. Попугаев, пропавший с литературного горизонта и предположительно закончивший свои дни в Твери. Из тех членов «Дружеского литературного общества», с которыми Галинковский сохранил связь, Д. М. Юзефович посвятил себя армии,²⁴ а А. С. Кайсаров выбрал университетскую ученую карьеру.²⁵ Ближайшим общим определением для них будет

минает труд Востокова (Галинковский [Я.]. Перевод первой Виргилиевой эклоги древним размером. С. 136; впервые «Опыт» опубли.: Санкт-Петербургский вестник. 1812. № 4–6), Востоков же, переиздавая «Опыт» в 1817 году, включил в него резкую критику Галинковского (Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817. С. 52–53).

²² Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810 годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 59–60 (Библиотека поэта. Большая сер.). Лотман говорит тут о Н. Н. Сандунове, А. Ф. Мерзлякове, Н. И. Гнедиче, И. А. Крылове, В. Т. Нарезном, М. В. Милонове, В. В. Попугаеве, И. П. Пнине, А. Х. Востокове, И. И. Мартынове, С. С. Боброве.

²³ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 358. Галинковский умер от простуды, см. некролог: Кабинет Аспазии. 1815. Кн. 5. С. 107–110; см. также: Дзюбанов С. Д. Родственное окружение Е. Я. Бастидон. С. 82.

²⁴ Галинковский был знаком с Юзефовичем по «Дружескому литературному обществу»; о том, что знакомство было продолжено, свидетельствует последнее выступление Галинковского в печати — анонимный перевод «Песнь дифирамбическая победоносному Александру на вшествие в Париж...» (СПб., 1814), сделанный, как указал переводчик, по просьбе Юзефовича и напечатанный на его средства.

²⁵ С братьями Кайсаровыми Галинковский также был знаком по «Дружескому литературному обществу», а в 1805 году дал анонимный положительный отзыв о немецкой диссертации

предложенная Лотманом формула «архаисты-просветители»²⁶ или те, кто принадлежал «культуре вчерашнего и завтрашнего дня».²⁷

Внутри этого «безымянного сообщества», «сообщества одиночек»,²⁸ Галинковский должен быть отнесен к типу «неудачников» или, как он сам пишет в связи с высоко им ценимым, в противоположность общим насмешкам, В. К. Тредиаковским, «несчастливым» авторам.²⁹ Также представляются значимыми обстоятельствами его принадлежность к бедному малороссийскому дворянству, семинарское образование, служба до конца жизни на чиновничьих должностях, «весьма маловажных и принятых им по случаю <...> по худым его обстоятельствам, по неимению никакого покровительства и состояния»,³⁰ а также то, что он был человек не светский (как говорилось в единственном, кажется, некрологе Галинковскому, он был «скромным любителем уединения», который собрал «прекрасную библиотеку» и «редко оставлял свой кабинет»³¹ или, как он сам писал о Сафо: она не имела «многих тех маловажных (светских. — М. Б.) приятностей» и имела «эту ученую неловкость, которая делала все ее поступки жеманными и неразвязными»³²).

Можно выделить несколько лиц, которые достоверно составляли небольшой круг культурно значимых знакомств Галинковского в основной, связанной с «Корифеем»,³³ период его литературной деятельности. Первым покровителем Галинковского был Д. П. Трошинский (1749–1829), крупный сановник александровского царствования, малороссиянин и патрон многих малороссийских литераторов и художников, в частности В. В. Капниста. Важные перемены в судьбе Галинковского начались именно с перехода на службу в канцелярию главного директора почт Трошинского и с переезда в августе 1801 года из Москвы в столицу:³⁴ уже в начале 1802 года в свет вы-

А. С. Кайсарова «Versuch einer Slavischen Mythologie» (Северный вестник. 1805. Ч. 8. № 11. С. 123–141). Впрочем, к этому времени близкая личная связь, видимо, уже прервалась: Александр Тургенев, сообщая Кайсарову о рецензии, не знал, кто ее автор, и невысоко оценил: «Недавно в „Северном Вестнике“ написал кто-то рецензию на всех Русских Авторов нынешних, где по обыкновению бранит Карамзина и Дмитриева даже <...> одно только, что есть в ней умного и справедливого, это то, что он похвалил твою книжку...» (Архив братьев Тургеневых. М., 1911. Вып. 2. С. 345).

²⁶ Лотман Ю. М. Архаисты-просветители // Лотман Ю. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 1. С. 250 (впервые: Тыняновский сборник. Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 192–207). В другой статье Лотман пишет о «культурных кругах, близких Боброву», упоминая Гнедича, Востокова, Мерзлякова и Галинковского (Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1992. Т. 2. С. 493).

²⁷ Там же. С. 345–347.

²⁸ Ср. попытки определения таких сообществ в XX веке: Петровская Е. В. Безымянные сообщества. М., 2012; Ямпольский М. Б. Сообщество одиночек: Арендт, Беньямин, Шолем, Кафка // Новое литературное обозрение. 2004. № 3. С. 78–105.

²⁹ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 229.

³⁰ Из служебной записки Галинковского 1808 года (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. № 209. Л. 6–9), цит. по: Дзюбанов С. Д. Родственное окружение Е. Я. Бастидон. С. 91.

³¹ Кабинет Аспазии. 1815. Кн. 5. С. 107–110.

³² Утренник прекрасного пола. С. 42.

³³ См. роспись содержания «Корифея»: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2006. Т. 3. Журналы (З–М). С. 131–137.

³⁴ Из почтового ведомства Галинковский в мае 1805 года перешел письмоводителем в канцелярию Государственного совета — вероятно, вслед за своим патроном Трошинским, ставшим главой Совета, и далее сохраняя эту должность и жалованье, совмещая ее сначала, с июля 1808 года, когда прекратилось казенное финансирование «Корифея», с должностью уездного смотрителя училищ в Луге, а с 1813 года еще и столоначальника в Провиантском департаменте Военного министерства. По словам его вдовы, просившей в 1823 году о выделении пенсiona, «несушные труды», «сопряженные с отправлением в одно и то же время с 1808 двух, с 1813 трех особых должностей при других ученых его занятиях переводами и собственными сочинения-

шел первый 250-страничный том составлявшегося им единолично «опыта всеобщей словесности» с пышным заглавием «Корифей, или Ключ литературы». Опубликованные С. Д. Дзюбановым архивные материалы отвечают на вопрос, каким образом «Корифей» — фундаментальная затея никому в литературном и ученом мире не известного мелкого чиновника и литератора³⁵ — получил казенное финансирование, которого хватило на пять лет издания. «Его Императорское величество, — сообщал Галинковский в служебной записке 1807 года, — по прочтении программы сего издания, представленной докладчиком его превосходительством Трощинским, изволил повелеть печатать оное на счет Кабинета, а издателю при поднесении 1-й книжки всемилостивейше пожалован перстень бриллиантовый».³⁶ Подробно изложенный во вступлении замысел первой, «дидактической», части издания³⁷ был полностью воплощен, в 1802–1803 годах вышли все запланированные шесть книг: «Кляня, или История», «Мельпомена, или Трагедия», «Талия, или Комедия», «Эвтерпа, или Музыка», «Терпсихора, или Пляска» и «Каллиопа, или Поэзия». Пестрый состав первых томов и часто дилетантский характер собственных замечаний Галинковского, который пытался говорить с молодым, не знающим иностранных языков «соотчичем» «не тоном правил, но легким слогом собеседника»,³⁸ вызвали убийственную критику П. И. Макарова,³⁹ создавшую «Корифею» репутацию труда, который сразу был «осужден на изгнание» из числа книг.⁴⁰ Вторую часть Галинковский сделал не занимательной, как предполагал в начале, а напротив, более конвенциональной и почти свободной от его собственных оценок и соображений.⁴¹ Книжки «Корифея» предполагалось выпускать каждые полтора месяца, однако выход томов был нерегулярным и постоянно замедлялся, в 1807 году издание прервалось с прекращением финансирования.⁴²

ми», «преждевременно ослабили его здоровье и ускорили его смерть» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. № 209. Л. 25; цит. по: Дзюбанов С. Д. Родственное окружение Е. Я. Бастидон. С. 82).

³⁵ К 1801 году Галинковский успел выпустить только чувствительный роман «Часы задумчивости» (1799; см. о нем: Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2 (XVIII век). С. 584; Баскина М. Э. «Жалкая дань сентиментализму» Якова Галинковского // Литературный факт. 2023. № 28. С. 113–120) и переводную антологию «Красоты Стерна, или Собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь для чувствительных сердец» (М., 1801; первоначально публиковалась частями в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия». 1800. Ч. 5–7).

³⁶ Цит. по: Дзюбанов С. Д. Родственное окружение Е. Я. Бастидон. С. 94.

³⁷ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 3–16.

³⁸ Там же. С. 3–4.

³⁹ Московский Меркурий. 1803. Ч. 3. № 7.

⁴⁰ [Анастасевич В. Г.]. [Рец. на «Корифей» в форме письма к издателям] // Северный вестник. 1804. Ч. 2. № 5. С. 178. Ср. также негативные приватные отзывы — Карамзина в письме к М. Н. Муравьеву от 28 сентября 1803 года: «...галиматъя, под именем *Корифея*, печатается на счет казны...» (Сочинения Карамзина. СПб., 1848. Т. 3. С. 681), И. И. Дмитриева в письме к Д. И. Языкову от июля 1805 года о статьях Галинковского в «Северном вестнике»: «...сходится всякая сволочь бранить высших себя и тем отмщать за свое ничтожество» (Дмитриев И. И. Соч. М., 1986. С. 379).

⁴¹ Седьмая книга, о поэзии, вся посвящена Гомеру и Вергилию; восьмая, «Полимния», — учебный классицистический курс прозы (грамматики, логики, красноречия и эстетики). Девятую книгу, «Эрата», предполагалось посвятить любовной поэзии и включить в нее «план поэмы: *Любовь*, или Изыскание истинного блаженства в сем чувствии. Учебная книга для молодых сердец, наполненная полезными уроками, влекущими их к наслаждению невинными пристрастиями, без порока и отвращений. Сочинение неизвестного...» (Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 13), однако она оказалась посвящена «археологии», т. е. древнейшим материальным памятникам словесности и художеств. Две последние книги, «Урания», отданы эпической поэзии: Камозэнус и Торквато Тассо (кн. 10) и Мильгону (кн. 11).

⁴² Планировавшееся и, как заявляет Галинковский, написанное продолжение «Урании» о «Мессиаде» Клопштока, «Генриаде» Вольтера и других не вышло. Также не были доведены до

Одновременно с Галинковским в почтовом ведомстве у Трошинского служил и также пользовался его покровительством Н. М. Яновский (ок. 1764 или 1767 — 1826), еще один выходец из бедной малороссийской среды, который одновременно с «Корифеем» выпустил свой «Новый словотолкователь, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины...» (1803–1806; 3 т.). «Словотолкователь» близок к «Корифею» как сделанная одним находившимся вне определенного литературного и ученого круга человеком переводческая работа «филолого-энциклопедического типа»⁴³ и масштаба (в «Словотолкователе» более 10 тысяч словарных статей, по своему качеству во многом превосходящих академический словарь русского языка, готовившийся тогда же коллективом авторов), ориентированная на актуальную необходимость перевода и толкования большого объема вошедших в русский язык новых иностранных понятий. Можно предположить, что общность происхождения,⁴⁴ близость ученых замыслов и служба в одной канцелярии служили основанием для взаимного интереса Яновского и Галинковского.

Перенос на русскую почву новых европейских терминов и понятий, что составляло основное содержание «Корифея» и «Нового словотолкователя», в те годы был сосредоточен уже не столько в области военной, естественно-научной, связанной с мореплаванием, дипломатией, администрацией, а прежде всего в политической,⁴⁵ философской, эстетической, духовной, эмоциональной. В «Словотолкователе» Яновского объяснялись не только гуманитарные понятия, однако в восторженной рецензии «Северного вестника» на эту драгоценную «опору нашей словесности», полезную и «ученым людям», и «читателям всякого рода», особенно были выделены статьи гуманитарного круга — «диалектика», «журнал», «ирой», «история», «комедия», «литература», «логика», «мифология», «мода», «музыка» и др.⁴⁶ Также и выходявший в «Северном вестнике» все годы его издания отдел «Синонимы», основанный на французском словаре синонимов аббата Рубо (1785–1786), толковал понятия прежде всего из моральной и эмоциональной области: «эгоист, своекорыстный», «ожидать, надеяться», «гений и талант или отличные дарова-

конца компилятивные «История наук и художеств» и «Опыт словесности». Вовсе не увидели свет тома «Фемида» «об отечественном законоискусстве», «Натура» — «нечто о духовном и телесном мире. Картины природы из лучших авторов — Оссиана, Феокрита, других писателей идиллий и проч.» и «Грации», «мелкие стихотворения лучшего, новейшего вкуса», причем только отечественные, а не переводные (Корифей. 1807. Ч. 2. № 11. С. 6, 11). В 1813 году Галинковский попытался продолжить начатый в последних книжках «Корифея» «Опыт мой о славнейших эпических стихотворцах», как он его именовал, в «Чтениях в Беседе...» и рассмотреть «Лукана, творца Фарсалы, Стация Фиваиды, Аполлония Аргонавтов, поэмы Оссиана, Триссина, Гловера, Овидия, Лукреция, Горация, Поне, Юнга и других героических песнопевцев» (Галинковский [Я.]. Рассмотрение Овидия // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 11. С. 20), из которых представил только рассмотрение «Метаморфоз».

⁴³ Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. С. 31.

⁴⁴ И Галинковский, и Яновский рассматривают свое малороссийское происхождение как культурный факт: Галинковский в связи с гомеровским эпитетом «бесстыдная сука» замечает, что если выражение это «не по вкусу нашему (ибо новые правила лобословов требуют, чтоб стихотворец списывал только одну изящную природу), то, по крайней мере, это натурально; так натурально, что и теперь в Малороссии, где больше царствует еще сельская простота, вы услышите между женщинами низшего звания самые те же эпитеты в побранке» (Корифей. 1804. Ч. 2. Кн. 7. С. 269; особо отметим, что мы нормализуем крайне прихотливую пунктуацию «Корифея»); Яновский часто приводит малороссийские значения слов, например: «Контроверсия. *Лат.* Спор, состязание <...>. В малороссийских судебных местах так называется судопроизводство...» (Яновский Н. М. Новый словотолкователь. СПб., 1804. Ч. 2. Стб. 382).

⁴⁵ См.: Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / Сост. С. В. Польской, В. С. Ржеуцкий. М., 2022.

⁴⁶ Северный вестник. 1805. Ч. 6. № 4. С. 12, 14.

ния», «гений, ум», а в подражавшем ему «Журнале российской словесности» Н. П. Брусилова — «счастье, благополучие, блаженство» и т. п.⁴⁷

В те годы своеобразие вообще регулярно возобновляемой в русской культуре работы перевода и усвоения новых европейских эстетических понятий заключалось в том, что она происходила в поле, наэлектризованном полемикой между сторонниками старого и нового слога, имевшей острый характер борьбы за власть в литературе. Шишков, признавая, что «все вещи, конечно, подвержены переменам: некоторые старинные слова и обороты ветшают и выходят из обыкновения; употребление дает силу словам и выражениям; от новых понятий рождаются новые названия и новый образ речений»,⁴⁸ — и что «мы не имеем еще определенных слов, употребляемых в науке красноречия для показания разных ее правил»,⁴⁹ решительно выбирал в ситуации, когда нет «нужных для перевода слов», не добавлять «к известным иноземным словам еще другие, мало или вовсе неизвестные», а осмелиться «изобрести и определить русские слова»,⁵⁰ прежде всего образованные по составной словообразовательной модели, и демонстрировал свой выбор переводом из имевшего тогда огромное влияние на русскую культуру «Лицея» Ж.-Ф. де Лагарпа, где слово «фигура» заменял на «словоизвитие», «метафора» на «иносказание», «аллегория» на «инословие», «метонимия» на «иноимие», «философы» на «мудролюбцы», «ораторы» на «краснословы», «критики» на «рассматриватели книг» и т. п.⁵¹ Тут необходимо учесть, что до Отечественной войны сочинения Шихкова (вообще написанные, по замечанию Д. П. Святополк-Мирского, «великолепным русским языком»⁵²) представляли собой яркую утопическую фантазию, реакцию на ширившееся французское влияние, тогда как взвешенное возражение Д. В. Дашкова («лучше, когда бы все даже учебные выражения, без коих мы теперь обойтись не можем, были переведены настоящими русскими словами», но «хотеть переводить всякое слово без разбора есть также погрешность: ибо вместо известного и значительного иностранного слова, везде употребляемого, мне вбивают в голову другое славенорусское или, лучше сказать, славеноварварское, совсем того смысла не выражающее»)⁵³ было уверенной речью тех, кто чувствовал себя литературной властью, созвучной духу времени. Признак архаистической работы перевода, противостоявшей карамзинистскому введению в русский язык «галлицизмов умственных понятий», как их позже назвал П. А. Вяземский, — множество часто уродливых экспериментальных решений

⁴⁷ Разбор этих синонимов в журнале Брусилова был написан Н. И. Гречем, см.: *Греч Н.* Воспоминания юности // *Новогодник. Собрание сочинений, в прозе и стихах, современных русских писателей* / Изд. Н. Кукольников. СПб., 1839. С. 231–232.

⁴⁸ Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика [А. С. Шишкова]. СПб., 1808. С. VII.

⁴⁹ Там же. С. 59.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: *Кочеткова Н. Д.* Перевод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Лицей, или Круг словесности древней и новой», осуществленный Российской академией // *Российская академия (1783–1841). Язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков.* СПб., 2009. С. 137 (Чтения Отдела русской литературы XVIII века; вып. 5). Также и Российская академия ставила целью своей лексикографической работы заменить «в российском языке употребительные» иностранные слова «старинными российскими, или в случае недостатка оных, вновь по правилам языка составленными равносильными словами» (Известие об ученых обществах. Российская академия. Заседание 19 марта <1804 года> // *Северный вестник.* 1804. Ч. 2. № 4. С. 118).

⁵² *Мирский Д. С.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London, 1992. С. 131.

⁵³ *Дашков Д. В.* [Рец. на:] Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика // *Арзамас. Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. Из литературного наследия «Арзамаса»* / Под общ. ред. В. Э. Вадуро, А. Л. Осповата. С. 22–23 (впервые: *Цветник.* 1810. № 11. С. 256–303; № 12. С. 404–467).

и метапереводческих примечаний. Интересующие нас ученые переводчики из числа «архаистов-просветителей» не стремились сформировать новый слог русского языка и победить в литературной борьбе за власть — их задачей было прежде всего, как писал Галинковский, «научиться понимать».⁵⁴ Они стояли ближе к архаистам своим демократическим и национальным пафосом, осуждением «преизбыточной» переимчивости русского общества, которая становится «обезьянством», и «моды» на французский язык,⁵⁵ но при этом признавали и «утончение понятий нынешних просвещенных нравов и недостатков на нашем языке слов к выражению оных».⁵⁶ Автор напечатанной в «Северном вестнике» рецензии на «Новый словотолкователь» Яновского с одобрением отмечает в нем как вполне «шишковские» изобретения: «отомат самодвиг, барометр погодомер, волан леток, и пр.»,⁵⁷ так и использование латинизмов и грецизмов с подробным энциклопедическим толкованием их значения: теперь «литераторы, которые всегда занимаются одною своею изящностью, <...> не будут рыться в курсах и библиотеках, дабы узнать, что такое *артериотомия, антропология, гигиена, гидрофобия, консерва, илиаческий, климатерический, и пр.*», а «статские люди» узнают точное значение таких часто употребляемых слов, как «*муниципальный, администрация, коносмент, компетенция, акцептовать и пр.*».⁵⁸ В прагматике «Нового словотолкователя» изобретенные русские переводы и европеизмы имеют ту же цель, что и энциклопедические толкования, — наилучшим образом объяснить смысл заимствованного иностранного слова. Если, например, грецизм «космополит» Яновский не просто пояснял «шишковским» переводом «всеградник», но и оперировал им в словарной статье, т. е., видимо, предлагал ввести его в оборот («Космополит, гр. Всеградник; гражданин всего света <...>. Таковой *всеградник* не может быть хороший гражданин»⁵⁹), то упомянутую рецензентом «Северного вестника» этимологическую кальку со слова «барометр» — «погодомер» — приводил только для пояснения смысла, в статье же оперировал грецизмом «барометр».⁶⁰ Аналогичным образом в «Синонимах» анонимный переводчик, излагая рассуждение французского академика о различии значений слов «l'egoïste» и «l'homme personnel», первое передает европеизмом (грецизмом) «эгоист», архаичным составным вариантом «самохвал» и простонародным словом «янька»;⁶¹ второе переводит составным словом «своекорыстный», буквально («до слова») как «личный человек», а в связи с «personnalisme» приводится еще «весьма хорошо его выражающее слово *самособие*».⁶² Так же действовал Галинковский в «Корифее», ставя в много-

⁵⁴ Корифей. 1803. Ч. 1. № 2. С. 4–5.

⁵⁵ Там же. С. 238–239. Такой же позиции придерживался анонимный переводчик-составитель печатавшегося в «Северном вестнике» раздела «Синонимы»: «...наш язык обилен и гибок», но при этом «не мешает и из других языков (если не можно приискать собственных) усвоять такие слова, которые доказывают преимущество знаний иностранцев пред нашими; особливо же нужно сие для слов технических, которыми другие языки наш упредили...» (Северный вестник. 1804. Ч. 1. № 1. С. 33).

⁵⁶ [Языков Д. И.]. [Рец. на:] [Шишков А. С.]. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка // Северный вестник. 1804. Ч. 1. № 1. С. 19.

⁵⁷ Там же. 1805. Ч. 6. № 4. С. 12.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Яновский Н. М. Новый словотолкователь. СПб., 1804. Ч. 2. Стб. 419. Ср. у Галинковского: «Космополит, человек всяческий, равносторонний, не привязанный ни к одной (партии) стороне» (Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 210).

⁶⁰ Яновский Н. М. Новый словотолкователь. Ч. 1. Стб. 343–344.

⁶¹ Северный вестник. 1804. Ч. 1. № 1. С. 34.

⁶² Там же. С. 31–32, 38. В другом месте к архаичной по форме морфологической кальке «confederation» как «совосстание» и, по аналогии, «ligue» как «способорение» или «соополчение», переводчик «Словаря синонимов» сделал примечание, что эти слова «тяжелы для выговора; хотя

численных номенклатурах, которыми он снабжал свои переводы и компилятивные пересказы европейских сочинений, в одном ряду европеизм, кальку, часто построенную по архаичной составной модели, ряд русских эквивалентов-синонимов и толкование. Так, он поясняет: «Prosodie, прозодия, словоударение»,⁶³ соединяя уже принятый латинизм «просодия», использованный, в частности, в русском переводе Зульцера,⁶⁴ и тот же составной русский вариант перевода «словоударение», что Яновский⁶⁵ (который более точно передает смысл термина «prosodie», чем предложенное Шишковым в его переводе из Лагарпа «произношение»). Руководствуясь при выборе варианта из потенциального синонимического ряда прежде всего смысловой точностью, «ибо всего необходимее переводить слова в настоящем их смысле»,⁶⁶ эти переводчики допускали возможность сказать как «барометр», так и «погодомер», как «просодия», так и «словоударение».

У Галинковского эта лексикографическая переводческая пестрота интегрирована в его собственную речь, где перемешаны европеизмы «эпиграф», «энтузиаст», «космополит» со славянизмами «дееписатели» и «письменознатели», а патетические обличения «поддельных» французов: «...тут нет людей, отоматы, истуканы, махины славного художника, у которых все движется своими пружинами, своими колесами; тут природа не раскрывает своего лица: у них она кокетка, которая всегда хочет казаться сквозь флер»,⁶⁷ — сформулированы сплошь «иноземными» словами («энтузиаст», «отомат», «кокетка», «флер») и стилистически пестрыми синонимическими рядами («отоматы, истуканы, махины»).⁶⁸ Галинковский постоянно включает в собственную речь и синонимические пары славянизм-европеизм (в большинстве случаев совпадая с «Новым словотолкователем» Яновского или, возможно, на него опираясь): «возвыситься до красот сказания (*дикции*)»,⁶⁹ «на каждой странице высказывают ложного *фаталиста* (случайника)»,⁷⁰ «без всякой *народодержавной* (политической) догадки»,⁷¹ «говоря о характере своих соотчичей с великим энтузиазмом (исступлением)»,⁷² «видел у себя *отчичей*

не новы, но неупотребительны в чистом русском наречии. Они здесь для того только приняты, чтобы выразить французские слова, и что в необходимом только случае можно будет прибегнуть к ним, кто пожелает» (цит. по: *Калайдович П. Ф. Опыт словаря русских синонимов. Т. 1. С. 82*).

⁶³ Корифей. 1803. Ч. 1. № 2. С. 20.

⁶⁴ [Зульцер И. Г.]. Сокращение всех наук и других частей учености, в коем содержание, польза и совершенство каждой части сокращенно описываются / [Пер. с нем. И. Морозова]. М., 1781. С. 103 (ориг.: *Sulzer J. G. Kurzer Begriff aller Wissenschaften und andern Theile der Gelehrsamkeit, worin jeder nach seinem Inhalt, Nutzen und Vollkommenheit beschrieben wird. Leipzig, 1745*).

⁶⁵ «Просодия. <...> Правильное произношение слов по ударению и количеству, словоударение...» (*Яновский Н. М. Новый словотолкователь. Ч. 3. Стб. 471*).

⁶⁶ Корифей. 1804. Ч. 2. № 8. С. 238.

⁶⁷ Там же. 1803. Ч. 1. № 2. С. 241.

⁶⁸ Само по себе это явление: адмирал Шишков «вопиял против галлицизмов фразами, которые были наполнены ими» (слова В. А. Жуковского цит. по: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры. С. 377*), у карамзинистов легко было найти церковнославянизмы и вообще понятия «галлицизм» и «славянизм» использовались в литературных полемиках не в непосредственно терминологическом, а в полемическом смысле, — подробно рассмотрено в цитированной статье Лотмана и Успенского и их комментарии к сочинению С. С. Бобротва 1805 года «Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка», где часто упоминается и Галинковский.

⁶⁹ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 69. Ср. у Яновского: «Дикция, *лат.* Элокуция, сказание...» (*Яновский Н. М. Новый словотолкователь. Ч. 1. Стб. 704*).

⁷⁰ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 72. Яновский тут перевода не изобретает, ограничиваясь объяснительным толкованием: «...кой не приемлют другой причины бытия мира и всего в нем случающегося, кроме судьбы» (*Яновский Н. М. Новый словотолкователь. Ч. 3. Стб. 953*).

⁷¹ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 87.

⁷² Там же. С. 159. Ср. у Яновского: «Энтузиазм, *гр.* Восторг, восхищение, исступление, вдохновение...» (*Яновский Н. М. Новый словотолкователь. Ч. 3. Стб. 1274*).

(патриотов)», ⁷³ «всякий народ носит отпечаток своего характера на его лиценачертании (физиогномии)», ⁷⁴ «много однакож и между ними *себялюбцев* (эгоистов)», ⁷⁵ «обширное поле *именочислия* (номенклатуры)», ⁷⁶ «перо историка никогда не имело <...> *дальности* (перспективы)» ⁷⁷ и проч. При этом предпочтение того или иного варианта не мотивировано предметом описания: о характере русских говорится «твердость или лучше *стоиизм*», ⁷⁸ о привычке соотечественников глазеть на сцены жестокости: «Пожар не обойдется без целого партера зрителей», ⁷⁹ а о сражениях в древнем Риме: «когда сражаются мечебойцы (гладияторы)». ⁸⁰ Галинковский часто поясняет вполне уже прижившиеся на русской почве лексические заимствования («Хронология — времяисчисление», «астрономия — звездословие», ⁸¹ «арифметика — числословие», ⁸² «логика — умословие», ⁸³ «история — дееписание» ⁸⁴ и т. д.), конечно, не потому, что, как Шишков или составители академического словаря, предлагает их заменить славянскими аналогами, а вероятно, развивая синонимическое богатство русского языка и ориентируясь не на образованного светского читателя (и вряд ли хорошо его себе представляя, поскольку сам не имел ни светского, ни европейского, ни университетского опыта), а на широкого, не знакомого не только с иностранными языками, но и со стилистическими новациями отечественной словесности. Так, номенклатура к переводу театральных понятий: «*Актер*, действующий. *Роля*, лице. <...> *Комический*, смешный. <...> *Феатр*, зрелищный дом. *Сцена*, амвон, возвышение, на котором играют в зрелищном доме <...>. *Декламация*, возгласение. <...> *Спектакль*, зрелище» ⁸⁵ — предполагает, кажется, того же читателя, которому 30 лет назад М. И. Попов в словарике, сопровождавшем перевод поэмы Клода Дора «На феатральное возгласение», объяснял: «*Acteur* — действитель», «*declamation* — возгласение», «*parterre* — помост», «*souffleur* — поправлятель, напоминатель». ⁸⁶ Попов в свое время, рассуждая о том, как передавать иностранные слова: переделывать «на свой салтык», «это был бы урод», а оставить непеределанными «еще гаже», — выбрал первый вариант, ⁸⁷ Галинковский чаще соединял оба подхода, создав множество «гадких уродов», ⁸⁸ что

⁷³ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 166. У Яновского: «Патриот, *гр.* Сын отечества. Отечестволюбец, любитель отечества, рачитель, ревнитель о пользе отечества» (*Яновский Н. М.* Новый словотолкователь. Ч. 3. Стб. 285).

⁷⁴ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 166.

⁷⁵ Там же. С. 182.

⁷⁶ Там же. С. 208. У Яновского «номенклатура» переведено как «именосказание» (*Яновский Н. М.* Новый словотолкователь. Ч. 2. Стб. 951).

⁷⁷ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 188.

⁷⁸ Там же. С. 165. У Яновского: «Стоик. Твердый, строгий, непреклонный, беспристрастный» (*Яновский Н. М.* Новый словотолкователь. Ч. 3. Стб. 744).

⁷⁹ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 171.

⁸⁰ Там же. С. 168. У Яновского: «Гладиятор, *лат.* Мечебоек, мечебитец...» (*Яновский Н. М.* Новый словотолкователь. Ч. 1. Стб. 606).

⁸¹ Ср. в «Северном вестнике» в статье «Астрономия»: «Астрономия, или Звездочетство» (1805. Ч. 6. № 4. С. 2); у Яновского: «Астрономия, *гр.* Звезднонаблюдение, звездословие, звездозаконие...» (*Яновский Н. М.* Новый словотолкователь. Ч. 1. Стб. 256).

⁸² У Яновского: «Арифметика, *гр.* Числословие, числительница...» (*Яновский Н. М.* Новый словотолкователь. Ч. 1. Стб. 200).

⁸³ Ср. в переводе Зульцера: «Логика или умословие» ([Зульцер И.] Сокращение всех наук и других частей учености. С. 213; далее переводчик пользуется словом «логика»).

⁸⁴ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 21–23.

⁸⁵ Там же. 1803. Ч. 1. № 3. С. 68.

⁸⁶ Попов М. И. Досуги, или Собрание сочинений и переводов... СПб., 1772. Ч. 1. С. 212.

⁸⁷ См.: *Биржакова Е. Э.* Русская лексикография XVIII века. С. 29.

⁸⁸ Много таких примеров приводит в своей рецензии на «Корифей» В. Г. Анастасевич (*Северный вестник*. 1804. Ч. 2. № 5. С. 166–167, 176–177).

дало основание В. Д. Левину написать о свойственном ему «удивительном отсутствии вкуса и пестроте слога». ⁸⁹ Нужно только добавить, что эта пестрота возникает из желания с возможной точностью передать содержание иностранного понятия и, вероятно, из сознательного дистанцирования от окрашенных борьбой за литературное господство критериев «вкуса» и «стиля» (см. об этом подробнее ниже).

Вернемся к выявлению культурного окружения Галинковского. Сюда можно отнести П. А. Сохацкого (1766–1809), уроженца Полтавы и выпускника Киевской духовной академии. В 1800 году большое место в журнале Сохацкого «Иппокрена, или Утехи любословия» заняли фрагменты перевода Галинковским из английской антологии «Красоты Стерна». Этот перевод находился в русле свойственного Сохацкому и его журналу нечастого в ту эпоху освоения английской литературы в оригинале, а не через французские переводы-посредники. ⁹⁰ Кроме того, с вероятной близостью с Сохацким не в меньшей степени, чем с «Дружеским обществом», можно связать отрицательное отношение Галинковского к карамзинистскому культу «безделок», интерес к вопросам эстетики и вообще к «важным и высоким» предметам.

Для характеристики Галинковского значимо также, что Сохацкий, который первым стал преподавать в Московском университете эстетику, перевел труд геттингенского профессора Кристофа Мейнерса (Christoph Meiners, 1747–1810) «Главное начертание теории и истории изящных наук» (М., 1803; «Grundriß der Theorie und Geschichte der schönen Wissenschaften», 1787), близкий «Корифею» как «начальному руководству или основанию всеобщей словесности», ⁹¹ а также как осторожное введение внутрь еще актуальной для этих авторов эстетической системы классицизма некоторых новых идей. ⁹² Мейнерс, в отличие от более известных в России авторов французских классицистических эстетик, в числе «образцовых сочинений» рассматривал не только античных писателей и французских классиков, но также Мильтона и Шекспира — Галинковский в «Корифее» также сообщает новые для тогдашней русской культуры преромантические представления об «ужасной прелести» и «волшебстве» пьес Шекспира — «жені», который «превосходит все правила в своей превысренности». ⁹³

В связи с Сохацким и его переводом Мейнерса обратим внимание на характерную черту речи Галинковского — не просто частое, но имеющее характерное употребление некоторых европеизмов, особенно «жени» («genie»), которое вызвало раздражение не только Шишкова, воспринявшего его как признак «галло-русского наречия», но и В. Г. Анастасевича. Шишков высмеял

⁸⁹ Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка... С. 286, прим. 351.

⁹⁰ См.: *Беспозванный В. Г.* Из истории восприятия Карамзина в литературной среде конца XVIII века // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1998. № 1. С. 37–45. Об английской литературе в более раннем журнале Сохацкого см.: *Синицына М. В.* Журнал «Приятное и полезное препровождение времени» в контексте 1790-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

⁹¹ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 5.

⁹² Как заметил Н. И. Мордовченко, в труде Мейнерса было сообщено новое для русской культуры представление о прекрасном: Мейнерс отвергал старое представление о нем как о подражании только «изящной природе» и утверждал, что предметом искусства и «идеалом» могут быть как прекрасные, так и дурные стороны действительности, что эстетические нормы и критерии относительны (*Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. С. 107–108). О «тяжбе» с классицизмом Галинковского писал А. Н. Егунов, называя его симптоматичным явлением «на грани двух эпох»: вкус французского классицизма «еще тяготее над его „литературной энциклопедией“ — с ним он все время считается и в тяжбе с ним дает новые подходы к литературе» (*Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. Л., 1964. С. 144).

⁹³ Корифей. 1803. Ч. 1. № 3. С. 19; ср. также: Там же. 1802. Ч. 1. № 2. С. 46–47, 98–106, 176–178; 1803. Ч. 1. № 3. С. 105 и др.

фразе из «Корифея» «Жени рассматривал природу»: ⁹⁴ «...иной подумает, что это Жан или Иван рассматривал природу», ⁹⁵ Анастасевич сдержанно заметил: «...к слову *жени* (гений) видно в нашем авторе особенное пристрастие» ⁹⁶ (а также, процитировав фразу из «Корифея» «Множество высоких *пассажей* внушат вам *энтузиазм*», добавил: «Оба чужестранные слова; употребите русские, оборотите фразу, и смысл будет яснее. Чтение <...> многих величественных мест (*passages*) приведет вас в восхищение, или, если угодно, в исступление (*enthousiasme*)» ⁹⁷). Галинковский, конечно, знал и в своих номенклатурах использовал те более узуальные варианты перевода этих слов, которые советует Анастасевич: «*Enthousiasme*, энтузиазм <...> поэтическое *исступление*...», ⁹⁸ «*Genie*, жени, гений...». ⁹⁹ При этом «жени» у него — не знак стилистической приверженности «типично карамзинскому термину», ¹⁰⁰ как и использование слов «лиценачертание» и «дееписатели» — не «шишковизм». Принципиально объявленная им позиция («...я не озабочивался переводом иностранных ученых слов, принятых в общем языке литературы, — и потому пишу слова *жени*, *сюжет*, *пизса*, *шедэвр* — в их оригинале. Для сего может послужить прилагаемая терминология, в которой значения их *переведены до слова*. Я приглашаю знатоков их придумывать...») ¹⁰¹ представляет собой попытку оперировать современным общеевропейским эстетическим языком. Так, насмешившая Шишкова фраза «Образы во всех видах словесности предшествовали правилам: Жени рассматривал природу...» — это перевод начальных строк первой книги «Лицея» Лагарпа: «Во всяком роде произведений образцы были прежде правил: гений рассматривал природу...». ¹⁰² Вообще этот фрагмент «Корифея», озаглавленный «Опыт словесности чистой, или Курс стихотворства и прозы. Правила», где еще несколько раз встречается слово «жени», ¹⁰³ представляет собой (что не указано) перевод вводной главы к «Лицею» Лагарпа, в который без оговорок интегрированы собственные соображения Галинковского о Кантемире и Тредиаковском и изложение цели «Корифея». При этом возвращаясь несколько раз к объяснению содержания понятия «жени», с его новым, преромантическим, элементом («Эти дарования, стремящиеся превзойти самого человека, бунтовали вечно в душе его (Руссо. — М. Б.), как стихии, были как ртуть ни одной минуты не знающая покою <...>. В сих чертах распознавайте жени! — он не ходит обыкновенною дорожкою...»; ¹⁰⁴ «*Genie*, жени, гений, лично-особенное-дарование, дух великий, недостигаемый, творец оригинальный, ум составленный из превосходнейших стихий совершенства смертного. Человек *особенный*, у которого свой образ видеть, чувствовать, мыслить и писать, человек небывалый; оставлю знатокам и любителям языка своего придумать на русском сие слово и со-

⁹⁴ Там же. 1802. Ч. 1. № 1. С. 31.

⁹⁵ [Шишков А. С.]. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 136.

⁹⁶ Корифей. 1803. Ч. 1. № 6. С. 177.

⁹⁷ Северный вестник. 1804. Ч. 2. № 5. С. 167.

⁹⁸ Корифей. 1803. Ч. 1. № 2. С. 12–13.

⁹⁹ Там же. С. 15.

¹⁰⁰ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры. С. 527.

¹⁰¹ Корифей. 1803. Ч. 1. № 2. С. 215.

¹⁰² Ликей, или Круг словесности древней и новой. Сочинение И. Ф. Лагарпа / Пер. П. Карбановым. СПб., 1810. Ч. 1. С. I. Ср. в оригинале: «*Les modeles en tout genre ont devanté les préceptes: la genie a considéré la nature...*» (*Laharpe J.-F. Lycée, ou Cours de Littérature Ancienne et Moderne. Paris, 1800. T. I. P. I.*)

¹⁰³ «Жени рождает; толпа народная судит...» (Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 32) — ср.: «...один (гений. — М. Б.) производит, другой (народ. — М. Б.) судит...» (Ликей, или Круг словесности древней и новой. Ч. 1. С. III) и т. п.

¹⁰⁴ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 60.

общить оное, когда угодно будет, в журнал»¹⁰⁵), и парадоксально предлагая читателям сообщить издателю «Корифея» перевод слова, которое уже было принято переводить на русский грецизмом «гений»,¹⁰⁶ Галинковский, как представляется, отражал свое понимание необходимости переопределить и пояснить это понятие, как оно используется в новейших эстетиках; необходимость расширения понятия «гений» в романтическом направлении ощущали в те годы и другие авторы-переводчики.¹⁰⁷ Аналогичным образом, говоря о Стерне, Галинковский зафиксировал непереводаемость английского слова «humour» в его новом значении: не доминирующего темперамента и чудачества, нрава, как немецкое «Laune» и французское «humeur», а особого мировоззрения, «возвышенного наоборот»:¹⁰⁸ «...слово *гюмор* не вырази́мо на нашем языке»,¹⁰⁹ — и первый ввел для его передачи англицизм «юмор»: «Стерн есть диво английских *юмористов*».¹¹⁰ Также и Сохацкий в своем переводе эстетики Мейнерса фиксирует культурную непереводаемость понятия «naïf», когда пишет: «Невинность (naïf)» с примечанием: «Почти невозможно еще на российском языке в точности перевести того, что называется *naïf*; ибо и самая о нем идея не определена. Есть для этого слова названия: *простосердечие, простодушие, невинность, чистосердечная откровенность, чистая натуральность* и пр.».¹¹¹ Проблема перевода этого понятия сохранялась и в следующую эпоху, о чем писал П. А. Вяземский в «Старой записной книжке»: «У нас жалуются и жалуются по справедливости на водворение иностранных слов в русском языке. Но что же делать, когда наш ум, заимствовавший некоторые понятия и оттенки у чужих языков, не находит дома нужных слов для их выражения? Как, например, выразить по-русски понятия, которые возбуждают в нас слова naïf и sérieux, un homme naïf, un esprit sérieux? Чистосердечный, просто сердечный, откровенный, все это не выражает значения первого слова; важный, степенный не выражают понятия, свойственного другому; а потому и должны мы поневоле говорить *наивный, серьезный*. Последнее слово вошло в общее употребление».¹¹² «Наивный» вошло в русский язык только в 1820–1840-х годах;¹¹³ «юмор», который пытался ввести Галинковский, — только в 1850-е годы.¹¹⁴

Много несомненно подтверждаемых и культурно значимых точек близости у Галинковского с И. И. Мартыновым (1770–1833), тоже бедным

¹⁰⁵ Там же. 1803. Ч. 1. № 2. С. 15. Галинковский также поместил в «Корифее» перевод статьи Зульцера «Genie» из «Allgemeine Theorie der schönen Künste» (1771) (Там же. № 4. С. 58–59).

¹⁰⁶ Карамзин писал «жени» в первом издании «Писем русского путешественника» в «Московском журнале» (1791. Ч. 2. Кн. 3. С. 312), но в переизданиях заменил на «гений», см.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры. С. 377, 525–528.

¹⁰⁷ Ср. о жени/гении: [Баккаревич М. Н.]. Ответ на рецензию // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 167–168; прим. И. И. Мартынова к его переводу Псевдо-Лонгина: О высоком или величественном. Творение Дионисия Лонгина / Пер. с греч. [И. И. Мартынова] с прим. пер. СПб., 1803. С. 64–67; *Яновский Н. М.* Новый словотолкователь. СПб., 1803. Ч. 1. С. 565–566; Ликей, или Круг словесности древней и новой. Ч. 1. С. I–XLIX, и мн. др.

¹⁰⁸ *Жан Поль* [Рихтер И. П. Ф.]. Приготовительная школа эстетики / Вступ. статья, пер. с нем. и комм. А. Д. Михайлова. М., 1981. С. 149.

¹⁰⁹ Красоты Стерна, или Собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь для чувствительных сердец / Пер. с англ. [Я. А. Галинковского]. М., 1801. С. 14.

¹¹⁰ Там же. С. 1.

¹¹¹ Главное начертание теории и истории изящных наук... 2-е изд. М., 1826. С. 33. Непонятно, почему Сохацкий оригинальное немецкое «Naiv» приводит на французский манер (французского перевода книги Мейнерса нам обнаружить не удалось).

¹¹² Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского. СПб., 1883. Т. VIII. С. 38.

¹¹³ См.: *Виноградов В. В.* История слов. С. 777.

¹¹⁴ Об этом свидетельствуют материалы к «Словарю русского языка XVIII в.» в Институте лингвистических исследований РАН.

малороссиянином, «извлеченным из неизвестности» благодаря покровителям, трудолюбию и учености.¹¹⁵ Их сближает исходный литературно осмысленный пункт личной социальной бедности. Галинковский еще в паратексте «От сочинителя» к роману «Часы задумчивости» (1799) дал социальный автопортрет автора — мелкого чиновника, пишущего среди шумной и скучной службы, — как мотивировку стиля, отличного от «нежного» стиля «новейших наших сочинителей»: «Если читатели не найдут в сочинении моем той нежности, того выражения, той привлекательности, которыми прославились новейшие наши сочинители, то пускай припишут рассеянности и образу моего состояния, которое слишком удалено от спокойствия кабинетной музы. — Часто в непрерывном шуме в каком-нибудь уголке, а иногда и на колене, остановя на минуту течение рассеянных мыслей, на особых лоскутках бумаги, писал я каждый час, дав волю чувствам моим без плану и цели».¹¹⁶ Мартынов начинает свою раннюю автобиографическую повесть «Филон» (1796) с главы «Я, и они», противопоставляющей повествователя, бедного выпускника полтавской семинарии, который «лишился отца, быв еще в колыбели, а мать <...> едва могла потом и кровью выплачивать несколько лет моего учения»,¹¹⁷ его богатым, имеющим покровителей и виды на будущее, соученикам; далее бедность Филона часто определяет движение сюжета и рассуждения героя. Если «несчастные» и «бедные» герои как объекты сочувствия постоянно встречаются в раннем русском сентиментализме, то такой же образ автобиографического героя-повествователя и тем более автора представляется исключением и заставляет, уже без идейной нагрузки советского литературоведения, вспомнить о «демократическом сентиментализме».

В 1804 году Мартынов в своем журнале «Северный вестник» поместил критические, но сочувственные заметки В. Г. Анастасевича и А. А. Писарева, защищавшие «Корифей» от издательской рецензии П. И. Макарова.¹¹⁸ Авторы «Северного вестника» ценили, при всех недостатках исполнения, искреннее желание издателя «Корифея» «быть полезным любителям русской словесности».¹¹⁹ Он «весьма мало успел в своих желаниях»,¹²⁰ но его труд можно поставить на книжной полке рядом, «конечно, не с Ла Гарпом — но по крайней мере на одной полке с детскою энциклопедиею... с грамматиками, чтоб иногда справиться хоть с номенклатурою».¹²¹

Наконец, в 1805 году именно в «Северном вестнике» появилось самое известное критическое высказывание Галинковского — анонимное письмо к издателю журнала о критике и три рецензии.¹²² Мартынов — несомненно знавший, кто их автор, — снабдил статьи Галинковского такими обширными подстрочными примечаниями, что они приняли форму диалога о критике в журнале, для которого выработка нового критического дискурса, отличного от «партийной» полемики карамзинистов с анти-карамзинистами, была од-

¹¹⁵ Мартынов И. И. Биография гр. Завадовского. СПб., 1831. С. 53.

¹¹⁶ Часы задумчивости. Соч. Иакова Галинковского. Ч. 1–2. М., 1799. Ч. 1. С. 3–4.

¹¹⁷ Муза. 1796. Кн. 1. С. 74.

¹¹⁸ См.: Московский Меркурий. 1803. Ч. 3. № 7. С. 42–50 (Макаров); Северный вестник. 1804. Ч. 2. № 5. С. 164–178 (Анастасевич); Ч. 3. № 9. С. 208–209 (Писарев). Ср. также положительную рецензию на первую книгу второй части «Корифея», «Каллиопа», Бруилова в его, напомним, во многом подражавшем «Северному вестнику» «Журнале российской словесности» (1805. Ч. 1. № 3. С. 181–183).

¹¹⁹ Северный вестник. 1804. Ч. 3. № 9. С. 208.

¹²⁰ Там же. С. 209.

¹²¹ Там же. Ч. 2. № 5. С. 178.

¹²² См. о них подробнее: Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 236–239; Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. С. 23.

ной из главных задач. Галинковский, видимо, претендовал на то, чтобы сместить отошедшего от журнального дела Писарева в роли главного критика «Северного вестника», собирався «решительно» говорить «острую правду»¹²³ и прежде всего, слишком буквально понимая расхожее тогда выражение «республика словесности», собирався противостоять монополии всех «господствующих» в литературе групп: «На что возвышать *безделки* и унижать полезные *труды*? На что так думать, как г. *Рихтер*, о нашей словесности? (т. е. выделять только сочинения Карамзина и его круга. — М. Б.) — или как думает о ней модный свет? Республика ученых имеет свои законы: она иначе видит, иначе судит, нежели народная толпа».¹²⁴ В первую очередь, конечно, Галинковского не устраивал гелиоцентричный литературный космос карамзинистов, в котором вокруг «солнца» с Никольской улицы в Москве (т. е. Карамзина) вращаются связанные с ним «планеты»,¹²⁵ однако он заявлял о своем намерении подвергнуть «ученой» критике и произведения представителей другой литературной «власти» — переводы, связанные с Российской академией (Галинковский, видимо, рассчитывал иметь влияние на широко задуманную переводческую программу Академии, адресовав ей в 1804 году особое письмо, которое, однако, как уже говорилось, не было передано А. С. Шишковым).¹²⁶ Монополия литературных «чинов» составляет главный предмет негодования Галинковского (он и Вольтера упрекал в том, что у того в суждениях заметен «дух партии» и что «в республике литературы» он «отправлял звание непрерывного полновластного диктатора — и пал под бременем почестей»¹²⁷), он пытается создать в отечественной критике диспозицию для «ученого сословия», для критики без чинов, партий и имен: критик рассматривает «книгу, а не писателя. Последний приметен ей только издали, под именем, которое он сам выставил; или никак не приметен, если он себя скрыл. Прочие титула и достоинства остаются в стороне. В учености нет чинов: надобно либо иметь дарования, либо не писать...».¹²⁸ Галинковский хотел привлечь

¹²³ [Галинковский Я. А.]. <Рецензия на книги у вас совсем замолкла...> // Северный вестник. 1805. Ч. 6. № 6. С. 294.

¹²⁴ [Галинковский Я. А.]. [Рец. на:] 1) Древняя русская религия славян, сочинение Григория Глинки, профессора Дерптского университета. В Митаве 1804. 2) Versuch, einer Slavischen Mythologie, in alphabetischer ordnung, entworfen von Andrey von Kayssaroff, Russisch Kayserlichen Stabs-Capitain. Göttingen. Bey J. C. Baier // Северный вестник. 1805. Ч. 7. № 8. С. 166.

¹²⁵ [Галинковский Я. А.]. <Рецензия на книги у вас совсем замолкла...>. С. 290.

¹²⁶ В плане Галинковского в порядке очередности предметов для критики сочинения Карамзина и карамзинистов стоят на втором месте — первыми названы труды Российской академии: «Творения Пиндара» (М., 1804. Ч. 1–2) в переводе П. Голенищева-Кутузова («неизвестно с какого языка), который выдают за классический и который должно поставить в числе самых посредственных» ([Галинковский Я. А.]. <Рецензия на книги у вас совсем замолкла...>. С. 291); перевод А. Ф. Лабзинным «Ключа к тайнствам натуры» Экартсгаузена (1804) — Галинковский предлагал порассуждать о «переводе весьма гладком, и о философии сей книги темной и таинственной» (Там же. С. 291); два перевода «Путешествия Анахарсиса» Ж.-Ж. Бартеlemi (Там же. С. 292) П. П. Стрехова (1803) и Российской академии под ред. А. А. Нартова (Т. 1–6. 1804–1809) — последний представлял собой лишь выправленный в соответствии с лингвистической программой академии перевод Стрехова (см.: Костин А. А. О проекте А. А. Нартова по переводу классических авторов в Российской академии // Российская академия (1783–1841). С. 107–131; Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка... С. 189–192); дневник путешествия по России академика И. И. Лепехина ([Галинковский Я. А.]. <Рецензия на книги у вас совсем замолкла...>. С. 292), впервые вышедший в 1770 году и переизданный Академией в 1802 году (ч. 2) — эти записки непрямого секретаря Российской академии, активного сотрудника Академического словаря, одного из переводчиков «Всеобщей истории» Бюффона (СПб., 1789–1808), замечательны, помимо прочего, введением в русский язык, в том числе по «Системе природы» Линнея, множества новых слов.

¹²⁷ Корифей. 1803. Ч. 1. № 6. С. 164, 171.

¹²⁸ [Галинковский Я. А.]. <Рецензия на книги у вас совсем замолкла...>. С. 286. Когда И. Рихтер сообщил, что издатель «Корифея» — «молодой человек по фамилии Голенковский

внимание критики, журналов, читателей к находящимся вне фокуса литературной борьбы за власть ученым сочинениям и сам сделал сравнительный разбор книг по русской истории Г. А. Глинки и А. С. Кайсарова.¹²⁹ Мартынов в своих примечаниях посмеивается над задиристостью «молодого человека», однако не потому, что разделяет иерархическое представление карамзинистов об устройстве российского Парнаса, где осмелившегося на ревизию их литературной власти «junger Mensch»¹³⁰ и «безыменного автора»¹³¹ следовало подвергать «умышленному оскорблению»¹³² — в своих основных чертах критическая позиция Галинковского, пусть часто нелепо выраженная, близка позиции «Северного вестника».

Таким образом, круг, к которому Галинковский был близок в основной, связанный с «Корифеем», период своей деятельности, — это не «Дружеское литературное общество» и «Беседа», а Яновский, Сохацкий, Мартынов, журналы «Иппокрена» и «Северный вестник». Основным занятием этого круга была в те годы прежде всего не собственно литература, а издательская деятельность, критика, переводы — составление толковых словарей, номенклатур, компилятивных энциклопедических изданий, переводы ученых трактатов. «Когда-нибудь, может быть, сделают вопрос, почему я больше занимался переводами и составлением словарей, нежели сочинениями, — писал Мартынов в «Записках». — Конечно, что-нибудь и я мог бы написать. Но <...> я никогда не любил своих сочинений, не почитал их полезными столько, сколько переводы известных иностранных писателей...».¹³³ Именно они составляют близкий контекст «Корифея», план которого проникнут пафосом начала александровского царствования. Упражнения в «науках и просвещении», «во всех частях словесности и тем более в красоте слога, витийстве пера» Галинковский объявляет необходимыми не для литературных «безделок», а для деятельности «на сцене гражданского мира».¹³⁴

Также, особенно в связи с Мартыновым, нужно отметить своеобразное представление этого круга о «красоте слога», альтернативное и карамзин-

<так!>, мало известный до сих пор в русских литературных кругах» ([Richter J.]. Notizen über die neueste russische Litteratur // Russische Miscellen / Hrsg. von Johann Richter. 1803. № 4. S. 151–152; Лотман Ю. М. Писатель, переводчик и критик Я. А. Галинковский. С. 236), Галинковский с сильной личной обидой откликнулся именно на раскрытие анонимности, а не на низкую оценку своего труда: Рихтер «напрасно огорчил некоторых писателей, назвав их поименно, в то время, когда они сами не назвали себя пред публикою, и остаются анонимы. Он знает, что за это в другом месте мог бы быть procès verbal. Ни в одной образованной нации не позволено называть сочинителя, который скрыл свое имя. Это личное насилие и оно не годится между людьми, обязанными взаимным уважением» ([Галинковский Я. А.]. [Ред. на:] Russische Miscellen, herausgegeben von Johann Richter. IX. В. Leipzig. 1803–1804. Русская Смесь, Журнал, издаваемой Иоганом Рихтером, 9 тетрадей. В Лейпциге. 1803–1804 // Северный вестник. 1805. Ч. 6. № 6. С. 302; процитированная антикритика была напечатана Галинковским также анонимно).

¹²⁹ Северный вестник. 1805. Ч. 7. № 8. С. 159–172.

¹³⁰ Так именовал Галинковского как составителя «Корифея» Рихтер ([Richter J.]. Notizen über die neueste russische Litteratur. S. 152; Лотман Ю. М. Писатель, переводчик и критик Я. А. Галинковский. С. 236).

¹³¹ См.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. С. 23–24.

¹³² К ряду указанных Лотманом и Вацуро выпадов карамзинистов против Галинковского можно, кажется, добавить помещенное в «Вестнике Европы» в 1805 году ироническое «Начертание уложения для республики литераторов», представленное как перевод с французского, в котором, в частности, содержалось предписание запретить вход в «область республики» молодым людям, а «кто напишет толстую книгу, содержащую в себе выбранные места из других сочинений, того почитать нарушителем общественного покоя и удовольствия. Каждому позволено такую книгу взвалить на плеча автору, который не имеет права жаловаться за умышленное оскорбление» (Вестник Европы. 1805. Ч. 19. № 4. С. 28), которое, как кажется, метило в Галинковского с его «Корифеем».

¹³³ Мартынов И. И. Записки // Заря. 1871. № 6. С. 98.

¹³⁴ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 16.

скому, и шишковскому. Мартынов в примечаниях к переведенному им трактату Псевдо-Лонгина «О высоком» противопоставляет «высокий» слог, который, несомненно, предпочитает, «изящному», или «посредственному»,¹³⁵ и замечает, что «в самом худом сочинении может встречаться самая высокая черта, и напротив, самое красноречивое сочинение может не иметь ни одной высокой черты».¹³⁶ Сходным примечанием Мартынов предварил перепечатку в «Северном вестнике» (без указания имени автора) главы из «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева: «Читатель найдет в сем сочинении не чистоту русского языка, но чувствительные места».¹³⁷ Видимо, «нечистота» слога служит знаком подлинной чувствительности, возвышенности чувств.

Галинковский сделал свойственный ему, вероятно, органически, в силу несветскости, раннего усвоения семинарской учености и чиновничьей привычки к приказному языку, стилистический «мовизм» маркером своей литературной позиции: задачу «очистить» русский слог своих переводов в «Корифее» он объявлял одной из последних,¹³⁸ ученые сочинения, по его мнению, вообще не должно рассматривать с точки зрения слога: «...слог есть последнее дело: мы можем ему научиться, со временем его обработать. Сам Плутарх писал не гладко, однако ж никто не думает о его слоге, читая прекрасные его творения. Несчастлив тот, кто на одном слоге удерживает славу своего пера! — слог есть наружная обмазка (штукатурка) дома, который может быть хорошим и вчерне»;¹³⁹ «слог <...> должен после всего рассматриваться в сочинениях розыскательных или ученых. <...> Красота слова, искусство оборотов и фигур не столько здесь существенны, как ясность, точность, истина».¹⁴⁰ Говоря об «ученом, глубокомысленном творении» Тредиаковского «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских...», Галинковский заметил, что «даже самый слог, столь несносный впрочем в его оригинальных пьесах, кажется здесь гораздо легче, развязнее и чище».¹⁴¹ Ученому слогу противно стилистическое изобретательство как шишковского, так и карамзинистского толка, которое Галинковский объединяет общим понятием «неологизма»: ¹⁴² «...составные слова и высокопарные прилагательные, напр<имер>, *небосклонение* вместо *небо*; *беснобожие* вместо *баснословие*: *черт* вместо следов <...>; худо *вразумленные* вместо понятное или которое худо понимали. Там же — *лицеобразованные* свойства, вместо представленные в лицах. Это перевод француз<ского> слова *personnifié*. Кажется, у нас есть славянское слово *вочеловечен*, но оно также дурно, как и *лицеобразован*».¹⁴³ «Настоящий русский» слог ученого сочинения в его понимании должен быть такой, чтобы в нем не было «ни галлицизмов, ни фраз, ни переводов».¹⁴⁴

В тогдашней литературной системе, где одним из ключевых признаков приверженности к одному из основных противоборствующих литературных

¹³⁵ О высоком или величественном. Творение Дионисия Лонгина. С. 37–38, 93. Помимо отечественных образцов высокого слога у Ломоносова и Державина, Мартынов также считает образцовыми «Письма из Италии» Дюпати, которые перевел на русский (Путешествие г. дю Пати в Италию в 1785 году / Пер. с фр. И. Мартынова: В 2 ч. СПб., 1800–1801), не объясняя, впрочем, чем именно хорош стиль Дюпати, кроме «бессоюзия».

¹³⁶ О высоком или величественном. Творение Дионисия Лонгина. С. 40.

¹³⁷ Северный вестник. 1805. Ч. 5. № 1. С. 61.

¹³⁸ Корифей. 1803. Ч. 1. № 2. С. 215.

¹³⁹ [Галинковский Я. А.]. [Рец. на:] Древняя русская религия славян, сочинение Григория Глинки... С. 165–166.

¹⁴⁰ [Галинковский Я. А.]. Окончание разбора соч<инения> о религии славян // Северный вестник. 1805. Ч. 8. № 11. С. 139.

¹⁴¹ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 229.

¹⁴² Там же. С. 141.

¹⁴³ Там же. С. 139–141.

¹⁴⁴ Там же. С. 224.

лагерей был слог — как заметил в 1808 году А. Ф. Воейков, архаистические слова «зане», «ради», «словесник» «в русской литературе то же, что орлы, драконы, лилии, изображаемые на знаменах войск: они показывают, к какой стороне принадлежит автор»;¹⁴⁵ также и слова «нежный», «чувствительный», «милый», «трогательный» и т. д. служили шибболетами приверженности противоположному лагерю сторонников «нового слога», — «ученый» слог Галинковского, «безвкусно» сочетавший европеизмы нового «языка мысли» с разного рода архаизмами (лексическими, синтаксическими, архаистическим пафосом протеста против отечественной моды на французский язык, призывами внедрять русский язык во все области гражданской жизни¹⁴⁶), был чужд обоим. Карамзин в статье «Отчего в России мало авторских талантов» (1802) писал, что те, кто остаются «в ученом состоянии, редко имеют случай узнать свет — без чего трудно писателю образовать вкус свой, как бы он учен ни был. Все французские писатели, служащие образцом тонкости и приятности в слоге, *переправляли*, так сказать, школьную свою ретику в свете, наблюдая, что ему нравится и почему. <...> Со временем будет, конечно, более хороших авторов в России — тогда, как увидим между светскими людьми более ученых или между учеными — более светских людей».¹⁴⁷ В. С. Подшивалов в «Сокращенном курсе российского слога» (1796) также утверждал: «Чтобы писать не грубо, не педантически, то надобно обходиться с людьми просвещенными, и не показывать великого глубокомыслия, которое часто производит шероховатость».¹⁴⁸ А. С. Шишков высмеивал в одном ряду беллетристическую моду на «приятность слога (*elegance*)» и использование в ученых сочинениях и переводах новой европейской терминологии.

Одним из примеров критики ученого сочинения исключительно с точки зрения стиля может служить книга первого русского шеллингианца, теоретика натурфилософского подхода к медицине Д. П. Велланского «Пролюзия к медицине как основательной науке» (СПб., 1805). В этой книге, как говорится в надписи на экземпляре «Пролюзии», подаренном в 1854 году Императорской Публичной библиотеке в Петербурге князем В. Ф. Одоевским (сделанной рукой дарителя), «замечательна борьба автора с русской философской номенклатурой». Велланский и сам сообщал в предуведомлении, что «содержание материи» его предмета «требует особливых выражений <...> для сообразнейшего представления понятий, равно как и пристойности штиля»,¹⁴⁹ и оперировал необходимыми для него латинизмами «интеллектуальный», «универсальный», «эмпирический», «рациональный», «субъективный», «формальный», «теоретический», «абсолютный», «пассивный» и т. п., с тех пор безусловно вошедшими в русский язык, соединяя их с торжественным архаичным синтаксисом и лексикой авторской речи («пред глазами, далее обыкновенных видящими», «рациональная их часть так безобразная и вредная», «толикого времени», «а кольми паче всяк из таковых»), заставляющими вспомнить о его семинарском прошлом (ср. тяжеловесную ученую шутовость: «простой народ и литеральные скрибенты, не имеющие о натуре никакого понятия»). Этот характерный для интересующего нас круга деятелей переходной эпохи пестрый ученый стиль был, с одной стороны, подвергнут

¹⁴⁵ Воейков [А. Ф.]. Мнение беспристрастного о Способе сочинять книги и судить о них // Вестник Европы. 1808. Ч. 41. № 18. С. 118.

¹⁴⁶ Корифей. 1801. Ч. 1. № 1. С. 238–239 и др.

¹⁴⁷ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 185; ср.: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982. С. 191–192.

¹⁴⁸ Подшивалов В. С. Сокращенный курс российского слога. М., 1796. С. 92.

¹⁴⁹ Велланский Д. П. Пролюзия к медицине как основательной науке. СПб., 1805, без пагинации.

Шишковым критике в одном ряду с карамзинизмом в литературе, который, отступая от «истинных источников» языка, вводит в него «чужезычные новости».¹⁵⁰ автор в «Пролозии», «так называемой русской книге», пишет «*еллектричество* не есть жидкость или *материя* собственного роду; а *феномен динамического процесса тел...*» и т. п., так что получается язык, «который не есть ни русский, ни иностранный, и которого ни русский человек, ни иностранец разумыть не могут».¹⁵¹ С другой стороны, анонимный рецензент «Лицея», журнала И. И. Мартынова, раскритиковал предисловие Велланского за то, что оно выдержано в архаичном стиле «витийства», в каком не говорит уже и «самый высокопарный лирический стихотворец».¹⁵² Оба критика игнорировали эпистемологическую необходимость введения терминологических научных европеизмов и рассматривали только то, «каковой слог происходит из такового набора иностранных слов».¹⁵³

Так же был воспринят «Корифей» Галинковского, тем более что он не только был изложен крайне пестро и часто комически неуклюже, но и посвящен словесности и искусствам — предмету, более подходящему для стилистической критики. Несмотря на все предупреждения Галинковского, что «Корифей» — «не классическая книга, расположенная по методу, а одно собрание литературы во всем его разнообразии»,¹⁵⁴ что он «делал первые опыты (в материи небывалой еще в русском языке!): представлял одно *собрание*, а не курс литературы»,¹⁵⁵ его, с одной стороны, сравнивали с новым и модным тогда «Лицеем» Лагарпа — а читая его как «подражание лагарповскому „Лицею“», нельзя было не воскликнуть: «...но какое расстояние от образца до копии!»¹⁵⁶

¹⁵⁰ [Шишков А. С.]. Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика. С. П.

¹⁵¹ Там же. С. 60–61.

¹⁵² [Б. п.]. [Рец. на:] Пролозия к медицине как основательной науке от Данилы Велланского, в СПб. в Мед. типографии. 1805 // Лицей. 1806. Ч. 1. Кн. 1. С. 67.

¹⁵³ Там же. С. 72.

¹⁵⁴ Корифей. 1803. Ч. 1. № 3. С. 3.

¹⁵⁵ [Галинковский Я. А.]. К читателям // Там же. 1803. Ч. 1. № 6. С. 182 венум.

¹⁵⁶ [Richter J.]. Notizen über die neueste russische Litteratur. S. 152; *Лотман Ю. М.* Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. С. 236. Мы не приводим здесь доказательств ценности «Корифея», так как она уже достаточно общепризнана: «Корифей» служит одним из основных источников для составления «Словаря русского языка XVIII века»; признана новизна для отечественной культуры многих приведенных Галинковским сведений из иностранных источников и его импортных эстетических воззрений. Так, А. Н. Егунов с симпатией писал о Галинковском — его приоритете в изложении по-русски новейшего европейского представления о «гомеровском вопросе» и в характеристике стиля Гомера, четверть века спустя повторенной Н. И. Гнедичем, он также высоко оценил «переводы-пересказы» Галинковским многих эпизодов гомеровских поэм белыми дактилями, с использованием двусоставных эпитетов, стилистически превосхитившие опыты Гнедича, и реабилитацию им гекзаметров «Телемахиды» Тредиаковского (*Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. С. 141–145). Н. Д. Кочеткова считает, что в антологии «Красоты Стерна» (1801) содержатся «наиболее удачные переводы из Стерна» в ту эпоху (*Кочеткова Н. Д.* Середина 1780-х годов — 1800: Сентиментализм // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. Проза / Отв. ред. Ю. Д. Левин. С. 278), и указывает, что Галинковский первым использовал по-русски англицизмы «сентиментальный» и «юмор». Приоритет Галинковского в пропаганде в России Шекспира и именно «Бури» отмечен в статье П. Р. Заборова в коллективной монографии «Шекспир и русская культура» (Л., 1965. С. 85–86), как и то, что Галинковский одним из первых стал переводить Шекспира с английского оригинала белым (шестистопным) ямбом. Галинковский также первый предпринял попытку адекватно передать по-русски белый безрифменный стих «Потерянного рая» Мильтона, отказавшись от «закоснелой неволи» рифмы и от ямбов, «сделавшихся почти незначащими от ежедневного их употребления» (см. подробнее: *Баскина (Маликова) М. Э.* Английская поэзия // История русской переводной художественной литературы, 1800–1825: Очерки / Отв. ред. В. Е. Багно, Е. Е. Дмитриева, М. Ю. Коренева. СПб., 2022. С. 382–386). Также признана роль «Корифея» в отечественном усвоении творчества Вольтера (*Заборов П. Р.* Вольтер в России конца XVIII — начала XIX в. // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. М. П. Алексеев.

С другой стороны, «пестрый» и «безвкусный» стиль Галинковского подвергся критике сторонников и старого, и нового слога, причем Макаров и Шишков выступили в унисон: Макаров утверждал, что в «Корифее» собственно эстетическую «материю» заменяет «множество новых слов, которыми ни один еще русский лексикон не украшен», для чего, придав речи Галинковского вид галиматъи, выписал их подряд из разных частей книги, начав с субстантивов на «-ность» («*Начитанность — сердечность — равносторонность* (вместо политического равновесия) — *чинность — неписьменность* (вместо простоты) — *фигурность — изящная обдуманность...*»)¹⁵⁷ — над ними же, как уже говорилось, посмеялся Шишков, говоря о том, что Галинковский вместо русского слова «словесность» использует «письменность», которое «в российском языке столь же обширный смысл имеет, как *полотненность, бумажность, грибовность* и проч.».¹⁵⁸ Нужно заметить, что в целом критика Шишкова более точно направлена, чем остроумие Макарова, так как сосредоточена на ключевых в «Корифее» понятиях «жени» и «литература». Шишков считает, что Галинковский использует галицизм «литература» и его этимологическую кальку «письменность» просто ради того, чтобы заменить коренное русское слово «словесность» заимствованным. На самом деле Галинковский дифференцирует их семантически: «Слово *литература* будет на русском не столько *словесность*, сколько *любословие, наука письмен*, или ближе к переводу если позволят назвать, *письменность*; наука, которая посредством литер (т. е. букв или письмен) изображает заимствованные предметы из природы усовершенствованной, вкуса, воображения. Приняв это слово, можно назвать литератора *письменным* человеком».¹⁵⁹ Галинковский тут выступает прежде всего как ученый переводчик, считая, что русское слово «словесность» не в полной мере передает смысл «*littérature*», которое он понимает в значении «науки», т. е. нормативной эстетики и критики, ср.: «...особенно приписывают ей (литературе. — М. Б.) критику грамматическую и самые сочинения, относящиеся к сему предмету. <...> упражняющихся в оной наиболее называют учеными *Litterati, gens des lettres*».¹⁶⁰

Л., 1970. С. 120–121), А. Коцебу (*Мельникова С. И. Коцебу в России*. СПб., 2005. С. 162, 169–170), польской литературы (*Dąbrowska M. Jakowa Galinkowskiego klucz do literatury europejskiej — «Pro et contra» // Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze*. 2014. № 24. P. 41–50), и др.

¹⁵⁷ Московский Меркурий. 1803. Ч. 3. № 7. С. 42.

¹⁵⁸ [Шишков А. С.]. Рассуждение о старом и новом слоге... С. 296–298. Сам Галинковский, характерным для него бесстыльным пестрым образом, пользуется в одной фразе всеми синонимами понятия «литература»: «Если бы намерение мое было проходить систематически курс *литературы*, я бы должен был здесь повторять уроки Мармонтеля, Батгё, Лагарпа; но <...> я буду довольствоваться обработанием обширнее лучших частей *словесности* <...> и легкими примечаниями на все прочие роды *письмен*» (Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 34–35; курсив мой. — М. Б.).

¹⁵⁹ Корифей. 1802. Ч. 1. № 1. С. 27.

¹⁶⁰ Там же. Сходным образом «литературу» и «словесность» дифференцирует Яновский: «Литература, от латинского слова *Litterae*, письмена, буквы, значит письменность, словесность и берется за ту часть учености, которая упражняется в изучении языков, в переводах, в словесном разборе и истолковании писателей и в суждении об оных, относительно выражений слов и наблюдения правил грамматики, поэзии и риторики <...>. Русское название есть более общее и в сем смысле употребляется за неимением другого такого, которое выражало бы точно латинское слово *литература*, которое однако иногда переводят словесностию. От сего происходит не только смешение в понятиях об учености, но и к самому сему слову некоторое неуважение» (Яновский Н. М. Новый словотолкователь. Ч. 2. Стб. 578). Ср. другое, более близкое к современному, представление о словесности как «общем наименовании сочинений, писанных стихами и прозою» в «Рассуждении о словесности», прочитанном А. А. Писаревым 18 ноября 1805 года в ВОЛНСХ (Лицей. 1806. Ч. 1. Кн. 1. С. 26); к слову «словесность» Писарев делает примечание, нивелирующее дифференциацию Галинковского и Яновского: «Словесность, письмена, письменность, литература (*literature*) имеют одно значение» (Там же).

Предпринятый нами опыт перефокусировки исследовательской оптики для описания небольшой фигуры несветского литератора-неудачника, чуждого известным литературным объединениям, почти случайно вынесенного на поверхность литературной жизни в начале александровского царствования и получившего редкую для такого типа фигур возможность пространно высказаться в «Корифее» и статьях «Северного вестника», позволил увидеть, что взгляд на нее с точки зрения крупных литературных деятелей и победивших направлений ценен для описания последних, современники в основном использовали малозначительного молодого литератора как повод для очередного полемического утверждения своей позиции и упражнения в желчном остроумии, мало интересуясь собственно его взглядами. Их слова весомее в истории литературы, лучше документированы, громче слышны. Однако если задаться целью описания «лично-особенных» взглядов «бездарного педанта» Галинковского и, вероятно, других аналогичных литературных фигур, то такой подход, кажется, им не адекватен. Во всяком случае, чтобы увидеть Галинковского, нужно извлечь его из рамки анти-/карамзинизма — шишковизма и соотнести с иным кругом — выходящим из небогатой малороссийской среды, несветских ученых переводчиков — ученого сословия довоенного александровского царствования.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-47-59

© А. В. ВОЛКОВ

О ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Я. А. ГАЛИНКОВСКОГО

В истории литературы Яков Андреевич Галинковский (1777–1815)¹ остался прежде всего благодаря единолично издававшемуся им в 1802–1807 годах периодическому изданию «Корифей, или Ключ литературы». По определению Ю. М. Лотмана, «это был разделенный на выпуски курс теории искусства (во многом обнаруживающий зависимость от различных источников) с обширными экскурсами в различные области истории и культуры».²

Значительное внимание в «Корифее» уделено рассмотрению зарубежных литератур, поэтому неизбежным было обращение Галинковского к вопросам перевода. Какого-либо специального раздела, посвященного переводческому искусству, в «Корифее» нет, однако частные высказывания о переводе — как и совсем краткие, так и относительно развернутые — встречаются в издании постоянно; несмотря на свою спорадичность, они складываются в довольно последовательную систему. При характеристике некоторых классических произведений, главным образом относящихся к античной литературе, Галинковский касается их существующих переводов на русский и другие языки. Во многих случаях он приводит отрывки в собственных переводах, а иногда предлагает несколько своих вариантов перевода одного и того же фрагмента. Поскольку Галинковский рассматривает вопросы перевода главным образом на материале стихотворных произведений (эпической поэзии и драматургии),

¹ См. о нем: Лотман Ю. М. Галинковский Яков Андреевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г. С. 515–516.

² Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 235.

то он не обходит стороной и проблему передачи формальных особенностей оригинала.

К началу XIX века в русской литературе преобладала вполне отчетливая переводческая парадигма, для которой была характерна ориентация не на передачу особенностей оригинала, а на создание переводного текста, который отвечал бы требованиям русского литературного языка. Показательны в этом смысле высказывания о переводе, принадлежащие лидерам двух противоборствующих литературных лагерей того времени — Н. М. Карамзину и А. С. Шишкову. Карамзин в предисловии к своему переводу «Юлия Цезаря» (1786) объявлял, что «старался перевести верно, стараясь притом избежать и противных нашему языку выражений», добавляя: «Мыслей автора моего нигде не переменял я, почитая сие для переводчика непозволенным».³ Рецензируя перевод одной французской комедии, Карамзин усматривал его достоинство в том, что он «чист и гладок», а в качестве недостатка указывал калькирование французского синтаксиса: «Это слишком по-французски».⁴ Два десятилетия спустя в предуведомлении к «Переводу двух статей из Лагарпа» (1808) Шишков, протестуя против внедрения в русский язык иноязычных заимствований, высказывает, в сущности, аналогичные мысли об особенностях переводческого труда: «Разность между переводчиком и списывальщиком, подобно как между писателем и писарем, состоит в том, что первый рассуждает и старается выразить мысли подлинника, а другому нет никакой нужды размышлять; ему надобно только затвердить слова, и где пришло на память русское, так и поставить русское, а где нескорю оно отыскать можно, там, избавляя себя от скучного умствования, поставить иностранное слово».⁵ И Карамзин, и Шишков видели задачу переводчика в передаче мыслей переводимого автора в соответствии с нормами русского языка — сколь ни различным было представление обоих литераторов об этих самых нормах. Галинковский, в разные периоды своей литературной деятельности сближавшийся то с карамзинистами, то с «Беседой любителей русского слова», в пору издания «Корифея» занимал обособленное положение, не примыкая ни к одному из литературных лагерей. Поэтому и переводческая позиция Галинковского более явственно проявляется, будучи рассмотрена в контексте господствовавших в ту эпоху представлений.

Распространенной переводческой практикой, унаследованной от XVIII века и продолжавшей существовать в начале нового столетия, было активное использование текстов-посредников, прежде всего французских.⁶ При этом с текстами-посредниками могли обращаться самым различным образом, что особенно наглядно видно на примере переводов античной литературы: прозаические французские переводы перелагались на русский как прозой (таков перевод «Фарсалии» Лукана, выполненный С. Филатовым с перевода Ж.-Ф. Мармонтеля), так и стихами (переводы П. И. Голенищева-Кутузова из Пиндара, Гесиода, Феокрита). Стихотворные французские переводы из античных поэтов также передавались русскими авторами и в стихотворной форме (таковы переводы П. И. Голенищева-Кутузова из Мосха и Биона или многочисленные переложения второй оды Сафо с переводов Н. Буало и Ж. Делиля), и — хотя и реже — в прозаической (переложение П. Ю. Львовым эпизода из «Георгик» Вергилия с французского перевода Ж. Делиля).

³ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 81.

⁴ Московский журнал. 1791. Ч. 1. С. 232.

⁵ Цит. по: Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1814. Ч. 2. С. 301.

⁶ См.: Заборов П. Р. Переводы-посредники в истории русской литературы // Res traductologica: перевод и сравнительное изучение литератур: К восьмидесятилетию Ю. Д. Левина. СПб., 2000. С. 38–49.

Наконец, необходимо упомянуть, в какой степени русские переводчики конца XVIII — начала XIX века задавались целью передать формальное своеобразие переводимого оригинала (речь идет, разумеется, о переводах стихотворных текстов). В то время преобладали два, казалось бы, полярных подхода к переводу стихов: с одной стороны — прозаический перевод, с другой — перевод с использованием рифмованного стиха и употребительных в русской поэзии того времени стиховых форм. Наибольшее распространение имел александрийский стих, применявшийся не только в переводах французской поэзии и стихотворной драматургии, но и, например, английского «героического куплета» или античного гекзаметра. Впрочем, в последней четверти XVIII века начали предприниматься попытки освободить шестистопный ямб от рифмы — прежде всего с целью более точной передачи содержания подлинника, а не формальных особенностей. Так, Я. Б. Княжнин переводил нерифмованным шестистопным ямбом «Генриаду» Вольтера и трагедии Корнеля, в оригинале написанные александрийским стихом.⁷ Аналогичный размер время от времени использовался для передачи нерифмованного стиха — античного гекзаметра или шекспировского пятистопного ямба. Впрочем, подобные опыты оставались единичными; в подавляющем большинстве случаев зарубежная поэзия переводилась или рифмованным стихом, или прозой.

Галинковский в «Корифее» затрагивает ряд актуальных для начала XIX века вопросов, связанных с литературным переводом (прежде всего стихотворных произведений): использование текстов-посредников; передача формальных особенностей оригинала; проблемы точности и вольности перевода. Эти вопросы нередко оказываются взаимосвязаны. В первой книжке «Корифея» Галинковский перечисляет основные сочинения, касающиеся вопросов литературного мастерства и красноречия. Характеризуя трактат «О возвышенном» Псевдо-Лонгина (в начале XIX века его автором считался ритор и философ III века Дионисий Кассий Лонгин), Галинковский останавливается на его известном французском переводе, выполненном Н. Буало: «От всех его сочинений остался нам только его превосходный трактат, „О высоком“, который Буало перевел по-французски: то есть, весьма не близко к подлиннику и своим манером с приложением многих оборотов, многих прикрас, не найденных в подлиннике».⁸

Выражение «перевел по-французски» выступает у Галинковского своего рода термином, значение которого он сразу же раскрывает; перевод «по-французски» подразумевает значительную вольность, сокращения и добавления, адаптацию текста под собственные литературные вкусы переводчика. Критику французских переводов Галинковский продолжает при характеристике трагедий Софокла: «Лучший перевод на французском г-на Рошефорта, который во многих местах сравнивали знатоки; и находят довольно точным. Но надобно читать все французские переводы с осторожностью; потому что они обыкновенно любят украшать оригиналы, придавать им свои манеры — и следовательно обманывать читателя; так же Патра Брюмоя, Гина, Дююи, Дасье и проч».⁹

⁷ См.: Кукункина Е. Д. Пьер Корнель в России // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27. Пути развития русской литературы XVIII века. С. 374–375.

⁸ Корифей. СПб., 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 41.

⁹ Там же. Кн. 2. С. 38. Упомянуты французские литераторы: Гийом Дюбуа де Рошфор (1731–1788), автор стихотворных переводов «Илиады» и «Одиссеи», а также прозаического перевода трагедий Софокла; иезуит («патер») Пьер Брюмоя (1688–1742), составитель и комментатор многотомного «Греческого театра» (Le Théâtre des Grecs; первое издание — 1730, второе издание — 1747); ученый-эллинист Пьер-Луи-Клод Жен (1726–1807), переводивший прозой Гомера и Гесиода; Луи Дююи (1709–1795), переведший для «Греческого театра» трагедии Софокла; знаменитые филологи-классики Андре Дасье (1651–1722) и его жена Анна (1654–1720).

Наконец, еще одну характеристику французского метода перевода Галинковский дает при упоминании перевода «Потерянного рая» Дж. Мильтона, выполненного Ж. Делилем: «...привожу его вступление нарочно для того, чтоб показать читателям, как переводят французы. Как мало придерживаются они подлинника, когда могут заменить его своими красотами!»¹⁰ Впрочем, по мнению Галинковского, перевод, выполненный подобным методом, может обладать и своими литературными достоинствами, однако его едва ли правомерно было бы называть переводом в строгом смысле слова. Упомянув о Делиле в дальнейшем, Галинковский указывает, что французский поэт «написал поэтический перифраз Георгиков с таким превосходством».¹¹

На французских переводах Галинковский останавливается неслучайно: именно они были основным источником знакомства русской читающей публики с античной литературой, а также с некоторыми европейскими (в частности, английской); однако, в силу обозначенных причин, читать эти переводы, по мнению Галинковского, следует «с осторожностью».

Непосредственно после характеристики перевода Буало Галинковский сообщает следующее: «Г<осподин> Мартынов, упражняющийся в греческой литературе, сличая подлинного Лонгина с подкрашенным французским, решился перевести его гораздо ближе на русский язык и успел в этом: публика скоро, может быть, увидит сей новый опыт его трудолюбия».¹² Иван Иванович Мартынов (1771–1833), впоследствии получивший известность главным образом как переводчик и издатель многотомной серии «Греческие классики» (1823–1829), входил в число немногих литературных знакомств Галинковского. Упоминание в «Корифее» перевода Псевдо-Лонгина отчасти имеет характер анонса и может восприниматься как своего рода дружеская услуга; в свою очередь, Мартынов в издававшемся им журнале «Северный вестник» (1804–1805) поместил несколько сочувственных отзывов о «Корифее», а также ряд критических публикаций самого Галинковского. Однако высказывание о переводе Мартынова может в определенной мере служить для характеристики взглядов Галинковского на перевод. Галинковский упоминает о профессиональных занятиях Мартынова древнегреческой словесностью («упражняющийся в греческой литературе») — соответственно, достоинство перевода состоит в том, что он сделан с оригинала. Как уже указывалось, в начале XIX века имели значительное распространение переводы древнегреческой литературы с французских текстов-посредников. Если рассматривать выполненные подобным методом переводы с позиций Галинковского, то они, подобно своим непосредственным источникам, также «обманывают читателя» и потому не могут считаться удовлетворительными. Следовательно, полноценный перевод может быть выполнен только с оригинала, человеком, знающим язык и не вынужденным прибегать к тексту-посреднику (каковым был «упражняющийся в греческом языке» Мартынов). В одной из статей, помещенных в «Северном вестнике», Галинковский довольно пренебрежительно отзывается о переводе од Пиндара, осуществленном П. И. Голенищевым-Кутузовым с текста-посредника: «Как не уведомить читателей о переводе Пиндара (неизвестно с какого языка), который выдают за классический и который должно поставить в числе самых посредственных?»¹³

¹⁰ Корифей. 1807. Ч. 2. Кн. 11. С. 218.

¹¹ Там же. 1804. Ч. 2. Кн. 7. С. 295. Курсив мой. — А. В.

¹² Там же. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 41.

¹³ Северный вестник. 1805. Ч. 6. № 6. С. 291–292. Двухтомные «Творения Пиндара, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым» были выпущены в 1803–1804 годах, без указания, с какого языка выполнен перевод, что, очевидно, и послужило причиной язвительного выпада Галинковского («неизвестно с какого языка»). Основой для перевода Голенищева-Кутузова по-

Впрочем, в собственной переводческой практике Галинковский несколько раз прибегает к текстам-посредникам. В «Трактат о красноречии» в составе 8-й книги «Корифея» Галинковский включает ряд выдержек из речей знаменитых античных ораторов, при этом делая следующее примечание: «Сии речи сличены с подлинником — однако ж они не во всех местах переведены до слова — здесь нужны были только примерные извлечения. — Речи Димосфеновы переведены из Лагарпа».¹⁴ В сущности, весь «Трактат о красноречии» представляет собой конспект третьего тома «Лицея» Ж.-Ф. Лагарпа, посвященного ораторскому искусству древности; Галинковский довольно близко воспроизводит структуру первоисточника, сохраняя даже названия разделов, хотя иногда и меняя их последовательность. Вероятно, из Лагарпа переведены не только речи Демосфена («О Херсонесе» и «О венке»), но и фрагменты из сочинений римских авторов (Квинтилиана, Цицерона, Плиния Младшего): примечание, что переводы «сличены с подлинником», вполне определенно указывает, что перевод выполнен не с оригинала. Очевидно, обращение к тексту-посреднику Галинковский считает допустимым при определенных условиях, когда необходимо дать читателю лишь общее представление об иностранном сочинении, в данном случае — проиллюстрировать риторические приемы, употреблявшиеся древними ораторами. Таким образом, к фрагментарному переводу, преследующему ознакомительные цели и включенному в состав статьи или обзора, могут быть предъявлены менее строгие требования, нежели к полному переводу, издаваемому с указанием имени автора на титульном листе. К текстам-посредникам Галинковский прибегал не только для перевода выдержек из сочинений античных ораторов: при переводе фрагмента из «Ахилла на Скиросе» П. Метастазии он, по собственному признанию, «пользовался французским переводом кавалера д'Арбле», хотя при этом приводит текст своего перевода параллельно с итальянским оригиналом.¹⁵ Впрочем, обтекаемую формулировку Галинковского можно понимать в том смысле, что, переводя с оригинала, он лишь сверялся с французским переводом.

Перевод Мартынова, упомянутый Галинковским, был опубликован в 1803 году; о своих переводческих принципах Мартынов упоминает в «Предупреждении» довольно сжато: «О переводе скажу, что я старался сделать его сколько можно исправнее».¹⁶ Однако в дальнейшем, при издании «Греческих классиков», Мартынов предварит свой труд высказыванием, вполне отчетливо

служил французский прозаический перевод П.-Л.-К. Жена (см.: Волков А. В. П. И. Голенищев-Кутузов — переводчик древнегреческой поэзии // Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века: Сб. статей и материалов. СПб., 2017. С. 130–131). Любопытно, что в 1807 году, выпуская свой перевод поэм Гесиода, Голенищев-Кутузов сообщал в «Предупреждении»: «В заглавии оного не сказано, с какого языка я сей перевод сделал; сею я точно и сказать не могу, поелику я в труде моем кроме англинского, французского и немецкого переводов вспомоществуем был советами человека, хорошо знающего по-гречески и указывавшего мне, в котором из вышесказанных переводов какое место ближе к греческому подлиннику; следовательно, я переводил с трех разных языков» (Творения Гесиода, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1807. С. V). Эти слова, по всей видимости, следует воспринимать как реакцию (отчасти, возможно, ироничную) на критическое высказывание Галинковского.

¹⁴ Корифей. 1804. Ч. 2. Кн. 8. С. 159.

¹⁵ Там же. 1803. Ч. 1. Кн. 2. С. 79–97. Возможно, имеется в виду Александр Жан-Батист Пиошар д'Арбле (1748–1818), французский генерал, в революционные годы эмигрировавший в Англию; муж писательницы Фрэнсис Берни (1752–1840). Отец последней, музыкальный критик Чарльз Берни (1726–1814) был автором биографии Метастазии. Д'Арбле принадлежит ряд литературных опытов, поэтому он может быть вполне вероятной кандидатурой на авторство перевода из Метастазии. Однако о публикации принадлежащего ему перевода соответствующего отрывка на данный момент неизвестно. За указание приношу благодарность А. О. Демину.

¹⁶ [Псевдо-Лонгин]. О высоком или величественном. Творение Дионисия Лонгина. СПб., 1803. С. IV.

соотносимым с рассуждениями Галинковского: «Украшенные, распространенные или сокращенные переводы хороши для чтения, но не для большего ознакомления с автором читателя, не знающего его языка».¹⁷ Выражение «украшенные переводы» перекликается с характеристикой «подкрашенный», которую Галинковский дал переводу Буало. Однако Мартынов признает за «украшенными переводами» чисто литературные достоинства, подобно тому как Галинковский высоко оценивал «поэтический перифраз» «Георгик» Вергилия, принадлежащий Делилю. Высказывания Галинковского и Мартынова разделяют два десятилетия; однако они, по всей вероятности, служат иллюстрацией принципов, характерных для переводческой практики Мартынова начала–середины 1800-х годов: его переводы гимнов Каллимаха, помещенные в 1806 году в издававшемся им журнале «Лицей», не сильно отличаются от переводов в составе «Греческих классиков» (том Каллимаха вышел в 1823 году); изменения же в переводе Псевдо-Лонгина обусловлены, вероятно, тем, что при подготовке переиздания перевода Мартынов пользовался новейшим критическим изданием, тогда как первоначальный вариант был выполнен по изданию Я. Толлия (1694).¹⁸

У «Греческих классиков» Мартынова обнаруживается еще одна точка соприкосновения с «Корифеем». Раздел «Отрывки из лучших трагиков» Галинковский открывает фрагментом из «Трахинянок» Софокла в оригинале и собственном переводе, причем тексты представлены довольно необычным образом: греческий текст дан без членения на строки, как прозаический, а под каждым греческим словом помещено соответствующее русское; русский перевод выглядит следующим образом: «О многая — и жестокая и словом злая и руками и хребтами поборовший я. И ниже таковое ни супруга — Зевеса предложила ниже — ужасный Еврисфей мне каково сие — коварная Оинева девица возложила плечам — моим фурий сотканное облачение, коим погибаю плечам бо прилепясь из — последнее пожрало тело легкого и жилы снедает сопребывая; из же бледную кровь мою испила уже и растлел составом всем, несказанными сими связанный узами».¹⁹ Подобные словесные ребусы не могут не оставить читателя в недоумении, однако Галинковский никак не комментирует свое переводческое решение. Далее, в этом же номере «Корифея», в разделе «Рассмотрение Софоклова Эдипа», он аналогичным образом приводит текст вступительного монолога заглавного героя трагедии, с той разницей, что текст оригинала разделен на стихотворные строки.

В 1823 году, издавая «Илиаду» в составе «Греческих классиков», Мартынов привел не только прозаический перевод, помещенный параллельно оригиналу, но и буквальный перевод, расположенный точно таким же образом, как и в вышеупомянутых отрывках из Софокла в «Корифее»: под каждым греческим словом было подписано соответствующее русское. Целью этого, по словам Мартынова, было стремление продемонстрировать невозможность буквального перевода: «Первую песнь с междустрочным переводом издаю, как первый опыт таковых переводов на русском языке; сим желал я как показать разность между свойством греческого и нашего языка, трудность и невозможность удержать в переводе все обороты, частицы и слова подлинника, если не желательно быть странным, так и угодить почтенным особам, настоятельно сего от меня требовавшим».²⁰

¹⁷ Греческие классики, переведенные Иваном Мартыновым. СПб., 1823. Ч. 1. Басни Езоповы. С. III–IV.

¹⁸ См.: Колбасин Е. И. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 17–18.

¹⁹ Корифей. 1803. Ч. 1. Кн. 2. С. 78. Сохранена пунктуация первоисточника.

²⁰ Греческие классики, переведенные с греческого языка Иваном Мартыновым. СПб., 1823. Ч. 7. Кн. 10. Омирова Илиада. Ч. 1. С. XXII.

Мартынов проявляет забывчивость (возможно, намеренную), заявляя, что его «междустрочный» перевод является первым таковым на русском языке; едва ли можно допустить его незнакомство с аналогичными опытами Галинковского в «Корифее». Однако у Мартынова этот перевод помещен в качестве примера, каким перевод не должен, да и не может быть, по свойствам русского языка. У Галинковского дословный перевод, откровенно нарушающий русскую грамматику (чего стоит постпозитивное расположение предлогов), приведен без каких-либо оговорок, а в случае с «Трахинянками» — как единственный русский вариант перевода. Единственное назначение подобного перевода может состоять в том, чтобы он служил подспорьем при изучении древнегреческого языка, тем более у Галинковского он неотделим от оригинального текста; однако подобные фрагменты уместнее выглядели бы в хрестоматии, в сопровождении грамматического комментария, а не в труде, посвященном истории и теории литературы.

Параллельно с греческим текстом (и, соответственно, подстрочным переводом) монолога из «Царя Эдипа» Галинковский помещает также стихотворное «подражание», выполненное нерифмованным шестистопным ямбом. В сравнении с дословным переводом это подражание выглядит следующим образом:

О чада Кадма — древнего новое племя,
Какие убо седалища сии мне возлежите,
Молебными ветвями увенчанные,
Град же купно — фимиамами исполнен,
Купно же пенни и — стенанияи,
Что я рассуждая не чрез вестников, чада!
Сторонних слышать сам сюда пришел,
Всем преславный Эдип именуемый.

О Кадма древнего род новый, знаменитый —
Фебанцы! — для чего вы тако возлежите
На сих седалищах, с молебными ветвями,
В десницах ваших? — град исполнен фимиама,
И пеней жалобных и жертвенных стенаний.
Судя, что знать о том, любезные мне чада!
Не чрез сторонню весть довлело — я пришел,
Сам ваш Эдип пришел, прославленный повсюду.²¹

В «подражании» Галинковский несколько проясняет текст: вводит обращение «фебанцы», изображает граждан Фив с ветвями «в десницах» (в оригинале причастие *ἐξοστεμμένοι*, буквально означающее «увенчанные, увитые»; это значение отражено в подстрочном переводе). Несколько усилена экспрессия, введен ряд эпитетов — «знаменитый род», «жалобные пеня», «любезные чада»; не находит опоры в оригинале и двукратное повторение «пришел». Тем не менее «подражание» Галинковского представляет собой невольное переложение, а вполне близкий к подлиннику перевод. Особо следует отметить, что в переводе выдержана не только эквиливарность, но и стремление воспроизвести движение фразы относительно стиха. Определение этого текста как «подражание» можно связать, очевидно, с авторской скромностью Галинковского, не дерзающего равняться с самим Софоклом; неслучайно «подражанию» он предпосылает следующие слова: «...вот слабый отголосок лиющегося, пламенного языка афинянина, которую <sic!> только в одном подлиннике, и одним приобщенным к таинствам поэзии, понимать и чувствовать можно».²² Помимо монолога Эдипа Галинковский приводит в стихотворном переводе более пространственный ответный монолог «первосвященника», который, однако, не сопровождается текстом оригинала. Наконец, в завершении «Рассмотрения Софоклова Эдипа» Галинковский помещает два фрагмента из финала трагедии — монолог вестника, описывающий самоубийство Иокасты и самоослепление Эдипа, и заключительный монолог Эдипа; эти отрывки

²¹ Корифей. 1803. Ч. 1. Кн. 2. С. 124–125.

²² Там же. С. 123.

Галинковский переводит прозой, со следующим предупреждением: «Но если в стихах ослаблен подлинник, то не ожидайте ничего, кроме самого посредственного, от прозы».²³ Таким образом, прозаическому переводу стихов Галинковский отказывает в эстетической ценности, оставляя за ним сугубо информативную функцию; в данном случае перевод призван показать трагизм ситуации, изображенной в «Эдипе», а не передать поэтические достоинства оригинала. Кроме того, вступительный монолог Эдипа Галинковский приводит также во французском прозаическом переводе вышеупомянутого Дюбуа де Рошфора, и слова о «посредственности» прозаического перевода могут быть отнесены также к нему; в этом можно усмотреть очередной выпад Галинковского против французских переводов. По всей видимости, из предложенных на материале «Царя Эдипа» трех методов перевода стихотворного произведения (дословный перевод; стихотворное «подражание»; прозаический перевод) наиболее предпочтительным для Галинковского является второй; даже если в стихотворном подражании «ослаблен подлинник», оно все равно эстетически выше прозаического перевода, от которого нельзя ожидать «ничего, кроме самого посредственного». Стихотворный же перевод может быть если не конгениален подлиннику, то по крайней мере выше посредственности.

Тем же нерифмованным шестистопным ямбом, что и фрагменты из «Царя Эдипа», Галинковский переводит фрагменты еще двух драматических произведений — либретто П. Метастазо «Ахилл на Скиросе» и «Бури» У. Шекспира. В предупреждении к «Отрывкам из лучших трагиков» Галинковский обосновывает формальное решение, примененное им в переводах: «Я назначил для Мельпомены белые стихи; ими писаны самые мастерские творения; на что же брать на себя иго рифмы в переводе, когда и в оригиналах оно отброшено!»²⁴ Употребляя в переводах белый стих, он стремится передать формальные особенности подлинника, а не облегчить себе задачу, избавившись от необходимости подыскивать рифмы. Если же рифма присутствует в оригинале, Галинковский пытается по мере сил ее сохранить. В рифмованном переводе он приводит фрагмент из «Родогуны» П. Корнеля, хотя рифмы даются ему с очевидным трудом:

Люблю и я! — познай всю тайну чувств моих:
С досадою она из уст исторглась сих;
Но коль исторглася — скидаю мрак наружной.
Нельзя, нельзя мне быть к обеим равнодушной
Средь ненависти к вам, один пленил меня:
Люблю; и самый вздох сей говорит — тебя.²⁵

Нерифмованный шестистопный ямб, используемый Галинковским, представляет собой, в сущности, освобожденный от рифмы александрийский стих, с сохранением обязательной цезуры после третьей стопы. Этим стихом он передает целый ряд стихотворных форм, относящихся к различным системам стихосложения: древнегреческий ямбический триметр, итальянский силлабический одиннадцатисложник, английский пятистопный ямб. В силу этого переводы Галинковского выглядят несколько однообразно; но в эпоху господства в переводной поэзии рифмованных стихов отказ от рифмы уже сам по себе выглядел довольно смелым новаторством. Кроме того, будучи переведенными одним и тем же стихом, Софокл и Шекспир (а также Метастазо) как бы

²³ Там же. С. 129.

²⁴ Там же. С. 76.

²⁵ Там же. С. 111.

встают в один ряд и оказываются в оппозиции к Корнелю, представителю французского классицизма, к которому Галинковский относится без особого пиетета. Если о Софокле и Шекспире Галинковский говорит исключительно в восторженных выражениях, а фрагмент из Метастазии сопровождается указанием, что «подлинник превосходен», то «Родогуну» он характеризует более сдержанно, ограничиваясь сообщением, что эту трагедию высоко ценил сам автор: «*Родогуня* трагедия, по суду самого Корнеля, есть одна из лучших театральных произведений». ²⁶ Крайне критично отзываясь Галинковский о Корнеле в помещенных в том же выпуске «Корифея» примечаниях на трагедию Корнеля «Горацій», причем Корнелю неоднократно противопоставляется Шекспир: «Эти монологи вовсе не шекспировские. В них более скуки, пустословия, нежели поэзии»; «Следуйте за сими примечаниями вдоль по пьесе. Вы найдете много мест превосходных, — но как далеко вся она от какого-нибудь *Гамлета, Царя Лура, Ю. Кесаря*». ²⁷

Белый стих Галинковский использует не только в переводах драматургии; в 11-й книжке «Корифея», посвященной Мильтону, помещено несколько отрывков из «Потерянного рая», переведенных все тем же нерифмованным шестистопным ямбом. ²⁸ Кроме того, через несколько лет после «Корифея» Галинковский поместил в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» пространную статью «Рассмотрение Овидия», ²⁹ мыслившуюся им как продолжение «Опыта о славнейших эпических стихотворцах» в составе «Корифея». Фрагменты из сочинений Овидия (главным образом «Метаморфоз») Галинковский цитирует в собственных переводах, среди которых есть как прозаические, так и стихотворные, причем в стихотворных он вновь использует нерифмованный шестистопный ямб. Употребление этого размера для передачи гекзаметра представляется не столь оправданным, как для передачи ямбического триметра или пятистопного ямба шекспировских пьес и мильтоновской поэмы. Однако фрагмент о сотворении мира из «Метаморфоз», переведенный этим размером, отчетливо соотносится с «Потерянным раем»; устранив мифологические образы, присутствующие в латинском оригинале, Галинковский (думается, вполне умышленно) придает стихам Овидия библейское звучание:

Еще златых лучей не проливало *Солнце*;
 Ни новья *луны* не округлялся лик;
 Ни круговодный шар на воздухе не плавал,
 Уравновешенный своею тяготою.
 Ни по краям земли не простирал еще
 Шумящий Океан своих прозрачных дланей:
 Все — море и земля и воздух то же были. ³⁰

Справедливости ради отметим, что в 17 ямбических стихах Галинковскому удается довольно точно передать содержание 16 гекзаметрических стихов оригинала. Однако он отмечает, что в переводе «не можно довольно выразить приятности и согласия в стихах подлинника, сколько бы ни близко были

²⁶ Там же. С. 106.

²⁷ Там же. С. 140.

²⁸ См.: *Маликова (Баскина) М. Э.* Английская литература в русских переводах. Поэзия // История русской переводной художественной литературы 1800–1825 гг.: очерки. СПб., 2022. С. 382–386.

²⁹ Чтения в Беседе любителей русского слова (далее — ЧБЛРС). СПб., 1813. Ч. 11. С. 20–69.

³⁰ Там же. С. 27. Упомянутые в подлиннике Титан, Феба, Амфитрита заменены соответственно на солнце, луну, океан.

переведены иные стихи».³¹ Другие фрагменты «Метаморфоз» Галинковский приводит в прозаических переводах, в которых, однако, не стремится к буквальному следованию за оригиналом. Поскольку «Рассмотрение Овидия» представляет собой публикацию доклада, предназначенного для прочтения на заседании «Беседы любителей русского слова», то включенные в него цитаты Галинковский стремится сделать более пригодными для восприятия на слух: «Я не хотел для публичного чтения переводить Овидия буквально; поелику для слушателей не столько нужна была классическая верность, сколько приятность повествования — и потому осмелился переводить в роде перифраза, чтоб выяснить более прелесть и простоту слога Овидиева».³² Галинковский выражает весьма знаменательную мысль, что метод перевода может различаться в зависимости от его целей. Таким образом, представляется невозможным создание одного, универсального перевода; напротив, желательным становится сосуществование нескольких переводов одного текста, имеющих различное предназначение.

Вопросы, связанные с переводом, затрагиваются в седьмой книге «Корифея», посвященной Гомеру и Вергилию. Основное внимание Галинковский уделяет «Энеиде» Вергилия; если в случае с Гомером Галинковский ограничивается общими сведениями об авторе (уделяя внимание и «гомеровскому вопросу») и кратким пересказом «Илиады» и «Одиссеи», то содержание «Энеиды» излагается подробно, по книгам. При изложении поэм Гомера и Вергилия Галинковский приводит некоторые фрагменты в собственных прозаических переводах-пересказах, которым он, видимо, придавал сугубо ознакомительное значение; однако А. Н. Егунов оценивает их как «небезынтересные стилистически».³³ В примечаниях же Галинковский останавливается на краткой характеристике существующих переводов поэм Гомера и Вергилия на различные языки и рассуждает о качествах, необходимых переводчику поэзии. Он придает большое значение способности переводчика к передаче «духа» оригинала и наличию у него поэтического дарования; при этом если переводчику удастся передать «дух» подлинника, то искажения и добавления, допущенные в переводе, заслуживают снисхождения. Поэтому он высоко оценивает английский перевод Гомера, принадлежащий А. Поупу: «Английский стихотворец украсил Омира; вычистил его во многих местах и тем навлек нареkanie многих археологов, кои любят видеть его точно таким, как он есть. <...> Но Поуп умел владеть духом Омира, а этого уже и много». Еще более высокой оценки достоин русский перевод «Илиады» Е. И. Кострова: «Костров, который прославил себя переводом Оссиана, переложил в стихи первые шесть песней Илиады, почти ближе к подлиннику, нежели Поупе. <...> У нас на русском нет ничего переведенного с большей силою и важностью языка, как Илиада».³⁴

Мысль о необходимости поэтического дарования для переводчика поэзии Галинковский высказывает и при характеристике русских переводов «Энеиды». О переводе В. П. Петрова (1770; полностью — 1781–1786) он пишет следующее: «Перевод Петрова есть один из лучших на русском языке; в нем везде виден стихотворец по крайней мере, ежели не оригинал. Не должно его, однако ж, почитать таким, который бы мог заменить недостаток превосходнейшего».³⁵ Тем не менее Галинковский, видимо, считает перевод Петрова достаточно близким к оригиналу, поскольку цитирует обширные

³¹ Там же. С. 28.

³² Там же. С. 40–41.

³³ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 158.

³⁴ Корифей. 1804. Ч. 2. Кн. 7. С. 275–276.

³⁵ Там же. С. 287.

фрагменты из него при изложении содержания «Энеиды». Другой же перевод поэмы Вергилия, выполненный В. Д. Санковским (первые три книги; 1769–1775), Галинковский оценивает ниже, поскольку он обладает меньшими литературными достоинствами: «...он близок к латинскому, только не стихотворец его переводил».³⁶ Среди всех существующих переводов «Энеиды» Галинковский высоко оценивает немецкий перевод И. Г. Фосса, выражая пожелание, чтобы подобный перевод появился и на русском языке, чему, по его мнению, должны посодействовать власти предрежащие: «Такой богатый перевод должен, да и может быть и у нас — если возьмут надежнейшие меры о благопризрении наших писателей».³⁷ Аналогичную мысль Галинковский высказал ранее, сетуя на отсутствие полного русского перевода «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха: «Этот труд заслуживает давно внимание нашей словесности; и сколько людей, знающих греческий язык, ожидают только пособий от правительства? Нам надобны деньги, везде одни деньги!»³⁸

Рассматривая в «Корифее» поэмы Гомера и Вергилия, Галинковский не затрагивает вопрос о передаче античного гекзаметра средствами русского стихосложения. Однако характерно, что наиболее высокой оценки со стороны Галинковского удостоивается немецкий гекзаметрический перевод «Энеиды», осуществленный Фоссом; при этом, впрочем, польский перевод «Илиады» Ф. К. Дмоховского (1800), выполненный рифмованным силлабическим тринадцатисложником, он также признает «довольно удачным» и отмечает, что «пора бы и нам иметь такой же».³⁹ Кроме того, небольшой фрагмент из «Энеиды» (VIII, 452–453; описание кующих циклопов) Галинковский приводит в собственном гекзаметрическом переводе:

Многою силою медленно млаты кверху возносят
И ударяют мерно по меди презвонкой.⁴⁰

Однако именно с разработкой русского гекзаметра связана наиболее крупная переводческая работа Галинковского — перевод первой эклоги Вергилия, выполненный, по словам самого Галинковского, не позднее 1804 года, но опубликованный только в 1813 году, когда на страницах периодической печати началась бурная дискуссия о русском гекзаметре.⁴¹ Вопросы о русском гекзаметре Галинковский коснулся в «Корифее» в связи с литературной деятельностью В. К. Третьяковского, полагая, что предпринятая в «Тилемахиде» попытка передачи гекзаметра средствами русского стиха должна получить продолжение, которое увенчается успехом: «...родятся некогда счастливейшие дарования, которые отважатся по проложенной им дороге возвыситься до красот сказания (*дикции*) Гомерова, ввести величественное течение героического древнего стиха, так свойственного природному нашему стихотворству».⁴² В письме, предпосланном публикации перевода эклоги Вергилия, Галинковский высказывается аналогичным образом: «...мысль г-на Третьяковского о введении у нас древнего размера не переставала быть великою, прекрасною и достойною внимания наших стихотворцев».⁴³

³⁶ Там же. С. 286.

³⁷ Там же. С. 288.

³⁸ Там же. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 59.

³⁹ Там же. 1804. Ч. 2. Кн. 7. С. 276.

⁴⁰ Там же. С. 292.

⁴¹ ЧБЛРС. 1813. Ч. 10. С. 119–138. См.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. С. 174–188.

⁴² Корифей. 1802. Ч. 1. Кн. 1. С. 69.

⁴³ ЧБЛРС. 1813. Ч. 10. С. 121.

Сам Галинковский в гекзаметре стремится к употреблению чистого дактиля и крайне редко заменяет дактилические стопы хорейскими. Поэтому для соблюдения размера ему постоянно приходится вставлять односложные слова, переносить ударения на предлог («Для того прежде на воздухе станут олени пастись»), лишать ударения некоторые слова («Я никогда не принёс домой горсти тяжёлых меди»), из-за чего стих становится напряженным и неестественным; стремление же по возможности соблюдать чистый дактиль придаёт стиху монотонность. Немногочисленные попытки внести ритмическое разнообразие также не всегда оказываются удачными. На это указывал А. Х. Востоков: «...г-н Галинковский хуже всех предшественников своих знал строение экзаметра, ибо полагал, что стих сей (в первых пяти стопах) должен вообще иметь одни дактили, и позволил себе как уклонение от правила только местах в четырех хорей вместо дактилей; но зато в двух стихах простер вольность сию еще далее, отсеки у хореев по одному слогу в середине стиха после цезуры:

Варвар пожнет их себе? Вот до чего нас раздоры
Бедных граждан довели? Вот для кого мы пахали».⁴⁴

Галинковский заявляет, что старался в переводе избегать как буквализма, так и чрезмерной вольности: «Приняв за правило, по особому расчету, не переводить *буквально*, как *Фосс*, дабы из чрезвычайной вольности не впасть в чрезвычайное рабство, я удерживал *середину* между близостию подлинника, свойством языка и нашими нравами. Оттого *некоторые слова* я прибавил, иные заменил иными; но только слова. <...> Я полагаю, что непременно должно близко переводить древних поэтов; но между тем *и владеть собою*».⁴⁵

В примечаниях к переводу, составленных для публикации 1813 года, Галинковский делает критический выпад в сторону уже существующих русских переводов первой эклоги, выполненных александрийским стихом: «Знатоки могут сличить перевод сей эклоги с теми, кои изданы уже на русском, и увидят, что по самому составу стихов этот подходит ближе к подлиннику».⁴⁶ Очевидно, Галинковский имеет в виду переводы Д. А. Облеухова⁴⁷ и А. Ф. Мерзлякова,⁴⁸ напечатанные уже после того, как Галинковский выполнил свой гекзаметрический перевод.⁴⁹ Перевод Галинковского действительно выигрывает в точности по сравнению с двумя названными переводами. Например, Вергилий говорит, что Рим возвышается над другими городами, как кипарис над калиной («*quantum lenta solent inter viburna compressi*»). Мерзляков, сохранив «благородный» кипарис, устраняет из перевода калину, которую, очевидно, считает недостаточно «поэтической»:

Нет! — Рим среди градов так высится главой,
Как гордый кипарис над низкою травой!⁵⁰

⁴⁴ Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817. С. 52–53.

⁴⁵ ЧБЛРС. 1813. Ч. 10. С. 137.

⁴⁶ Там же. С. 135.

⁴⁷ Друг просвещения. 1805. Ч. 3. № 8. С. 105–110.

⁴⁸ Эклоги П. Вергилия Марона, переведенные А. Мерзляковым. М., 1807. С. 1–6.

⁴⁹ В 1777 году, в год рождения Галинковского, был опубликован гекзаметрический эквивалентный («из строки в строку») перевод первой эклоги, выполненный В. Г. Рубаном (П. Вергилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги. С приобщением перевода I эклоги Вергилиевой, называемой Титир. СПб., 1777. С. 101–103). Неизвестно, был ли знаком с этим переводом Галинковский; возможно, он проигнорировал его намеренно, желая утвердить за собой первенство в возрождении русского гекзаметра.

⁵⁰ Эклоги П. Вергилия Марона... С. 2.

Аналогичным образом поступает и Д. А. Облеухов:

Но Рим возвысился над всеми городами,
Как древний кипарис над мелкими древами.⁵¹

Галинковский сохраняет это сравнение, хотя его гекзаметры звучат более неуклюже, чем александрийские стихи Мерзлякова и Облеухова:

Рим знаменитый, вознесся главою над всеми градами
Так, как прямой кипарис над калиной повислою долу.⁵²

Перевод первой эклоги Вергилия оказался единственной существенной попыткой разработки русского гекзаметра, предпринятой Галинковским. Возможно, он сам счел эту попытку недостаточно удачной, поскольку, как уже отмечалось, в «Рассмотрении Овидия» выдержки из сочинений этого поэта приведены в переводе, выполненном нерифмованным шестистопным ямбом, или в прозаических переводах-перифразах.

Мысли о переводе, высказываемые Галинковским в его различных публикациях, отличаются некоторой эклектичностью, однако для своего времени их нельзя не признать весьма ценными. Он, пусть и неявно, выступает против использования французских текстов-посредников, хотя допускает их использование в переводах, преследующих сугубо информативную цель. Также он полагает, что метод перевода может различаться в зависимости от его функции, предназначен ли перевод для чтения или для восприятия на слух. Заявляя о необходимости поэтического дарования для переводчика поэзии, Галинковский не отказывает в праве на существование и прозаическим переводам и перифразам, выполняющим ознакомительную задачу. Особенно важными следует признать эксперименты Галинковского по внедрению в переводы нерифмованного стиха (ямба и гекзаметра). И высказывания Галинковского о переводе, и его, пусть даже скромная, переводческая практика составляют неотъемлемую часть переводческих поисков, которые велись в русской литературе начала XIX века и вскоре привели к значительным достижениям на поприще литературного перевода.

⁵¹ Друг просвещения. 1805. Ч. 3. № 8. С. 107.

⁵² ЧБЛРС. 1813. Ч. 10. С. 130.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. С. АКСАКОВА

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-60-74

© А. П. ДМИТРИЕВ

«СЛАВА — КАКОЮ... ГРЕМИТ ВАВИЛОН»: К ПОЭТИЧЕСКОМУ ДИАЛОГУ И. С. АКСАКОВА И Н. М. ЯЗЫКОВА ОБ А. О. СМИРНОВОЙ-РОССЕТ (1845–1846)

В дореформенный период, до того как И. С. Аксаков начал издавать газету «День» (1861–1865) и окончательно избрал своим поприщем публицистическую деятельность, он был больше известен как поэт. Отдельные его поэмы («Зимняя дорога», «Бродяга») и стихотворения обратили на себя внимание Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова. Однако критическое издание поэтических произведений Аксакова предпринималось только единожды, в Большой серии «Библиотеки поэта» (1960),¹ и в нем не ставилась задача с исчерпывающей полнотой воспроизвести все авторские редакции и варианты текста. Эта задача решается ныне в ходе подготовки соответствующего тома Собрания сочинений Аксакова в 12 томах, которое издается с 2015 года при Отделе новой русской литературы Пушкинского Дома.²

Среди поэтических текстов, отложившихся в обширном Аксаковском фонде Рукописного отдела ИРЛИ, был обнаружен неподписанный автограф стихотворения «Юноше», датированный 4 апреля 1846 года.³ Архивисты, признав, что почерк не принадлежит Аксакову, указали в описи, что это «список», а не подлинник, тем не менее стихотворение было атрибутировано Аксакову.

Вместе с тем оно до сего дня не было опубликовано. Приведем его текст:

Юноше

Как много в любезном ее разговоре
Игривых, и бойких, и опытных дум!
Чудесно в ее черно-пламенном взоре
Играет проворный, блистательный ум.

Она очарует своими глазами
И речью, твою откровенную грудь
И сердце тебе переполнит мечтами
Живыми, а прежним не даст идохнуть;

И всё, что свободно в нем жило когда-то,
Глубоко-заветно-родного, что в нем
Доныне берег ты сохранно и свято,
Потухнет и будет тебе нипочем.

¹ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского; подг. текста и прим. Е. С. Калмановского. [Л.], 1960 (Библиотека поэта. Большая сер.).

² На сегодняшний день увидели свет два тома (первый из них в двух книгах), в которых начата публикация публицистического наследия писателя.

³ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 16. Л. 1.

Душа у нее нечиста и лукава,
Корыстны в ней думы, греховны мечты,
И ей подобает не добрая слава
Чистейшей любви, неземной красоты,

Не слава жены благодушной, смиренной,
Любящей и правду, и честь, и закон;
Но слава — какою давно по вселенной
Гремел и доселе гремит Вавилон.

Апреля 4 дня.

1846.

О какой красавице с «черно-пламенным взором» и «блистательным умом» идет речь в стихотворении, догадаться нетрудно. Это, по всей видимости, не воображаемая соблазнительница, а не кто иная, как Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809–1882), которой, как известно, во второй четверти XIX века посвящали свои произведения многие поэты, начиная с Вяземского и Пушкина. Объединяет все тексты об этой незаурядной женщине образ чарующих «черно-пламенных» очей: «Южные звезды! Черные очи! / Неба чужого огни!» (П. А. Вяземский. «Черные очи», 1828);⁴ «...Ее черкесские глаза. / Она владеет ими смело, / Они горят огня живой...» (А. С. Пушкин. «Ее глаза (в ответ на стихи князя Вяземского)», 1828);⁵ «В свои магические сети / Меня схватила бы Россети! <...> На блеск живых ее очей...» (В. А. Жуковский. «И я веселой жизнью жил...», 1831);⁶ «Она лукаво улыбалась, / В очах живой огонь пылал...» (А. С. Хомяков. «К А. О. Р<оссет>», 1832);⁷ «Как в небе звезды ясные, / Глаза ее горят...» (И. П. Мятлев. «Нечто о некоторой даме из вороных», 1839 или 1840);⁸ «Вы все, кто удивлялись в ней / Уму блистательно-живому <...> И глазок взору огневому...» (Е. П. Ростопчина. «Воспоминанье», 1839),⁹ и др. Не менее пространный цитатный перечень получится, если принять во внимание другую характеризующую черту, связанную со Смирновой-Россет, — ее «блистательный ум»: «ум свободный» (А. С. Пушкин. «В альбом А. О. Смирновой», 1832);¹⁰ «Что делать? — речью безыскусной / Ваш ум занять мне не дано...» (М. Ю. Лермонтов. «А. О. Смирновой», 1840),¹¹ и др.

Как правило, все эти произведения созданы в шутовском духе, в жанре, так сказать, легкого мадригала. На их фоне обнаруженное в архиве стихотворение «Юноше» с его грубоватыми инвективами в адрес Смирновой-Россет стоит особняком. Правда, схожие по смыслу, однако куда менее резкие выпады в ее сторону встречаем в двух поэтических посланиях, обращенных к ней как раз Аксаковым: «Вы примиряетесь легко...» и «Когда-то я порыв негодования...». Они были написаны в то же время, но немного позднее — летом 1846 года. Не принадлежит ли и правда перу Аксакова стихотворение «Юноше», датированное 4 апреля того же года?

Знакомство С. Т. Аксакова и его сыновей Константина и Ивана с А. О. Смирновой-Россет пришлось на осень 1845 года. О первых месяцах ее общения

⁴ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 221 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 108.

⁶ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 664.

⁷ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2021. Т. 1. С. 167.

⁸ Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969. С. 101 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁹ Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 102.

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 284.

¹¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 300.

с Аксаковыми известно немало — прежде всего из ее переписки с С. Т. Аксаковым и, особенно, из подробнейших писем И. С. Аксакова к родным и товарищу по Училищу правоведения князю Д. А. Оболенскому. Нет нужды подробно останавливаться на этом эпистолярном материале, поскольку исследователи неоднократно обращались к нему.¹² Не лишне, однако, будет привести сведения об описанных там событиях по другому источнику — неопубликованным письмам В. С. Аксаковой, старшей дочери С. Т. Аксакова, к его племяннице М. Г. Карташевской. Они, как и вся двусторонняя переписка девушек, отложились главным образом в Рукописном отделе Пушкинского Дома. В этих письмах содержатся некоторые неизвестные факты, а пересказ сообщенного И. С. Аксаковым в переписке с родными о его взаимоотношениях со Смирновой-Россет сопровождается (как правило, имплицитно) упоминанием реакции на них в семье Аксаковых.

Знакомство 22-летнего И. С. Аксакова со Смирновой-Россет¹³ состоялось в Калуге, куда он был определен 12 июля 1845 года на должность товарища председателя Палаты уголовного суда (приступить к службе должен был в начале сентября, по окончании отпуска). Почти одновременно, 6 июня, калужским губернатором был назначен Н. М. Смирнов, муж Александры Осиповны.

Об этом Аксаковы узнали в самом конце лета, и 24 августа В. С. Аксакова сообщала Карташевской: «На днях маменька ездила в Москву с Ваничкой закупать ему все нужное. Дён через 10 он едет уже в Калугу; как скучно ему там будет одному; говорят, город очень плох. — Новым губернатором туда назначен Смирнов, и жена его скоро туда приедет, Иван не избежит, разумеется, знакомства с ними».¹⁴ 12 сентября она же упоминала: «Ваничка уехал из Москвы в Калугу уже неделю тому назад, до сих пор еще не получили от него писем» (10615, 93 об.). И далее делилась своими беспокойствами, поскольку в семье на младшего брата Ивана смотрели как на юношу, мало приспособленного к практической жизни с ее бытовыми потребностями, хотя и способного внушить к себе уважение в обществе. Вера писала сестре: «Ты его совсем не знаешь, мой милый друг. Не говоря уже о том, что он во многом переменялся, но он никогда не умел особенно о себе позаботиться и не знает ничего, что надобно для устройства. Может быть, в другом отношении, как, например, себя повести с разными лицами, как сохранить в обществе самостоятельность, может быть, на то у него и есть способность, но не для хозяйственного устройства и не для домашних забот. С нетерпением ожидаем от него писем и надеемся получить на днях» (10615, 93 об. — 94).

Первое письмо Иван отправил родным 7 сентября, сразу по приезде в Калугу, прямо из гостиницы. Впоследствии писал регулярно. 1 октября Вера сообщала о брате: «От него получаем большие письма раза два в неделю, и письма такие интересные во многих отношениях. — Там именно назначен тот самый Смирнов, т. е. муж той самой Смирновой, о которой я тебе писала и которая необыкновенно замечательная женщина, необыкновенно умна, это можно судить по письму ее к отесеньке <...> И сама она должна быть через

¹² См. основную литературу вопроса: *Касаткина В. Н.* Н. В. Гоголь, Россет-Смирнова и Иван Аксаков: эпизоды литературного общения // *Русская словесность.* 1998. № 4. С. 30–35; *Колосова Н. П.* Россети черноокая. М., 2003. С. 185–230; *Анненкова Е. И.* Аксаковы и А. О. Смирнова-Россет (модели частной и общественной жизни в контексте культуры) // *Вторые Аксаковские чтения: Сб. материалов Всероссийской науч. конф. 21–24 сентября 2006 г. Ульяновск, 2006.* С. 75–84; *Мани Ю. В.* Гнезда русской культуры: кружок и семья. М., 2016. С. 499–508.

¹³ Ей к тому времени исполнилось 36 лет, и едва ли вполне корректно такое описание: «...некогда знаменитую фрейлину Александру Осиповну Россет <...> Иван Сергеевич застал уже стареющей дамой...» (*Кожелев В. А.* Сто лет семье Аксаковых. СПб., 2019. С. 223–224).

¹⁴ ИРЛИ. № 10615. Л. 91. Далее ссылки на этот («шифрованный») фонд приводятся в тексте сокращенно, с указанием единицы хранения и листа.

месяц в Калуге;¹⁵ кажется, все ее знакомые и даже муж рассчитывают на брата Ивана как на общество для нее, об Иване она, разумеется, слыхала и, вероятно, через Самарина¹⁶ читала его стихи. <...> Смирнов уже заранее сказал Ивану, что когда жена его приедет, то он просит приезжать его каждый день, потому что она будет мало выезжать. — Иван очень скучает своим одиночеством и вместе и обществом Калуги» (10615, 104–104 об.). Поэтому все Аксаковы с нетерпением ждали прибытия в Калугу Смирновой-Россет, так что Аксаков чуть ли не в каждом письме упоминал о том, что она пока не приехала. Да и Александра Осиповна сама заинтересовалась юным поэтом-чиновником. 12 сентября она писала Гоголю в связи с будущим переездом в Калугу: «У нас там служит один из Аксаковых; я этому очень рада...».¹⁷

Вскоре, 2 ноября, по настойчивому желанию Гоголя она познакомилась с С. Т. Аксаковым, а на следующий день — и с К. С. Аксаковым и, как известно, на обоих произвела поначалу невыгодное впечатление: они обманулись в своих ожиданиях, были разочарованы, по их признанию, ее бесцеремонностью в обращении с ними и неуместной иронией во время беседы. В ответ на их визиты она перед отъездом в Калугу собиралась посетить Радонежье (как тогда Аксаковы называли недавно приобретенное ими Абрамцево).

12 ноября В. Аксакова сообщила сестре в Петербург: «Дорога и погода была так дурна, что Смирнова не поехала к Троице, а написала премилое и умное письмо, которое во многом примирило с ней и тех, которые не совсем были довольны первым свиданием с этой женщиной. — Ожидаем, что скажет нам на это Иван, от которого мы продолжаем получать большие и интересные письма и даже стихи иногда» (10615, 125 об.).

В письме от 13 ноября И. С. Аксаков рассказал родным о том, как накануне познакомился с губернаторшей. Лейтмотивом письма стала фраза: «Это не женщина, а просто черт, бес».¹⁸ 19 ноября В. С. Аксакова извещала сестру: «Иван наконец виделся со Смирновой и, увы, — совершенно разочаровался. Он себе составил об ней высокое понятие, думал видеть женщину необыкновенную и был до того поражен, удивлен неприятно, что все письмо его было наполнено тем неприятным впечатлением, которое она на него произвела. Мы ожидали этого; отесенька и брат, которые видели ее прежде и почти такое же вынесли от нее впечатление, нарочно к нему не писали до тех пор, пока он сам ее не увидит; впрочем, на первом разе нельзя произносить суждение об женщине, об которой так высоко отзываются люди, заслуживающие доверия полного» (10615, 128–128 об.). И далее Вера Сергеевна высказывает мнение о Смирновой-Россет, вероятно сформировавшееся к тому времени в гостиниой Абрамцева: «Может быть, это одно из тех капризных существ, которые забавляются даже неприятным впечатлением, производимым ими, и только, может быть, в некоторые минуты разоблачают всю глубину души своей. Но так,

¹⁵ Следует отметить ошибку, встречающуюся в литературе: «Незадолго до приезда Ивана Сергеевича в Калугу поселилась Александра Осиповна Смирнова-Россет...» (*Манн Ю. В.* Гнезда русской культуры. С. 499). На деле она впервые попала в Калугу только 12 ноября (см.: *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1844–1849 / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 213 (сер. «Литературные памятники»)), т. е. спустя 35 дней после приезда сюда Аксакова.

¹⁶ Юрий Федорович Самарин познакомился со Смирновой-Россет, скорее всего, осенью 1844 года. В своем «Баденском романе» она называла его «самым серьезным» из тех, кто ухаживал за ней в Петербурге; вскоре после первой встречи Самарин, по ее словам, признался ей: «...я вас люблю и до безумия влюблен в вас» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 506 (сер. «Литературные памятники»)), но отношения оставались дружескими, и вплоть до кончины Самарина их объединяла доверительная переписка. Во многом благодаря Самарину и произошло сближение Смирновой-Россет со славянофилами.

¹⁷ Русская старина. 1890. № 6. С. 648.

¹⁸ *Аксаков И. С.* Письма к родным. С. 213.

как она явилась им в первый раз, то нельзя и предполагать, чтоб в ней была глубокая душа; умна она очень, но тон ее, обращение до того бесцеремонно, что даже оскорбляет, такая короткость даже неприятна. Она между людьми незнакомыми более насильственна выходит, нежели принуждение. В лице ее, говорят, нет никакой приятности, только живость необыкновенная» (10615, 128 об. — 129). В ответном письме (от 26 ноября) Карташевская упоминала об И. С. Аксакове: «Жаль, что Смирнова ему не понравилась, но, может быть, он еще переменит свое мнение. Я совершенно с тобой согласна в том, что ты говоришь по поводу ее, и я тоже верю суждению людей, заслуживающих полное доверие и которые, зная ее коротко, относятся о ней с похвалой» (10639, 115).

И И. С. Аксаков, как известно, вскоре действительно пересмотрел свои представления о Смирновой-Россет. 3 декабря Аксакова сообщала о брате: «Его письма столько интересны во всех отношениях, теперь же особенно по его изменяющемуся суждению о Смирновой. Теперь оно гораздо выгоднее для нее, и я думаю, он придет к тому же заключению, как и другие. — Что в ней нет ничего женского, это надобно заранее принять. — Стихи Пушкина „В альбом“ написаны к ней, и отесенька говорит, что они совершенно ее выражают и определяют. <...>¹⁹ Вот Смирнова, и конечно, это замечательная женщина или, лучше, замечательный человек, как об ней выражаются некоторые. Стихи Лермонтова:

Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу,²⁰

— также к ней» (10615, 134–134 об.).

10 декабря Аксакова передавала новые известия — об очередном разочаровании брата: «Иван сообщает нам все свои впечатления и заключения о Смирновой — во всяком случае необыкновенно замечательном явлении. Но изо всего видно, что она не очень ему нравится. В ней почти совершенное отсутствие эстетического чувства, она сама это говорит, но зато музыка вознаграждает ее за этот недостаток. — Стихи, кроме смысла, заключающегося в них, почти не производят на нее впечатления. Для Ивана, который в Калуге никому и ни с кем не читает стихов, было бы очень приятно найти кого-нибудь, с кем мог бы он разделить свои эстетические впечатления, и этого именно не нашел он» (10615, 138–138 об.).

Однако уже 27 декабря Аксакова писала о новой перемене в умонастроениях Ивана: «Хотела было я рассказать тебе подробнее о А. О. Смирновой, но об этом надобно говорить много, а теперь мне некогда, я тебе скажу только результат, что Иван говорит то же о ней, что и Гоголь, и в самом деле, по его рассказам об ней, она представляется только необыкновенным существом, такой высокой натурой, что мелки кажутся все наши прежние определения и заключения об ней. — Несмотря на то, ее приемы, ее привычки часто оскорбляют. <...> Она в постоянной ипохондрии» (10615, 141 об.).

Эти перемены к лучшему в настроении И. С. Аксакова не отменяли того факта, что его довольно тесное общение со Смирновой-Россет постоянно омрачалось ее вызывающе своенравным поведением. Приведем несколько цитат из его писем за первые недели их знакомства, контекстно сходных с негативными оценками героини в стихотворении «Юноше». 13 ноября (родным): «Я не в силах высказать вам того неприятного, оскорбительного впечатления,

¹⁹ В письме целиком приведено стихотворение Пушкина «В альбом А. О. Смирновой» с двумя разночтениями (очевидными ошибками).

²⁰ Строки из стихотворения «А. О. Смирновой» (1840): *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 300.

которое она на меня произвела. <...> моя душа была так внутренне оскорблена, что я не решусь ни за что, мне кажется, читать ей свои стихи, где есть хоть малейший оттенок чувства, мечты...»;²¹ 17 ноября (Д. А. Оболенскому): «Что она умна, как черт, как бес, — это видно с первого взгляда, но она была так зла, явилась мне такою эгоисткою, так мало было любви, грусти и сострадания в ее энергических ругательствах, что все это меня огорчило и поразило чрезвычайно неприятно»;²² 24 ноября (К. С. Аксакову): «...Смирнова, как некий злой демон, огорчив, оскорбив, смутив меня, растравив мое тщеславие и самолюбие, нарушила строй души. Я часто выдаюсь с нею, но постоянно выношу неприятное впечатление, так что она иногда мне становится в тягость»;²³ 1 декабря (родным): «Я убедился, что она не притворяется, не играет комедии и гораздо менее замечательная женщина, нежели мы думали». ²⁴ С. Т. Аксаков в письме к Ивану от 3 декабря подтверждал (и его слова тоже близки по смыслу к высказанному в стихотворении «Юноше»): «Недоступная атмосфера целомудрия, скромности, это благоухание, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не окружало, даже в цветущей молодости; она родилась такою». ²⁵ Показательна и поздняя оценка Смирновой-Россет со стороны вдовы писателя А. Ф. Аксаковой: «...она отталкивает его излишней свободой суждений и речей, в которых слышится жалкая опытность, приобретенная ею в гнилой среде большого света». ²⁶

Е. И. Анненкова справедливо объясняет сложный характер общения И. С. Аксакова и Смирновой-Россет тем, что «они являли собою разные культурные эпохи»: начала личности Александры Осиповны «культивировались атмосферой карамзинского салона, пушкинского Царского Села, дворцовыми отношениями»;²⁷ мировоззрение же Аксакова формировалось в эпоху 1840-х годов, диктовавшую приоритет общественного над частным, когда на смену демонстративной веселости и эстетической игре приходили внутренняя серьезность и духовное трудолюбие.²⁸ Важно учитывать и психологический аспект их общения, порождавший вспышки взаимного раздражения. Смирнова-Россет писала С. Т. Аксакову 1 июня 1846 года: «У Ив<ана> Серг<еевича> еще много жесткости в суждениях, он нелегко примиряется с личностями, потому что он молод и не жил еще. Со временем это изменится непременно, шероховатость пройдет. Вся жизнь учит нас примиренью с людьми...». ²⁹ И. С. Аксаков, ознакомившись с этой характеристикой Смирновой-Россет, в письме от 15 июня заявил родным: «Все, что она пишет <...> обо мне — преглупо. У ней есть комок: опытность, знание людей, учительский тон; я ей это объявил вчера». ³⁰

Около 22 декабря 1845 года И. С. Аксаков покинул Калугу, чтобы отпраздновать Рождество в кругу семьи. Он планировал вернуться к месту службы в середине января 1846 года, но заболел — и по настоянию семейного доктора А. И. Овера остался в Абрамцеве.

²¹ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 213, 214.

²² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 30. Л. 13–13 об.

²³ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 221.

²⁴ Там же. С. 229.

²⁵ Русский архив. 1895. № 12. С. 427.

²⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: В 3 т. / Сост., подг. текста, прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2003. Т. 1. С. 191.

²⁷ Анненкова Е. И. Аксаковы и А. О. Смирнова-Россет. С. 76.

²⁸ См.: Там же. С. 79–80.

²⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 1. С. 281. С. Т. Аксаков 6 июня переслал сыну в Калугу выписку из этого письма, и тот позднее оттолкнулся от окончания процитированной нами фразы в своем первом послании к Смирновой-Россет («Вы примиряетесь легко...»).

³⁰ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 268.

14 февраля В. С. Аксакова писала Карташевской: «Ивану же Овер (не смотря на то что он теперь совершенно здоров) не позволяет выехать до весны, продолжать после серных ванн отрубные³¹ и не курить в продолжение всего этого времени; как ни тяжело это для него, но нечего делать. Овер только теперь сказал, что ему угрожала ужасная опасность, если б его не остановили здесь и не подвергли такому строгому лечению. Он говорит, что у Ивана ртутиальная болезнь, то есть вследствие сильных лекарств, которыми он без разбору лечил себя в Калуге. — Истинно надобно благодарить Бога, что это все так устроилось» (10616, 15–15 об.). Через месяц, 13 марта, Вера сообщала: «Мы думаем, как бы Ивану не приказали ехать в чужие края, ему надобно хорошенько полечиться; но если и велят ему ехать, то еще нескоро. — Бедный Иван, очень невесело ему проводить так свое время, и совестно очень в отношении его службы» (10616, 27 об.). В итоге Аксаков прожил с родными четыре месяца и вернулся в Калугу только 29 апреля.

Если он сочинил стихотворение «Юноше», то это произошло в Абрамцеве за три недели до его отъезда. Такое, признаться, довольно удивительно и на И. Аксакова непохоже: получается, что, не видя Смирнову-Россет так долго, он все же копит в себе недобрые чувства и в конце концов разражается гневными стихами о ней, адресуя их условному «юноше» (как бы самому себе).

Однако эту версию опровергают признания самого Аксакова в письмах к другу и родным, что он с начала 1846 года и вплоть до мая вообще не сочинял стихов. 4 мая он писал из Калуги князю Оболенскому в Петербург: «Целых 4 месяца не отвечал на твое пространное письмо. Ты знаешь, вероятно, что я прожил их не в Калуге, а дома, был болен, — а теперь вот уже 4 дни как я здесь. <...> А я не нахожу лучшего средства загладить свою вину перед тобою, — как прописать тебе, в виде послания, стихи, написанные мною вчера, первые стихи, написанные мною в течение целых 4х месяцев!..»³² И далее Аксаков помещает свое известное стихотворение «Andante», которое в цитируемом письме озаглавлено «К. Д. А. О.», т. е. «Князю Д. А. Оболенскому»³³ («andante» приписано ниже на правом поле со строчной буквы и подчеркнуто). К письму родным, отправленному в тот же день (4 мая), Аксаков тоже приложил список «Andante», подтвердив, что это первые его стихи после долгого перерыва: «...мне приятно было писать их после долгого молчания. По крайней мере, брешь проломана».³⁴

Невозможно даже предположить, чтоб Аксаков лукавил. Значит, отложившееся в его бумагах стихотворение «Юноше» создано не им. Вместе с тем настоящий автор явно был хорошо осведомлен в том, что происходило в гостинной калужского губернатора в конце 1845 года, и при этом горячо сочувствовал «юноше», попавшему под обаяние женщины, которой

...подобает не добрая слава
Чистейшей любви, неземной красоты, <...>
Но слава — какую давно по вселенной
Гремел и доселе гремит Вавилон.³⁵

³¹ Отрубные ванны — лечебные, с применением пшеничных или овсяных отрубей.

³² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 30. Л. 19.

³³ Указываем на этот факт, поскольку он не был отмечен в литературе.

³⁴ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 244.

³⁵ Здесь поражает случайное, по-видимому, совпадение с известными пушкинскими определениями красавицы А. П. Керн: «гений чистой красоты» в стихах, созданных не позднее 19 июля 1825 года, и «наша Вавилонская блудница» в письме к А. Н. Вульффу от 7 мая 1826 года. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 406; Т. 13. С. 275.

На наш взгляд, идейно-тематическое содержание поэтического послания «Юноше», особенности его стихотворной формы и стилистические приемы позволяют с уверенностью атрибутировать это произведение Н. М. Языкову.

Но прежде чем обратиться к стиховедческому анализу этого произведения, укажем на связь его замысла с творческой биографией поэта. Как известно, в тот период он, вернувшись в 1843 году из-за границы, где провел зиму в Риме вместе с Гоголем, попадает в Москву в момент наиболее ожесточенного противостояния двух лагерей — западнического и славянофильского. И без колебаний примыкает к последнему, чему способствовали родственные связи: его сестра Екатерина с 1836 года была замужем за А. С. Хомяковым, братья Петр и Александр и сестра Прасковья (в браке Бестужева) разделяли убеждения зятя. В 1844–1846 годах Языков пишет целый ряд страстных «полемиических посланий», направленных против представителей западничества, которых обвиняет в стремлении «испортить нас и онемечить Русь».³⁶ Самое знаменитое из них — процитированное «К ненашим» (1844) — способствовало окончательному размежеванию славянофилов и западников как непримиримых идейных противников.

Известно, что эти послания печально отразились на репутации поэта-романтика как в XIX веке (Белинский объявил его «заживо умершим талантом»,³⁷ Герцен — «святошей», избравшим «полицейскую нагайку»³⁸), так и тем более — в советское время. Поэтому вызывает уважение мужество А. А. Карпова, решившегося в 1982 году в подцензурной печати разъяснить позицию поэта, который «адресует свои страстные инвективы не столько этим мало-знакомым ему людям,³⁹ сколько тем явлениям, течениям общественной мысли, в которых он видит зло современной жизни», отсюда «преувеличенность обвинений, необычайная резкость характеристик». Исследователь при этом справедливо указывал на «связь этих сочинений с жанрами церковной проповеди и обличения».⁴⁰ Poleмическое послание «Юноше» вполне соответствует этим особенностям позднего творчества Языкова.

Он был знаком со стихами И. С. Аксакова, распространявшимися в то время в списках. 21 ноября 1845 года Языков так аттестовал Гоголю юного поэта: «В Калуге служит в губернском правлении Иван Аксаков — юноша с большим талантом: вытребуй от С<ергея> Т<имофеевича> стихов его».⁴¹ В том же письме, рассказывая о пребывании Смирновой-Россет в Москве, Языков сообщает, что она «виделась с Аксаковыми» и, «как слышно, хотела уговорить Константина Акс<акова> перестать носить русскую рубашку и зипун (костюм, в коем с некоторого времени этот добрый юноша является везде и всюду), но не тут-то было — не на такого напала».⁴² И в дальнейшем Языков, извещая Гоголя о московских знакомых, всегда проявлял осведомленность в делах Аксакова: 18 февраля 1846 года: «И. Аксаков всю зиму был болен, теперь выздоравливает»;⁴³ 19 марта: «У нас составляется литературный сборник <...> в него войдет <...> много стихов И. Аксакова...»;⁴⁴ 30 апреля: «Ив. Аксаков уехал в Калугу, где он служит в палате».⁴⁵ При этом к Смирновой-Россет Языков относился с предубеждением — еще до ее личного

³⁶ Языков Н. М. Соч. / Сост., вступ. статья, прим. А. А. Карпова. Л., 1982. С. 200.

³⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 461.

³⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 167.

³⁹ Подразумеваются прежде всего Белинский, Герцен, Грановский, Чаадаев.

⁴⁰ Карпов А. А. Судьба Николая Языкова // Языков Н. М. Соч. С. 19.

⁴¹ Русская старина. 1896. № 12. С. 639.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 641.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 643.

знакомства с Аксаковыми, в июне 1845 года, он писал главе семейства: «Возвращаю вам письмо г-жи Смирновой: пишет она умно и довольно правильно: но ведь эти достоинства все-таки не мешают ей быть сиреною, плавающей в прозрачных водах соблазна: так понимает ее и Хомяков». ⁴⁶ Вполне вероятно, что Языкову, который тяжело болел и не выходил (по вторникам у него собирались друзья), приносили на прочтение и калужские письма Аксакова либо пересказывали их содержание.

Ранее, только узнав, что Аксаков был направлен на службу в Калугу, где губернатором стал Н. М. Смирнов и куда должна была перебраться его жена, Языков, совершенно неожиданно для Ивана, посвятил ему восторженное послание в стихах, начинающееся словами «Прекрасны твои песнопенья живые...», датированное при публикации 31 октября 1845 года ⁴⁷ (Аксаков получил его 9 ноября). ⁴⁸ Ключевыми здесь были строки, игриво, в духе мадригальной поэзии пушкинского времени отсылающие к Смирновой-Россет:

...и если тебя очарует
Красавица роза — не бойся любви;
Пускай она нежит, томит и волнует
Глубоко все юные силы твои <...>
Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт! И без умолку пой ты об ней
Счастливые песни, и весь выпевайся
Красавице розе, певец-соловей! ⁴⁹

Легковесное и при этом настойчивое двукратное упоминание «красавицы розы» покорило адресата; правда, содержащийся здесь намек на Смирнову-Россет поначалу не был им понят. Аксаков в тот период сосредоточенно работал над поэмой «Мария Египетская», размышлял о высоком предназначении русской женщины-христианки, ⁵⁰ в его архиве сохранились многочисленные записи того времени, озаглавленные «Выписки из Евангелия о женщинах и т. п., кроме слов о рождении Иисуса и о Богородице». ⁵¹

В целом же он был польщен вниманием известного поэта, хотя ценил его не очень высоко (15 июля 1844 года он писал родителям из Астрахани по поводу стихотворения Языкова «М. П. Погодину»: «Да, я и забыл о стихах Языкова. Хороши и легки по обыкновению, но больше ничего» ⁵²). О полученном поэтическом послании он сообщал домой 10 ноября 1845 года: «Этот сюрприз был мне, разумеется, очень приятен. Стихи хороши, особенного, впрочем, ничего нет <...> Не понимаю только, к чему он все толкует мне про любовь и красавицу-розу, певца-соловья, ее воспевающего. Любовь меня не занимает ни сколько, я об ней и не мечтаю и не думаю. <...> Разумеется, я буду отвечать

⁴⁶ Языков Н. М. Соч. С. 387.

⁴⁷ Современник. 1846. Т. 41. № 3. С. 409.

⁴⁸ Обмену поэтическими посланиями между Языковым и Аксаковым посвящена статья: Рассадин А. П. Об одном недоразумении в отношениях между Иваном Аксаковым и Николаем Языковым // Третьи Аксаковские чтения: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 г.). Ульяновск, 2011. С. 114–121. Мы остановимся лишь на некоторых нюансах, не отмеченных в этой работе.

⁴⁹ Языков Н. М. Соч. С. 209.

⁵⁰ См.: Вихрова Н. Н. Пушкинские реминисценции в представлениях И. С. Аксакова об идеале русской женщины // XV Аксаковские чтения: Материалы междунар. конф., Уфа, 24–26 сентября 2015 г. Уфа, 2015. С. 22–29.

⁵¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 102.

⁵² Аксаков И. С. Письма к родным. С. 123.

стихами же Языкову и очень ему благодарен...».⁵³ 17 ноября Аксаков уведомлял родных: «...начал послание к Языкову...»,⁵⁴ а 20 ноября: «Я написал ответ Языкову, но еще не послал к нему. Посылаю к вам; если найдете годным, то пошлите к нему...».⁵⁵ Это было, так сказать, в полном смысле слова «политкорректное» произведение, исполненное чувства благодарности за «приветное посланье» и «ободряющую руку». Так же вежливо выразил Аксаков свое недовольство языковской «красавицей розой», которая под его пером нечаянно превратилась в «деву-розу»:

Суровой юности моей
Не возмущали девы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свежительные грозы!⁵⁶

Тем самым произошло совпадение (поначалу не осознанное Аксаковым) с обозначением Смирновой-Россет в стихотворении Хомякова «Ей же» («О дева-роза, для чего...»), опубликованном в 1832 году. Аксаков, по его признанию, воспринимал это выражение за «эпитет старый, изношенный, казенный».⁵⁷

Как дальше развивались события, Аксаков рассказал брату Константину в обстоятельном письме от 24 ноября. В один из вечеров в губернаторском доме зашел разговор о Языкове и Иван «сказал, что получил от него послание», Смирнова-Россет «приказала принести и послание».⁵⁸ Она выслушала стихи Языкова и ответ на них Аксакова. «„Красавица-роза“ — это какое-то знакомое выражение, — сказала она, — где это — у Пушкина, что ли?» В ходе дальнейшей беседы Аксаков уяснил неприятный для него подтекст языковского послания: «Признаюсь, истинно я забыл, что под красавицей-розой надо подразумевать Смирнову. Так мало она похожа на розу, так мало в ней привлекательного и очаровательного, так к ней трудно почувствовать что-либо в душе, что мне это и в голову не пришло». Вполне определенно это подтвердили Ивану и родные, судя по его оговорке: «...вы пишете, что под красавицей-розой надо подразумевать Смирнову...».⁵⁹

И. С. Аксаков теперь огорчен, что обманулся, приняв всерьез довольно легковесные салонные стихи с фривольными намеками. Он решает переписать свой ответ Языкову и признается брату Константину: «Теперь, когда я понял, что послание Языкова ко мне просто шутка, мне очень досадно, что я отвечал так важно и серьезно. Это смешно».⁶⁰ Наконец, 15 декабря он информирует родных: «По нынешней же почте посылаю Языкову переделанное послание...»⁶¹ Здесь он уже не подделывался под возможные ожидания своего адресата, а искренно высказал свое кредо, во многом предвещающее мотивы некрасовского «Поэта и Гражданина», и при этом как бы давал клятву самому себе:

Да тяжесть нашего греха
И поклонение дивану
Могучей силою стиха
Изобличать не перестану!

⁵³ Там же. С. 212.

⁵⁴ Там же. С. 215.

⁵⁵ Там же. С. 218.

⁵⁶ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. С. 256.

⁵⁷ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 223.

⁵⁸ Там же. С. 222.

⁵⁹ Там же. С. 223.

⁶⁰ Там же. С. 225.

⁶¹ Там же. С. 237.

Пусть строгой юности моей
 Не возмущают девы-розы <...>
 Но всюду нам, среди пиров
 И всяких суетных занятий,
 Да будут слышны вопли братий,
 И стон молитв, и гром проклятий,
 И звуки страшные оков!⁶²

Современный исследователь, проанализировавший поэтический диалог Языкова с Аксаковым, в заключение заметил: «К сожалению, реакция Языкова на эти послания неизвестна»⁶³ (имеются в виду две редакции ответа Аксакова). Однако, как выясняется, реакция все-таки последовала — в виде стихотворения «Юноше», которое трудно воспринять иначе, как извинение Языкова перед Аксаковым за невольное причиненное ему огорчение и, вместе с тем, как бичевание современного зла, которое желчный поэт усматривал в идеологии жоржсандизма, постепенно усиливавшей влияние в России,⁶⁴ — бичевание именно в духе обличительной церковной проповеди.

И. Г. Рябий, изучавшая «эволюцию жанра послания в лирике поэтов пушкинской плеяды»,⁶⁵ выделяет в качестве наиболее характерной для Языкова такую особенность: у него «прежде всего начинает нарушаться связь с адресатом, часто из послания выпадает портрет адресата, отсутствует сиюминутность эпистолы, лирическое начало почти всегда поглощает ее. Иногда его послания выглядят лирической исповедью...».⁶⁶ Эта особенность вполне проявилась и в стихотворении «Юноше».

С точки зрения метрической организации оно аналогично инициировавшему поэтический диалог посланию Языкова «И. С. Аксакову», в чем можно видеть особую мету. Послание «Юноше» точно так же написано 4-стопным амфибрахийем; в нем, правда, не шесть четверостиший, а пять. Аксаков в рассматриваемый период не пользовался этим размером (исключение — разно-стопное послание «При посылке стихотворений Ю. Жадовской», датированное 19 декабря 1846 года, а позднее ряд глав поэмы «Бродяга»), зато для Языкова 4-стопный амфибрахий был нередок — им написаны 17 его произведений (в семи из них он перемежается с 3-стопным).⁶⁷ Впрочем, 4-стопный амфибрахий, хотя и довольно экзотичен для первой половины XIX века, встречается и у других поэтов: у Жуковского им написано 18 произведений, у Пушкина — 8, у Баратынского и Дельвига — по 4, у Тютчева — 3, у Батюшкова — 1; но, например, Востоков и Кольцов этот размер не использовали.⁶⁸

⁶² Цит. по автографу, датированному 14 декабря и отложившемуся в архиве Языковых: ИРЛИ. Ф. 348. № 41. Л. 2. Он имеет небольшие разночтения с окончательным вариантом, опубликованным в серии «Библиотека поэта». Например, второй стих в приведенной цитате приобрел абстрактный смысл: «И поклонение обману», а пятый — лишился выспренного эпитета «строгой»: «Пускай же юности моей...» (Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. С. 66).

⁶³ Рассадин А. П. Об одном недоразумении... С. 121.

⁶⁴ См.: Кафанова О. Б. Жорж Санд и начало разрушения патриархального сознания в русской литературе XIX века // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 8 (59). С. 31–37.

⁶⁵ Так озаглавлена кандидатская диссертация исследовательницы (М., 1988).

⁶⁶ Рябий И. Г. Жанр послания в лирике Н. М. Языкова // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе XVIII–XIX веков: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1986. С. 57.

⁶⁷ Подсчет произведен по наиболее полному изданию наследия поэта: Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья К. К. Бухмейер; сост., подг. текста и прим. К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинской. Л., 1988 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁶⁸ См.: Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1979. С. 94, 112, 137, 247, 273, 319, 352, 397.

В послании «Юноше» обращает на себя внимание лексема «Вавилон» — маркированная в цикле поздних посланий Языкова отсылкой к апокалипсическому образу «матери блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17: 4). Приведем примеры: «Сменять на пышную блудницу / На вавилонскую готов!» («Константину Аксакову», 1844), «Ни проповедник Вавилона, / Ни вредоносный ихневмон» («Петру Васильевичу Киреевскому», 1845). Присутствует соответствующий эпитет и в послании Языкова «И. С. Аксакову»: «Беги ты далече от шумного света, / Не знай вавилонских работ и забот...».⁶⁹

Героине послания, у которой «душа <...> нечиста и лукава», противопоставлена «жена благодушная, смиренная», идеальный портрет которой Языков создал в стихотворении «В альбом». Оно было вписано в альбом его младшей сестры Катерины Михайловны Хомяковой и датировано днем рождения ее мужа А. С. Хомякова (1 мая 1845 года). Начинается словами:

Дороже перлов многоценных
Благочестивая жена!
Чувств непорочных, дум смиренных
И всякой тихости полна.⁷⁰

Полную антитезу этому описанию представляют строки послания «Юноше». Отмечаем этот факт, поскольку Аксаков наверняка был у Хомяковых в этот праздничный день и слышал чтение стихов, посвященных хозяйке дома, или/и прочел их в альбоме. (Он в тот период, возвратившись из Астрахани, где состоял членом ревизионной комиссии, жил в Москве у родителей; с конца марта 1845 года продолжал службу секретарем в Уголовном департаменте Сената.)

Известно только одно письмо Языкова к Аксакову, оно пока не публиковалось. Под ним стоит дата — 19 апреля 1846 года, т. е. через 15 дней после послания «Юноше». Не исключено, что текст стихотворения был приложен к этому письму.⁷¹ Оно написано самим Языковым, а список «Юноше» — рукой неизвестного каллиграфа. В свое время В. И. Шенрок называл почерк поэта «убийственным», а М. К. Азадовский, составивший обзор языковского архива, подтверждал это заключение, упоминая о «достаточно нелегкой задаче расшифровки почерка Языкова».⁷² Поэтому произведения, предназначенные для печати, он предварительно отдавал переписчикам для снятия копий.

Приведем текст этого небольшого письма, точнее — записки:

«Я буду сердечно рад, если мое стихотворение, которое Вы называете свистом, исключится из „Московского ученого и литературного сборника“. Но как быть, когда оно уже напечатано? но и что же поставить вместо его? Уверю В<ас>, что я, всеми от меня зависящими средствами, стараюсь сделать Вам угодное.

Ваш Н. Языков

Апреля 19 дня
1846».⁷³

⁶⁹ Цит. по: Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. С. 353, 356, 364.

⁷⁰ Там же. С. 358.

⁷¹ На это косвенно может указывать следующее: письмо занимает два небольших листа (один чист), а список стихотворения «Юноше», ныне составляющий отдельную единицу хранения, был пронумерован архивистом как «лист 3». К тому же на этом листе видны следы сгибов — он поначалу был сложен вчетверо и, видимо, помещался в небольшом конверте.

⁷² Азадовский М. Судьба литературного наследия Н. М. Языкова // Лит. наследство. 1935. Т. 19/21. С. 364–365.

⁷³ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 722. Л. 1–1 об.

Речь идет о славянофильском «Московском ученом и литературном сборнике» (М., 1846), подписанном к печати цензором И. М. Снегиревым уже спустя три недели — 13 мая. Здесь увидели свет два произведения Языкова: «Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину» и «Самсон» (и при этом — пять стихотворений И. С. Аксакова). Можно предположить, что послание «Юноше» предлагалось Языковым как возможная замена какому-то его тексту, не понравившемуся Аксакову, но по понятным причинам было отвергнуто последним.

Вместе с тем текст послания Языков мог передать и лично при встрече. 24 апреля 1846 года в Москве состоялось первое представление водевиля К. С. Аксакова «Почтовая карета» — Иван Сергеевич выехал из Абрамцева, чтоб попасть на премьеру (Смирнова-Россет предложила ему место в своей ложе),⁷⁴ там же, вероятно, присутствовал и Языков, написавший о том, как прошел спектакль, Гоголю.⁷⁵ Из письма И. С. Аксакова к родным от 26 апреля известно, что он накануне вместе с братом Константином нанес визит Языкову, а на следующий день «еще обязан заехать к Смирновой <...> и обедать у Языкова»,⁷⁶ утром 27 апреля выехал к месту службы в Калугу. Таким образом, пробыв три дня в Москве, Аксаков ежедневно виделся с Языковым.

Смирнова-Россет, к которой Иван Сергеевич поехал первым делом по прибытии в Москву, находилась там на лечении: в письмах к П. А. Плетневу она жаловалась на нервное истощение и «беспрестанные головные боли».⁷⁷ Тому же корреспонденту она, кстати, сообщала 17 апреля, что ей не удалось договориться о публикации в «Современнике», издававшемся Плетневым, ни одного стихотворения славянофилов, в том числе и И. С. Аксакова, и пересказала свой разговор с навестившими ее Хомяковым и К. С. Аксаковым: «Я просила одну маленькую пьесу в „Современник“, но мне отвечали: „Хотя мы любим Плетнева и вовсе его не смешиваем с литературной ватагой в Петербурге, однако же ни один наш стих не хотим там печатать“. Я сказала: „Хорошо же вам, что я честный человек, ведь я могла же послать Плетневу много стихотворений, списанных для меня Иваном Сергеевичем в Калуге“».⁷⁸ Плетнев сетовал в письме к Я. К. Гроту от 24 апреля: славянофилы «не могут дать в „Современник“ стихов своих по заклятой их ненависти ко всему, что только напечатано в С.-Петербурге, а не в Москве. Хороши гуси! Языков умнее их».⁷⁹

Существенно, наконец, то, что в обоих поэтических посланиях Аксакова, адресованных Смирновой-Россет, ощутимы следы чтения стихотворения «Юноше». Представляется, что именно его обличительный пафос побудил Аксакова создать в послании «Вы примиряетесь легко...», датированном 15 июня 1846 года, столь выразительный образ циничной героини и так негодовать и хлестко отчитывать ее:

А вы? вам в душу недостойно
Начало порчи залегло,⁸⁰

⁷⁴ См.: Аксаков И. С. Письма к родным. С. 239.

⁷⁵ Языков Н. М. Соч. С. 390–391.

⁷⁶ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 240, 241.

⁷⁷ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Изд. под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. 2. С. 930.

⁷⁸ Там же. С. 944.

⁷⁹ Там же. С. 743.

⁸⁰ Позднее, в письме от 21 июня, Аксаков фактически пояснял родным эти свои строки: «...мне тяжело видеть, что она так испорчена. Она сама употребила это выражение и говорила: „Я рано испорчена, давно потеряла чистоту души, в грехах прошла моя молодость...“» (Аксаков И. С. Письма к родным. С. 275).

И чувство женское покойно
Развратом тешиться могло!⁸¹

Фактически — в этих строках развивается тема послания «Юноше» с его противопоставлением «жены смиренной» и лукавой грешницы с «нечистой душой». Кроме того, характеризующие героиню в послании «Юноше» «бойкие и опытные думы», «проворный, блистательный ум» соотносятся в стихотворении Аксакова с его ироническими выпадами по поводу «снисходительности не в меру» и «мудрости», позволяющей «равнодушно созерцать / Паденье нравственное брата». А итоговая отсылка Языкова к библейскому Вавилону как средоточию нравственного разврата может быть поставлена в связь с инвективой Аксакова, тоже прибегающего к религиозной мотивировке в своих упрёках в адрес героини:

Но, право, ваше примиренье —
Не христианская любовь!⁸²

В семье Аксаковых это послание Ивана оценили высоко. В. С. Аксакова писала Карташевской 29 июля 1846 года о брате: «Недавно он написал чрезвычайно сильные и прекрасные стихи <...> эти стихи написаны после одного серьезного спора с А<лександрой> Ос<иповной> Смирновой» (10616, 65–65 об.).⁸³ С похвалой отнесся к посланию «Вы примиряетесь легко...», как известно, и Тютчев. 13 сентября того же года он писал жене Э. Ф. Тютчевой в Петербург: «...посылаю стихи молодого Аксакова (Ивана Сергеевича), того, который состоит при М-ме Смирновой. По-видимому, эти стихи были написаны вследствие бурного спора, в котором несколько пристрастная снисходительность дамы к человеческим слабостям столкнулась с добродетельной нетерпимостью молодого человека. Эти стихи были бы, конечно, дерзостью относительно особы, которой они адресованы, если бы не было условлено и принято считать, что в стихах, как и в музыке, можно сказать почти все безнаказанно. Действительно, стихи никогда не доказывали ничего другого, кроме большего или меньшего таланта их сочинителя».⁸⁴

Во втором послании Аксакова, обращенном к Смирновой-Россет («Когда я порыв негодованья...», между июнем и августом 1846 года), также явственные отзвуки языковского стихотворения. В «Юноше» героине «подобает не добрая слава / Чистейшей любви, неземной красоты». У Аксакова лирический герой признается героине:

...я так искренно желал
Увидеть Вас на высоте достойной,
В сиянии чистейшей красоты...⁸⁵

Правда, обвинение Языкова, фактически объявляющего героиню вавилонской блудницей, видоизменяется в не менее веский, с точки зрения славянофила

⁸¹ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. С. 74.

⁸² Там же.

⁸³ Поводом к спору, вспыхнувшему 14 июня, стало упоминание в разговоре флигель-адъютанта И. А. Нелидова, брата фаворитки Николая I и друга Смирновой-Россет. Аксаков назвал его «подлецом», «пользующимся выгодами своего положения» (Аксаков И. С. Письма к родным. С. 268; см. также: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 422). 15 июня Иван Сергеевич признался родителям: «Да, моя внутренняя гармония опять расстроилась, и я чувствую, что должен еще написать гремучие стихи против А<лександры> О<сиповны> и примирения» (Аксаков И. С. Письма к родным. С. 269). В тот же день было написано послание «Вы примиряетесь легко...».

⁸⁴ Старина и новизна. СПб., 1914. Кн. 18. С. 17 (2-я паг.). Оригинал по-французски: Там же. С. 16 (1-я паг.).

⁸⁵ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. С. 75.

Аксакова, приговор: «...дама Вы, блистательная, света!..» (т. е. петербургская аристократка, равнодушная к отеческим преданиям). И в этом смысле аксаковская героиня сближается с образом Смирновой-Россет из стихотворения Хомякова «Иностранке», одного из самых ранних литературных воплощений этой незаурядной женщины:

Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса <...>
При ней скажу я: «Русь Святая!» —
И сердце в ней не задрожит.⁸⁶

Так оказался возвращен к своему далекому истоку и продолжен поэтический диалог двух поэтов, начатый в ноябре 1845 года и прервавшийся только кончиной Языкова в декабре 1846 года.

17 января 1847 года, препровождая родным свои стихотворения, в том числе и послания к Смирновой-Россет, Аксаков так их прокомментировал: «Эти стихи написаны были вследствие негодования, возбужденного во мне петербургскими воспоминаниями Алекс<андры> Осиповны. Недаром прожила она 20 лет в этом вонючем месте. Я не верю никаким клеветам на ее счет, но от нее иногда веет атмосферою разврата, посреди которого она жила».⁸⁷

Вместе с тем, покидая Калугу в апреле того же года, Аксаков, согласно поздним мемуарам Смирновой-Россет, именно ей доверил судьбоносный выбор. Она вспоминала: «На прощание Аксаков меня спросил, что ему делать: продолжать ли авторскую карьеру, или продолжать службу в Москве, где ему предлагали место председателя уголовной палаты? Я ему отвечала: „А как вы думаете, спросил ли бы Пушкин, какую карьеру ему выбрать?“ И так я решила судьбу Аксакова...».⁸⁸

И правда, выбирая между безоглядной преданностью искусству, с одной стороны, и чиновничьей, а затем общественно-политической деятельностью — с другой, он остановился на последней. Справедливо утверждение Е. С. Калмановского: «В произведениях Аксакова-поэта действительно видим борьбу „искусства“ и „теории“. Есть живое, подлинное в его искусстве, есть неслучайная правда и в теории. Но органической соотнесенности, соподчиненности и разности двух сфер он все-таки не достиг. Потому Аксаков и оставил сочинение стихов; страдая и опять-таки сомневаясь, но не находя в себе сил совершенно свободно и полно открыться в художественном создании».⁸⁹

Когда Смирнова-Россет скончалась, Аксаков откликнулся в своей газете «Русь» прочувствованным некрологом, и созданный им портрет почившей словно бы составили цитаты из стихотворений, посвященных ей Жуковским, Пушкиным, Хомяковым, Языковым, им самим. Аксаков писал: «Ее красота, столько раз воспетая поэтами, не величаявая и блестящая красота форм (она была очень невысокого роста), а южная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, проницательных глаз, вся оживленная блестящим острой мысли, ее пытливый, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя — искусства, поэзии, знания, — скоро создали ей при дворе и в свете исключительное положение».⁹⁰

⁸⁶ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 163.

⁸⁷ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 345.

⁸⁸ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 230.

⁸⁹ Калмановский Е. С. Противоречия творческого сознания: Поэзия Ивана Аксакова // Русская литература. 1994. № 1. С. 71.

⁹⁰ [Аксаков И. С.]. А. О. Смирнова // Русь. 1882. 11 сент. № 37. С. 10.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-75-89

© О. Л. ФЕТИСЕНКО

И. С. АКСАКОВ И М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ В ДИАЛОГЕ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В августе 1858 года И. С. Аксаков стал редактором славянофильского журнала «Русская беседа».¹ При нем значительно обновился круг авторов этого издания. Так, именно Аксаков привлек к сотрудничеству Кохановскую (Н. С. Соханскую), завязались отношения и с писателями, критиками и публицистами не славянофильского лагеря. Одним из них оказался старший Аксакова на год воронежец² Михаил Федорович Де-Пуле (1822–1885), выпускник словесного отделения философского факультета Харьковского университета (1846), преподаватель русского языка и истории в Михайловском кадетском корпусе (с 1848), участник кружка, ставившего целью пробуждение провинции к «органической жизни».³ До знакомства с Аксаковым он печатался в «Воронежских губернских ведомостях», «Атенее» и «Московских ведомостях», а впоследствии в «Русском слове» (с № 10 за 1859 год и до изменения в составе редакции), «Русской речи» графини Е. В. Салиас де Турнемир (1861), бартенева «Русском архиве» (1863), «Санкт-Петербургских ведомостях» (1864, 1868).⁴

Этот «эстет, делающий уступки времени» (так позднее охарактеризовал его Е. М. Гаршин⁵), прислал в славянофильский журнал критический отзыв о романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ». Аксаков, о резко негативном отношении которого к этому произведению и к его главному герою Калиновичу можно судить хотя бы по письму к Соханской,⁶ принял статью Де-Пуле с радостью как «прекрасную и смелую»,⁷ восстающую против господствующих

¹ См. об этой его деятельности: Греков В. Н. Иван Аксаков — сотрудник и редактор «Русской беседы» // «Русская беседа». История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 124–157. При подготовке данного коллективного труда переписка, о которой пойдет речь в этой статье, не привлекалась, она вообще осталась на периферии исследовательского внимания.

² Воронежца по долговременному месту жительства, но уроженца Липецкого уезда Тамбовской губернии.

³ Де-Пуле М. Ф. Николай Иванович Второв // Русский архив. 1877. Вып. 7. С. 335. Об этом объединении воронежской «умственной аристократии» см.: Павлова В. А. Н. И. Второв и его кружок // Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX — начало XX в. Воронеж, 1970. С. 180–190.

⁴ Важный этап литературной деятельности Де-Пуле на рубеже 1850–1860-х годов — участие в формировании и редактировании сборника «Воронежская беседа» (1861).

⁵ Е. Г. [Гаршин Е. М.]. Де-Пуле Михаил Федорович // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 10. С. 422. См. также: Удодов Б. Т. Де-Пуле Михаил Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 107–108.

⁶ Отзываясь о журнале «Библиотека для чтения», Аксаков писал: «...журнал плохой, бесцветный, нравственно дряблый, и редактором — Писемский, которому лучшею рекомендацией служит создание Калиновича в романе „Тысяча душ“» (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. С. 43). В 1860 году и Де-Пуле вступил в переписку с Соханской. От их диалога сохранились лишь 15 писем «макаровской отшельницы». См.: «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...»: Письма Кохановской (Н. С. Соханской) к М. Ф. Де-Пуле (1860–1866 гг.) / Вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 222–262.

⁷ ИРЛИ. Ф. 569. Ед. хр. 105. Л. 1. Далее ссылки на эту архивную единицу приводятся в тексте сокращенно, с указанием листа.

мнений петербургской критики, поместил ее во второй книге «Русской беседы»,⁸ сделав некоторые поправки в тексте и снабдив публикацию «Примечанием от редакции»,⁹ о чем и сообщил автору 21 марта 1859 года. Как выясняется из этого письма, оно было не первым, ему предшествовало посланное «в начале лета прошлого года» (Л. 2–2 об.), по-видимому не дошедшее до адресата. Теперь же, судя по концовке послания, редактор отвечал на обращение Де-Пуле, вероятно осведомлявшегося о судьбе статьи (она датирована 8 февраля 1859 года), а заодно и о состоянии здоровья С. Т. Аксакова. Младший Аксаков, как видно по его письму, был крайне заинтересован приобретением нового соратника, призывал его не верить «ретроградной» репутации «Беседы» (в качестве обратного примера, не называя имени, он указывал на уже изданные и готовящиеся к печати статьи Н. П. Гилярова-Платонова¹⁰) и заверял, что будет ждать ответа «с нетерпением» (л. 2 об.).

После этого эпизода между москвичом и провинциалом установилась переписка, длившаяся с большими перерывами¹¹ 26 лет, до ухода из жизни одного из собеседников (Де-Пуле скончался 27 августа 1885 года, Аксаков пережил его лишь на несколько месяцев). Сохранилось 34 письма Аксакова¹² и, к сожалению, только четыре ответных.¹³ Последняя аксаковская эпистола послана перед отъездом в Ялту 28 февраля 1885 года.¹⁴ Испытав «отлучение» от круга «Русской беседы», о котором будет сказано далее, Де-Пуле поместил 20 статей и корреспонденций «Из Воронежа»¹⁵ в издаваемой Аксаковым газете «День».¹⁶

⁸ *Де-Пуле М. Ф.* [Рец. на:] Тысяча душ: Роман в четырех частях А. Писемского. Издание Д. Е. Кожанчкова. С.-Петербург. 1858 // Русская беседа. 1859. Кн. II. Отд. III. Критика. С. 1–16.

⁹ Там же. С. 17–20. Н. П. Колюпановым примечание было ошибочно атрибутировано К. С. Аксакову (см.: *Колюпанов Н. П.* Перечень лиц, участвовавших в издании «Русской беседы», с указанием сочинений, 1856–1860 // [Колюпанов Н. П.]. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. 2. Прил. 12. С. 143). Без изменений атрибуция осталась в указанном выше коллективном труде о журнале («Русская беседа». История славянофильского журнала. С. 502). Письмо И. С. Аксакова позволяет исправить эту погрешность, здесь говорится: «...прибавил к статье, в виде особого „Примечания от редакции“ — странички четыре моих замечаний о романе и о его критиках. Надеюсь, что удар сим последним будет чувствителен» (л. 2).

¹⁰ Будучи в те годы цензором, Гиляров печатался под псевдонимом.

¹¹ Отсутствуют, например, письма за 1860–1863, 1867–1875, 1877–1879, 1881–1882 годы. С уверенностью можно утверждать, что переписка могла вестись в 1861–1862 годах, когда Де-Пуле печатался в газете Аксакова «День» (об этом см. ниже).

¹² ИРЛИ. Ф. 569. Ед. хр. 105–107.

¹³ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 189 (29 марта 1859 года); ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 498 (1864, 1876, 1885). Одно из них, от 29 июня 1864 года, уже издано мною в приложении к публикации: «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...». С. 258–261.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 569. Ед. хр. 107. Л. 33–34.

¹⁵ За подписями «В. М–в», «Корреспондент», «S. S.».

¹⁶ Первая развернутая статья с полной подписью: *Де-Пуле М.* По поводу провинциального безмолвия (Письмо к редактору Дня) // День. 1864. 15 февр. № 7. С. 1–4. Авторская датировка: 11 января 1864 года. Из письма Аксакова от 12 мая 1864 года выясняется, что он предположил этой статье передовую, которая не была пропущена цензурой, но часть ее — о значении областной России — удалось поместить в № 15 от 11 апреля (л. 17 об.). За ней последовала статья Де-Пуле «Еще несколько слов о провинциальной журналистике» (День. 1864. 23 мая. № 21. С. 7–8). Другую статью, о Н. М. Костомарове, Аксаков не принял, хотя был готов позднее поместить ее в переданном виде (л. 21; письмо от 22 августа 1864 года); отметим, что имя Костомарова впоследствии не раз будет упоминаться в корреспонденции. Без упоминаний в письмах остались статьи на педагогические темы (День. 1864. 5 сент. № 36. С. 6–7; 5 дек. № 49. С. 8–12). В следующем году издать «Дня» напечатал статьи «Современные задачи нашего провинциализма» (Там же. 1865. 31 марта. № 14. С. 321–324), «об иллюзиях М<осковских> вед<омостей>» (л. 27; вышла в сокращении: Педагогические иллюзии и страхи // Там же. 1865. 1 мая. № 18. С. 420–422), о публичных библиотеках (Там же. 8 мая. № 19. С. 451–455; 18 сент. № 32. С. 762–764), но категорически отверг статьи о проповедях архиепископа Иннокентия Херсонского и какой-то полемический выпад о «Русском слове», по поводу которого писал: «Вам в Воронеже издали мудроно себе представить всю гражданскую невозможность для честного редактора в столице ставить вопрос так, чтоб

А весной 1864-го, после отстранения от редактирования неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей» и упразднения в кадетском корпусе в связи с преобразованием в военную гимназию должности помощника инспектора, которую он занимал с 1862 года, именно к издателю «Дня» обратился за помощью в приискании нового места службы. Аксаков охотно откликнулся на эту просьбу и предложил несколько вариантов: от редактирования «Дня» до учительских, инспекторских и даже директорских должностей в гимназиях Северо-Западного края, где начиналась «русификация». В отличие от бескомпромиссно настроенных В. А. Елагина и Ф. В. Чижова, осуждавших друзей-славянофилов, поступающих на службу в этот край и в называвшиеся тогда «Привислинскими» губернии,¹⁷ Аксаков, напротив, приветствовал, что «трудный вопрос» исторического дела примирения будет сдан «на руки единственной нашей общественной силе, единственно настоящей интеллигенции русской — людям нашего кружка и нашим приятелям»,¹⁸ почему он и не отвергал просьбы приискать желающих служить в польско-литовских землях, которую ему адресовал попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов. Его ригоризм, вероятно, распространялся только на людей, имевших непосредственное отношение к славянофильскому кругу, и не касался прочих. В итоге в конце 1865 года Де-Пуле переехал в Вильно, где, хотя и предпочел бы, судя по его словам, ограничиться только работой в газете,¹⁹ снова начал совмещать и педагогическую, и редакторско-публицистическую деятельность: стал инспектором гимназии, а чуть позже и редактором официального «Виленского вестника».²⁰ Вильно он выбрал как крупный культурный центр, имевший прямое железнодорожное сообщение с Москвой,²¹ и оставался там до 1868 года,²² когда получил назначение чиновником особых

противник Ваш не смел отвечать Вам печатно. Наконец я не Катков. Я не хочу, чтобы мои статьи подавали повод *Валуеву* (как катковские относительно Костомарова) призывать к себе моих противников, делать им выговоры, запрещать писать или издавать книги» (л. 23 об.; письмо от 31 марта 1865 года). Аксаков в том же письме дал понять, что ему были бы интереснее корреспонденции Де-Пуле о земском деле в Воронежской губернии. Выходные данные опубликованных Аксаковым статей Де-Пуле см.: «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты / Под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб., 2017. Ч. 1. С. 782 и по указ.

¹⁷ Рассказ о жарких спорах на эту тему содержится в письме Аксакова к Ю. Ф. Самарину от 31 мая 1864 года: Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко, В. Ю. Шведов. СПб., 2016. С. 183–185 (Славянофильский архив; кн. 3).

¹⁸ Там же. С. 185. Главное, полагал он, «чтоб не было нелепых попыток обрусить Польшу» (Там же).

¹⁹ «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...». С. 258–259.

²⁰ Об этом периоде его деятельности см.: *Котов А. Э.* «Великая идея всероссийзма»: Политическая публицистика М. Ф. Де-Пуле // Вестник Воронежского ун-та. Сер. История, политология, социология. 2016. № 1. С. 54–59. См. также посвященную Де-Пуле главу в монографии того же автора: *Котов А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 205–259. Обсуждая с Де-Пуле предложение М. Н. Муравьева и И. П. Корнилова о возглавлении виленского офиса, Аксаков с осторожными намеками писал 12 мая 1864 года: «Дело прекрасное, но... Газета все-таки официальная, орган Муравьева. Человек он полезный для края, но — может быть, Вы не захотите поставить литературное дело от него в зависимость» (цит. по: «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...». С. 261). Совсем по-другому он рассуждает о том же 26 сентября 1865 года, когда переезд в Вильно Де-Пуле был уже, в сущности, решен: «От всей души радуюсь. Мне кажется, Михаил Федорович, отказывать и медлить нечего. Такие люди как Вы — сущее приобретение для Западного края, и слава Богу — теперь их там умеют ценить, и они там уже не затеряются. Не скрою от Вас, что о приглашении Вас в редакторы я хлопотал сильно, ради общей пользы. Вам откроется широкое поле деятельности, и Вы будете в кругу главных деятелей края. Ради Бога не отказывайтесь. Вы ни в каком отношении не потеряете — я Вам ручаюсь» (л. 31).

²¹ «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...». С. 260.

²² По каким-то причинам Де-Пуле не сразу уведомил Аксакова о своем бытии на новом месте, и 7 апреля 1866 года тот осведомлялся у П. А. Бессонова, устроился ли его воронежский

поручений в Главное управление военных учебных заведений. Это место он занимал недолго: вернулся к инспекторству, на этот раз в Полтавской военной гимназии (с 1870), а в 1875-м в чине действительного статского советника вышел в отставку и поселился в Тамбове, изредка продолжая печататься у М. Н. Каткова и А. С. Суворина, с которым издавна прятельствовал.²³ Переписка с Аксаковым внезапно оживилась в 1883–1884 годах, когда цикл статей Де-Пуле по педагогическим вопросам был помещен в газете «Русь».²⁴

Но вернемся к начальному периоду знакомства двух публицистов (1859). Выражая признательность за присланную статью о «Тысяче душ», редактор «Русской беседы» писал Де-Пуле: «Благодарю Вас очень за то, что Вы обратились к нам, с полною (и признайтесь — *несомненною*) уверенностью в нашем сочувствии нравственной идее, лежащей в основе Вашей критики» (л. 1–1 об.). Далее он оправдывался за предпринятые правки в статье, о которых не считал нужным предупредить автора, поскольку сношения с ним тогда были возможны по каким-то причинам только через посредника (Ф. Н. Берга): «Статья прекрасная, — но есть один-два промаха, две-три фразы, которые ослабляют действие статьи, подвергнут ее справедливому нападкам, лишат ее цельности. Обставлять примечаниями, оговорками от редакции? Это значит ослаблять впечатление. — Не подумайте, что я позволил себе какие-либо значительные переделки и вставки. Нет, я уверен даже, что вы не вдруг и заметите, где что отменено или вставлено. Но думаю, что статья от этого выиграла. Некоторые ваши мысли эстетические, вполне справедливые, я только разъяснил и распустил, потому что они были выражены не только неясно, но даже небрежно. — В значении 4 части романа я решительно несогласен. Весь роман писан для нее, она-то и раскрывает мысль автора. Не будь этой части, не на что было бы и нападать, потому что не было бы причин заподозривать автора в сочувствии к герою, в желании оправдать его. Впрочем, у Вас верно есть подлинник Вашей статьи. Потрудитесь сверить, и — пожалуйста — напишите мне Ваше мнение откровенно. — Но как все же я не мог позволить себе распространить статью Вашу, то прибавил к статье, в виде особого „Примечания от редакции“ — странички четыре моих замечаний о романе и о его критиках. Надеюсь, что удар сим последним будет чувствителен» (л. 2).

Гонорар за статью (15 руб. серебром) Аксаков выслал 6 апреля, успев получить письмо от ее автора, заговорившего о новых своих замыслах. Здесь-то впервые и прозвучало в корреспонденции имя И. С. Тургенева. Де-Пуле в письме от 29 марта 1859 года предложил две темы будущих статей — об «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева²⁵ и о «Дворянском гнезде».²⁶ Относительно второй работы издатель «Дня» высказался так: «О Тургеневе

корреспондент: «Мне просто совестно перед этим человеком, потому что я содействовал к переселению его на Запад» (Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1865–1886) / Под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб., 2018. С. 78).

²³ См.: Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле / Публ. М. Л. Семановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 113–187.

²⁴ Де-Пуле М. Ф. 1) Наше образовательное дело и учебная смута: Мысли и заметки // Русь. 1883. 1 сент. № 17. С. 23–32; 15 сент. № 18. С. 36–43; 1 окт. № 19. С. 19–28; 15 окт. № 20. С. 17–23; 2) По поводу заметки г-на А. Храповицкого о духовно-учебных заведениях // Там же. 1 дек. № 23. С. 49–51 (отклик на статью будущего главы Русской Зарубежной церкви); 3) Мысли и заметки по образовательным вопросам // Там же. 1884. 15 июня. № 12. С. 13–22; 1885. 2 февр. № 5. С. 14–16; 31 авг. № 9. С. 12–14. Несколько статей были Аксаковым отклонены.

²⁵ Аксаков предупредил, что такую работу подверг бы рецензированию («предварительному рассмотрению») своего брата Константина, а также А. С. Хомякова и П. А. Бессонова (л. 3–3 об.).

²⁶ О Тургеневе критик при этом высказался так: «...никто вернее не относится к русской жизни, как Ваш батюшка, Гоголь и Тургенев. Не правда ли, почти в каждой его повести читаешь свою собственную жизнь, жизнь надломанную, испорченную недостатком истинно общественной деятельности? Зато как хороша у него без всяких возгласов русская женщина!» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 1 об. — 2).

я вполне разделяю Ваше мнение и в особенности люблю его за искренность. В „Дворянском гнезде“ он подвинулся на несколько ступеней вперед в своем внутреннем развитии, но это еще ступень переходная: он пойдет дальше. Пришлите статью и об нем. Если обе статьи почему-либо не могут быть помещены в „Беседе“, я перешлю их в редакцию „Атеней“» (л. 3 об.).

Знакомство семьи Аксаковых с Тургеневым произошло еще в 1840-х годах, позднее писатель неоднократно посещал аксаковское Абрамцево и явно выделял из всего семейства своего полного тезку. Отношения с братьями Аксаковыми современный тургеновед определяет как «теплые дружеские», но «не лишённые, однако, полемического противостояния».²⁷ Участие автора «Записок охотника» в «Русской беседе» хотя и обсуждалось (Тургенев получил приглашение от И. С. Аксакова), но не состоялось.²⁸ К. С. Аксаков еще при обсуждении программы будущего журнала резко заявил: «Не нужно нам ни Тургенева, ни Григоровича, ни других подобных».²⁹ На этом фоне отзыв младшего Аксакова об «искренности» и «внутреннем развитии» создателя Лизы и Лаврецкого выглядит весьма благожелательным. Отметим, что подобная оценка очень скоро сменится иной: Аксаков охотно подхватит *bon mot* своей будущей жены о том, что у Тургенева нет *l'épine dorsale morale* (нравственного хребта)³⁰ — а при этом о какой искренности может идти речь. Тургенев тоже не стоял на месте в своих взглядах на славянофилов в целом и издателя «Дня» в частности. К сожалению, его попытка мемуарного очерка о семье Аксаковых осталась незавершенной.³¹ Итоговыми же высказываниями Аксакова о Тургеневе станут две подпередовые статьи в «Руси».³²

Итак, в 1859 году Аксаков ожидает следующей работы Де-Пуле и не забывает сообщить ему, что «статья о Писемском очень многим нравится» (л. 5). Но воронежец не спешит выслать свой новый опус. Это, видимо, произойдет не ранее начала июня, и Де-Пуле снова прибегнет к помощи Берга. Аксаков сочтет невозможным напечатать статью в «Русской беседе» (славянофильский кружок строго стоял за единомыслие в главных вопросах) и 24 июня напишет автору, объясняя причины отказа. Это письмо — фактически консpekt несозданной статьи о современной литературе, о состоянии общества, о разрыве дворянства и народа, о людях, «лишенных почвы», и таких же (беспочвенных) правительственных мерах, о «положительном направлении», о Пушкине — чрезвычайно важно, его, как и последовавшее за ним, стоит привести целиком, несмотря на ошибочность прозвучавшего здесь прогноза о том, что «лет через 10 никто не станет перечитывать» ни Тургенева, ни Гончарова.³³

²⁷ *Ипатова С. А.* Тургенев в Абрамцево (1878): Забытые воспоминания С. С. Мамонтова // Тургеневский ежегодник 2015 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитриухина, Л. А. Балыкова. Орел, 2017. С. 195–196.

²⁸ См. об этом: *Балыкова Л. А.* Тургенев и журнал «Русская беседа»: попытка сближения (<https://turgenevmus.ru/turgenev-i-zhurnal-russkaya-beseda-popytka-sblizheniya/>; дата обращения: 20.10.2023).

²⁹ Об издании «Русской беседы» (Записка К. С. Аксакова (1856) с ответом А. И. Кошелева) / Публ. и комм. А. П. Дмитриева // «Русская беседа». История славянофильского журнала. С. 251.

³⁰ Эту фразу он приведет и в публикуемом ниже письме к Де-Пуле от 6 апреля 1859 года, и в письме к Соханской от 6 мая 1862-го (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). С. 168–169); в последнем указан и автор острого слова: «...дочь известного поэта Тютчева» (Там же. С. 169). В семье Аксаковых сходным образом на Тургенева смотрела Вера Сергеевна. Ср. в ее дневниковой записи от 25 января 1855 года: «...человек, в котором нет даже языческой силы и возвышенности души, какая-то дряблость душевная, как и телесная, несмотря на его огромную фигуру» (*Аксакова В. С.* Дневники. Письма / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. СПб., 2013. С. 121).

³¹ См.: *Тургенев И. С.* <Семейство Аксаковых и славянофилы> / Публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева // Русская литература. 1995. № 4. С. 146–156.

³² Русь. 1883. 1 сент. № 12–13; 1 окт. № 19. С. 12–14.

³³ Связанные с Гончаровым фрагменты писем Аксакова от 24 июня и 6 июля 1859 года хорошо известны специалистам по давней публикации (И. А. Гончаров в неизданных письмах,

«Милостивый Государь
Михаил Федорович.

Я получил Вашу рукопись — разбор „Дворянского гнезда“ и даже возвратил ее³⁴ Вашему верному комиссионеру, г. Бергу. Статья Ваша не может быть у нас напечатана: в критике больше, чем где-либо, выражается основное воззрение журнала, а с Вашим воззрением оно, к сожалению, в настоящем случае несогласно. Мне кажется, Вы даете слишком большое, прочное значение Тургеневу, Гончарову и всем теперешним нашим беллетристам. Неужели Вы не чувствуете мелкости их литературного подвига, их преходящести? Из них я ставлю выше всех Тургенева, люблю его всею душой, как человека (мы хорошо знакомы), признаю в нем талант поэтический и художественный, все это так, но дело его —³⁵ имеет важность только с исторической точки зрения.

Главное значение Тургенева заключается в том, что он выражает собою³⁶ духовно-болезненное состояние нашего общества, все его муки, борьбу нравственную, всю внутреннюю возню с анализом и с рефлексией. В этом заключается главная причина симпатии, возбуждаемой его сочинениями. Заслуга Тургенева состоит³⁷ в том, что он понял, что это болезнь, что он осудил ее, что он стремится высвободиться из-под ее гнета. Но не высвободится. Болезнь эта не случайная, а историческая: она породила тот класс общества, который, оторвавшись от жизни народной, чувствует себя сиротою, лишен почвы под ногами. Это страшная мука всех современных деятелей; — от того и байбачество. Наша деятельность не зачерпывает жизни народной, скользит над нею,³⁸ и потому бесплодна и безотраднa. Возьмите для прим<ера> хоть вопрос о судопроизводстве, проект которого изготавливается теперь в П<етер>бурге. Везде судопроизводство является наследием веков, органическим продуктом жизни.... Вам же приходится сочинять, сочинять за жизнь, сочинять самую жизнь. А вы ее не знаете, вы не участник ее таинственного творчества, вы не состоите с ней в единении. Если б эта жизнь, жизнь 60 миллионов была *tabula rasa*, другое дело, — но вы знаете, что она не *tabula rasa*, что в ней лежит тайна, которой вы разгадать не можете, что она хранит начала и основы совершенно новые, что она будет протестовать — против всякого насилия — безобразиям, т. е. что все ваши великолепные проекты обратятся в безобразное явление действительности, лягут на землю новым слоем хлама. — Как немедленно все опошляется у нас! Теперь нельзя сказать, совестно употребить слова: гласность, обществ<енное> мнение и проч<ее>. Отчего? плодов от них еще мало. Оттого, что все эти стремления не зачерпывают жизни действительной, все это — как былые без корня! Лодка носится по волнам по воле ветра, как скоро нет груза, дающего ровный тяжелый ход судну: этот груз — народ, сумма исторического опыта и проч<ее>. — Великий Гоголь болел нашею болезнью и искал выхода; он пал жертвою своих усилий. Он обличал наше общественное уродство. Тургенев (которого талант я, конечно, не думаю сравнивать с Гоголевским) — не касается вопросов общественных, но сделал предметом своего анализа самую болезненность; оттого-то он вечно возится с типами, подобными Рудину, Лаврецкому и проч<им>. Вы ставите ему это в недостаток! Это его существенное достоинство, дающее ему историческое значение. Это самые искренние его создания, почерпаемые из самосознания. Разве не слышите вы, как ему

дневниках и воспоминаниях современников / Публ. Н. Г. Розенблюма // Русская литература. 1969. № 1. С. 165–166), но письма эти заслуживают того, чтобы быть опубликованными в полном виде.

³⁴ Далее зачеркнуто: «уже».

³⁵ Далее зачеркнуто: «мелочное».

³⁶ Далее зачеркнуто: «всё».

³⁷ Перед этим начато и зачеркнуто: «за<ключается>».

³⁸ Вписано над зачеркнутым: «над ним».

хочется здоровья и здоровья! Вы говорите, что в Тургеневе отношение к жизни положительное. Напротив! положительное является в нем *искомым* идеалом!³⁹ И эта *искомость*, этот процесс искания слышится при каждом положительном изображении и лишает его искренности. Т. е. вы чувствуете искреннюю *предумышленность*⁴⁰ в изображении положительных характеров, радость больного, смакующего лекарство. Цельность, простота, непосредственность — вот идеалы, естественно мучающие больную душу современного человека.⁴¹ Было время, когда хвастались и рисовались этой болезнью. Это глупое время прошло. Теперь — реализм часто принимают за признак здоровья, но реализм, понимаемый ограниченно, в смысле практицизма, или неразвитости. Но Тургенев и К^о осуждены только желать и стремиться. Им никогда не создать ничего положительного; путем мышления не дойдешь до того, что требует цельности представления, искреннего и свободного творчества. Я люблю Тургенева, во-1-х, за то, что он умнее их всех, во-2-х, за то, что он искренен и отражается в повестях по мере своего внутреннего развития, не больше; в-3-х, за то, что он лучше всех понимает несостоятельность и болезненность нашего общества, в-4-х, — за его уважение к народу и смирение, хотя отвлеченно, умом понимаемое, перед народом. — Знаете, кого я ставлю выше их всех, и в ком вижу залог новой эры для искусства? В Кохановской. В ней народность не является чем-то искомым, ей непонятны будут и заботы об ней. Она относится к ней непосредственно, и посмотрите — что это за язык, за сила; это едва ли не первые, вполне русские произведения! Это такая сила, перед которой жалки становятся напряженные усилия таланта и ума Тургенева, Гончарова, Толстого и проч<их>.

Вы говорите, что Тургенев постиг первый после Пушкина тип русской женщины. Признаюсь, страстно любя Пушкина, я не вижу ничего типического в Татьяне, да и во всех произведениях Пушкина, за исключением разве повестей и драмы,⁴² вижу более поэтического, лирического элемента, чем художественного, в смысле Вашего определения. „Руслан и Людмила“, „Кавказский пленник“, „Полтава“, „Бахчисарайский фонтан“ — все это прелесть, как ряд картин, но глубины концепции я не вижу нигде, ни даже в „Евгении Онегине“. В Пушкине, по выражению одного моего знакомого, не достаёт басовой струны.⁴³ — Тургеневские женщины — всегда силуэты: он это

³⁹ На страницах «Русской беседы», в статьях Н. П. Гилярова-Платонова, свящ. А. М. Иванцова-Платонова и К. С. Аксакова, не раз поднимался вопрос о «положительном воззрении» на жизнь (или, в частном проявлении, на «русскую действительность») и о целом «положительном направлении». Образцы подобного направления славянофилы находили в творчестве С. Т. Аксакова, а с 1858 года и Кохановской. Не случайно она упоминается далее и в публикуемом письме. О «положительном направлении» см.: *Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы*. Петрозаводск, 2013; *Фетисенко О. Л. У истоков «положительного направления» в русской литературе: Кохановская (Н. С. Соханская) и С. Т. Аксаков // Традиции и современность*. 2023. № 1. С. 21–29. О взаимоотношениях И. С. Аксакова и Кохановской, о ее сотрудничестве в аксаковских изданиях см.: *Фетисенко О. Л. Кохановская: «степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты* Н. С. Соханской. СПб., 2021.

⁴⁰ В автографе с опиской.

⁴¹ Было: «нашу больную душу».

⁴² Далее зачеркнуто: «не».

⁴³ Это выражение принадлежало Хомякову. Ср. в его письме к И. С. Аксакову, в котором обсуждалась статья Кохановской «Степной цветок на могилу Пушкина» (1859): «...способности к басовым аккордам недоставало не в голове Пушкина и не в таланте его, а в душе, слишком непостоянной и слабой или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения» (*Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1904. Т. VIII. С. 366*). См. также: *Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 24–40*; *Кунильский Д. А. О литературной холодности (Пушкин в воспитании А. Хомякова и И. Киреевского) // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2010. № 3 (108). С. 80–85. О понимании Аксаковым творчества Пушкина и изменениях, в нем происходивших, см.: *Вихрова Н. Н. 1) Пушкин**

сам чувствует, он боится копнуть в них глубже, — не хватит мастерства и знания создать их вполне живыми, — развалятся! Но честь его благородной натуры: мы видим по крайней мере, где ищет он свои идеалы, не в героинях Жорж Занд! — Вообще повесть „Дв<орянское> гнездо“, которую я читал с наслаждением, особенно интересна и отрадна, как новый шаг Тургенева в его внутреннем духовном развитии. С этой точки зрения она подлежит разбору, хвалить ее можно и должно, да не с того боку, и не придавать повести Тургенева значения соотносительного,⁴⁴ не считать его выражением русского искусства: он не из разряда тех мастеров, которые являются в искусстве хозяевами, свободно творящими, вечно оригинальными и создающими новую школу. Одна дама сказала Тургеневу (и это он, добродушнейший человек в мире, сам расскажет, если хотите), что *il lui manqué l'épine dorsale morale*.⁴⁵ И это совершенно верно, а в наше время, при отсутствии твердых и крепких нравственных убеждений, управляющих хотя временно деятельностью человека,⁴⁶ не может художник сотворить ничего великого.

„Обломов“ — роман очень замечательный по задаче, по концепции, гораздо больше, чем по исполнению. В нем гораздо больше ума, чем художественности и поэзии. Все эти произведения, имея значение, как моменты исторические нашего развития, в то же время в области русского искусства не составляют эпохи, не вносят ничего нового. Лет через 10 никто не станет перечитывать ни „Двор<рянское> гнездо“, ни „Обломова“.

Вы, конечно, не согласны со мной, но мои убеждения, с какими-нибудь небольшими оттенками, принадлежат и другим сотрудникам „Беседы“. Я, может быть, не умел, а отчасти и не имею времени развить мои мысли полнее, подробнее и связнее, и многое может показаться более резким, чем оно есть на самом деле. Говоря об литературе, вы совершенно забываете об том исключительном положении, в котором находится русская жизнь, но от которого зависят все развитие литературы.⁴⁷ Без исторической точки зрения нельзя понять русскую литературу, хоть напр<имер> тип байбака.⁴⁸ Вопрос о положительном и отрицательном отношении русского искусства к жизни не понятен без истории русской жизни.

Во всяком случае Вы поблагодарите меня за мою откровенность. Как скоро же статьи Ваши не будут противоречить нам в главных основах, то мы дадим им место в „Беседе“ с радостью, как напр<имер> статье Вашей о Писемском.

Преданный Вам
Ив. Аксаков.

Июня 24
1859.

Москва» (л. 5а–8).

в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169–181; 2) Пушкин в историософском споре Ивана Аксакова и Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. 2023. № 3. С. 88–106; Кунильский А. Е., Кунильский Д. А. Пушкин в славянофильской критике: Учеб. пособие для студентов-филологов. Петрозаводск, 2014.

⁴⁴ Далее зачеркнуто: «достоинства».

⁴⁵ Ему недостает нравственного хребта (*фр.*). Об источнике этого выражения см. выше.

⁴⁶ Далее зачеркнута вставка: «ни».

⁴⁷ Было: «все ее развитие».

⁴⁸ Интересно, что вопрос об этом типе еще долго занимал Аксакова, и в 1864 году у него даже возник спор с Кохановской по поводу, как ему казалось, превращения в «байбака» одного из дорогих для них обоих персонажей. См.: Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). С. 222, 224–225.

Несмотря на то, что это «программное» письмо по большей части посвящено Тургеневу, в нем не случайно упоминались Гончаров и «Обломов», другая литературная новинка 1859 года. По-видимому, Аксаков уже знал, что его воронежский корреспондент работает над статьей об этом романе. И действительно, она вскоре лежала на столе редактора. Письмо от 6 июля представляет собой подробный разбор не столько статьи, сколько проанализированного в ней произведения, причем опять дело не обходится без Тургенева, «почвы» и положительного направления:

«Я получил Вашу статью об Обломове. Хотя эта статья, по моему мнению, лучше статьи о Тургеневе, однако же и она мне кажется неудовлетворительною. Вы слишком легко, поверхностно касаетесь предмета — это не критические статьи, а коротенькие рецензии. Между тем вопросы, мимоходом возбуждаемые вами, таковы, что лучше их не касаться вовсе или же сделать их предметом внимательного исследования. Притом Ваша идея — извините меня — также страдает неясностью. Вы называете Обломова *поэтической* превосходной натурой, „поэтом — *народным*“. Разве дворянским? Вы не объясняете нигде — что именно поэтического в этой натуре? Что общего между Обломовым и народными песнями, напр<имер> — вниз по матушке по Волге? Звучит ли этот бодрый мотив в натуре Обломова? — Нисколько. Он возрос не на народной, а на искаженной дворянской почве. Вы говорите, что он потому так и упал, что был поэт... Этого я решительно не понимаю. Что же такое поэзия по-Вашему? Разве ее свойство — делать из человека тесто? Во всяком случае Вы не выяснили Вашу мысль. — Далее: по сходству фамилий, Вы отчислили знакомого Обломовского, Алексеева, к легиону и по нем определяете внутреннее значение этого легиона. Мне кажется — это совершенно ошибочно, Гончаров вовсе и не думал признавать этого Алексеева схожим с Обломовым. —

Но очень хорошо в Вашей статье именно то, что Вы следите в сочинениях Гончарова общую идею обломовщины, а также и то, что Вы обличаете незрелость его идеи и несостоятельность Обломова⁴⁹ быть типом современного русского человека. И это как-то не вяжется с первой половиною Вашей статьи.

Роман Гончарова очень замечателен как по исполнению, так и по задаче, но Вы чувствуете, что ему, как и всем, дается только одно отрицательное отношение к действительности. В живое положительное отношение к жизни он стать еще менее может, чем Тургенев. Оно (положительное отношение)⁵⁰ возможно только (чтоб быть действительным) на почве народной. А в Гончарове вы не слышите ни малейшей симпатии к русской народности; напротив того, слыша в себе присутствие некоторой ее струи,⁵¹ ее протест против петербургской лжедеятельности, он сам казнит ее в себе непрерывно. Он чувствует — что-то, но когда хотел олицетворить эту отрицательную сторону в художественном образе, то по непониманию русской жизни и народности, или по одному внешнему знакомству с ней, сущность отрицания ускользнула из его рук, он не обхватил задачи, не обнял⁵² ее даже умом, и Обломов вышел олицетворением одной лени с притязаниями на⁵³ тип⁵⁴ более глубокого и серьезного смысла. В этом отношении Тургенев несравненно выше, и глубже всматривается в жизнь русскую. Не знаю — ясно ли я пишу; трудно на почтовом листе и сразу вдруг передать то, что требует подробного развития, но во всяком случае мое мнение о Вашей статье я Вам высказал с обычною откровенностью.

⁴⁹ Было: «и его несостоятельность».

⁵⁰ «Положительное отношение» вписано над строкой.

⁵¹ Было: «слыша в себе ее присутствие».

⁵² Перед этим начато и зачеркнуто: «пости<г>».

⁵³ Далее зачеркнуто: «какой».

⁵⁴ Далее зачеркнуто: «чего-то более».

Напишите мне адрес Берга, чтобы я мог ему отдать Вашу статью. — О Буслаеве пишет для V книги „Беседы“ статью брат мой К<онстантин> Сергеевич.⁵⁵ Он довольно строго относится к Буслаеву.⁵⁶ — Без исторического освещения, без глубокой симпатии к народу не уразуметь сознательно ни Гончарову, ни Тургеневу русской жизни.

Весь ваш
Ив. Аксаков

6 июля

1859. Москва» (л. 9–10 об.).

Таким образом, Аксаков вернул Де-Пуле подряд две статьи о будущих классиках отечественной словесности и заранее отверг работу о буслаевском «Опыте исторической грамматики русского языка». Критику ничего не оставалось делать, как обратить свои взоры на петербургские редакции. Разбор «Дворянского гнезда» найдет приют в «Русском слове»,⁵⁷ а статья о грамматике Буслаева — и вовсе в «Современнике». ⁵⁸ Последнее обстоятельство, между прочим, ничуть не повредит автору во мнении Аксакова. После небольшой паузы в переписке он первым обратится к только что отвергнутому им же самим автору со словом ободрения: «Вы поступили крайне *смело*, воздвиглись против такого авторитета, в своей статье, помещенной в „Современнике“. Вы себе представить не можете, сколько холопства и подобострастия в российской образованной публике, как в отношении к Европе, так и в отношении к своим доморощенным авторитетам, творимым „Русскими вестниками“, „От<ечественными> записками“, „П<етер>б<ургскими> вед<омостями>“, „Моск<овскими> вед<омостями>“ и проч<ее> и проч<ее>. Буслаев холоп Бонна⁵⁹ и западных ученых; журналы ни уха ни рыла не разумеющие, но движимые тем же духом холопства, твердят: „наш известный ученый г. Буслаев“, — „школа Буслаева, Соловьева“⁶⁰ и пр<очее> и пр<очее>. Новичок, вступающий на литературную арену и желающий задобрить в свою пользу этих журнальных звонарей, непременно вклеит в первую свою статейку цитату из сих авторитетов, — *la reputation est faite!*⁶¹ — Вы отдаете по крайней

⁵⁵ Имеется в виду статья: Аксаков К. С. [Рец. на:] Опыт исторической грамматики русского языка Ф. Буслаева. Москва, 1859 года. 2 части // Русская беседа. 1859. Кн. VI. Отд. III. Критика. С. 65–154. И. С. Аксаков давал понять, что присылка статьи Де-Пуле о Буслаеве, обсуждавшаяся ранее, будет теперь излишней. С Буслаевым К. С. Аксаков полемизировал уже в 1856 году (Там же. 1856. Кн. II. Отд. V. Смесь. С. 148).

⁵⁶ О полемике с Буслаевым см.: Гаспаров Б. М. Лингвистика национального самосознания (Значение споров 1860–1870 гг. о природе русской грамматики в истории философской и филологической мысли) // Логос. 1999. № 4 (14). С. 48–67.

⁵⁷ Де-Пуле М. [Рец. на:] Дворянское гнездо. И. С. Тургенева. Москва. Издание книгопродавца Глазунова... // Русское слово. 1859. № 11. Отд. II. С. 1–22 (временем создания статьи здесь указан май 1859 года). В предыдущей журнальной книжке напечатана созданная в августе того же года статья воронежского критика о переведенных Тургеневым «Украинских народных рассказах» Марко Вовчка (Там же. № 10. Отд. II. С. 1–15). Позднее Де-Пуле посвятит Тургеневу еще одну статью, в которой выразит опасение, что писатель может изменить «теплым и прямому отношению к русской жизни»: Нечто о литературных мошках и букашках. По поводу героев г. Тургенева // Время. 1861. № 2. Отд. III. С. 115–131 (без подписи; атрибутировано А. Г. Фоминым по письму М. М. Достоевского к Де-Пуле: Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пг., 1922. С. 507).

⁵⁸ Де-Пуле М. Ф. Об историческом изучении русского языка // Современник. 1859. № 8. Отд. III. С. 237–254.

⁵⁹ Имеется в виду немецкий лингвист Франц Бонн (1791–1867), профессор Берлинского университета, основоположник сравнительного изучения индоевропейских языков.

⁶⁰ Речь идет об историке С. М. Соловьеве, с которым активно полемизировал К. С. Аксаков.

⁶¹ Репутация создана! (фр.).

мере более справедливую хвалу за ее⁶² серьезное отношение к делу: она представляет противувес, тот груз спасительный, без которого чорт знает куда умчало бы легковесную умственную ладью русского общества» (л. 11–11 об.).⁶³

Сопоставление текста статьи о Тургеневе в «Русском слове» с письмом Аксакова показывает, что Де-Пуле, вероятно, ничего не стал менять в своем разборе (в пользу этого отчасти говорит и быстрота осуществленной публикации). Тургенев предстал здесь как стоящий «во главе современных писателей» прозаик с «чисто-поэтическим» талантом,⁶⁴ а вступительная часть по интенции была близка литературным манифестам «Русской беседы»,⁶⁵ т. е. сохранялось смутившее Аксакова приложение категорий положительно прекрасного именно к этому автору. Имеется здесь и рассуждение на занимавшую Аксакова тему «байбачества», в связи с которой поднимался и вопрос об «искренности» Тургенева,⁶⁶ а завершается статья разбором образа Лизы (о чем тоже упоминалось в письме Аксакова). Что касается не принятой в «Русскую беседу» рецензии на роман Гончарова, эта работа, вероятно, утрачена, но могла быть в той или иной форме использована в более поздней статье Де-Пуле «Нечто о подводных камнях и утесах в нашей литературе» (о романе М. В. Авдеева).⁶⁷

Де-Пуле не держал обиды на Аксакова и его кружок. Пересылая в 1864 году одно из аксаковских писем своему приятелю Л. Н. Павленкову, он обмолвился о славянофилах: «Я их люблю, потому что в них много натуральной русской простоты» (л. 21 об.). Аксаков, со своей стороны, желал бы видеть в Де-Пуле не литературного критика (хотя жизнь показала, что тот, пожалуй, был во многом гораздо прозорливее именно в суждениях о словесности), а публициста-земца. Выше уже было сказано о том, что он пытался подвести собеседника к мысли заняться корреспонденциями о земском вопросе. Примечателен еще один, остававшийся неизвестным факт: начиная издавать газету «Москва», Аксаков приглашал Де-Пуле покинуть только что осваиваемый тем Вильно и разделить труды с ним: «Я приглашаю Вас себе в помощники по внутреннему отделу. Жалованья в год 2500 р. и, вероятно (даже несомненно), квартира при конторе с отоплением. Дела Вам будет много, но меня Вы знаете, знамя мое — и Ваше знамя; Вы будете жить в Москве в кругу Вам сочувственном. Газета эта, кажется, — прочное дело».⁶⁸

Из других писем выясняется, что Иван Сергеевич рассчитывал поручить Де-Пуле и расположение статей в номере, и чтение последних корректур, и надзор за типографией (за «ходом печатанья») и вообще желал видеть в нем свое alter ego. В качестве другого варианта предлагал ему заняться просмотром французских и немецких газет для политического отдела и составление по им же подготовленной выборке раздела «Последняя почта».⁶⁹ Но Аксаков

⁶² Подразумевается: этой школы.

⁶³ Письмо от 2 октября 1859 года. Далее Аксаков просил отозваться в печати на статью о Буслаеве своего брата — может быть, даже «разругать» ее, но дать ей оценку: «Не думайте, что бы я ожидал похвального отзыва: нет, хоть разругайте, если по совести так думаете, — но возбудите спор, полемику, не дайте угаснуть голосу, возопившему в пустыне! Поэтому я для большего удобства посылаю Вам отдельный оттиск статьи: Вы можете даже не упоминать о „Беседе“, если почему-либо сочтете это неловким» (л. 12). Статья Де-Пуле о полемике К. С. Аксакова с Буслаевым к настоящему времени не выявлена.

⁶⁴ Русское слово. 1859. № 11. Отд. II. С. 6, 9.

⁶⁵ «Теперь <...> мы можем смотреть спокойнее и любовнее на жизнь. И это не оптимизм, а вытекает из самой жизни: где жизнь — там и прекрасное, там и поэзия» (Там же. С. 2).

⁶⁶ Там же. С. 16–17.

⁶⁷ Русская речь. 1861. 6 апр. № 28. С. 433–436; 9 апр. № 29. С. 449–452.

⁶⁸ ИРЛИ. Ф. 569. Ед. хр. 106. Л. 1 об.

⁶⁹ Там же. Л. 6, 7 об.

уже в 1866 году предвидел будущие цензурные сложности, ожидающие газету, а значит — шаткость ее положения, а также откровенно предупредил своего корреспондента, что тот, если не найдет в Москве необременительного места по учебному ведомству, окажется в положении, равносильном выходу в отставку. Взвесив все, Де-Пуле предпочел остаться в Вильно. «...Не могу не признать, что Вы поступили благоразумно», — напишет Аксаков 23 октября.⁷⁰

Из литературных сюжетов, обсуждавшихся в рассматриваемой переписке, представляет интерес подробный предпринятый Аксаковым «редакторский» разбор стихотворений некоего Ильина,⁷¹ но наиболее важна кольцовская тема, особенно дорогая для Де-Пуле как воронежца, публикатора неизданных стихотворений поэта и автора монографии о нем.⁷² В письме от 20 апреля 1876 года, относящемся как раз ко времени работы Де-Пуле над книгой о Кольцове и вызванном его вопросом о «кольцовских бумагах»,⁷³ Аксаков посвятил гениальному воронежскому прасолу целый большой мемуарный фрагмент, перерастающий в посмертную полемику с В. Г. Белинским и как бы возвращающий собеседников к их эпистолярной дискуссии 1859 года о подлинной и неподлинной народности и тем самым «закольцовывающий» (прошу прощения за рвущийся «из-под пера» каламбур) всю тему художественной словесности в этом многолетнем творческом диалоге,⁷⁴ хотя к кольцовской теме будет еще одно обращение — в письме от 15 марта 1880 года, когда Аксаков сообщит свое мнение о биографии поэта, прочтенной еще в 1878-м, похвалит за желание «высвободить сущность кольцовской поэтической природы из-под всяческих хламид, в которые укутал его Белинский со всею компанией и в которые сам он, Кольцов, кутался», а также за то, что в книге сняты «тягость хулы и клевет с памяти его отца и семьи». При этом выскажет и замечания: «...Вы, мне кажется, несколько пересолили: Ваш труд носит на себе характер какого-то *следственного* процесса, и это производит местами неприятное впечатление. <...> Если б Ваша „биография“ была вдвое короче, она бы много выиграла. Слишком много в ней мелочных подробностей, слишком много обшариваете Вы его семейный быт. Само по себе все это не может очень интересовать, а для изобличения правды, как оправдательный документ, достаточна была бы и половина всего, что Вы сообщаете. — Его положение, независимо от лживо-придуманных страданий, все же было исполнено трагизма, — и именно от того, что он имел несчастье познакомиться с московскими и петербургскими литераторами, которые вздумали его *развивать*. На них и лежит ответственность за всю ложь, которой он стал жертвой. Он сам менее всего виноват. <...> Пользовался или не пользовался он чужими стихотворениями, — все же его собственный талант несомненен. Но Господи, сколько лжи, сколько вздору во всех этих фразах, идеализациях,

⁷⁰ Там же. Л. 12.

⁷¹ Там же. Л. 18–20.

⁷² *Де-Пуле М. Ф.* А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878 (впервые: Древняя и новая Россия. 1878. № 3–6).

⁷³ Вопрос этот прозвучал в письме от 5 апреля 1876 года (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 498. Л. 5–5 об.).

⁷⁴ Пожалуй, последним аккордом в этой составляющей переписки стал интересный с филологической точки зрения отзыв о синодальном переводе Нового Завета: «Кстати сказать: русский перевод Евангелия и Апостолов — пресквернейший, антихудожественный, лишенный всякой красоты. Почему „который“ (одно из подлейших слов) непрменная принадлежность русской речи? Разве не в 1000 раз лучше, да и вполне по-русски сказать: „Тот, *Кто* создал небо и землю“ — чем: «Тот, Который» и пр<очее>. Я бы не издавал иначе русского перевода как вместе с славянским, le texte en regard <тексты в две колонки (фр.). — О. Ф.>» (Там же. Ф. 569. Ед. хр. 107. Л. 28; письмо от 18 декабря 1884 года).

восторгах, доктринерстве, которыми так искренно угощал Белинский Кольцова и сам услаждался. Правда была — в искренности влечения к какой-то высшей правде, а не в том, что именно выдавалось за правду».⁷⁵

«Вопросы литературы» — конечно, лишь одна из составляющих переписки Аксакова и Де-Пуле, пусть и немаловажная. За разговорами о текстах и авторах непременно вставали насущные «вопросы жизни» (украинофильство, польский вопрос, народное просвещение и многие другие). Это требовало уточнения позиций, своеобразной «сверки часов», которая обнаруживала, что с течением лет не нарушилось установившееся между собеседниками еще в 1850-е годы единство в основополагающих воззрениях при возникающих то и дело расхождениях в «частностях».

Ниже публикуется письмо И. С. Аксакова к М. Ф. Де-Пуле от 20 апреля 1876 года по автографу: ИРЛИ. Ф. 569. Ед. хр. 106. Л. 15–17. Орфография и пунктуация приводятся в соответствии с современными нормами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо И. С. Аксакова к М. Ф. Де-Пуле от 20 апреля 1876 года

Воистину воскресе, Милостивый Государь, Михаил Федорович, отвечаю я Вам, хотя и поздно, на Ваше приветствие и Ваше письмо.¹ Кончина Юрия Федоровича Самарина² всколебала мой нормальный строй жизни, вызвала такую перемену, возбудила столько свиданий, разговоров и переговоров,³ так отвлекла мое внимание от всяких прочих дел, что я действительно провинился пред многими, в том числе и пред Вами, замедлив ответом на письма. Впрочем, сообщить мне Вам насчет Кольцова особенного чего-нибудь — нечего. В переписке с братом моим он не состоял. Сохранилась только одна записка, не представляющая ничего интересного по содержанию, любопытная только как автограф.⁴ *Личных* отношений, вне литературы, равно как и личной симпатии друг к другу у них не было, хотя не было и антипатии. Я был мальчиком лет 12,⁵ когда видел Кольцова, у нас в доме за большим обедом (у отца моего лет 10 сряду велись субботние обеды, за которыми сходились все его приятели литературного и артистического кружка⁶ и старые товарищи). Кольцов не произвел на меня приятного впечатления, напротив: его взгляд исподлобья мне не понравился, и мы, дети, о том толковали. Очень может быть, что по природной его застенчивости, по непривычке к большому обществу (тут были, кроме моих сестер, и другие дамы), ему было просто неловко и, как говорится, конфузно: он не знал, что делать с вилокю, ложкою и т. д. Эти мелочи — бывают источником истинных страданий у многих даровитейших людей, выдвинутых талантами из своей грубой среды, где они что-то вроде изгоев, в среду, родственную им по духу, но чуждую им по внешним условиям быта и цивилизации. Не знаю, была ли ложь в самой натуре Кольцова, но несомненно, что было много лжи в положении, которое было создано для него обстоятельствами и создается для всякого, кто, отчалив от одного берега, не в силах пристать к другому. Его друзья или почитатели его таланта, вроде Белинского, конечно, поступили неразумно, искусственно влагая в него высшие запросы, раздражая его поверхностным прикосновением солнечных лучей — высшей мудрости (чуть ли не философией Гегеля!) и не позаботясь⁷ о том, чтобы изъять его совсем из прасольской среды и просто заставить его поучиться.

⁷⁵ Там же. Ед. хр. 106. Л. 20–20 об.

Смутно помнится мне, что Станкевич, который, впрочем, и издал на свой счет стихи Кольцова,⁸ — не одобрял такого форсированного развития или по крайней мере не увлекался им в той же мере, как и Белинский. Брат мой никогда особенно не восторгался Кольцовым,⁹ и мне случалось слышать, как, пожимая плечами, рассказывали, что Кольцов также изволил повторять целиком фразы или выражения, выработавшиеся в этом кружке, вроде «прекраснодушие» (Гегелевское *schöne Seele*¹⁰ — особый момент развития) и т. п., что уже начинает казаться смешным. Впрочем, весь язык Белинского был испещрен такими, переведенными ему с немецкого из книг, им не штудированных¹¹ и даже не читанных, модными тогда терминами философского характера. Белинский вложил в душу Кольцова высшие стремления — но *без содержания*, внес в его ум — мысли высшего порядка, но *неопределенные*, как у него самого, и сам, по складу своего ума и характера, по объему¹² своей натуры, не в силах был ни поставить¹³ его на твердую почву, ни дать в руки орудие или посох, чтобы выбраться на путь, ни внести¹⁴ в душу несчастного мир духовный и гармонию. Брат же мой, К<онстантин> С<ергеевич>, страстный поклонник¹⁵ народного поэтического творчества, не любил литературно-народной поэзии, — т. е. поэзии литературной с приемами и ухватками «маненько-мужицкими»; — народность,¹⁶ возведенная или вернее низведенная в *genre*,¹⁷ была ему противна. Признавая несомненный талант Кольцова в первых его произведениях, он не мог, конечно, не замечать в стихах Кольцова позднейшего периода уже отсутствие той простоты и искренности, той непосредственной внутренней правды, которая в поэзии есть существеннейшее достоинство. Едва ли было бы справедливо обрушивать вину на самого Кольцова. Сам он жалок и истинно несчастлив. Виноваты его *развиватели*. Беда еще в том, что он попал не просто в круг образованных людей, а в *кружок*, в котором под конец заводится всегда много условности и лжи. Брат мой в 40-м¹⁸ году разорвал формально и открыто связь с кружком, где находились Бакунин и Белинский, — Станкевич бежал от него¹⁹ за границу: становилось невыносимо душно и все изолгалось внутри человека. А Кольцов сюда-то и попал. Я говорю о кружке, каким он был в конце 30-х и в самом начале 40-х годов. Впрочем, из напечатанных Пыпиным писем Белинского²⁰ видно, каково было то умственное и духовное колесо, под которое попал воронежский прасол.

Письмо это служит доказательством, что я сохранил к Вам мое всегдашнее искреннее уважение.

Ив. Аксаков.

20 апр<еля>

1876

Москва. Филиппов пер<еулок,> д. Скородумова.²¹

¹ Аксаков отвечает на письмо Де-Пуле от 5 апреля 1876 года (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 498. Лл. 5–5 об.), в котором тот просил поделиться воспоминаниями о Кольцове или письмами поэта к С. Т. и К. С. Аксаковым.

² Ю. Ф. Самарин скончался 19 марта 1876 года. «Смерть Самарина — это не то что потеря, а целое опустошение, в том смысле, что образуется страшная пустота, и в личной нашей, и в общественной жизни, которую ничто никогда наполнить не может», — писал Аксаков своему другу кн. Д. А. Оболенскому 1 апреля (Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина. С. 327).

³ Далее зачеркнуто: «что».

⁴ Местонахождение этой записки установить не удалось.

⁵ 12 лет И. С. Аксакову было в 1835 году.

⁶ Перед этим зачеркнуто: «мира».

⁷ Далее зачеркнуто: «ни».

⁸ Имеются в виду изданные в 1835 году «Стихотворения Алексея Кольцова». В сборник вошло 18 произведений.

⁹ Было: «Также и брат мой никогда им особенно не увлекался».

¹⁰ прекрасная душа (*нем.*).

¹¹ Было: «из книг им не читанных и не штудированных».

¹² Вписано над зачеркнутым: «размеру».

¹³ Перед этим зачеркнуто: «дать».

¹⁴ Перед этим начато и зачеркнуто: «пр<инести?>».

¹⁵ «Страстный поклон<ник>» вписано над зачеркнутым: «не лю<бил> / очень любил».

¹⁶ Перед этим начато и зачеркнуто: «сост<авленная?>».

¹⁷ жанр (*фр.*).

¹⁸ Было: «в конце 39 и в 40-м».

¹⁹ Далее зачеркнуто: «в н<емецкие?>».

²⁰ Имеется в виду книга А. Н. Пыпина «Белинский: его жизнь и переписка» (Т. 1–2. СПб., 1876; впервые опубликована в «Вестнике Европы» в 1873–1874 годах). О трудах историка Аксаков писал Самарину 14 апреля 1873 года: «Я не обвиняю Пыпина в сознательной недобросовестности или в умышленном искажении истины, но при односторонности и узкости его взгляда, при его известных симпатиях и антипатиях, — при его известной *оптике* — он вводит или способен вводить и читателей в оптический обман» (Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина. С. 293). Именно поэтому Аксаков отказался предоставить петербуржцу письма Белинского к своему брату Константину.

²¹ Правильно: Филипповский переулок (близ Арбата); семья С. Т. Аксакова жила здесь в 1849–1851 годах, а в 1955–1993-м переулок носил имя автора «Аленького цветочка».

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-89-102

© Е. С. ЛЕВШИНА

ПЕРЕПИСКА И. С. АКСАКОВА И Р. А. ФАДЕЕВА 1874–1882 ГОДОВ

Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883) занимал видное место в общественно-политической жизни России в конце 60-х — начале 80-х годов XIX века. Боевой генерал, военный писатель, публицист, мыслитель, он с неиссякаемой энергией брался за разнообразные проекты и до последней возможности боролся за их продвижение и реализацию. Независимо от освещаемого предмета — будь то история покорения Кавказа, славянский вопрос или программа дальнейшего государственного строительства, — его книги и статьи не оставались незамеченными и вызывали большой резонанс, в том числе международный.

Фадеев был представителем «культурной семьи, полной научного и литературного интереса и исторических преданий».¹ Большое влияние на личности Фадеева и его трех сестер оказала мать Елена Павловна (урожд. кн. Долгорукая) — разносторонне образованная женщина, обладавшая широкими познаниями, любившая и ценившая поэзию. Отец Андрей Михайлович — высокопоставленный чиновник в Закавказском крае — встречался в Кишиневе с А. С. Пушкиным и получил в подарок автографы поэм «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник», которые были затем преподнесены супруге, пришедшей от них в восхищение. Родители Фадеева не были чужды и публицистической деятельности: отец известен своими экономическими статьями и воспоминаниями; мать, помимо воспитания подрастающего поколения, занималась изучением флоры Кавказа и приобрела имя в научном мире благодаря

¹ Автографы известных и замечательных людей (Из архива С. Ю. Витте) / [Публ. А. П. Барсукова] // Старина и новизна: Исторический сб. 1905. Кн. 9. С. 275.

публикациям по ботанике.² Из семьи Фадеевых вышли профессиональные литераторы: старшая сестра Р. А. Фадеева Елена Андреевна Ган, ее дочери — теософ Елена Петровна Блаватская и детская писательница Вера Петровна Желиховская. Племянник Фадеева Сергей Юльевич Витте в начале 1880-х годов также занимался литературно-издательской деятельностью, являясь инициатором создания и «тайным центром» конспиративной организации «Священная дружина», затем, что существенно для нас, сотрудничал в газете «Русь» (в конце 1884 — 1885 году).³ С И. С. Аксаковым он познакомился еще в начале 1870-х годов, когда, занимая пост управляющего Одесской железной дороги, активно участвовал в деятельности Одесского славянского благотворительного общества. Полагаем, что личные отношения самого Фадеева с Аксаковым завязались в это же время: такой вывод можно сделать и из хронологии перемещений Фадеева в указанный период, восстановленной исследователями биографии генерала, и из текста его послания к Аксакову от 6 ноября 1874 года — первого в числе публикуемых ниже писем.

Корреспонденция Фадеева и Аксакова 1874–1882 годов заслуживает внимания по многим причинам. Прежде всего, она содержит сведения о взаимоотношениях двух мыслителей, сравнимых по величине и внесших свой вклад в разработку приемлемой и исторически обусловленной, с их точек зрения, программы дальнейшего развития России. Аксаков и Фадеев были ровесниками, прекрасно образованными представителями одного поколения, интеллектуально подготовленными не только к анализу и критической оценке прошлого и настоящего своей страны, но и способными к выработке конструктивных предложений, основанных на жизненном опыте и знакомстве с российскими реалиями.

Отметим, что изложение собственной позиции не являлось самоцелью для обоих корреспондентов. Они в равной степени обладали умением выслушать точку зрения собеседника и затем вести аргументированную дискуссию — не только на страницах периодических изданий, но и в личной переписке. Примечательны части писем, в которых авторы указывают друг другу на конкретные расхождения во взглядах и слабость того или иного положения. Публикуемые в комплексе, послания позволяют «читать между строк» там, где отсутствуют ответные письма Аксакова, и частично реконструировать эпистолярный диалог.

В одном из писем 1874 года поражает открытость и гибкость ума Фадеева, его эмоциональное признание в неожиданном «знакомстве» с Аксаковым-мыслителем, давшим московским славянофилам «кодекс, трезвый, исправленный от многих прежних увлечений, в виде прелестно написанной биографии» — очерка о Ф. И. Тютчеве. Именно эта книга, с ее «особой группировкой идей», показала Фадееву «новые перспективы» в славянофильстве, доказала, «что оно способно к дальнейшему развитию».

Письма Фадеева к Аксакову свидетельствуют об искреннем уважении, даже пиетете, с которым автор относился к своему корреспонденту. Особенно показательны уже упомянувшееся послание, содержащее восторженный отзыв о написанной Аксаковым биографии Тютчева. С другой стороны, предположим, что эти возвышенные чувства соседствовали с меркантильными соображениями: Фадеев рассчитывал на поддержку своих программ, их широкую огласку и активную дискуссию в печати, «старт» которой могли дать публикации в авторитетных периодических изданиях. После прочтения писем Фадеева к И. С. Аксакову, Ю. Ф. Самарину, А. С. Суворину, сопровождав-

² Подробнее см.: Там же. С. 274; Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / Сост. С. В. Лебедев, Т. В. Линицкая; предисловие и комм. С. В. Лебедева. М., 2010. С. 6–8.

³ Об этом см.: Левшина Е. С. С. Ю. Витте и И. С. Аксаков в 1880-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 235–238.

ших присылку новой книги, складывается впечатление, что, когда дело касалось популяризации собственных идей, в правилах генерала было действовать нахрапом, — возможно, сказывался многолетний боевой опыт Кавказской войны. Как видно, образное выражение о «втискивании» идей в «тугую среду» — русское общество, — использованное в одном из публикуемых посланий, было на практике применимо и к выдающимся представителям русской мысли, во влиянии которых на умы Фадеев был заинтересован.

Представляется, что человеческие качества Фадеева, его манера добиваться своей цели были неприемлемыми, отталкивающими с точки зрения Аксакова. Известно письмо последнего к М. Г. Черняеву, в котором говорилось: «...Фадеев же мне антипатичен до омерзительности, хотя, бесспорно, писатель не без таланта. Мысль он может подать блестящую, но исполнителем быть не годится, что, впрочем, он и доказывает на деле».⁴ Совершенно оставить без внимания эту фразу нельзя, однако письмо написано в 1876 году, 7 сентября, в период борьбы между Аксаковым и Фадеевым за руководство сбором денег в пользу болгар, поэтому, возможно, она столь эмоционально окрашена под впечатлением от конкретных поступков и интриг генерала. В более позднем письме Аксакова к Фадееву, 1882 года, нет пренебрежения, нет ни следа тех сильных чувств, о которых было написано Черняеву. Подобное отношение — конечно, без сердечности, сдержанное, нашло отражение в некрологе Фадееву, который появился на страницах газеты «Русь»: в нем Аксаков воздал должное уму и таланту своего корреспондента и оппонента, не преминув, однако, подчеркнуть неспособность воплотить в жизнь разработанные им проекты.⁵

При всей сложности обсуждаемых Фадеевым и Аксаковым вопросов, их письма обладают несомненными достоинствами с литературной точки зрения: они являются примером богатой, выразительной письменной речи. Послания также добавляют штрихи к портретам неординарных личностей, демонстрируя их несхожую манеру изложения: витиеватый, «густой», но темпераментный стиль Фадеева против лишнего пафоса, лапидарного, меткого слога Аксакова. Наконец, письма отражают степень накала общественно-политической жизни 1870–1880-х годов и служат дополнительными источниками для изучения ее истории в указанный период.

Необходимо отметить, что отдельные цитаты из публикуемых писем уже были введены в научный оборот: в 1998 году вышла в свет первая «полномасштабная политическая биография» Фадеева, написанная волгоградским историком О. В. Кузнецовым.⁶ Однако весь комплекс посланий представлен впервые.

Добавим также, что за пределами настоящей публикации мы сознательно оставляем двустороннюю переписку Аксакова и Фадеева, хранящуюся в Отделе рукописей РНБ, в фонде И. С. Аксакова. Она датируется сентябрем 1876 года и касается сбора пожертвований в пользу болгар и распоряжения полученными средствами.⁷ Эта переписка носит сугубо деловой характер

⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. М., 1961. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. С. 387.

⁵ «30 декабря, в Одессе, скончался умный человек и талантливый публицист, генерал-лейтенант Ростислав Андреевич Фадеев, автор, между прочим, известных „Писем о современном состоянии России“, выдержавших, если не ошибаемся, четыре издания. Едва ли не в десять раз более писал он не для печати — в виде докладных записок, заметок, проектов, рапортов и официальных писем, по разным военным и административным, особенно по управлению Кавказом, вопросам. Если эти рукописи не всегда содержали в себе удачные предположения в смысле преобразовательном, то можно наверно сказать, они всегда представляли меткую и бойкую критику настоящего, — всегда заслуживали, да и теперь заслуживают внимания» (Русь. 1884. 1 янв. № 1. С. 13).

⁶ См.: Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

⁷ См.: 1) письмо Аксакова к Фадееву от 16 сентября (РНБ. Ф. 14. № 28. Л. 1–4 — автограф и писарская копия с приписками Аксакова; на бланке Славянского благотворительного комитета

и, на наш взгляд, требует внимательного рассмотрения в контексте другой корреспонденции, так или иначе связанной с борьбой славянских народов за независимость в 1870-х годах. Таким образом, в научный оборот вводятся полные тексты только личных писем Аксакова и Фадеева.

Письма Фадеева и черновое письмо Аксакова публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ, в фонде С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 639; Оп. 2. № 77); письмо Аксакова от 12 ноября 1874 года печатается по копии, сделанной рукой Фадеева, хранящейся в РГИА, в фонде А. М. и Р. А. Фадеевых (РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. № 36).⁸ Пунктуация и орфография в документах, за редкими исключениями, приведены в соответствие с современными нормами; авторские сокращения раскрыты в угловых скобках; авторские подчеркивания даны курсивом; зачеркнутый автором текст приведен в квадратных скобках; сохранено авторское написание некоторых слов с прописной буквы, а также устаревшее написание некоторых слов; опiski и иные погрешности текстов исправлены без пояснений.

1

Милостивый государь
Иван Сергеевич.

Помимо даже личного знакомства с Вами, которым я имел честь пользоваться несколько лет тому назад, я считаю приятным долгом представить Вам вновь вышедшую мою книгу, под заглавием «Русское общество в настоящем и будущем».¹ До сих пор я не посылал Вам своих сочинений, по их исключительной военной специальности.² Теперь же я написал сочинение чисто политическое, о краеугольном вопросе — жить нам или прозябать — и повергаю его на Ваш суд. Между нами есть, несомненно, несколько точек соприкосновения, хотя с других сторон, может быть, мы и расходимся.

Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности

Ростислав Фадеев

Петербург

Гост<иница> «Париж»³

6 ноября 1874.⁴

В левом верхнем углу л. 1 рукой неустановленного лица карандашом приписано: «6». На л. 1 об. рукой Аксакова в столбик чернилами приписано: «Мундир. Черные брюки. Халат. Плед. Подушка. Три руб<ля>».

¹ См.: *Фадеев Р. А.* Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?). СПб., 1874. В книгу вошли статьи, опубликованные в газете «Русский мир» с марта по июнь 1874 года; ее ведущим сотрудником Фадеев стал в 1872 году. Оппозиционная военному министерству и лично Д. А. Милютину, газета стала выходить в сентябре 1871 года; ее редактором-издателем был полковник в отставке В. В. Комаров. В 1873 году печатный орган был приобретен М. Г. Черняевым. См. также комм. 5 к п. 4.

² См., например: *Фадеев Р. А.* 1) Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; 2) Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; 3) Наш военный вопрос: военные и политические статьи. СПб., 1873.

³ Фадеев не имел собственного жилья в Петербурге; приезжая в столицу, он всегда останавливался в гостинице «Париж». Она была открыта в 1804 году в доме 18 по Малой Морской улице

в Москве; Там же. № 440. Л. 11–12 об. — автограф, на бланке Славянского благотворительного комитета в Москве); 2) ответ Фадеева на письмо Аксакова от 16 сентября (Там же. № 371. Л. 1–2); 3) письмо Фадеева к Аксакову от 20 сентября (Там же. № 440. Л. 17–21 об.); 4) письмо Фадеева к Аксакову от 23 сентября, с приложением визитной карточки И. К. Кишельского (Там же. Л. 23–24).

⁸ Выражаем глубокую признательность за всестороннюю помощь в подготовке материалов коллегам из Пушкинского Дома — А. П. Дмитриеву и В. А. Лукиной.

(ныне — Малая Морская ул., 23 / Вознесенский пр., 8), славилась демократичными ценами, а также удобством и роскошью. В 1847–1849 годах в «Париже» занимал комнаты Ф. М. Достоевский.

⁴ 6 ноября 1874 года Фадеев отправил свою книгу и Ю. Ф. Самарину, также сопроводив ее письмом. См.: Письма Р. А. Фадеева Ю. Ф. Самарину / Публ. С. М. Сергеева // Фадеев Р. Кавказская война. М., 2005. С. 611–613.

2

От всей души благодарю Вас за присылку Вашей любопытной и замечательной книжки. Вы напрасно думаете, что я не знаком с Вашими специальными сочинениями, — они, — независимо от своей военной специальности, отличаются блистательным литературным изложением. Конечно, я со многими не согласен в Ваших статьях, собранных теперь под общим названием «Русское общество в настоящем и будущем» или «Чем нам быть?» — Но не могу не признать верности Ваших так называемых точек отправления, Вашей критики и многих, даже основных, положений.

Увы! ошибка заключается — не столько в Ваших предположениях, сколько в том, что приходится строить нашу жизнь а priori, сочинять ее... Плохо, когда дошло до того, что мы спрашиваем себя: «Чем нам быть?»... Жизнь должна бы сама твориться, *es wird*, как говорят немцы, а не *wird gemacht*.¹ Вот и французы спрашивают себя — чем им быть? Не то республикой, не то империей, не то традиционной монархией. Признак гибели для Франции в самой постановке вопроса. Это значит, что творчество самой исторической жизни иссякло, и приходится заменять непосредственную силу творчества сочинительствами, теоретическими комбинациями.

Конечно, Россия не в таком положении, хотя со времен великого сочинителя Петра целая половина ее — весь культурный слой, как Вы называете, — живет в области абстракта. Тем не менее я верю еще в непосредственный творческий прогресс самой России вопреки теоретическим над нею мудрованиям. Самое то, что — что ни посеешь, все вырастает у нас чертополохом, — не есть ли своего рода выражение протеста со стороны безгласной нашей почвы, которая тем и протестует против непригодности влагаемых в нее семян? — Но нельзя не заметить, что подобные эксперименты способны истощить почву.

Процесс самосозидания, самослужения и самороста усложняется и затрудняется в своей свободе, вообще, и теперь у нас, от постоянного своего отражения в зеркале сознания, — от того, что называлось прежде «рефлексией». Но делать нечего, — от этого усложнения теперь уже не избавишься. Ваше «ценсовое дворянство», по моему мнению, отзывается сочинением, но таким же сочинением было и есть наше земское и сельское самоуправление. Будем прислушиваться к голосу самой жизни и не станем торопиться. Авось либо какие крупные события озарят нас внезапным светом.

Сообщите мне, прошу Вас, Ваше *отчество*, — мне совестно признаться, что я его не знаю. Мне хотелось бы послать Вам экземпляр недавно изданной мною биографии Тютчева.²

Ив. Аксаков

Кисловка, дом Азанчевского.³ 12 ноября 1874. Москва

В верхнем поле л. 1 — заголовок рукой Фадеева: «От Ивана Сергеевича Аксакова, по поводу сочинения „Чем нам быть“». Впервые опубл. (с рядом упущений и неточностей): Автографы известных и замечательных людей. С. 369–370. Как следует из предисловия Барсукова к изданию документов, текст письма Аксакова входил в рукописный сборник, заведенный отцом Фадеева и продолженный сыном.

¹ Es wird — это будет (нем.); wird gemacht — будет сделано (нем.). То есть делаться, а не быть сделанной.

² См. п. 4. наст. публ.

³ Имеется в виду усадьба Матюшкиных — Азанчевского, современный адрес — ул. Воздвиженка, 12 / Большой Кисловский пер., 1. Была построена в XVIII веке родственниками Романовых Матюшкиными; в начале 1870-х годов куплена братьями Азанчевскими, перестроившими господский дом — в нем разместились меблированные комнаты, а также различные организации.

3

Петербург 15 ноября 1874.

Милостивый государь
Иван Сергеевич.

Очень обязан Вам за любезный ответ и буду обязан в такой же степени за биографию человека, оставившего столько теплых и хороших слов в память о себе. Я знал, что не встречу полного согласия на свое мнение с Вашей стороны, и даже не мог ждать его, потому что не имею права сказать, чтобы вполне и безусловно питал в себе его, даже лично.¹ Но в обстоятельствах подобного рода надо выбирать из худшего наименее худшее. Я нисколько не сомневался, что предлагаемое мною культурное сословие государственных избирателей есть сочинение, но притом все-таки, по-моему, сочинение, наиболее подходящее к нашим современным условиям. Я думаю, что для нас теперь нужнее всего: 1, общественная деятельность в руках культурных людей, — и 2, некоторая власть общества над своими членами. Прежде, чем думать о том, что *делать*, нам нужно приобрести возможность что-нибудь *делать*, а для этого следует связаться. Я выставил единственную осуществимую общественную связь, которую глаз мой видит в России.

В сущности, было время, когда я желал, как Вы теперь, ждать событий, возлагая на них всю надежду. Нынешняя разница в нашем взгляде заключается, главнейше, в оценке этих возможных событий; если б мы сошлись на этой точке, то, может быть, пришли бы во всем прочем к одинаковым заключениям. Без сомнения, события, которые вывели бы нас из будничных взглядов и мелких расчетов текущего дня к более широким идеалам, поддали бы нам жизненной силы. Но, сколько я понимаю, никакие внутренние события такого характера и неразрушительного свойства у нас надолго немислимы, даже при перемене царствования. Остаются только события внешние — северная или южная половина славянского вопроса, как я назвал их в известной Вам, вероятно, брошюре о восточном вопросе.² Прежде, действительно, я ждал нашего спасения от этого толчка. Но прежде было не то, что теперь. Поверьте мне, съевшему зубы на наших военных делах. Боевая сила России уничтожена до корня, уничтожена так радикально, что борьба с кем бы то ни было для нас немислима надолго. Фельдмаршал князь Барятинский³ говорил Государю⁴ совершенную правду, что на нынешнюю армию, предводимую столоначальниками вместо генералов и командуемую писарями вместо офицеров, благоразумнее вовсе не полагаться, а готовить понемногу ополчение и выводить его, когда придет крайность, с церковными хоругвями вместо знамен. Но для этого ополчения у нас нет ни одного (sic) запального ружья и ни одного орудия. Стало быть, события, которые Вы вводите в свой расчет будущего как благоприятный фактор, представляются мне, естественно, как фактор гибельный, как начало конца. Прошу Вас обратить внимание на то, что разрушение армии есть у нас не случайный эпизод, а последствие систематического применения к войску ложной, действительно нигилистической систе-

мы, введенной в государственный строй; оно не может быть направлено отдельно, пока не устранен источник зла. Сказал бы Вам многое на словах, а тут не место.⁵

Зовут меня Ростислав Андреевич. Гост<иница> «Париж» на Малой Морской. Прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Р. Фадеев

В правом верхнем углу л. 2 рукой неустановленного лица карандашом приписано: «4».

¹ Здесь и далее в письме Фадеев ведет речь о своей программе государственных преобразований, изложенной в книге «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)». По мнению автора, современное ему российское общество находилось в состоянии «расслабленности», было лишено внутренней организации и связей; под «сочинением» он имеет в виду идею превращения обновленного дворянства в организующий центр земского движения, при условии что государство снова сделает это сословие привилегированным, в то же время служилым и открытым для вступления в него одаренных интеллектуалов из низших слоев общества. Обновленное дворянство, по мысли Фадеева, должно было заменить старую бюрократию и офицерство.

² В ноябре 1869 года Фадеев поместил ряд статей по славянскому и восточному вопросам в «Биржевых ведомостях»; в начале 1870 года статьи были изданы отдельной книгой, принесшей автору мировую известность: она стала сенсацией, была переведена на английский, болгарский, чешский языки. См.: *Фадеев Р. А.* Мнение о восточном вопросе по поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России». СПб., 1870. В конце 1860-х годов Фадеев являлся убежденным панславистом и выдвинул идею создания общеславянского союза во главе с русским царем, в котором русский язык стал бы политическим и связующим. Автор говорил о неизбежном столкновении славянского мира с германским, а также об окончательном решении славянского вопроса путем ликвидации Австро-Венгрии — главного препятствия на пути создания союза.

³ Бярятинский Александр Иванович (1815–1879) — государственный и военный деятель; в 1856–1862 годах командовал Отдельным Кавказским корпусом, затем Кавказской армией и был наместником на Кавказе; генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал; член Государственного совета. В 1858 году должность офицера по особым поручениям при главнокомандующем занял Фадеев. В течение трех лет Бярятинский вел успешную военную кампанию на Восточном Кавказе, нанеся решающий удар войскам противника, взял в плен имама Шамиля (1859); в 1861-м, по причине расстроенного здоровья, уехал в продолжительный отпуск за границу, фактически завершив военную и административную деятельность на Кавказе; в 1862-м вышел в отставку.

⁴ Имеется в виду император Александр II.

⁵ Проблема реорганизации и укрепления вооруженных сил России — одна из тем, к которой постоянно обращался Фадеев в своих трудах. Подробнее о его взглядах и о полемике с военным министерством см.: *Кузнецов О. В.* Р. А. Фадеев: генерал и публицист. С. 28–32, 47–58; *Морозов Е., Сергеев С.* Опоздавший Потемкин // Фадеев Р. Кавказская война. С. 8–9, 18–20.

4

Одесса, Греческий переулок, дом Крioni¹

Милостивый государь Иван Сергеевич.

Собираясь на днях в долгий путь на восток,² я должен еще поблагодарить Вас перед отъездом за высокое удовольствие, доставленное мне Вашей книгой о Ф. И. Тютчеве.³ Я полагал, что книга эта — не более как биография покойного, о прозаических статьях которого я не имел понятия; Вы открыли теперь русскому обществу [и] Тютчева, и самого себя. Позвольте мне откровенную речь: я знал Вас по периодической печати как талантливому журналисту, но не знал как самостоятельного мыслителя; Вашей книгой Вы завоевали себе сразу первое место в своем лагере. Я давно знаком с так называемым славянским московским учением; несмотря на то, особая группировка идей в Вашей книге, с гораздо большею сдержанностью и критической проверкою, чем то было при распространении учения в пятидесятых годах, открыла мне в нем новые перспективы, доказала, что оно способно к дальнейшему развитию. Понятно

поэтому, какое впечатление оно должно производить на людей, вступающих впервые, посредством ее, в этот новый мир русской мысли, популяризованный уже отчасти в своих прикладных выводах, но до сих пор еще весьма мало известный в своей сущности и своих подлинных источниках. До Вашей книги славянско-московское учение не выставляло еще своего кодекса, необходимого для всех образованных людей, готовых отдать справедливость серьезной мысли, но которые, тем не менее, не станут отыскивать ее в разрозненных источниках. Вы дали им такой кодекс, трезвый, исправленный от многих прежних увлечений, в виде прелестно написанной биографии; понятно впечатление, произведенное ею на умных, но не знавших даже постановки этого вопроса людей, которым удалось до нее добраться. Вы обратили на путь, между прочими, двух братьев, моих приятелей, генерал-адъютантов князей Мирских⁴ — людей замечательно умных, также генерала Черняева.⁵ Должен высказать Вам мнение: по моему разумению, Вы показали чрезвычайный такт, обойдя все вопросы внутренней политики, о которых ныне уже невозможно говорить с успехом в прежнем славянофильском смысле. Но я не могу скрыть от Вас и упрек: издавая замечательную книгу, не должно поступать, как Вы поступили, назначая ее, кроме подписчиков «Р<усского> архива», для одних друзей и знакомых; мне удалось говорить об ней в Петербурге только с немногими, которым Вы ее прислали или которым я дал ее прочитать. Нельзя не видеть, что русское общество — среда до такой степени тугая, что в нее нельзя *проводить* идей, их надо *втискивать* в нее материальными средствами, заставляя читать. Для этой цели я разослал свое последнее сочинение в числе 1 ½ тыс<яч> экземпляров всем, кому нужно. Вашей же книги, с которой должно начаться распространение восточничества как учения, нет даже в продаже.

Упомянув о своем сочинении, я открыл себе переход к короткому ответу на Ваши замечания о нем. Я не полагал, чтоб она давала повод к возражению об es wird u<nd> wird gemacht, так как мне и в голову не приходила мысль выдавать механическую комбинацию, выставленную мною как совершенное лекарство, за нечто органическое в самом себе. Позвольте мне сравнение: когда сажают деревья, то при этом не предпринимают никакого творчества организмов, но совершают механическую работу, без которой, однако ж, организм не появится; ветер не занесет в целые веки семя туда, куда преднамеренно опускает его рука; затем как будет угодно природе, заменяющей провидение для деревьев. Я не признаю также неудобства, будто бы неразрывного с нашею степенью развития — формироваться в век сознательности, потому что не признаю ни в какой мере сознательности нынешнего русского общества; оно только болтает заученные <так!> фразы, в сущности же, не исключая даже умных русских людей, до сих пор самое инстинктивное, самое первобытное, бараньи повинующееся каждому крупному впечатлению. У нас еще можно управлять впечатлениями общества, было бы только кому их направлять. Разумеется, это дело правительства; но правительство наше, в нынешней его обстановке, совершенно неспособно к такому делу. Образовавшаяся вокруг него казенно-чиновничья корка, пропитанная всеми преданиями прожитого времени, способна к почину всякого рода лишь на счет других, но только не себя; она способна к либерализму всякого рода, но не иначе как с своего прямого разрешения. Корке этой отлично живется и добровольно она не уступит места никому. Один государственный чиновник говорил мне недавно: если б дойти до того, чтоб Россией управляли директоры, это было бы большим прогрессом; но нет, все дело в руках начальников отделений. Вот безвыходный круг, в котором мы замкнуты и в котором некоторые забавляются либерализмом с разрешения начальника отделения. Оттого, как только мы перешли из эпохи чисто материальных вопросов в эпоху других, сколько-нибудь нравственных, у нас начался — не застой, с которым можно бы еще было помириться, а пол-

нейшее разложение, которому не видать конца. Я вижу в Одессе профессоров, которые, в качестве присяжных, говорят заранее в суде прокурорам: «Хлопочите как угодно об обвинении, для нас нет виноватых», — и доказывают слово делом. Безобразие материяльной и нравственной жизни в областях, при водевильной самодеятельности сброда людей, не связанных никаким общим интересом, с разрешения ближайшего чиновника, совершенно равнодушного к делу — начинается достигать у нас невиданных на свете размеров. Россия остается совершенно без хозяина, потому что верховная власть, как Вы знаете, есть только принцип, а не живая действительность; все дело в том, каким орудием она орудует, какой силой действует. Я считаю, что русской земле нельзя оставаться без хозяев и что этими хозяевами не может быть более казенное чиновничество, без попечного и неисправимого нашего растления. Русской власти необходимо заменить — постепенно, но без проволоочки времени — свое служебное чиновничество каким-либо другим орудием действия [каким — конечно, тем, кото<рое>], имеющим связь с землею и с общим интересом. Таково орудия нельзя сочинять, можно взять только то, какое есть, как бы ни было оно несовершенно. О шутке всеословности говорить нечего, хотя бы потому, что правительство никогда не станет слушать такого разговора серьезно; но оно положительно расположено — если не делать покуда, то хоть слушать то, о чем я говорил. А Вы позволите мне присказку: когда люди задыхаются в жаркой комнате, то дело в том, чтобы высадить раму, не заботясь о последствиях сквозного ветра и других неудобствах. Я уже не говорю о нашем вопросе внешнем, который, по моему убеждению, висит на нитке и может оборваться, при нашей нынешней неспособности встретить его. Потому, признаюсь, вопреки Вашему мнению, я полагаю, что нам есть, куда торопиться.

Извините за это длинное, но все еще слишком короткое письмо, прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

Р. Фадеев

В левом верхнем углу л. 10 рукой неустановленного лица фиолетовым карандашом приписано: «33». Датируется исходя из содержания: после 15 ноября — декабрь 1874 года.

¹ Возможно, дом, принадлежавший греческой семье Криони, до недавнего времени располагавшийся по современному адресу Красный пер., 1. В Одессе жили сестры Фадеева — Екатерина (в замуж. Витте; 1821–1897) и Надежда (1829–1919). Они переехали в этот город в 1868 году, после смерти Ю. Ф. Витте (1814–1868). На момент переезда там уже учились племянники Фадеева — Борис и Сергей.

² В начале 1875 года Фадеев принял предложение египетского хедива, отказавшегося подчиняться турецкому султану, возглавить реорганизацию местной армии и отправился в Африку; службу в Египте он оставил в апреле 1876 года. Подробнее об этом см.: *Кузнецов О. В.* Р. А. Фадеев: генерал и публицист. С. 88–93.

³ *Аксаков И. С.* Федор Иванович Тютчев (1804–1873) / С гравированным портретом Тютчева // Русский архив. 1874. № 10. Стб. 408.

⁴ Вероятно, Д. И. и Н. И. Святополк-Мирские, князья (с 1861 года). Дмитрий Иванович Святополк-Мирский (1824, или 1825, или 1826–1899), генерал-адъютант, генерал от инфантерии; член Государственного совета; с 1841 года воевал на Кавказе; в 1852-м состоял в непосредственном подчинении у князя Бяратинского; участник Крымской войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов; в 1875–1880-м — помощник кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича. Выразил солидарность со взглядами Фадеева на устройство русской армии, изложенными в книге «Вооруженные силы России» (М., 1868). Николай Иванович Святополк-Мирский (1833–1898), генерал-адъютант, генерал от кавалерии; член Государственного совета; участник Крымской войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов; в 1881–1898-м — войсковой наказной атаман Войска Донского.

⁵ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) — генерал-лейтенант; военный губернатор Туркестанской области (1865–1866), главнокомандующий Сербской армией (1876), туркестанский генерал-губернатор (1882–1884). В 1873 году приобрел газету «Русский мир», был ее издателем и редактором до 1878 года. С Фадеевым был знаком еще по службе на Кавказе.

5

Представляю Вам, многоуважаемый Иван Сергеевич, напечатанные, наконец, за границу письма 1879–1880 гг. покойному Государю, которых начало Вы читали в Москве и выражали сожаление, что они не могут быть напечатаны.¹ Тогда было так, и значит, что в этом отношении, по крайней мере, мы ушли вперед, когда невозможное полтора года назад стало возможным. Из-за напечатания этих писем за границу подымался несколько раз вопрос, покойный Государь еще в прошлом июле поручил заключение Милютину,² Лорису³ и Гирсу,⁴ и они одобрили его, но в ту пору помешали Валуев⁵ и Маков⁶ особым докладом. К весне покойный Государь дал, наконец, согласие, новый подтвердил.⁷ И вот является в России изложение мнения о наших порядках, еще смелее, могу сказать, Вашего, хотя довольно однородное с ним. Вы увидите, что эти письма приведены к литературной форме и много дополнены (ввиду происшедшего у нас, я стал терять терпение, а потому стал смелее). Они покажутся Вам почти новой работой сравнительно с прежде прочитанной.

Надо сказать, что X письмо принадлежит Воронцову-Дашкову,⁸ да кроме того, участие его было в большей части писем, потому в заголовке и сказано, что они писаны двумя лицами.⁹

Распространение книжки в России допущено только с разрешения Главного управления печатню. Не могу сказать Вам, можно ли говорить о ней печатно.¹⁰ На этот вопрос не отвечают категорически отрицательно, не выражают ясно согласия, его боятся.

Примите, Иван Сергеевич, выражение самых искренних моих чувств

Р. Фадеев

Р. С. Я зачитываюсь Вашею «Русью».¹¹ В первый раз, как стоит Россия, обсуждение наших русских вопросов поставлено на почве дела, а не условного и немощного мнения литературных кружков.

В левом верхнем углу л. 8 рукой неустановленного лица карандашом приписано: «61»; в правом верхнем углу л. 8 и л. 9 — карандашная пагинация рукой неустановленного лица: «[33] 115» и «116.» соответственно. Письмо было написано после 1 марта 1881 года, так как в нем упоминаются выход из печати заграничного издания «Писем...» Фадеева и покойный император Александр II.

¹ См.: [Фадеев Р. А.]. Письма о современном состоянии России. 11го апреля 1879 — 6го апреля 1880. Лейпциг, 1881. Главным толчком к появлению первого письма стало покушение А. К. Соловьева на Александра II, состоявшееся 2 апреля 1879 года. В письмах автор пытался найти истоки зла, охватившего страну, и анализировал причины, по которым правительство не может его сокрушить.

² Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) — граф; военный министр в 1861–1881 годах.

³ Лорис-Меликов Михаил Тиризович (1824–1888) — граф (с 1878 года); генерал-адъютант, генерал кавалерии; министр внутренних дел в 1880–1881 годах.

⁴ Гирс Николай Карлович (1820–1895) — действительный тайный советник, статс-секретарь; товарищ министра иностранных дел в 1875–1882-м, министр иностранных дел в 1882–1895 годах.

⁵ Валуев Петр Александрович (1814–1890) — граф (с 1880 года); действительный тайный советник; министр внутренних дел в 1861–1868-м, министр государственных имуществ в 1872–1879-м, председатель Комитета министров, главноуправляющий Канцелярии Его Величества по принятию прошений в 1879–1881 годах.

⁶ Маков Лев Саввич (1830–1883) — действительный тайный советник; министр внутренних дел в 1878–1880 годах; член Государственного совета.

⁷ Имеется в виду император Александр III. Подробнее о борьбе Фадеева за издание см.: Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. С. 122–125.

⁸ Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) — граф; военный и государственный деятель; генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник войны на Кавказе в 1859–1862 годах, Русско-турецкой войны 1877–1878 годов; помощник военного губернатора Туркестанской области (1866–1867), министр Императорского Двора и уделов (1881–1897), наместник на Кав-

казе (1905–1916). Стоял во главе конспиративной организации «Священная дружина», созданной для широкого противодействия революционному движению. Ее руководителями также являлись Фадеев, П. П. Шувалов, А. Г. Щербатов и др. «Священная дружина» существовала с марта 1881 по конец 1882 года; ее возникновение было также обусловлено борьбой в придворных кругах накануне убийства Александра II.

⁹ См.: [Фадеев Р. А.]. Письма о современном состоянии России. С. [III].

¹⁰ На страницах газеты «Русь» появились две статьи, посвященные первому изданию «Писем...». См.: 1) «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 г. — 6 апреля 1880 г.». Лейпциг, 1881 г. // Русь. 11 июля. № 35. С. 10–11; 2) Письма о современном состоянии России (изданные в Лейпциге 1881 года) // Там же. 18 июля. № 36. С. 5–6.

¹¹ Первый номер газеты «Русь» вышел 15 ноября 1880 года.

6

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Вы можете видеть меру моего уважения и доверия к Вам из прилагаемого корректурного листка, который я вверяю Вам лично, с тем чтобы, до поры до времени, ни один глаз, кроме Вашего, его не видел. Слишком понятно, что министр Двора¹ не может печатать программы государственного переустройства, не получившей окончательного соизволения свыше. Появление наших писем с этой припиской,² чего мы надеемся вскоре, будет знаком, что программа принята. Из-за корректурного листа, посылаемого Вам, сыр-бор загорелся, что отозвалось в печати и в Вашей «Руси»,³ хотя действительное положение дела покуда не многим известно. Гр<аф> Игнатъев,⁴ разумеется, за приписку, но с своею оговоркою. Положение дел таково, что всякий министр внутренних дел, т. е. политический министр, Лорис⁵ или Игнатъев, или иной, через несколько месяцев приходит к убеждению, что он не может устоять на подмостках петровской эпохи и спасти Россию посредством чиновников.⁶ Но Игнатъев хотел видоизменить ход дела и вместо собора, венчающего здание самостоятельного земства, начать его венчанием на царство при соборе, которому были бы объявлены виды власти.⁷ Одно время существовал с ним компромисс, следы которого Вы увидите в нескольких строках, зачеркнутых красным карандашом. На прошлой неделе план Игнатъева отвергнут, а план, изложенный в приписке, стоит и, надо думать, пройдет, хотя и при ожесточенном сопротивлении.

Если Вы думаете, что в этой приписке следовало бы что-нибудь изменить или прибавить к ней, то напишите мне, не теряя времени, я буду рад сверить наши мысли с Вашими.

Преданный

Р. Фадеев

27 мая 1882.

В левом верхнем углу л. 6 рукой Аксакова чернилами приписано: «Отве<чено> 7 июня»; в центре верхнего поля л. 6 рукой неустановленного лица карандашом приписано: «40», «<18>82 г.».

¹ Имеется в виду И. И. Воронцов-Дашков. См. комм. 8 к п. 5.

² Речь идет о заключительном этапе предпринятых Фадеевым действий для напечатания четвертого издания «Писем о современном состоянии России». Второе и третье издание вышли в России анонимно и были, как и первое, стереотипны. Четвертое издание отличала от предыдущих приписка, о которой и говорит Фадеев; кроме того, анонимным оно не было. В приписке был изложен проект политической программы, разработанный Фадеевым и Воронцовым-Дашковым, в противовес проекту министра внутренних дел Н. П. Игнатъева. Она вошла в четвертое издание книги. См.: Фадеев Р. А. Письма о современном состоянии России: 11го апреля 1879 — 6го апреля 1880. СПб., [1882]. С. 149–167.

³ См. комм. 3 к п. 8.

⁴ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) — граф; генерал-адъютант, генерал от инфантерии; посол в Константинополе (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882); член Государственного совета.

⁵ Имеется в виду М. Т. Лорис-Меликов.

⁶ В «Приписке...» Фадеев неоднократно говорил о созданной верховной властью и содержащейся за счет казны либерально настроенной «опричнине», состоящей, главным образом, «из казенного слоя», появившегося при Петре I «для новых потребностей правительства, находившего очень удобным для себя еще недавно, до окончательного освобождения крепостных, существование административной армии, выделенной из страны в особую касту, возвращенную в духе подражательного периода. Теперь в этом уже нет выгоды, но дело сделано» (Фадеев Р. А. Письма о современном состоянии России. С. 155–158).

⁷ Фадеев словесно обыгрывает предложение Игнатъева созвать земский собор в период коронации Александра III, чтобы продемонстрировать единение царя с народом.

7

Простите, что я до сих пор не отвечал Вам, многоуважаемый Ростислав Андреевич. Во-1^х, Вы не сообщили Вашего адреса, и я теперь посылаю наугад, в г<остиницу> «Париж» на Морской; во-2^х, о предмете Вашего письма желательно было бы переписаться не по почте, а okazji не было, да и до сих пор нет: теперь все бегут из Петербурга, и никто туда не стремится. В-3^х, не успел я взяться за перо, чтоб отвечать Вам, или, лучше сказать, на первых же строках начатого письма как громом поразило меня известие о смене министров.¹ Полагаю, оно и для Вас не безразлично. Я полагаю, впрочем, что сыр-бор загорелся не из-за корректурного листа, Вами мне присланного, а положение дела мне известно во всей точности. Теперь торжествует партия Победоносцева и Каткова.² Образ мыслей нового министра по внутренним делам мне мало ведом, но не думаю, чтоб он сходил с Вашим, и по всему сдается, что на время должно сказать:

«Lasciate ogni speranza».³

Мысль об уездных нарочитых комитетах, проводимая Вами, верна, кажется мне, и с нее, без сомнения, следовало начать уже давно.⁴ Ее проводит, хотя с некот<орыми> изменениями,⁵ в своем журнале «Земство» и Кошелев,⁶ после того как он, сначала страстный поклонник земских учреждений в их настоящем виде, разочаровался в земских собраниях, оказавшихся хуже, чем несостоятельными, для решения вопроса об уезде. Во всяком случае, это будет лучше Кахановской комиссии.⁷ Но для того, чтобы Земский собор был авторитетом, нельзя его составлять из представителей земства. Попадет одна «интеллигенция». Нужны особые *прямые* выборы от *сословий* (крест<ьян> и пр<очих>) или групп, в том числе, пожалуй, и от земств.⁸ Впрочем, обо всем этом лучше поговорить, чем переписываться.

Преданный

Ив. Аксаков

Июня 7го / <18>82
Москва.

В центре верхнего поля л. 1 рукой неустановленного лица фиолетовым карандашом приписано: «6».

¹ 30 мая 1882 года граф Игнатъев был отправлен в отставку, новым министром внутренних дел назначен граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889).

² Отклонение проекта Игнатъева стало результатом действий К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — действительный тайный советник; ученый-правовед, писатель, историк церкви. В 1880–1905 годах занимал пост обер-прокурора Святейшего синода. Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — тайный советник; публицист, издатель, литературный критик; редактор газеты «Московские ведомости».

³ «Оставьте всякую надежду» (*итал.*) — заключительная часть надписи над воротами Ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери.

⁴ См.: [Фадеев Р. А.]. Письма о современном состоянии России. СПб., [1882]. С. 162–163.

⁵ Фраза «хотя с некот<орыми> изменениями» вписана над строкой.

⁶ Кошелев Александр Иванович (1806–1883) — публицист, общественный деятель; славянофил. «Земство» — еженедельная газета; издатель-редактор — В. Ю. Скалон; издавалась в Москве с 1880 по 1882 год на деньги Кошелева, который принимал активное участие в редактировании газеты и поместил в ней немало статей.

⁷ Имеется в виду Особая комиссия для составления проектов местного управления, которую возглавил Михаил Семенович Каханов (1833–1900), действительный тайный советник, занимавший должность товарища министра внутренних дел Лорис-Меликова в 1880–1881 годах. Комиссия была создана в октябре 1881 года.

⁸ Об отношении Аксакова к проекту Земского собора см.: Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском соборе» // Русский архив. 1913. № 1–2.

8

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Долгие колебания разрешились, наконец, благополучно, четвертое издание писем выпущено.¹ Я писал Шмицдорфу,² чтоб он прислал Вам экземпляр, и полагаю, что он сделал еще ранее, не дожидаясь письма. При условиях, в которых состоялся выпуск этого издания, оно есть, конечно, крупное событие, далеко перевешивающее своим значением весь тот цикл больших и маленьких происшествий, сопровождавших появление статей Каткова (я говорю об этих статьях как о хронологической эре, так как собственного значения они не имели, разве только в предположениях публики).³ Теперь иное дело. Конечно, нельзя в журнале разъяснить обществу подкладочный смысл появления четвертого издания, но всякий рассудительный человек понимает, что если при нынешнем положении печати подобное издание разрешается, особенно ввиду исключительного положения предполагаемых его авторов (что в настоящую пору достаточно уже известно), то, следовательно, основная его идея не отвергается. Можно и должно придать этому обстоятельству его подлинный смысл и вообще распространиться о спорной книге (она стала спорной только в Москве, по причине Каткова) гораздо более, чем было в прошлом году, при первом ее появлении. Тогда и книга не имела заключения,⁴ достаточно для всех ясно, теперь оно есть, и для последующего чрезвычайно важно, чтобы сочувствие большинства к руководящей мысли книги выразилось с очевидностью, чтобы напряжение этого сочувствия соответствовало своим размером той важности, которую придавали выпуску ее в свет сверху, тем колебаниям в одну и другую сторону, которым <и> он сопровождался. Одним словом, издание это должно иметь большую огласку и открыть путь к разностороннему обсуждению предмета. Хотя некоторые заветные слова воспрещены ныне к печати, но положительные явления имеют свой обязательный смысл, независимо от толкований Главного управления по делам печати, и разрешение публиковать приписку к четвертому изданию не может никак сочетаться с возбранением разбора ее и обсуждения ее темы <так!> — необходимости покончить с бюрократической опекой воспитательного периода.⁵ Если б таково оказалось намерение ценсуры, то другие силы дадут ей отпор. Этого намерения, впрочем, я не предполагаю; можно было натянуть вожжи на час, но ведь от этой экзерциции немеют руки, и пальцы сами собой разжимаются. Настоящим случаем надо пользоваться, для чего я и пишу Вам. Отведите в «Руси» широкое место разбору книги с припиской.⁶ По возвращении в Петербург я сам открою печатный поход в виде комментариев на «Письма», предмет этот неистощимый, и если прибавить к книге только самое необходимое, то и того наберется много. Для

меня лично было бы очень желательно, чтобы Катков возобновил полемику; тогда все политическое, всегда не совсем удобное у нас, когда высказываешь его без достаточного повода, освятилось бы законным правом под видом печатного спора; а на нашей стороне много сил, в том числе и литературных, даже главные силы на нашей стороне и прибывают с каждым днем.

Покуда я живу в Коджорах,⁷ летней даче тифлисцев (гора в 5 т<ысяч> ф<утов>), и переустройства Кавказ из наместничества в генерал-губернаторство вместе с целой комиссией. Это предмет также очень важный, так как нужно, наконец, восстановить правильное отношение государства к азиатским окраинам, которым так сильна была царская Россия и которое изуродовалось текущим столетием до того, что окраины эти приносят только одно — ежегодное возрастание дефицитов. Проездом через Москву я покажу Вам записку об этом предмете, писанную мною прошлой осенью и решившую посылку на место комиссии для рассортирования нагроможденного разными управлениями хаоса.⁸

Искренно преданный

Р. Фадеев

Коджоры близ Тифлиса.

26 июля <1882 года>.

В левом верхнем углу л. 4 рукой неустановленного лица карандашом приписано: «92 Фадеев»; в правом верхнем углу — «(п<исьмо> 1880)».

¹ См. комм. 2 к п. 6.

² Вероятно, речь идет о наследнике Генриха Шмицдорфа (?–1845), владельца торгово-издательской фирмы, основанной в Санкт-Петербурге в 1827 году; после его смерти до 1896 года существовала под его именем.

³ Речь идет, в частности, о передовых статьях Каткова в номерах «Московских ведомостей» от 12 и 22 мая 1882 года; в первой автор выступал против земского собора как такового, а во второй, задаваясь вопросом о сущности термина «земский собор», давал критический разбор основных положений анонимной брошюры «Письма о современном состоянии России». См.: Московские ведомости. 1882. 12 мая. № 130. С. 2; Собрание передовых статей «Московских ведомостей»: 1882 год / Изд. С. П. Катковой. М., 1898. С. 253–255. 22 мая последовал ответ Каткову на страницах газеты «Русь»: в передовой статье Аксаков делал экскурс в прошлое государства, желая «в мнении русских читателей, оправдать то историческое русское начало, которого „земские соборы“ в допетровской Руси <...> были только одним из самых выдающихся проявлений» (Русь. 1882. 22 мая. № 21. С. 1–4).

⁴ Имеется в виду «Приписка к четвертому изданию 1882».

⁵ Так в книге «Русское общество в настоящем и будущем» Фадеев именовал период, начавшийся при Петре I и закончившийся при Александре II; его отличительной чертой был «чисто-искусственный и подражательный характер». Царствование Александра II упразднило этот период, «вызвав общество к гражданской деятельности», и открыло эпоху зрелости в российской истории. См.: Фадеев Р. А. Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?). С. 5.

⁶ В этот же день, 26 июля 1882 года, с аналогичной просьбой Фадеев обратился в письме к Суворину. Тем не менее книга не получила того общественного резонанса, на который рассчитывал автор. Ни Суворин, ни Аксаков в своих изданиях Фадеева не поддержали. См.: Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. С. 145–146.

⁷ Имеется в виду современный Коджори — поселок городского типа в составе муниципалитета Тбилиси в Грузии, горноклиматический курорт; находится на высоте 1302–1400 метров над уровнем моря. Благодаря графу М. С. Воронцову с начала 1850-х годов являлся летней резиденцией наместника на Кавказе, куда переезжали его штаб и канцелярия, а также местом размещения летних дач представителей знати.

⁸ Речь идет о записке «Об управлении азиатскими окраинами», составленной Фадеевым по поручению министра внутренних дел Игнатьева в ноябре 1881 года. Подробнее о ней, а также о комиссии, начавшей работать 19 февраля 1882 года, см.: Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. С. 140–142, 147–152. См. также: Волхонский М. А. Упразднение Кавказского наместничества в 1881–1882 гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 171–189.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-103-130

© И. Н. СУХИХ

КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО / ПЕТРОГРАДСКОГО / ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: XX ВЕК (К 300-ЛЕТИЮ СПБГУ)*

Ричард Пайпс, глядя издалека, замечал: «Интеллигенции были нужны учреждения, которые свели бы вместе единомышленников, позволили бы им делиться мыслями и завязать дружеские отношения на основе общих убеждений. В XIX в. в России было пять таких учреждений».¹ Наряду с салоном, кружком, толстым журналом и земством, таковым оказывается университет.

Главной университетской структурной единицей была и остается кафедра. Описывая университетскую историю, как правило, обращают внимание прежде всего на научную деятельность преподавателей, сферу их интересов. Она наиболее доступна для следующих поколений. Но на самом деле жизнь университетского человека трехпланова, трехэтажна: *лекционные курсы — студенческий семинар — публикации.*

Университетская педагогика и наука находятся в сложных отношениях. Репутация преподавателя не обязательно включает все три вида деятельности, между ними могут возникать разнообразные противоречия: замечательный лектор может не быть большим ученым, блестящий руководитель семинара/семинария — редко публиковаться, а крупный ученый — совсем не иметь таланта и опыта в чтении лекций. Даже в приеме зачетов и экзаменов (важная часть университетского быта) есть свои полюса: для одних экзамен — важный способ проверки, они требовательны и педантичны, другие рассматривают экзамен как способ общения со студентами, они ставят оценки щедро и великодушно, стараясь быстрее избавиться от проверочной процедуры.

Настоящая кафедра — сложный сплав разнообразных талантов и умений, а не идущее в ногу подразделение.

* См. предшествующие обзоры: *Пиксанов Н. К.* 1) История русской литературы в Ленинградском университете за 120 лет // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. 4-е изд. (юбилейное), испр. и доп. СПб., 2008. С. 73–82; 2) Русское литературоведение в Петербургском — Ленинградском университете // Там же. С. 83–94; *Пиксанов Н. К., Соколов Н. И.* Изучение русской литературы в Петербургском — Ленинградском университете (1819–1969) // Там же. С. 95–102; *Муратов А. Б.* Изучение русской литературы в Санкт-Петербургском — Петроградском — Ленинградском университете // Там же. С. 103–118 (обзоры написаны и / или опубликованы в 1939–1940, 1946, 1969 и 2000 годах); *Карпов А. А.* Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819–1919) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы. Взгляд из России — взгляд из зарубежья. СПб., 2011. С. 11–41; *Иванов М. В.* Университетские филологи. СПб., 2009. Биографии многих членов кафедры также см.: Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 2015.

¹ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 343.

Последние годы императорской филологии: семинарии Венгерова и Перетца

«Просеменил Семен в просеминарий» — студенческий каламбур, известный и Мандельштаму,² и Эйхенбауму.³ Семенил профессор по бесконечному коридору нынешнего главного здания.

«Настоящий двадцатый век» в Петербургском университете, пожалуй, начинает Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920). Венгеров появлялся в Петербургском университете трижды. Окончив юридический факультет (1879), он затем экстерном сдал экзамен по историко-филологическому факультету в Дерптском университете (1880) и был приглашен на кафедру русской словесности Санкт-Петербургского университета, но из-за материальных трудностей оставил университет (1882). Затем были три года в должности приват-доцента (1897–1899) и отстранение от преподавания за слишком радикальные взгляды. Навсегда вернулся в коридор главного здания Венгеров в той же должности (1906) — уже «великим библиографом, создателем некомплектных гряд облаков».⁴

«Если бы он построил церковь, то иконами в этой церкви были бы библиографические карточки. Когда он начинал рассказывать, то он не мог кончить. Он все время начинал книгу за книгой. Они обрывались на первых буквах, потому что текли по алфавиту, а букв много».⁵ Любовная ирония бывшего нерадивого студента, писавшего этот мемуар в возрасте уже существенно превышающим венгеровский, не отменяет главного: неоконченные словари и картотека Венгерова и до сих пор служат филологам.⁶

Однако Венгеров стал создателем, пожалуй, первой кафедральной легенды: в 1908 году он создал Пушкинский семинарий.

В представленном в первом и втором сборниках «Пушкиниста» (1914, 1916) «Списке участников Пушкинского семинария при С.-Петербургском / Петроградском университете» были краткие справки о М. К. Азадовском, А. Л. Беме, С. Д. Балухатом, С. М. Бонди, В. В. Гипшиусе, В. М. Жирмунском, Н. В. Измайлове, А. С. Искозе (Долинине), М. К. Клемане, В. Л. Комаровиче, Ю. Г. Оксмане, В. Я. Проппе, Д. П. Святополк-Мирском, Ю. Н. Тынянове, К. И. Халабаеве, Б. М. Энгельгардте, Д. П. Якубовиче, библиографе А. Г. Фомине (позднее секретаре Венгерова и самом близком ему методологически ученом), поэтах С. М. Городецком, Н. С. Гумилеве, Г. В. Маслове, В. А. Рождественском, В. В. Хлебникове, переводчике М. Л. Лозинском. Членом семинария также был Б. М. Эйхенбаум, в нем эпизодически появлялись В. В. Шкловский, О. Э. Мандельштам.

Таким образом, через семинарий Венгерова прошло целое поколение замечательных в будущем пушкинистов и просто историков литературы, текстологов, библиографов, поэтов, «деятелей культуры».

«В Пушкинском семинарии и университете за 1908–1915 гг. состоялось 113 заседаний, на которых было сделано 63 студенческих доклада, кроме до-

² *Манделъштам О. Э.* Египетская марка // Манделъштам О. Э. Собр. соч.: В 3 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. Т. 2. С. 249.

³ *Эйхенбаум Б. М.* Мой временник. Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001. С. 52.

⁴ *Шкловский В.* Тетива. О несходстве сходного. М., 1970. С. 165.

⁵ Там же. С. 163.

⁶ См.: Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889–1904. Т. 1–6 (первые четыре тома доведены до фамилии «Введенский», два последних представляют сводку материалов «в порядке накопления их и по мере того, как они будут готовы к печати»); Источники словаря русских писателей. СПб., 1900–1917. Т. 1–4 (Аарон — Некрасов). Картотека Венгерова, на основе которой составлялись словари, хранится в Пушкинском Доме.

кладов и сообщений Семена Афанасьевича, в работе семинария в той или иной степени принимало участие 268 студентов».⁷ Иногда студенты делали доклады несколько заседаний семинариев подряд, публикации их в сборниках «Пушкинист» превращались в микромонографии.

В семинарии занимались не только близкими профессору библиографией и историей культуры. Там родился метод, многое определивший в русской и мировой филологии 1920-х годов.

«Откуда пошел „формализм“? — спрашивал Б. В. Томашевский в статье, подзаголовок которой был явно полемическим: в середине 20-х годов формальный метод был в полном расцвете, и о его смерти говорили только непримиримые противники. — Из статей Белого, из семинария Венгерова, из Тенишевского зала, где футуристы шумели под председательством Бодуэна де Куртене? Это решит биограф покойного. Но несомненно, что крики младенца слышались везде».⁸

Восприимчиком «младенца» и оказался Венгеров. Через его семинарий, начатый в 1908 году и продолжавшийся до смерти руководителя, так или иначе прошли почти все будущие опоязовцы и «просто» формалисты. В предисловии ко второму сборнику «Пушкинист», представлявшему работы участников семинария, Венгеров писал: «Вот уже 2–3 года я замечаю в своем семинарии <...> что целый ряд способных юношей прямо страстно отдаются изучению стиля, ритма, рифмы, эпитетов, классификации мотивов, установлению аналогии приемов у различных поэтов и всяким иным наблюдениям над внешним воплощением поэзии. <...> Не скрою, что сначала меня интенсивнейший интерес отборной части молодых „пушкинистов“ именно к форме в ущерб вниманию к другим сторонам поэтического творчества как-то беспокоил. <...> Я все же, за исключением тех немногих случаев, когда форма как бы переходит в самое существо содержания, рисую себе отношение формы к содержанию, по преимуществу, как золотую оправу для лучезарного алмаза. Для меня литература всегда была и будет храмом, в котором покоятся священные каноны, священные только своим устремлением к Великой Правде бытия, а не совершенством своего выражения <...> По мере того, однако, как я ближе приглядывался к увлечению молодых пушкинистов вопросами формы, оно мне представилось под другим углом зрения. Мне показалось, что психологически корень этого интереса гораздо ближе к исканию истины, чем это может показаться с первого взгляда. Не следует ли его объяснить крайним злоупотреблением другими методами изучения литературы?»⁹

Формалисты будут смеяться над выражениями «золотая оправка», «лучезарный алмаз», «Великая Правда бытия» (обязательно с заглавной буквы!). Л. Я. Гинзбург в разговоре с Тыняновым (любопытно, что это не было опубликовано при ее жизни) пожаловалась, что в своей работе не может избавиться от его точек зрения на материал. Тынянов ответил: «Вот мы в университете страдали от другого. Мы страдали от того, что наши учителя ничего не понимали. Решительно ничего».¹⁰

Ученики всегда беспощаднее учителей. «Мы жестокие ученики»,¹¹ — признавалась позднее та же Гинзбург. Старый профессор, конечно, не мог

⁷ Фомин А. Г. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова (Пушкинист. IV). М.; Пг., 1922. С. XIII.

⁸ Томашевский Б. В. Формальный метод (Вместо некролога) // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Вып. 1 / Изд. подг. И. Чернов. Тарту, 1976. С. 27 (статья написана в 1925 году).

⁹ Пушкинист. СПб., 1916. Сб. 2. С. IX–X.

¹⁰ Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 374.

¹¹ Там же. С. 27.

обратиться в новую формальную веру. Но он понял происходивший на его глазах смысл методологического сдвига. «С. А. Венгеров, услышавший крики младенца в недрах своего семинария, где неожиданно для него раздались звуки рефератов о цезуре „пятистопного ямба“ и кольцеобразном строении пушкинской „Осени“, сокрушенно поглядывал на новорожденного, но потом скрепя сердце благословил его».¹² По свидетельству К. И. Чуковского, в 1920 году умиравший профессор просил навестивших его Томашевского и Тынянова: «Поговорите при мне о формальном методе».¹³

«...Почти все работающие в настоящее время молодые теоретики и историки русской литературы XIX в. и пушкиноведа — ученики Семена Афанасьевича»,¹⁴ — отмечал А. Г. Фомин.

Конечно, значительное число университетских преподавателей-филологов 1920–1930-х годов были «венгеровцами», хотя их предметные интересы и методологические позиции были далеки от учителя.

Вторым источником пополнения кафедры оказался семинарий Перетца. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) неоднократно менял научную прописку, но всю жизнь оставался верен избранной научной проблематике. Он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1889–1893), быстро стал в нем приват-доцентом (1896–1903), затем был избран профессором русского языка и словесности Киевского университета (1903–1914), после избрания академиком вернулся в Петербург и на кафедру (1914–1917), в революционные годы работал в Самаре, где стал одним из создателей Самарского университета, наконец, повторно вернулся уже в Ленинград и преподавал в университете еще десятилетие (1924–1933). Финал его жизни характерен для ленинградских 1930-х годов: арест по сфабрикованному «Делу славистов» (апрель 1934), ссылка на три года в Саратов, смерть и похороны в этом городе.

Специализацией Перетца была древнерусская литература в ее разнообразных периодах, связях и преломлениях. Трехтомные «Историко-литературные исследования и материалы» (1900–1902) посвящены русской песне, старинной русской повести и русской поэзии XVIII века. Он занимался историей театра («Памятники русской драмы эпохи Петра Великого», 1903; «К истории польского и русского народного театра», 1905; «Старинный театр в России XVII–XVIII вв.», 1923), опубликовал на украинском языке книгу о главном произведении древнерусской литературы («Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України — Руси XII віку»; Київ, 1926), писал о связях литературы и фольклора, русской, украинской и польской литератур.

Но главным делом его преподавательской жизни стал, как и у Венгерова, семинарий. Созданный в Киеве даже на год раньше венгеровского (1907), он быстро стал популярным, члены семинара несколько раз приезжали на «экскурсии» в Петербург и Москву для выступлений и работы в библиотеках (Перетцу удалось получить от железнодорожного начальства специальный вагон), а потом и сам семинар вместе с руководителем переехал в Петербург и существовал до середины 1920-х годов, когда Перетца практически отстранили от преподавания.

Киевскими участниками семинара были специалист по древнерусской литературе В. П. Адрианова-Перетц (1887–1972), ставшая женой профессора; философ Я. Э. Голосовкер (1890–1967); профессор МГУ, автор первого со-

¹² Томашевский Б. В. Формальный метод. С. 28.

¹³ Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2013. Т. 12. С. 245 (дневниковая запись от 24 августа 1925 года).

¹⁴ Фомин А. Г. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария. С. XXXII.

ветского учебника по древнерусской литературе (1938) Н. К. Гудзий (1887–1965); профессор Киевского университета, автор работ о Лермонтове, Тургеневе, зарубежной литературе С. И. Родзевич (1888–1942) и будущие сотрудники ЛГУ: профессор кафедры русского языка, создатель факультетского Словарного кабинета Б. А. Ларин (1893–1964) и профессор кафедры истории русской литературы (с 1946), автор работ о фольклоре и древнерусской литературе М. О. Скрипиль (1892–1957).

В ленинградскую эпоху семинар посещали фольклористы А. М. Астахова (1886–1971), Н. П. Колпакова (1902–1994), В. Я. Пропп (1895–1970); историки литературы С. Д. Балухатый (1893–1945), В. Л. Комарович (1894–1942), Ю. Г. Оксман (1895–1970), участвовавшие и в венгерском семинарии; Г. А. Бялый (1905–1987); писатель В. А. Каверин (наст. фам. — Зильбер, 1902–1989). Любимым учеником Перетца, подхватившим основной кафедральный курс истории древнерусской литературы, был И. П. Еремин (1904–1963).

Семинарий Перетца был элитарным: в него не записывались, претенденту надо было получить поручительство от одного из членов семинара и пройти беседу с руководителем. Но в реальности университетский кружок отражал колоритную ситуацию 1920-х годов. В университет послуживший в Красной армии Еремин ходил в военной шинели, Бялый по бедности донашивал шинель гимназическую, а переехавшая за учителем из Киева в Петроград Адрианова (кажется, еще не Перетц) появлялась в каких-то нарядных платьях. Профессор различал студентов социально, обращаясь к ним: *товарищ Еремин, господин Бялый и барышня*.¹⁵

В предреволюционные годы (1914–1917) семинарии Венгерова и Перетца сосуществовали и конкурировали.

«Это была своеобразная ученая республика, где на равных правах со студентами работали профессора, учившиеся в свое время в семинаре Перетца и усвоившие методологические принципы своего учителя. Здесь царил дух равноправия людей разных возрастов и поколений, разных степеней знаний, объединенных общим делом науки...»,¹⁶ — вспоминал Г. А. Бялый.

Иным было впечатление Ю. Г. Оксмана: «С осени 1914 г. прист[упил] к чтению лекций и к ведению семинария по др[евней] рус[ской] лит[ературе] в С.-Петербур[ургском] унив[ерситете] акад. В. Н. Перетц, переехавш[ий] в Петерб[ург] из Киева после избрания акад[емиком]. (Большой соблазн объединиться вокруг Перетца). Вся наша группа пушкинистов присут[ствовала] на вст[упительной] лекции В. Н., но его грубые нападки на изуч[ение] рус[ской] лит[ературы] XIX в. вообще и на пушкиновед[ение] в частности оттолкнули большую часть студ[енческого] актива от участия в сем[инарии] Перетца. Перешли к Перетцу С. Д. Балухатый, С. А. Еремин, Никифоров сохранил „двойное подданство“ [нрзб.], а все прочие остались верны Пушк[инскому] сем[инарию]. <...> Дурные манеры провинциал[ьного] ученого сноба оттолкнули меня и моих близк[айших] друзей (Тынян[ова], Масл[ова], Комаров[ича]) от приобщения к этому кладезю филол[огической] науки. Мы предпочитали его книгу личным отношен[иям], тому, что он читал».¹⁷

¹⁵ Воспоминание Г. А. Бялого (в передаче его ученицы А. Г. Головачевой).

¹⁶ Цит. по: Маркович В. Бялый Григорий (Гирш) Абрамович // Литераторы Санкт-Петербурга. XX век. Энциклопедический словарь (см.: <https://lavkarisateley.spb.ru/enciklopediya/b/byaluj->; дата обращения: 31.10.2023). Ср. также несколько иное прочтение рукописи: Маркович В. М. Наследник высоких традиций. Г. А. Бялый // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Вып. 4. С. 687.

¹⁷ Цит. по: Робинсон М. А. Методологическое новаторство В. Н. Перетца в изучении истории литературы: К 150-летию со дня рождения ученого // Славянский альманах. 2020. М., 2020. Вып. 3–4. С. 453–454. Несколько иное прочтение черновика этих воспоминаний см.: Тыняновский

Оксман имеет в виду литографированную книгу Перетца «Из лекций по методологии истории литературы» (Киев, 1914), в сокращенном виде переизданную через восемь лет под заглавием «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (Пг., 1922) со словами «Посвящаю эту книгу моим дорогим ученикам» и перечислением 33 фамилий профессоров и преподавателей — от Петрограда до Праги и от Киева до Каменец-Подольска (всего через семинар Перетца по примерным подсчетам прошло около 130 человек).¹⁸

Причины описанного конфликта можно увидеть в различии методологических установок руководителей семинариев. Оксман до конца жизни сохранил принципы и приемы культурно-исторической школы: главная задача филолога — работа с источником, факт важнее любых теорий. И в этом смысле он оказался верным продолжателем Венгерова.

В методологии же Перетца видят предвосхищение и даже «манифестацию» формального метода: «Изучая явления словесного творчества в их развитии, следует всегда помнить, что для историка литературы объектом изучения является не только то, *что* говорят авторы, но и в большей степени — то, *как* говорят они. Таким образом, предметом историко-литературного анализа является изучение истории развития сюжетов, их понимания и трактовки авторами разных эпох; изучение композиции и стиля как выразителя духа эпохи и индивидуальности поэта. Таким образом, история литературы не есть только история книг или только история идей самих по себе. Она есть история литературных форм, воплощающих идеи, и идей — поскольку они влияли на эволюцию форм».¹⁹

Однако, возможно, здесь вступают в силу какие-то индивидуальные предпочтения. Ведь будущий основоположник формализма Юрий Тынянов остался верен Венгеру, а вполне традиционный историк литературы, позднее исследователь Чехова и Горького, составитель библиографических пособий С. Д. Балухатый ушел к Перетцу.

На кафедре русской литературы первого советского века (1920–1930-е годы) эти линии/тенденции/методы сосуществовали.

Двадцатые—тридцатые: золотой век

Через два года после основной, Великой Октябрьской, революции начинаются революционные изменения в образовании.

В 1919 году в Петроградском университете был учрежден факультет общественных наук (ФОН), объединивший прежние историко-филологический, юридический и факультет восточных языков. Первым его деканом стал лингвист Н. Я. Марр.

В 1925 году ФОН реорганизуется в факультет языкознания и материальной культуры (Ямфак), в состав которого входило лингвистическое отделение.

В 1929 году Ямфак превращается в историко-лингвистический факультет, который в следующем году выводится из состава Университета и образует самостоятельный Историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ), который

сборник. Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984. С. 93–94 (публикация М. О. Чудаковой и Е. А. Тоддеса). См. также: Робинсон М. А. Академик В. Н. Перетц — ученик и учитель // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 178–236.

¹⁸ См.: Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для студентов, преподавателей и для самообразования. М., 2010. С. 3–24.

¹⁹ Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. С. 102.

из здания Двенадцати коллегий переводят — по соседству — в здание бывшего Императорского историко-филологического института. Так филологи получают современный адрес: Университетская набережная, 11.

В 1933 году к филологам и историкам добавляются философы, и институт приобретает новую аббревиатуру: ЛИФЛИ (Ленинградский институт философии, литературы, лингвистики и истории).

Наконец, на базе литературного и лингвистического факультетов ЛИФЛИ 6 августа 1937 года создается филологический факультет ЛГУ. Дальнейшие преобразования происходят уже внутри этой структуры.

Где-то в вакханалии этих преобразований появилась эпиграмма:

Наш ЛГУ не Бумом знаменит,
Он Мишкой Яковлевым славен.
Где стол был яств, там гроб стоит,
И на гробу сидит Державин.²⁰

Первым заведующим кафедрой русской литературы обновленного филологического факультета становится профессор Николай Кирьякович Пиксанов (1878–1969), работавший в университете — с большими перерывами — около двадцати лет (1912–1917, 1934–1938, 1948–1955). Заведование кафедрой — второй период его университетской жизни.

В ЛГУ Пиксанов был пришельцем, человеком со стороны. Он окончил духовную семинарию, Юрьевский университет (1904), преподавал в Москве и Саратове. Его научный авторитет определялся несколькими новаторскими работами, сделанными в тех же рамках культурно-исторической школы, в которых работали Венгеров и Перетц. Занявшись Грибоедовым, он установил аутентичный текст «Горя от ума», который публикуется и сегодня. Итогом его работы в этой области стало трехтомное Собрание сочинений Грибоедова (1911–1913) и книга «Творческая история „Горя от ума“» (1928). После Пиксанова творческие истории стали особым жанром филологического исследования.

Второе важное направление, инициированное Пиксановым, связано с литературным краеведением. Книга «Областные „культурные гнезда“: историко-краеведческий семинар» (1928) тоже стала моделью многих работ. Продуктивный историк литературы (автор около 800 работ), Пиксанов, кажется, не был популярным преподавателем. Его немногочисленные ученики, работавшие на кафедре, тоже не пользовались популярностью у студентов. Пиксанов сыграл неоднозначную роль и в событиях 1949 года (о чем чуть позже).

Еще одним профессором с дореволюционным стажем был на кафедре Василий Алексеевич Десницкий (1878–1958). Старый большевик, собеседник Ленина, друг и биограф Горького, после революции он покинул партию ВКП(б) и стал «просто» культурным администратором и историком литературы. Как и Пиксанов, Десницкий работал на кафедре с большими перерывами, побывав и преподавателем истории России ФОН (1921–1923), и профессором Ямфака (1927–1929), историко-лингвистического (1929–1930), наконец, филологического факультета (1937–1946). Много больше он трудился в ЛГПИ им. А. И. Герцена, будучи его организатором (1918), проректором, деканом и заведующим кафедрой литературы. Десницкий был редактором нескольких академических сборников, коллективных сборников и монографий. Его

²⁰ Бум (а также Маркиз) — прозвища Б. М. Эйхенбаума. Н. С. Державин — ректор Ленинградского университета (1922–1925), М. А. Яковлев — доцент кафедры истории русской литературы (1925–1930), позднее — в ЛГПИ им. А. И. Герцена.

работы посвящены широкому кругу имен и вопросов (история русской журналистики, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, М. Е. Салтыков-Щедрин). Однако, по свидетельствам современников, Десницкий представлял один из эксцентричных типов, кратко упомянутых в начале нашего очерка: он любил преподавать, но не любил писать. У него не было любимого автора, темы, периода. При жизни вышли два его сборника с характерными заглавиями «На литературные темы» (1933, 1936) и книга «А. М. Горький: Очерки жизни и творчества» (1935). Разбросанные по разным изданиям другие его работы собраны только после его ухода: «Избранные статьи по русской литературе XVIII и XIX вв.» (1958), «Статьи и исследования» (1979).

Аркадий Семенович Долинин (1880–1968) три года проучился на химическом факультете Венского университета, потом окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1909–1913), был венгероцем (первый его семинарский доклад — о «Цыганах»), много занимался журнальной критикой и эссеистикой, но позднее сосредоточился на изучении Достоевского. В годы, когда изучение реакционного Достоевского не приветствовалось, Долинин стал инициатором издания «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы» (1922, 1924, 1935), выпустил четыре тома писем Достоевского (1928, 1930, 1934, 1959) и двухтомник «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» (1964). Его главные работы — «В творческой лаборатории Достоевского» (1947), «Последние романы Достоевского» (1963) и посмертно подготовленный сборник «Достоевский и другие» (1989). Он преподавал на кафедре в два приема (1933–1936, 1944–1956).

Таким же старым профессором, верным одной теме, был Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (1883–1955). Он окончил историко-филологический факультет (1902–1906), работал на кафедре больше тридцати лет (1920 (по другим сведениям 1924) — 1955), заведовал кафедрой журналистики (1945–1951) — и всю жизнь занимался творчеством Некрасова, критикой и журналистикой его времени. Его основные работы: «Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов» (1914), «Некрасов как человек, журналист и поэт» (1928), «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (Т. 1–3, 1947–1952).

Однако ядром кафедры в 20–30-е годы стали не императорские варяги, а первое советское поколение, ученые, которые могли начать учебу и до революции, но профессиональное становление которых пришлось уже на советское время. В эпоху сломов, переименований, конфликтов и методологических покаяний они определили круг своих интересов и практически выстроили систему теоретических и исторических дисциплин, в которой кафедра в известной степени работает и сегодня.

Теория и история фольклора стали предметом занятий двух замечательных, но во многом противоположных ученых.

Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970) начал учебу на романо-германском (с 1913 года), но с третьего курса перевелся на славяно-русское отделение, которое и окончил (1918). После многолетнего преподавания русского и немецкого языков в школе и вузах он появился на кафедре только в 1932 году — уже сложившимся ученым, автором книги «Морфология <волшебной> сказки» (1928). Мало кем понятая среди современников, обвиненная в формализме, эта маленькая и сложно написанная книга оказала огромное влияние на гуманитарную мысль XX века — от гуру мировой семиотики К. Леви-Строса до сказочника Дж. Родари. Дальнейшая жизнь Проппа была связана с университетом, где он стал доцентом (1932), кандидатом филологических наук (без защиты) и сразу профессором (1938), доктором филологических наук (1939). Научная работа Проппа продолжилась книгами «Историче-

ские корни волшебной сказки» (1946), «Русский героический эпос» (1958) и «Русские аграрные праздники» (1963). Позднее были изданы неоконченная книга «Проблемы комизма и смеха» (1976) и сборник статей «Фольклор и действительность» (1975).

В XXI веке работы Проппа ожидала странная судьба. Высокий авторитет одного из крупнейших фольклористов мира вдруг дополнился успехом у массового читателя. Две первые книги Проппа выпускаются разными издательствами довольно большими тиражами, в интернет-магазине «Лабиринт» они уже несколько лет занимают первые места в рейтинге самых покупаемых.²¹

Соперником-соратником Проппа был Марк Константинович Азадовский (1888–1954). Он окончил славянское отделение историко-филологического факультета (1907–1913), работал в Томске, Чите, Иркутске, много раз ездил в фольклорные экспедиции, в начале 1930-х годов вернулся в Ленинград и начал работать в ЛГИЛИ/ЛИФЛИ, вместе с которыми оказался на филологическом факультете. Ему принадлежит инициатива организации кафедры фольклора (1934–1949), позднее ставшей частью кафедры истории русской литературы. В отличие от теоретика Проппа, который изучал фольклор как форму эстетического мышления и, кажется, ни разу не был в фольклорной экспедиции, Азадовский был исследователем-полевиком, собирателем фольклора. В исследованиях он двигался в противоположном направлении: рассматривая фольклор по аналогии с литературой, как тип индивидуального творчества. В предисловии к антологии «Русская сказка: Избранные мастера» (Т. 1–2, 1932) Азадовский писал: «Мы разрываем с безличной этнографией и входим в круг мастеров-художников, в круг деятелей искусств, где общая коллективная работа отмечена печатью создающих и ведущих ее ярких художественных индивидуальностей». По аналогичному принципу было построено еще несколько сказительских сборников Азадовского.

Вторая область научных интересов Азадовского связана с изучением наследия декабристов. Он подготовил к изданию в серии «Литературные памятники» образцовый том «Воспоминания Бестужевых» (1951), сделал для «Литературного наследия» историко-библиографический обзор «Затерянные и утраченные произведения декабристов» (1956). Неоконченная «История русской фольклористики» (Т. 1–2, 1958–1963) опубликована уже после смерти ученого.

В 1920–1930-е годы кафедра является общепризнанным центром в изучении русской литературы XVIII века. Ее лидерство обеспечила, прежде всего, деятельность Г. А. Гуковского и его учеников.

Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) окончил этнолого-лингвистическое отделение ФОН (1918–1923), преподавал в разных школах и вузах города, на факультет пришел уже известным специалистом, сотрудником ИРЛИ и оставил глубокий след в истории факультета. За время работы на кафедре (1935–1949) он трижды побывал ее заведующим (и. о. 1938–1939, 1939–1944, 1947–1949), исполнял также обязанности проректора по научной работе.

Первые работы Гуковского были посвящены литературе XVIII века и методологически близки формализму (его обычно относят к младоформалистам). Цикл исследований — «Русская поэзия XVIII века» (1927), «Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов» (1936), «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века» (1938) — завершился созданием первого вузовского учебника «Русская литература XVIII века» (1939), переизданного

²¹ https://www.labyrinth.ru/rating/?ysclid=lnqg57uhtm812095325&id_genre=2316&nrd=1&period=0 (дата обращения: 31.10.2023).

через шестьдесят лет после первой публикации (1999). «У Гуковского в ранней молодости (мы тогда как раз познакомились) был особый комплекс противостояния. Туда входила разная архаика, вкус к дворянскому укладу русской жизни. Эта наивная, задиристая позиция принесла, как ни странно, отличные плоды — открытие русской литературы XVIII века»,²² — вспоминала Л. Я. Гинзбург.

Позднее Гуковский, как и многие литературоведы той поры, делает попытку совместить марксизм с привычными методами анализа произведения. Он разрабатывает стадиальную теорию развития русского реализма, предполагая отразить ее в десяти томах. При жизни он успевает опубликовать только один, в саратовской эвакуации, где ЛГУ находился в 1942–1944 годах: «Пушкин и русские романтики» (1946). Еще две книги вышли уже посмертно: «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (1957) и «Реализм Гоголя» (1959). Последняя (глава, посвященная «Мертвым душам») обрывается на полуфразе: «Чей суд возьмет...». Кажется, Гуковского арестовали прямо у рабочего стола.

Гуковский был и замечательным методистом. Уже более полувека сохраняет значение тоже посмертно изданная книга «Изучение литературного произведения в школе. Методологические очерки о методике» (1965).

Однако главная известность профессора Гуковского была связана с другой его ипостасью. Гуковский — блестящий лектор, не только лучший среди коллег-современников. Те, кто слышал его, вспоминали Грановского и Ключевского, привлекали театральные ассоциации. Он строил лекцию как представление: со сквозными метафорами, чтением наизусть огромных фрагментов, сменой интонаций, продуманными концовками. Он не просто анализировал, но создавал образы писателей: великого Ломоносова, загнанного Тредиаковского, самолюбивого Сумарокова, сибарита Державина. Часто эти лекции-концерты, на которые собирались не только студенты, оканчивались аплодисментами.

Очень популярен и продуктивен был семинар Гуковского. В четвертом томе академической «Истории русской литературы» (1939), посвященном литературе второй половины XVIII века, из 32 глав 18 написали ученики Г. А. Гуковского.

Однако манера Гуковского очаровывала не всех. Когда одному из студентов послевоенного поколения (сложись судьба по-иному, русская семиотика могла бы прописаться не в Тарту, а в ЛГУ) пришла пора выбирать семинар, он пошел не к сверхпопулярному Гуковскому, а к скромному историку критики, исследователю Белинского Н. И. Мордовченко, объяснив это так: «Общим кумиром студентов был Г. А. Гуковский. Я продемонстрировал самостоятельность и не пошел к Гуковскому, а записался к тогда еще числившемуся среди молодых профессоров и не пользовавшемуся такой популярностью Н. И. Мордовченко. Но у Мордовченко, который занимался Белинским, я взял тему по Карамзину — то есть по теме Гуковского, не думая, что это кого-либо заденет. Но Гуковский, видимо, обиделся».²³

Обижался не только Гуковский, обижались и на него. В других воспоминаниях Лотман говорит о Гуковском-пушкинисте: «Согласно неписаным, но отчетливо ощущаемым правилам, Гуковский не был посвящен в рыцари ордена пушкинистов. То, что он вошел туда и сразу нарушил никем не сформулированное, но строгое табу на проблемные вопросы, вызвало у одних иронию, а у других даже раздражение. Гуковский обладал особым дарованием ни у кого не вызывать равнодушного отношения: ему или поклонялись, или

²² Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. С. 303.

²³ Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2005. С. 38.

его ненавидели. В кругу таких признанных авторитетов в научных сферах ЛГУ, как, например, Эйхенбаум, к нему относились с не очень добродушной сдержанностью».²⁴

Кратковременным соратником Гуковского по изучению/открытию XVIII века стал Лев Васильевич Пумпянский (1891–1940), увы, проработавший на кафедре всего четыре года (1936–1940). Он был совсем человеком со стороны. Принадлежащий к «невельскому кружку» Бахтина, своеобразный философ литературы, он обладал невероятной эрудицией и столь же огромным тематическим диапазоном. Он писал не только о Ломоносове и Малербе, «Медном всаднике» и поэтической традиции XVIII века, но о Достоевском и античности, Тютчеве и шеллингянстве, поэзии Блока и даже свежем романе Ю. Олеши «Зависть».

В середине 1920-х годов он вдруг открыто объявил друзьям, что переходит от философского идеализма к марксизму. «Таков был Пумпянский до осени 1925 года. Осенью, в течение одного месяца, с ним произошел крутой поворот — он стал марксистом. Произошло это не без некоторого шума: целому ряду своих старых друзей написал он письма, в которых рассказывал о случившейся с ним перемене и просил с ним больше не знаться, потому что они идеалисты, фидеисты и мракобесы».²⁵ С этим новым периодом связан цикл статей-последствий Пумпянского к Собранию сочинений Тургенева (Т. 6–10, 1929–1930), в которых выдвинута и обоснована концепция жанра тургеневского романа («Романы Тургенева и роман „Накануне“», «Тургенев-новеллист» и др.).

Как и Гуковский, Пумпянский был блестящим лектором. Он стал прототипом одного из главных героев романа К. Вагинова «Козлиная песнь» (1928). Большой корпус работ Пумпянского, в том числе архивных, был опубликован только через много лет после его смерти.²⁶

В круг историков русской литературы XVIII века входил и Павел Наумович Берков (1896–1969). Он учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета (1917–1918), окончил Венский университет (1923), преподавал в школах и вузах Петрограда/Ленинграда, проработал на кафедре — с перерывом на эвакуации (1941–1944) — тридцать пять лет (1934–1969), а также заведовал ею (1937–1941).

Кажется, в изучении литературы XVIII века позиции Гуковского и Беркова воспроизвели «фольклорную» оппозицию Пропп — Азадовский. По складу, типу научного мышления Берков был эмпириком, венгеровцем. Его XVIII век складывался не как теоретический конструкт, а как система разнообразных «историй» и «медальонов», наполненных множеством фактов, библиографических разысканий и справок: «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936, книга по материалам докторской диссертации), «История русской комедии XVIII в.» (1949, издана в 1977), «История русской журналистики XVIII века» (1952), «Русская народная драма XVIII–XX веков. Текст пьес и описание представлений» (1953), «Очерк литературной историографии XVIII века» (1964).

Огромное внимание Берков уделял библиографии, книговедению и методике литературоведческого труда: «Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне» (1935), «Введение в технику литературоведческого исследования: Источниковедение. Библиография. Разыскание» (1955), «Библиографическая эвристика: к теории и методике библиографических разысканий» (1960), «История советского библиофильства

²⁴ Там же. С. 61.

²⁵ Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 190.

²⁶ См.: Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000.

(1917–1967)» (1971). Под его редакцией также вышел указатель «История русской литературы XVIII века» (1968), хронологически предвещающий муратовские. В круг его интересов входила и литература нового времени: «Козьма Прутков — директор Пробирной палатки и поэт: К истории русской пародии» (1933), «А. И. Куприн» (1956, первая монография о писателе).

Берков был (вместе с А. С. Орловым и Г. А. Гуковским) инициатором созданной в ИРЛИ Группы (позднее Сектора) по изучению русской литературы XVIII века и сборника «XVIII век», который и сегодня является самым авторитетным изданием по этой эпохе. В 1935–2020 годах издано 30 сборников; один из них, 7-й (1966) вышел к семидесятилетию ученого, два — 10-й (1975) и 21-й (1999) посвящены его памяти.

Сын Беркова, тоже много лет проработавший в ЛГУ скандинавист В. П. Берков, вспоминал: «На своем 70-летнем юбилее он (П. Н. Берков. — И. С.), в частности, с гордостью сказал: „За все годы работы в университете я ни разу не опоздал ни на минуту на лекцию“». Статью к этому юбилею написал Г. П. Макогоненко.²⁷ Десятилетием раньше замечательную заметку о юбилере представил Б. М. Эйхенбаум: «Научная разносторонность и работоспособность Павла Наумовича настолько поразительны, что в отдаленном потомстве может, пожалуй, возникнуть гипотеза о нескольких Берковых: один — удивительный знаток русской литературы XVIII в., другой — автор книг и статей о русских писателях конца XIX в., третий — исследователь Козьмы Пруткова, четвертый — крупнейший библиограф и историк книги; а еще П. Н. Берков — специалист по литературе народов СССР, а еще П. Н. Берков — автор, например, статьи „Гюи де Мопассан и французский реалистический роман“, написанной с большим знанием дела и с большими историко-литературными обобщениями. Если раньше принято было говорить: „Nulla dies sine linea“ (т. е. «ни дня без строчки»), то в отношении Павла Наумовича придется сказать иначе: „Nulla dies sine folio — minimum!“».²⁸ Однако — не могу объяснить этот парадокс — в мемуарном издании,²⁹ собирание которого началось вскоре после ухода ученого, есть очерки сотрудников Пушкинского Дома, библиографов, бывших студентов, даже сотрудников других кафедр, но ни одного — от коллег по кафедре русской литературы.

Еще одной ключевой фигурой кафедры был Борис Викторович Томашевский (1890–1957). Естественник по первоначальному образованию (окончил технологический факультет Льежского университета по специальности инженер-электрик и в первой половине 1930-х годов, отлученный от второй профессии, вернулся к первой: преподавал высшую математику в ЛИИЖТе), он увлекся филологией и быстро приобрел научный авторитет. В его работе соединились две главные тенденции 1920-х годов, традиционная история литературы и авангардный формализм, условные Венгеро и Перетц.

С одной стороны, Томашевский стал крупнейшим историком литературы, пушкинистом, причем и текстологом (круг которых ограничивался немногими именами). Первая его книга — «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения» (1925). Второй том итогового труда «Пушкин. Кн. П. Материалы к монографии (1824–1837)» (1961) вышел уже после его смерти. Как и у Гуковского, он обрывается на полуфразе (анализ пушкинского «Жениха»): «Один разбойник...».

²⁷ См.: Макогоненко Г. П. Павел Наумович Берков: К семидесятилетию со дня рождения // Русская литература. 1966. № 4. С. 248–253.

²⁸ Эйхенбаум Б. М. О П. Н. Беркове // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 3 (заметка написана в 1956 году). Пер.: «Ни дня без листа — минимум!»

²⁹ См.: Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове. 1896–1969 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова, Е. Д. Кукушкина. М., 2005.

Однако в 1920-е годы Томашевский был тесно связан с формалистами. Параллельно с книгой о Пушкине появилась «Теория литературы (Поэтика)» (1925) — систематическое изложение формальной теории литературы. Томашевский также много занимался стиховедением («О стихе», 1929), написал одно из первых пособий по текстологии («Писатель и книга. Очерк текстологии», 1928).

Двуплановой была и деятельность Томашевского-лектора. «На филфаке Томашевский, кроме курсов по теории литературы и стилистике, вел спецкурс по Пушкину, — вспоминал Ю. М. Лотман. — Спецкурс, длившийся долгие годы, читался так: первый семестр посвящен был краткому резюме всего, что было прочитано до этого. <...> Затем следовало чтение нового материала. Здесь Томашевский успевал продвинуться в творчестве Пушкина приблизительно на год (иногда несколько больше, иногда несколько меньше). Так длилось это шествие по биографии и творчеству Пушкина, которое оборвала смерть лектора».³⁰

Одновременно с пушкинским спецкурсом Томашевский — наряду с обычным «Введением в литературоведение» — прочел спецкурс «Стилистика и стихосложение» (судя по ссылкам, в 1956 или 1957 году). После его смерти на основе стенограммы и сохранившихся материалов курс был издан (1959), а его чтение продолжил — уже как общий курс для студентов-русистов стиховед В. Е. Холшевников (1910–2000; см. о нем далее). В перестроечные годы на этой основе был разработан уникальный четырехсеместровый курс теории литературы и поэтики, кажется, отсутствующий во всех университетах России.

На посвященном Томашевскому памятном заседании ИРЛИ (3 октября 1957 года) Б. М. Эйхенбаум сказал: «Теоретические работы Томашевского представляют собой неосуществленную мечту о создании единого труда по поэтике, в который вошли бы три раздела, кот<орые> входили в учебник: стилистика, метрика, тематика <...> Эта мечта не была достигнута, и это составило научную трагедию последних лет жизни Бориса Викторовича (не боюсь этого слова), когда он производил впечатление человека мятущегося, рвущегося, ищущего, идущего к тому, чтобы доработать, доделать то, что было задумано в двадцатые годы».³¹ Кажется, в данном случае коллега Томашевского по кафедре говорил и о себе.

Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) тщательно документировал свой научный путь: написал ранние мемуары о юности и университетской жизни («Мой современник», 1929), вел дневник (до сих пор опубликованный фрагментарно), четко фиксировал переходы от одной эпохи научной деятельности к другой. Он учился на романо-германском и славяно-русском отделениях университета (1907–1912), захаживал в семинар Венгерова, был секретарем историка М. К. Лемке и адептом философско-эстетической критики, приват-доцентом кафедры русского языка и словесности Петроградского университета он стал в 1918 году и был уволен со службы в 1949-м. Его акмэ, однако, было связано с эпохой формализма («Как сделана „Шинель“ Гоголя», 1919), лекциями и семинарами в ГИИИ (Государственном институте истории искусств), где его учениками были Л. Я. Гинзбург, Б. Я. Бухштаб и др.

Л. Я. Гинзбург (1902–1990), не только историк литературы, но, как выяснилось лишь в последние годы ее жизни, когда она рискнула опубликовать цикл «Из старых записей», блестящий эссеист, заметила одну важную особенность работ Эйхенбаума: «Для Эйхенбаума на одном полюсе историзма —

³⁰ Лотман Ю. М. Воспитание души. С. 55.

³¹ См.: Левкович Я. Борис Викторович Томашевский // Вопросы литературы. 1979. № 11. С. 208–209.

поведение героев его научных книг. <...> На другом полюсе — поступки самого ученого, литератора, личности.

Историко-литературным работам особую динамичность придает их подспудное личное значение, скрытое отношение к жизненным задачам писавшего. У больших научных трудов Бориса Михайловича Эйхенбаума был свой интимный смысл — проблема исторического поведения личности».³²

Основная университетская жизнь Эйхенбаума протекала уже под знаком «литературного быта»: конкретно-историческими работами и изданиями Лермонтова («Статьи о Лермонтове», 1961) и Льва Толстого. Научная эпопея Эйхенбаума («Молодой Толстой», 1919; «Лев Толстой. 50-е годы», 1928; «Лев Толстой. 60-е годы», 1931; «Лев Толстой. Семидесятые годы», 1960) создавалась сорок лет, но так и не была завершена.³³

Драма научной судьбы наложилась у Эйхенбаума на социальную трагедию. «Я чувствую себя престарелым Гамлетом, которому не удалось „вправить“ не только чужой век, но и собственную жизнь»,³⁴ — вздохнул он в позднем письме.

Послереволюционное двадцатилетие, первый советский век был золотым веком кафедры русской литературы, наверное, лучшей кафедры в СССР, богатой индивидуальностями, концепциями и фактами, возможностями и перспективами.

Его еще застали студенты первого послевоенного поколения. «Я и мои сверстники имели счастье учиться в 40-е годы в Ленинградском университете, филологический факультет которого был одним из самых блистательных в мире. Там одновременно трудились М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов, А. А. Смирнов, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, А. С. Орлов, М. К. Азадовский, И. П. Еремин, В. Я. Пропп, Н. И. Мордовченко, Г. А. Бялый, И. Г. Ямпольский, П. Н. Берков — и это еще далеко не все».³⁵

Однако — кажется, был такой старый советский анекдот — за тридцать седьмым годом сразу наступил сорок шестой (или сорок девятый).

1949-й: разгром

Великая Отечественная война и блокада, конечно, не обошли стороной ЛГУ. Почти всю первую блокадную зиму преподаватели и студенты провели в городе. В марте 1942 года университет был эвакуирован в Саратов, а вернулся в родные стены лишь в июне 1944-го. Во время войны на фронт ушли многие студенты и некоторые преподаватели. И кто-то, конечно, не вернулся. На Колпинских высотах погиб аспирант кафедры А. М. Кукулевич (1913–1942), успевший опубликовать всего несколько статей (в том числе две — о творческой истории баллады Пушкина «Жених» в соавторстве с Л. М. Лотман). В блокадном городе умерли автор книги о Гоголе (1924), до сих пор не устаревших работ о Салтыкове-Щедрине («Люди и куклы в сатире Салтыкова», 1927)

³² Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. С. 445. Этому наблюдению можно придать гипологический характер: есть литературоведы — труженики науки и филологи, для которых их работа имеет личный/интимный смысл, «скрытое отношение к жизненным задачам писавшего».

³³ См. подробнее: Сухих И. Н. Толстой Эйхенбаума: энергия постижения (1919–1959) // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 3–28.

³⁴ Звезда. 1999. № 10. С. 164 (письмо Ю. А. Бережной от 6 июня 1956 года).

³⁵ Канунова Ф. З. Представитель петербургской научной школы // Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове. 1896–1969. С. 64. Сама Ф. З. Канунова (1922–2009) после окончания аспирантуры в ЛГУ (1945–1948) была направлена в Томский госуниверситет и считается основательницей томской филологической школы.

В. В. Гиппиус (1890–1942) и исследователь Достоевского, постоянный оппонент А. С. Долинина, автор книги «Китежская легенда» (1936) В. Л. Комарович (1894–1942). Уже в эвакуации в Оренбурге, не пережив последствий блокады, скончался тургенивед и специалист по французской литературе М. К. Клеман (1897–1942).

Как оказалось, военные испытания были не единственным трагическим эпизодом в истории университета и страны. Замечательный свидетель-летописец советской эпохи точно сформулировал:

Конец сороковых годов —
сорок восьмой, сорок девятый —
был весь какой-то смутный, смятый.
Его я вспомнить не готов.

<...>

В том веке я не помню вех,
но вся эпоха в слове «плохо».³⁶

Идеологические кампании, начатые «Постановлением о журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (14 августа 1946 года), продолжились борьбой с космополитизмом, эпицентром которой в филологии был избран филфак ЛГУ. После предварительной критики в журналах и газетах 4 и 5 апреля 1949 года были организованы публичные собрания (открытые заседания ученого совета филфака ЛГУ) с разоблачением космополитов, засевавших на университетском филфаке. Мишенями кампании были избраны заведующий кафедрой зарубежных литератур В. М. Жирмунский и профессора, тоже заведовавшие кафедрами литературы и фольклора Г. А. Гуковский, М. К. Азадовский и Б. М. Эйхенбаум. На собрании присутствовали только первые двое, Азадовский и Эйхенбаум серьезно болели (у Б. М. был уже второй инфаркт).

Главными разоблачителями космополитов оказались не только некоторые коллеги (Н. К. Пиксанов), но и недавние аспиранты, теперь — партийные деятели (ученик Гуковского Г. П. Бердников, А. Г. Дементьев, Ф. А. Абрамов).³⁷ Попытки некоторых ученых (Н. И. Мордовченко, Г. П. Макогоненко) защитить коллег оказались отчаянно безрезультатными. Через несколько дней, в том же апреле, появились университетские приказы (отдельный — на каждого космополита): «считать отчисленными» Азадовского и Гуковского. Жирмунский был отстранен от должности заведующего кафедрой, но остался профессором (из университета он сам уйдет в конце года). Эйхенбаум в связи с болезнью был уволен чуть позже, через три месяца.

«...Дома он не был полгода, лечился и в конце концов встал на ноги, но не знал, что во время болезни его отовсюду уволили. Когда уже кончался срок его пребывания в Доме творчества, он спрашивал всех друзей, что ему выбрать, потому что две службы ему уже не осилить, — вспоминала дочь ученого. — В город мы его перевозили вместе с Г. А. Бялым. Когда дома сели пообедать, папа опять обратился к нему: „Гриша, вы мой друг, что вы мне посоветуете?“ И Григорий Абрамович сказал: „Борис Михайлович, не беспокойтесь вы, ради Бога, вы совершенно свободный человек, вы нигде не

³⁶ Слуцкий Б. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 2. С. 322.

³⁷ В эпоху оттепели они успешно продолжают карьеру, резко сменив кожу: Бердников станет известным чеховедом, членом-корреспондентом АН СССР, директором ИМЛИ (1977–1987), Дементьев — либеральным критиком, заместителем Твардовского в журнале «Новый мир», Абрамов — публицистом, автором деревенской прозы. Еще один активный обличитель, доцент кафедры С. С. Деркач (1906–1986), вскоре сам будет арестован и осужден как троцкист (1949–1956), вернется на кафедру после освобождения и проработает на ней еще три десятилетия (1955–1985).

работаете. Ни в Пушкинском Доме, ни в университете. Можете спокойно отдыхать дома“».³⁸

Эйхенбаум умер последним из кафедральных «космополитов», но больше никогда не появлялся на кафедре, хотя после нескольких лет остракизма был восстановлен в Пушкинском Доме. Азадовский умер раньше. Трагичнее всего сложилась судьба самого молодого, Гуковского: он был арестован в июле того же сорок девятого и (по официальной версии) умер в Лефортовской тюрьме во время следствия.³⁹

«...Двухдневное заседание Ученого совета стало для ленинградской науки о литературе наиболее памятным и трагическим событием, квинтэссенцией травли научной мысли всех послевоенных лет. Этому способствовал, прежде всего, сам характер заседания — оно было нарочито публичным. Это был театр, напоминавший по своему жанру Колизей».⁴⁰

Память об этих двух днях была замурована, непубликуема даже для тех участников «театра сталинской эпохи», которые вели себя достойно. Некоторые студенты и аспиранты начала 1950-х годов признаются, что во время учебы они даже не слышали имен опальных профессоров, Л. А. Иезуитова случайно познакомилась с Эйхенбаумом в театре.⁴¹

В эпоху оттепели кафедра медленно оттаивала вместе со страной.

Пятидесятые—шестидесятые: серебряный век

В сообществе филологов (не только у нас) можно увидеть два основных типа: пришедшие в науку сразу после аспирантуры и всю жизнь проведенные в кругу коллег и студентов, и — люди со стороны, появившиеся в филологической среде с прежней колоритной биографией (она часто узнается постфактум и никак не проявляется в их филологической деятельности). Они воевали, торговали, скрывались от полиции (царской), сидели в лагерях (советских), слушали лекции эмигрантов (будущих), учили школьников и красноармейцев, служили в газете, зимовали на льдине.

Кафедра медленно приходила в себя, оживала, отходила от разгрома. В ее жизни в это время стали видны существенные изменения. Но не забудем: долгие десятилетия, те самые библейские сорок лет (1948–1989) университет носил имя организатора идеологических кампаний 1940-х годов А. А. Жданова.

Мы диалектику учили не по Гегелю
А по учебнику со штампом ЛГУ

— иронически признается выпускник вечернего отделения филфака 1970 года, поэт и переводчик М. Яснов.

На кафедре еще работали литературоведы первого советского призыва, но атмосферу начали определять люди, пришедшие с войны или поступившие в университет сразу после войны и окончившие его в начале 1950-х годов.

³⁸ Из воспоминаний О. Б. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. М. Мой временник. С. 638.

³⁹ См. подробнее: Азадовский К. М., Егоров Б. Ф. 1) О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176; 2) Космополиты // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135; Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1–2.

⁴⁰ Дружинин П. А. Идеология и филология. Т. 2. С. 398.

⁴¹ См. попытку взгляда издалека, уже из иной эпохи: «Это до сих пор болит». Разгрому ленинградской филологии 70 лет (см.: <https://philologist.livejournal.com/10845655.html?ysclid=lm68wijeae486723236>; дата обращения: 31.10.2023).

Ученые 1920-х годов (в том числе и перешедшие в новую эпоху), как правило, были многостаночниками: они занимались разными авторами и периодами, преподавали в нескольких вузах и даже школах, читали лекции в городских аудиториях, активно сотрудничали с Пушкинским Домом, были членами Союза писателей и много публиковались в литературных газетах и журналах.

Сферы интересов и общения университетских людей в 1950–1970-е годы сузились. Кафедра оуклилась. И публикации в литературной прессе (где часто работали наши выпускники), и членство в Союзе писателей и параллельная работа в ИРЛИ стали, скорее, не нормой, а редкостью, исключением, личным делом каждого.

На кафедре стало больше, чем раньше, узких *-ведов*, которые со студенческих лет занимались одним автором: писали о нем дипломную работу, потом кандидатскую и (случалось) докторскую диссертацию, выпускали монографию и вели семинар. Причем, с одной стороны, возникали своеобразные межпоколенческие династии (традиционно у нас было несколько специалистов по Пушкину, Тургеневу, Чехову), с другой — очевидные пробелы (так же традиционно на кафедре никто специально не занимался Островским, после Эйхенбаума и Долинина появлялись лишь редкие публикации о Толстом или Достоевском). В это время кафедральный коллектив и филология вообще становились все более женскими.

Роль лучшего лектора кафедры (а возможно, и университета) в эти годы унаследовал от Гуковского Григорий Абрамович Бялый (1905–1987). Он занимался в семинарии Перетца, окончил историко-филологический факультет ФОН (1925), сменил несколько мест работы, с 1936 года начал преподавать в ЛГУ, но кафедральной легендой стал только в 1950-е.

Кажется, Бялый в юности мечтал стать актером, во всяком случае, брал уроки актерского мастерства. Но в его лекторской манере не было ничего актерского. По средам в семь вечера (традиционное время спецкурсов) огромная тридцать первая аудитория (актовый зал факультета) полтора часа слушала невысокого человека (без микрофона), который будто бы рассказывал о Толстом или Чехове каждому отдельно. Лекции Бялого — не актерское представление, а обаяние личной беседы. На них без преувеличения собирался весь (культурный) город. И не только.

В кафедральном фольклоре сохранилась (не раз припоминаемая самими участниками) история о совместном чтении лекций профессорами Макогоненко и Бялым во Владивостоке. Встреча в коридоре гостиницы, первый только что окончил лекцию; второй идет на нее. «— Прочитай? — Прочитал. — Смеялись? — Смеялись. — А у меня сейчас плакать будут!»⁴²

В центре внимания Бялого была литература второй половины XIX века. Он написал книги о Гаршине («В. М. Гаршин и литературная борьба 80-х гг.», 1937; «Всеволод Михайлович Гаршин», 1969), Короленко («В. Г. Короленко», 1949, 1983), Тургеневе («Тургенев и русский реализм, 1962; «Роман Тургенева „Отцы и дети“», 1963), Чехове («Чехов и русский реализм», 1981), публиковал статьи о Достоевском и Глебе Успенском, Н. Михайловском и Надсоне, много лет писал главы о подопечных классиках для коллективных

⁴² Однако, как и в случае Лотман–Гуковский, все не так однозначно. Мнение одного из студентов следующего поколения: «И в лекционных курсах мы отдавали предпочтение не артистичным, по-своему замечательным, талантливейшим ораторам Г. П. Макогоненко и Г. А. Бялому, собиравшим огромные аудитории, а гораздо менее эффектным И. Г. Ямпольскому и Б. Ф. Егорову, от которых узнавали то, чего тогда нельзя было прочесть ни в каких историко-литературных пособиях» (*Лавров А. В. Д. Е. Максимов в штрихах благодарной памяти // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения. М., 2007. С. 146–147*). Важно, что у студентов была возможность выбора.

историй литературы. Эти исследования (особенно о писателях, которыми филологи занимались мало) сохраняют значение. Однако по ним, как и по конспектам лекций Бялого, опубликованным в последние годы, трудно судить о том, что происходило в аудиториях филфака почти три десятилетия.

Парадокс, упомянутый в начале нашего очерка, замечательно сформулировал Чехов: «Вышли лекции Захарьина. Я купил и прочел. Увы! Есть либретто, но нет оперы. Нет той музыки, какую я слышал, когда был студентом. Из сего я заключаю, что талантливые педагоги и ораторы не всегда могут быть сносными писателями» (письмо А. С. Суворину от 27 ноября 1889 года).⁴³

Исаак Григорьевич Ямпольский (1903–1993) начинал учебу в Киеве, но окончил ее на пятом курсе литературно-лингвистического отделения факультета языкознания и материальной культуры Ямфака (1926). В ЛГУ он преподавал сорок пять лет (1936–1981) с перерывом на войну (1941–1943). Ямпольский занимался литературой (преимущественно демократической) середины XIX века. Ему принадлежат монографии «Н. Г. Помяловский: Личность и творчество» (1968), «Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов» (1973), «Середина века: очерки русской поэзии 1840–70-х гг.» (1974), «Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX в.» (1986) и несколько важных изданий в «Библиотеке поэта» (И. Г. много лет был заместителем главного редактора серии): «Полное собрание стихотворений» (1937) и «Драматическая трилогия» (1939) А. К. Толстого, «Поэты „Искры“» (1933, 2-е изд. 1955), «Поэты 1860-х гг.» (1968), «Стихотворения и поэмы» И. С. Тургенева (1970).

Много лет И. Г. Ямпольский руководил кафедральным аспирантским семинаром. Навсегда запомнились его точные и язвительные поправки и комментарии к представленным для обсуждения текстам. Ямпольский был фанатиком филологической точности. В последние годы «Старик Ямпол» (его прозвище у аспирантов) выискивал (часто с помощью коллег) и ехидно поправлял историко-литературные ляпы в цикле публикаций «Эти упрямые, упрямые факты», «Заметки на полях», «Горестные заметы» и т. п.

В одно из посещений И. Г. (когда он уже покинул кафедру) я увидел на столе недавно купленный двухтомник Т. Манна «Иосиф и его братья». «Мне уже не прочесть», — сказал И. Г.

Игорь Петрович Еремин (1904–1963) окончил отделение русского языка и литературы Петроградского университета (1921–1924, семинар В. Н. Перетца). Многолетний сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (1937–1960, с перерывом на войну). В ЛГУ (1938–1960) читал основной курс древнерусской литературы и спецкурсы, вел семинар. Его учениками были не только древники (Н. С. Демкова, Л. А. Дмитриев, Е. К. Ромодановская), но и театровед С. В. Владимиров и историк новой русской литературы Е. А. Маймин. И. П. заведовал кафедрой русской литературы (1957–1963), был деканом филфака (1958–1960). Основные его работы представлены в сборниках «Литература Древней Руси: этюды и характеристики» (1966), «Лекции по древней русской литературе» (1968), «Лекции и статьи по истории древней русской литературы» (1987), «Исследования по древнерусской литературе» (2013–2014. Т. 1–2).

Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987) окончил литературоведческое отделение факультета языкознания и материальной культуры (Ямфак) ЛГУ (1926). Своими учителями считал старшего брата В. Е. Евгеньева-Максимова, Б. М. Эйхенбаума и Б. В. Томашевского. На кафедре с перерывами работал около тридцати лет (1938–1942, 1945–1950, 1957–1975). С юности

⁴³ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1976. Письма. Т. 3. С. 295.

(дипломное сочинение «„Северный вестник“ и символисты») обратился к полузапрещенной и неодобряемой эпохе модернизма. До войны занимался В. Брюсовым, о котором одновременно защитил кандидатскую диссертацию и выпустил монографию («Поэзия Валерия Брюсова», 1940; новый вариант: «Брюсов: Поэзия и позиция», 1969). В послевоенные годы обратился к Лермонтову (монография «Поэзия Лермонтова», 1959, 2-е изд. — 1964; докторская диссертация, 1965). Однако главным предметом его научных изысканий стал А. Блок, о нем Д. Е. написал несколько основополагающих работ (например, «Поэзия и проза Блока», 1975; 2-е изд. — 1981) и почти двадцать лет вел семинар, из которого вышли многие исследователи Серебряного века (К. М. Азадовский, И. Л. Альми, С. С. Гречишкин, А. В. Лавров, З. Г. Минц, А. Пайман) и поэты (В. Кривулин, С. Стратановский). В последние десятилетия к прежним темам добавились творчество Андрея Белого («О романе-поэме Андрея Белого „Петербург“: К вопросу о катарсисе», 1985) и мемуаристика («Русские поэты начала века: В. Брюсов, А. Блок, А. Ахматова», 1986).

Максимов был инициатором установки мемориальной доски к юбилею А. Блока (1980) на здании ректорского флигеля, где поэт родился (и тогда, и сегодня это — сложная бюрократическая процедура). Однако репутация Блока была еще невысока: доску повесили не на стене, выходящей на Университетскую набережную, а во дворе, у входа в здание. Сегодня, при пропускном режиме, она свободно доступна лишь сотрудникам университета.

Сборник стихотворений Максимова сначала был издан за рубежом под псевдонимом Игнатий Карамов (Лозанна, 1982), а позднее уже под собственным именем на филологическом факультете (1994).

«По сути дела, общаясь с Максимовым, мы имели отношение с каким-то уникальным феноменом, потому что Дмитрий Евгеньевич (его не случайно не очень «любили» на кафедре, как бы не очень «долюбливали») был все-таки человеком немного другой породы — он не был советским интеллигентом»,⁴⁴ — вспоминал один из его учеников.

Мне (слушавшему последний университетский спецкурс Д. Е.) представляется, что дело не только в породе, но и в его научной позиции. Максимов осознавал и культивировал свою отдельность, одиночество, не только личную, онтологическую (в реальности вокруг него и после ухода из университета было много друзей и бывших учеников), но — методологическую.

Много занимаясь историей журналистики, он все же был далек от привычного историко-культурного подхода (источники, биография, ближний контекст). Но в то же время с опасением относился и к методологическим новациям 1960-х годов (несмотря на многолетние дружеские связи с Тарту, Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц⁴⁵), которые если не привились на кафедре, то вызывали несомненный интерес. «Вся новая, „прогрессивная“ история литературы, все мы устремлены к изучению метода, структуры писателя, и эта линия, конечно, должна развиваться. Но не ведет ли эта гипертрофия метода, исключительность внимания к методу — к дегуманизации литературы? Все же в литературе самое важное — духовная энергия определенного направления, а структурный анализ лишь отчасти ее выражает. Личность писателя — душа произведения, и она лишь отчасти сводима к методу писателя»,⁴⁶ —

⁴⁴ Кривулин В. Выступление на вечере, посвященном 90-летию Д. Е. Максимова // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. С. 156.

⁴⁵ См.: Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц / Публ., подг. текста, вступ. заметка и прим. Б. Ф. Егорова // Звезда. 2004. № 12. С. 110–144.

⁴⁶ Зыкова Г. В., Пенская Е. Н. Д. Е. Максимов в переписке с А. И. Журавлевой: документы к истории лермонтоведения второй половины XX века // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 6. С. 40 (письмо от 28 октября 1964 года).

пишет он молодой коллеге. С этим личностным, духовно-философским подходом к литературе Д. Е., скорее, нашел бы понимание у раннего Эйхенбаума, автора статей о Карамзине и рецензий на символистские сборники, чем у создателя «Как сделана „Шинель“ Гоголя» и монографий о Толстом, с которыми он много лет встречался на кафедре.⁴⁷

Владислав Евгеньевич Холшевников (1910–2000), кафедральный Мафусаил, окончил литфак ЛГПИ им. А. И. Герцена (1928–1931), работал на рабфаке и экскурсоводом, воевал, получил тяжелое ранение, был награжден орденом Отечественной войны и несколькими медалями. По приглашению тогдашнего заведующего Г. А. Гуковского он пришел на кафедру, где проработал сорок семь лет (1948–1995). Специальностью В. Е. стало стиховедение, он быстро завоевал уважение и признание в этом узком кругу, воспитал многих учеников (Е. В. Хворостьянова, Л. Е. Ляпина, С. А. Матяш, Т. С. Царькова). В течение десятилетий читал придуманный Б. В. Томашевским курс «Поэтика и стилистика». Слушавшие его студенты русского отделения до сих пор помнят какие-то тексты русской классики с его голоса. Главными работами В. Е. стали учебное пособие «Основы стиховедения: Русское стихосложение» (1962, 4-е изд. — 2002) и уникальная «поэтическая антология по истории русского стиха» «Мысль, вооруженная рифмами» (1983, 3-е изд. — 2005).⁴⁸

Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987) был как раз одним из профессоров, имевших колоритную предшествующую биографию (возможно, мифологизированную). Он служил в Красной армии, заведовал библиотекой Пехотно-пулеметных Армавирских курсов, учился на историко-филологическом факультете Азербайджанского университета в Баку (1922–1926), где слушал лекции Вяч. Иванова, после приезда в Ленинград (1927) работал в различных библиотеках.

По рекомендации Ахматовой Мануйлов стал помощником известного историка П. Е. Щеголева (1877–1931; имеются труднопроверяемые сведения о его службе в университете в 1917 году). Подготовленная им в популярном в 1920-е годы жанре литературного монтажа «Книга о Лермонтове» (1929) вышла под фамилией патрона.

Плодотворнее и честнее оказалось сотрудничество с Б. М. Эйхенбаумом. Под его руководством для пятитомного издания Лермонтова (1935–1937) Мануйлов писал примечания и составил «Летопись жизни и творчества», много позднее вышедшую отдельным изданием (1964). Лермонтов стал главным предметом его научных занятий.

В самом начале войны (26 июня 1941 года) Мануйлов был принят в ИРЛИ и всю блокаду (1942–1944) был ответственным хранителем неэвакуированной части фондов Института.

На университетской кафедре он появился поздно (1951–1977) и был известен крайне либеральным отношением к академическим занятиям студентов (плохую оценку у него получить было тяжело) и даже материальной помощью им. Книга «Лермонтов. Семинарий» (1960, 2-е изд. — 1964) начинается с замечания: «Обобщением опыта и результатов работы семинара по Лермонтову при филологическом факультете Ленинградского университета за последние годы и является настоящий Семинарий». Соавторами Мануйлова стали М. И. Гиллельсон и недавний участник семинария В. Э. Вацуро.

Делом жизни В. А. стала «Лермонтовская энциклопедия» (1981). Он был и ее главным редактором, и автором многих статей, и составителем (совмест-

⁴⁷ О феномене ученого без метода (или ученом-методе) см.: Сухих И. Н. Чеховед Скафтымов: размышления о методе (Несколько положений) // Сухих И. Н. От... и до... СПб., 2015. С. 560–566.

⁴⁸ См.: Онтология стиха: памяти Владислава Евгеньевича Холшевникова. СПб., 2000.

но с С. Б. Латышевым) новой версии «Летописи жизни и творчества» и — главное — организатором и вдохновителем большого авторского коллектива. Энциклопедия уже пятое десятилетие остается не только образцовым академическим, но — уникальным изданием. Повторить этот опыт пока никому не удалось.

Еще в юности Мануйлов писал стихи. В конце жизни он выпустил сборник «Стихи разных лет: 1921–1983» (1983). После его ухода появилась книга «Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов» (1991, 2-е изд. — 1999).

Автор этого очерка впервые увидел В. А. на консультации для абитуриентов в начале августа 1971 года в актовом зале филфака (аудитория 31/191) и навсегда запомнил его эффектную реплику в разговоре о «Медном всаднике»: «Это единственная аудитория в мире, где, взглянув в окно, можно увидеть оригинал».

Людмила Александровна Иезуитова (1931–2008) окончила филологический факультет (1949–1954), работала на кафедре (1954–2008). Специализировалась на творчестве Л. Андреева, которому посвящена ее кандидатская диссертация (1967), написанная под руководством Д. Е. Максимова, монография «Творчество Леониды Андреева: 1892–1906» (1976) и множество статей. Популярностью пользовался семинар Л. А. по литературе XX века, продолживший традицию максимовского. Говорят, что настоящие актеры умирают на сцене. Л. А. Иезуитова скончалась 5 декабря 2008 года на кафедре сразу после прочитанной лекции.⁴⁹

Геннадий Владимирович Иванов (1931–2002) окончил филологический факультет ЛГУ (1949–1954), занимался в семинаре М. О. Скрипиля, после окончания аспирантуры работал на кафедре до конца жизни (1957–2002).

Вузовского педагога (как и школьного учителя) обычно сопровождает переходящая по наследству от поколения к поколению легенда. Точнее даже так: настоящего преподавателя и отличает способность порождать легенды. Легенд у Г. В., кажется, было две: «зверь», который режет на экзаменах; настоящий учитель, который «бьет, но выучивает» в своем семинаре. Г. В., действительно, замечательно учил основам филологической работы, после чего думающий студент/аспирант мог идти куда угодно, не обязательно разделяя пристрастия и взгляды научного руководителя. Под руководством Г. В. автор этого очерка защитил диплом и написал кандидатскую диссертацию.

Долгое время Г. В. был руководителем кафедрального СНО, где делали первые доклады многие филологические светила следующих поколений. В качестве основного лектора на русском отделении он сменил Г. А. Бялого. После И. Г. Ямпольского стал руководителем аспирантского семинара. Лекции, обсуждения, семинары, заседания были для Г. В. личными событиями, театром, почти священнодействием. И он остро переживал, если другие думали иначе.

Для кого-то студенческий диплом был лишь поводом для собственного выступления, «отлично» или «хорошо» на аспирантском экзамене — элементом тактической борьбы, а опоздание на заседание кафедры — совершенно несущественным фактом. Г. В. воспринимал подобные вещи как нарушение не нами установленного порядка, «разруху в головах», неполадки в мироздании. Он мог бы повторить приведенную выше реплику П. Н. Беркова.

⁴⁹ См.: *Иезуитова Л. А.* Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избр. труды. СПб., 2010; Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья. Сб. статей и материалов (Памяти Л. А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). СПб., 2010.

В последние годы, став самым старшим преподавателем кафедры, Г. В. (по крайней мере — для меня) оказался хранителем предания. Многие черты домашней истории ЛГУ, филологические анекдоты о Б. М. Эйхенбауме, В. Я. Проппе, Г. П. Макогоненко, В. А. Мануйлове, в том числе использованные здесь, я знаю и помню с голоса Г. В.

Г. В. исследовал преимущественно творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина. Помимо кандидатской диссертации («История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина», 1964), ему посвящены несколько десятков статей («История и современность в „Истории одного города“», 1968; «Тема „бескровного пресупреждения“ в творчестве Толстого и Щедрина 80-х годов», 1979) и образцовые комментарии к «Истории одного города» (1969) и «Пошехонским рассказам» (1973) в наиболее полном и авторитетном Собрании сочинений в 20 томах.⁵⁰

Наталья Сергеевна Демкова (1932–2018) окончила русское отделение филфака (1950–1955), занималась в семинаре И. П. Еремина. После его внезапной смерти перешла из ИРЛИ на постоянную работу в университет (1963–2018), унаследовав и его курс истории древнерусской литературы. Главным предметом занятий Н. С. было творчество протопопа Аввакума, которому посвящены кандидатская диссертация (1969) и, соответственно, монография «Житие протопопа Аввакума: Творческая история произведения» (1974), докторская диссертация «Русская проза XVII века в контексте традиций» (1997) и монография «Средневековая русская литература: поэтика, интерпретации, источники» (СПб., 1997). Н. С. принимала участие в подготовке и комментировании многих произведений древнерусской литературы, а также сборников И. П. Еремина.⁵¹

Ирина Владимировна Столярова (1932–2017) в ЛГУ (1950–1955) занималась в семинаре А. С. Долинина, после окончания аспирантуры (1955–1958) работала в Омске, в 1967 году вернулась на кафедру, где работала до конца жизни. Предметом ее научного интереса был Н. С. Лесков, творчеству которого посвящены ее кандидатская (1963) и докторская (1992) диссертации, а также монографии «В поисках идеала: Творчество Н. С. Лескова» (1978) и «На пути к преображению: Человек в прозе Н. С. Лескова» (2012) и множество статей. В 1996 году стала членом редколлегии Полного собрания сочинений Лескова в 30 томах, с 2012 года — его главным редактором. В течение многих лет вела просеминар, через который проходили все студенты-русисты, специализирующиеся по кафедре русской литературы. Так что практически все сотрудники кафедры нескольких поколений писали первые научные работы под руководством И. В. Столяровой.

Борис Федорович Егоров (1926–2020) учился на филфаке (1945–1948), прежде всего, по его воспоминаниям мы знаем о событиях 1949 года. Небольшое возвращение на родную кафедру (1962–1968) было одним из этапов его огромного жизненного пути (кафедры русской литературы в Тарту и в ЛГПИ, редакции серий «Библиотека поэта» и «Литературные памятники», институты истории и социологии). Работы по истории русской литературы и критики Б. Ф. Егорова составляют библиотеку (более 20 книг и 700 статей, множество публикаций текстов, две книги «Воспоминаний», 2004, 2013). «Как-то, в 1990-е годы, он озадачил студенческую аудиторию, увлекавшуюся новыми методологиями и знавшую о его сотрудничестве с тартуской школой, когда в ответ на заданный после доклада вопрос, к какому литературоведческому направлению он себя относит, — произнес не без гордо-

⁵⁰ См.: Доцент Геннадий Владимирович Иванов: памяти филолога. СПб., 2004.

⁵¹ См.: О древней и новой русской литературе. Сборник статей в честь проф. Н. С. Демковой. СПб., 2005.

сти: „Я имею честь принадлежать к отечественной культурно-исторической школе“». ⁵²

Нина Михайловна Рюмшина (1926–2017) всю жизнь проработала на кафедре в должности лаборанта и старшего преподавателя, не имея научной степени (хотя, по рассказу М. В. Отрадина, старожилы кафедры предлагали ей, конечно, в шутку, написать, каждый по главе, диссертацию за лето). Она читала курсы литературы первой половины XIX века (обычно заочникам), вела пушкинский семинар и руководила дипломами. Но ее авторитет, ее кафедральная роль определялись не этим.

Один из самых симпатичных персонажей чеховской «Скучной истории» — швейцар Николай, которому «известно все, что происходит на четырех факультетах, в канцелярии, в кабинете ректора, в библиотеке», который «сообщит также подробности, которыми сопровождалось то или другое обстоятельство». «Так помнить может только тот, кто любит», — заключает характеристику герой (и автор).

Н. М. кажется мне стоящей в этом ряду. На своем незаметном посту Н. М. пережила пять (или шесть) заведующих кафедрой (она появилась на кафедре в 1958 году). Жизнь кафедры, помимо официальной и парадной стороны, состоит из множества мелочей, микроконфликтов: распределение учебных курсов и семинаров, внезапные замены и командировки, справедливые и несправедливые оценки на защитах. Н. М. была всеобщим примирителем, стабилизатором, информатором.

Таким же (в пределах кафедры), как известная любому филфаковцу золотого и серебряного веков диспетчер факультета Мария Сергеевна Лев (1902–1990), которая начала работать еще в ЛИФЛИ (1932) и, как сказано в официальной истории факультета, «в 1959 г. ушла на пенсию, но работала ежегодно по два месяца в деканате почти до самой смерти».

Но безусловно, главной фигурой кафедры в 1960–1970-е годы был Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1912–1986). В начале этой главки шла речь о двух типах филологов. Г. П. принадлежал ко второму. За стенами филфака он прожил другую жизнь: работал на заводе, в редакциях и на киностудии, прошел через блокаду и мучительные отношения с О. Ф. Берггольдц, женился на студентке, был знаком с множеством людей: писателей, киношников, литераторов — от Анны Ахматовой до Виктора Некрасова (написавшего о Г. П. трогательные воспоминания).⁵³

Он с отличием окончил русское отделение (1934–1939), восстановился в аспирантуре (1944) и быстро окончил ее, был сотрудником кафедры тридцать семь лет (1946–1983). Траектория его научной жизни похожа на аналогичную его учителя Г. А. Гуковского. Он тоже начал с изучения XVIII века («Николай Новиков и русское просвещение XVIII в.», 1951; «Радищев и его время», 1956; «Денис Фонвизин: Творческий путь», 1961), подготовил необходимое для студентов дополнение к учебнику Гуковского, огромную антологию «Русская литература XVIII века» (1970), потом занялся литературой Золотого века («Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы», кн. 1–2, 1974, 1982; «Гоголь и Пушкин», 1985; «Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственного развития литературы», 1987).

Наряду с Г. А. Бялым он был популярным лектором, отчасти наследовавшим театральную манеру учителя Г. А. Гуковского (студенты нескольких поколений запомнили сигару профессора). По воспоминаниям Е. Н. Петуховой,

⁵² Ляпина Л. Е. Борис Федорович Егоров // Культура и текст. 2016. № 2 (25). С. 217. См. также: Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. СПб., 2016.

⁵³ См.: Некрасов В. Памяти Г. П. Макогоненко. Некролог для радио. 20 октября 1986 г. (см.: <https://nekrassov-viktor.com/books/nekrassov-pamiati-makogonenko>; дата обращения: 31.10.2023).

в октябре 1967 года Г. П. читал лекцию о «Медном всаднике» во время очередного наводнения и эффектно включал в рассказ пейзаж за окном. А потом студенты спасали от подступавшей воды книги.

Через семинар Г. П. прошли многие известные в будущем историки литературы. Но, кажется, главным его делом и любовью была кафедра, которой он, беспартийный (редкость по советским временам), заведовал 17 лет (1965–1982). Заведование Г. П. пришлось на смену поколений. Ежегодно Г. П. выбивал целевое место в аспирантуре и через три года на кафедре появлялся новый молодой преподаватель, несколько человек были приглашены со стороны. В итоге за семь–восемь лет кафедра обновилась почти наполовину.

Любая рутинная академическая работа — ежемесячные заседания, научные доклады (он придумал ежегодные апрельские чтения; на первых в переполненной аудитории студенты и даже некоторые преподаватели впервые услышали о набоковском «Даре»), чаепития с первым курсом — была для Г. П. поводом напомнить коллегам о прекрасном настоящем и сияющих перспективах («Приду на кафедру, а там восемь докторов наук!» — это о задержавшихся с защитами и недавних аспирантах. И почти все оправдали надежды, но уже без него).

Оттепель шестидесятых докатилась до самых дальних углов социума. Политическая революция у памятника Маяковскому и на московских стадионах обернулась на факультете расцветом ЛИТО, которое за стеной, на кафедре советской литературы, сначала вел ортодоксальный Е. И. Наумов, а потом — Г. В. Филиппов (в него захаживал и Бродский).

Раньше (как выяснилось потом благодаря Л. Лосеву (Лифшицу)) возникла *филологическая школа*, еще одна (после венгеровского семинария и лекций Бялого) легенда филфака. Люди театра в это же время вспомнили о театре-доме, демократическом, без разделения на звезд и массовку, даже с одинаковой зарплатой. Беспартийный Г. П. (с переменным успехом, потому что на кафедре существовала партгруппа, не дающая забыть о прежних временах, да и не все коллеги-соратники с энтузиазмом воспринимали идею) мечтал и культивировал кафедру-дом.

Почти двадцать лет кафедра истории русской литературы ЛГУ была *кафедрой Макогоненко*. В этом качестве она просуществовала и еще почти два десятилетия после его ухода.⁵⁴

Семидесятые–девяностые: бронзовый век

Следующим заведующим кафедрой истории русской литературы стал Аскольд Борисович Муратов (1937–2005). Он филолог во втором поколении, племянник К. Д. Муратовой (1904–1998) — известного историка литературы и библиографа, многолетней сотрудницы Пушкинского Дома; библиографические «указатели <под редакцией> Муратовой» знакомы каждому филологу-русисту.

Сборник памяти А. Б. Муратова называется «Homo universitatis».⁵⁵ Действительно, А. Б. был до мозга костей университетским человеком: русское отделение филфака (1955–1960) — аспирантура (1960–1963) — кандидатская диссертация «Роман И. С. Тургенева „Дым“» под руководством Г. А. Бялого и начало работы на кафедре (1964) — докторская диссертация «Пробле-

⁵⁴ См.: Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000.

⁵⁵ См.: Homo universitatis: Памяти Аскольда Борисовича Муратова (1937–2005). СПб., 2005.

мы реализма в позднем творчестве И. С. Тургенева: Повести и рассказы 1860–80-х гг.» (1984) — наконец, заведование кафедрой (1983–2005), по длительности превышающее все предшествующие.

А. Б. был странным заведующим. С одной стороны, экспансивным, вспыльчивым, часто переходящим на личности. С другой — часто не передающим, спихивающим, а лично выполняющим большую часть внеплановой кафедральной нагрузки (такие ситуации возникают в кафедральной жизни часто).

Любопытен взгляд на А. Б. уже кафедрального «внука»: «У Аскольда Борисовича Муратова было как бы две ипостаси. Первая — традиционалист, хранитель большой традиции, каковым и должен быть заведующий такой кафедрой. Все, кто бывал в 188 аудитории, помнят знаменитый „иконостас“, занимающий целую стену, — портреты предшественников. Для Аскольда Борисовича, воздвигшего эту галерею, это были не просто портреты: он знал и работы, и биографию каждого, и по праву чувствовал себя звеном в цепи, продолжателем их дела. Так же глубоко он знал и литературу, в том числе совершенно забытую: рассказать ему что-то для него неизвестное о XIX веке было невозможно. Но был и другой Муратов, который проявлялся в кулуарных разговорах о литературе и жизни: человек резких, совершенно нетрадиционных, иногда эпатажирующих суждений, парадоксалист, спорщик. Эта его ипостась, к сожалению, совершенно не видна в его опубликованных трудах» (А. Д. Степанов).⁵⁶

Главным героем научной деятельности А. Б. был Тургенев. Ему посвящены обе диссертации и опубликованные на их основе книги «Тургенев в Петербурге» (1970, в соавторстве с Г. А. Бялым), «Тургенев после „Отцов и детей“ (1860-е гг.)» (1972), «Повести и рассказы И. С. Тургенева 1867–1971 гг.» (1980), «Тургенев-новелист (1870–1880-е гг.)» (1985). Однако он занимался и другими авторами второй половины XIX века (М. Альбов, Островский, Чехов), участвовал в изданиях филологической классики (А. А. Потебня, Б. М. Энгельгардт, А. С. Долинин). Ему принадлежит не только идея «иконостаса», но и большой обзор истории кафедры, упомянутый в первой ссылке.

На долю А. Б. Муратова пришлось не столько персональные, сколько организационные изменения: поглощение кафедры истории советской литературы (1991), после чего наша кафедра стала универсальной, монструозной, охватившей все эпохи русской словесности, плюс теорию литературы, историю критики и фольклор (в МГУ это пространство обслуживают пять кафедр); создание внутри кафедры кабинета фольклора и теории литературы (1998), принципиальное обновление учебных программ, в том числе создание на основе курса «Поэтики и стилистики» уникального многосоставного курса теории литературы, поэтики и герменевтики.

Нынешний состав кафедры — около 30 преподавателей. Упомяну только о тех, чей путь уже завершен.

Университетская жизнь Владимира Марковича Марковича (1936–2016) начинается с (авторской) легенды. Номенклатурный национальный кадр (отец — физик и декан Казахского пединститута им. Абая, мать — фольклорист и член-корр. АН Казахской ССР), выпускник того же института (1959) приезжает в ЛГУ с готовой диссертацией, но, впервые (!) прочитав то ли Эйхенбаума, то ли Тынянова, уничтожает (рвет, топит) ее и начинает новую филологическую жизнь. Защита кандидатской диссертации Марковича «Два типа классического русского романа в первой половине XIX в.» по инициативе Г. А. Бялого и Г. П. Макогоненко состоялась уже в ЛГУ (1966). Только

⁵⁶ См.: Вспоминая Аскольда Борисовича Муратова // Санкт-Петербургский университет. 2006. № 14/15 (см.: <http://old.journal.spbu.ru/2006/14/25.shtml>; дата обращения: 31.10.2023).

через пять лет, с краткой остановкой в ЛГПИ, Макогоненко удалось провести В. М. на кафедру, где он проработал 43 года (1972–2015).

Начав с Тургенева («Человек в романах Тургенева», 1975; «И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы)», 1982), В. М. в исследованиях двигался назад («Петербургские повести Гоголя», 1989; «Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы», 1997) и далеко вперед (статьи «Автор и герой в романах Лермонтова и Пастернака», 1996; «Реанимация петербургского текста в поэзии ленинградского андеграунда», 2005). Он был редактором многих научных сборников, организатором и участником бесчисленных конференций и — главное — одним из самых популярных лекторов филфака, продолживших традицию Бялого и Макогоненко.⁵⁷

Борис Валентинович Аверин (1941–2019) был еще одной находкой Макогоненко. Окончив Арктическое училище в Стрельне (1962), он зимовал на Земле Франца-Иосифа (о чем много позднее рассказал в мемуаре «Мой Север», 2018), поступил на заочное отделение филфака (1963), затем перевелся на вечернее, перешел в аспирантуру (1970–1973) и сразу после защиты написанной под руководством Г. А. Бялого диссертации «„История моего современника“ В. Г. Короленко: социально-философское содержание и художественный метод» стал членом кафедры (1974–2019). Интересы Б. В. менялись вместе со временем. От Короленко он перешел к Блоку, а затем — к Набокову, о творчестве которого он с большим опозданием защитил докторскую диссертацию (1999) и опубликовал на ее основе монографию («Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции», 2003).

Однако писать Б. В. не любил. Вторая (и последняя) его книга вышла только через одиннадцать лет («От Толстого до Набокова. Из истории русской литературы», 2014). В сборнике воспоминаний о Г. А. Бялом он рассказал историю-анекдот о визите к научному руководителю после двух лет (?) аспирантуры с шестью страничками диссертационного текста. «Компактно написано», — прокомментировал работу Г. А.

История правдива, я был свидетелем похожего разговора в редакции, вступительную статью к тому «Библиотеки поэта» потом написал другой человек.

Б. В. был идеальным университетским преподавателем, «человеком говорящим», который «издалека заводит речь» и далеко ее заводит. Из университетских аудиторий его лекции переносились в просторства городских и зарубежных залов, на телевидение, в кино (он стал героем фильма 4-го в документальной серии А. Сокурова «Интонация»), оформлялись в программы («Дневник профессионального читателя», «Филфак на дому», «Мистика судьбы», «Неизвестный Петергоф»), превращались в свободные размышления о жизни. Один из последних циклов Б. В. — «Атлас облаков: облака в книгах и в жизни» (2017) — совмещал юношескую геофизику и филологию.

В последние десятилетия на кафедре стал заметен десант из Тарту (Ю. М. Лотман возвращался на кафедру своими учениками). Однако отношения этих выпускников с *alma mater* оказались своеобразными. Нашествия семиотиков-структуралистов не произошло.

Наталья Михайловна Герасимова (1952–2006) родилась в Чите, начала учебу в Тартуском университете (1969), но оканчивала ее уже в ЛГУ (1971–1974) в семинаре по древнерусской литературе Н. С. Демковой. Н. М. была среди аспирантов макогоненковского призыва (1974–1976), работала над дис-

⁵⁷ См. итоговые сборники, опубликованные самим автором: *Маркович В. М.* 1) Мифы и биографии. Из истории критики и литературоведения в России. СПб., 2007; 2) Избр. работы. СПб., 2008; а также любовно подготовленные ученицей Марковича Е. Н. Григорьевой фактически тома Собрания сочинений: *Маркович В. М.* 1) О Тургеневе. Работы разных лет. СПб., 2018; 2) Русская литература Золотого века. Лекции. СПб., 2019; 3) О Пушкине. Работы разных лет. СПб., 2023.

сертацией «Традиционные формулы русской волшебной сказки» под руководством К. В. Чистова. Но эта работа затянулась. Кандидатскую диссертацию (кафедральный рекорд) Н. М. защитила только через десять лет, причем на тему студенческого диплома «Художественное своеобразие „Жития“ протопопа Аввакума» (1986), чуть позднее выпустив учебное пособие (1993).

Главным делом Герасимовой во время работы на кафедре (1977–2005) стали фольклорные и археографические экспедиции. Как их руководитель, Герасимова объездила весь Север России. Благодаря этим поездкам на кафедре появились Пинежские, Вологодские, Онежские, Белозерские и др. собрания, которые используются фольклористами следующих поколений. По ее инициативе был создан Пропповский центр (начал работу в середине 1990-х годов, зарегистрирован в 2000 году), не только как часть кафедры, но культурная организация, ведущая большую работу по исследованию и пропаганде традиционного и современного фольклора.

Н. М. была важным для кафедры человеком, внося в ее размеренную жизнь ноту легкого безумия и абсурда. Ее любили студенты. Ежегодно проводятся посвященные ее памяти Декабрьские чтения. Главные работы Н. М. о фольклоре и литературе собраны в книге «Прагматика текста: фольклор, литература» (2012).⁵⁸

Елена Владимировна Душечкина (1941–2020) появилась на кафедре благодаря распаду СССР. Она окончила историко-филологический факультет Тартуского университета (1962–1966), там же, в аспирантуре, под руководством Д. С. Лихачева защитила кандидатскую диссертацию «Художественная функция чужой речи в Киевском летописании» (1972) и почти двадцать лет проработала в Тарту и Таллине. После переезда семьи в Ленинград и недолгой работы в Институте культуры им. Н. К. Крупской она проходит по конкурсу и начинает службу уже не в ЛГУ им. А. А. Жданова, а в Санкт-Петербургском университете.

В работах Е. В. Душечкиной не было ничего от методов тартуской школы. Методологиически они располагаются даже не в окрестностях Венгерова, а где-то глубже, по соседству с Пыпиным и Зелениным. Ее культурно-этнографическая трилогия («Русский святочный рассказ: становление жанра», 1995, защищена как докторская диссертация; «Русская ёлка: История, мифология, литература», 2002; «Светлана. Культурная история имени», 2007), уже не раз переизданная, отличается тщательной проработкой материала и рассчитана не только на специалистов.⁵⁹

Михаил Яковлевич Билинкис (1945–2007), сын известного историка литературы Я. С. Билинкиса, тоже начинал учиться в Тарту, но в итоге окончил заочное отделение филфака ЛГУ (1969), защитил кандидатскую диссертацию «Взаимоотношения документальных жанров и беллетристики в русской литературе 60-х годов XVIII в.» под руководством Ю. М. Лотмана (1979), но на кафедре русской литературы оказался еще через несколько лет (1986–2007). В круг его научных интересов входили не только XVIII век («Русская проза XVIII в. Документальные жанры. Повесть. Роман», 1996), но и авторы нового времени от Пушкина до Бродского («Пушкин и наследие XVIII столетия», 1999; «„Часть речи“ в „непрерывном“ тексте: „20 сонетов к Марии Стюарт“ И. Бродского», 2009).

Екатерина Ильинична Ляпушкина (1963–2018) окончила русское отделение филфака (1981–1986), некоторое время работала лаборантом, под

⁵⁸ См.: Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Н. М. Герасимовой. СПб., 2002.

⁵⁹ См.: Прекраснейшей: сборник памяти Елены Душечкиной. СПб., 2022.

руководством М. В. Отрадина защитила кандидатскую диссертацию «Русская идиллия XIX в. и роман И. А. Гончарова „Обломов“» (1993) и перешла на преподавательскую работу (1994–2018). Круг ее научных интересов был связан с преподаваемым теоретическим курсом герменевтики («Введение в литературную герменевтику», «Герменевтические практики (Островский. Тургенев. Достоевский)», обе 2009).⁶⁰

В последние десятилетия кафедра-учреждение (к счастью, пока не департамент) сильно изменилась — вместе с университетом и страной. Кафедра-аудитория часто закрыта или пуста. По легенде, там стоит та же самая деревянная кафедра-мебель, с которой обличали и каялись в конце 1940-х годов. Но про это мало кто знает.

Иными стали правила поступления, система занятий, оценки деятельности преподавателей, отношения со студентами. Еженедельные преподавательские вечерние собеседования по средам, до и после спецкурсов, сменились случайными встречами по пути на лекции в Школе или Катакомбах (студенческие прозвища причудливых частей, пристроек и надстроек факультета стали официальными пометками в расписании). И сами спецкурсы теперь не объединяют студентов разных поколений, они превратились в обычные локальные «элективы» для одного курса или даже группы. Кажется, на смену навязанному коллективизму пришел вынужденный индивидуализм.

Призванное Г. П. Макогоненко поколение из младшего стало старшим, почти уходящим. Описывать и оценивать эти изменения будут уже другие люди. Видимо, к очередному юбилею.

Кафедра — не стены, а люди и память о них.

Поэтому окончим стихотворением-воспоминанием.

Академичка! Кладбищем надежд
Мальчишеских осталось для кого-то
Местечко, расположенное меж
«Кунсткамерой» и клинкою Отта,
но не для нас! Пусть полный смысла звук —
залп пушечный — оповестит округу
о том, что время завершило круг
(очередной) и вновь пошло по кругу.

Поэт Геннадий Григорьев (1950–2007) учился на филфаке, но был отчислен (по разным сведениям) то ли после первого семестра, то ли с третьего курса. В стихотворении «Академическое. Столовой Академии наук — с любовью» (1974) есть и прямые упоминания преподавателей филфака: «Я снова наблюдаю спозаранку / Холщевникова высохшую статью / И Выходцева правую <sic!> осанку».

Столовая и кафетерий в Биржевом проезде, д. 2 были клубом всех работающих и преподающих на Стрелке Васильевского острова. В 1990-е годы на этом месте появилась пригожинская «Старая таможня».

«Залп пушечный» (на самом деле, *выстрел*) из Петропавловской крепости в двенадцать часов слышен на филфаке и обычно обозначал начало третьей пары. Потом расписание (как и номера аудиторий) поменялось.

«Тяжелые времена, <...> тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить», — помнится, жаловалась одна странница.

⁶⁰ См. также: *Ляпушкина Е. И.* Литературная герменевтика. Теория и практика. СПб., 2020.

ПОЛЕМИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-131-138

© Д. М. БУЛАНИН

СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ И ВОПРОС О «ЛИТЕРАТУРНОЙ ИГРЕ» ИВАНА ГРОЗНОГО*

Царствование Ивана Грозного, как никакое другое, богато достоверными, а еще больше легендарными эпизодами, вокруг которых разворачиваются настоящие баталии историков. Одним из таких эпизодов, выплеснувшим целый каскад научных и околонучных мнений, стал своеобразный маскарад, разыгранный при московском дворе в 1575 году. «Того же году в осень», извещает Разрядная книга, Иван Грозный, учредив себе удельное княжество в Москве, посадил на великокняжеский престол потомка Чингисхана, Касимовского царя, крещеного татарина Симеона Бекбулатовича. «И сидел год один». Множество высказанных историками предположений о мотивах Грозного, устроившего такую рокировку, можно объединить в две условные группы: одни видят за его поступком серьезные политические маневры, другие заносят произведенную подмену в счет личной склонности царя к эпатажу и недобрым шуткам. Споры о татарском «заменителе» царя, пожалуй, можно было бы отдать на откуп историкам, если бы не хрестоматийная челобитная Грозного, признаваемая образцом его «скоморошьей» манеры манипулировать словом.¹ Там, обращаясь к «государю великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Руси» и притворно уничижаясь, «Иванец Васильев с своими детишками», как называет себя вчерашний царь, смиренно просит разрешения «людишок перебрать».² Стиль поведения Грозного и воплощенную в челобитной литературную позицию принято считать «игрой». Но если это так, кому она предназначалась? И нужна ли она была для того лишь, чтобы кто-то (хотя бы и сам сочинитель) посмеялся над «временным» царем или всеми подданными сразу? Но может быть, это символическое и религиозно маркированное деяние, а потому «юмор» в писании Иванца Васильева несколько не заразительный? Поиски ответа велись в разных направлениях, но до недавнего времени никто не пытался оценить ситуацию, взяв за точку отсчета Симеона Бекбулатовича — второго участника разыгранного царем спектакля. Это тем более удивительно, что татарского царевича нельзя назвать персонажем, обделенным вниманием в историографии, и в фокусе писавших о нем находилась его «великокняжеская карьера».

Пробел восполнил А. В. Беляков, один из ведущих специалистов по политике, дипломатии и культурным связям средневековой Москвы с мусульманскими народами, в частности, по процессу интеграции в православное

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00527, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, ИРЛИ РАН.

¹ Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 310–312.

² Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. и комм. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 195–196 (сер. «Литературные памятники»).

общество восточной знати, переселившейся или переселенной в Московское государство.³ Опираясь на солидную базу печатных и рукописных источников, ученый опубликовал капитальный труд о жизни и карьере Симеона Бекбулатовича, первое посвященное ему монографическое исследование после старой книги Н. В. Лилеева.⁴ Отдавая себе отчет в том, что скудость свидетельств не позволяет написать полноценную биографию его героя, автор использует сравнительный метод. Пробелы в наших знаниях о небедной взлетами и падениями судьбе татарского царевича заполняются более или менее убедительными предположениями о том, как могли бы разворачиваться события при заданной, но не обеспеченной фактами мизансцене. Предположения делаются по аналогии, на основе имеющихся сведений о типовой карьере, о специфике жизни и деятельности других представителей мусульманской аристократии, которые тоже вынуждены были адаптироваться в инородной среде. Возникает собирательный образ Чингисида в двух его возможных ипостасях — как верного исламу, так и принявшего крещение. На такую умозрачную модель предлагается проецировать героя монографии. Насколько удачным оказался исследовательский эксперимент в целом, предоставим судить историкам, свободно ориентирующимся в тех экзотических для слависта реалиях, которые касаются быта и нравов мусульманской диаспоры. Что касается непосвященных, познакомившись с исследованием А. В. Белякова, они будут, скорее всего, несколько разочарованы конечным результатом. Такое впечатление обусловлено не оплошностью историка, а спецификой источников, на которые ему пришлось полагаться. Источники эти двух типов, каждый из типов полезен для конкретных целей обсуждаемой работы, но полезен лишь до определенных пределов. Наиболее информативны, естественно, тексты повествовательных жанров, но сообщения их о членах высших татарских сословий, оставивших след в истории, ограничены и, в массе своей, давно приведены в известность. Главное — подобные тексты обычно не допускают прямолинейного толкования, а потому их интерпретация представляет для современного человека немалые трудности. Ибо древнерусское литературное повествование, как и само поведение средневековых людей, подчинялось строгому этикету, не всегда нам понятному. Другой тип источников — широко привлекаемые в книге о царевиче памятники документальной письменности, эвристическую ценность которых для биографии не стоит преувеличивать. Деловая письменность, в большинстве своих разновидностей, содержит описи, перечни, расчеты, расписки, доклады и др., молчит о мыслях и движущих мотивах людей, которые стоят за сухим набором имен, слов, чисел. При всей важности сообщаемых в книге подробностей о социальной структуре и бытовом укладе мусульманской диаспоры (иерархия, собственность, хозяйство, расходы и проч.), собирательный образ Чингисида остается ущербным. Как следствие, по тому неординарному жизненному пути, который выпал на долю одного из потомков монгольского завоевателя, успешного побывав Астраханским царевичем, Касимовским царем, великим князем всея Руси, великим князем Тверским, помещиком села Кушалина, наконец, иноком Стефаном, — по этому пути он проходит, больше похожий на тень, нежели на человека из плоти и крови. Таким он рисуется по данным современных источников, но таким он предстает перед нами и после выхода новейшей биографии.

³ Ср.: Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.

⁴ Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: Пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2022. Ср.: Лилеев Н. В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской, 1567–1616 (Исторический очерк). Тверь, 1891.

Сказанное не умаляет значения фундаментальной биографии Симеона Бекбулатовича, суммирующей все, что прямо или косвенно относится к его трудам и дням, а через то проясняющей действия и других исторических персонажей. Прежде всего, царя Ивана. Чтобы увидеть плоды разысканий биографа, позволим себе вернуться к кульминации сюжета — тому моменту, когда татарский царевич взошел на московский престол. Честно признавая, что доступные нам источники не позволяют вполне раскрыть намерения Грозного, соглашаясь, что, сверх прагматических целей, в устроенном им маскараде просматривается своеобразный «юмор», А. В. Беляков примыкает к мнению тех, кто видит в действиях царя «рецидив опричнины» или просто продолжение ее политики. Ученый справедливо полагает, что Грозный тщательно продумывал свои действия, хотя (добавим от себя) необходимость импровизировать в амплу первого русского царя не всегда ему позволяла это делать. В пользу серьезных мотивов, стоящих за эпизодом с царевичем, говорят любопытные нюансы, отчасти уже отмеченные в научной литературе,⁵ но впервые собранные вместе А. В. Беляковым. Они показывают, что поступок Грозного не столь резко порывал с московскими порядками, как иногда думают. Так, известно, что московские Чингисиды по чину превосходили местную знать, и это закономерно: к татарским царям Иван Грозный обращался как к равным, на той же презумпции строился этикет взаимодействия с ними при дворе. Далее, прецеденты, когда татары царского рода выполняли функции московского самодержца, зафиксированы уже в годы правления Василия III. При отлучках великого князя в 1513–1514 годах (осада Смоленска) и в 1521 году (набег крымского хана) временным правителем Москвы оставался казанский царевич Петр Ибрагимович. Когда в 1523 году Василий III находился в казанском походе, прием польского посольства был возложен на другого казанского царевича — Федора Меликдаировича. Еще в XVII веке находившиеся на московской службе крещеные Чингисиды во время придворных церемоний, случалось, замещали отсутствовавшего царя. Московиты, современники Грозного, включая его ближайшее окружение, были в 1575 году потрясены «заменой» главы государства меньше, чем можно было ожидать, потому еще, что царь удержал за собой немаловажную долю своих державных прерогатив. В отличие от царя Ивана, новоявленный великий князь не появлялся на театре военных действий, сопровождавших Ливонскую войну. Как следует из современных документов, иностранных послов тоже принимал Грозный, что показывает беспочвенность других известий иностранцев (Д. Горсей), как в большинстве случаев, скорее занятых занимательностью своих записок, нежели их достоверностью. Вопреки тому же Горсею, не существует ни монет, ни печатей с именем Симеона Бекбулатовича. Челобитные по местническим спорам по-прежнему писались на имя Ивана Грозного. Современные источники молчат о венчании на царство «заменителя» Грозного и о передаче ему каких-то инсигний царской власти. Даже пресловутая «скоморошья» челобитная не воспринималась ассистентами Грозного как явление, выходящее из ряда вон: она оформлена в столбцах по принятому в приказном делопроизводстве шаблону.

Какова бы ни была политическая и экономическая подоплека истории с царевичем (если таковые существовали), инициатор истории, безусловно, сообщил ей и символический смысл. Наличие символической функции признает и А. В. Беляков, правда, видя в ней только игру мирских страстей — проявление свойственных русскому царю амбиций: посадив на трон в лице

⁵ Halperin Ch. Simeon Bekbulatovich and Mongol Influence on Ivan's Muscovy // Russian History. 2012. Vol. 39. № 3. P. 306–330.

Симеона Бекбулатовича Касимовского царя, пишет его биограф, Грозный мог считать себя «царем царей». Полагаем, что вердикт биографа нуждается в уточнении: возникающий на основе вердикта образ русского Ассаргадона плохо сочетается со служащей ему фоном православной Москвой XVI века. Символические действия требуют, применительно к эпохе, религиозного толкования. Грозный и сам отличался истовым благочестием, и действовал он в недрах культуры, в которой конфессиональные ценности стояли на первом месте. Невозможно представить себе, чтобы в Московской Руси, видящей себя «священным царством» и последним оплотом православия, самодержец реализовал индивидуальные честолюбивые планы, пренебрегши их религиозной мотивировкой. Она отчетливо просматривается за символическим аспектом «игры в царя». В соответствии со средневековой идеей о воплощении в человеческой истории божественного Промысла само превращение Москвы в «священное царство», а ее правителя в единственного богоутвержденного царя мыслилось как трансляция на новое место сакральной сущности предшествующих царств, закончивших свой жизненный цикл. Конструируемый московскими идеологами образ «священного царства» был эклектичным, парадоксальным образом сочетая в качестве главных составляющих византийские и татарские знаки власти. Едва ли не первейшим подтверждением московского избранничества идеологи XVI века считали то, что царь Иван покорил Казань. Источники показывают, что именно это деяние воспринималось современниками как апогей царствования Грозного. Каковы бы ни были настоящие правопреемники Орды (сейчас думают, что законной преемницей была Астрахань), в представлении москвитов символическое достоинство прежних ордынских царей сосредоточилось в Казани, почему и взятие ее в 1552 году было обставлено не только как политическая, но и как идеологическая победа. Отсюда гипертрофированные торжества по поводу достигнутого успеха, непропорциональные его реальной значимости (через своих ставленников московские правители и раньше успешно контролировали Казань). Отсюда и необычные для Москвы миссионерские мероприятия в отношении покоренного города. Обладателем всего, что скрывалось за Казанью как символом навсегда утраченной татарской власти, стал после победоносной кампании московский царь. Овладение Казанью расценивалось им как последняя ступень в сакрализации собственной державы. Дипломаты, представлявшие Грозного на переговорах, не забывали повторять, что на русском престоле сидит наследник казанских царей.⁶

Теперь мы понимаем, почему едва ли не на другой день после интронизации Симеона Бекбулатовича о нем, вопреки действительности, стали говорить как о казанском царевиче, то и дело путая его и подлинного Казанского царя Симеона Касаевича. Зная склонность Грозного к розыгрышам, мы не удивимся тому, что он сам мог провоцировать такое смешение, когда нарекал при крещении своего будущего «заменителя» тем же именем (догадка А. В. Белякова). Вопреки общепринятому взгляду, автор биографии считает, что его герой, получив московский престол, остался и царем Касимова, столицы служилых татар. Если это верно, такое совместительство подчеркивало бы идеологический компонент «игры в царя»: Грозный показывал, что владеющий «священным царством» государь вправе двигать по вертикали правителей тех царств, которые утратили на оси истории свое первородство, транслировав его московскому самодержцу. Хотя иностранцы диву давались, зачем сидящему в Москве христианскому государю понадобился титул

⁶ Чернявский М. Хан или василевс: Один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 442–458.

«царя татарского», в представлениях Грозного об источниках его достоинства, отразившихся и в эпизоде с Симеоном Бекбулатовичем, не было ничего, противного христианству. Власть дается Богом — такова общая посылка. Понимание истории как череды избранных царств, приходящих на смену друг другу, получило в Средние века широкое распространение. Языческие державы фигурировали в этой теории на равных правах с христианскими, и русские книжники не нарушали общего принципа, поставив в тот же ряд мусульманские царства на Востоке. С переходом этих царств под власть московского самодержца он присваивал себе их символический потенциал, поднимавший его статус. Из числа покоренных царств самым ценным приобретением была Казань. Описанная схема движения людского рода в историческом времени представляет собой частный случай самой ухищренной — типологической экзегезы. При типологическом к ним подходе конфессиональная несовместимость феноменов отходила на второй план, потому что акцент делался на бессилии человека перед мудростью Провидения, воздвигающего одни и низводящего другие царства. Иллюстрацией типологического подхода к историческому калейдоскопу может служить «Казанская история», где судьба Казани соотносится с уделом Трои, Иерусалима, Константинополя, Новгорода. Если взглянуть на маскарад с Симеоном Бекбулатовичем, которого молва нарекла «казанским царевичем», в свете репутации Казани, обладавшей, но утратившей в 1552 году царскую харизму, — в таком случае религиозный смысл всего эпизода можно определить как указание на промыслительное значение, какое имело падение Казани по ходу трансформации Москвы в «священное царство».

Религиозный фактор объясняет не только философию истории, заложенную в эпизоде с царевичем, но и формы, в которых Грозный разыграл свою роль в этом эпизоде. Конфессиональные искания царя нельзя не принимать в расчет, дискутируя об игровом начале в его поведении и писательской манере — о том, что нашло отражение, среди прочего, в челобитной от имени Иванца Васильева. О сходстве экстравагантных поступков Грозного и действий юродивого, повергавших в сомнение неподготовленных соучастников и наблюдателей, писали не раз. Считается даже, что царь выступил как гимнограф под говорящим именем Парфения Уродивого. Действительно, сравнение с юродивым многое проясняет, между прочим, помогает описать язвительный стиль посланий Грозного (Курбскому, Грязному, старцам Кириллова монастыря), построенных на антитезах и смене авторского тона через самоумаление. Но выводы, к каким обыкновенно приходят исследователи, проводящие параллель между царем и «блаженными», не во всем убедительны, потому что переносят в прошлое привычные для человека модерна представления о причинно-следственных связях. Лицедейство царя, за которым могли последовать расправы над читателями (если речь шла о посланиях) или зрителями (если брать «перфомансы»), принято безальтернативно объяснять утонченной кровожадностью деспота. Юродивый оказывается при такой интерпретации его мнимым двойником. Провокации юродивого, в которых, как в эскападах царя, присутствовали вызовы нравам, элементы кощунства и даже магии, служили, однако, учительным целям, а не прикрывали агрессию. Они демонстрировали лишь непричастность святого сему миру и его законам, его нахождение в собственной сакральной капсуле.⁷ Если юродство и бесчинства Грозного, согласно небезупречной логике исследователей,

⁷ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–167. Ср. поправки к отдельным положениям этой статьи в кн.: Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. С. 265–287 (сер. «Studia historica»).

страдающей анахронизмом, скрывали его злобу, то бесчинства и бесчеловечность юродивых — и это уже не подлежит сомнению — скрывали их святость.

Думается, юродство царя можно объяснить, не прибегая к малодостоверным рассказам о его изощренной жестокости, скрытой актерской игрой, рассказам, которые извлекаются из записок иностранцев и поздних легенд. Речь идет не о том, чтобы «обелять» Грозного, а о возможности того, что он вполне серьезно переоблачался в рубище юродивого (который тоже всерьез относился к собственным выходкам). Если уж на то пошло, злодеяния никогда и нигде не мешали признавать злодея святым. Самоотожествление с юродивым позволяло царю, озадачивая окружающих и поражая их непредсказуемостью своих действий, утверждать самого себя и остальных в сакральности своей особы. Параллель выстраивается с помощью парадокса. Зрители, не знавшие о святости юродивого, не в силах были расшифровать знаки, в которых выражалось его показное «антиповедение» (термин Б. А. Успенского) и которые расподобляли человека не от мира сего и прочих, погрязших в мирской суете. Точно так «скоморошьи» выходки царя при взгляде со стороны кто-то мог ошибочно понять только как пролог к готовящимся репрессиям, между тем как Грозный, не отказываясь от репрессий, примерял на себя образ святого самодержца, который вот-вот примет схиму и которому будут оставлены его грехи.

Если вспомнить сопутствующие обстоятельства, наш тезис не будет выглядеть надуманным. Грозный может считаться первым русским монархом. У него не было набора проверенных временем ритуалов, пригодных для правителя новоучрежденного «священного царства», не имеющего на земле конкурентов, так что ему приходилось постоянно экспериментировать. Иван Грозный учился быть царем,⁸ и это выражение следует понимать буквально. Образцов у него было много, не только в лице татарских ханов, но также среди знакомых всякому начетчику героев древней истории и персонажей легенд (библейские цари, Александр Македонский, Индийский царь Иоанн, и др.), полезны были и противополообразы (Стефан Баторий, ставший королем «по многомятежному человечеству хотению»). Как и в случае с идеей «*translatio imperii*», включавшей в общий ряд, кроме христианских, возникавшие и исчезающие в потоке времени нечестивые царства, профессиональная неполноценность басурманских царей не была препятствием для их участия в параде образцов. Здесь действовали не только законы типологической экзегезы. Глава «священного царства» обладал иммунитетом в отношении соблазнов, какие несли в себе подобные эталоны самодержавной власти. Тем не менее, среди гетерогенных образов идеальных правителей центральными оставались те, о которых московские самодержцы знали из прошлого Византии и опиравшихся на византийские стандарты балканских стран. Оттуда некогда пришла на Русь вся церковная культура, в византийском и южнославянском наследии чаще всего искали нужные им культурные прецеденты и идеологи «священного царства» в XVI веке. Разучивая и репетируя свою роль, Иван Грозный должен был слышать, что римский император был по совместительству верховным жрецом (*pontifex maximus*). Московский царь знал и о византийском «цезаропапизме», и о святости императора, обеспечиваемой миропомазанием, и о канонизации умерших правителей. Б. А. Успенский считает, что помазание не было совершено над самим Иваном IV,⁹ одна-

⁸ Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха. Статья первая // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 61.

⁹ Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 109–113.

ко мысль о сакральности собственной персоны царь усвоил прочно и не раз к ней возвращался в полемике с оппонентами (например, с Андреем Курбским). С другой стороны, внутри московской культуры XVI века существовала, по-видимому, какая-то оппозиция признанию святым умершего правителя, не позволившая довести до конца всерьез готовившуюся канонизацию отца Грозного. У самого царя были втайне какие-то сомнения по поводу своего сакрального статуса, и он, например, сомневался, допустимо ли изображать на иконах людей, «которые живи суть».

Стоит обратить внимание еще на один аспект, связанный с эксклюзивным религиозным достоинством царя и уподоблявший в его глазах русских самодержцев византийскому императору. Имеется в виду предсмертная схима. Поскольку постриг приравнивался к крещению и подобно ему очищал человека от грехов, такая перспектива была неизменно актуальна для Грозного, озабоченного мыслью об искуплении своих беззаконий. Не этим ли объясняются вновь и вновь изобретаемые царем способы имитировать жизнь в обители, а возможно, и все его поползновения навсегда или на время покинуть престол без ясного указания причин такого решения? На пути готовившегося в иноки стояли немалые трудности: отношение к желанию перед смертью посхимиться было на Руси неоднозначное, и у постели умирающего Василия III (возможно, не приходившего в сознание) между приближенными князя разразился богословский спор о правомочности совершения обряда. Особенно осуждалась (например, митрополитом Киприаном) практика посмертного пострига — участь, которая, по версии богатого вымысла Московского летописца, ждала будто бы в конце самого Грозного царя. Кроме того, принятие схимы не допускало обратного хода в случае, если тяжело больной, даже если это был царь, неожиданно выздоравливал.¹⁰ Так или иначе, заложенная отцом Грозного традиция схимы ставила его самого в пограничное положение между земным обладателем царства и носителем ангельского образа. Символическая обособленность Грозного от жизни окружающих его мирян, выражавшаяся, во-первых, сакральностью царя как самодержца и, во-вторых, фактическим его положением послушника, существенно влияет на модальность его деяний и писаний, ассоциирующихся с поведением юродивого. Византийская политическая философия, взятая на вооружение идеологами Москвы XVI века, включая главу государства, была насквозь антиномична. Переводное «Наставление» диакона Агапита учило, что властью своей царь подобен Богу, но по физической природе равен прочим людям. Символом второй части этого постулата являлась в византийском церемониале акакия — мешочек с прахом, который носил император в напоминание о бренности всего, что есть на земле. Преображаясь в юродивого, Грозный со свойственным ему максимализмом проводил ту же мысль: самоуничижаясь, он декларировал от противного свой исключительный статус — статус священного правителя «священного царства».

Интерпретация «скоморошества» Ивана Грозного как серии конфессионально мотивированных поступков лучше согласуется с современным ему культурным контекстом, нежели распространенные в научной литературе ссылки на прикрываемые юродством нездоровые выдумки тирана. В свете предложенной интерпретации мы можем вернуться к проблематике, связанной с длившимся год царствованием Симеона Бекбулатовича. Стоит еще раз вспомнить тонкое наблюдение А. В. Белякова о том, что на ближайшее окружение Грозного разыгранный им спектакль не произвел большого впечатления. Думаем, что такая реакция была обусловлена не только тем, что значительную часть закрепленного

¹⁰ Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. С. 210–217.

за самодержцем функционала царь Иван оставил за собой, но и тем, что в его окружении имели некое представление о религиозных мотивах, побудивших царя устроить подобный маскарад. Если выбор татарского царевича был обусловлен символическим значением Казани, то показное смирение, явленное царем, должно было (пускай непрямым путем) подчеркнуть его достоинство как наследника византийского василевса. А. В. Беляков прав, протестуя против попыток историков навязать Симеону Бекбулатовичу роль шута. Если верны предшествующие рассуждения, то в игровой форме, какую придал Иванец Васильев своей знаменитой челобитной, мы увидим никак не скрытое издевательство над адресатом, а московский аналог византийской акакии. Между прочим, так называемый Московский летописец сохранил сведения еще об одной челобитной на имя «временного» царя, в которой освободивший престол «Московский князь» просил денег «на подъем» для несения службы в полках. Поздние источники, вроде этого летописца, подтверждают от противного наше мнение о религиозном содержании, какое вкладывал в эпизод с татарским царевичем его инициатор. Правда, авторы этих источников, сознательно или по неведению, отказываются вникать в предусмотренную царем переключку символов и объявляют подмену царя нечестивым поступком. Московский летописец сообщает о какой-то оппозиции, якобы противившейся замыслу Грозного передать свой престол и особенно упрекавшей царя за выбор в пользу «иноплеменника». Возмутительно было то, что этого «иноплеменника» настоящий царь пропускал первым прикладываться к образам и идти под благословение к митрополиту. Согласно Пискаревскому летописцу, ходило мнение, что Грозный, подобно змею, «искушал люди, что молва будет в людех про то».¹¹ Особенно резко высказался Иван Тимофеев, заявив, что царь затеял свой спектакль, «тако Божиими людьми играя».¹² «Играть» смертными свойственно, конечно, лукавому, поэтому важно определение обманутых нечестивым царем людей как «Божиих».

Подведем итоги. Из двух условных групп, в которые мы объединили существующие предположения по поводу мотивов, стоящих за «игрой в царя», мы не присоединяемся ни к одной группе. С одной стороны, увидев за кулисами представления религиозный смысл, мы не вправе назвать это представление минутной прихотью тирана. С другой стороны, зная о набожности Грозного, мы не рискуем спорить с тем, что субъективный фактор содействовал такого рода представлению. Взятый нами к рассмотрению эпизод прекрасно иллюстрирует значение книги А. В. Белякова для понимания всего комплекса культурных движений эпохи Ивана IV в целом и, в частности, для корректной интерпретации литературного наследия первого русского царя. Интересно и другое. Фигура Симеона Бекбулатовича теряется в тени, отбрасываемой тем, кто на целый год вознес царевича над всеми подданными «священного царства». Насколько верен действительности складывающийся у нас в перспективе ушедших столетий психологический портрет человека, до конца своих дней безропотно плывшего по течению, безучастного к бушевавшим вокруг него страстям? — На сегодняшний день мы бессильны решить эту историческую шараду. Сам автор биографии остроумно подвел итог всех разысканий на обложке, где воспроизведено изображение царевича, но на месте его лица стоит знак вопроса.

¹¹ Полн. собр. русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 226, 192.

¹² Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печати, пер., комм. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 12 (сер. «Литературные памятники»).

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-139-145

© С. И. Николаев

ЖИТИЕ МЕРКУРИЯ СМОЛЕНСКОГО: С РУССКОГО НА ПОЛЬСКИЙ И ОБРАТНО*

В первой половине XVII века в результате трех русско-польских войн Смоленск несколько раз переходил из рук в руки. В 1611 году город был захвачен армией Сигизмунда III с огромными потерями среди горожан, включая самоподрыв защитников города в Успенском соборе. Попытка отбить город не увенчалась успехом, и в 1618 году по Деулинскому перемирию Смоленск остался за Речью Посполитой. В 1634 году во время Смоленской войны русские войска под командованием Михайлы Шеина осадили город, но появилась польская армия под командованием Владислава IV, в результате русская армия была разбита. В 1654 году русская армия осадила Смоленск, и после длительной осады польский гарнизон капитулировал. Смоленск был окончательно присоединен к Московскому царству, что было юридически закреплено Андрусовским перемирием (1667), а затем подтверждено Вечным миром (1686) между Московским царством и Речью Посполитой.

Вполне ожидаемо в польской панегирической литературе того времени победы польского оружия прославлялись — этим победам было посвящено много произведений. Русские дипломаты пристально следили за этой литературой, реагировали на нее болезненно и были ею крайне недовольны. Так, основной целью русского посольства 1650 года в Варшаву было поздравить Яна Казимира с избранием на престол и добиться наказания тех, кто неправильно писал титул «великого русского государя». Глава посольства боярин Григорий Гаврилович Пушкин — сын Гаврилы Пушкина, изображенного в «Борисе Годунове», — потребовал для авторов четырех книг с «бесчестиями» смертной казни, возвращения нескольких городов и 500 000 золотых червонных.¹ Одной из книг была поэма «Владислав IV» Самуэля Твардовского, крупнейшего польского поэта XVII века. Сохранилась обширная «перечневая» выписка тех мест, которые Г. Г. Пушкин считал оскорбительными для русского государства.² Например: «Двухлетним стояньем Смоленск взят и воевода Михайло Шеин меж иными сыскан и изыман; и какое разоренье Смоленску починили, что некоторые люди со страху в огонь метались и топились в воду, и церкви и дома свои зажигали; и как, взяв Шеина с иными полонениками, отослали до Варшавы, и Потоцкий остался в Смоленску воеводою, и многие неизчетные бесчестные укоризны писаны Московского государства людем, чего и писать стыдно». Авторы, конечно, не казнили, но перечисленные листы из книг, действительно, были сожжены палачом на площади в Варшаве. Пушкин заметил также, что «в то время многие были польские и литовские люди», которые, кстати, говорили, что «лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено!». Литература теснейшим образом была связана с внешней политикой.

* Посвящаю эту статью памяти моего друга, профессора Анджея Литворни (Andrzej Litworńia; 1943–2006), с которым в 1994 году в г. Удине (Италия) мы обсуждали возможные пути изучения судьбы жития Меркурия Смоленского в польской письменности.

¹ См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 33–34.

² См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1861. Т. 3. С. 443–444.

Но самой интересной литературной схваткой за Смоленск стала история с житием св. Меркурия Смоленского, который считался небесным патроном города уже с начала XVI века. Житие дошло до нашего времени в значительном числе списков (ок. 80), которые распределяются по нескольким редакциям.³ Нас сейчас занимает так называемая Смоленская или Западнорусская редакция, сохранившаяся в 4 списках.⁴ Вот ее название: «Месяца ноемврия 24 дня. Повесть о святом и победоносном мученику Меркурию, чудотворцу смоленскому, являюще преславное чудо бывшее от иконы Пречистыя Владычицы наша Богородицы, како избави град Смоленск крепким своим заступлением и милостию, рукою угодника своего Меркурия, в нашествие безбожных агарян, и како победи царя Батгыя и освободи град Смоленск и всех живущих в нем избави, в бывшее в лето от создания мира 6746 [1238]. Исписана бо прежде сия вещь словенским языком, таже из словенска языка преложена на польский язык, а ныне же паки ис польскаго на словенский». Названия в списках отличаются, в других добавлена дата: «на славенский язык преложено в лето 7164 [1656]».

Предыстория, видимо, была такова. После захвата Смоленска (вероятно, речь может идти о 1611 году) Речь Посполитая признала св. Меркурия Смоленского небесным покровителем города, а его житие было переведено на польский язык. В 1611 году Свирская церковь стала католическим храмом, на одной стене сохранилась надпись «Святой Меркурий Смоленский, родом римлянин, патрон Смоленска». После возвращения Смоленска под власть Московского государства в 1654 году, церковь была пересвящена, и в ней продолжились православные богослужения. Соответственно, было возвращено в лоно православной церкви и житие покровителя города. Конечно, с современной точки зрения никакого практического смысла в обратном переводе не было, поскольку исходный русский текст никуда не делся, но это был очень важный символический акт для политической мифологии города.

А. И. Соболевский включил этот перевод в свою «Переводную литературу Московской Руси XIV–XVII вв.» с пометкой «Польский текст нам неизвестен».⁵ После этого никаких успехов в поисках польского перевода не было. Исследователи пытались найти подходящее объяснение, начиная от предположения, что текст был просто записан латиницей, вплоть до полного сомнения в существовании такого перевода вообще, последнее высказано относительно недавно.⁶ Между тем эти сомнения совершенно напрасны. Уже давно показано, что имеющийся перевод с польского отражает Минейную редакцию жития. А точнее всего суть дела сформулировал сто лет назад Л. Т. Белецкий: «...доказательство, что архетип Смоленской группы есть обратный перевод с польского языка, это полное отсутствие текстуальных совпадений с текстом Минейной группы. В большинстве случаев передается то же содержание и в том же порядке и одинаковые мысли, но другими оборотами речи и словами».⁷ В целом, отечественные исследователи Смоленской редакции ссылаются на отсутствие сведений о польском переводе жития. Состояние вопроса на сегодняшний день точно сформулировала Н. В. Рамазанова: «...польские переводы Повести о Меркурии Смоленском науке неизвестны. <...> Однако их существование вполне допустимо»; «И если когда-нибудь будет найден польский текст Повести о святом мученике Меркурии, можно будет уточнить, а возможно, и заново интерпретировать ее „Смоленскую“ редакцию».⁸

³ См.: Бахтина О. Н. Повесть о Меркурии Смоленском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 248–252.

⁴ См.: Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском»: Исследования и тексты. Пг., 1922. С. 12–20; Рамазанова Н. В. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. СПб., 2005. С. 82–97.

⁵ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 218.

⁶ См.: Стороженко Э. А. К вопросу о Смоленском (Западнорусском) варианте повествования о св. мч. Меркурии Смоленском // Культура как текст. М.; Смоленск, 2008. Вып. 8. С. 480–483.

⁷ Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском». С. 16.

⁸ Рамазанова Н. В. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. С. 83, 90.

Между тем польский перевод существовал, и он даже был опубликован в XVII веке под названием «*Żywot pobożnego Merkuriusza, Żołnierza i Męczennika*».⁹ В конце жития важнейшая для нашего разыскания приписка на латыни: «*Ex lingua Sclauonica manuscripta Smolenscii*», т. е. «Со славянского языка записано в Смоленске». Итак, вопрос с польским переводом решился сам собой. Но не все так просто. Во-первых, обратный перевод на русский язык был выполнен в 1656 году, а вот книга «Духовная крепость Польского Королевства» Петра Гиацинта Пруща, в которой напечатано житие св. Меркурия, вышла в 1662 году, более ранней публикации найти не удалось. И второе — опубликованное в этой книге житие по объему примерно раз в пять меньше русского перевода с польского. Можно предложить следующее объяснение. «Духовная крепость Польского Королевства» — это компилятивная книга, составленная из самых разных источников, что и указано на титульном листе, а сами источники перечислены в начале книги. Там все жития даны в сокращенном виде. Еще более краткая, но зато более ранняя публикация жития Меркурия Смоленского отыскивается в изданной на латинском языке в Вильне в 1650 году книге «Разные события, относящиеся к состоянию церкви в Великом Княжестве Литовском»,¹⁰ так как в ней напечатаны сведения о многочисленных святых покровителях Великого Княжества Литовского, а Смоленск относился к его юрисдикции. Нет сомнений, что и эта версия восходит к переводу жития Меркурия Смоленского с русского языка. Кстати сказать, и житие на латинском языке сохраняет дату подвига Меркурия не только от Рождества Христова (1236), но и от сотворения мира (6745). Согласно же русским источникам, подвиг Меркурия относится к 1239 году, а в книге Пруща указан 1246 год. Объяснить эту путаницу с датами пока не представляется возможным.

Смоленская редакция жития Меркурия Смоленского имеет одно существенное отличие от Минейной и других русских редакций. В других русских редакциях нет упоминаний о татарах. Исследователи объясняют это тем, что Московское царство видело в татарах союзников в борьбе с литовцами. По этой причине в русском житии Меркурий сражается с «печенегами», «злыми варварами», «погаными иноплеменными силами», «агарянскими внуцами».¹¹ А в версиях жития на польском и латыни и, соответственно, в Смоленской редакции, т. е. переводе с польского, Меркурий сражается только с татарами. Таким образом, получается, что «римлянин, усыновленный польским народом», приехал на эти земли и ведет с другими христианскими властителями борьбу с татарами. В польском житии никаких следов более раннего пребывания Меркурия в Смоленске нет. Очевидно, что это не просто перевод, но и существенная переацентуация хода событий.

Хотя опубликованный в 1662 году польский текст по объему значительно меньше перевода 1656 года полной польской версии жития, между ними есть близкие текстуальные сходства:¹²

...и рече ко святому: «Меркурие, гряди скоро, ...rzekł: «Sługo Boży, idź prętko, abowiem cię се Госпожа зовет тя со всяким оружием, во время Pani woła ze wszystkim przygotowaniem do брани потребным».

К нему же прибег, святыи Меркурий паде на Natychmiast poszedł z stróżem do Cerkwie N-землю с великим пролитием слез. świętszej Panny i tam obaczył świece gorające przed obrazem i oręża wojenne, a krzyżem padłszy rzewliwie się modlił.

⁹ См.: *Pruszcz P. H.* Forteca duchowna Królestwa Polskiego. Kraków, 1662. S. 75–76. Текст жития по польскому изданию 1662 года см. в Приложении.

¹⁰ См.: *Kojałowicz-Wijuk W.* Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lituaniae Ducatu pertinentium. Vilnae, 1650. P. 6–7. См. также: *Księga imion i świętych / Opr. H. Fros i F. Sowa.* Kraków, 2004. T. 4. M–P. Szp. 269–270.

¹¹ См.: *Рамазанова Н. В.* Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. С. 30–34.

¹² Русский текст цитируется по русскому переводу 1656 года с польского языка по изд.: *Рамазанова Н. В.* Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. С. 91–97.

Но и силнаго исполина победив, отсечеши главу его, яко Сама Аз есмь готова в помощь тебе. Но и о семь веждь, яко ты, утружден сый, обратиши ко граду Смоленску, и близ града кровь свою за церковь мою изливав, венец победы от Вседержителя Бога во Святой Троицы Единого приимеши.

Olbrzymowi pysznemu głowę utniesz, bo ja tobie sama będę w pomocy, a gdy zapracowanym będąc wrócisz się do miasta, koronę męczeńską, zapłatę prac twoich, od Boga w Trójcy świętej jedynego odniesiesz.

Поскольку в книге Пруца источником жития названа славянская рукопись, т. е. на церковнославянском языке, а более ранней публикации не обнаружено, то можно осторожно предположить, что полная версия перевода на польский язык в печать не пошла и осталась в рукописи. Дальнейшие поиски стоит сосредоточить на обследовании польских и литовских рукописных хранилищ, не забывая и поиски в смоленских архивах.

Итак, после возвращения Смоленска Свирская церковь была переосвящена, а житие обратно переведено на русский язык. Но и поляки с литовцами не отказались от небесного покровительства Меркурия Смоленского. Публикация жития Меркурия в 1662 году вовсе не была анахронизмом. Кстати сказать, в этой же компиляции напечатаны жития князей Бориса и Глеба и княгини Ольги, поскольку Киев тоже относился к юрисдикции Великого Княжества Литовского до 1654 года.¹³ Примечательно, что названные жития взяты не из русских источников, а извлечены из польских «Хроник» Мартина Кромера и Мацея Стрыйковского. Стрыйковский, кстати, в списке источников Пруца не упомянут, видимо, по недосмотру. В любом случае, эти «Хроники» польских историографов XVI века никак нельзя отнести к житийной литературе.

В 1717 году в виленской иезуитской коллегии была поставлена аллегорическая школьная драма в трех актах «Orator in acephalo stipite capitalis laurea linguae, sub fatali arbore redimitus, Divus Mercurius martyr, diminuto pro Christo corpore sublimatus, inter lugubres ferias exaltati a terra in arborem crucis Dei-Hominis tragice repraesentatus, a palaemonio-oratoria palaestra Academiae et Universitatis Soc. Jesu». А в 1720 году в варшавской иезуитской коллегии была поставлена школьная пьеса «Acephalus, in capite orbis natus, a septicolli urbe peregre profectus, collo praecisus sub Smolenscensem tartaricam obsidionem, D. Mercurius martyr, sub lugubres Theandricae passionis ferias ad théâtrales ignis publico funeri expositus ab illustrissima etc. oratoria facultatis iuventute Collegii Varsaviensis Soc. Jesu». Печатные программы этих представлений, посвященных Меркурию Смоленскому, сохранились и в 1916 году были подробно описаны В. И. Резановым.¹⁴

В 1737 году в Кракове была переиздана книга Петра Пруца под несколько измененным названием «Духовная крепость монархов и всего Польского Королевства», и в ней есть житие св. Меркурия.¹⁵ А в 1767 году в Кракове вышла еще одна компилятивная книга «Польша мать святых» Флориана Ярошевича, «собранная из разных авторов и сочинений, как польских, так и чужестранных», в которой жития расположены в соответствии с церковным календарем, и на 10 июля помещено житие св. Меркурия, перепечатанное из книги Пруца по изданию 1662 года, с точной ссылкой.¹⁶ Источник указан точно, но текст жития воспроизведен не вполне точно. Важное изменение читается в первом предложении жития. В книге Пруца говорится, что рыцарь Меркурий «приехал в русские земли» («przyjechał do ruskich krajów»), а в книге Ярошевича сказано, что Меркурий «приехав в Польшу, жил в ней до самой смерти»

¹³ См.: *Pruszcz P. H.* Forteca duchowna Królestwa Polskiego. S. 18–19.

¹⁴ См.: *Резанов В.* Школьные драмы польско-литовских иезуитских collegий. Нежин, 1916. С. 51–52, 124–125. Ср.: *Dramat staropolski od początków do powstania sceny narodowej: Bibliografia.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. Т. 2. Programy drukiem wydane do r. 1765. Cz. 1. Programy teatru jezuickiego / Opr. W. Korotaj, J. Szwedowska, M. Szymańska. S. 380–382.

¹⁵ См.: *Pruszcz P. H.* Forteca monarchów i całego Królestwa Polskiego duchowna... powtórnie z additamentami swemi... do druku podana. Kraków, 1737. S. 97–98.

¹⁶ См.: *Jaroszewicz F.* Matka świętych Polska. Kraków, 1767. S. 342.

(«przyjechawszy do Polski w niej się zamieszkał aż do śmierci»). Таким образом, в компилятивной книге Ярошевича закрепляется представление о том, что Меркурий был и остается польским святым, сражавшимся с татарами.

После 1858 года в Кракове вышло недатированное издание «Перечень польских святых и благословенных покровителей». ¹⁷ В 1862 и 1936 годах оно было перепечатано под названием «Перечень польских святых». ¹⁸ В этих книжечках, включающих жития 60 святых, оказалось и житие св. Меркурия, сопровождаемое его изображением. Житие здесь совсем краткое, один абзац, при этом отсутствует даже упоминание об ацефале и тем более о кефалофоре. На картинках (это одна и та же гравюра во всех трех изданиях) Меркурий изображен возносящим молитву после битвы — вокруг лежат поверженные враги, в том числе отрубленная голова татарского Богатыря. Как и в русской иконографии, в польской не было изображений Меркурия-ацефала или самого момента усекновения главы святого. Надо отметить, что в издании, опубликованном после 1858 года, Смоленск не упоминается. В этих книжках Меркурий сражается с армией Батыя, которая опустошает и разоряет Польшу.

Но самое интересное в XX веке случилось в 1920-е годы. В 1912 году в печати появилась повесть И. А. Бунина «Суходол». В повести несколько раз упоминается икона св. Меркурия (довольно нетипичная для его иконографии, поскольку святой изображен с отрубленной головой в руке) и очень кратко излагается суть его подвига. Эта повесть произвела сильнейшее впечатление на тогда еще начинающего польского поэта и прозаика Ярослава Ивашкевича. Много позже, уже будучи известным писателем, он перевел эту повесть на польский язык и считал ее шедевром русской прозы. В своем предисловии «От переводчика» Ивашкевич писал, что «Суходол» «не только формой своей предвосхищает современную американскую литературу, но и по содержанию как бы близок целому ряду „фолкнеровских“ рассказов об упадке зажиточных некогда семей». ¹⁹

Под влиянием ли Бунина или по другой причине, но в 1918 году Ивашкевич написал «Легенду о святом Меркурии Смоленском» («Legenda o świętym Merkurym Smoleńskim»), которая вошла в его небольшую книгу 1921 года «Легенды и Деметра» (всего в книжке пять произведений). ²⁰ Агиографическая стилизация Ивашкевича, выполненная ритмической прозой, несет следы влияния русского акмеизма, что отмечала Л. А. Янковская в посвященной этой легенде статье. Источник сведений Ивашкевича о житии Меркурия Смоленского неизвестен, но ко времени создания легенды житие уже несколько раз было опубликовано, в том числе в переводе на русский язык Ф. И. Буслаева, ²¹ поэтому Ивашкевич вполне мог ознакомиться с одной из публикаций, тем более что лето 1918 года он провел в Киеве.

В 1924 или 1925 году в Польшу переселился С. Ю. Кулаковский (1892–1949). Сын профессора Киевского университета, известного филолога-классика, он учился в Киеве и Петрограде, был доцентом в Москве. После переезда в Польшу он обосновался в Варшаве и погрузился в литературную жизнь польской столицы. Кулаковский писал на двух языках, читал лекции, продолжал писать о русской литературе, а также о польской литературе, в том числе современной. Много печатался на польском и русском

¹⁷ См.: *Poczet świętych i błogosławionych patronów polskich*. Kraków, [s. a.]. Издание без пагинации.

¹⁸ См.: *Poczet świętych polskich*. Kraków, 1862; *Poczet świętych polskich*. Warszawa, 1936. Издания без пагинации.

¹⁹ *Bunin I. Suchodoły / Przełożył J. Iwaszkiewicz // Twórczość*. 1968. № 8. S. 11–12. Пер. мой. — С. Н. Перевод повести напечатан на с. 12–49.

²⁰ См.: *Iwaszkiewicz J. Legenda i Demetr*. Warszawa, 1921. S. 9–17; *Jankowska L. A. Z dziejów polskich zainteresowań hagiografią bizantyńsko-słowiańską. „Słowo o świętym Merkurym Smoleńskim“ w interpretacji poetyckiej Jarosława Iwaszkiewicza // Chrześcijański Wschód a kultura polska*. Lublin, 1989. S. 261–276. Излагая историю жития Меркурия Смоленского, польская исследовательница упоминает перевод жития с польского языка на русский и отмечает, что «польский архетип Повести неизвестен» (*Ibid.* S. 266, przyp. 18).

²¹ См.: *Бахтина О. Н. Повесть о Меркурии Смоленском*. С. 251.

языках, принимал участие в I Съезде славистов. В 1929 году он издал в Берлине книгу о современных польских поэтах. А в 1926 году в приложении к издававшемуся в Варшаве «еженедельному церковно-народному иллюстрированному журналу» «Воскресное чтение» он опубликовал небольшую книжечку «Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича».²² Поразительно, как точно повторилась история с житием Меркурия Смоленского, случившаяся в середине XVII века! Однако на этот раз в обратном переводе не было ни политической, ни конфессиональной подоплеки. Кулаковского привлекла поэтическая проза Ивашкевича, в которой угадывается стилистика и языковой регистр символизма уже уходящей эпохи литературы «Молодой Польши». Вот начало этой легенды Ивашкевича в переводе Кулаковского:

«Семь труб золотых вострубило, семь лебедей серебряных возлетело, семь знамен голубых развернулось по ветру, семь черных коней вороных понеслось — только искры мечут из-под подков —

у дома, где

Меркурий, святой отрок, молится Богородице-Деве; и Архистратигу Архангелу Михаилу молится он и Пресвятой Троице, и распятому Христу.

А татарва злая залегла вокруг города черною тучей, татарва стрелы пускает и хулы; и душу, и тело ранит она, убивает скорою смертью мужей, в полон берет на вечно поругание девушек, и детей топит в крови.

Стонет земля под копытами поганых, стонут звонницы и башни — тцетно звонят, призываю молитвья, стонет Меркурий святой, упав на колени пред иконой».²³

Кулаковский справедливо отметил, что «сказание о Меркурии писано ритмической прозой, которую переводчик тоже передает; при чтении его вспоминаются пересказы житий и чудес А. М. Ремизова и М. А. Кузмина»; «ритмическая проза Ивашкевича звучит восторженно, и после нее простая речь средневекового жития бедна, невыразительна».²⁴

В своем небольшом «Послесловии» к переводу Кулаковский кратко изложил литературную историю жития Меркурия Смоленского и указал важнейшие его русские рукописи. Возможно, он воспользовался материалами исследования Л. Т. Белецкого 1922 года. Но с одним его заключением согласиться трудно. Кулаковский пишет: «Несомненно, пятая редакция памятника, т. е. обработка Я. Ивашкевича, носящая западный характер, идет от т. н. литературной (третьей) редакции».²⁵ Включать литературное переложение Ивашкевича в творческую историю жития Меркурия Смоленского нет никаких оснований. В конце своего послесловия Кулаковский упомянул о переводе жития на польский язык в XVII веке и заметил: «Только польский этот перевод остается, к сожалению, неизвестным».²⁶

Можно еще только добавить, что в 1988 году «Сказание о Меркурии Смоленском» вновь было переведено на польский язык. Перевод был выполнен известным польским русистом Р. Лужным, профессором Ягеллонского университета в Кракове и Католического университета в Люблине, и вошел в подготовленную им антологию древнерусских сказаний и легенд «Сказание о невидимом граде Китеже».²⁷

Итак, в первой половине XVII века после завоевания поляками Смоленска на польский язык было переведено житие Меркурия Смоленского, а в 1656 году вместе с отвоеванием Смоленска и житие покровителя города было возвращено назад в качестве чисто символического акта. Но и поляки не отказались от этого святого, и на протяжении четырех веков Меркурий Смоленский присутствовал в польской письмен-

²² См.: Кулаковский С. Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича. [Warszawa: Drukarnia Synodalna]; Издание «Воскресного Чтения», 1926. 16 с.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Там же. С. 3, прим., 16.

²⁵ Там же. С. 15. Под третьей редакцией С. Ю. Кулаковский имеет в виду Минейную редакцию.

²⁶ Там же. С. 16.

²⁷ См.: Opowieść o Merkuryum Smoleńskim // Opowieść o niewidzialnym grodzie Kitieju. Z legend i podań dawnej Rusi / Wybrał, przełożył i opracował R. Łuźny. Warszawa, 1988. S. 117–120.

ности и религии, поскольку поляки считали, что он был «Rodem Rzymianin, ale przzybrany syn narodu polskiego» («римлянин, усыновленный польским народом»).

В Приложении приводится текст жития Меркурия Смоленского на польском языке по изданию: *Pruszcz P. H. Forteca duchowna Królestwa Polskiego. Kraków, 1662. S. 75–76.* Текст печатается по правилам, принятым для публикации произведений XVII века на польском языке.

Поскольку публикуемый текст является сокращенной версией польского перевода XVII века с русского языка, а русский перевод XVII века полной польской версии сохранился, то настоящий текст печатается без перевода на современный русский язык.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Żywot pobożnego Merkuriusza, Żołnierza y Męczennika

Ten z Rzymu był rodzic, z pany chrześcijańskimi przyjechał do ruskich krajów. Za jego czasu Baty Tatarzyn, wielki ludu morderca, panien zakonnych gwałtownik, kościoły i klasztory wniwecz obracał i palił, który z wojskiem przyciągnawszy pod Smoleńsk, zastał tam w mieście sługę Bożego Merkurego. Ten widząc tak ciężkie udręczenie ludu chrześcijańskiego, zawsze chodził przed obraz Naświętszej Panny, Maioris nazwanej, prosząc o przyczynę do Syna swego, aby Pan Bóg raczył tak wielką plagę od ludu chrześcijańskiego oddalić. Miała jego gorąca prośba u Naświętszej Panny miejsce, abowiem ukazała się Naświętsza Panna słudze kościelnemu, mówiąc te słowa: «Idź do służby mego, Merkuriusza, żeby tu przyszedł». Do którego prętko szedłszy, rzekł: «Sługo Boży, idź prętko, abowiem cię Pani woła ze wszystkim przygotowaniem do wojny». Natychmiast poszedł z stróżem do Cerkwie Naświętszej Panny i tam obaczył świece gorające przed obrazem i oręża wojenne, a krzyżem padłszy rzewliwie się modlił. Do którego Naświętsza Panna rzekła: «Sługo mój i Syna mego, idź przeciw wojsku tatarskiemu, a będziesz jemu straszonym na miejsce Dolkost nazwane, i tam wojsko nieprzyjacielskie zetrzesz i Olbrzymowi pysznemu głowę utniesz, bo ja tobie sama będę na pomocy, a gdy zapracowanym będąc wrócisz się do miasta, koronę męczeńską, zapłatę prac twoich, od Boga w Trójcy świętej jedynego odniesiesz». Co usłyszawszy Merkury pełnił rozkazanie i z mieczem gołym i znakiem krzyża świętego wyszedł przed miejską bramę, nikomu nie widomy, wpadłszy w pułk tatarski, Olbrzymowi głowę uciął i wojsko pogańskie potłumił. A będąc spracowanym, Panu Bogu za dziwną pomoc dziękował, do którego z nieba ozwał się głos, mówiący: «Bądź stały sługo mój, o coś prosił, będziec dane». A zatym Merkury udał się ku miejskiej bramie, którego Tatarzyn dogoniwszy, ściał. A wzięwszy głowę swoją w ręce swe, do miasta szedł, która głowa mówiła i za to zwycięstwo Panu Bogu i Naświętszej Pannie i też za koronę męczeńską obiecaną dziękowała. To widząc lud wszystek Panu Bogu psalmy wyśpiewywali, a ciało męczennika na zamek do Cerkwie Naświętszej Panny zanieśli i pogrzebli po lewej stronie wrót carskich około roku 1246. Na tym miejscu, gdzie był święty, piramidę wielką wystawiono. Tarca jego jest w ucziwości w kościele Dominikańskim, in-sza broń zgorzała z miastem. *Ex lingua Sclauonica manuscripta Smolenscii.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-146-158

© А. В. Пугин, © С. А. Семячко

СЕВЕРНОРУССКИЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ В «АЛФАВИТЕ РОССИЙСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ...» СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КНИЖНИКА ИОНЫ КЕРЖЕНСКОГО*

В исследовании древнерусской агиографии большой интерес представляют старообрядческие начинания в этой области. Старообрядцы хранили память о святых Древней Руси, включали их жития в свои сборники, создавали собственные редакции и своды агиографических памятников.

Одним из таких сводов является известный сегодня в единственном списке «Алфавит российских чудотворцев и явлений богородичных икон»,¹ составленный старообрядческим книжником Ионой Керженским. Эта объемная рукопись (формат 2°, 641 лист, полуустав) датируется началом XIX века.² Имя составителя «Алфавита...» указано в обширном предисловии (л. 21–35 об.): «керженский постриженник многогрѣшный инок Иона» (л. 33). Однако, как сообщается в том же предисловии, рукопись была изготовлена другим человеком — «московскимъ жителемъ мещан<ином> Ермил<ой> Феодор<овым> пореклу Бухаринымъ» (л. 35 об.); свою работу по переписке сборника он начал в 7315 (1807) году.³

Единственная специальная статья, посвященная Ионе Керженскому и его «Алфавиту...», принадлежит А. А. Турилову.⁴ Исследователю не удалось разыскать биографические данные об Ионе. Очевидно только, что Иона был старообрядцем, связанным с керженскими скитами в нижегородском Заволжье. Известно имя керженского старообрядца Ионы Белбазского,⁵ но его деятельность приходится на первую половину XVIII века, поэтому он не мог быть автором «Алфавита...». В более ранней своей работе, где Иона упоминается только мимоходом, Турилов отождествил его с Ионой Курносим († после 1780 года) — настоятелем Комаровского скита на Керженце, писателем

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

¹ Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. № 15544. Общего заглавия рукопись не имеет. «Алфавитом...» данное сочинение принято называть по первой статье — месяцеслову (л. 1–19): «Алфавитъ по числамъ каждаго мѣсяца, начиная с сентября, всемъ российскимъ чудотворцамъ и страдалцемъ со означениемъ празднѣствъ явленіевъ богородичныхъ иконъ и тѣхъ, кои были до ввѣдения в Росію христианской вѣры, означенныхъ здесь на поле двумя запятными литерами и со означениемъ же и о всехъ святыхъ, кому из нихъ есть службы» (л. 1). Текст «Алфавита...» цитируется с сохранением буквы «ѣ» на конце слов и буквы «ѣ», все остальные устаревшие буквы заменяются современными; знаки препинания расставлены по современным правилам пунктуации. Работа с рукописью осуществлялась de visu, а также по фотографиям, сделанным для нас Т. И. Гулиной, которой выражаем свою искреннюю благодарность.

² См. описание рукописи: Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. 3. С. 166–168.

³ Нельзя исключить того, что при переписке оригинала в текст могла вноситься в том или ином объеме правка. В частности, невозможно наверняка сказать, все ли ссылки, уточнения и комментарии на полях рукописи принадлежат Ионе, или какая-то их часть добавлена переписчиком. В статье мы атрибутируем Ионе памятник целиком, включая и маргиналии, хотя вполне осознаем некоторую условность этой атрибуции.

⁴ См.: Турилов А. А. Иона Керженский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 25. С. 490–492. Он обратил внимание на то, что бумага основной части имеет белые даты «1813» и «1814», а указатели написаны особым почерком на бумаге с датой «1819».

⁵ См.: Сироткин С. В. Белбазские скиты в XVIII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 157, 162, 167–168; Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. С. 88.

и историографом.⁶ Но в статье 2011 года, опубликованной в «Православной энциклопедии», исследователь воздержался от этого отождествления. Действительно, если верны выводы В. И. Байдина, согласно которым Иона Курносый (в миру Исакий) принял постриг на Урале, до прихода на Керженец,⁷ то он не мог именовать себя «керженским постриженником». Вопрос об авторе «Алфавита...» требует дополнительных разысканий.

«Алфавит...» представляет собой сборник житий русских святых, повестей о монастырях, сказаний о чудотворных иконах и гимнографических сочинений. Иона «сбирал материалы для свода более 20 лет, делая особый упор на разыскание неизданных агиографических и гимнографических текстов (в предисловии отмечено наличие в «Алфавите...» более 60 житий и 45 служб, отсутствующих в печатных книгах)».⁸

Тексты в сборнике расположены в хронологическом порядке: «по времени каждого бытия и преставления, одинаго за другимъ, держась болѣе времени преставления и убияния» (л. 35). В предисловии обещан алфавитный перечень имен и названий, который читатель должен найти в конце рукописи, но этого указателя нет. Слово «алфавит», использованное для названия открывающего сборник месяцеслова, вероятно, понималось Ионой просто как список, перечень. Впрочем, не исключено, что этому названию придавался не буквальный, а символический смысл. Алфавит в христианской картине мира означает универсальное целое, завершённую систему — именно к такой полноте в освещении русской святости, судя по всему, и стремился Иона.

«Алфавит...» Ионы может быть поставлен в один ряд с теми старообрядческими сводами в области агиографии и агиологии, которые были созданы в XVIII веке. Таковы, в первую очередь, Выговские четии минеи, «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова и «Книга глаголемая описание о российских святых...», представляющая собой краткий перечень святых по областям с историческими справками.⁹ Во всех этих памятниках выбраны разные принципы расположения материала и перечисления святых: географический — в «Книге глаголемой...», календарный (наиболее традиционный) — в Четиих минеях, по чинам святости — в «Слове воспоминательном...». Иона Керженский придерживался, как было сказано, иного принципа — хронологического, поскольку памятник был задуман им в целях создания широкой панорамы становления и истории христианства, Церкви и святости на Руси. История русского христианства в жизнеописаниях святых и чудотворениях от икон — так может быть определен предмет «Алфавита...».

Этой теме посвящено и составленное Ионой историко-богословское предисловие к своду. Историю становления христианства он начинает с известий о проповеди апостолов, уделяя особое внимание Андрею Первозванному и его путешествию по русской земле. Фрагмент о ранних ересьях и чуждых верах открывается подробным экскурсом в историю мусульманства, что, по-видимому, связано с конфессиональной ситуацией на той территории (вероятно, в Поволжье), где жил Иона. С опорой на Повесть о новгородском белом клобуке излагается теория «Москва — Третий Рим». Главная же мысль Ионы заключается в том, что Россия в своей святости во всем подобна древним христианским центрам — Палестине, Египту, Византии и Риму. Он выстраивает целую цепочку уподоблений русских святых древним: «Тамо царь первый въ христианскихъ царехъ Константин — здѣ же князь Владимиръ Киевский; тамо царица

⁶ См.: Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 59.

⁷ См.: Байдин В. И. Кто ты, Иона Курносый // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 32–47.

⁸ Турилов А. А. Иона Керженский. С. 491.

⁹ Сбором сведений о русских святых занимался и выговский писатель Ф. П. Бабушкин (1764–1842). Им были составлены обширный месяцеслов (см.: Романова А. А. «Полный месяцеслов» Ф. П. Бабушкина // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3. С. 476–567) и каталог русских святых, который, правда, известен сегодня лишь в очень кратком варианте (см.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 17, № 28).

Елена, обрѣтшая во Иерусалимѣ честный крестъ Господень, — здѣ же княгиня Елена же киевская <т. е. княгиня Ольга. — А. П., С. С.>» (л. 26 об.) и т. д. Система подобий продолжается по чинам святости: сперва приводятся имена древних, потом русских святителей-миссионеров, благоверных правителей, иерархов, основателей монастырей, юродивых Христа ради, мучеников. По такому же принципу, но не столь подробно перечисляются и чудотворные иконы. Примечательно, что события церковного раскола XVII века и петровских реформ не получили освещения в предисловии. Иона ограничивается только историей Святой Руси — Третьего Рима — до его падения. По утверждению автора, при Втором Пришествии «останокъ живыхъ истинныхъ христіанъ» Христос обретет «от сея России, а не от другой какой страны» (л. 30). Такая оптимистическая историософская концепция Ионы свидетельствует о том, что он принадлежал к старообрядцам-поповцам, беспоповская эсхатология не нашла в его сочинении отражения.

Иона перечисляет также многочисленные источники, которыми он пользовался и из которых заимствовал сведения и сами тексты: месяцесловы, иконописные подлинники, Степенная книга, Пролог, Киево-Печерский патерик, печатные и «древле-рукописные» минеи (четии и служебные), в том числе «Книга житий святыхъ» Димитрия Ростовского, «Церковная история» Цезаря Барония, «Зерцало российских государей» (СПб., 1789) и многие другие.

«Алфавит...» включает десятки русских агиографических текстов, как известных, так и редких. Причем приводятся они в новых, вероятно, составленных самим Ионой кратких редакциях. Комплексное исследование этого свода еще предстоит выполнить в будущем. В настоящей статье мы ограничиваемся анализом отдельных памятников севернорусской — поморско-обонежской и вологодской — агиографии. Основная ее цель заключается в том, чтобы показать некоторые приемы работы агиографа с источниками и проанализировать литературные особенности его редакций. Позднее происхождение этих редакций не лишает их научного значения в изучении литературной истории памятников, поскольку «текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника».¹⁰

Житие Александра Свирского (в «Алфавите...» — на л. 401 об. — 407 об.), основателя Троицкого монастыря недалеко от реки Свирь, Иона разыскал «во особенной книжке древняго рукописнаго писма, у христіолюбивыхъ людей обрѣтающейся» (л. 407 об.), содержащей полный текст памятника в его ранней редакции.¹¹

Начальную часть Жития — рассказа о детстве Александра (в крещении Амоса), о его взаимоотношениях с родителями, о пострижении в Валаамском монастыре — Иона пересказал предельно кратко, но при этом оставил даты, имена и другие фактические детали. Более подробное повествование начинается с основания Александром Троицкого Свирского монастыря. Иона сохранил сведения о приходе в пустынь к Александру боярина Андрея Завалишина, которому путь к святому указал олень, родного брата Александра Иоанна и старца Никифора. В древнерусском Житии каждому из этих первых насельников монастыря посвящена отдельная глава. Иона сократил эти главы до небольших эпизодов, но при этом бережно сохранил фактографию. Подробно, практически без сокращений, изложены центральные эпизоды Жития —

¹⁰ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 27 (курсив наш. — А. П., С. С.).

¹¹ Рукописную традицию Жития Александра Свирского в последние годы изучает А. Е. Соболева. К редакции Ионы Керженского она обратилась в статье, посвященной рассмотрению по разным спискам только одного эпизода Жития — о явлении святому Троицы. По ее наблюдениям, Иона взял за основу Минейную редакцию Жития, составленную в XVI веке Иродионом (Кочневым), и рассказ о Троице сохранил «почти полностью» (Соболева А. Е. «Якоже второй Авраамъ»: как рассказывали о явлении Пресвятой Троицы прп. Александру Свирскому книжники XVI–XIX вв. // *Hermeneumata* — 70. Сб. науч. статей к 70-летию А. М. Камчатнова (в печати)).

явления святому Живоначальной Троицы в 1508 году, а затем ангела в монашеском одеянии, повелевшего построить церковь. Большое внимание в своем пересказе Иона уделит и рассказу духовного сына Александра Даниила о видении Александра Свирского в раю в 1525 году. Этот текст, важный для укрепления культа св. Александра, также составляет в древнерусском Житии самостоятельную главу, которая иногда в сборниках встречается отдельно от Жития — ее Иона воспроизвел почти без сокращений. Интерес старообрядческого книжника к этому эпизоду объясняется, возможно, и тем, что тексты «малой эсхатологии», видениярая и ада были очень популярны в старообрядческой книжности и нередко использовались в полемических целях.¹² По смертные чудеса Александра Свирского в редакции Ионы полностью опущены.

Важной особенностью работы Ионы как агиографа и агиолога является его стремление найти в источниках и сообщить информацию о тех учениках святого, которые сами были удостоены прославления. Не стал исключением и пересказ Жития Александра Свирского, в заключительной части которого Иона упомянул учеников святого со ссылкой на «древлеписменный месяцеслов» — Макария Оредежского, а также Игнатия, Леонида, Дионисия, Феодора, Ферапонта и Корнилия, погребенных рядом с родителями святого Сергием и Варварой. Еще об одном ученике святого — Афанасии, который был очевидцем (сотаинником) явления Александру Свирскому Богородицы — сообщается на поле: «в писменных месяцесловах сей Афанасий почитается во святыхъ» (л. 406 об.). В этом перечне учеников примечательно их малое количество — ведь по утверждению архимандрита Никодима (Кононова) Александр Свирский «воспитал целый сонм угодников Божиих» (Адриана Андрусовского, Геннадия и Никифора Важеозерских, Афанасия Сяндебского, Иону Яшезерского и многих других основателей севернорусских монастырей).¹³ Адриану Андрусовскому («Олонецкому») в «Алфавите...» посвящена краткая память, но учеником Александра Свирского он не назван. Как не назван «Сяндебским» и сотаинник Александра Свирского Афанасий, запись о котором как о святом Иона все же нашел в каком-то месяцеслове. Некоторые преподобные были осмыслены как ученики Александра Свирского в последующие десятилетия XIX века,¹⁴ уже после составления «Алфавита...» — Иона Керженский зафиксировал начальный этап формирования «свирской школы» святости.¹⁵

Гораздо более полно в «Алфавите...» представлен соловецкий собор святых. Главным источником Жития Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Ионы (л. 300–311) послужил поздний вариант этого агиографического памятника, в котором текст разделен на 73 главы («...во особенномъ ихъ житии древлеписменномъ в седмидесяти трехъ главахъ», л. 303). По-видимому, Иона взял за основу список III варианта III Краткой редакции, по классификации С. В. Минеевой, с полным описанием чудес (текст в этих списках разбит обычно на 72–74 главы). Данная редакция была широко распространена в рукописной традиции XVII–XVIII веков и переписывалась в отдельных («монографических») сборниках, содержащих Службы, Житие и чудеса Зосимы и Савватия.¹⁶ После краткого изложения «биографической» части Жития (сперва

¹² См.: *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 206–237.

¹³ *Никодим (Кононов), архим.* Олонецкий патерик. Петрозаводск, 1910. С. 54.

¹⁴ *Karvonen I.* Pyhän Aleksanteri Syväriläisen koulukunta — 1500-luvun luostarihistoriaa vai 1800-luvun venäläiskansallista tulkintta? Joensuu, 2013. S. 173.

¹⁵ В Святцах Ф. П. Бабушкина, которые также составлялись на рубеже XVIII–XIX веков, список учеников Александра Свирского имеет некоторые отличия от «Алфавита...» (среди учеников не указан Макарий Оредежский, но зато к ним причислены Геннадий и Никифор Заднекифоровской пустыни), но и он весьма невелик (см.: *Романова А. А.* «Полный месяцеслов» Ф. П. Бабушкина. С. 476–567).

¹⁶ *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 1. С. 228–231, 302–305. Список Жития в сборнике Ионы Керженского Минеева не привлекает. Этот же вариант текста Жития был использован при составлении соловецкого агиографического сборника «Сад спасения» (см.: *Панченко О. В.* Книга «Сад спасения» — соловецкий агиографический свод переходной эпохи: история текста // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2022. Т. 69. С. 294–367).

о Савватии, затем о Зосиме) Иона выборочно привел переложения 14 посмертных чудес святых, в которых представлены разные проявления их чудотворной силы (исцеления недужных, спасение на море, явления Зосимы, исходящего из своей гробницы, и т. д.).

Далее следует перечень учеников святых и прославленных насельников монастыря с изложением кратких сведений о них. Список открывається именем Германа Соловецкого, повествование о котором Иона составил на основе Жития Зосимы и Савватия, «Повести о блаженном старце Германе, спостнице преподобным отцем Зосиме и Саватию»¹⁷ и «древлеписменных» месяцесловов. После Германа Соловецкого под порядковыми номерами даны известия о митрополите Филиппе, игуменах Иакове и Иринархе, Диодоре Юрьегорском, пустынножителе Андрее Труднике, Елеазаре Анзерском, первом соловецком архимандрите Илии, юродивых Иоанне, Гурии и Иоанне Похабном (л. 308 об. — 310 об.) — весь этот текст, в той же последовательности имен, был заимствован с некоторыми сокращениями из «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова.¹⁸

Панегирик Диодору Юрьегорскому, очень краткий в «Истории...», Иона дополнил выпиской об этом святом из «Слова воспоминательного о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова¹⁹ («Бысть же сей Диодоръ претеплый пустынныхъ отецъ питателный поствъщатель, такоже и жития ихъ и безмолвия ревнитель. И елико на бѣсы крѣпкий ратникъ, раны от нихъ на тѣлѣ приемля, не изнемогаше, но присно молитвенными стрѣлами на супостаты стрѣляя...» и т. д., л. 309). Это сочинение — Иона называет его «Похвальным словом всем русским чудотворцам» — было известно ему по одному из двух старообрядческих изданий (Супрасль, 1786; Гродно, 1786), где оно было напечатано вместе со Службой всем российским чудотворцам инока Спасо-Евфимиева суздальского монастыря Григория.²⁰ «Слово воспоминательное о святых чудотворцах...» использовано Ионой и в других статьях «Алфавита...».

В число почитаемых подвижников Соловецкого монастыря Иона включил и иноков, во главе с архимандритом Никанором, погибших за Старую веру в ходе Соловецкого восстания 1667–1676 годов. Небольшой текст об этих святых составлен Ионой также на основе «Истории...» Семена Денисова, но с одним существенным отличием. Датой захвата монастыря правительственными войсками Иона, в полном соответствии с исторической действительностью,²¹ назвал 22 января 1676 года, а не 29 января, как у Семена Денисова. 29 января умер царь Алексей Михайлович — и перенос даты захвата обители на этот день объясняется тем, что выговскому писателю «хотелось одновременностью этих событий усилить мысль о том, что смерть царя — это не что иное, как Божья кара за расправу над Соловецким монастырем».²² При этом Иона, не вполне удачно, попытался совместить две даты: «...и другая иноки и священноиноки, пострадавшая за истинную православную христианскую вѣру въ скончаемая времена, из нихъ по избииени генваря въ 22 день до пятисотъ святыхъ тѣлеса лежали на лду при брезѣ окияна моря и повешеныя, от 29 генваря почти до самага Петрова дни пребывали ничемъ невредимы» (л. 310 об.). Однако в месяцеслове, которым открывается

¹⁷ Об этом памятнике см.: Дмитриева Р. П. Житие Германа Соловецкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. А–К. С. 252–254.

¹⁸ См.: Денисов С. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подг. Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко. М., 2002. С. 38–42.

¹⁹ О памятнике см.: Юхименко Е. М. «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2010. Т. 61. С. 329–344.

²⁰ Об этих изданиях см.: Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996. С. 119–121. О том, что Иона знал Слово Семена Денисова по одному из этих изданий, свидетельствует его указание на обнаружение Слова «в Суздальскомъ Евфимиевомъ монастырѣ» (л. 31 об., 337 и др.) — так, вероятно, он понял сообщение в главици открывающей издание Службы о ее написании «во обители Евфимия Суждалскаго».

²¹ См.: Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 77–79.

²² Денисов С. История об отцах и страдальцах соловецких. С. 213.

«Алфавит...», Иона отдал предпочтение более ранней дате, записав память соловлян, погибших за Старую веру, под 22 января: «Месяц генварь. <...> 22 числа. <...> И пострадавший за истинную Христову вѣру соловецкия трудники, Никоноръ <sic!> архимандритъ и с нимъ в то же время утоплѣнныя в море и разнообразно умученныя болѣе пятисотъ» (л. 7–7 об.). Дату 22 января Иона мог найти в Соловецком летописце²³ — этот памятник он использовал в своей работе; в частности, он ссылается на него в краткой справке о соловецком игумене Антонии (л. 311).

В число соловецких подвижников Иона включил также Онуфрия Соловецкого, Стефана Трудника соловецкого на Осинках, Корнилия и Авраамия Палеостровских и Лонгина, Германа и Боголепа Кожеозерских. Включение в сонм соловецких угодников Божиих святых Палеостровского на Онежском озере и Кожеозерского в северном Поонежье монастырей едва ли не уникально. В месяцеслове Ионы Корнилий Палеостровский указан под 23 августа и прямо назван «Соловецким» (л. 19), Герман Кожеозерский — под 8 августа среди учеников Зосимы Соловецкого (л. 18), Боголеп и Лонгин — под 12 августа вместе с соловецким юродивым Гурием (л. 18 об.).

Если кожеозерские подвижники упомянуты в таком контексте явно по недоразумению,²⁴ то осмысление Корнилия Палеостровского как соловецкого святого, вероятно, имело свою логику. Скорее всего, оно стало результатом буквально понятого пророчества соловецкого юродивого Гурия черному дьякону Игнатию, которое приводится в «Истории...» Семена Денисова: «Игнатие, изыди от монастыря сего (Соловецкого. — А. П., С. С.), ибо свой монастырь (Палеостровский. — А. П., С. С.), равный, собереши».²⁵ Это предсказание знаменитой палеостровской «гари» 1687 года, организованной дьяконом Игнатием, Иона изложил следующим образом: «Гурий блаженный инокъ <...> страдалцу Игнатию иеродиякону о создании Пальгостровскаго монастыря прорече, еже и збытсѣся» (л. 310). Если Игнатий Соловецкий является «создателем», пусть и иносказательно, Палеостровского монастыря, то и святые «начальники» этой обители Корнилий и его ученик Авраамий могут по праву именоваться «соловецкими». Иона, вероятно, знал о том, что Корнилий и Авраамий жили задолго до дьякона Игнатия, однако хронологический принцип в данном случае не так важен. В символической картине мира история может повернуться вспять: более поздние события наделяют новым смыслом события более ранние.

Важно подчеркнуть, что весь рассмотренный круг известий о соловецких святых, включая краткие редакции Жития Зосимы и Савватия, составляет в «Алфавите...» единый текст, который можно считать опытом создания краткого варианта Соловецкого патерика.

Житие Александра Ошевенского в редакции Ионы (л. 332–337 об.) интересно, прежде всего, выбором посмертного чуда святого. Основой для новой редакции Жития, вошедшей в состав «Алфавита...», послужила Основная редакция (первой половины XVII века) памятника,²⁶ текст которой был сильно сокращен. Иногда Иона приводил дословные выписки из текста, но чаще старался кратко пересказывать его, сохраняя все значимые эпизоды источника. Наиболее подробно изложены история рождения святого, его предсмертное завещание к братии и пророчество об ожидающих монастырь испытаниях после его смерти, видение поселянином Марком Николы Угодника, Кирилла Белозерского, Александра Ошевенского и будущего игумена Максима.

²³ Летописец Соловецкий // Отдел редких книг Национальной библиотеки Республики Карелия. Инв. № 45614р. Л. 19 (список конца XVIII века) («...Соловецкой монастырь взять взятиемъ во 184-м году генваря 22 дня; мятежники соловецкие порублены и казнены смертию...»).

²⁴ См. о них: *Полтаева Е. А.* Лонгин, Герман и Боголеп Кожеозерские // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41. С. 428–429.

²⁵ *Денисов С.* История об отцах и страдальцах соловецких. С. 41.

²⁶ О редакции Жития Александра Ошевенского см.: *Пигин А. В.* Краткие редакции Жития Александра Ошевенского // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации: Сб. статей к 70-летию Александра Гавриловича Мельника. М., 2022. С. 145–172 (здесь же см. текст Жития в редакции Ионы Керженского); *Пигин А. В., Юхименко Е. М.* Преподобный Александр Ошевенский: Житие, похвальные слова, молитвы: Исследования и тексты. СПб., 2023.

Уделено внимание и последующей судьбе монастыря — строительству Успенской и новой Никольской церковью, написанию образа Александра Ошевенского иконописцем Симеоном.

Из многих посмертных чудес Иона выбрал только одно — чудо о немом Стефане, у которого после молитв Николу Угоднику и Александру Ошевенскому вырос отрезанный разбойниками язык. Это чудо как пример совместного чудотворения двух святых выделяли и авторы Похвального слова Александру Ошевенскому (начало: «Времени светлующуюся...», XVII век) и церковной Службы. Старообрядческого писателя Иону Керженского этот эпизод мог заинтересовать благодаря вероятным ассоциациям с историей отсечения языка у «соузников» протопопа Аввакума по пустоозерской ссылке попа Лазаря, старца Епифания и дьякона Федора. У всех троих, как и у персонажа Жития Александра Ошевенского, язык вырос вновь, только был, как писал Аввакум, «маленько тупенек».²⁷

В заключительной части упоминаются Служба святому и «Похвальное слово всем русским чудотворцам» («Слово воспоминательное...» Семена Денисова), из которого сделана выписка об Александре Ошевенском: «Добродѣтелями, яко ясны златыми, и преподобными подвигами, яко камениемъ многоцѣннымъ, душу свою обложивъ, украси» и т. д. (л. 337–337 об.). Заканчивается редакция Ионы описанием внешнего облика Александра Ошевенского, заимствованным из «древлеписменных месяцесловов» (из иконописного подлинника).

Достаточно полно в «Алфавите...» представлены памятники вологодской агиографической традиции, которые в древнерусской книжности были тесно связаны друг с другом. Это действительно традиция, а не случайный набор текстов, объединенных тем, что их герои подвизаются неподалеку друг от друга.²⁸ Одно вологодское житие может служить другому литературной моделью, быть источником обширных заимствований, или несколько житий могут быть ориентированы на один и тот же образец. Кроме того, в ряде вологодских агиографических памятников может идти речь о нескольких подвижниках, связанных друг с другом сложными личными отношениями. Иона, включивший в свой «Алфавит...» немалое количество житий вологодских святых, оказался внутри этого запутанного клубка источников, поэтому его работа с вологодским агиографическим материалом интересна в первую очередь именно с источниковедческой стороны.

Основной прием работы Ионы с вологодскими житиями — радикальное сокращение текста. Этого автор добивается, не удаляя отдельные эпизоды, а последовательно пересказывая текст. Посмертные чудеса святого он пересказывает в том случае, если их мало; обычно же он их просто называет или указывает на их множество. Чудеса прижизненные, которых, как правило, бывает немного, Иона в основном бережно сохраняет, лишь несколько редуцируя их текст. Исключение Ионой прижизненного чуда святого является, с нашей точки зрения, значимым и требует своего объяснения.

Одно из таких исключений имеет место в тексте Жития Димитрия Прилуцкого. При работе над этим Житием (л. 247–250 об.) источником Ионе послужила Макарьевская или Минейная редакция памятника (скорее всего, вторая, в силу ее большей распространенности).²⁹ Эти две редакции отличаются от редакций более ранних, в частности, наличием рассказов о чудесах, совершенных святым при его жизни в Спасо-Прилуцком монастыре. Один из таких рассказов — о гибели родного брата Ди-

²⁷ Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой / Изд. подг. Н. В. Поньрко. СПб., 1994. С. 48–49 (ср. также в Житии инока Епифания: С. 97–98).

²⁸ Подробно об этом см.: Семячко С. А. Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. [Т. 1]. С. 122–142.

²⁹ Иона сам ссылается на «древлеписменное» Житие Димитрия Прилуцкого «творения Макария, игумена обители его». Указание на авторство Макария в заголовке Жития сохранили и Макарьевская, и Минейная редакции этого текста. Их текст см.: Преподобный Димитрий Прилуцкий: Житие и Служба / Изд. подг. С. А. Семячко и Ф. В. Панченко. Вологда, 2018. С. 123–182.

митрия. Иона по каким-то соображениям, о которых можно только догадываться, не включает его в свой текст.

По версии как Макарьевской, так и Минейной редакций Жития, брат преподобного был купцом (что неудивительно, поскольку Димитрий происходил из купеческого рода), причем не слишком удачливым. Чтобы поправить свое положение, он решил отправиться торговать в землю язычников и пришел к своему брату за благословением. Димитрий дважды благословлял брата на торговлю в чужих землях (и эти поездки были весьма удачны), а на третий раз отказал. Брат, отправившийся в поездку без благословения, сгинул там без вести. Эта история трактуется в Житии как чудо: Димитрий предвидел смерть своего брата и потому не дал благословения. Однако в большей степени акцент делается на желании брата-купца иметь лишнее («Всегда же насыти суть очи челоувѣчстии и беруще имѣние!»³⁰). С точки зрения старообрядца XIX века (не стоит забывать, что едва ли не большинство русских купцов прилежали к Старой вере), стремление больше заработать не являлось грехом, прибыль не могла трактоваться как «лишнее».

В тексте Ионы нашли отражение и посмертные чудеса преподобного Димитрия: о корчете, о вятчанах, о нашествии на Вологду князя Димитрия Юрьевича, о помощи Димитрия Прилуцкого во время первого казанского похода, о болящем Поликарпе. Чудо о корчете датировано 6917-м (1409) годом. Эта дата и указание на тот факт, что болезнь случилась «во областях владимерьскихъ, юрьевъскихъ, дмитровскихъ, можайскихъ, ржевскихъ, рязанскихъ, торускихъ и въ московскихъ, даже до Вологды» (л. 249 об.), были взяты Ионой из Степенной книги, ссылку на которую он оставил на левом поле того же листа: «Степенная книга, 1 часть, лист 569».

Иона знает и про установление празднования Сретению образа Димитрия Прилуцкого, при этом он ссылается (на левом поле л. 250 об.) на «Печатной месяцесловъ при патриархѣ Иосифѣ в лѣто 7153». Таким образом он распределяет источники: основные указывает в конце текста, дополнительные — на полях рукописи, напротив соответствующей информации.

Главным источником «Повѣсти о Каменном монастырѣ и о труждающихся въ немъ первоначалникахъ» (л. 205 об. — 208 об.) стало Сказание о Спасо-Каменном монастыре, известное в рукописях с третьей четверти XVI века.³¹ Текст Ионы представляет собой вполне точный и довольно краткий пересказ Сказания. Важно отметить, что наибольшей редукции подверглись главы, повествующие о подвижниках (Дионисии Глушицком, Александре Куштском и Иоасафе Каменском), жития которых Иона помещает далее в своем сборнике, используя при этом в качестве одного из источников Сказание о Спасо-Каменном монастыре. Иона оставляет в тексте Повести лишь указания на факты, связывающие этих святых с обителью, делая при этом в каждом случае отсылку к полному тексту Жития преподобного, помещенного далее в «Алфавите...», а в каждом из этих житий он ссылается на находящуюся впереди Повесть.

В целом, система ссылок Ионы заслуживает внимания. В конце текста он обычно перечисляет свои источники или, как в «Повѣсти о Каменном монастырѣ», указывает единственный источник: «Сия повѣсть о Каменномъ монастырѣ составлена от многихъ книгъ, послѣ бывшаго в немъ пожару собранныхъ старцомъ Паисиемъ, и приобщена къ Житию святаго князя Иоасафа Каменскаго, и обрѣтается въ древлеписменной книгѣ, с которой здесь и внесено» (л. 208). В этой записи почти полностью воспроизведено самоназвание Сказания о Спасо-Каменном монастыре,³² которое действительно в рукописях, как правило, соседствует с Житием Иоасафа Каменского. Но помимо помещенной в конце текста ссылки на Сказание, на полях в четырех случаях

³⁰ Там же. С. 130; см. также: С. 160.

³¹ Перечень и датировку списков Сказания о Спасо-Каменном монастыре, историю его текста, а также сам текст см.: *Семлячко С. А.* Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь в памятниках средневековой русской письменности. Вологда, 2021.

³² Ср.: «Сказание известно о Каменском монастыре и о первоначалникахъ Каменскаго монастыря, от приспоамятнаго старца Паисѣя святаго Ярославова, той собра от многихъ книгъ после пожара Каменскаго монастыря» (Там же. С. 27).

имеются дополнительные ссылки: напротив известия под 6926 (1418) годом о поставлении игумена Дионисия епископом в Ростов — «Лѣтописец печатной в Москвѣ 1784 года да з древлеписменнаго» (л. 206 об.); напротив сообщения о преставлении игумена Дионисия в 6931 (1423) году — «В томъ же печатном лѣтопис<цѣ>» (л. 207); напротив упоминания об изгнании великого князя Василия Васильевича Дмитрием Шемякой — «Во означенномъ же печатномъ летописцѣ, лист 255» (л. 207 об.); напротив сообщения о пожаре в Спасо-Каменном монастыре — «В вышепомянутом же печатном московском лѣтописцѣ, лист 286» (л. 208). Упоминаемый на полях печатный летописец — это не что иное, как «Летописец, содержащий российскую историю от 6714/1206 лета до 7042/1534 лета, то есть до царствования царя Иоанна Васильевича, который служит продолжением Несторову летописцу» (М., 1784), представляющий собой издание Типографской летописи по списку ГИМ. Синодальное собр. № 789. Таким образом, в конце текста оказываются «древлеписменные» источники, освященные традицией, лучшие в основу текста Ионы, а на полях — книга гражданской печати, в которой Иона отмечает параллели, как бы удостоверяя истинность изложенного в тексте.³³

Если в средневековой традиции Сказание о Спасо-Каменном монастыре, как правило, соседствует в рукописях с Житием Иоасафа Каменского, то Иона нарочито разводит эти тексты. Вполне возможно потому, что между ними обнаруживаются определенные противоречия, которые Иона никак не комментирует.

Об Иоасафе Каменском рассказывают два памятника средневековой традиции — Житие преподобного Иоасафа и Сказание о Спасо-Каменном монастыре, — несколько противоречащие друг другу, особенно в части описания жизни князя Андрея (будущего Иоасафа) до его пострижения.³⁴ Иона, прекрасно знавший оба эти текста, для своей редакции Жития Иоасафа Каменского (л. 295–298 об.) выбирает в качестве основной версию средневекового Жития, кстати, в большей степени соответствующую реальному положению вещей: князь Андрей постригается после смерти своей жены, с которой он прожил всего лишь год после свадьбы. И в целом, Иона добросовестно пересказывает Житие Иоасафа и лишь ближе к концу текста помещает сообщение о пожаре в Спасо-Каменном монастыре и указывает его дату, извлеченную из Сказания о Спасо-Каменном монастыре. При этом создается впечатление, что сам Иона посещал обитель на Каменном острове: посреди рассказов, взятых из Сказания, обнаруживается фраза («А образы его, святаго Иоасафа, издавна написанныя, стояли единъ на налои, и другий на гробницѣ с тѣмъ крестомъ с мощи святаго», л. 298), источником которой были, как кажется, личные впечатления.

Описание внешности Иоасафа Каменского Иона приводит, опираясь на «древлеписменные месяцесловы»: «Младъ, в комилавкѣ черной, кудерцы видны ис-под комилавки; ризы преподобническия. Нѣцны же пишутъ: схима на плѣчахъ, в руцѣ свитоць, а в немъ написано: „Владыко Иисусе Царю, призри с высоты небесныя“» (л. 258–258 об.). Описание соответствует записям иконописных подлинников.³⁵ Соединение иконописного подлинника с месяцесловом вполне естественно, поэтому перенесение наименования «месяцеслов» на весь сборник не вызывает удивления.

В конце текста Иона делает дополнение: «А в похвалномъ слове всѣмъ русским чудотворцамъ, найденномъ въ Суздальскомъ Евфимиевомъ монастыре, на оборотъ четьредьсять втораго листа сказано сими словами: „Иоасафъ Каменский, княжения высоту иноческими одеждами изъмѣнивый“» (л. 298 об.). Как и в случаях с Диодором Юрьегорским и Александром Ошевенским, он обращается здесь к старообрядческому

³³ По окончании Жития Иоасафа Каменского на свободной части листа 298 об. помещен еще один рассказ о Спасо-Каменном монастыре, записанный другим почерком, в целом также опирающийся на Сказание о Спасо-Каменном монастыре.

³⁴ Подробно см. об этом: Семячко С. А. Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь... С. 194–195.

³⁵ См.: Маркелов Г. В. Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прориси и переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 2. Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII–XIX веков. С. 129, № 235.

изданию 1786 года «Слова воспоминательного о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова.³⁶

Обычно Иона не комментирует записываемый им текст. Поэтому привлекает внимание его замечание на правом поле л. 297 напротив фразы «И повелѣ нѣкимъ от брати начати свое правило»: «Какое, неизвѣстно». Судя по всему, Иона был внимателен по отношению к уставным вопросам и неясность в тексте его смущала.

Источники составленного Ионой Жития Дионисия Глушицкого (л. 269–274а) указаны в конце текста: «древлеписменное» Житие, Сказание о Спасо-Каменном монастыре, печатный Пролог и Служба Дионисию, читающаяся в месячной Минее. «Древлеписменным» Житием была одна из ранних редакций Жития Дионисия Глушицкого — Основная или Минейная. Самым главным различием между ними являются «риторические» части Жития, вступление и заключительная похвала, однако Иона Керженский практически избавляет свои тексты от риторики, лишая их вступления и предельно минимизируя похвалу. Другим ориентиром при определении основного источника может быть порядок повествования и датировка отдельных событий, о которых идет речь.³⁷ Иона выстраивает свой текст в строгой хронологической последовательности, при этом указывая даты: 6901-й (1393) год (освящение церкви святителя Николая в Святой Лучице), 6908-й (1400) год (обращение за помощью к князю Димитрию Заозерскому), 6910-й (1402) год (обращение к ростовскому епископу Григорию за благословением на основание Покровского Глушицкого монастыря), 6911-й (1403) год (создание «малой» Покровской церкви в монастыре), 6920-й (1412) год (строительство «велией» церкви), 6927-й (1419) год (посещение в Ростове архиепископа Дионисия и получение от него иконы Богоматери с Младенцем), 6928-й (1420) год (основание Сосновецкого Предтеченского монастыря), 6935-й (1427) год (приход к Дионисию пермского игумена Тарасия), 6945-й (1437) год (кончина преподобного Дионисия). Все эпизоды, местоположение которых было бы значимым для определения источника (конфликт с Павлом Обнорским, приход к Дионисию Григория Лопота и основание последним Пельшемского монастыря), Иона в свой текст не включает. И дело в данном случае вовсе не в местоположении указанных эпизодов в тексте ранних редакций Жития Дионисия Глушицкого, а в том, что Иона создает свои версии этих житий, собирая в них всю доступную ему информацию, в том числе и из Жития Дионисия Глушицкого. Не вставляет Иона в свой текст Жития преподобного Дионисия и подробности появления в Глушицком монастыре его ученика Амфилохия, поскольку главу об Амфилохии, присутствующую в тексте как Основной, так и Минейной редакции, он использует при создании самостоятельного жития Амфилохия. Обращение к этому Житию, о котором речь пойдет далее, позволяет, по крайней мере, исключить из числа возможных источников Ионы одну из разновидностей текста Основной редакции Жития Дионисия Глушицкого, в которой приход Амфилохия в Покровский Глушицкий монастырь датирован 6935-м (1427) (список РНБ. Софийское собр. № 1491 и др.), а не 6925-м (1417), как в прочих, годом.³⁸

Остаются лишь очень ненадежные косвенные свидетельства в пользу Основной редакции Жития Дионисия Глушицкого как главного источника для Ионы Керженского, говорящие не о том, что есть в тексте Ионы, а о том, чего в нем нет. Во-первых, Иона никак не касается роли ученика Дионисия Глушицкого Макария в документировании жизни своего наставника, в то время как две главы Минейной редакции Жития преподобного Дионисия маркированы в надписаниях пометой: «А писалъ Макарей,

³⁶ В отличие от извлечений о Диодоре Юрьегорском и Александре Ошевенском, Иона указал здесь лист, на котором находится цитата из «Слова воспоминательного...». Это указание позволяет установить, что в данном случае он пользовался супрасльским изданием.

³⁷ Сравнительную таблицу датировки событий в Основной и Минейной редакциях Жития см.: Семячко С. А. Житие Дионисия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 84–85.

³⁸ Там же. С. 85.

ученик Дионисиевъ». ³⁹ Во-вторых, ссылаясь на Службу Дионисия Глушицкого, Иона указывает, что взял ее из Минеи месячной. Стоило ожидать, что при опоре на текст Минеинной редакции Иона указал бы на ее нахождение в составе Четвѣй минеи на июнь, в составе которой эта редакция, по преимуществу, и бытовала. В-третьих, Основная редакция была более широко распространена, нежели Минеинная. ⁴⁰

Что касается Службы, то в служебные минеи попала полиелейная Служба преподобному Дионисию, представленная абсолютным большинством списков. ⁴¹ Впрочем, вопрос, какая именно Служба была в распоряжении Ионы Керженского, не имеет никакого значения: в службах преподобному Димитрию нет таких сведений, какие не содержались бы в Житии. Точно так же и указанный Ионией в качестве одного из источников текст Жития Дионисия Глушицкого из печатного Пролога (а в состав печатного Пролога это Житие попало начиная с издания 1643 года) не содержит никакой информации, которой не было бы в полных редакциях Жития. ⁴² Фактически, Иона называет Службу Дионисию и его Житие из печатного Пролога исключительно для придания большей авторитетности своей источниковой базе. Указание на тот факт, что внешность преподобного Дионисия «в Житии и въ Прологу описуется», не имеет особого значения, поскольку в Пролог портрет Дионисия попал из ранней редакции Жития (Основной или Минеинной), легшей в основание проложного текста.

Единственным дополнительным источником к «древлеписменному» Житию для Ионы стало Сказание о Спасо-Каменном монастыре, откуда он почерпнул сведения о происхождении преподобного и историю его пострижения. При этом Иона, безусловно, не задается вопросом о достоверности этих сведений. ⁴³ Для него всякий рукописный текст старой традиции («древлеписменный») обладает безоговорочным авторитетом (если, конечно, он не обнаруживает противоречий с другим «древлеписменным» текстом, как в случае с Житием Григория Пельшемского, о чем будет сказано далее). Иона собирает сведения, не вникая в детали. Так, совершенно очевидно, он не понимает литературной игры автора первоначального текста Жития преподобного Дионисия, скрывшего свое имя с помощью математического шифра и таким же образом «спрятанного» некоторые слова. ⁴⁴ Из этих слов в текст Ионы попадает лишь одно — название «болшия рѣки Пифаругонии»: так он искажает слово «Пифарухона», расшифровываемое как «Сухона». ⁴⁵

³⁹ Там же. С. 160, 163.

⁴⁰ Перечень списков Жития Дионисия Глушицкого, пусть не окончательный, но вполне репрезентативный, с указанием редакции текста см.: Там же. С. 100–103.

⁴¹ В настоящее время выявлены три Службы Дионисию Глушицкому: бденная, известная сейчас в единственном списке, представленная большинством списков полиелейная и сохранившаяся в единственном дефектном списке Служба, сконтаминированная из песнопений бденной и полиелейной. Наблюдения над историей Службы Дионисию Глушицкому были представлены в докладах С. А. Семячко «К истории Службы преподобному Дионисию Глушицкому» (Бражниковские чтения, ИРЛИ РАН, 10.11.2022) и «К истории текста Жития Дионисия Глушицкого» (Одиннадцатый Агиографический семинар, ИРЛИ РАН, 07.12.2022).

⁴² Текст Жития Дионисия Глушицкого в редакции печатного Пролога см.: Семячко С. А. Житие Дионисия Глушицкого. С. 212–213.

⁴³ Незнание автором Жития Дионисия Глушицкого (речь в данном случае идет о первоначальном тексте Жития, к которому восходят и Минеинная, и Основная редакции) иноком Глушицкого Покровского монастыря Иринархом, написавшим свой текст, согласно авторской приписке, в 1495 году, Сказания о Спасо-Каменном монастыре — вещь достаточно очевидная. Текстуальные совпадения между этими двумя памятниками объясняются заимствованием из Жития преподобного Дионисия в Сказание. Содержащаяся в Сказании история о происхождении и пострижении Дионисия Глушицкого не находит подтверждения (впрочем, как и опровержения) в других источниках. Велика вероятность, что этот рассказ сочинен создателем «агиографической» части Сказания по типу аналогичного рассказа о происхождении и пострижении Александра Куштского. Подробнее об этом см.: Семячко С. А. Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь... С. 173–180.

⁴⁴ Декодировку зашифрованного текста, сохранившегося в составе как Основной, так и Минеинной редакций, см.: Семячко С. А. Житие Дионисия Глушицкого. С. 88–90.

⁴⁵ См.: Там же. С. 90.

Как уже было сказано, работая с Житием Дионисия Глушицкого, Иона извлек из его текста главу, посвященную ученику преподобного Амфилохия, и превратил ее в самостоятельное агиографическое сочинение (л. 275–276). Иона пошел тем же путем, каким, как минимум, дважды шли до него другие книжники в XVI и в XVII веках, независимо друг от друга пытаясь создать Житие Амфилохия Глушицкого.⁴⁶ В самом же Житии Дионисия Иона оставил лишь краткое сообщение об ученике святого, ставшем после кончины преподобного игуменом Покровского Глушицкого монастыря.

Завершая Житие Амфилохия, Иона указал день кончины преподобного, 12 октября, и поместил описание внешности святого. И то и другое было взято из иконописного подлинника, при этом Иона сослался на него как на «древлеписменный месяцослов». Что касается года преставления Амфилохия Глушицкого, то «о томъ повѣсти не обрѣтется, а толко послѣ 6945-го» (л. 276), т. е. после кончины своего наставника Дионисия, вслед за которым Амфилохий возглавил монастырь.

Александр Куштский — еще один святой, начало деятельности которого традиционно связывается со Спасо-Каменным монастырем. Создавая его Житие (л. 279–281 об.), Иона собрал немало источников. Он, безусловно, учел Сказание о Спасо-Каменном монастыре, что отметил в своей «Повѣсти о Каменном монастырѣ», но основным его источником, как практически всегда, стало «древлеписменное житие» святого, под которым, скорее всего, следует понимать Житие Александра Куштского в редакции А с двадцатью чудесами.⁴⁷ В тексте Жития, написанного Ионой, отсутствует эпизод прихода преподобного Александра на Сянжему, характерный для редакции В, и присутствует указание на посмертные чудеса «въ двадцати главахъ».⁴⁸ Портрет святого Иона берет, по его словам, из печатного Пролога, что, как и в случае с Житием Дионисия Глушицкого, является избыточным действием: портрет присутствует и в «древлеписменном житии». Напротив записи о возрасте святого («Поживе же от рождения своего шездесять восемь лѣтъ два месяца и два дни», л. 281) на правом поле стоит помета: «Древлеписменной месяцеслов». Эту ссылку стоит воспринимать как дополнительную, подтверждающую, поскольку информация о возрасте присутствует и в тексте редакции А Жития Александра Куштского. По окончании текста Жития Иона помещает тропарь и кондак преподобному Александру, взятые из Месяцеслова, изданного при патриархе Иосифе (М., 1646).

История преподобного Григория Пельшемского нашла отражение в Житии святого, известном в нескольких редакциях,⁴⁹ а один ее эпизод, повествующий об отношениях Григория Пельшемского и Дионисия Глушицкого, дошел до нас и в Житии Дионисия. Разные редакции Жития Григория по-разному излагают историю его жизни, поэтому Иона, который имел перед собой несколько источников, столкнулся при работе над Житием Григория Пельшемского (л. 286–289) с серьезными проблемами. В его распоряжении была редакция Жития, которая в исследовательской литературе получила название Редакции сборников («древлеписменное житие»), и текст из печатного Пролога (в издании 1685 года), который восходит к тексту Минейной редакции. Интересен ход размышлений Ионы при выборе основного источника: «Въ помянутомъ печатномъ в лѣто 7193-е <1685. — А. П., С. А.> Прологу повѣствуетъ сего святого

⁴⁶ Исследование и тексты двух житий Амфилохия Глушицкого см.: *Семячко С. А. Житие Амфилохия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера. С. 218–231.*

⁴⁷ Текст его см.: *Семячко С. А. Житие Александра Куштского // Святые подвижники и обители Русского Севера. С. 245–260.*

⁴⁸ Хотя посмертные чудеса являются ненадежным свидетельством в пользу той или иной редакции, поскольку часто живут жизнью, отдельной от основной части жития, в Житии Александра Куштского их набор достаточно устойчив: редакция А традиционно сопровождается двадцатью чудесами, а Тулуповская редакция, так же не имеющая эпизода о приходе преподобного Александра на Сянжему, сопровождается значительно большим количеством чудес (см.: Там же. С. 279–295).

⁴⁹ Подробно см. об этом: *Семячко С. А. К истории текста Жития Григория Пельшемского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 617–632.*

Григория начальный приход, пострижение и приятие священства в Макарьевъ монастырь, на Желтыхъ водахъ состоящемъ, а въ Богородичномъ монастырь близъ езера бытие его игуменомъ, а архимандритомъ в Ростовъ въ Спаскомъ монастырь не описует. Но, какъ выше явствуетъ, в древлеписменномъ житии его, изъ котораго здѣ написано, свидѣлствуетъ именно начальной приходъ и пострижение в томъ Богородичномъ монастырь, а вмѣсто игуменства тамъ — бытие его въ Ростовъ архимандритомъ, что и в Житии преподобнаго Дионисия Глушицкаго утверждается сицевыми словами: „Прииде нѣкто от града Галича, бывшій архимандритомъ во градъ Ростовъ, Григорий именовъ, емуже преподобный Дионисий даде келию в монастыре, называемомъ Сосновець“» (л. 289). То есть «древлеписменный» источник (тем более в данном случае их два) оказывается авторитетнее печатного, пусть и средневековой традиции. Не в пользу печатного Пролога — и год его издания (эту характеристику печатных книг Иона стремится всегда указывать, таким образом он отделяет дониконовские издания от пореформенных).

Обращаясь к житиям вологодских святых, Иона как будто бы разматывает созданный древнерусскими книжниками агиографический клубок. Иона действует по принципу: одному святому — один текст, что несколько отличается от его работы с соловецким материалом. Он собирает сведения о святом из разных сочинений в одно житие, по возможности убирая противоречия, неизменно указывая источники, охватывая их максимально широко и подтверждая отдельные положения своего текста дополнительными ссылками на полях на исторические сочинения, как рукописные, так и печатные.

Анализ севернорусских житий в «Алфавите...» позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Иона прекрасно справлялся с задачей краткого изложения крупных текстов, сокращая риторические фрагменты и топосы, но не упуская важной информации, выбирая наиболее значимые эпизоды. Помимо самих житий, он обращался и к другим источникам, в том числе старообрядческим, в поисках дополнительных сведений о святых и об их учениках и последователях. Иона явно стремился к сохранению особенно ярких, увлекательных с точки зрения сюжетного повествования эпизодов — например, видений, рассказов о необычных чудесах. Разумеется, в его сочинении немало ошибок и домыслов, практически неизбежных в такой объемной работе, выполненной (если доверять предисловию) одним человеком. В целом труд Ионы можно квалифицировать как своеобразный «справочник», «путеводитель» по истории русской святости. Однако в отличие от появившихся позднее «исторических словарей» русских святых Иона не ограничивался фактографией, но старался сохранить литературную основу древнерусских житий, выступал как историк и агиограф одновременно. Дальнейшее изучение этого памятника позволит, вероятно, выявить и другие принципы работы Ионы с исходным материалом.

В «Алфавите...» Ионы вряд ли удастся обнаружить ранее неизвестные исторические факты о русских святых или о почитании икон. Ценность его в другом — в возможности изучения приемов, которыми старообрядческий писатель нового времени пользовался при редактировании агиографических текстов, при выборе и обработке источников. Исследователям русской агиографии необходимо в дальнейшем уделить более пристальное внимание этому интересному памятнику.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-159-165

© А. А. Терещук

КАРЛИСТСКАЯ ТЕМА В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»

Впервые опубликованная в 1835 году повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» вошла в состав сборника «Арабески». Главный герой произведения — чиновник Аксентий Поприщин — сходит с ума и воображает себя королем Испании. В результате помешательства протагонист «становится не просто испанским королем, но „новым человеком“»,¹ что является отражением гротескной реальности его мира. Однако выбор персонажа, которым представляет себя гоголевский герой, не является случайным. В 1833–1840 годах в Испании проходила Первая Карлистская война, поводом к которой стал династический спор за испанскую корону. Как отмечал Н. Л. Степанов, «все рассуждения безумного Поприщина об испанских делах <...> имеют злободневный характер, задевают совершенно конкретные факты западноевропейской политической жизни».² Делая своего героя «испанским королем» (а не «английским» или «французским»), Гоголь придавал своему произведению некоторые черты политической сатиры.³

Привязка «Записок сумасшедшего» к актуальной повестке дня середины 1830-х годов отмечалась не только Степановым, но и целым рядом исследователей. Так, базовая информация о Первой Карлистской войне содержится в примечаниях И. А. Виноградова и В. А. Воропаева к Полному собранию сочинений и писем Н. В. Гоголя в 17 томах.⁴ И. П. Золотусский уделяет некоторое внимание событиям на Пиренейском полуострове, хотя и допускает несколько несущественных фактологических неточностей.⁵ Многие литературоведы, изучающие «Записки сумасшедшего», ограничиваются лишь кратким упоминанием об испанской тематике.⁶

¹ Кривонос В. Ш. Гротескная реальность и нарративный гротеск в «Записках сумасшедшего» Гоголя // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2015. Т. 74. № 5. С. 48.

² Степанов Н. Л. Н. В. Гоголь. Творческий путь. 2-е изд. М., 1959. С. 272.

³ Конечно, было бы некорректно рассматривать «Записки сумасшедшего» как сатиру в чистом виде. Ю. В. Стенник писал, что «в жанре сатиры <...> была утверждена идея высокого гражданственного назначения литературы. Эта патриотическая в основе своего содержания идея служила оплодотворяющим стимулом для развития русской сатиры на всем протяжении XVIII в.» (Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985. С. 348). Представляется сомнительным, что Гоголя настолько занимали проблемы конституционных преобразований и административных реформ в испанском обществе, что он поставил бы своей задачей в сатирической форме обличать « пороки » современной ему Испании. Разумеется, можно допустить, что, сатирически изображая Испанию, писатель имел в виду Россию. Произведение допускает возможность различных интерпретаций, и его трактовка исключительно как политической сатиры была бы сильным упрощением.

⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М., 2009. Т. 3–4. С. 597–600.

⁵ Он пишет, что Изабелла наследовала Фердинанду VII в силу «завещания», в то время как на самом деле она получила корону благодаря Прагматической санкции 1830 года; указывает, что до 1830 года престол могли наследовать только мужчины — однако и до Прагматической санкции в определенной (хотя и маловероятной) ситуации на престоле могла оказаться женщина (Золотусский И. П. «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела» // Золотусский И. П. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987. С. 145).

⁶ См., например: Игнатьева Е. А. Тема журнализма в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8 (15). С. 67; Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 650; Ревзина О. Г. «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя // Europa Orientalis. 2012. Т. 31. С. 57–99; Скрипник А. В. Общественно-литературный фон повести «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. С. 12–13; Hernández Lara V. El San Petersburgo real e imaginado por N. V. Gógol // Revista de Filología Románica. 2011. № 2. P. 210; Monforte Dupret R. Ecos Cervantinos en la obra literaria de N. V. Gógol // Eslavística Complutense. 2005. № 5. P. 10; Shmarev D. Los elementos de la prosa experimental en *Los apuntes de un loco* // Cuadernos de Rusística Española. 2009. Vol. 5. P. 101.

Л. В. Пумпянский подробно обрисовал политическую обстановку в Испании в правление Фердинанда VII (1813–1833) и в начале Первой Карлистской войны.⁷ Исследователь попытался соотнести сюжет повести с реальными историческими событиями и пришел к выводу, что действие произведения происходит в 1834 году.⁸ Впрочем, как будет показано далее, рассуждения Пумпянского относительно хронологии могут быть подвергнуты критике. Кроме того, автор не рассмотрел аллюзии в гоголевском тексте на события в Испании в 1830-х годах и на историю раннего карлизма.

Целью настоящей статьи является анализ отражения событий начального этапа (1833–1834) Первой Карлистской войны в повести «Записки сумасшедшего». «Сюжеты Гоголя, как „кентавры“: они двунатурны: одна натура в обычно понимаемом смысле; другая — натура сознания»,⁹ — писал о Гоголе Андрей Белый. В аналогичном ключе рассуждал о произведениях писателя Ю. М. Лотман: «Гоголевский текст — не исписанная тетрадь, а огромное число противоречащих друг другу, но в равной степени реальных вариантов».¹⁰ «Записки сумасшедшего» — это произведение, которое можно интерпретировать на нескольких смысловых уровнях. Карлистская тема в повести (аллюзии на историю раннего карлизма) представляет собой один из этих уровней.

Гоголь и Испания

Перед рассмотрением собственно карлистских мотивов в «Записках сумасшедшего» представляется целесообразным проанализировать, что Гоголь мог знать об Испании на момент написания повести. В его письмах с 1820 года по начало 1835-го эта страна упоминается всего один раз. В апреле 1834 года он сообщает своей матери: «Одно слово сестре Марии: она писала мне о картах, которые где-то видела. Если там есть карты Галиции, Буковины <...> и вообще западных славянских земель и Австрии, то пусть приобретет. Но мне не нужно ни Франции, ни Голландии, ни Испании, ни Швеции, ни Англии, ни Италии, ни Швейцарии, ни Дании».¹¹ За несколько месяцев до завершения работы над произведением Гоголь не проявляет интереса к географии страны, «королем» которой он сделает своего главного героя.

Тем не менее определенное любопытство Испания у писателя вызывала; по мнению некоторых исследователей, Гоголь изучал испанский язык.¹² Кроме того, в 1832 году он начал заниматься английским языком и переводил на русский «Сказки Альгамбры» («Tales of the Alhambra») американского дипломата и литератора В. Ирвинга.¹³ Это произведение представляет собой сборник новелл, большая часть из которых в той или иной степени связана с замком-дворцом Альгамбра в Гранаде. Являясь ярким примером романтизма в американской литературе, «Сказки Альгамбры» рисуют образ экзотической, непохожей на другие страны Европы Испании, которая в большей степени принадлежит к культурному пространству Востока, чем Запада. «Испания» в воображении Поприщина (инквизиция, посвящение в рыцари) отчасти соответствует данному романтизированному представлению, часто встречавшемуся в европейской литературе XIX века.

В 1834 году, через два года после знакомства со «Сказками Альгамбры», читая лекции по истории Средних веков, Гоголь уделил некоторое внимание испанской истории. «Испания издавна отличалась смешением наций, разнообразием колоний, трудо-

⁷ Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 337–338.

⁸ Там же. С. 338–339.

⁹ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 45.

¹⁰ Лотман Ю. М. О «реализме» Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе. С. 695.

¹¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. [М.; Л.], 1940. Т. 10. С. 315. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

¹² Monforte Dupret R. Ecos Cervantinos en la obra literaria de N. V. Gógol. P. 9.

¹³ Манн Ю. В. Гоголь. Книга первая. Начало. 1809–1835. М., 2012. С. 376.

любим жителей, избытком блестящих талантов даже во время упадка империи» (9, 128), — начинает он свои заметки о вестготской Испании. Многие рассуждения Гоголя больше напоминают художественное произведение, чем строгое академическое исследование, например: «Беспечность вестготских вассалов и графов, покоренных жарким испанским климатом, избытком страны, были причиною, что владения вестготов не образовывали связанного политического тела <...> Бандитская и вместе пустынная жизнь, исполненная беспрерывных приключений, оставила глубокие следы в характере испанской нации» (9, 129–130). Впрочем, такого рода логические заключения часто встречались в трудах историков XIX века. Для нас важным является тот факт, что Гоголь занимался испанской историей осенью 1834 года, когда работа над «Записками сумасшедшего» находилась в финальной стадии.

Интересно, что через два года после выхода повести Гоголь, возможно, совершил путешествие в Испанию, где все еще продолжалась Первая Карлистская война. По мнению Воропаева, эта поездка состоялась в июне–июле 1837 года.¹⁴ Если Гоголю действительно удалось побывать на Пиренейском полуострове в указанные даты, то этот визит пришелся на один из ключевых моментов конфликта — на так называемую Королевскую экспедицию, в ходе которой карлисты были близки к тому, чтобы взять Мадрид.¹⁵

Хронология

Как уже было отмечено, Пумпянский относил действие повести к осени 1834 года. По мнению исследователя, 5 декабря Поприщин «читает» при обычном запоздании сведений (через французские и английские газеты) *о летних и осенних событиях 1834 г.*¹⁶ Пумпянский определяет время действия «Записок сумасшедшего» как 1834 год на основании двух заключений: «1) так как он (Поприщин. — А. Т.) назвал себя Фердинандом VIII, то, очевидно, он знает, что Фердинанд VII умер, а это было в сентябре 1833 г.; а так как цензурное разрешение 10 ноября 1834 г., то у нас оба термина есть; 2) так как и французы его враги, то вероятнее всего, что „ноябрь“ и „декабрь“ надо понимать 1834 г., а не 1833 г., потому что только в апреле 1834 г. либеральное министерство вошло в союз с Англией и Францией».¹⁷

Логика рассуждений Пумпянского строится на предположении, что петербургские газеты в 1830-е годы публиковали известия из Испании с опозданием на 3–4 месяца. В действительности новости достигали России гораздо быстрее. Так, Фердинанд VII умер 29 сентября 1833 года (по григорианскому календарю); главная столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» напечатала сообщение о его смерти 7 (19) октября,¹⁸ т. е. через 20 дней. Упомянутый Пумпянским Четверной союз Великобритании, Франции, Испании и Португалии был заключен 22 апреля 1834 года; сообщение об этом появилось 1 (13) мая,¹⁹ через 21 день. Таким образом, 5 декабря 1833 года в Санкт-Петербурге было уже давно известно о смерти Фердинанда VII и начале войны в Испании. Второй аргумент Пумпянского также может быть подвергнут критике. Конечно, договор о Четверном союзе был подписан только в 1834 году, однако Англия и Франция с самого начала Первой Карлистской войны поддерживали либеральное

¹⁴ Воропаев В. А. Был ли Гоголь в Испании: современный взгляд // *Universum Humanitarium*. 2016. Вып. 2. № 1. С. 96–107.

¹⁵ Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос, как Гоголю между 27 июня и 16 июля 1837 года удалось попасть из Барселоны в Мадрид: как раз в эти даты Королевская экспедиция карлистов вела боевые действия в Каталонии и Арагоне и сообщение между двумя крупнейшими городами страны было нарушено. См.: *Albi de la Cuesta J. El ejército carlista del norte (1833–1839)*. Madrid, 2017. P. 306–347.

¹⁶ Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 338.

¹⁷ Там же. С. 339.

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1833. 19 окт. № 235. С. 1104.

¹⁹ Там же. 1834. 1 мая. № 98. С. 383.

правительство в Мадриде и признали права Изабеллы, дочери покойного Фердинанда, на престол.²⁰ Соответственно, Поприщин мог воспринимать Англию и Францию как своих «врагов» уже осенью 1833 года.

Некоторые признаки указывают на то, что Поприщин сходит с ума в 1833 году. Действие повести начинается 3 октября. Можно предположить, что эта дата выбрана Гоголем неслучайно: именно 3 октября 1833 года (по григорианскому календарю) в Испании началась Первая Карлистская война, отправной точкой в которой стало восстание, поднятое сторонниками дона Карлоса в Талавера-де-ла-Рейна в ночь со 2 на 3 октября.²¹ Кроме того, 3 октября 1833 года (по юлианскому календарю) в газете «Северная пчела», которую обычно читал Поприщин, было опубликовано сообщение о том, что легитимистскому претенденту на французский престол Генриху Шарлю Д'Артуа, герцогу Бордосскому исполнилось 13 лет, что означало, что он мог заявить о своих правах на трон.²² Появление в Европе еще одного претендента на престол (правда, французский) совпало с началом повествования Поприщина, будущего «кандидата» на испанскую корону. Сам Поприщин читает «Пчелку» на следующий день, 4 октября (№ 224). В номере, с которым ознакомился герой, нет ничего об Испании, но есть заметка о попытках французских легитимистов нелегально провезти оружие во Францию.²³ В то же время номера «Северной пчелы» за 3 и 4 октября 1834 года содержат обычные, малоинтересные известия о ходе войны в Испании.²⁴

Среди других дат, упоминаемых Поприщиным, заслуживает внимания 13 ноября. Читая собачью переписку, он делает замечание: «Желал бы я сам сделаться генералом...» (3, 205). На следующий день (в 1833 году) исполнилось аналогичное желание одного карлистского офицера: полковник Т. де Сумалакарреги стал главнокомандующим армией дона Карлоса в Наварре.²⁵ Хотя официально генеральский чин был присвоен ему только летом следующего года, во всех документах после ноября 1833 года Сумалакарреги именовался «генералом» («general»). Сумалакарреги будет командовать карлистскими войсками на севере Испании до своей гибели в 1835 году и станет наиболее известным военачальником на стороне дона Карлоса. Имя этого офицера было впервые упомянуто в российской прессе 12 (24) декабря 1833 года.²⁶ В течение 1834 года он практически ежедневно фигурировал на страницах столичных газет; 17 (29) августа 1834 года «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали краткую биографию Сумалакарреги.²⁷ Соответственно, Гоголь, работая над «Записками сумасшедшего», мог получить из прессы подробную информацию о главнокомандующем доне Карлоса и зашифровать в текст произведения отсылку к важному событию в жизни Сумалакарреги.

Впрочем, было бы ошибкой относить действие повести и к 1833 году: Поприщин указывает 4 октября, что «сегодня среда» (3, 196), однако в 1833 году 4 октября выпало на пятницу, а в 1834 году — на субботу. Кроме того, 5 декабря Поприщин записал, что «все утро читал газеты» (3, 206). Однако 5 декабря 1833 года о событиях в Испании не писали ни «Северная пчела», ни «Санкт-Петербургские ведомости»;²⁸ 5 декабря 1834 года в газетах были напечатаны уже ставшие обыденными сводки с театров боевых действий в Испании, которые вряд ли могли поразить героя повести.

Таким образом, было бы не совсем корректно однозначно относить действие «Записок сумасшедшего» к 1833 году или к 1834-му. Создавая произведение, Гоголь не

²⁰ Ochoa Brun M. A. Historia de la diplomacia española. Madrid, 2017. Vol. XI. P. 402–403.

²¹ Oyarzún R. Historia del carlismo. Valladolid, 2008. P. 18–19.

²² Северная пчела. 1833. 3 окт. № 223. С. 890.

²³ Там же. 4 окт. № 224. С. 894.

²⁴ Там же. 1834. 3 окт. № 223. С. 892; Там же. 4 окт. № 224. С. 894–895.

²⁵ Терещук А. А. Т. де Сумалакарреги и его роль в Первой Карлистской войне (1833–1840) // Вестник Пермского ун-та. История. 2017. № 2 (37). С. 149.

²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1833. 12 дек. № 291. С. 1231.

²⁷ Там же. 1834. 17 авг. № 190–191. С. 746.

²⁸ Как показал просмотр всех номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» за декабрь 1833 года, в этом месяце о войне в Испании упоминалось в 21 номере из 24. Поприщин читает газеты в один из редких дней, когда новостей о ходе конфликта в столичной прессе не появилось.

ставил своей задачей обозначить четкие хронологические рамки действия повести и реалистично изобразить жизнь Поприщина. При этом некоторые даты, фигурирующие в гоголевском тексте, могут восприниматься как аллюзии на реальные события Первой Карлистской войны.

Поприщин как Дон Карлос

Поприщин именуется себя Фердинандом VIII, выбирая для себя такое же имя, как и у скончавшегося в 1833 году испанского монарха. Человеком, который на самом деле выступил в качестве претендента на престол, был младший брат покойного короля Карлос Мария Исидро де Бурбон, более известный как дон Карлос. На момент начала войны дону Карлосу было 45 лет; Поприщину в начале повести — 42 года. Дон Карлос являлся наследником престола до 1830 года (т. е. до 42 лет), когда Фердинанд VII опубликовал Прагматическую санкцию — документ, изменивший порядок престолонаследия и сделавший возможной передачу трона дочери монарха. Данный законодательный акт вызвал недовольство дона Карлоса и его сторонников, представлявших наиболее консервативную часть общества.²⁹ «Не может взойти донна на престол. Никкак не может. На престоле должен быть король» (3, 206–207), — заявляет Поприщин, и его слова согласуются с официально декларируемой программой карлистов.³⁰

«Она (Мавра. — А. Т.) испугалась оттого, что находится в уверенности, будто все короли в Испании похожи на Филиппа II. Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства и что у меня нет ни одного капуцина» (3, 208), — пишет Поприщин в тот день, когда «король отыскался». Филипп II (король в 1556–1598 годах) — один из самых известных монархов в испанской истории, образ которого был сильно мифологизирован и стал составной частью «черной легенды» об Испании. С точки зрения испанских либералов, карлисты пытались вернуть страну к «мрачным» временам Филиппа II.³¹ Неслучайными являются и слова Поприщина относительно «капуцинов», т. е. членов одного из католических монашеских орденов. Как указывает М. Лоуренс, в начале войны один капуцин из Валенсии проповедовал, что эпидемия холеры, обрушившаяся на Испанию в 1832–1834 годах, была карой небес за «развращенность», т. е. «либерализм».³²

Кроме того, с первых дней Первой Карлистской войны и в самой Испании, и за ее пределами либералы рисовали своих противников как «невежественных» крестьян, возглавляемых «фанатичным» духовенством. Данная точка зрения находила отражение и на страницах российских газет. «Замечено, что тамошними (наваррскими. — А. Т.) многочисленными Гверильясами предводительствуют почти исключительно монахи», — писали «Санкт-Петербургские ведомости» 16 (28) ноября 1833 года.³³ Действительно, значительная часть низшего духовенства поддержала карлистское восстание. В декабре 1833 года бывший нунций в Мадриде Ф. Тибери докладывал государственному секретарю Святого Престола кардиналу Т. Бернетти, что многие священники либо принимают активное участие в восстании, либо отказываются

²⁹ *Laurence M. Spain's First Carlist War, 1833–40.* London, 2014. P. 3–4.

³⁰ При этом династический спор стал лишь поводом для конфликта; истинные причины Первой Карлистской войны лежали в глубоких внутренних противоречиях между сторонниками конституционных преобразований и крайними консерваторами и в социальном недовольстве части населения севера Испании. См.: *Caridad A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: una propuesta explicativa cuantitativa* // *Huarte de San Juan. Geografía e historia.* 2018. № 25. P. 79–107.

³¹ Ср. слова В. И. Немировича-Данченко относительно карлистов второй половины XIX века: «Я ненавижу карлистов, стремящихся в конце 19-го века навязать Испании старые лохмотья филипповских времен с св. Германдадой включительно» (*Немирович-Данченко В. И. Скобелев.* М., 1993).

³² *Laurence M. Spain's First Carlist War, 1833–40.* P. 61.

³³ Санкт-Петербургские ведомости. 1833. 16 нояб. № 269. С. 1148.

призывать к миру и покорности властям.³⁴ При этом было бы сильным преувеличением считать, что карлистское восстание было инспирировано исключительно духовенством. Сами карлисты всегда подчеркивали, что их движение поддерживается всеми слоями населения. Прокарлистски настроенный английский корреспондент М. Б. Хонан, посетивший Испанию в 1835–1836 годах, писал: «Хотя все предполагают, что окруженный со всех сторон монахами дон Карлос целый день напролет поет псалмы, на самом деле рядом с ним нет ни одного служителя культа, кроме его духовника».³⁵ Таким образом, Поприщин, заявляя, что у него нет ни одного капуцина, ведет себя в духе настоящих карлистов.

Особенное значение для сопоставления образа Поприщина с реальным доном Карлосом имеет событие, случившееся «некоторого числа»: «Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал государь император. Весь город снял шапки, и я также; однако же я не подал никакого вида, что испанский король. Почел неприличным открыться тут же при всех...» (3, 210). Данная сцена коррелирует с реальным историческим эпизодом, который произошел с доном Карлосом летом 1834 года. В начале войны претендент на престол проживал в Португалии, а затем, в 1834 году, перебрался в Англию, где находился под надзором властей. В июле лидер карлистов бежал из Великобритании, инкогнито пересек Францию, нелегально перешел францужско-испанскую границу и 9 июля присоединился к своим сторонникам на севере Испании. Путешествие было подробно описано спутником дон Карлоса бароном де лос Валлес, который в следующем году выпустил на французском языке книгу «Глава из истории Карлоса V».³⁶ Во время поездки дон Карлос побывал в Париже, где издали видел короля Луи-Филиппа, проезжавшего в карете. Естественно, претендент на испанский престол не раскрыл свое инкогнито (в противном случае он был бы немедленно арестован, так как Франция была союзницей либерального правительства в Мадриде), но сказал своему спутнику: «Он (Луи-Филипп. — А. Т.) не догадывается, что я без разрешения пересекаю его владения».³⁷ Поприщин «не подал никакого вида», что он «испанский король»; аналогичным образом поступил летом 1834 года настоящий дон Карлос.

Естественно, о путешествии дон Карлоса было известно в России. «Бегство дон Карлоса — это прекрасный образец смелости»,³⁸ — охарактеризовала это событие княгиня Д. Х. Ливен в письме своему брату, начальнику III Отделения А. Х. Бенкендорфу 4 (16) июля 1834 года. 17 (29) июля 1834 года «Санкт-Петербургские ведомости» впервые сообщили о предприятии лидера карлистов.³⁹ Однако книга барона, в подробностях повествующая о путешествии, будет опубликована только в 1835 году, в то время как работа над «Записками сумасшедшего» завершилась осенью 1834 года. Мог ли Гоголь узнать о встрече дон Карлоса и Луи-Филиппа во время написания «Записок сумасшедшего»? Во второй половине июля 1834 года в петербургской прессе много писали о бегстве дон Карлоса. Например, «Северная пчела» 20 июля (1 августа) посвятила данному событию более половины раздела «Новости заграничные» и точно расписала маршрут, по которому следовал лидер карлистов.⁴⁰ Сюжет о встрече в Париже не по-

³⁴ Francesco Tiberi — Tommaso Bernetti. 1833. 20 dic. // Archivio Apostolico Vaticano. Segreteria di Stato. Esteri. Rubrica 249. Busta 439. Nunziatura di Spagna. Fascicolo 1. 1832–1834.

³⁵ Honan M. B. The Court and Camp of Don Carlos; Being the Results of a Late Tour in the Basque Provinces, and Parts of Catalonia, Aragon, Castile, and Estramadura by Michael Burke Honan. London, 1836. P. 102–103. Перевод здесь и далее мой. — А. Т.

³⁶ Saint-Sylvain L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc., etc. Paris, 1835. Интересно, что один экземпляр данного труда был отправлен в подарок российскому императору Николаю I.

³⁷ Ibid. P. 180.

³⁸ Letters of Dorothea, Princess Lieven, During Her Residence in London, 1812–1834 / Ed. by L. G. Robinson. London; New York; Bombay, 1902. P. 378.

³⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1834. 17 июля. № 164. С. 642.

⁴⁰ Северная пчела. 1834. 20 июля. № 162. С. 646–647.

пал на страницы петербургских газет, но он вполне мог циркулировать по Санкт-Петербургу в качестве слуха и быть использованным Гоголем в работе над повестью.⁴¹

В конце повести Поприщин наконец-то оказывается в «Испании», то есть в сумасшедшем доме. Он задается вопросом: «Не попался ли я в руки инквизиции» (3, 213). Испанская инквизиция была упразднена в июле 1834 года, за несколько месяцев до завершения работы над повестью. При этом некоторые сторонники дона Карлоса, особенно крайний правый фланг карлистского движения, выступали за восстановление данного учреждения. В свою очередь испанские либералы использовали образ инквизиции в пропаганде, стараясь представить своих противников как религиозных фанатиков. Например, генерал правительственной армии Л. Фернандес де Кордоба, обращаясь к своим войскам, назвал их «солдатами испанской свободы», которые противостоят «защитникам Инквизиции».⁴² Поприщин не просто завершает свой путь в качестве «испанского короля» в сумасшедшем доме; он воспринимает его в качестве инквизиции, которая в реальности была отменена «взошедшей на престол донной».

«Записки сумасшедшего» были написаны и опубликованы Гоголем во время Первой Карлистской войны в Испании. Как мы показали, автор включил в текст целый ряд отсылок к конфликту на Пиренейском полуострове. Главный герой произведения имеет некоторые черты, делающие его похожим на дона Карлоса, настоящего претендента на испанский престол.

В конце повести Поприщин оказывается в сумасшедшем доме; его претензии на испанский престол воспринимаются окружающими как помешательство. Настоящий дон Карлос также потерпел поражение: после завершения Первой Карлистской войны он был вынужден бежать во Францию, где проживал под надзором властей. С точки зрения многих наблюдателей в Европе, попытка испанских карлистов остановить реформы в государстве и вернуться ко временам «славного» прошлого была таким же безумием, как помешательство Поприщина.

⁴¹ Можно провести еще одну любопытную параллель между доном Карлосом и героем «Записок сумасшедшего», которая, несомненно, является совпадением: русский чиновник Поприщин заявляет о том, что он «испанский король»; в то же время, как пишет барон де лос Вальес, настоящий дон Карлос (с точки зрения своих сторонников — законный король Испании) во время путешествия через Францию в одной ситуации выдал себя за российского чиновника из Министерства иностранных дел (*Saint-Sylvain L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V... P. 192*).

⁴² *Lafuente M., Valera J., Borrego A., Pirala A. Historia general de España desde los tiempos primitivos hasta la muerte de Fernando VII por Don Modesto Lafuente, continuada desde dicha época hasta nuestros días por Don Juan Valera con la colaboración de D. Andrés Borrego y D. Antonio Pirala. Barcelona, 1890. T. XX. P. 350.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-165-173

© И. В. Немировский

КАПИТАН ЛЕБЯДКИН И В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Значимость поэзии XVIII века для стихотворчества капитана Лебядкина — давно отмеченный феномен. Суммируя наблюдения своих предшественников, современная исследовательница К. Бланк писала о том, что «в своих стихах Лебядкин подражает поэтике XVIII века, имитируя стилистику Державина, Крылова, Ломоносова и Сумарокова, ориентируясь на жанры классицизма: оду, басню, сатиру, стихи на случай».¹

¹ *Бланк К. Стихи капитана Лебядкина: Шостакович и Достоевский // Opera Musicologica. 2012. № 3 (13). С. 26.*

Этот вывод, на наш взгляд, не учитывает того, что эстетика капитана Лебядкина не вписывается ни в какой классицистический канон, закрепленный в представлениях о вкусе, а поэтика капитана Лебядкина не соответствует никаким жанровым нормам классицизма. Стоит добавить, что клиентское поведение капитана Лебядкина в романе как шута при Ставрогине идет вразрез с установками М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина на независимость творчества.²

При этом XVIII век действительно представлен в поэзии и поведении капитана Лебядкина, что проявляется в подчеркнутой анормативности его эстетики и аморальности поступков. Именно эти качества в наибольшей степени характеризуют персонажную функцию капитана Лебядкина в романе и соответствуют взглядам современников Ф. М. Достоевского на поэта, чье имя до сих пор не входит в обсуждаемый исследователями список авторов XVIII века, значимых для капитана Лебядкина. Мы имеем в виду Василия Кирилловича Тредиаковского.

Именно Тредиаковский в сознании читающей публики первой половины XIX столетия был образцовым поэтом начального периода русской литературы, когда ее эстетический канон только складывался в ожесточенной полемике между ним и двумя другими отцами-основателями, Ломоносовым и Сумароковым. Биография Тредиаковского, доступная современникам Достоевского в анекдотах³ («вечный труженик» по определению Петра Великого, «певец свадьбы Ледяного дома, избитый Волинским и донесший на него»), представляла его как поэта, сочиняющего нелепые, дурновкусные стихи, которые он навязчиво читал публично. При этом сам Тредиаковский изображался как шут при знатном патроне. Именно таким — дурновкусным поэтом, досаждающим всем чтением своих опусов и пресмыкающимся перед своим патроном, кабинет-министром Волинским — Тредиаковский показан в романе Лажечникова «Ледяной дом» (1835). Чтобы получить место профессора элоквенции, Тредиаковский у Лажечникова доносит на своего покровителя.

Роль капитана Лебядкина в романе Достоевского построена очень похоже на то, как Тредиаковский описан в «Ледяном доме»: капитан Лебядкин — поэт, сочиняющий нелепые, сродни галиматье, дурновкусные стихи, которые он читает публично, сопровождая их чтение псевдофилософским комментарием и ажитированным поведением. Сходством с Тредиаковским отдает и само его положение при высококордонном патроне, Николае Ставрогине, которого он развлекает своими стихами и которого легко предаст, когда обстоятельства меняются и на предательстве патрона появляется возможность заработать.

Экспансивное поведение, которым капитан Лебядкин сопровождает чтение своих стихов («То есть когда летом, — заторопился капитан, ужасно махая руками, с раздражительным нетерпением автора, которому мешают читать, — когда летом в стакан залезут мухи, то происходит мухоедство, всякий дурак поймет, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите... (Он все махал руками)»⁴), повторяет манеру публичного чтения своих стихов Тредиаковским («Здесь Василий Кириллович встал и, сам воспалась гневом, замахав руками, вскричал так, что по сердцу собеседника его пробежала дрожь...»⁵).

В романе Достоевского капитан Лебядкин характеризуется как «шут» и «дурак», что также соответствует представлениям современников писателя о Тредиаковском как о «шуте» и «дураке» русской литературы.⁶ Эти оценки также были закреплены за

² См.: *Гуковский Г. А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. Литература XVIII века. Ч. 1. С. 358–359; *Живов В. М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 54, 58.

³ См. об этом и об ориентации романа Лажечникова на исторические анекдоты: *Белова Н. А.* Функции анекдота в раннем историческом романе 1830-х годов // Вестник угроветения. 2012. № 3 (10). С. 8–24.

⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2021. Т. 10. С. 155.

⁵ *Лажечников И. И.* Ледяной дом // Лажечников И. И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1994. Т. 4. С. 63.

⁶ *Reifman I.* Vasilii Trediakovsky: The Fool of the «New» Russian Literature. Stanford, 1990.

Тредиаковским романом Лажечникова, где тема «шутовства» одна из основных. Важна эта тема и для «Бесов»: она проходит через весь роман, часто сосредотачиваясь вокруг капитана Лебядкина. В тех случаях, когда упоминается «шутовство», это упоминание, как представляется, содержит в себе отсылку к роману Лажечникова. Так, Варвара Петровна Ставрогина называет анонимное письмо, извещающее ее о браке Ставрогина с «хромоножкой», «шутовским».⁷

1830–1850-е годы стали эпохой интенсивного освоения русской читающей публикой творческого наследия Тредиаковского, и интерес к его биографии в этот период тоже соответственно возрос.⁸ Выход в свет романа Лажечникова сыграл роль катализатора этого процесса. Белинский отозвался на него рецензией, включающей в себя уничижительную оценку личности Тредиаковского: «Бесспорно, Тредьяковский был душонка низенькая: образцовая бездарность, соединенная с чудовищными претензиями на гениальность, необходимо предполагают в человеке или глупца, или подлеца».⁹

Точка зрения критика многое определила в восприятии Тредиаковского современниками Достоевского, но она не стала единственной. Полемическая реакция Пушкина, вызванная его несогласием с тем, каким Лажечников вывел Тредиаковского в романе (об этом рассказал сам Лажечников в автобиографической статье¹⁰), стала выражением другого, более сложного отношения к творчеству и личности Тредиаковского. В дальнейшем, в сороковые годы, появилось несколько публикаций произведений Тредиаковского, позволяющих судить о его сочинениях с большей, чем ранее, полнотой. Так, в 1849 году почти все тексты Тредиаковского стали доступны современникам Достоевского благодаря вышедшему тогда трехтомному изданию его сочинений, осуществленному А. Ф. Смирдиным.¹¹

Однако еще большее значение для актуализации биографии Тредиаковского и его основных произведений, чем этот трехтомник, приобрела вышедшая в том же 1849 году однотомная и сравнительно незначительная по объему (145 страниц) антология материалов о жизни Тредиаковского и его произведениях, составленная профессором П. М. Перевлесским,¹² которая включала в себя биографию поэта, написанную Перевлесским, его статью о сочинениях Тредиаковского и перечень сочинений и переводов.¹³ Именно она попала в крупные русские библиотеки и представила публике полузабытого поэта.¹⁴ В сборник вошли главные поэтические и филологические сочинения Тредиаковского. Во вступительной статье проводилась мысль о том, что Тредиаковский был плохим поэтом, но интересным теоретиком литературы. Та же мысль — Тредиаковский писал плохие стихи, но «дельные» статьи — содержалась и в неподписанной, но явно принадлежащей С. П. Шевыреву статье «О значении Тредьяковского в русской литературе». Выход антологии Перевлесского сопровождался сочувственной рецензией Шевырева (она также не была подписана) в «Отечественных записках», где рецензент в очередной раз указывал, что Тредиаковский был «жалким» как поэт, но при этом, «как ученый, он оставил несколько дельных и памятных статей».¹⁵

⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. С. 148.

⁸ Елизаветина Г. Г. Живучесть легенды. Представление о В. К. Тредиаковском в русской публицистике середины XIX века // В. К. Тредиаковский и русская литература / Отв. ред. А. С. Курилов. М., 2005. С. 259–267.

⁹ Белинский В. Г. [Рец. на:] Ледяной дом. Сочинение И. И. Лажечникова. Басурман. Сочинение И. Лажечникова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1953. Т. 3. С. 15.

¹⁰ Лажечников И. И. Знакомство мое с Пушкиным (Из моих памятных записок) // Лажечников И. И. Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М., 1989. С. 413–416.

¹¹ Тредиаковский В. К. Соч.: В 3 т. СПб., 1849.

¹² См.: Перевлеский, Петр Миронович // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова: В 25 т. СПб., 1902. Т. 13. С. 495–497.

¹³ Перевлеский П. М. Василий Кириллович Тредиаковский // Тредиаковский В. К. Избр. соч. / Изд. П. М. Перевлеского. М., 1849. С. III–СХХI (Собр. соч. известнейших русских писателей; вып. 3).

¹⁴ Елизаветина Г. Г. Живучесть легенды. С. 260.

¹⁵ Отечественные записки. 1849. Т. 67. № 11. Отд. VI. С. 33.

Важным в осмыслении поэзии Тредиаковского стало утверждение Шевырева о том, что его стихи не просто «уродливы», но и «смешны».¹⁶ Критик назвал причину того, почему поэтические образы Тредиаковского создают комический эффект: Тредиаковский «не имел изящного вкуса, который бы мог легко видеть приличие или неприличие, приятность или безобразие составленных образов. Дурное казалось ему хорошим, смешное несмешным».¹⁷ Трудно дать более точное определение того, что есть поэзия абсурда. Заканчивается рецензия фигурой умолчания: «Можно бы сказать нечто и о том, почему Тредиаковский прослыл смешным и был ли он смешон действительно, но это мы отлагаем до другого случая».¹⁸

Рецензия Шевырева и антология Перевлесского стали важными вехами в утверждении репутации Тредиаковского как поэта не только и не столько плохого, сколько не соответствующего общепринятым нормам. Это мнение о Тредиаковском получило распространение, и в культурный обиход эпохи несколько его стихотворений вошли как образцы поэтического абсурда. Так, например, в статье Д. Н. Бантыша-Каменского, содержащейся в антологии Перевлесского, именно в качестве абсурдной, и потому интересной, приводилась цитата из стихотворения Тредиаковского на близкую капитану Лебядкину энтомологическую тему:

О лето, ты лето горяче
 Мухами обильно паче!
 Только тем ты, лето, не любовно,
 Что не грибовно и проч.¹⁹

В то же время разошлось среди публики и цитировалось как образец абсурда стихотворение Тредиаковского из прозо-поэтического романа «Езда в остров Любви»:

Плюнь на суку
 Морску скуку,
 Держись черней, а знай штуку...²⁰

Интересно, что и самого Достоевского современник охарактеризовал «смешным» словосочетанием из этого стихотворения Тредиаковского: «Разве еще есть у вас соперник — ловкий заискиватель, комедиант — „Время“ Достоевского. Он может кое-что переманить от вас, несмотря на безграмотность и тупость. Но петербургский зазыватель „знай штуку“, по выражению Тредьяковского».²¹

Цитируемое стихотворение, единственное из романа «Езда в остров Любви», вошедшее в подборку Перевлесского, могло быть известно современникам Достоевского и по отдельному изданию романа, осуществленному в 1834 году.²² Вышедший тогда же роман Лажечникова ввел в культурный оборот стихотворное обращение Тредиаковского к шутовской свадьбе как образец поэтического абсурда:

Здравствуйте, женившись, дурак и дура,
 Еще <и бляточка дочка,> тот и фигура!
 Теперь-то прямое время вам повеселиться,
 Теперь-то всячески поезжанам должно беситься.

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Цит. по: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли...: В 5 ч. М., 1836. Ч. 5. С. 149.

²⁰ Перевлесский П. М. Василий Кириллович Тредиаковский. С. Х.

²¹ Цит. по: Достоевский в неизданной переписке современников / Статья, публ. и комм. Л. Р. Ланского // Лит. наследство. 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 390 (письмо Н. Ф. Щербины М. Н. Каткову, 16 марта 1863 года, Санкт-Петербург).

²² Тальман П. Езда в Остров Любви / Пер. с фр. на рус. чрез студента В. Тредиаковского и приписана его сиятельству кн. А. Б. Куракину; печ. с изд. 1730 г. М., 1834.

Квасник дурак и Буженинова <блядка>
Сошлись любовно, но любовь их гадка.²³

Волна публикаций о Тредиаковском, как историко-литературных, так и критических, прошла через 1850-е и 1860-е годы и сделала его творчество, в том числе и теоретические построения, актуальным фактором русской литературы того времени.²⁴ Имя Тредиаковского стало нарицательным и употреблялось как образец конформизма (или нонконформизма) А. В. Дружининым, Н. А. Добролюбовым, А. И. Герценом.²⁵ В годы, когда Достоевский приступил к созданию романов о капитане Картузове, а потом к «Бесам», публикации о творчестве Тредиаковского продолжили появляться со значительной интенсивностью.

Как представляется, отношение Достоевского к Тредиаковскому начало складываться именно в 1840-е годы, в тот непродолжительный период, когда писатель вошел в круг В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, И. И. Панаева. Отношение к Тредиаковскому здесь определял Белинский. Критик, крайне негативно оценивая Тредиаковского как поэта и личность, сформулировал важное для традиции его восприятия суждение: «Если стихи пишет человек, лишенный от природы всякого чувства, чуждый всякой мысли, не умеющий владеть стихом и рифмой, — он, под веселый час, еще может позабавить читателя своею бездарностью и ограниченностью: всякая крайность имеет свою цену, и потому Василий Кириллович Тредиаковский, „профессор элоквенции, а паче хитростей пиитических“, — есть бессмертный поэт...».²⁶

Белинский проводил мысль об актуальности такого образа Тредиаковского для современной поэзии. В своей программной статье «Педант» (1842), направленной против Шевырева, Белинский, выводя его в пародийном образе поэта Картофелина, уподобляет последнего Тредиаковскому: «Обремененный лаврами, мой Картофелин, сей внук (увы, *не последний!*) Василия Кирилловича Тредиаковского, приехал в одну из столиц наших, — положим, в Москву. Не помню, что он делал несколько лет; но вот он является учителем „российской словесности“... Да, я непременно хочу сделать моего педанта учителем словесности: знаменитый дед всех педантов, Василий Кириллович Тредиаковский, был „профессором элоквенции, а паче всего хитростей пиитических“: одной этой причины уже слишком достаточно, чтоб я сделал моего педанта учителем „российской словесности“; сверх того, я убежден от всей души, что никакое звание так не идет к педанту, как звание учителя „российской словесности“».²⁷

Филлипка Белинского направлена не только против поэзии и/или личности Тредиаковского, что было традиционно, но и против его филологической теории, которая все-таки выделялась из всего творчества Тредиаковского как наиболее позитивная ее часть. Поскольку Шевырев был одним из тех, кто провозглашал известную ценность

²³ Стихотворение было опубликовано с купюрами в 1835 году и затем вошло в собрание Перевлеского: *Перевлеский П. М.* Василий Кириллович Тредиаковский. С. XX.

²⁴ *Елизаветина Г. Г.* Живучесть легенды. С. 259–267.

²⁵ «Это старина „убийств, пыток, стона“. И Тредиаковский существует в ней не только как жертва, человек, ни за что избитый и униженный вельможей Волынским. Он еще и фигура по-своему активная, „полный представитель императорски-казенного образования“. По причудливой логике Герцена-публициста, Тредиаковский — предшественник М. Н. Каткова. „В жалкой и подлой фигуре пресмыкающегося профессора, требующего плату за побои и делающего донос на Волынского, когда он был в цепях, в фигуре этого шута и пииты, воспевающей императрикс Анну Иоанновну и ее берейтора, так и видишь патриарха современной журналистики...“, — заявляет Герцен» (т. е. М. Н. Катков) (*Елизаветина Г. Г.* Живучесть легенды. С. 264–265). Ср. также: «Все скверное в русской натуре, все, искаженное рабством и помещицеством, служебной дерзостью и бесправием, палкой и шпионством, — все всплыло наружу, совмещая в себе в каком-то чудовищном соединении Аракчеева и Пугачева, крепостника, подьячего, капитан-исправника, голь кабацкую, Хлестакова, Тредьяковского и Салтычиху...» (Там же. С. 265).

²⁶ *Белинский В. Г.* [Рец. на:] Мечты и звуки Н. Н. <некрасова> // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 118–119.

²⁷ *Белинский В. Г.* Педант. Литературный тип // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 70–71.

его филологических построений, уподобление самого Шевырева Тредиаковскому не было случайным.²⁸ Можно сказать, что отношение к творческому наследию Тредиаковского в определенной степени стало признаком партийной принадлежности. Интерес к его филологическому наследию и переводческой практике, к переводу «Телемахиды» прежде всего, выражали сторонники архаистического направления: Пушкин (в тридцатые годы), Н. И. Гнедич (его мнение о Тредиаковском было амбивалентным, в предисловии к переводу «Илиады» он его ругал, а на практике следовал Тредиаковскому²⁹), П. А. Катенин.³⁰ В кругу же Белинского творчество Тредиаковского не только служило объектом пародии, но и стало настоящим арсеналом пародийных средств. Некрасов признавался в том, что использовал черты Тредиаковского при создании пародийного образа незадачливого, но плодовитого поэта — Ивана Ивановича Грибовикова.³¹ Черты Тредиаковского встречаются и у другого поэта-пародиста, соратника Некрасова И. И. Панаева. Некрасов и Панаев работали в это время над сложным образом пародийного поэта, получившего имя Новый поэт.

К концу 1860-х годов, т. е. именно к началу работы Достоевского над «Бесами», сложилась литературная репутация Тредиаковского как «смешного» поэта (читай: поэта абсурда), чье стихотворчество осталось за пределами литературного канона, но чьи теоретические построения сохранили свою актуальность и оказали определенное влияние на литературный процесс.³² При этом биография Тредиаковского и его публичное поведение воспринимались как пример морального конформизма. Так, например, в это время появилась публикация, где ему приписывалось авторство пасквилий на Г. Н. Теплова, А. П. Сумарокова, Ф. И. Миллера и др.³³

Репутация Тредиаковского, какой она сложилась к этому времени, позволяет рассматривать его творческую биографию как модель, по которой Достоевский строил жизнь и творчество капитана Лебядкина. Тредиаковский олицетворял литературную безвкусицу и тем самым был очень интересен Достоевскому, поскольку писатель искал в это время эстетический противовес диктату «хорошего вкуса», воплощенному в критике Белинского.

Капитан Лебядкин наследует от Тредиаковского ажитированное поведение, абсурдистский характер поэзии в сочетании с глубокомысленными теоретическими построениями.³⁴ Так, возможно, что именно к Тредиаковскому восходит тот принцип разделения поэзии и прозы, который от капитана Картузова перешел к капитану Лебядкину и который он сформулировал в письме-комментарии к стихотворению «На совершенство девицы Тушиной»: «Смотрите как на стихи, но не более, ибо стихи все-таки вздор и оправдывают то, что в прозе считается дерзостью».³⁵ Тредиаковский определил принцип противопоставления поэзии прозе в трактате «Способ к сложению российских стихов»³⁶

²⁸ См. об этом: *Гардзонно С.* Метрические опыты С. П. Шевырева и русский стих романтической эпохи // *Philologica*. 2012. Vol. 9. № 21–23. P. 145–169. О значении Тредиаковского для русской переводческой и филологической традиции см.: *Эткинд Е. Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.

²⁹ *Эткинд Е. Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. С. 24.

³⁰ Там же. С. 33.

³¹ *Вершинина Н. Л.* Н. А. Некрасов о В. К. Тредиаковском // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Материалы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. СПб., 2004. С. 149.

³² *Елизаветина Г. Г.* Живучесть легенды. С. 259–267.

³³ Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 7. С. XXVI–XXXV.

³⁴ О том, что Тредиаковский как ученый привлекал внимание Достоевского, можно судить по тому, что в полемике с «Русским вестником» писатель соглашается с утверждением этого журнала о том, что русская наука может ассоциироваться с «жалким педантом в нашем обществе, запуганным, прибитым Тредьяковским» (*Достоевский Ф. М.* По поводу элегической заметки «Русского вестника» // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 171).

³⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. С. 115.

³⁶ Мог быть доступен Достоевскому в издании Перевлесского.

следующим образом: «...стихотворцы свободнее и смелее в избрании слов, и употребляют иногда в стихе, для игры, такие слова, коих в прозе отнюдь стерпеть не можно. Имеют они сие право, подтвержденное множеством веков; однако, должно и им быть в сем умеренным. <...> Многие и мы в своем стихосложении такие имеем вольности...».³⁷

Как отметил Ю. Б. Орлицкий, «Василий Кириллович Тредиаковский был первым русским писателем и филологом, для которого разграничение стиха и прозы (или поэзии и прозы) носило принципиальный характер».³⁸ Это разграничение, по мнению исследователя, состояло, во-первых, в том, что Тредиаковский делил русскую лексику на приличную к употреблению в прозе и на такую, которую можно употребить только в поэзии, и, во-вторых, в том, что Тредиаковский ввел традицию объединения стихотворных и прозаических фрагментов в особые композиции: Орлицкий называет их «прозометрическими».³⁹ «Интересно, — считает исследователь, — что <...> на границе со стихотворениями (в прозаических фрагментах. — И. Н.) постоянно возникают силлабо-тонические фрагменты, сопоставимые по размерам и структуре со стихотворными строчками».⁴⁰ Именно такую «прозометрическую композицию» образуют стихотворение «На совершенство девицы Тушиной» и прилегающее к нему письмо-комментарий, содержащее силлабику и внутренние рифмы: «Вы богиня в древности, а я ничто и догадался о беспределности. Смотрите как на стихи, но не более, ибо стихи все-таки вздор и оправдывают то, что в прозе считается дерзостью. Может ли солнце рассердиться на инфузорию, если та сочинит ему из капли воды, где их множество, если в микроскоп?»⁴¹

Подобную же прозометрическую композицию образуют басня «Таракан» и соответствующий ей прозаический автокомментарий. Примечательно, что басня написана разноступным хореем — размером, редким для капитана Лебядкина, но чрезвычайно характерным для Тредиаковского. При этом оба стихотворения, «Совершенству девицы Тушиной» и «Таракан», только имитируют силлабо-тонику, демонстрируя экспериментальный характер стихосложения капитана Лебядкина. Представляется, что как само стихотворение, так и прилагаемое к нему письмо капитана Лебядкина, предлагающее смотреть и на этот текст «как на стихи, но не более», стилизованы Достоевским под раннюю учебную русскую поэзию XVIII века, когда из-за силлабо-тоники еще проглядывала силлабика.

«Школьный» характер всего сочинения подчеркивается подписью, которую капитан Лебядкин поставил под стихотворением: «Составил неученый за спором».⁴² Эта фраза содержит иронически переиначенную цитату из сочинения Радищева «Памятник дактилохорейческому витязю...»: «Итак, скажем: Тилимахида есть творение челоука ученого в Стихотворстве, но не имевшего о вкусе нималого понятия».⁴³ Возможно при этом, что упомянутый Лебядкиным «спор» является отсылкой к знаменитому спору между Тредиаковским, с одной стороны, и Ломоносовым и Сумароковым, с другой, о сравнительных достоинствах (хорей) по отношению к ямбу. Как хорошо известно (материал об этом споре был доступен в антологии Перевлеского), в качестве разрешения спора поэты переложили разными размерами 143-й псалом.⁴⁴

³⁷ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами так и прозою. СПб., 1752. Т. 1. С. 141–142.

³⁸ Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в теории и практике В. К. Тредиаковского // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. С. 102.

³⁹ Там же. С. 108.

⁴⁰ Там же. С. 109.

⁴¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. С. 115.

⁴² Там же.

⁴³ Радищев А. Н. Памятник дактилохорейческому витязю, или драматикоповествовательные беседы юноши с пестуном его, описанные составом нестихословных речи отрывками, из изонической пиимы славного в ученом свете мужа Н. Н. поборником его знаменитого творения // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 221.

⁴⁴ См.: Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14 / Отв. ред. А. М. Панченко. С. 232–246.

Не только хореическая оркестровка басни «Таракан» отсылает к переложенному Третьяковским 143-му псалму; к нему же восходит специфическая образность стихотворения и любимая капитаном Лебядкиным мысль о том, что «подлый» и «малый» может судить о «великом»:

Боже! кто я, нища тварь?
От кого ж и порожденный?
Пастухом определенный!
Как? О! как могу быть Царь?
Толь ничтожну, а познался!
Червя точно, а возвел!⁴⁵

Псалмический образ «нища твари», поднявшейся до царя, определяет тему «восставшей инфузории» — ключевую в творчестве капитана Лебядкина: «Может ли солнце рассердиться на инфузорию, если та сочинит ему из капли воды, где их множество, если в микроскоп?» Представляется, что к тексту псалма в переложении Третьяковского (а не только к оде Державина «Бог») относится уподобление капитаном Лебядкиным себя «червью»: «я раб, я червь, но не бог, тем только и отличаюсь от Державина».

Ориентация на поэзию XVIII века была характерна для определенного направления русской поэзии XIX века. Поэты прошлого века были легкой добычей для пародистов, поскольку ничто другое не поддается пародизации так легко, как искусственная архаизация. Именно так случилось с поэтом П. И. Голенищевым-Кутузовым (1767–1829), получившим в кругу «Арзамаса» с легкой руки П. А. Вяземского пародийное прозвание Картузов. Связь капитана Картузова с поэтом Голенищевым-Кутузовым была показана современным исследователем.⁴⁶ Интересно, что в своей речи капитан Лебядкин часто цитирует поэтов арзамасского круга, Вяземского и Дениса Давыдова,⁴⁷ а фамилия Лебядкин содержит отсылку к «лебединой» теме, представленной в поэзии Жуковского, главного поэта «Арзамаса», двумя стихотворениями: «Царскосельский лебедь» и «Умиравший лебедь».

Роман «Бесы» пронизан неприязнью к Белинскому. Именно в период работы над романом Достоевский назвал критика «самым смрадным, тупым и позорным явлением русской жизни» (1871).⁴⁸ Чем же тогда можно объяснить то, что капитан Лебядкин отражает в своем поведении и стихотворчестве черты биографий именно тех русских писателей, которых Белинский подвергал критике: Гоголя времен «Выбранных мест», Бенедиктова, Языкова?⁴⁹ Выбирая Третьяковского в качестве интегрирующей модели для жизни и творчества капитана Лебядкина, Достоевский и в данном случае обращается к автору, которого Белинский активно и жестко критиковал. Более того, делая капитана Лебядкина поэтом абсурда и галиматши, Достоевский и здесь следует за Белинским, провозгласившим, что Третьяковский — велик и вечен именно в этом качестве.

Представляется, что если на сознательном уровне в образе капитана Лебядкина Достоевский пытался создать своего рода эстетический противовес диктату «хорошего вкуса», утверждаемого Белинским, то подспудно писатель сохранил верность оценкам критика. Злободневные для литературы сороковых годов, к началу работы Достоевского над романом они утратили свою актуальность для читательской аудитории, но остались значимыми для самого Достоевского, для которого «Бесы» были отражением не только 1860-х — начала 1870-х годов, но и эпохи 1840-х годов, на которые прихо-

⁴⁵ Третьяковский В. К. Избр. произведения. М.; Л., 1963. С. 142 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴⁶ Тихомиров Б. Н. К вопросу о происхождении фамилии заглавного героя неосуществленного замысла Достоевского «Картузов» // Pro memoria. Памяти академика Г. М. Фридляндера. СПб., 2003. С. 179–194.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 215 (письмо Ф. М. Достоевского Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 года).

⁴⁹ См. об этом подробнее: Немировский И. В. Капитан Лебядкин и его литературное окружение // Новое литературное обозрение. 2023. № 3 (181). С. 123–142.

дится короткая дружба с Белинским и память об обиде, которую тот нанес писателю. Пройдет совсем немного времени после публикации романа, и в очерке «Старые люди» (1873) Достоевский напишет о Белинском если не с симпатией, то с некоторой теплотой. Роман закончен, счеты сведены, сороковые годы отошли в прошлое, люди сороковых стали «старыми».

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-173-180

© П. Р. Заборов

Ф. Д. БАТЮШКОВ И ДЕНИ РОШ

Федор Дмитриевич Батюшков (1857–1920) — видный отечественный историк литературы, критик, журналист, театральный и общественный деятель. Ближайший ученик академика А. Н. Веселовского, знаток европейского Средневековья, владевший несколькими иностранными языками, он после окончания в 1885 году Санкт-Петербургского университета начал вести там курс истории западноевропейских языков и литератур, а со следующего года — одновременно читать лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах. В 1891 году успешно защитил магистерскую диссертацию на тему «Спор души с телом в памятниках средневековой литературы», но это никак его не воодушевило: напротив, он все сильнее охладевал к академическим занятиям и к университетскому преподаванию, которое в 1899 году совершенно прекратил, оставив за собой лишь лекционный курс на Бестужевских курсах. Отныне деятельность Батюшкова была почти полностью посвящена литературному труду в самых разных его формах: он получил известность и заслужил признание собратьев по перу и читателей как автор большого количества статей, очерков и заметок, как редактор двух крупных журналов — русского отдела «Cosmopolis» (март 1897 — 1898) и «Мир Божий» (1902–1906), как организатор трехтомной «Истории западной литературы» (1912–1914), наконец, как эрудированный комментатор ряда изданий, выпущенных «Всемирной литературой».¹

Круг писателей и критиков, с которыми Батюшков был знаком и с которыми у него — человека общительного и доброжелательного — сложились хорошие отношения, был очень велик. Неудивительно поэтому, что именно к нему, известному на родине и за рубежом и к тому же свободно говорившему и писавшему по-французски, обратился молодой француз по имени Дени Рош, начинающий литератор и переводчик, уже побывавший в России в 1897 году, но, по-видимому, не удовлетворенный результатом и поэтому приехавший вновь весной 1898 года в надежде попытаться войти в литературный мир российской столицы.

Юрист по первоначальному образованию, Морис Дени Рош (Maurice Denis Roche, 1867–1951) решил сменить профессию и, пройдя обучение в парижской Школе

¹ См.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 180–181 (автор статьи — Л. А. Скворцова). Укажем также серию публикаций очерков из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов» (ИРЛИ. № 15780), подготовленных П. П. Ширмаковым — «Вечер у Л. Н. Толстого» (Русская литература. 1963. № 4. С. 214–221); «Стихийный талант (А. И. Куприн)» (К. Н. Батюшков. Ф. Д. Батюшков. А. И. Куприн. Материалы Всероссийской научной конференции в Устюжне. Вологда, 1968. С. 125–149) — и П. Р. Заборовым — «В семье Майковых» (Русская литература. 2000. № 3. С. 177–193); «Владимир Сергеевич Соловьев» (Там же. 2002. № 2. С. 185–197); «„Интеллигентская душа“ (Всеволод Михайлович Гаршин)» (Там же. 2003. № 1. С. 142–147); «Две встречи с А. П. Чеховым» (Там же. 2004. № 3. С. 169–174); «Александр Николаевич Веселовский» (Там же. 2006. № 4. С. 62–91); «На банкете в Болонье с Кардуччи» (Эткиндовские чтения: Сб. статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда. СПб., 2003. Вып. 1. С. 115–124).

восточных языков, где он под руководством видного французского слависта профессора Поля Буайе овладел в какой-то мере русским языком, обратился к изучению русского искусства, но одновременно начал пробовать силы и в переводе на французский язык русской литературы. Батюшков, редактировавший в это время «Cosmopolis», по видимому, привлек внимание Дени Роша как возможный пропагандист творчества русских писателей во Франции. Помимо этого Батюшков старался помочь новому знакомому вообще, вводя его в писательскую среду, снабжая рекомендательными письмами и представляя интересным людям, включая и членов своей семьи. Так или иначе, но между широко образованным русским интеллигентом и делавшим первые шаги французским переводчиком русской литературы возникло нечто вроде дружбы или, во всяком случае, взаимной приязни, о чем свидетельствует интенсивная и чрезвычайно объемная переписка между ними, правда продолжавшаяся всего пять лет (1898–1903). О письмах Батюškova к Рошу нам ничего не известно; что же касается писем Роша к Батюшкову, с давних пор хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, то еще в середине 1930-х годов они привлекли внимание двух научных сотрудников Пушкинского Дома (в то время Института литературы Академии наук СССР) Т. К. Ухмыловой и В. З. Голубева, которые при подготовке к печати писем М. Горького к Батюшкову ввели эти материалы в научный оборот, выявив и опубликовав в переводе все, что в них имело прямое отношение к началу известности во Франции творчества М. Горького, чему в очень большой степени способствовали Батюшков и Дени Рош.²

Задача настоящего сообщения — иная: по возможности используя весь комплекс писем Дени Роша к Ф. Д. Батюшкову³ и цитируя их, к сожалению, тоже в переводе, проследить, как складывались отношения двух этих людей на протяжении пяти лет и что удалось им сделать за это время для ознакомления читающей Франции с современной русской литературой.

Самое раннее из сохранившихся писем Дени Роша датировано 21 июля 1898 года. Оно было отправлено вскоре после возвращения на родину из России, с которой он основательно познакомился, побывав, помимо Петербурга, в разных городах и частях страны не без содействия и практической помощи Батюškova, его друзей и родных. Отсюда и характер письма, сплошь благодарственного как адресату, так и другим людям (л. 1–3).

Следующим письмом от 15 октября 1898 года Рош выразил Батюшкову признательность за полученный от него (без всяких просьб со стороны французского корреспондента) экземпляр русской версии «Cosmopolis», к этому моменту составлявшей три тома — 9-й, 10-й и 11-й. «Я был весьма приятно удивлен, — писал Дени Рош, — получив здесь весь годовой комплект вашего „Cosmopolis“, и не знаю, как достойно отблагодарить вас за это» (л. 4). Из наиболее примечательных, с его точки зрения, материалов он выделил принадлежавшую Батюшкову статью «Космополитизм и народность», которой открывался недолго просуществовавший русский отдел журнала, и драму К. Ф. Головина «Орхидея». Не прошел Рош мимо опубликованных в журнале писем К. С. Аксакова из-за границы, «Показаний» Ф. М. Достоевского на процессе петрашевцев и критических статей о разных зарубежных авторах. В конце письма он передавал привет друзьям Батюškova, с которыми тот в свое время познакомил Роша: это были З. Н. Гиппиус, писатели-беллетристы К. Ф. Головин и А. Луговой, а также В. Д. Комарова, художницы Е. М. Бём, сестры Шнейдер, А. Н. Иванова и др. (л. 4–5).⁴ Впрочем, в дальнейшем посредничество Батюškova в общении Роша с этими не-

² См.: М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. [Вып.] II. С. 263–288. См. также: *Зильберштейн И. С. Горький и Репин*. М.; Л., 1944. С. 8–9.

³ ИРЛИ. № 15300. Далее ссылки на эту единицу приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа. Перевод писем мой. — П. З.

⁴ Имеются в виду Константин Федорович Головин (1843–1913) и Алексей Алексеевич Тихонов, псевдоним — А. Луговой (1853–1914), Варвара Дмитриевна Комарова, псевдоним — Влад. Каренин (1862–1943), Елизавета Меркурьевна Бём (1843–1914), Варвара Петровна (1860–1941) и Александра Петровна (1863–1941) Шнейдер, Анна Николаевна Иванова (1877–1939).

заурядными людьми стало почти излишним: с некоторыми из них он переписывался и встречался лично в Петербурге или Париже, а также привлекал их к сотрудничеству по мере возникновения у него новых замыслов и начинаний.

Как можно допустить, в ответном письме Батюшков посоветовал Рошу познакомиться с творчеством одного из самых талантливых и особенно близких ему по духу русских писателей — В. Г. Короленко и предложил выбрать какой-нибудь его рассказ для перевода и последующего помещения на страницах «La Revue Illustrée», парижского журнала, в котором Рош преимущественно тогда печатался.⁵ «Я уже давно хочу перевести что-нибудь из Короленко, — отвечал ему Рош, — и как не воспользоваться при этом редкой возможностью показать публике его искусство в двух ракурсах, с помощью госпожи Бём, девиц Шнейдер и вашей. Я был бы слишком неповоротливым, чтобы отказатьсь от намерения, которое может доставить несколько удовольствий вместо одного» (л. 7). Речь шла об издании его перевода с иллюстрациями работы упомянутых художниц. Батюшков называл при этом рассказ «Чудная», «Павловские очерки» и «Сон Макара». Рош колебался, тем более что этих произведений он не знал. К тому же он в большой степени зависел от редакции журнала и в особенности ее секретаря Жерома Дусе (Jérôme Doucet). В конце концов он сделал свой выбор, о чем и сообщил Батюшкову в письме от 3 декабря 1898 года: «Я прочел „Чудную“, нашел рассказ очень интересным и немедленно примусь за его перевод. Я бы вам написал об этом раньше, но хотел, чтобы уже состоялся мой разговор с г-ном Дусе, и я узнал бы о ваших планах. Очень вероятно, что „La Revue Illustrée“ опубликует „Чудную“; конечно, предварительно посмотрев рисунки и прочитав рассказ. Все же я полагаю, что это дело решенное» (л. 11).

Появление в «La Revue Illustrée» благодаря Рошу (и Батюшкову) русских имен не могло не радовать редакцию: эта литература все больше входила во французский культурный обиход, но процесс этот явно отставал от потребностей в освоении столь богатой и мощной литературы. Знатоков ее было не так уж мало, но недостаточно, а русский язык оставался экзотическим, несмотря на появление сравнительно большого количества людей, им владеющих и умеющих с него переводить.

Рош, репутация которого как переводчика-любителя на первых порах была не слишком высокой, постепенно овладевал этим искусством, а после второй поездки в Россию и вхождения, в том числе стараниями Батюшкова, в столичную литературную и околολитературную среду, чувствовал себя все увереннее и обрастал новыми профессиональными и дружескими связями. Так, позднее, во время очередного посещения России, благодаря знакомству с И. Л. Толстым он в самом начале июня 1899 года провел несколько дней в Ясной Поляне, беседуя и совершая совместные прогулки с Л. Н. Толстым, о чем надолго сохранил благодарную память.⁶

При этом ввиду того, что интерес к современной русской литературе сочетался у Роша с неплохой ориентацией в русской художественной жизни, вес его в изданиях типа «La Revue Illustrée» становился все более очевидным и ощутимым. Не случайно именно к Рошу редакция «La Revue Illustrée» обратилась с просьбой оказать ей содействие в столь желательном для репутации журнала приглашении в качестве иллюстратора «русских» публикаций хорошо известного во Франции И. Е. Репина, на что Рош охотно согласился, надеясь опять-таки на помощь Батюшкова. При этом он вызывался перевести специально для того, чтобы заинтересовать Репина, несколько новых для французских читателей коротких рассказов русских авторов и одновременно предлагал написать для журнала, если удастся собрать необходимый материал, статью о Репине, которая сопровождалась бы репродукциями всех главных творений художника.

Человек отзывчивый и обязательный, Батюшков незамедлительно передал Репину просьбу редакции «La Revue Illustrée» и получил его согласие, а Рошу посоветовал перевести чеховских «Мужиков», иллюстрацию к которым и должен был редакции

⁵ Журнал издавался в 1885–1912 годах; выходил один раз в два месяца; издатели — Людовик, затем Рене Баше (Baschet).

⁶ См.: Французские посетители Толстого / Публ. и пер. Л. Р. Ланского // Лит. наследство. 1965. Т. 75. Кн. 2. С. 24–31.

предоставить Репин. Дальнейший ход событий Батюшков изложил много лет спустя в очерке «И. Е. Репин как иллюстратор Чехова и Горького», написанном для его книги «Около талантов»: ⁷ «Репин прочел рассказ и „загорелся“: он нашел его превосходным. Через несколько дней был готов и рисунок, тоже превосходный. Репин сумел уловить и передать общее настроение угарного чада грубых нравов мужиков: внутренность избы вся словно задернута черным туманом, из которого вырисовываются смутным пятном фигуры пьяных и дерущихся, и грустный облик разочарованного Чикильдеева — силуэтом у маленького оконца, из которого чуть брезжит свет. В рисунке масса движения, выразительные позы и жесты, верная передача общего замысла Чехова». ⁸

«С напечатанием, — продолжал Батюшков, — вышло, к сожалению, некоторое недоразумение: раньше отправки рисунка в Париж я снял с него фотографию и передал несколько экземпляров ее Репину. Увидел у него редактор „Жизни“ фотографический снимок, выпросил и воспроизвел в своем журнале. Редактор „La Revue Illustrée“ сообщил, что они не повторяют использованной уже иллюстрации, поэтому вместо прекрасного воспроизведения за границей пришлось удовлетвориться плохим отпечатком в русском журнале». ⁹

«Но это, — полагал Батюшков, — послужило и на пользу, так как Репин обещал заглавить свой „недосмотр“ и просил выбрать ему другой сюжет из области современной литературы. Два-три рассказа, которые я давал на прочтение И<лье> Е<фимовичу>, оставили его холодным, но он снова загорелся, когда я принес ему „Зазубрину“ Горького». ¹⁰

В письме от 20 декабря 1898 года Рош поблагодарил Батюшкова, хотя при этом не мог скрыть удивления, что художник выбрал «Зазубрину». Рошу рассказ этот был неизвестен, Горький же, не без воздействия Батюшкова, его все больше привлекал. Понимая, что дело это не срочное, Рош в том же письме вернулся к переводу «Чудной», который был в основном окончен, но вызывал у него некоторое беспокойство ввиду «плотности и разговорного характера» русского текста. Предполагалось, что Рош отправит свой перевод автору, а тот проверит его и постарается, насколько возможно, улучшить (л. 17 об.). Многие затруднения помог ему устранить и Батюшков. Наконец, 13 марта 1899 года Рош известил Батюшкова, что «передал рисунки и перевод „Чудной“ г-ну Дусе, и рисунки ему нравятся». Подготовка издания завершилась (л. 35–37).

Имя Максима Горького вновь появляется в переписке Роша с Батюшковым 2 января 1899 года: «Я благодарю вас за последний выпуск „Cosmopolis“, — пишет он. — Статья о Горьком очень хороша, ваши цитаты очень удачны, очень хорошо выбраны. Было ново выявление в творчестве Горького типа босяков» (л. 20 об.). 29 января он благодарит Батюшкова за полученный от него «второй том Горького», т. е. очередной том его «Рассказов» (СПб.: Знание, 1900), и сообщает о впечатлении, которое произвела на него «Мальва»: «Этот „эскиз“, один из удачнейших у Горького, искренний, правдивый и яркий, к сожалению, слишком длинен для „La Revue Illustrée“, чересчур длинен. Всего двух рисунков г-на Репина в качестве иллюстраций к нему было бы недостаточно» (л. 24). Рош по-прежнему не уверен в выборе «Зазубрины», за перевод которой еще не принимался, и предлагает остановиться на каком-нибудь другом сочинении Горького, а затем спрашивает, существует ли фотография писателя, и добавляет: «Судя по его произведениям и тому, что вы мне о нем рассказали, мне было бы любопытно увидеть, как он выглядит» (л. 25).

8 февраля 1899 года Рош вновь благодарит Батюшкова за последний выпуск упраздненного русского отдела «Cosmopolis» (л. 29), а 14 февраля возвращается к собственным делам: он признает, что «Зазубрина» все же больше других рассказов Горького подходит «La Revue Illustrée», и объясняет Батюшкову, который посоветовал ему перевести из того же сборника первую часть повести «Супруги Орловы», свое нежела-

⁷ ИРЛИ. № 15780. Л. 119–130.

⁸ Там же. Л. 126.

⁹ Там же. Литературно-политический журнал «Жизнь», издавался в Петербурге в 1897–1901 годах; фотографии с выполненных Репиным иллюстраций к повести Чехова «Мужики» см.: Жизнь. 1900. Т. 3 (март). Между с. 176 и 177 и на с. 442.

¹⁰ ИРЛИ. № 15780. Л. 127.

ние взяться за это соблазнительное занятие необходимостью и этот текст сокращать (л. 31 об.). Сильнее Роша в это время интересуется предстоящее появление автобиографии Горького, о чем ему, по-видимому, сообщает все тот же Батюшков: он надеется воспользоваться ею для своей «небольшой биографической заметки» о Горьком, и смущенно напоминает о фотографии писателя, которая нужна ему и получить которую без помощи Батюшкова он не может (л. 32).

Время шло, а судьба выбранного Репиным для публикации в «La Revue Illustrée» перевода «Зазубрины» оставалась неясной: редакция журнала терпеливо ждала рисунков Репина, а Рош, как он признавался в письме от 2 марта 1899 года, не решался ему написать и напомнить о взятых на себя обязательствах; сам он над переводом работал вяло и лишь 13 марта сообщил Батюшкову: «„Зазубрина“ уже переведен, мне остается лишь перечитать его и отдать переписчику». Впрочем, с заглавием рассказа, которое «французам ничего не говорило», он никак справиться не мог и поэтому надеялся на помощь Батюшкова, который предложил свой вариант, не имевший у переводчика успеха (л. 41 об. — 42, 44).

В том же письме Рош сообщил, что «вскоре собирается приняться за „Челкаша“» и даже «немного начал», добавив не без огорчения, что там «очень длинные фразы» (л. 42 об.). Но до окончания перевода и его издания было еще очень далеко: в письме от 14 октября 1899 года он извещал Батюшкова, что только через некоторое время собирается заняться пояснительной заметкой к этому рассказу (л. 61).

Вообще же интерес Роша к Горькому как писателю и человеку не ослабевает, и в этом он, естественно, рассчитывает на Батюшкова, у которого пытается узнать всевозможные подробности жизни писателя, в том числе и бытовые: «Долго ли Горький пробудет в Петербурге? Предчувствую, что вы мне скажете о его культуре и любви к чтению. Но вы ничего не говорите мне о его внешности, а ведь именно она так соблазнила Репина? По крайней мере увижу ли я когда-нибудь его портрет, над которым тот сейчас работает?» (л. 64).¹¹

10 декабря 1899 года Горький просит Батюшкова передать Рошу, что он разрешает ему переводить и печатать свои рассказы, «где ему угодно ныне, и присно, и во веки веков». ¹² Что же касается «Зазубрины», то его интересуется только рисунок Репина, который он просит Роша, если его это не затруднит, ему прислать: «„Зазубрина“, разумеется, мне не интересен, но на рисунок Репина я посмотрел бы с наслаждением. Итак — коли можно, то пусть Рош пришлет мне оный рисунок. И да благословит его, Дениса, Бог!»¹³

В ответном письме от 13 декабря 1899 года Батюшков сообщил Горькому, что извещил об этом Роша, а взамен рисунка, о котором тот просил, отправил писателю фотографии с него (к тому времени уже опубликованные в журнале «Жизнь»), добавив при этом, что снимок удачный и Репин им доволен.¹⁴ Получив фотографии, Горький пришел в восторг, о чем около 15 января 1900 года написал Батюшкову: «Вы поистине доставили мне огромное удовольствие, прислав дивную картину Репина. Нравится она мне и всем здесь, чрезвычайно. Как это живо нарисовано, как верно он понял Зазубрину, старика и всех. Хорошо!»¹⁵

Старания Батюшкова оказались тем более не напрасными, что «Зазубрина» по различным, прежде всего техническим, причинам все не появлялся в «La Revue Illustrée», и ситуация не улучшилась даже после приезда в Париж знаменитого автора иллюстраций. «Г-н Репин, — сообщал Рош Батюшкову 9 июня 1900 года, — находится сейчас здесь. Я имел удовольствие лицезреть его в течение нескольких минут. Думаю, вскоре познакомить его с г-ном Дусе. „La Revue Illustrée“ воспользуется пребыванием г-на Репина для того, чтобы опубликовать „Зазубрину“, иллюстрация к которому совершенно готова, и это даст ему возможность попасть без большого количества изменений в следующий номер» (л. 96).

¹¹ Речь идет о портрете, ныне находящемся в Государственном Русском музее.

¹² Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 1. С. 383.

¹³ Там же. С. 639–640.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Т. 2. С. 12, 249.

Однако 9 марта 1901 года, т. е. десять месяцев спустя, Рош констатировал, что «Зазубрина» так и не опубликован, и лишь 30 июля 1902 года он смог наконец поблагодарить Батюшкова за выполнение им данного Рошу обещания послать Горькому журнал, а это, в свою очередь, означало, что рассказ, после столь долгих мытарств, все же увидел свет: это произошло еще 15 ноября 1901 года (л. 117).

Имя Горького не исчезает из писем Роша к Батюшкову почти до конца их переписки: Рош продолжает переводить этого писателя и внимательно следит за информацией о нем в русской и французской печати. Одновременно в письмах появляются по разным поводам новые имена. Это Лев Толстой и А. И. Куприн, К. Д. Бальмонт, Н. М. Минский, Владимир Соловьев и другие. Но много чаще, конечно, встречаются имена Короленко и Чехова, с которыми Рош не расстается ни как читатель, ни как переводчик. Так, в 1899 году он выражает признательность Батюшкову за его «этиод» о Короленко (по всей вероятности, это был оттиск статьи, посвященной новому, «пересмотренному и дополненному» изданию повести «Слепой музыкант», которой начиналась первая часть его «Критических очерков и заметок»).¹⁶ В письме от 15 февраля 1900 года он, хотя и слабо понимает структуру петербургской Академии наук, просит все же передать Короленко поздравление по случаю избрания его почетным академиком по разряду изящной словесности (л. 85). В письме от 16 августа 1900 года он сообщает о полученной от Батюшкова фотографии Короленко, на которой тот «очень похож» и выглядит именно таким, каким он запомнился Рошу (л. 100 об.). В письме от 30 июля 1902 года он восхищается благородным поступком Короленко, который вышел из академии в связи с отказом Николая II утвердить избрание в нее Горького (л. 117–118). Наконец, в последнем из сохранившихся писем, датированном 21 июля 1903 года, Рош «очень искренне» благодарит Батюшкова за «самый приятный из возможных» подарков, а именно за два тома «Очерков и рассказов» Короленко, причем обещает незамедлительно прочесть именно те из них, на которые ему указывает Батюшков, и прежде всего рассказ («этиод») «Без языка», уже очень давно возбуждающий его любопытство (л. 125).

Когда Рош открыл для себя Чехова, точно не известно, но произошло это, во всяком случае, еще до его поездок в Россию, а к 1898 году он уже перевел «Палату № 6» и даже успел предложить свой перевод журналу «La Quinzaine», для чего потребовалось разрешение автора, которое он в конце концов получил.¹⁷ Примечательно, что, находясь в Петербурге, Рош ознакомил с этим своим переводческим опытом Батюшкова и был явно доволен, получив позднее его доброжелательный отзыв (л. 5).

В сентябре, в том же журнале, увидел свет его перевод повести «Мужики», на которую, как явствует из воспоминаний Батюшкова, он обратил внимание Роша, причем на обложке выпуска журнала была воспроизведена иллюстрация Репина, от которой пришлось отказаться «La Revue Illustrée». Чехову обе эти публикации понравились, хотя оценить качество переводов ему было трудно ввиду недостаточного знания французского, и Батюшков счел нужным в письме к нему положительно охарактеризовать оба перевода.¹⁸ На этом Рош не успокоился и 1 октября 1898 года, т. е. уже после возвращения во Францию, адресовал писателю новую аналогичную просьбу: на сей раз речь шла о переводе рассказов «Перекасти-поле» и «Кошмар», и Чехов снова не стал против этого возражать.¹⁹

Несмотря на увлечение Горьким, Рош не прекращал переводить Чехова и отдавался этому занятию со все возрастающей энергией.²⁰ Но прежде всего, он с помощью Ба-

¹⁶ См.: Батюшков Ф. Д. Критические очерки и заметки: [В 2 т.]. СПб., 1900–1902. Т. 1. С. 80–91.

¹⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1979. Т. 7. С. 346, 675.

¹⁸ Там же. С. 695.

¹⁹ Там же. С. 346.

²⁰ См.: Сахарова Е. Дени Рош — переводчик Чехова // Чеховиана. Чехов и Франция. М., 1992. С. 153–166 (статья включает в себя 11 неизданных писем Роша к Чехову, находящихся в Отделе рукописей РГБ).

тющкова попытался улучшить сделанное ранее, начиная с «Палаты № 6». Так, 2 февраля 1900 года он просил объяснить ему, что точно означает «губернский секретарь», «поступить <на службу>» и «уволен <со службы>», «специальная наука», выражение «будет тебе тень наводить» (л. 80); в рассказе «Тоска» не понял выкриков «Сворачивай, дьявол!» и «Повылазило что, старый пёс» (л. 81), а в следующем письме от 15 февраля, поблагодарив Батюшкова за «столь убедительные объяснения озадачивших его трудных мест», продолжил свои вопросы: на сей раз его смутило выражение «постричься (в священники, в монахи)» и т. д. и т. п. (л. 83).

В том же письме Рош подвел итог своим усилиям: «Я окончил пересматривать мои переводы Чехова. Исправил ли я все ошибки? Во всяком случае, устранил их довольно, слишком большое количество. Благодарю вас за полученный последний том рассказов. Им уже располагала г-жа Иванова и мне на прошлой неделе его одолжила. Теперь у меня есть возможность прочесть, не торопясь, то, что я, должно быть, пропустил» (л. 83 об. — 84).

Там же Рош привел приблизительный состав тома чеховских повестей и рассказов, которые он перевел и подготовил к публикации: «Мужики», «Палата № 6», «У предводительши», «На чужбине», «Тоска», «Ванька», «Тиф», «Перекасти-поле», «Беда», «Кошмар», «Свирепость» (так он первоначально озаглавил рассказ «Убийство») и «Княгиня» (л. 84). Однако уверенности в том, что Чехову его выбор понравится, у него не было, и он сожалел, что писатель, к которому он перед этим обращался с просьбой высказать свое мнение, ему не ответил. «Какова реальная причина этого, — с грустью констатировал он, — не знаю, мне вообще не кажется, что Чехов был хоть когда-нибудь удовлетворен тем, что я старался делать» (л. 84).

Тем не менее в следующем году сборник увидел свет в слегка измененном, по сравнению с намеченным, составе: общее число повестей и рассказов (12) осталось прежним, но вместо «Беды» и «Кошмара» в него были включены «В овраге» и «Попрыгунья», а «Убийство», переименованное при подготовке издания в «Свирепость», теперь стало называться «Remords» (т. е. «Угрызения совести» или «Покаяние»).²¹

Рош продолжал писать Батюшкову, затрагивая разные темы и задавая всевозможные вопросы; его интересовали политические и литературные новости, труды Батюшкова, здоровье его родителей и многое другое. Последнее из его известных нам писем датировано 21 июля 1903 года. Но приходили письма все реже и реже. По какой причине это произошло, кто из двух корреспондентов был в этом виноват и как они вообще восприняли прекращение постоянных контактов, в которых Рош, по крайней мере, был так заинтересован? В упомянутом выше последнем (и судя по тону прощальном) письме Рош говорил о том, что очень хорошо помнит свое посещение Петербурга, когда состоялось его знакомство с Батюшковым, передавал приветы сестрам Шнейдер, Репину, Куприну, а также родителям и брату Батюшкова. Однако о продолжении или возобновлении их переписки сведений нет, да это и маловероятно: в постоянной помощи Батюшкова, к которой Рош так часто прибегал, он, скорее всего, теперь не нуждался и, как человек деловой, писать ему перестал.

Батюшкову было суждено прожить еще семнадцать лет, из которых четыре последние были для него исключительно трудными. Дени Рош пережил своего русского корреспондента более чем на тридцать лет, жизнь его была вполне благополучной, он не раз бывал в России,²² подвизался на разных поприщах, но особенно много и плодотворно трудился как переводчик русской литературы, что принесло ему известность в обеих странах, но прежде всего во Франции, где в 1928 году он удостоился академической премии Ланглуа (Prix Langlois), присуждавшейся за лучший перевод в стихах

²¹ *Tchékhov Anton. Les Moujiks; Dans le bas-fond; Le Pipeau; Vanka; Détresse; La Princesse; Remords; Sur la terre étrangère; Chez la maréchale de noblesse; Graine errante; Une fièvre typhoïde; La salle № 6 / Trad. du russe <...> par Denis Roche. Paris, 1901.*

²² Одним из свидетельств пребывания Роша в России в 1905 году является его карандашный портрет работы И. Е. Репина, находящийся в Государственном Русском музее.

и прозе. Своих соотечественников Рош познакомил с творчеством многих русских писателей, но его главной заслугой и самым ценным вкладом в историю русско-французского культурного общения был перевод на французский язык «всего» Чехова, любовь к которому он пронес почти через всю свою сознательную жизнь.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-180-191

© К. А. Кумпан

НАД РУКОПИСЯМИ СТАТЕЙ ВЯЧ. ИВАНОВА. ЧАСТЬ 2. «ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС КАК ЛИРИЧЕСКИЙ ПОЭТ»*

Статья «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт» была заказана С. А. Венгеровым и предназначалась для шестой книги его знаменитых выпусков «Русская литература XX века (1890–1910)» (М., 1916). Напомним, что по просьбе этого известного издателя Вяч. Иванов уже написал две историко-литературные статьи для серии «Библиотека великих писателей»: «Байрон и идея анархии» (1905) и «О „Цыганах“ Пушкина» (1908). И, как явствует из истории работы над ними, Венгерову пришлось многократно напоминать Иванову о сроках сдачи статей, торопить его, переносить выход соответствующих выпусков из-за многократных задержек, связанных не только с жизненными обстоятельствами, но и с отмеченной нами¹ медлительностью самого процесса работы Иванова над текстом.²

Возможно, памятуя об этих многочисленных пролонгациях и сложностях получения работ от Иванова, Венгеров сначала обратился с просьбой написать статью к четкому и пунктуальному В. Я. Брюсову. Но тот ответил отказом, не будучи поклонником поэзии Балтрушайтиса.³ Тогда Венгеров в письме от 22 января 1915 года попросил Иванова написать «небольшую характеристику поэзии Балтрушайтиса», мотивируя предложение дружбой поэтов («с которым Вы, по-видимому, в хороших отношениях»).⁴ Из дальнейшей переписки следует, что Иванов не ответил на это предложение, и Венгерову через несколько дней пришлось повторить свою просьбу: «Очень прошу ускорить ответ на недавнее письмо мое. Мне крайне необходимо знать, могу ли я рассчитывать на получение от Вас статьи о Балтрушайтисе». ⁵ Еще раз Венгеров запрашивает Иванова о статье 7 марта («Жду с величайшим нетерпением вестей о характеристике Балтрушайтиса — она мне очень нужна»⁶). Вероятно, согласившись на предложение Венгерова, Иванов, как часто бывало, писать не торопился, так что издателю пришлось 6 мая снова повторить свою просьбу: «Балтрушайтис нужен до зарезу — останавливается издание из-за него». Здесь же редактор просит откликнуться: «Отзовитесь, пожалуйста, на мои вопли. А то обыкновенно мои письма остаются гласом вопиющего в пустыне. Даже Марья Михайловна, на что хороший человек, а тоже

* Первую часть статьи см.: Русская литература. 2023. № 4. С. 213–230.

¹ См.: Там же. С. 214–215.

² Историю создания этих статей см. подробнее в наших историко-литературных примечаниях к указанным статьям: *Иванов Вяч.* Собр. соч.: По Звездам. Опыт философии, критические и эстетические: Статьи и афоризмы. СПб., 2018. Кн. 2. Примечания. С. 232–239, 265–267.

³ См. письмо В. Я. Брюсова С. А. Венгерову от 27 мая 1914 года (Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 683).

⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 14. № 45. Л. 25. Черновая копия письма сохранилась в архиве Венгерова (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 72. Л. 110 об. — 111).

⁵ Письмо от 5 февраля 1915 года (РГБ. Ф. 109. Карт. 14. № 45. Л. 28). Черновую копию см.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 72. Л. 122 об. — 123.

⁶ РГБ. Ф. 109. Карт. 14. № 45. Л. 31. Черновую копию см.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 73. Л. 108 об.

молчит». ⁷ И наконец в письме от 4 сентября потерявший терпение Венгеров пишет, что «должен поставить вопрос ультимативно», заявляя, что если статья не будет представлена «в течении этих 10 дней» (т. е. до 14 сентября), то он будет вынужден передать ее написание другому автору. ⁸

Два последних письма по этому поводу опубликованы О. А. Кузнецовой. ⁹ 7 сентября 1915 года Иванов, наконец, откликнулся, оповестив редактора, что пришлет статью в срок. ¹⁰ В ответном письме от 9 сентября Венгеров указывает крайний срок присылки статьи — «17 сентября». ¹¹ Таким образом, можно предположить, что статья была закончена Ивановым и отослана Венгерову между 14 и 17 сентября 1915 года.

К этой статье имеется несколько рукописных источников, в частности, упомянем наборную рукопись (РНБ. Ф. 304. № 20. 16 л.) — перебеленную копию статьи, сделанную рукой М. М. Замятниной, с авторской правкой, а также корректуру с правкой автора и редактора (ИРЛИ. Ф. 607. № 231. Л. 3–8).

Наибольший интерес для нас представляет папка с рукописями под названием «Несколько слов о лирике Юргиса Балтрушайтиса» (ИРЛИ. Ф. 607. № 155), с указанием листажа (40 л.) и пометой: «Б/д». Произвольное заглавие этой единице дали архивисты по хорошо читаемому беловому автографу, которым открывается папка. Предназначение этого документа не совсем понятно. По содержанию: перечисление «некоторых особенностей» лирики друга-поэта, которые, следует заметить, коррелируют с запросом заказчика — дать «небольшую характеристику поэзии Балтрушайтиса», — можно было бы принять за первые подступы к статье. Но чистой характер рукописи и подпись автограф под ним указывают, что текст предназначался для публичного использования, возможно, как программка выступления. Во всяком случае, к тексту настоящей статьи он не имеет прямого отношения, хотя перечисленные здесь «особенности музыки Балтрушайтиса» получили в ней развитие. Что касается указанного на папке листажа (40 листов, т. е. 80 страниц), то перед нами 50 страниц, содержащих записи, и 30 пустых страниц (как правило, это обороты записанных листов).

Однако расшифровывая и идентифицируя автографы и систематизируя материал, который здесь сложен в произвольном порядке, мы обнаружили четыре страницы, которые вообще не имеют отношения к статье о Балтрушайтисе. Так, на обороте первого листа имеется надпись на верхнем поле крупными печатными буквами, смысл которой мы не смогли расшифровать: «К, П, О, Ж, С» (рука Иванова тут не установлена), на обороте пустого л. 16 записаны черновые наброски к поэме «Ты еси», на л. 9, как нам удалось установить, содержатся выписки из книги Э. К. Метнера «Размышления о Гете. Кн. 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» (1914), а на л. 16 — заметки, начинающиеся записью: «Б. А. Куфтин (?) — предс<еда<ель>» и выпиской отдельных слов и мыслей, возможно сделанные на каком-то московском заседании.

Итак, к статье о Балтрушайтисе, если не считать указанной беловой записи — с характеристикой «музы Балтрушайтиса», имеют отношение 45 страниц, записи на которых, за редким исключением, представляют не связанные между собой черновые и беловые фрагменты статьи (28), выписки стихотворных цитат (6) и наброски разрозненных мыслей (7). О записях еще на четырех страницах мы скажем особо.

В текстологической справке и в разделе «Другие редакции и варианты» мы сгруппировали эти автографы следующим образом: сначала описан первый указанный выше лист (БА₁), затем идет отдел «Выписки цитат из стихотворений Балтрушайтиса»,

⁷ РГБ. Ф. 109. Карг. 14. № 45. Л. 34. Черновая копия письма: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 73. Л. 136 об. На этом же листе тетради с черновиками писем сохранилась записочка к старой знакомой Венгерова М. М. Замятниной: «Пожалуйста бедного старого редактора — заставьте Вячеслава Ивановича написать характеристику Балтрушайтиса...».

⁸ РГБ. Ф. 109. Карг. 14. № 45. Л. 37.

⁹ Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым / Публ. О. А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 72–100.

¹⁰ Там же. С. 96.

¹¹ Там же. С. 97.

за ним — «Наброски мыслей к разным главам». Внутри этих отделов каждый фрагмент, написанный неразборчивой скорописью Иванова, мы определяем как черновые наброски (ЧН) и последовательно их нумеруем, прикрепляя, по возможности, цитаты и мысли к соответствующим главам и размещая их в последовательности глав в статье.

Все дальнейшие автографы являются черновыми и беловыми фрагментами текста статьи. В текстологической справке и в разделе «Другие редакции» они распределены по главам статьи, с рубриками: «Глава I», «Глава II» и т. д. Внутри главы они начинаются с черновики, потом идут беловики, причем если встречается перебелка какого-то черного наброска, то она идет следом за соответствующим ЧН. Сами фрагменты (как черновые, так и беловые) расположены в последовательности текста главы, к которой они относятся.

Самым сложным оказалось распознавание стихотворных цитат. Иванов часто записывал их для себя нечитаемым почерком. Чтобы их расшифровать, надо было прибегнуть к поискам цитат по печатным текстам Балтрушайтиса: т. е. по одному-двум разобранным словам искать и распознавать цитируемые фрагменты стихотворений.

И тут мы столкнулись с первой загадкой. Несколько выписанных цитат из стихотворений Балтрушайтиса не оказалось в первых двух его стихотворных сборниках — «Земные Ступени» (1911) и «Горная Тропа» (1912), т. е. в сборниках, которые вышли до работы Иванова над статьей и, несомненно, были у него под рукой или на слуху. Отсутствующие цитаты оказались выписками из стихотворений, вошедших в сборник «Лилия и Серп». Не только в черновиках, но и в окончательном тексте статьи автор неоднократно ссылается на образы и строки из стихотворений этого третьего сборника, который, как известно, был издан вдовой поэта только в 1948 году.

На этот сборник Иванов ссылается уже во второй главке статьи. Здесь, называя Балтрушайтиса «новым элевсинцем», который «в подобии озимого зерна прозревает откровение вселенской жизни и залог вселенской надежды», он в сноске отсылает к нескольким стихотворениям из сборника «Горная Тропа» и прибавляет: «Окончательное выражение находят настроения этого последнего периода в еще не вышедшей в свет книге стихов „Лилия и Серп“».¹²

Известно, что часть стихотворений, собранных вдовой поэта в этой книге, была написана Балтрушайтисом в 1910-е годы и некоторые из них тогда же опубликованы в периодике. И в это время появилось заглавие сборника «Лилия и Серп»,¹³ которое было изначально названием цикла из шести стихотворений, опубликованных в журнале «Заветы» (1913. № 1), три из которых: «Полночный парус», «Солнечные крылья» и «Лесной водопад» — Иванов цитирует в своей статье. Заметим, что тексты первых двух указанных стихотворений здесь имеют ранние варианты по отношению к окончательным текстам (в сборнике «Лилия и Серп»). С этими вариантами их цитирует Иванов,¹⁴ т. е. можно было бы предположить, что он пользовался журнальной публикацией. Однако третье стихотворение из этого цикла «Лесной водопад» у Иванова имеет другое название («Водопад») и вариант в последнем стихе («Чаша смертной тишины?» (РЛ-XX, с. 311)), не зафиксированный ни в журнальной публикации, ни

¹² Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916. Кн. 6. С. 303 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: РЛ-XX, с указанием номера страницы).

¹³ Балтрушайтис Ю. Лилия и Серп. Третья книга стихов. Париж: YMCA-Press, 1948. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: ЛиС, с указанием номера страницы.

¹⁴ Ср. варианты в цитатах из стихотворения «Полночный парус» в стихах 13, 14 и 18: «И глухо сердце, маятник железный, / Томится долей двух различных граней... / Двойным огнем пылет дух мой пленный» (РЛ-XX, с. 305; здесь и далее курсив мой. — К. К.) — с идентичным текстом в «Заветах» (1913. № 1. С. 9) и вариативным в сборнике: «И бьется сердце, маятник железный, / Творящий волю двух различных граней... / Двойным огнем томится дух мой пленный» (ЛиС, с. 51; здесь и далее курсив мой. — К. К.). То же касается мелкого варианта в цитате из стихотворения «Солнечные крылья» (в ст. 8), процитированного в черновых выписках Иванова: «Мало от света разнится тень» (ИРЛИ. Ф. 607. № 155. Л. 22; курсив мой. — К. К.); так этот стих напечатан и в «Заветах» (1913. № 1. С. 5), тогда как в сборнике он имеет вариант: «Мало от света разнится тень» (ЛиС, с. 41).

в сборнике (где последний стих: «Чаша сна и тишины!»).¹⁵ Это косвенным образом указывает, что Иванов пользовался какими-то другими источниками текстов, а не ранней публикацией.

Ранние варианты встречаются у Иванова и в названии стихотворения «Предчувствие» (см.: РЛ-XX, с. 305),¹⁶ тогда как в сборник оно вошло без заглавия по первой строке: «Предвижу разумом крушение...»; однако стих 11 у Иванова («Всем даром терний и распятий») вариативен по отношению к этому же стиху в первой публикации («Всем чудом терний и распятий»). В сборнике стих 11 такой же, как в цитате Иванова, но само стихотворение имеет дополнительную строфу (поэтому в ЛиС это стих 15 (ЛиС, с. 65)). Такая же смесь ранних и поздних вариантов зафиксирована в цитатах Иванова из стихотворений «Раздумье» («Все строже мыслю я, вникая...»),¹⁷ «Напутствие»¹⁸ и «Чудом тени».¹⁹

Не многа примеры разночтений в цитатах у Иванова с текстами публикаций стихотворений Балтрушайтиса, сделаем вывод, что вероятным источником цитат был какой-то промежуточный вариант текстов, который Иванов мог получить только от автора. Об этом же в статье Иванова свидетельствуют цитаты и ссылки на стихотворения Балтрушайтиса, которые или вообще не были опубликованы при жизни поэта, или были опубликованы в периодике после выхода статьи. Мы имеем в виду стихотворения «Море и Капля» и «Верую».²⁰

Итак, при осмыслении всего сказанного напрашивается единственное объяснение знакомства Иванова с неканоническими или не опубликованными текстами этих стихотворений, а именно: он мог получить их только от самого автора.

Предположение это имеет резоны.

Известно, что к 1914 году относится начало дружбы поэтов. Они были хорошо знакомы и раньше,²¹ участвовали в совместных начинаниях: например, в символистских журналах и альманахах, в венгерском издании Байрона в «Библиотеке великих писателей» (1904); позже, в 1915–1917 годах, по свидетельству биографа Балтрушайтиса, он помогал Вяч. Иванову переводить литовские народные песни для готовившегося в издательстве «Парус» «Сборника литовской литературы» под редакцией

¹⁵ См.: Заветы. 1913. № 1. С. 6; ЛиС, с. 52.

¹⁶ См. также: Дневник писателей. 1914. № 1. С. 4.

¹⁷ У Иванова (РЛ-XX, с. 305) название («Пробуждаясь») и стих 2 «В бег дней с их важной пестротой» идентичны первой публикации, тогда как стихи 3–4 «Не праздный колос мысль людская, / Людские сны — не цвет пустой!» в первой публикации иные: «Не праздный трепет мысль людская / Глубь снов людских — не цвет пустой!» (Песни жатвы. Тетр. 1. М., 1915. С. 7; курсив мой. — К. К.). В ЛиС (с. 38) стихотворение опубликовано под заглавием «Раздумье», а стих 2 имеет вариант: «В бег дней с их гордой светой».

¹⁸ У Иванова (РЛ-XX, с. 304–305) стих 3 «Твое томленье не от праха!» в первой публикации имеет вариант: «Твоя тревога не от праха», а стих последней строфы «Цветет в мирах как сон, как дрожь» идентичен первой публикации (День печати. Клич. М., 1915. С. 19; курсив мой. — К. К.), тогда как в сборнике он имеет вариант: «Цветет в тебе как сон и дрожь» (ЛиС, с. 40). В то же время в первой публикации нет процитированного Ивановым четверостишия: «И пусть свершенья яви шумной — / Лишь тлен, но Вечность — грань его, / И в ней твой разум многодумный / И воля сердца твоего». Оно имеется в ЛиС (с. 40), но тоже с небольшими вариантами: «Лишь плен, но вечность — грань его» и «И смута сердца твоего».

¹⁹ В первой публикации оно имеет другое название — «Вечерняя песня» (Современник. 1915. № 1. С. 3) и ряд опечаток, но стих 12 идентичен стиху в цитате Иванова (РЛ-XX, с. 307) «Как равновесное зерно» (только без выделения курсивом), а в сборнике стихотворение, как у Иванова, под названием «Чудом тени», но с рядом вариантов (стих 12: «Как полновесное зерно», а стих 18 вместо: «Все ослепленье дольных слез» — «Всю боль и горечь дольных слез» (ЛиС, с. 33)).

²⁰ Выписки из стихотворения «Море и Капля» с большим количеством вариантов сохранились в черновиках статьи (ИРЛИ. Ф. 607. № 155. Л. 33); в основном тексте встречается образ «мир Голгофы» из этого стихотворения (РЛ-XX, с. 309). Стихотворение «Верую» (опубл.: Весенний салон поэтов. М., 1918) цитируется в основном тексте статьи (РЛ-XX, с. 306).

²¹ Их знакомство произошло в марте 1904 года в издательстве «Скорпион» (см.: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 103; см. также: Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 96).

Балтрушайтиса и М. Горького.²² Кроме того, оба они в 1917 году активно участвовали в организации «Lo studio italiano».²³

Подлинное сближение поэтов началось в 1914 году, когда отношения между Ивановым и Балтрушайтисом приняли характер душевной дружбы. Лето 1914 года семейство Ивановых проводило вместе с супругами Балтрушайтис в усадьбе Бера. Их совместная дачная жизнь нашла отражение в посвященном супругам Балтрушайтис стихотворении Иванова «Петровское на Оке»,²⁴ она красочно описана и в воспоминаниях его дочери.²⁵ Дружбе способствовало также несколько обстоятельств: начавшаяся этим летом Первая мировая война, в отношении к которой они были полными единомышленниками,²⁶ а также преклонение перед творчеством Скрябина и близость с композитором в последний год его жизни, а после неожиданной и скоростной кончины (апрель 1915 года) — общие занятия его мемориальными делами, организация вечеров по увековечению памяти и т. д.

В мае 1915 года после «воплей» Венгерова о присылке статьи Иванов, вероятно, приступил к работе. Балтрушайтис чуть позже в июне вернулся из Подмосквья в Москву, и на протяжении всего июня зафиксировано их личное, напряженное общение. Они жили в пределах Смоленского кольца: Иванов — на Зубовском бульваре, д. 25, а Балтрушайтис на Поварской, д. 24. Свидетельства их почти ежедневных встреч можно найти в переписке ближайшего окружения Иванова. Так, в письме от 26–27 июня 1915 года М. М. Замятина сообщает В. Шварсалон: «Юргис бывал у нас каждый день, а раз мы у них обедали, там было большое сравнительно общество: Татьяна Федор<овна> Скряб<ина>,²⁷ Бальмонт, Ремизов, Меерхольд <так!>, Гнесин, Сабанеев, Шапошников...».²⁸ А из писем близкого тогда Иванову Г. Г. Шпета выясняется, что «летом 1915 года он и Лев Шестов часто бывали у Иванова и слушали его стихи <...>, иногда в компании Бальмонта, Балтрушайтиса и Ремизова...».²⁹

Из этих кратких свидетельств, исходящих из близкого окружения Иванова, явствует, что при встречах читались произведения поэтов. Отметим, что они высоко ценили поэзию друг друга. Известно, что Балтрушайтис был одним из первых читателей и почитателей неопубликованной поэмы «Человек».³⁰ Он, несомненно, также делился с Ивановым как своими новыми поэтическими произведениями, так и планами издания третьей книги стихотворений «Лилия и Серп», что следует из письма к Иванову от 20 июля 1915 года, в котором Балтрушайтис жалуется другу, что его книга «продвигается что-то медленно».³¹ Напомним, четыре стихотворения из будущей книги «Лилия и Серп», которые Иванов цитирует и упоминает в своей статье («Хвала рабам», «Напутствие»,

²² См.: *Дауэтите В.* Юргис Балтрушайтис: Монографический очерк. Вильнюс, 1983. С. 264–265.

²³ Об этом см. подробнее: *Котрелев Н.* Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. — Манифест московского «Lo studio italiano», составленный Юргисом Балтрушайтисом // *Котрелев Н.* За 50 лет. Избр. труды: В 2 кн. М., 2023. Кн. 1. С. 506–534 (совм. с А. И. Демьяновой).

²⁴ *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1979. [Т.] III. С. 528–529. Позже, в 1918 году, Балтрушайтис также посвятил Вяч. Иванову цикл из четырех стихотворений: «Вячеславу Иванову в Красной Поляне» (ЛиС, с. 201–202).

²⁵ *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 56–57.

²⁶ Об этом см. подробнее в указ. работе: *Котрелев Н.* Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. С. 507–509.

²⁷ Имеется в виду неофициальная вторая жена Т. Ф. Шлёцер.

²⁸ Цит. по: *Обатнин Г. В.* «Φύλα» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // Вяч. Иванов. Pro et contra: Антология. СПб., 2016. Т. 2. С. 844.

²⁹ Цит. по: *Обатнин Г. В.* Запись Вячеслава Иванова о системе Э. Гуссерля // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. М., 2018. Вып. 3. С. 440. Исчерпывающий свод архивных материалов об отношениях двух поэтов будет сделан Г. В. Обатниным в историко-литературном комментарии к статье «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт» в ожидаемом томе академического собрания сочинений Вяч. Иванова.

³⁰ См. эту оценку в письме Балтрушайтиса Иванову от 14 и 16 июня 1915 года (*Котрелев Н.* Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. С. 514, 516).

³¹ Там же. С. 520.

«Чудом тени» и «Верую»), написаны были в Петровском-на-Оке, так что они, вероятно, тогда же стали известны Иванову. О том, что Балтрушайтис посылал Иванову тексты своих стихотворений именно в разгар работы над статьей, свидетельствуют строки из его письма от 16 июля 1915 года: «Завтра пошло тебе копии стихов, как ты наказывал».³²

Но не только знакомством со своим еще неизвестным читателям творчеством помог Балтрушайтис Иванову при написании настоящей статьи. Как явствует из самого ее текста, он также изложил другу свой творческий путь, поэтически описав свою эволюцию. Об этом Иванов пишет в начале второй главки, отмечая, что «пишущий эти строки рад, что имеет возможность и полномочие предпослать своей попытке истолкования (лирики Балтрушайтиса. — К. К.) — самоистолкование поэта, доверенное ему дружбою» (РЛ-XX, с. 301–302).

Можно было бы предположить, что речь идет об исповедальных личных беседах, но оказалось, что это «самоистолкование», «доверенное дружбою», было закреплено и на бумаге, возможно, по просьбе Иванова.

Вчитываясь и сортируя автографы указанной папки, мы столкнулись с записями на четырех страницах — двух сдвоенных листах (л. 35–36 об.), которые, при внимательном рассмотрении, написаны не рукой Вяч. Иванова. Записи эти носят спонтанный характер, но прозаический текст написан четко мелким и довольно ровным почерком по левому краю страницы, тогда как стихотворные строчки, как правило, вписаны позже, скорописью, с правой стороны страницы и с л. 35 об. переходят на сдвоенную соседнюю страницу (л. 36). Цитаты стрелочками отнесены к определенным пунктам текста. На обороте л. 36 тем же почерком, но более четко написаны две стихотворные строки с кратким комментарием. Сравнение почерка этих записей с почерком писем Балтрушайтиса не оставляет сомнений, что они принадлежат ему.

Приведем их расшифровку, сопровождая записи постраничными примечаниями. Квадратными скобками обозначены зачеркивания. На курсив переведены подчеркнутые фрагменты текста.

Л. 35.
до 1899

1-ое забвение с обычными радостью и печалью. Чисто эстетическое восприятие вещей, простое запоминание их, без вопросов и ответов. Обычное стояние в мире, без чувства <см?>

Дай дослушать в час рассветный,
Вещий звон колоколов!
Дай мне ярче, в утро мая,
Осениться светом дня!
Не смущай тревогой гневной
Мира тайных снов моих!
(*Noli tangere circulos meos*³³) стр. 51.³⁴

77. Где-то на праздник труба призывает³⁵
1900 — до 1903–1908

2-ое забвение. Сиротство, отторженность [(воинствующее, неприемлющее)]

Начало: *Ночью* (55). *Детские страхи*. 81. Отчаянье. 167. *Сиротство*. 165. Оди-

³² В письме от 16 июля 1915 года (Там же. С. 517). В примечаниях к этому месту письма Н. В. Котрелев отмечает: «О каких стихах идет речь — не знаю» (Там же. С. 518, прим. 7). Можно предположить, что речь идет об упомянутых нами текстах стихотворений из будущего сборника «Лилия и Серп», которые Иванов использовал в статье.

³³ Не касайся моих чертежей (*лат.*). Название стихотворения Балтрушайтиса, в котором использовано крылатое выражение, по преданию принадлежащее Архимеду.

³⁴ Указаны страницы из сборника: *Балтрушайтис Ю.* Земные Ступени. М., 1911. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: ЗС, с указанием номера страницы.

³⁵ Первая строчка из стихотворения «Аккорды» (ЗС, с. 77).

ночество. 175. *Остров*. 163. *Ткач*. 169. *Прибой*. 59. *Taedium Vitae*. 73³⁶ (Где и было молитвенное признание бытия, оно еще — благоговение страха...)

3-<е> *забвение*. Примирение с сиротством (пример: добровольно-подвластное изъятие): Молись Тому — *Кто силу жизни дал подснежникам и мхам*³⁷
Сердце. 65. *Песня*. 67.

1906

4-ое <*забвение*> Беспредельность мира и скорбь человеческой предельности.

Скорбь спящего у Божьего порога

(Символы жизни, как бреда).

(Микеланджело)³⁸

На отмели. 95 Вечерний дым. 189.

1909

5-ое <*забвение*> Начало мира в человеке, его связь с ним через благоговение, просветляющая тоска —

Вечерние песни. 97–I–III (особенно)³⁹

1908 г.

Л. 35 об. — 36.

6-ое <*забвение*> Начало Ave stella maris⁴⁰

Слияние с миром

Трагическое [признание] единства с миром: Капля и море⁴¹

Чем дальше жизнь, тем время безначальней. 117⁴²

To see, a world in a grain of sand⁴³

(1911) Годы надежды *Полночь*. 103. В пути⁴⁴

Поклонение земле (53) и [вся] большая часть «Горная Тропа»

Призыв 87⁴⁵

Узник 93

Пробуждение 91

То пурпур дум, то пурпур грез струя

Как весть из рая, в жребии земли⁴⁶

Вифлеемская звезда⁴⁷

142 Но ясен путь, и падают оковы

Едва душа, без боли о себе,

³⁶ Здесь и далее до строки «Призыв 87» перечислены названия стихотворений с указанием страниц по сборнику «Земные Ступени».

³⁷ Строка стихотворения «Молись тому...» (ЗС, с. 62).

³⁸ Имя «Микеланджело», как явствует из статьи Иванова (см. далее, с. 188), означает влияние его творчества на поэзию Балтрушайтиса этого четвертого периода («забвения»).

³⁹ См. строки в третьем стихотворении цикла «Вечерние песни»: «С просветленным тоскою / В дали звездные гляжу...» (ЗС, с. 102).

⁴⁰ «Славься, морская звезда» (*лат.*) — начальные слова католического гимна, использованные в названии стихотворения (ЗС, с. 47).

⁴¹ Имеется в виду стихотворение «Море и капля» (ЛиС, с. 39), датированное 20 декабря 1914 года; см. цитаты из него ниже. Ср. также: «Дремлет каплей в океане...» («Ступени», ЗС, с. 76); «У рассветной двери, / В песне о просторе, / Славлю в равной мере / Капельку и море...» («Аккорды» из сб.: *Балтрушайтис Ю. Горная Тропа*. М., 1912. С. 95; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: ГТ, с указанием номера страницы).

⁴² Из стихотворения «Элегия» (ЗС, с. 117).

⁴³ Увидеть мир в песчинке (*англ.*). Цитата из стихотворения Уильяма Блейка «Предзнаменование невинности» («Auguries of Innocence»), которая служит одним из эпитафиев к первой части сборника «Горная Тропа».

⁴⁴ ЗС, с. 123–124.

⁴⁵ Здесь и далее цифры после названия стихотворений — страницы в сборнике «Горная Тропа».

⁴⁶ Восьмая и двенадцатая строки из указанного стихотворения «Пробуждение».

⁴⁷ ГТ, с. 135–136.

Тоскующе приемлет долг суровый
Свободного служения судьбе⁴⁸

C <I>912-го 7<-е затмение.> Совпадающая беспредельность человека и мира:
еще не созданный человек и в еще не созданном мире

Пафос слияния с миром, Миг — святыне дары. — — — — <так!>

143 Чередою

Ликующие годы веры. *Символ озимого зерна*⁴⁹

Горная Тропа 29⁵⁰

Синева 109

Ныне и присно.⁵¹ Слухом новым⁵²

11

Мощь малости⁵³

Восхождение 15

Без крова⁵⁴

E quindi uscimmo a riveder le stele⁵⁵

*Дым*⁵⁶ — переходное и вступительное

NB Сюда не возврат⁵⁷

Грань сокровенной полноты⁵⁸

Слава дневному бегу!

Слава тайне ночной⁵⁹

Равнодушие 69

Как пример одиночества в новом душевном опыте

Сравнение Сиротств<o> Сравнение «В пути» Жертвенный дым⁶⁰

Л. 36 об.

Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...

Вся мысль моя — стояние над бездной...⁶¹

(Лето 1911 г.⁶² Как общий взгляд назад)

Итак, если теперь мы обратимся ко второй главке статьи о Балтрушайтисе, то увидим, что Иванов обильно цитирует и пересказывает эту запись, а также приводит строчки или дает в сносках отсылки на названия тех стихотворений, которые к каждому периоду «прикрепляет» Балтрушайтис.

⁴⁸ Из стихотворения «Раздумье» («Проходит день, и глухо сердце бьется...») (ГТ, с. 141–142).

⁴⁹ Образ озимого зерна встречается в стихотворениях «Раздумье» (1913, ЛиС, с. 64) и «С верой в груди упорной...» (б/д, ЛиС, с. 140).

⁵⁰ Название одноименного стихотворения в сборнике «Горная Тропа».

⁵¹ ГТ, с. 11. См. ниже вписанную цифру 11.

⁵² Возможно, образ восходит к стихам: «Горе! Чем-то сердце встретит / Бедность новой тишины?» («Охота», ГТ, с. 116). См. эту цитату в основном тексте, РЛ-XX, с. 309.

⁵³ ГТ, с. 123.

⁵⁴ Вероятно, речь идет о стихотворении под этим названием (ГТ, с. 123–124). Под этим же названием имеется стихотворение в сборнике «Лилия и Серп» (ЛиС, с. 81).

⁵⁵ Тогда мы вышли, чтобы видеть звезды (*ит.*). Цитата из «Божественной комедии» Данте (последний стих XXXIV песни «Ада»). Один из эпитафов ко второй части «Горной Тропы».

⁵⁶ ГТ, с. 51–52.

⁵⁷ Возможно, речь идет о стихотворении «Возврат», которое в «Горной Тропе» следует сразу за стихотворением «Дым».

⁵⁸ Восьмой стих из стихотворения «Напутствие» (ЛиС, с. 40).

⁵⁹ Последние строки из стихотворения «Круг вековечный» (ГТ, с. 20).

⁶⁰ «Сиротство» и «В пути» — названия стихотворений (ЗС, с. 165–166, 123–124). «Жертвенный дым» — образ из стихотворения «Дым» (ГТ, с. 52). Позже Балтрушайтис дал такое название сборнику стихотворений (1942), написанных на литовском языке, «Aukuro Dumai».

⁶¹ Первые строки стихотворения 1904 года: «Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...», написанного в 1904 году и взятого эпитафом к сборнику «Земные Ступени» (с. 7).

⁶² Вероятно, это дата включения стихотворения-эпитафа в «Земные Ступени».

Поскольку статья о Балтрушайтисе, кроме публикации в венгерском издании, нигде не воспроизводилась, позволим себе, чтобы не быть голословными, привести эту вторую главу с примечаниями автора.

Вяч. Иванов

Юргис Балтрушайтис как лирический поэт

<...>

II

Истолковать этот монолог — душевно трудное и ответственное дело. Как подслушать молитвенный шепот и как домыслить подслушанное? Вот почему пишущий эти строки рад, что имеет возможность и полномочие предпослать своей попытке истолкования — самоистолкование поэта, доверенное ему дружбою.

«Земные Ступени»... «Горная Тропа»... Какой особенный, личный смысл таится в этих символах — заглавиях двух предлежащих нам книг? — Семь последовательных ступеней осознания личностью мира и ее самой различает поэт в своем прошлом внутреннем опыте — и дает этим ступеням неожиданное и многозначительное наименование «семи забвений». Ибо, когда выйдет человек из замкнутого и самодовлеющего круга привычных впечатлений и представлений, с которым он сжился, как с родным «кровом», и откроется душе его новый мир, — он забудет, внутренне пережившись, прежний свой «кров» и прежний плен, — как забудет, в свою очередь, и эту новую временную обитель, переступив через порог следующей, лежащей на его пути. И пребывание в каждой отдельной сфере, под каждым последовательно обретаемым «кровом», укрывающим дух от огромности сущего, которой он не может вместить, — есть забвение об иных пристанищах, мирах и обителях; и каждый миг воплощенного бытия есть забвение об изначальной и в конце «тропы» заданной, всеобъемлющей, божественной полноте.

Свое первое «забвение» (обнимающее период жизни до 1900 г.) поэт характеризует как простое «стояние в мире — без вопросов и ответов»; он поглощен разглядыванием вещей и эстетическою их расценкою. И когда зашевелились в душе иные запросы, ему хотелось бы усыпить их и еще помедлить в своем бездумье: «noli tangere circulos meos» («Земные Ступени», стр. 51). В самом деле, он вступает в круг «сиротства и отторженности». Пробудившейся личности противостоит мировая данность, подавляющая и ужасающая душу, чуждая ей, иноприродная, иноязычная, неприемлемая для личности. Душа усиливалась преодолеть этот второй плен, — «но не было ни смерти, ни рожденья». И когда ей казалось, что она мирится с миром, это вынужденное *Да* бытию было, по словам поэта, «благоговением из страха»¹⁾.

Уныние «сиротства» сменилось — в круге третьего «забвения» — чувством покорности, «добровольного (!) согласия» на высшую, трансцендентную личности волю. Выход был чисто религиозным; он совершился под знаком: «молись». Но внутренняя гармония, конечно, не была завоевана этой резигнацией. С итальянскими впечатлениями от творений Микель-Анджело, особенно от его «Ночи» (1906 г.), связалось наступление нового, четвертого, периода душевной жизни. Поэт проникается «скорбью человеческой предельности», ощущением «жизни, как бреда». Это, говорит он, была «скорбь спящего у Божьего порога».

Ослепленными очами
Мы глядим, рабы теней,
В мир, сверкающий пред нами,
Расширяя только снами
Жребий малости своей.

(«Земные Ступени», стр. 95)

Рабы одной галеры в блеске дня,
Уходим мы
С отдельной болью, жребий свой кланя,
В отдельность тьмы.

(«Земные Ступени», стр. 189)

В 1908 г. забрезжило поэту то, что он называет «началом мира в человеке», и печаль, уже «просветленная», отметила это установление во внутреннем опыте первой живой связи между я и вселенною²⁾. Если на этой, пятой, ступени поэту открывается, наполняя его светом, таинство имманентного познания, то на следующей, шестой, оно, согласно общему ритму его развития, находит свою трагическую антитезу: «трагически» переживает он единство личности и мира, «капли и моря»³⁾. И только с 1912 г. — со вступлением в круг последнего из доселе изведанных им «забвений» — поэт обретает в углубленном чувстве «слияния с миром» источник внутренней свободы и мужественного пафоса. Перед ним разоблачается «совпадающая беспредельность мира и человека»; он видит «человека не созданным в еще не созданном мире» и — новый элевсинец — в подобии озимого зерна прозревает откровение вселенской жизни и залог вселенской надежды...⁴⁾

Не нам развивать эти скупые, быть может, но показательные намеки, в которых еще отчетливее, нежели путь поэта-мыслителя, уже обрисовался он сам как личность⁵⁾. Пусть они помогут читателям проверить нижеследующие наши наблюдения, направленные уже не на генетическую связь, но на предлежащую нам художественную совокупность его лирических творений.

¹⁾ К этой поре относятся в сборнике «Земные Ступени» стихотворения: «Ночью», «Прибой», «Taedium vitae», «Детские страхи», «Остров», «Сиротство», «Отчаяние», «Ткач», «Одиночество» и др. Отметим при этом случае, что в аккорд мировой скорби явственно примешиваются у Балтрушайтиса отзвуки боли общественной.

²⁾ См. в «З.С.», «Вечерние песни», особенно III.

³⁾ См. в той же книге стихотворения: «Элегия», «Полночь», «Поклонение Земле», в «Горной Тропе» — «Узник», «Раздумье» (стр. 141), «Пробуждение», «Без крова», «В Пути», «Призыв».

⁴⁾ См. в сборнике «Горная Тропа»: «Ныне и Присно», «Восхождение», «Мощь Малости», «Горная Тропа», «Синева» и др. Окончательное выражение находят настроения этого последнего периода в еще не вышедшей в свет книге стихов «*Лилия и Серп*».

⁵⁾ «Dai versi del B. si sente ch'egli è un vero figlio della Lituania, uno di quegli esseri silenziosi, austeri, d'una sincerità sovente tragica per se e per gli altri, difficili' a piegarsi nel loro intimo... In B. il dolore metafisico del mondo-prigione fa tacere ogni personale dolore... Ma non soltanto del dolore s'ispirano i canti del B.: come ogni cuore veramente mistico, a traverso il suo *Weltschmerz*, egli è giunto ad uno stato d'animo eroico, il cui carattere fondamentale è la speranza». *Kühn-Amendola, La Scala Terrestre*, traduzione. Firenze 1912, p. 9.⁶³

(РЛ-XX, с. 301–304).

В качестве краткого комментария отметим, что приведенные два четверостишия в тексте главы взяты из стихотворений «На отмели» и «Вечерний дым», опубликованных на указанных страницах сборника «Земные Ступени».

Может быть, стоит обратить внимание на датировку «забвений». У Балтрушайтиса дата иногда дана невнятно (например, датировка второго и третьего «забвения»), и Иванов, во избежание путаницы, указывает лишь датировку первого «забвения»

⁶³ Пер.: «„По стихам Б. чувствуется, что он истинный сын Литвы, один из тех молчаливых, суровых созданий, которые с зачастую трагической искренностью относятся к себе и другим, неподатливых в самой своей сокровенной основе... У Б. страдания, которые приносит мир-тюрьма, заставляют замолчать любое личное страдание... Но не только страданиями питаются песни Б.: как всякое истинно мистическое сердце, он через свою *Мировую скорбь* приходит к состоянию героического духа, в основе которого лежит надежда“. *Кюхн-Амендола. Земные Ступени*, перевод. Флоренция, 1912. С. 9» (ит.).

(до 1900 года) и четвертого (после 1906-го). А потом указывает даты, но опускает нумерацию забвений, хотя и пользуется определениями поэтических мотивов и настроений Балтрушайтиса, перечисляет или цитирует вслед за соответствующим периодом («забвением») указанные Балтрушайтисом стихотворения.

Таким образом, настоящая статья если не являлась коллективным творением двух поэтов, то все же была написана при участии Балтрушайтиса.

В качестве постскриптума позволим себе отметить несколько привходящих моментов, которые касаются уже не текстологии Вяч. Иванова, а текстологии Балтрушайтиса. Прежде всего, следует указать на промежуточные варианты стихотворений, не известные читателям, которые, несомненно, при будущих научных изданиях Балтрушайтиса необходимо учесть. Кроме того, датировка многих стихотворений, особенно опубликованных в первых двух сборниках («Земные Ступени» и «Горная Тропа»), до сих пор оставалась неизвестной. И для установки примерных дат некоторых произведений из «Земных Ступеней» публикаторы использовали как источник настоящую статью Иванова. Так, Ю. Тумялис в сборнике стихотворений Балтрушайтиса «Дерево в огне» (Вильнюс, 1983) указывает даты написания некоторых стихотворений таким образом: «*Noli tangere circulos meos*»: «По В. И. Иванову — написано до 1906 г.», «На отмели»: «По В. И. Иванову — написано около 1906–1908 гг.», цикл «Вечерние песни»: «По В. И. Иванову — написано после 1908 г.», «Сиротство» и «Ткач»: «По В. И. Иванову — написано до 1906 г.», «Вечерний дым»: «По В. И. Иванову — написано около 1906–1908 гг.».⁶⁴

Обнаруженная нами рукопись Балтрушайтиса дает возможность датировать и ряд других стихотворений. Например, 1911 годом автор датирует стихотворения из «Земных Ступеней»: «В пути» и «Полночь». К тому же году он относит «большую часть» стихотворений в сборнике «Горная Тропа», называя следующие: «Призыв», «Узник», «Пробуждение», «Вифлеемская звезда» и «Раздумье» («Проходит день, и глухо сердце бьется...»), время написания которых до сих пор не было установлено. А к «седьмому забвению», т. е. к 1912 году, Балтрушайтис относит стихотворения: «Чередой», «Ныне и присно», «Мощь малости», «Восхождение», «Без крова», «Дым», «Возврат», «Равнодушие».

Безусловно, даты эти приводились по памяти и требуют корректировки и, по возможности, перепроверки. Например, указанные здесь стихотворения «Синева» и «Горная Тропа» отнесены в записи автора к 1912 году, хотя были опубликованы в 1911 году (в пятой книге «Северных цветов»), а текст отнесенного к 1911 году стихотворения «Поклонение земле» был переслан Брюсову в 1910 году.⁶⁵ В любом случае, если нет подтверждений или опровержений, датировки, сделанные автором по памяти, следует воспроизводить со знаком вопроса. Но, тем не менее, стихотворения эти можно датировать в хронологических рамках конца 1910 — 1911 года. При этом надо иметь в виду, что некоторые стихотворения прописывались Балтрушайтисом годами, т. е. отдельные строки и строфы писались задолго до окончательного завершения произведения.⁶⁶

И наконец, отметим последнюю загадку этого текстологического «детектива». Имеются сведения, что Балтрушайтис впоследствии негативно оценил ивановскую статью, осудив и опровергнув схему, т. е. именно эту предложенную им самим периодизацию своего поэтического творчества, с делением на семь «забвений». Такая оцен-

⁶⁴ Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс, 1983. С. 280, 282, 284, 285 (прим. Ю. Тумялиса).

⁶⁵ Там же. С. 281 (прим. Ю. Тумялиса).

⁶⁶ Так, вариант первых четырех строк стихотворения «С верой в груди упорной...» (ЛиС, с. 140), датированного Ю. Тумялисом 1925 годом (Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. С. 297), был послан в открытке Балтрушайтиса к Вяч. Иванову из Тулы 2 сентября 1914 года («Сердце да верит упорно / Яви раскрывшимся снам — / Сейте озимые зерна! / Вскиньте ступени во храм») (Котрелев Н. Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. С. 512). См. образ «озимых зерен» из этого стихотворения в автографе Балтрушайтиса на с. 187 (и там же прим. 49), а также в процитированной выше второй главе статьи Иванова (с. 189).

ка статьи Иванова, и, по всей видимости, именно второй главки, содержится в письме к Ю. Урбшицу от 10 июня 1925 года.⁶⁷

⁶⁷ См. об этом в прим. Ю. Гумялиса к стихотворению «Noli tangere circulos meos» (*Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. С. 280*). Из-за «недостигаемости» архива Балтрушайтиса (см. об этом: *Котрелев Н. Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. С. 506*) понять причины такой оценки пока не представляется возможным.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-191-211

© Маша Левина-Паркер (США), © Михаил Левин (США)

МОДЕРНИСТЫ В ПОИСКАХ НЕЯСНОСТИ: К ТИПОЛОГИИ КВАЗИДЕТЕКТИВА

Суть модернизма, по единодушному мнению исследователей, в том, что способ рассказывания обретает статус самоценного аспекта произведения. Выражается это прежде всего в принципиальном расширении и усложнении игрового пространства текста. Общим свойством модернистской литературы является новое по сравнению с классикой соотношение между ясным и неясным. В живописи уход от реалистического изображения нередко объясняют тем, что никакой рисовальщик не может соперничать с фотоаппаратом. В литературе и музыке аналогичное объяснение не имело бы смысла, поскольку нет аналогии фотоаппарата, но тренд тот же — к усложнению и игровой неоднозначности. В литературе игра в неясность, многозначность, туманность ощутимо усиливается и становится привычным делом. Многие игры можно назвать типично модернистскими; почти все они практиковались и более ранними авторами, но обычно в классически скромных масштабах. В их числе различные виды повествовательной инверсии и иные деформации связей между частями произведения. Связи эти у модернистов имеют тенденцию быть скрытыми, и чтобы их разглядеть, нужны поиски с перемещениями по тексту (назад — вперед — назад), внимание к деталям и целенаправленные расследования.

Модернистское повествование нередко строится, по меньшей мере отчасти, как модифицированный (или квази-) детектив. Так мы называем текст, приглашающий разгадывать не преступление, а значение авторского высказывания. Разгадка позволяет установить невидимые связи и уточнить смысл повествуемого.¹

Многие приемы служат тому, чтобы нести информацию и вместе с тем затруднять ее усвоение. Важнейшим аспектом этой игры является создание неясностей, часто схожих с тайнами детектива. Возможно, первым прямо обратил на это внимание К. Проффер, когда отметил, что «*Лолита*» и некоторые другие набоковские вещи «кое в чем строятся как детектив».² Несколько позже Ю. И. Левин делился сходным наблюдением о других авторах: «...Борхес существенно использует для своих целей технику детектива (как Достоевский — для своих)».³ За полвека до Проффера Б. В. Томашевский отмечал, что повествование может быть скрытым и обманчивым, как и то, что это свойственно детективному жанру: «Иногда мы узнаем ситуацию по побочным намекам, и связанное впечатление создается лишь в результате собирания таких как бы попутно оброненных замечаний»; «Аксессуары и эпизоды могут вводиться для отвлечения внимания читателя от истинной ситуации. Это очень часто фигурирует

¹ См.: Шкловский В. Тетива. О несходстве сходного. М., 1970. С. 70–73 (глава «О загадках и о вскрытии конфликта в обычном»).

² Proffer C. R. *Keys to Lolita*. Bloomington: Indiana UP, 1968. P. 57.

³ Левин Ю. И. Избр. труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 447 (статья о прозе Борхеса впервые опубликована в 1981 году).

в детективных (сыскных) новеллах...».⁴ Интересно, что он не называет это свойством *исключительно* детективной литературы, но не указывает на тот факт, что модернисты тоже взяли на вооружение такую повествовательную стратегию.

Н. Г. Мельников употребляет термин «квазидетектив» по отношению к В. Набокову: «Квазидетективная повествовательная стратегия нагляднее всего представлена в новелле 1930 года „Соглядатай“». Разбирая отличия набоковского квазидетектива от традиционного детектива, Мельников сосредоточивается на разгадке персоны Смурова и его идентичности с повествователем-протагонистом: «Лишь постепенно, через не прямые подсказки, разбросанные хитрым автором, начинает внимательный читатель осознать, что Смуров и „холодный, упорный, неутомимый соглядатай“, который повсюду следует за ним, это одно и то же лицо».⁵

А. А. Долинин не использует термин «квазидетектив», но настаивает на том, что произведения Набокова полны загадок, для разгадывания которых требуются незаурядные усилия. Возводя творчество Набокова к эстетике русского и зарубежного модернизма, Долинин отмечает, что Набоков «не тычет читателя носом — смотри, читатель, о чем я хочу тебе сказать! — а прячет самое важное. И от читателя требуется особое усилие, чтобы это важное раскрыть». Далее он справедливо констатирует: «Таких задач, загадок, ребусов у Набокова видимо-невидимо <...> Эта загадка может быть на разных уровнях. Она может быть загадкой словесной, она может быть загадкой образной, это может быть загадка на уровне сюжета, это может быть загадка рассказчика...».⁶

Н. В. Киреева применяет законы детективного жанра к «Лолите» Набокова. Она анализирует обращение с детективными формулами на сюжетном уровне — в загадке того, кого же убьет Гумберт. Она также показывает, как фигура Гумберта разлагается на персонажей детектива: сексуального маньяка, убийцу, жертву, сыщика.⁷

К. Коннелли указывает на то, что не только Набоков, но и такие модернисты, как У. Фолкнер или Г. Стайн, используют в своих произведениях элементы детектива. В частности, говорит о модернистских текстах Набокова с прививкой традиционного детектива: «Набоков совсем не думал писать детективный роман в чистом виде; его романы ясно принадлежат к модернистской литературе. Тем не менее использование им детективного аппарата показывает, что он может служить намного более широким целям».⁸

М. А. Можейко указывает на отличия модернистского детектива от классического: «В то время как классический детектив представлял собой своего рода puzzle, где модули мозаики достаточно было правильно разместить друг относительно друга, чтобы сложилась целостная картина событий, то в рамках модернистского детектива детали общей картины не только разрознены и перемешаны, но еще и каждая из них изначально дана читателю и героям в неправильном фокусе...».⁹

Как видим, детективно-подобные построения модернистов не укрылись от внимания исследователей. Вместе с тем это внимание остается ограниченным, тема формулируется не слишком отчетливо, детального анализа конкретных произведений мало, типы и приемы не выделены.

⁴ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996. С. 185, 192.

⁵ Mel'nikov N. „The Detective Story Taken Seriously...“. V. V. Nabokov's Philosophical „Anti-Detective“ Stories // Russian Studies in Literature. 2006. Vol. 42. № 4. P. 10, 11. Здесь и далее перевод с английского наш, кроме особо оговоренных случаев. — М. Л.-П., М. Л.

⁶ Долинин А. Расшифровка. Как устроены тексты Набокова (см.: <https://arzamas.academy/materials/1615>; дата обращения: 31.10.2023).

⁷ Киреева Н. В. Детектив как код прочтения романа В. Набокова «Лолита» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4 (2). С. 491–495.

⁸ Connelly K. C. From Poe to Auster: Literary Experimentation in the Detective Story Genre. A Dissertation Submitted to the Temple University Graduate Board. 2009. P. 161 (https://scholarshare.temple.edu/bitstream/handle/20.500.12613/1001/Connelly_temple_0225E_10130.pdf?sequence=1&isAllowed=y).

⁹ Можейко М. А. «Философия детектива»: классика — неклассика — постнеклассика // Вестник Полоцкого гос. ун-та. 2012. Сер. Е: Педагогические науки; Культурология. № 15. С. 139.

Основные приметы квазидетектива

В традиционном детективе автор в финале сообщает все важное о преступлении: кто совершил, как, почему, как заметал следы, кто и почему не совершал этого преступления — и объясняет, из каких фактов это следует. В квазидетективе подобные разъяснения могут присутствовать или отсутствовать, загадка может быть видимой или невидимой, может иметь разгадку или не иметь.

Типы квазидетектива варьируются от не очень сложных до сверхсложных. Разные авторы тяготеют к разным типам, но мы не знаем автора, который бы придерживался строго одного. Каждый создает и менее, и более сложные тайны и загадки — то одним способом, то другим. Андрей Белый тяготеет к самым сложным построениям и обычно не сообщает, в чем разгадка, да еще и не дает ясной постановки загадки; к того же рода сложностям склонен А. П. Платонов. Эквивалентом был бы рассказ, в котором Конан Дойл не раскрыл бы под конец, кто и по каким мотивам совершил убийство, не объяснил бы, по каким уликам об этом можно догадаться, да еще и не сообщил бы, что обнаруженный труп принадлежал убитому, а не мирно скончавшемуся джентльмену. Не столь крайнее направление квазидетектива представлено такими авторами, как М. Пруст, Дж. Джойс и Набоков, которые предпочитают в итоге сами прояснить неясность.¹⁰ Л. Стерн и Н. В. Гоголь, предтечи модернизма, ближе ко второму типу (хотя, повторим, каждый занимается и тем и другим, только в разной мере).

В любом произведении периодически возникает какой-нибудь вопрос — и текст либо дает на него внятный ответ, либо дает материал для вычисления ответа, либо не дает ни того ни другого. Традиционно взаимодействие вопроса с ответом создается двумя повествующими:¹¹ первое сообщает, что что-то случилось — второе скоро поясняет, что именно. Например, сообщается, что персонаж стал неузнаваемым (необычайно грустным, необычайно радостным) — в следующем абзаце рассказывается, что у него умер сын или, наоборот, нашелся сын. На вопрос сразу дается ответ, и это создает понятное повествуемое. В квазидетективном построении ответ дается не там, где возникает вопрос, а в усложненном варианте нет прямого, а то и вовсе никакого ответа. Это значит, что измерений квазидетектива минимум втрое больше, чем традиционного детектива; в ряде случаев квазидетектив намного сложнее.

Мы предлагали обоснование понятия квазидетектива и анализ ряда его примеров в наших работах о «Петербурге» Белого и «Чевенгуре» Платонова.¹² В развитие тех тезисов ниже дается краткий анализ замеченных нами типов неясностей и обобщение приемов их создания в произведениях Белого, Пруста, Джойса, Платонова и Набокова. К каждому из них приложимы слова набоковского рассказчика: «...играя в некую игру собственного изобретения, не посвящая партнеров в ее правила».¹³

Умолчания и невидимые сообщения

Один из распространенных приемов — неясные повествующие, создающие неполные изображения (недосказанность, умолчания). Стерн ясно заявляет, что истинному

¹⁰ Речь только о детективных конструкциях. В других аспектах сходство и различие между теми же авторами будет другим, так, по части языковых экспериментов Джойс окажется в компании Белого и Платонова.

¹¹ Мы пользуемся терминами *повествующее* и *повествуемое* — по аналогии с означающим и означаемым, но применительно не только к словам (словосочетаниям) и их значениям, а ко всем составляющим текста, от фразы до произведения в целом; фабула — повествуемое в целом (история), сюжет — целое повествующих (изложение истории). См.: *Левина-Паркер М., Левин М.* Шедевр трудного чтения: «Петербург» Андрея Белого. СПб., 2020. С. 244–245 и далее.

¹² См.: Там же. С. 373–377, 422–556; *Левина-Паркер М., Левин М.* 1) Квазидетектив Андрея Белого — линия бомбы в «Петербурге» // Новое литературное обозрение. 2018. № 5 (153). С. 128–140; 2) Теорема Платонова: исследование под покровом абсурда (коммунизм в «Чевенгуре» Андрея Платонова) // Там же. 2021. № 1 (167). С. 179–206.

¹³ *Nabokov V.* The Real Life of Sebastian Knight. New York, 1976. P. 181.

писателю не подобает рассказывать все, достаточно половины: «Самое подлинное уважение, которое вы можете проявить к читательскому пониманию, в том, чтобы половину дела по-дружески отдать ему и его воображению...»¹⁴ Это краткая формулировка всей идеологии умолчаний: уважай читателя, оставляй кое-что его воображению. И сам я, добавляет Тристрам, делаю все, чтобы его воображение работало столько же, сколько мое. Этот принцип берут на вооружение модернисты XX века, создающие изображения еще более неполные, чем Стерн. Некоторые отчетливо формулируют тот же эстетический принцип, например, Белый: «...понятно, когда волнует, как музыка; и „непонятно“, если пересказ, отняв музыку, становится слишком ясен, обидно ясен!»¹⁵ Набоков воспроизводит не только общий смысл, но и все ключевые понятия Стерна (автор, читатель, воображение): «Поскольку художник использовал свое воображение в создании книги, то было бы естественно и справедливо, чтобы потребитель книги тоже использовал свое воображение».¹⁶

Любопытным частным случаем умолчания является лукавый способ представления героя читателю. Белый в своем «Петербурге» представляет Лихутина дважды — и второй раз так, словно это первый раз. Нужно внимательно перечитать два отрезка, чтобы понять, что в обоих речь об одном и том же герое. Белый поначалу обманчиво говорит и о темпераменте Лихутина, делая из него статиста, что затем наглядно опровергается.¹⁷

Как отмечалось, прообразы многих приемов обнаруживаются у предшественников модернизма, и не только у таких родственных модернизму душ, как Стерн или Гоголь. В «Идиоте» Евгения Павловича тоже представляют не однажды и тоже не всегда одинаково. Первое знакомство: «Это был некто Евгений Павлович Р., человек еще молодой, лет двадцати восьми, флигель-адъютант, писанный красавец собой, „знатного рода“, человек остроумный, блестящий, „новый“, „чрезмерного образования“ и — какого-то уж слишком неслыханного богатства. <...> Одна только слава за ним была несколько щекотливая: несколько связей и, как уверяли, „побед“ над какими-то несчастными сердцами. Увидев Аглаю, он стал необыкновенно усидчив в доме Епанчиных».¹⁸

Это все, что о персонаже на тот момент сообщается; никаких его ни поступков, ни слов, ничего особо запоминающегося. Правда, последняя фраза в цитате выше прозрачно намекает на возбуждающую тему сватовства, но на следующих 55 страницах она не получает ни малейшего развития, Евгений Павлович Р. вообще ни разу не упоминается, словно куда уехал или вовсе прекратил существование — этого достаточно, чтобы намек на тему был подзабыт, а имя претендента забыто начисто. Трудно представить читателя, который — после столь неглубокого знакомства с героем и долгого его отсутствия — не поймет слова матери семейства «Евгений Павлыч приедет» как упоминание нового лица. Затем это имя исчезает еще на десяток страниц. Затем появляется «один молодой человек», и его читателю представляют как незнакомца и, как положено при первом знакомстве, следует его портрет: «...лет двадцати восьми, высокий, стройный, с прекрасным и умным лицом...» и т. д. Точно совпадает с первым его представлением только возраст, «лет двадцати восьми», остальное сопоставлению не поддается. Платье штатское — а по первому представлению это был военный. И имя он носит Евгения Павловича Радомского — а не Евгения Павловича Р.¹⁹ Только при перечитывании можно понять, что это один и тот же человек. В дальнейшем он становится важным персонажем, с которым, однако, и дальше много неясного; скажем, его характеристика как остроумного ничем ясно не подтверждается; в каких он отношениях с Настасьей Филипповной, непонятно, не совсем даже понятно, знакомы ли они. В той же книге трудно узнать Ипполита, заявляющегося с другими нигилистами для

¹⁴ *Sterne L. The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman. New York, 2005. P. 71.*

¹⁵ *Белый А. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1989. С. 215.*

¹⁶ *Nabokov V. Lectures on Literature. San Diego et al., 1982. P. 4.*

¹⁷ *См.: Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения. С. 360–361.*

¹⁸ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 155.*

¹⁹ *См.: Там же. С. 208.*

устройства скандала Мышкину. До того о нем говорится в двух местах, но совсем вскользь, как о приятеле Коли, заочном персонаже, за 120 и 70 страниц до сцены у Мышкина, поэтому вспомнить его имя или то, что он сын капитанши, представляется нереальным.

У Белого и других модернистов деформация связей между составляющими повествования становится правилом и важнейшим аспектом поэтики.

Частным случаем неполноценного знакомства с персонажем и создания при этом скромной, никого не волнующей загадки является утаивание его полного имени. В «Петербурге» Вергефден впервые именуется по имени-отчеству лишь при прощании с ним; почти до конца неизвестно и имя Липпанченко, одна фамилия. Набоковский Лужин до последней страницы остается Лужиным, и лишь после того, как его не стало, у него появляется имя-отчество. У Стерна не имеет имени отец Тристрама Шенди, и лишь в конце предпоследней книги появляется его подпись под письмом брату: «Walter Shandy».²⁰ Надо сказать, только Стерн создает неувязку, наводящую на вопрос о имени: его брат раз за разом обращается к нему по фамилии, «brother Shandy». Выглядит противоестественно, тем более что отец к дяде обращается по имени: «brother Toby». Как если бы один брат другому говорил: «Здравствуй, брат Алексей!», а тот отвечал бы: «Здорово, брат Петров!» Что за странное обращение Петрова к Петрову? Ни Белый, ни Набоков ничего не делают, чтобы читатель обратил внимание на отсутствие имени; именование героя строго по фамилии, ничем, в отличие от построения Стерна, не подкрепленное, не составляет у них полноценной игры в таинственность. Чему же тогда это служит?

Во всех случаях устойчивое употребление фамилии без имени, завершающееся появлением имени, стимулирует в читателе ощущение неполной посвященности в дела — на фоне безграничного знания рассказчика, который предстает информированным обо всем во всех деталях. Это работает на общую задачу создания ауры космической бесконечности мира произведения. Кроме того, в случае Липпанченко неожиданное появление имени добавляет красок картине домашней его жизни: даже и у этого кухмистера есть что-то личное, интимное, для кого-то он «Коленька». Случай Лужина из той же категории, при всей разнице в деталях. Он — знаменитость, всем известна его фамилия. Почти все знают, что Алехин был великим шахматистом, но мало кто знает его отчество. Лужин, казалось бы, для всех только Лужин, даже жена зовет его «Лужин», но в конце выясняется, что он еще и Александр Иванович — и это как бы приоткрывает иную грань героя. Такое появление имени менее очевидно мотивировано и более неожиданно, чем в случае Липпанченко. Неожиданно и то, что Набоков нарекает Лужина тем же именем, что Белый нарекает Дудкина, который тоже сходит с ума и проливает кровь (но не свою).

Не менее важным, чем умолчания, аспектом скрытности является манера давать информацию так, чтобы она проскакивала незаметно. Распространенный прием — упомянуть ту или иную деталь скороговоркой и не к месту, в разгар разговора на более увлекательную тему, как ненужное отступление, которое хочется пропустить. При этих двух условиях — читатель увлечен другой темой и сообщение не маркировано в тексте — даже сообщения простые и внятные могут ускользнуть от его внимания. Более мощные сигналы о другом подавляют и делают труднозаметными сигналы, подлежащие сокрытию. Если читателя рассматривать, как это нередко делается, в качестве получателя информации, т. е. уподобить приемнику, то автор занимается тем, что настраивает приемник не на ту волну, на которой передает сообщение.²¹

Особенно изощренно, последовательно и эффективно такой прием применяется Белым. Но то же делают, каждый на свой лад, и другие модернисты.

²⁰ Sterne L. The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman. P. 402.

²¹ См.: Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения. С. 366.

Задержка ясности: ответ откладывается

Наименее радикальным способом разлучения ответа с вопросом является откладывание ответа. Если между повествующим, создающим вопрос, и повествующим, дающим ответ, пролегает отрезок существенной длины, это на время создает неясное, неполное повествуемое, которое лишь после, нередко через десятки или сотни страниц, делается понятным. Это прием создания тайны, которая затем раскрывается автором — сочетание умолчания, вызывающего вопрос, с задержкой прояснения.

Грандиозный пример такой игры — триллер убийства отца в «Братьях Карамазовых». Автор попросту скрывает важнейшие детали, в особенности важнейшие поступки Дмитрия и Смердякова — затем дает ответы на возникшие вопросы. Модернисты этим приемом пользуются значительно чаще и разнообразнее, чем классики.

В «Комбре» Пруста мсье Вентейль начинает избегать людей, все время проводит на могиле жены, быстро стареет, умирает. У него горе, но вопрос — какое. Есть намеки на дочь, у которой подруга дурной репутации, живущая у них в доме, но это не назовешь ясным ответом. Возможно, это любовница дочери, а быть может, это любовница самого Вентейля, а может, их обоих, ведь она «занимается музыкой» и с ней, и с ним, и понятно, что «музыка» — эвфемизм чего-то, что называть вслух, вероятно, не принято. Приходится гадать. Не исключено, что беда не сексуального характера, а иного, может, это дурная мачеха. Вопрос подвешивается на десяток страниц, до эпизода, который проясняет, что это лесбийская любовь²² — и лишь после этого, при «чтении назад», намеки становятся понятными.

С Вентейлем связана еще одна неясность, прояснение которой откладывается: какое отношение он имеет к музыке? Сгорать от любопытства по этому поводу читатель, скорее всего, не станет, это один из тех прустовских вопросов, которые замечаются лишь особыми читателями. В числе последних Набоков: «Вентейля в этом провинциальном городе все принимают за невнятного крючка, балующегося музыкой, и ни Сван, ни мальчик Марсель не сознают, что на самом деле его музыка пользуется огромной популярностью в Париже».²³ Но о популярности его музыки рассказывается в другой уже повести, с другими героями и в другом городе,²⁴ и заметить связь музыки, звучащей в столице и в душе Свана, со странным провинциалом на периферии первой повести — при обычном чтении невероятно трудно.

В начале «Петербурга» Белого (увидевшего свет в том же году, что первая книга прустовского семикнижия) упоминается обещание, мысль о котором сыну сенатора явно неприятна — это создает вопрос: что же он такое наобещал? Затем наше любопытство подпитывается намеками непрозрачного свойства, пока не дается, около середины книги, ответ в виде письма Неизвестного, уведомляющего сына сенатора, что пришло время выполнить обещание убить отца.²⁵ Это игра более серьезная, чем у Пруста: ответ задерживается намного дольше, а главное, это важнейший вопрос всего романа и выход на подлинную его завязку. Суть же приема та же самая. В «Петербурге» это один из немногих вопросов, на которые дается прямой ответ; Белый, как правило, не откладывает ответ, а скрывает. Чтобы найти ответ, исследователю нужно не терпение, а умение решить трудную задачу на основании сопоставления спрятанных в тексте деталей и деталек. Все линии «Петербурга» строятся как скрытные детективы без ясных ответов — и без ясных вопросов.

В «Улиссе» основная игра в скрытность ведется с вопросом неверности жены Блума. Возникает вопрос вскоре после нашего знакомства с Блумом, но ясный ответ оттягивается до заключительной главы. Ряд эпизодов дает герою и читателю серьезные основания для подозрений, вплоть до того, что, укладываясь в конце предпоследней главы в супружескую постель, Блум ощущает, что в ней побывал другой мужчина. Он

²² См.: Proust M. Du côté de chez Swann. Paris, 1995. P. 145–147, 157–162.

²³ Nabokov V. Lectures on Literature. P. 321.

²⁴ См.: Proust M. Du côté de chez Swann. P. 203.

²⁵ Белый А. Петербург / Изд. подг. Л. К. Долгополов. 2-е изд. СПб., 2004. С. 182 (сер. «Литературные памятники»).

чувствует «присутствие человеческого тела, женского, ее, отпечаток человеческого тела, мужского, не его».²⁶ Как грустно, заметим, отвлекаясь от своей темы, и в то же время как красиво сказано! В романе это значит куда больше, чем значило бы в судебном разбирательстве, но все же и в романе это свидетельство не того, что жена *совершила*, а лишь того, что муж *подозревает*. Это все еще не однозначный ответ — но таковой читатель получает очень скоро (Польди Блум такого не получает, но ему он не нужен, он полностью доверяет своим ощущениям).

Набоков приемом задержки ответа пользуется значительно чаще, чем Белый или Платонов, и даже чаще, чем Пруст или Джойс. Это один из основных его композиционных приемов: создать неясность и через некоторое время внести ясность. В «Даре» у Федора роман с Зиной, с которой читателя долго не знакомят, и в то же время он общается с дочкой хозяйки по имени Аида, с которой читателя знакомят намного раньше, а как одно с другим соотносится — на какое-то время остается неясным. Потом выясняется, что Зина и есть дочка хозяйки, просто отчим иногда называет ее Аидой — это модель задержки ответа, обычная и для Пруста, и для Набокова. В «Лолите» та же модель заметна в нескольких важных вопросах, нагляднее всего в вопросе о том, с кем сбежала Лолита. Ответ в таких случаях надолго откладывается, но в конце концов прямо дается автором.

Инверсия вопроса и ответа: ответ не виден

В романах о событиях нередко повествуется не по порядку, без прямого на то указания. Но это лишь один из вариантов перевернутой связи, повествовательной инверсии, играющей очень заметную роль в создании туманного повествования вообще и квазидетектива в частности. Другой вариант, далеко не такой распространенный, как перестановка отрезков, составляет инверсия вопроса и ответа (неясности и прояснения): вместо привычной связи в духе «ставится вопрос — дается ответ», связь перевернутая: сначала ответ — потом вопрос. Прием применяется в «Войне и мире»: князь Андрей оставляет полк, уходящий от наступающих французов, чтобы заехать к своим — возникает вопрос, далеко ли от столбовой дороги до имения. Ответ же дается десятью страницами раньше — там, где вопрос еще не возникает, и потому ответ (три версты) не усваивается.²⁷

Весьма похожим образом прием применяется в начале эпопеи Пруста. У сестер бабушки героя вдруг появляются имена; затем они несколько раз повторяются: Флора и Селин, Селин и Флора. Возникает вопрос о имени самой бабушки и ожидание, что имя скоро назовут, но его называют не здесь и не потом, а на несколько страниц раньше, в прямой речи другой двоюродной бабушки: «Батильда! Иди же сюда, чтобы твой муж не пил коньяк!»²⁸ В этом месте вопрос еще не возникает, поэтому имя не усваивается, как расстояние у Л. Н. Толстого. Мешает усвоению и то, что имя помещено не в центр, а на периферию эпизода. Перед этим рассказывалось о привычке легкомысленной бабушки гулять под дождем, что вызывает большее любопытство, чем ее имя, а зов родственницы привлекает внимание к коньяку и тому факту, что она совершает донос на дедушку. Трудность восприятия, которая создается инверсией вопроса и ответа, усиливается приемом невидимого сообщения. Далее бабушка неизменно именуется бабушкой, имя не называется (хотя потом называется фамилия: Амеде — та же, что у дедушки²⁹), словно бабушка обречена остаться навеки безымянной.

Радикальные черты прием обретает в «Петербурге» Белого. У Дудкина чемодан, «хранящий предметы самого ужасного содержания». Вопрос: что же это за предметы,

²⁶ «...The presence of a human form, female, hers, the imprint of a human form, male, not his» (Joyce J. Ulysses. New York, 1986. [17]: 2123–2124).

²⁷ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1932. Т. 11. С. 111, 122.

²⁸ Proust M. Du côté de chez Swann. P. 24–25, 11. Здесь и далее пер. с фр. наш, если не указано иное. — М. Л.-П., М. Л.

²⁹ См.: Proust M. Du côté de chez Swann. P. 101, 15.

содержания не ужасного, а самого ужасного? И однажды чемодан открывается — но не после возникновения вопроса, а за сто с лишним страниц до: «...из чемоданишка вынул оборванную писулю; и писулю Степке прочел...».³⁰ Читатель запомнит писулю, но вряд ли свяжет ее с ужаснейшим содержанием чемодана, когда до него дойдет. А писулю запомнит как предмет содержания скорее мистического, чем самого ужасного. Все это делает усвоение тайны чемодана при обычном чтении делом практически безнадежным.

В другом эпизоде непонятна реплика и еще менее понятно пояснение в скобках: «— „Я... знаешь-тили“ (Аполлон Аполлонович и на этот раз ошибся в окончании слова)...»³¹ У любознательного читателя возникнет вопрос: а что значит «и на этот раз»? Ответ и на этот раз расположен за сотню страниц до вопроса, где сенатор сбивается с «знаете ли» на «знаешь ли».³² Заметить и так долго помнить это при обычном чтении немислимо.

В «Лолите» есть инверсия вопроса и ответа, внешне очень похожая на приведенный пример из Толстого. Гумберт едет в летний лагерь за осиротевшей Лолитой и по пути останавливается в Паркинготоне — далеко ли еще оттуда до лагеря? Впечатление такое, что недалеко, но, оказывается, Паркинготон значительно ближе к дому, чем к лагерю, о чем незаметно сказано за 33 страницы до возникновения вопроса: «Джон Фарло <...> торговец спортивными товарами, с конторой в Паркинготоне, в сорока милях от нас...». Но Набоков недолго держит читателя в неведении: через 4 страницы сообщает, что до лагеря еще сотня миль, а затем сообщает, что на это ушло два с половиной часа.³³ Набоков в данном случае менее скрытен, чем Толстой или Пруст, и несоизмеримо менее скрытен, чем Белый.

В «Даре» иная инверсия в данных о первой любви, ближе к Белому, чем к Толстому. Противоестественный порядок вопросов и ответов мешает читателю усвоить информацию там, где она есть, и подталкивает к поиску ответов там, где даются обманчивые подсказки. Постановка: «Зимой 1917 года она уехала в Новороссийск, — и только в Берлине я случайно узнал о ее страшной смерти». Тут два вопроса. Первый: «зимой 1917 года» — это в начале года или в конце? Второй: о какой «страшной смерти» речь? На оба отвечает периферийная реплика — вне контекста, в разговоре на другую тему, за 70 страниц до возникновения вопросов: «Продолжалось неполных два года <...> а погибла от сыпного тифа».³⁴ Поскольку их роман начинался летом 1916 года, «неполных два года» означают, что уезжала она в декабре 1917-го. В воображаемом разговоре о литературе вдруг упоминается какая-то женщина, о которой читатель ничего знать не может, может даже не понять, чья это реплика — он, скорее всего, усвоит лишь то, что когда-то был какой-то роман, но едва ли будет помнить, сколько роман длился и от чего она умерла.

Задержка плюс инверсия

Задержка ответа означает развитие неясности (квазидетектива) вперед, от ранней стадии повествования, где создается вопрос, к стадии поздней, где наконец находится ответ. Инверсия вопроса и ответа означает движение назад, от позднего эпизода, который ставит вопрос, к раннему, в котором прячется ответ. По крайней мере в одном случае Пруст соединяет эти противоположности, без всякой борьбы между ними, без адаптации и вообще без видимого взаимодействия. Он просто делает и то и другое, раскрывает тайну и первым способом, и вторым, отдельно от первого. Рассмотрим по порядку.

³⁰ Белый А. Петербург. С. 243, 104.

³¹ Там же. С. 187.

³² См.: Там же. С. 51.

³³ См.: Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 2008. Т. 2. С. 133, 100, 137, 138.

³⁴ Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2002. Т. 4. С. 331, 260.

В третьей повести первой книги периодически поминается мать любимой девочки мальчика, она же жена Свана — возникает вопрос, не та ли это дама, что была предметом безумной страсти Свана в предыдущей повести. По некоторым признакам скорее нет; в частности, в конце второй повести Сван излечивается от любви, и они расстаются; кроме того, о красоте его жены говорится в таких выражениях, что ждешь появления персонажей, лишившихся зрения от взгляда на нее, а прежняя содержанка столь ослепительной, кажется, не была; кроме того, упоминается Одетт — как женщина из прошлого Свана, без всякой связи с его нынешней женой. Все же о жене говорят вещи, которые могли бы быть сказаны и об Одетт: мать мальчика ни за что бы не согласилась с ней знаться, у нее манеры искусной кокетки, она провоцирует мужчин. Однозначного ответа нет почти до самого конца, пока жена Свана не названа наконец по имени — и это имя той самой содержанки.³⁵ Это прием задержки ответа в чистом виде.

Та же тайна раскрывается и в первой повести, в самом начале книги, когда сперва говорится о неприемлемости жены Свана для родителей мальчика, затем следует более конкретное, но вновь самое лаконичное сообщение о его жене: почти кокетка («presque une cocotte»)³⁶ Это отвечает и на возникающий в третьей повести вопрос о жене Свана: та самая или другая? Получается, та самая. Но мимолетное упоминание о ней и ее сомнительной репутации трудно усвоить так, чтобы вспомнить через четыре сотни страниц. Вопросы тут возникают, но другие: что это за женщина и почему Сван женился на кокетке? Вопроса же о тождестве жены с предметом прежней страсти здесь возникнуть не может, потому что о страсти пока еще ничего не известно. Это в чистом виде инверсия вопроса и ответа.

Пруст дважды отвечает на один вопрос, двумя разными способами, из которых ни один не является простым, но все-таки с той разницей, что поздний нельзя не заметить, а ранний усвоить очень трудно. Возможно, автор делает это для создания разных эффектов для двух разных адресатов: вознаграждает терпение впервые читающего ясным ответом в конце — перечитывающему подтверждает тот же ответ в начале.

Вместе с тем и Пруст не всегда ясно отвечает на вопросы, включая вопросы, касающиеся той же женщины, Одетт де Креси.

В «Лолите» находим схожее в принципе дублирование ответа, но сделано это там намного сложнее. Важнейшая тайна романа — с кем сбежала Лолита. Тайна в итоге раскрывается рассказчиком. Зная, что это Куильти, можно вернуться к эпизодам до бегства и разглядеть в них следы злодея. К. Проффер блестяще показал ключи к Куильти во второй главе своей замечательной книги, ничего существенного добавить нельзя.³⁷ Мы здесь хотим обратить внимание на то, что ключей этих достаточно, чтобы вычислить похитителя, хотя для этого надо быть Холмсом. Ключи даются до возникновения вопроса, с кем сбежала — это инверсия вопроса и ответа. Но ближе к концу Набоков еще и прямо говорит, что сбежала с Куильти. У него, как и у Пруста, сочетание инверсии с задержкой. Но Пруст при желании мог ограничиться инверсией, не давая прямого ответа, а Набоков так сделать не может, ибо тогда пришлось бы исключить из текста рассказ об убийстве. Правда, Набоков мог бы, сугубо гипотетически, сделать наоборот — ограничиться прямым запоздалым ответом, не давая ключей к установлению личности похитителя. Но, конечно, ни один автор не станет отказываться от интереснейшего детективного построения. Чего ради обеднять роман?

Повествовательная инверсия и ее роль в квазидетективе

Композиционные составляющие произведения так же могут следовать в непривычном порядке, как слова в предложении. Это тот же принцип инверсии, с той разницей, что перестановке подвергаются не означающие, а более обширные повествующие.

³⁵ См.: Proust M. Du côté de chez Swann. P. 402, 407, 411–412, 413.

³⁶ Ibid. P. 13, 20.

³⁷ См.: Proffer C. R. Keys to Lolita.

Самым распространенным примером нарушения порядка повествования является рассказ о событиях не в том порядке, в каком они происходят — хронологическая инверсия (не открытый экскурс в прошлое, а необъявленное нарушение последовательности). Это эффективный способ создания путаницы, хотя не всеобщий, например, Набоков редко им пользуется, Джойс еще реже. В «Петербурге» такого рода инверсии многочисленны, исключительно скрытны и практикуются в хитрой комбинации с другими приемами. О выходке красного домино в подъезде дома Софьи рассказывается в конце первой главы, как бы в завершение событий первого дня (некоторые исследователи так и считают) — но это происходит во второй день, как показывает сопоставление ряда деталей.³⁸ У Пруста Сван женат в первой повести, но еще не женат во второй — перестановка вполне откровенная.

Хронологическая инверсия — лишь один из вариантов перевернутой связи. Мы видели примеры неградиционного порядка вопросов и ответов — важного приема создания неясностей и туманностей. Другие повествующие некоторые авторы тоже переставляют.

Одно из нарушений привычного порядка повествования можно назвать инверсией информационной, частным случаем которой является инверсия вопроса и ответа. В традиционной книге сказанное в первой половине помогает понять вторую половину. У модернистов нередко наоборот: сказанное в первой половине можно понять только после чтения второй половины, где дается (совсем не обязательно открыто) ключ. Примеры и этого рода находятся у Белого и у Набокова. В «Петербурге» лишь во второй половине есть материал для разгадки символического значения «расширения» — и только тогда, читая назад, можно понять, что расширение зрачков или сердца символизирует расширение газов бомбы, т. е. взрыв и убийство.³⁹

Человек, перечитывающий «Дар» (или листающий назад), должен обнаружить в начальной части имена, которые становятся значимыми только после перехода к открытому повествованию о любви Федора и Зиной, в их числе и имя самой Зиной. Точно как Белый в «Петербурге», Набоков дает во второй половине информацию, нужную для понимания эпизодов в первой половине; соответствующие смыслы проясняются от конца к началу. Имя «Зина Мерц» упоминается где-то за сотню страниц до того, как Зина становится персонажем, в эпизоде, где знакомый художник говорит главному герою: «...приходите <...> бывает много молодежи, Полонская, братья Шидловские, Зина Мерц...» В этом месте повествование ведется от первого лица, и герой, рассказывающий о своем довольно отдаленном прошлом, сообщает читателю: «Имена эти мне были неизвестны...».⁴⁰ Тем не менее имена он называет — т. е. пару лет спустя помнит. Просто не верится, что можно запомнить так твердо и так надолго вскользь упомянутые имена незнакомых людей — в этом мы вправе заподозрить еще один маленький обманчик. Вряд ли имена эти запомнит и читатель, если только у него не абсолютная память.

Когда дело доходит до текущих отношений Федора с Зиной, выясняется, что у них давно были общие знакомые. Теперь они воспринимаются как неизвестные читателю: какой-то художник Романов, какая-то жена какого-то Лоренца, какое-то стихотворение о ласточке. Тем не менее свое стихотворение о ласточке Федор ранее читал на литературном вечере, а Романова, Лоренца и его супругу Маргариту Львовну нам уже представляли и даже кое-что о них рассказывали, включая то, что картины Романова не на шутку волновали Федора, а Лоренцы были соседями по прежнему месту жительства.⁴¹ Но это при обычном чтении трудно усвоить и запомнить, потому что — по рецепту предшественников — подается все это между делом, в разговоре на другую тему, как посторонняя деталь, не имеющая значения для развития повествования (этот автор тоже настраивает читателя не на ту волну, на которой передает сообщение); еще большая трудность в том, что детали эти мелькают за сотню страниц до общения с Зи-

³⁸ См.: Белый А. Петербург. С. 53–55; Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения. С. 506–508.

³⁹ См.: Там же. С. 424–446.

⁴⁰ Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 4. С. 244, 245.

⁴¹ См.: Там же. С. 361–362, 277, 241, 243–245.

ной (Шкловский говорит о таком приеме: детали «разделены такими большими промежутками, что сопоставить их не хватает памяти»⁴²). При чтении же назад выясняется, что это дополнительные завитушки большого обмана.

В эпизодах общения влюбленных Зина рассказывает Федору многое из их прошлого до знакомства, и при первом чтении эти мелочи, скорее всего, покажутся новыми, но, читая назад, нетрудно обнаружить, что все они уже упоминались, вплоть до несостоявшегося участия Федора в переводе, упоминается даже русская барышня, которой он должен был помочь.⁴³ Набоков заботится обо всех читателях, о том, чтобы не скучал ни впервые читающий, ни перечитывающий, ни многократно перечитывающий.

Сравнительно простой разновидностью несобытийной информационной инверсии является запоздалая ориентация в отношении того или иного параметра, например, кто кому кем приходится. В «Петербурге» лишь во второй половине ясно говорится, что Лихутин был другом детства Николая Аполлоновича. В домодернистской литературе прием тоже применялся, хотя не часто. Лермонтов изображает неожиданное появление Вареньки, которую Жорж поначалу едва не принимает за привидение, и возникает вопрос: а кто она и кем приходится Жоржу? Следует разговор длиной в страницу, наводящий на мысль, что это любовники, хотя, возможно, бывшие — и лишь после собеседник Вареньки называется «брат ее».⁴⁴ Во всех этих случаях перевернут порядок, в котором следуют изображение общения и пояснение природы их отношений, и они отделены некоторым расстоянием. Значительно большее расстояние между представлением персонажа и уточнением создает в «Идиоте» Достоевский. Белоконская принимает участие в делах Епанчиных, включая дела Аглаи, но лишь к концу книги читателю сообщают: «Белоконская была крестною матерью Аглаи». А в следующем абзаце раскрывается еще одна деталь, тоже имеющая значение для понимания уже давно разворачивающихся событий и тоже упоминаемая лишь теперь: оказывается, Белоконская рекомендовала Евгения Павловича, одного из четырех претендентов на сердце Аглаи.⁴⁵

В набоковском «Отчаянии» уже в первом абзаце следует ссылка, которая при первом чтении не может быть понятной: «...как говаривал мой бедный левша, философия — выдумка богачей».⁴⁶ Это специфический случай информационной инверсии, фраза вызывает вопрос: о ком речь? Нарушается последовательность «приметы — ссылка на приметы». Это не совсем то же, что с родственными связями, но похоже. В традиционном построении сначала Феликс был бы показан левшой, чуждым философии — а ссылка на эти его особенности была бы позже. Такая инверсия создает неясности лишь временные и совсем не сложные: что за левша и в каком смысле бедный, скоро прямо рассказывается: через семь страниц он пишет левой рукой, а то, что он беден, ясно показано еще раньше.⁴⁷ Неожиданность дальнейшей в том, что бедным он оказывается в обоих смыслах, и благосостояния, и печальной участи.

Автор задает вопрос — читатель должен найти ответ

«Петербург» Белого полон загадок, разгадывать которые читателю надо своими силами. Они сплетены как хитроумные детективы, и почти ничего, кроме пустяков, ясно не сообщается. Возьмем самую компактную и не самую трудную загадку, хотя нельзя сказать, что простую: «Как обычно, и сегодня пробирались порою чрез зал гостинные посетители; и вторым пробирался воистину допотопного вида мужчина...». Естественно возникает вопрос: откуда второй, если еще не было первого? Можно предположить, что автор что-то напутал — тогда вопрос останется без ответа. Но ответ есть,

⁴² См.: Шкловский В. Тетива. С. 108 (глава «О конвенциях»).

⁴³ См.: Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 4. С. 362, 255, 267.

⁴⁴ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т., М.; Л., 1962. Т. 4. С. 171 («Княгиня Лиговская»).

⁴⁵ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 508, 509.

⁴⁶ Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 3. С. 397.

⁴⁷ См.: Там же. С. 404, 401.

хотя распознать его нелегко: «Толстоватый мужчина с неприятно изрытым оспой лицом пересек сперва этот зал...».⁴⁸ Это и есть тот первый — которого при обычном чтении читатель не заметит, он виден лишь «под микроскопом». Белый этого мужчину *первым* не называет, говорит только, что он «сперва» пересек зал. И помещает слово «сперва» не перед «толстоватый», где бы оно указывало на то, что толстяк был первым, кто пересек зал, а в конце фразы, где оно скорее указывает на последовательность его действий — будто он *сперва пересек* зал, а *потом* «приложился к пухленькой ручке Любовь Алексеевны».⁴⁹ Автор, тем не менее, объясняет, что посетители гостиной пробираются в нее через зал, предваряя замечания как о первом, так и о втором почти идентичными фразами: «Как обычно, (и) сегодня пробирались порою чрез зал гостинные посетители...».⁵⁰ Это подсказка, повтор здесь служит средством сообщения, но чтобы заметить такую подсказку, требуется повышенное внимание. Другие загадки «Петербурга» намного масштабнее и сложнее.

Много вопросов без очевидных ответов в хронологии романа. Не только о выходке домино в подъезде, но едва ли не о любом событии романа приходится гадать: а в какой день оно случается? Создаются эти неясности не одной инверсией последовательности, а разными приемами. В какой день приходит Дудкин в дом Аbbleуховых? Исследователи до недавних пор соглашались между собой, что в первый же день, хотя о первом дне рассказывается раньше — получается, и это рассказ не по порядку? Нет, это лишь имитация инверсии, но она подкрепляется прямым указанием на первый день (прием прямого обмана). Кроме того, Белый дает другое указание — что встреча была во второй день. Это делает загадку еще более трудной, поскольку указания отрицают друг друга, и читатель не знает, какому верить (расщепление восприятия с помощью взаимно уничтожающихся указаний). И все же автор дает достаточно данных для разгадки. Анализ текста показывает, что в первый день, в середине дня, ни Дудкин, ни Николай Аполлонович не могут быть в доме Аbbleуховых, потому что находятся в других местах.⁵¹

А в какой день в дом Аbbleуховых приходит Аbbleухова Анна Петровна? Рассказ об этом тоже помещен в события не того дня (инверсия хронологии), но понять это можно лишь много страниц спустя, когда Семеньч докладывает сенатору о приходе барыни и незаметно добавляет, что забыл доложить о нем днем ранее — это проясняет, что пришла она не «вчера», а «позавчера» (задержка ответа плюс невидимое сообщение).⁵²

Во всех подобных случаях Белый так рассказывает о событии, что вопрос «когда?» не может не возникнуть — проблематичность датировки весьма ощутима. Ответы же найти намного труднее, особенно в двух примерах, приведенных выше.

В эпопее Пруста с самого начала последовательно создается путаница в бабушках, дедушках, двоюродных бабушках и других родственных связях — и связи эти автор в основном предлагает разгадывать читателю. Сначала речь о том, что мальчик живет в Комбре у бабушки с дедушкой («chez mes grands-parents»), но через пару страниц та же жизнь называется жизнью у двоюродной бабушки («chez ma grand-tante»).⁵³ Это не могут быть два разных дома, поэтому два разных определения создают неясность: чей же это дом? Далее бабушка и двоюродная бабушка фигурируют на равных и одинаково по-хозяйски ведут себя в доме, как будто дом их общий. Получается, в доме живут мальчик, родители мальчика, родители одного из родителей (матери, как выясняется), а также двоюродная бабушка. Но через несколько страниц вдруг упоминаются сестры бабушки, без уточнения их числа. Еще через страницу следует эпизод, в котором возникает подозрение, что некая сестра бабушки не тождественна двоюродной бабушке: двоюродная бабушка заставляет Свана играть, а сестра бабушки поет, будто это две

⁴⁸ Белый А. Петербург. С. 153, 151.

⁴⁹ Там же. С. 151.

⁵⁰ Там же. С. 151, 153.

⁵¹ См.: Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения. С. 503–506.

⁵² См.: Там же. С. 518–519.

⁵³ См.: Proust M. Du côté de chez Swann. P. 6, 9.

разные женщины. Еще через страницу вновь фигурируют бабушкины сестры, на сей раз две.⁵⁴ Но в следующем абзаце неожиданно является смесь несовместимых между собой женщин: сначала они, «elles», что должно относиться к двум сестрам бабушки; затем вновь двоюродная бабушка в единственном, «ma grand-tante»; затем одна двоюродная бабушка противопоставит сестрам бабушки во множественном («Les soeurs de ma grand-mère ayant manifesté l'intention <...> ma grand-tante le leur deconseilla»).⁵⁵ Двоюродная бабушка разговаривает с сестрами бабушки, значит, она не входит в число сестер бабушки — значит, должна быть сестрой дедушки.

Миниатюрную словесную загадку задает Джойс: красавчик Беллуомо в любовном четырехугольнике — в постели жены любовника своей жены (буквально: «Belluomo rises from the bed of his wife's lover's wife...»).⁵⁶ Вычислить смысл не так трудно, как родственные связи в «Комбре», но все же надо приостановиться и сообразить, сразу это не воспринимается: любовник жены любовника его жены. Четыре угла этой фигуры образуют две жены и два их любовника, которые занимают места двух мужей. Две легитимные пары замещены парой беззаконных пар. Характерно именно для Джойса, для которого словесные игры превыше всего. Изящная словесная безделушка.

Трудная загадка хронологии ставится в «Даре», где не на все вопросы автор дает ясные ответы. Он предлагает читателю сложный детектив времени. Главный вопрос — в каком году начинается действие романа. На него нет прямого ответа, мало того, текст подсказывает два ответа, к тому же автор дает вне текста третий ответ. Это сложнейшая загадка, автором не раскрываемая, — модель, предпочитаемая Белым и Платоновым, а не Набоковым, но и он ею иногда пользуется. Первым делом Набоков сообщает, что герой эмигрировал из России 7 лет назад, но долго не сообщает, в каком году, а потом говорит, что в 1920-м. Самое замечательное свойство этого ответа не в том, что он приходит с задержкой, что очевидно, а в том, что он ведет к иллюзии раздвоения времени, что выясняется лишь после тщательных раскопок. Как и Пруст, Набоков создает противостояние несовместимых данных: одни указывают на 1927-й как год начала событий (выезд из России в 1920 году плюс семь лет жизни в эмиграции) — другие на 1925-й (смерть Яши в 1923-м, «два года назад»). Сопоставление всех данных позволяет установить, что 1927 год — ложная дата. Значит, сообщение о семи годах в эмиграции — неправда (и она подкрепляется еще двумя ложными указаниями). Насколько умело запутана хронология, видно из того, что среди набоковедов утвердилось почти единодушное мнение: события «Дара» начинаются в 1926 году (так однажды заявил в последующем комментарии сам Набоков — еще один обман).⁵⁷

Автор не задает вопроса — вопрос должен найти читатель

В ряде детективных построений сам вопрос остается незаметным. Непревзойденным мастером скрытности выступает Белый. Чтобы расшифровать, что именно рассказывает в «Петербурге», чаще всего нужны поиски сначала вопроса и лишь затем ответа. Самый замысловатый детектив романа — детектив времени. В противоположность неясностям последовательности (в какой день?), которые бросаются в глаза, загадка общей продолжительности романного времени предстает практически невидимой, ее не замечают даже беловеда. Автор сообщает, что события начались «десять дней» назад — и не дает никаких ни подсказок, ни намеков, что десяти дней в романе нет. Вместо вопроса он сам дает ответ: десять дней — т. е. как бы дает понять, что вопроса о числе дней возникать не должно. Наводит на вопрос поначалу лишь смутное ощущение, что рассказывается о меньшем числе дней; оно ведет к смутной догадке, что четыре фантастических газетных репортажа, быть может, называют как раз дни

⁵⁴ Ibid. P. 18, 21.

⁵⁵ Ibid. P. 22.

⁵⁶ Joyce J. Ulysses. [3]: 211.

⁵⁷ См.: Левина-Паркер М., Левин М. Время набоковского «Дара» — забавы хронического мистификатора // Wiener Slawistischer Almanach. 2021. № 87. С. 357–390.

основных событий (кроме первого и последнего — всего в романе описаны 6 дней).⁵⁸ Множество вопросов погребено под «повествовательной неразберихой» «Петербурга». Не просто обманчивые намеки, но откровенный обман читателя — нередкое явление в произведениях модернистов. Начало ему положил Белый.

В «Улиссе» ничто не подсказывает вопроса о связи двух юных заочных персонажей. Читатель, не склонный обращать внимания на имена, наверно, не заметит совпадения-подсказки даже при многократном перечитывании эпизода на пляже и письма Милли, дочери Блумов. Набоков не из таких читателей — он точно указывает, где в тексте Джойс дает ответ на не возникающий вопрос.⁵⁹ Купающийся молодой человек спрашивает у Маллигана о брате, следует обмен репликами: «В Уэстмите. С Бэннонами». — «Все еще там? Я получил открытку от Бэннона. Говорит, нашел там сладкую молодую штучку. Называет ее фото-девочкой».⁶⁰

Это в первой главе. В четвертой Блум читает письмо дочери: «У меня теперь заплыв в фото-бизнес. <...> Иногда по вечерам заявляется студент, зовут Бэннон».⁶¹ Ни один из двух эпизодов не вызывает вопросов. В первом не возникает вопроса, какую «сладкую штучку» нашел незнакомый читателю Бэннон; во втором не возникает вопроса, с кем именно встречается незнакомая читателю Милли. Имя молодого человека и упоминание фото-бизнеса, конечно, успевают забыться. Только тот читатель, который, подобно Набокову, заметит незаметные вопросы, сможет понять, что Бэннон нашел Милли, а Милли встречается с Бэнноном.

Изошренность отличаются загадки «Чевенгура». В одном из эпизодов встречаются Проша и Саша, не видевшиеся с детства, вспоминают прошлое, в частности:

«— А я тебя помнил, — ответил Дванов. — Чем больше жил, тем все больше тебя помнил, и Прохора Абрамовича помню, и Петра Федоровича Кондаева, и всю деревню. Целы там они?»

Прокофий любил свою родню, но теперь вся родня его умерла, больше любить некого <...> — Все умерли, Саш, теперь будущее настанет...»⁶²

Вряд ли у читателя возникнут вопросы по поводу этой мирной беседы. Он должен узнать имя Прохора Абрамовича, это отец Проши и приемный отец Саши, оказывается, уже покойный. Петр Федорович упоминается как родственник Проши, которого знал и Саша; читатель, скорее всего, не обратит внимания на это имя, тем более что неизвестный, как и вся родня, тоже уже умер. Вопросы, кто это, не возникает. Точнее, вопрос возникнет лишь у самого дотошного читателя, который книгу не просто читает, а штудирует. И на него есть ответ: это ненавистный горбун из родной деревни, портрет которого тщательно выписан в начале романа (а здесь близко к концу). Если бы он вновь был назван горбуном, читатель бы его вспомнил, даже сотни страниц спустя, но ничто, кроме имени, здесь о нем не напоминает, а имя — самое незапоминающееся, что в горбуне есть. Это весьма каверзное умолчание о главной его примете в сочетании с гигантским расстоянием от раннего упоминания имени. Эпизод строится так, чтобы сделать вопрос о персонаже невидимым.

С тем же персонажем, несмотря на сообщение о его смерти, нас ждет еще одна встреча: «На завалинке ближней хаты сидел горбатый старик — Петр Федорович Кондаев. Он не узнал Дванова, а Александр не напомнил ему о себе. Петр Федорович ловил мух на солнечном пригреве и лущил их в руках со счастьем удовлетворения своей жизни...».⁶³ Это ставит новый вопрос: как же так, если он умер? Но и этот вопрос останется незамеченным для читателей, которые не заметили вопрос (и не нашли ответ) в диалоге Саши и Проши.

На вопрос же, как горбун мог оказаться живым, текст подсказывает ответ лишь гипотетический: Проша говорит «все умерли», имея в виду свою родню, не замечая,

⁵⁸ См.: *Левина-Паркер М., Левин М.* Шедевр трудного чтения. С. 494–503, 520–524.

⁵⁹ См.: *Nabokov V.* Lectures on Literature. P. 306.

⁶⁰ *Joyce J.* Ulysses. [1]: 683–685.

⁶¹ *Ibid.* [4]: 400–401.

⁶² *Платонов А.* Чевенгур. СПб., 2016. С. 386.

⁶³ Там же. С. 476.

что его спрашивали и о горбуне. Видимо, услышав имя отца, он переключается на своих близких, уходит в себя, имени Кондаева не слышит. В жизни такое случается: мы неточно выражаемся — и неточно слышим. Явление замечал классик, но способ описания взаимонепонимания у него иной: «Князь Андрей <...> спросил: — Когда уехали отец и сестра? — разумея, когда уехали в Москву. Алпатыч отвечал, полагая, что спрашивают об отъезде в Богучарово, что уехали 7-го...».⁶⁴ Толстой не только рассказывает, что было сказано, но поясняет, как сказанное было неверно понято. В «Петербурге» в ряде диалогов случается то же самое, но Белый ничего не объясняет. Конфигурация эпизодов с горбуном в «Чевенгуре» наглядно показывает, что в изображении нарушенной коммуникации Платонову ближе приемы Белого, а не Толстого. Лишь заключительный эпизод дает постановку вопроса: как мог сказать Проша, что Кондаев умер, если тот жив? Но это подсказка, которую уловит лишь такой читатель, который вычислит, что упоминаемый в диалоге Кондаев и есть изображенный в начале романа горбун.

Кроме частных, в «Чевенгуре» две капитальные загадки, и обе, т. е. оба главных детектива — и времени, и особенно коммунизма — тоже, как и большинство загадок Белого, строятся так, что заметить существование загадки очень трудно. Главная загадка этого социально-философского романа создается постепенно и незаметно ходом повествования, развитием событий и характеров. Лишь после тщательного изучения текста и сопоставления эпизодов и сюжетных линий обнаруживается фундаментальное для мира «Чевенгура» противоречие: автор показывает героев хорошими людьми (искренними, душевными, настоящими товарищами, жаждущими справедливости) — которые творят ужасные дела, вплоть до расстрела всего населения Чевенгура. Это ставит вопрос: как же такое возможно? По нашему мнению, автор хочет заставить читателя сообразить, что беда не в людях как таковых, а в том, что из них революция сделала фанатиков, у которых место человеческого чувства занято классовым сознанием. Почти так же сложно найти и вопросы относительно хронологии романа,⁶⁵ во всяком случае, платоноведы их не заметили.

В набоковской повести о Себастьяне младший брат собирает материал о жизни старшего, Себастьяна, после его смерти. Первым в этой теме идет эпизод о поездке к бывшей гувернантке, от которой он ничего полезного не узнает. Затем рассказывается, как из разных источников он узнает очень много. Складывается картина бесплодного начала поисков и результативного продолжения. Но незаметные замечания указывают на то, что поездка к гувернантке была последним, а не первым звеном расследования. Старая дама ничего не знала о их жизни в последнее время, в частности, не знала, что Себастьян умер три месяца назад — это значит, что беседа происходит на месяц позже, чем последние события плодотворной части его расследования, ибо там говорится, что брат умер два месяца назад.⁶⁶ Только сопоставление этих данных устанавливает, что к гувернантке рассказчик поехал уже после того, как разузнал все, что можно было. Но этого может не заметить и самый внимательный читатель, даже перечитывающий. Слова о двух месяцах после смерти Себастьяна появляются в конце книги, а слова о трех месяцах в начале; и ранние слова, и поздние проскакивают незаметно, ибо даются по всем правилам невидимых сообщений, на периферии эпизода; вообще же данные о времени с самого начала даются, казалось бы, прямо и ясно, начиная с даты рождения Себастьяна в первом предложении (31 декабря 1899 года), и создают полную иллюзию простодушного рассказа по порядку; наконец, в завершение главы второй (о поездке к гувернантке) рассказчик дает понять (способом весьма неортодоксальным, в духе Стерна), что пишет все подряд, по мере сбора материала. Ему стыдно, признается он, что он прервал работу над этой самой главой, которую читатель в этот самый момент читает, для совершения бесполезного

⁶⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 123.

⁶⁵ См.: Левина-Паркер М., Левин М. 1) Теорема Платонова. С. 179–206; 2) Шедевр трудного чтения. С. 533–556.

⁶⁶ См.: Nabokov V. The Real Life of Sebastian Knight. New York, 1976. P. 22, 151, 184.

паломничества⁶⁷ — это нельзя не понять так, что сначала он ездил к гувернантке, а все прочее было потом.

Набоков делает алогичную перестановку, маскирует ложный порядок под истинный, так, чтобы вопросов о порядке не возникало, задерживает прояснение и дает незаметный ответ на невидимый вопрос спустя полторы сотни страниц. Виртуозная работа. С приемом для Набокова нетипичным — скрытная хронологическая инверсия у него случается нечасто.

Особый случай невидимого вопроса: сколько раз восходит солнце?

Остановимся на частном случае невидимого вопроса, т. е. загадки, наличие которой ясно не обозначается. Одна из аномалий «Петербурга» в том, что событие, которое должно происходить один раз, происходит больше одного раза. Самое масштабное из них (и при этом самое незаметное) — множественность рассветов в последний день основного времени романа. Ночь после бала у Цукатовых кажется неодинаковой длины у Софьи и Николая. У нее в ту ночь два занятия: сначала она «одиноко слонялась по пустующим залам», затем в пролетке доехала до своего дома — и тут увидела рассвет.⁶⁸ У Николая дел куда больше: он перечитывает и переваривает письмо, требующее убить отца, разговаривает с агентом, они пешком идут на Васильевский остров, располагаются в ресторане и там неторопливо пьют, закусывают, разговаривают, препираются — а когда он выходит, рассвета еще нет, он идет пешком, затем берет Ваньку, едет и лишь тогда видит рассвет.⁶⁹ Это создает ощущение, что его ночь намного длиннее, чем ночь Софьи. И оно подкрепляется доступными данными о времени. Можно приблизительно прикинуть, сколько времени тянется ночь мужа Софьи (ночь самой Софьи той же длины), — получается, что для четы Лихутиных рассвет наступает не позже четырех. Можно также прикинуть, что для Николая рассвет наступает примерно в полшестого. А время второго для Семеныча рассвета точно указано: полвосьмого.

О многократности события свидетельствуют и описания того, как светает. Они дают три разные картины: Лихутины видят одно — Николай видит другое — Семеныч видит третье. Отец же Николая, сенатор Аблеухов, видит сначала точно такой же рассвет, какой видят Лихутины. У Лихутиных рассвет начинается так: «...чернильная мгла просерела, и стала мглой серой: сероватой — сперва; а потом — чуть сереющей...». Начало рассвета сенатора: «...черно-серая мгла просерела и стала мглой серой: сероватой — сначала; потом — чуть сереющей...». Картина точно та же, хотя Лихутины в помещении, а сенатор на улице. Продолжения рассветов Лихутиных и сенатора вновь предстают близнецами, в обоих «легчайшие пламена», «розоватая рябь облачков», «сеть перламутринок», голубизна.⁷⁰

Сенатор встречал такой же рассвет, что и чета Лихутиных — логично предположить, тот же самый. Вместе с тем его сын такого рассвета не видел, для него с извозчиком поначалу лишь «Адмиралтейство <...> пророзовело» — как будто у каждого из Аблеуховых был свой рассвет. Но вскоре сын наблюдает более продвинутую стадию утра: «Ясное утро, горящее невскими искрами, претворило всю воду там в пучину червонного золота; и в пучину червонного золота с разлету ушла труба свиставшего пароходика...». Тут как раз его Ванька нагоняет запоздавшего пешехода, отца, который как раз созерцает «там, на Неве, пучину червонного золота, куда влетела с разлету труба свиставшего пароходика». Почти дословный повтор в описании реки и пароходика свидетельствует о том, что в этой стадии отец и сын оба видят один и тот же восход (еще очень рано: на следующей странице грифон «розоват от зари»). Наконец, второй рассвет Семеныча не похож ни на один другой рассвет того дня.⁷¹ И интуитивные ощущение

⁶⁷ Ibid. P. 23.

⁶⁸ См.: *Белый А.* Петербург. С. 172, 173, 194–195.

⁶⁹ См.: Там же. С. 181–186, 202–216.

⁷⁰ Там же. С. 195, 200, 197, 201.

⁷¹ См.: Там же. С. 215–217, 337–338.

ния, и прикидки времени, и изображения показывают три независимых друг от друга рассвета.⁷²

Это один из вариантов квазидетективного построения. Можно назвать скрытым изображением невозможного. Не считая смутного ощущения, что ночь Софьи слишком коротка, а ночь Николая невероятно затянута, ничто не указывает на аномалию. Ничто прямо не наводит на вопрос: а в котором часу светает? Ничто не наводит на мысль сравнить разные описания рассвета. Ничто не подсказывает вопроса: а сколько раз восходит солнце?

Загадка без решения — невнятный ответ на не возникающий вопрос

С Одетт связана другая затяжная игра — запоздалое и неverifiedируемое, на наш взгляд, сообщение (в третьей книге) о том, о чем по ходу чтения (первой книги) вопроса не возникает. Набоков, как и другие прустоведы, опознает Одетт в «даме в розовом», которую юный герой застаёт у Адольфа, брата дедушки: «...встречает там молодую женщину в розовом шелковом платье, кокетку... Это и есть та очаровательная дама, что станет женой Свана; но кто она, надежно хранится в тайне от читателя». Секрет действительно надежно спрятан от читателя, причем Набоков, как представляется, имеет в виду не то, что прояснение личности этой гостьи откладывается, а то, что читателю предлагают разгадать загадку. Набоков находит цвето-цветочное решение: определенные цветы и розовый цвет ассоциируются с Комбре и Сваном, а та гостья была в розовом платье: «Надо припомнить розовое платье, которое за много лет до того носила привлекательная дама (Одетт де Креси) в квартире дяди Адольфа...».⁷³

Это единственная примета, которую Набоков называет — потому ли, что других не видит, или потому, что не считает нужным их назвать. На чем основано его мнение, он толком не объясняет, и достаточного материала для такого вывода текст, на наш взгляд, не дает. Юноша не находит в гостье ожидаемых прелестей, не может поверить, что эта кокетка из числа шикарных, не может понять, почему на нее тратят огромные деньги — он находит ее внешность скромной и приличной, он поражен ее обыкновенностью. С обликом Одетт это не вяжется. Если сравнить кратенькое описание той незнакомки с описаниями героини, оснований для вывода, что это одно лицо, так же мало, как и для вывода, что это две разные кокетки. Внешность незнакомки, можно сказать, не описана, и ничто не дает повода думать, что это двойняшка героини. Скорее наоборот: мальчика разочаровывает обыкновенность той дамы — а Одетт совершенно необыкновенна. Вместе с тем кое-что общее, кроме розового платья и кокетства, у них все-таки есть: незнакомка вставляет в свою речь английское выражение («a cup of tea») — и Одетт иногда пользуется английским («je ne suis pas fishing for compliments», «son home», «smart»)⁷⁴ и говорит о чаепитии, что тоже сближает ее с английской традицией, а в речи других персонажей такого нет. Но этого все же маловато для установления их тождества; кто знает, может, англomanия — распространенное явление среди французских кокеток?

Как же в даме в розовом узнают Одетт? Узнают не ее, как не узнает ее и сам герой, а узнают о ней — из случайного, ничем не подкрепляемого заявления, и даже не рассказчика, а случайного персонажа, который никогда не видел Одетт, он лишь передает (неизвестно, насколько точно) слова своего отца, бывшего камердинера Адольфа (тоже неизвестно, насколько верные), о том, что именно эту даму он видел у дедушки Адольфа. Сам же герой говорит, что в это ему трудно поверить.⁷⁵ Читателю о них рассказывалось как о двух разных дамах, не было никаких намеков, что в розовом была Одетт, и эпизод у Адольфа не приглашает к размышлению о том, кто же была та дама — дама и дама, фигурирующая в одном эпизоде, чтобы затем без следа исчезнуть.

⁷² См.: Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения. С. 290–297.

⁷³ Nabokov V. Lectures on Literature. P. 228, 241.

⁷⁴ См.: Proust M. Du côté de chez Swann. P. 77, 188, 193.

⁷⁵ См.: Proust M. Le côté de Guermantes. Paris, 1998. P. 206, 207.

Более того, сопоставление данных о возрасте героя приводит к выводу, что «дама в розовом» не может быть Одетт: в эпизоде у дедушки он в подростковом возрасте — затем повествование перемещается назад, во время, когда он маленький мальчик, и он встречается с госпожой Сван и ее маленькой дочкой.⁷⁶ Понятно, что между дозамужней жизнью Одетт и наличием ребенка должно пройти время, но если госпожой Сван становится дама в розовом, получается невозможное: спустя годы после встречи с ней герой становится не старше, а младше. На анахронизм обращает внимание автор комментариев к первой книге А. Компаньон, но, несмотря на это, и он говорит, что «дама в розовом» есть Одетт.⁷⁷ Иначе говоря, это Одетт — хотя это не может быть Одетт. Пруст, судя по всему, умышленно дает взаимно несовместимые повествуемые — это верный способ создания эффектов раздвоенности, загадочности и туманности. Он создает тождество двух женщин, в которое трудно поверить: свидетельство персонажа, что той дамой была Одетт — против данных о возрасте героя, против впечатлений героя, да во многом и против описаний двух дам. Это заявление против изображения, точнее, против нескольких изображений. В таких случаях следует, по нашим убеждениям, верить изображению.

Заметим, что в описаниях Одетт Пруст создает и забавное двойное время — текущее, по одним данным, как положено, вперед и при этом, по другим данным, текущее назад.

Общее против конкретного: миражи «Петербурга»

Белый показывает особую технику создания миража и параллельной реальности. Он использует два способа изображения одного явления, два способа описать нечто: на языке конкретном — и языке обобщений. Два способа рисования дают две разные картины одного и того же объекта. В некоторых случаях можно установить, что одна из картин подлинна, а другая ложна — последняя тогда становится миражом, видимостью недостоверного. В других случаях обе картины правомерны, ни одна из них не ложна. Тогда имеем раздвоение, две параллельные друг другу реальности.

Примером первого, миража, является описание салона Софьи Петровны Лихутиной. Размашистыми мазками создается картина массового наплыва гостей — большого салона. «Посетитель художник обижался при этом...» — такой заход подразумевает, что заходили художники нередко. Еще шире и глубже кажется поток музыкальный: «Если же посетитель Софьи Петровны оказывался или сам музыкант, или сам музыкальный критик, или просто любитель музыки...».⁷⁸ В пестрой этой толпе выделяются два главных потока: светских гостей и «гостей *так сказать*», т. е. представителей учащейся на свои трудовые гроши молодежи. О многочисленности их косвенно свидетельствуют выражения типа «среди прочей учащейся молодежи», «бурно спорили», «в том кругу». Светских же гостей так много, что по поводу одной лишь военной их подкатегории рассказчик задается вопросом: «Почему же у ней бывали столько офицеры?» Но вдруг следует перечисление светских: «граф Авен, барон Оммау-Оммергау, Шпорышев и Вергефден...».⁷⁹ Те же имена в том же порядке, ни одним больше и ни одним меньше, называются еще несколько раз — каждый раз все та же великолепная четверка. И что — это вся светская толпа? Очень на то похоже. Представители света перечисляются, перед последним именем союз «и» — в русском языке это сигнал, что перечислены все без изъятия. И больше ни один нигде не фигурирует. Все светское общество представлено четырьмя статистами, именами без лиц: тремя офицерами и одним канцеляристом. Данные о числе будто бы бесчисленных офицеров обескураживают.

Хотя все же не до такой степени, как данные об учащихся массах — представленных Варварой Евграфовной, ею одной-единственной. Ни один из бурно ниспровергаю-

⁷⁶ См.: Proust M. Du côté de chez Swann. P. 74–78, 139–140.

⁷⁷ См.: Ibid. P. 480.

⁷⁸ Белый А. Петербург. С. 61.

⁷⁹ Там же. С. 61–62.

щих авторитеты молодых людей вовсе не появляется ни в каком виде. Им уделяется немало слов, но они ничего не делают, не говорят, никак не выглядят и имен не имеют. Даже в виде толпы они ничего определенного не делают. Это даже не статисты, а призраки, истинные тени. Полный список «гостей так сказать» состоит из одного имени.

Никаких художников или музыкантов, профессионалов или любителей, вовсе не обнаруживается — число зримо причастных к искусству равно нулю.

Общее описание создает ощущение множества посетителей — в конкретных эпизодах их набирается в обеих категориях пятеро (четверо светских и курсистка). Есть еще посетитель непонятной категории — Липпанченко — шестой. Даже если прибавить бывшего посетителя Николая Аблеухова, все равно маловато набирается. В общих словах изображаются толпы — конкретно поминаются единицы. Салон расщепляется на две несовместимые друг с другом картины.

Казалось бы, должны более ясно восприниматься сигналы конкретные, а общие могут лишь затуманивать изображение. На самом деле все наоборот. Общее не просто создает помехи восприятию конкретного, но подавляет его и делает невидимым. Об общем говорится много и интересно, а детали лишь изредка упоминаются, мельком и без ясного смысла. В итоге остается впечатление, что дом вечно переполнен гостями. Понять, что оно ни единым эпизодом не подкрепляется, можно лишь после тщательного изучения текста. Автор тут в общих словах — но очень энергично и красочно — рассказывает о том, чего в его романе конкретно не происходит. Создается ложное повествуемое — живая картина недостоверного. В книге нет большого салона, но есть его красочный мираж.

Во всем, что говорится о салоне, нет ничего, что хоть сколько-нибудь ощутимо подсказывало бы вопрос о его существовании. Читатель задумается лишь в том случае, если начнет искать конкретные проявления бурной жизни салона — и их не обнаружит. Выйти на вопрос совсем не легко, но после этого совсем не трудно обнаружить, что общие слова ничем не подкрепляются. Найти ответ в данном случае намного проще, чем найти вопрос.

Итак, большой салон оборачивается малым. Но масштаб — не единственное, что в салоне раздваивается. Выделенный на основании конкретных повествующих малый салон и сам предстает в двух версиях. Его устройство тоже рисуется двумя способами, что тоже дает две разные картины: опять-таки повествующие общего характера рисуют одно — конкретные рисуют иное. Данные о гостях опровергают картину массовости, но не впечатление, что гости все друг с другом общаются. Более того, впечатление это подкрепляется повествующими, подразумевающими общение. «Под влиянием светлой особы» (т. е. Варвары) хозяйка выставила кружку для *фифок* (штрафов за остроты), которая «была предназначена для гостей» (светских), гости же *так сказать* (учащиеся) «от поборов освободились». Как будто Варвара придумала полезное применение деньгам светских посетителей, как будто все были где-то рядом с кружкой, с той лишь разницей, что богатые за неосторожное слово платили, а бедным все прощалось. Вскоре роль светлой личности уточняется: «...появилась Варвара Евграфовна с жестяною кружкою для собирания *фифок*». Это связывает ее с фифками, а фифки связаны со светскими кавалерами — и это подразумевает, что Варвара с ними общается. Липпанченко к ним еще ближе: после первой газетной заметки о домино все четверо светских «отпускали *фифки* по этому поводу, и летел в медную кружечку непрерывный дождь из двугривенных», а Липпанченко при этом «как-то криво смеялся».⁸⁰ Общение мужа с гостями тоже подается так, словно он всех их застаёт вместе, когда возвращается со своей службы: он «одинаково кротко здоровался просто с гостями и с *гостями так сказать*»⁸¹ (и хмурился на Липпанченко).

Посетители «как-то сами собою распались на две категории». По другим данным, однако, они разделились совсем не «сами собою», да и не были никогда смешаны: «...скрытность ангела Пери достигала невероятных размеров: так, Варвара

⁸⁰ Там же. С. 63, 65, 70.

⁸¹ Там же. С. 63.

Евграфовна ни разу не встретила с графом Авенем, ни даже с бароном Оммау-Оммергау. Разве только однажды в передней она увидела случайно меховую лейб-гусарскую шапку с султаном». ⁸² Выходит, хозяйка принимает светских гостей отдельно от учащихся (конкретно: отдельно от курсистки). Позже выясняется, что Варвара и с Липпанченко у Софьи не встречалась. Малый салон тоже, как и большой, изображается лишь в общих словах. Конкретно же нет салонного общения и в узком кругу, каждый гость бывает у Софьи отдельно от других. ⁸³

Общее против конкретного: раздвоение реальности

Того же рода рассогласованность конкретного с общим служит основой создания альтернативного времени, а вместе с ним и альтернативного хода событий в «Петербурге».

В романе есть обычное время, измеряемое прежде всего днями. В этом времени Дудкин и Степка знакомятся вечером 2 октября, затем видятся утром 5 октября, когда выясняется, что в прошедшие два дня они не виделись. И есть время контурное, измеряемое событиями, о длительности которых дается приблизительное представление с помощью общих замечаний. Дудкин думает: «Да и эти беседы с проживающим у дворника Степкой: не болтать бы со Степкой...» Рассказчик: «А в последнее время все в дворницкой сживал Степка...». Рассказчик сообщает о попытках Дудкина разобрататься в пугающих его видениях: «Только раз иногда коротавший с ним ночи безработный Степан слышал как... крикнуло»; «Только стал Александра Ивановича этот Степка чуждаться, реже к нему заходить; ночевать же — ни-ни...» ⁸⁴ Выражения «последнее время», «иногда», «реже» удлиняют время и уплотняют общение героев. Из них следует, что давненько уже проживает у дворника Степка и беседы с ним случаются регулярно, хотя «в последнее время» Степан реже заходит.

С конкретными данными это не сходится. Что значит «в последнее время» или «иногда» применительно к двум дням? Что может означать «стал заходить реже», если речь о человеке, который у вас бывал один раз? Почему к дням прилагаются выражения, подразумевающие недели или месяцы? В «Петербурге» это способ создания альтернативного времени. Общие повествующие не согласуются с конкретными, и повествуемое, которое должно было бы быть единым, раздваивается — на краткое и длинное. В одном времени — единственный эпизод общения. В другом — история отношений. Однократности противостоит картина растянутой повторяемости.

В реальном мире такое расхождение означало бы отмену общего ряда. Но миры фикциональные живут по своим законам. В тексте, несмотря на несовместимость общих данных с конкретными, нет ничего, что доказывало бы недействительность общих — ничего, следовательно, что отменяло бы создаваемое ими время и происходящие в нем события. В этой параллельной реальности романное время «Петербурга» не вмещается ни в пять дней, ни даже в десять — описания общения Дудкина со Степкой создают отрезок, измеряемый не днями, а как минимум неделями. ⁸⁵

У Белого репутация эмоционального, неуравновешенного, иррационального человека, действующего в основном по наитию. Но в своих детективных построениях тот же самый человек (стоит только взяться за перо) фантастически логичен, расчетлив и точен. Едва ли будет преувеличением сказать, что его детективы на порядок сложнее, чем детективы Конан Дойля или Агаты Кристи.

⁸² Там же. С. 62, 63.

⁸³ См.: Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения. С. 345–359.

⁸⁴ Белый А. Петербург. С. 242, 287, 289.

⁸⁵ См.: Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения. С. 524–533.

Квазидетектив как особый способ повествования

Многозначность, таинственность и загадочность — родовые приметы модернизма. Квазидетектив — наиболее изощренная и системная форма выражения этих свойств.

Анализ текстов показывает разнообразие детективных построений и в то же время устойчивую повторяемость ряда приемов у разных авторов. Это свидетельствует о том, что модифицированный детектив является закономерной чертой модернистской литературы. Каждый из пяти авторов в высшей степени своеобразен, но на множестве примеров видно, что большинство приемов Белого так или иначе применяется и другими. Все они любят играть с загадками и приглашают читателя к соучастию в своей игре. За сходством приемов стоит общая для всех философия скрытности, которую задолго до XX века выразил Стерн: писать так, чтобы стимулировать догадливость и сообразительность читающего, заставлять его замечать детали, сопоставлять и делать выводы.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-211-220

© О. С. Лалетина, © Е. В. Хворостьянова

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В. В. НАБЕКОВА, К. К. ВАГИНОВА, А. П. ПЛАТОНОВА*

1899 год рождения — это, казалось бы, единственное, что сближает столь яркие творческие индивидуальности. По словам А. Г. Битова, таких далеких друг от друга прозаиков, как В. В. Набоков и А. П. Платонов, «и одновременно двух крупнейших представителей литературы XX века представить трудно».¹ Не случайно их противопоставляли в эссеистике и научной литературе не раз, причем, как отмечает М. Н. Эпштейн, «по самым разным критериям: элитарность — народность, аристократия — пролетариат, индивидуализм — коллективизм, консерватизм — революционность, утонченный идеализм — стихийный материализм, рефлексия — органика, эстетизм — реализм, созерцательность — труд, природа — техника, воздушное — земное...».² Одинаково далек от этих полюсов К. К. Вагинов — сын жандармского офицера, с юности увлеченный античностью, коллекционер всего, что только можно было коллекционировать (от редких книг до этикеток и сновидений), входивший едва ли не во все петербургские литературные объединения и кружки, но остававшийся независимым, чья вежливость, снисходительность и деликатность располагала к нему людей; в отличие от Набокова и Платонова воспринявший революцию как «исполинскую катастрофу, трагическую и прекрасную, <...> подобную гибели загнивающей Римской империи под натиском юных варварских племен, наивных, невежественных, но несущих в одряхлевший мир свою животворную кровь».³

Впрочем, можно указать и на некоторые сходства, связанные с посмертной репутацией и судьбой писательского наследия всех трех авторов в России. Настоящую популярность и Набоков, и Вагинов, и Платонов обрели именно как прозаики, хотя

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, проект № 92565342.

¹ Битов А. Г. Трижды Платонов // Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства. 2-е изд. Владивосток, 2007. С. 75.

² Эпштейн М. Н. Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М., 2015. С. 131.

³ Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 338.

каждый начинал свое становление как поэт, входивший в литературу со своими темами, особой стилиевой манерой и даже адресом поэтического высказывания. Каждый из авторов по разным причинам оказался по-настоящему не востребован в России при жизни, исследовательский интерес к их творчеству сформировался лишь в 1970–1980-е годы одновременно с изданиями и переизданиями книг, часть из которых была напечатана в Америке, часть (опубликованных при жизни авторов) на долгое время прочно обосновалась в спецхранах или находилась в рукописных вариантах, недоступных для чтения не только широкому кругу публики, но и специалистам.

Справедливости ради нужно отметить, что параллели между Платоновым, Вагиновым и Набоковым как прозаиками и в научной литературе, и в эссеистике последних десятилетий проводились неоднократно. Как отмечает Т. Л. Никольская, уже в после­словии к изданному в 1972 году в Турине роману Вагинова «Бамбочада» В. Страда поставил в один ряд прозу Платонова и Вагинова, усмотрев в них «реальные возможности иной литературы, иного творческого бытия в культурной и общественной жизни, по сравнению с уже угрожающе надвигающимися».⁴ Позднее их ставят в один ряд как ярких представителей «странной прозы» 1920–1930-х годов.⁵ Общность в ориентации на идеологически значимые претексты, общность актуальных тем, хотя и различным образом решенных, устанавливалась между прозой Набокова и Вагинова,⁶ Набокова и Платонова.⁷ Наконец, романы именно этих трех авторов рассматриваются как наиболее показательные образцы ресайклинга в русской литературе позднего авангарда.⁸

Поэтическое наследие Набокова, Платонова и Вагинова интересовало литературоведов почти исключительно с точки зрения стилистики и топики, преимущественно в сопоставлении с прозой каждого из них. Более того, в немногочисленных стиховедческих исследованиях концептуальные выводы о специфике организации систем стиха фактически исключают возможность сравнения. В литературе, посвященной стиху Набокова, прочно утвердилось мнение о своеобразном «консерватизме» поэта, ориентированного не на современную парадигму, а на традиции «классического стиха XIX в.»,⁹ причем эта ориентация рассматривается как принципиальная идеологическая позиция: так, в частности, с точки зрения Дж. Смита, форма стихов Набокова — «ностальгия по тому времени, когда дух новизны еще не исковеркал русскую поэзию и русское общество».¹⁰ Стих Платонова, напротив, по мнению исследователей, отличается «неконвенциональностью формы»,¹¹ гетероморфностью, изобилует «погрешностями ритма»,¹² что прижизненной критикой объяснялось «неопытностью» и «ограниченной техникой»¹³ молодого поэта, современными исследователями — близостью автора кон-

⁴ Цит. по: Никольская Т. Л. Трагедия чужаков // Вагинов К. К. Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. М., 1989. С. 5.

⁵ См.: Кормилов С. И. Русская литература 20–90-х годов XX века: основные закономерности и тенденции // История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена. М., 1998. С. 12.

⁶ См.: Буренина О. Д. Литература — «остров мертвых» (Набоков и Вагинов) // В. В. Набоков: pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология: В 2 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 471–484.

⁷ См.: Евланпиев И. И. А. Платонов и В. Набоков: два наследника философской традиции Ф. Достоевского // Русский логос — 2: Модерн — границы контроля. Материалы междунар. философской конф., Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2019 г. СПб., 2019. С. 435–442; Энштейн М. Н. Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. С. 131–133.

⁸ См.: Григорьева Н. Спрессованная культура: Литературный «ресайклинг» в позднем авангарде и соцреализме // Новое литературное обозрение. 2021. № 3 (169). С. 33–47.

⁹ См.: Федотов О. И. Поэзия Владимира Набокова-Сирина. Ставрополь, 2010. С. 11, прим. 2.

¹⁰ Смит Дж. Русский стих Набокова // Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 115.

¹¹ Давыдов Д. М. Русская наивная и примитивная поэзия: генезис, эволюция, поэтика. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. С. 13.

¹² Ковалев П. А. Заумь Хлебникова в традиции русской поэзии // Филологические исследования: Сб. науч. трудов в честь Г. Б. Курляндской. Орел, 2002. С. 109.

¹³ Брюсов В. Я. Среди книг // Печать и революция. 1923. № 6. С. 69.

структивистским идеям ЛЕФа.¹⁴ Наконец, Вагинов, отличающийся кажущейся удаленностью «от русской поэтической традиции и <...> экзотичностью вкусов»,¹⁵ формирует систему стиха, которая, по словам Г. Р. Монаховой, «крайне необычна и одновременно проста. Именно поэтому она <...> удостоивалась лишь общих замечаний. <...> Отдельные метрические и строфические тенденции <...> являются проявлением одного главного и системообразующего свойства стиха Вагинова — стремления в рамках традиции уйти от всех строго регламентированных и ограничивающих стиховых форм».¹⁶

Несмотря на внешние стимулы, круг чтения, круг общения, образование, поэтические предпочтения в выборе авторитетов, Набоков, Вагинов и Платонов однозначно выбирают «маргинальную» позицию в системе русского стиха первой половины XX века.

В современном стиховедении сложилась традиция, берущая свое начало с исследований ритмики, позволяющая характеризовать систему автора на фоне поэтической «нормы» эпохи, а также проследить эволюцию ритмических тенденций в ее соотношении со стихом последующих десятилетий.¹⁷ Позднее этот принцип выделения условной «нормы» на основе статистико-математических подсчетов был распространен на область метрики и строфики,¹⁸ что давало дополнительные аргументы для более детальной характеристики стиховой системы автора. Очевидно, что средние данные по эпохам, показательные для иллюстрации эволюции русского стиха, неизбежно нивелируют ощутимый разброс по пропорциям метрических и строфических форм у разных авторов. Однако эта статистическая «норма» все же позволяет обнаружить не только специфические приоритеты (например, предпочтение классических или неклассических размеров, 4-стопных или 5-стопных двусложников и т. п.), но и резкие отклонения от средних данных, демонстрирующие ярко выраженный конфликт с условной поэтической нормой, формирование собственной, независимой, и — главное — противопоставленной современному стиху системы.

Выбирая однозначно маргинальную позицию в стратегии, Набоков, Вагинов и Платонов, тем не менее, решительно различаются в тактике формирования поэтических систем (отчасти — презентации их публике).

Уже в первые пореформенные десятилетия в русском стихе складывается отчетливое соотношение метров: *ямбы* > *хореи* > *трехсложники* > *неклассические размеры*. Лишь три периода отмечены некоторым смещением пропорций. Так, эпоха трехсложников, которую М. Л. Гаспаров называет «временем Некрасова и Фета», сохраняла устоявшееся соотношение метров, но максимально приблизила суммарную долю

¹⁴ См.: Ковалев П. А. Поэтический дискурс Андрея Платонова // Андрей Платонов и художественные искания XX века: Проблемы рецепции. Воронеж, 2019. С. 183.

¹⁵ Чертков Л. Н. Поэзия Константина Вагинова // Вагинов К. К. Собр. стихотворений. Мюнхен, 1982. С. 229.

¹⁶ Монахова Г. Р. Метрика и строфика К. К. Вагинова // Петербургская стихотворная культура: материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008. С. 455.

¹⁷ Начало этим исследованиям, создавшим основы современного стиховедения, было положено статьями А. Белого о 4-стопной ямбе (см.: Белый А. Символизм. М., 1910), продолжено Б. В. Томашевским, впервые применившим данные ритмических параметров для атрибуции текста (см.: Томашевский Б. В. Пятистопный ямб Пушкина // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 7–143), работами Г. А. Шенгели и К. Ф. Тарановского, который впервые ввел в научный оборот данные по ритмической эволюции всех равностопных русских двусложников (от 3-стопных до 6-стопных) (см.: Тарановски К. Руски дводелни ритмови. Београд, 1953).

¹⁸ Этот принцип окончательно сложился в работах М. Л. Гаспарова (см.: Гаспаров М. Л. 1) Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974; 2) Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 2000), был реализован в сборнике «Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов» (М., 1979), использован для описания метрико-строфических репертуаров русских поэтов в целом ряде статей и коллективных монографий второй половины XX века (см. исследования П. А. Руднева, В. Е. Холшевникова, К. Д. Вишневского, М. Ю. Лотмана, О. И. Федотова, С. И. Кормилова, С. А. Матяш, Л. Е. Ляпиной и др.). На основе этого же принципа была сформулирована инструкция для описания метрики и строфики русского литературного стиха в изданиях: Петербургская стихотворная культура: материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008; Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов. СПб., 2013.

трехсложников к доле хорей (соответственно — 23,3% и 21,0%¹⁹). Следующий этап, предшествующий освоению чистой тоники (1880–1900 годы), меняет приоритеты между хореем и трехсложниками: *ямбы* > *трехсложники* > *хореи* > *неклассические размеры*. Такое соотношение сохранится и у некоторых поэтов Серебряного века (например, у И. Ф. Анненского,²⁰ А. А. Блока,²¹ Н. С. Гумилева,²² Черубины де Габриак²³) и вернется в русский стих лишь в период 1958–1980 годов.²⁴ Впрочем, метрический репертуар других поэтов-модернистов сохраняет устоявшееся соотношение *ямбы* > *хореи* > *трехсложники* > *неклассические размеры* (таковы, например, пропорции метрических форм у И. С. Рукавишникова,²⁵ В. Ф. Ходасевича,²⁶ К. Д. Бальмонта,²⁷ О. Э. Мандельштама²⁸). Возвращением хорей на второе по частотности место отмечены 1900–1935 годы, однако на третьей позиции здесь оказываются неклассические размеры, ощутимо отсняющие трехсложники на последнюю позицию: *ямбы* > *хореи* > *неклассические размеры* > *трехсложники*.²⁹ Такая смена приоритетов объясняется в первую очередь активным освоением дольника, развивающегося, как известно, на трехсложной основе.³⁰ Эта тенденция эпохи полностью реализована в стихе А. А. Ахматовой.³¹ Стих 1936–1957 годов вновь возвращается к традиционному распределению метров (*ямбы* > *хореи* > *трехсложники* > *неклассические размеры*) с той лишь разницей, что хорей, в отличие от XVIII и почти всего XIX века, теперь очень незначительно опережает трехсложник, их доли стремятся к равновесию (соответственно — 23,0% и 21,8%³²).

Поэтическое творчество Вагинова целиком укладывается в рамки первой трети XX века, Платонова — отчасти захватывает следующий период (1936–1957 годы), Набокова — приходится на три периода из обозначенных выше, включая 1958–1980 годы, хотя основная часть стихотворного наследия автора создана в первые два периода. Однако общее соотношение метров в поэзии каждого из трех авторов не только резко контрастирует с условной нормой эпох, но и не обнаруживает соответствия ни в предшествующих, ни в последующих эпохах, что позволило бы предположить либо ориентацию на поэтическую традицию прошлого, либо провидческие новаторские тенденции, опередившие свое время и определившие перспективу развития русского стиха. Так, в метрическом репертуаре Вагинова пропорции следующие: *ямбы* > *неклассические размеры* > *трехсложники*, при полном отсутствии хореев,³³ у Платонова — *хореи* >

¹⁹ См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. С. 316 (таблица 3). Для удобства сравнения абсолютные числа переведены в проценты.

²⁰ Учтены данные по оригинальным текстам (см.: *Бутовская С. А., Захарова В. М., Монахова Г. Р.* Метрика и строфика И. Ф. Анненского // *Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов.* С. 109).

²¹ См.: *Руднев П. А.* Метрический репертуар А. Блока // *Блоковский сборник. II: Труды Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока.* Тарту, 1972. С. 261–265.

²² См.: *Захарова В. М.* Система стиха русского акмеизма. Выпускная квалификационная работа ... магистра филологии. СПбГУ; филологический факультет; кафедра истории русской литературы. СПб., 2014. С. 67–68.

²³ См.: *Шерр Б. П.* Метрика и строфика Черубины де Габриак (в печати). Выражаем искреннюю признательность Барри Шерру за возможность сослаться на его данные.

²⁴ См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. С. 316 (таблица 3).

²⁵ См.: *Лалетина О. С.* Метрика и строфика И. С. Рукавишникова // *Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов.* С. 203.

²⁶ См.: *Чебучева Е. П.* Метрико-строфический репертуар В. Ф. Ходасевича // *Тверьянович К. Ю., Чебучева Е. П.* Поэтика сборника Б. К. Лившица «Флейта Марсия». Метрико-строфический репертуар В. Ф. Ходасевича. СПб., 2004. С. 27.

²⁷ См.: *Ляпина Л. Е.* Метрический и строфический репертуар К. Д. Бальмонта // *Проблемы теории стиха.* Л., 1984. С. 188–190.

²⁸ См.: *Захарова В. М.* Система стиха русского акмеизма. С. 62–63.

²⁹ См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. С. 316 (таблица 3).

³⁰ См.: *Гаспаров М. Л.* Русский трехударный дольник XX в. // *Теория стиха.* Л., 1968. С. 66, 88–89.

³¹ См.: *Захарова В. М.* Система стиха русского акмеизма. С. 72–73.

³² См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. С. 316 (таблица 3).

³³ См.: *Монахова Г. Р.* Метрика и строфика К. К. Вагинова. С. 434.

ямбы > трехсложники > неклассические размеры;³⁴ у Набокова — ямбы > трехсложники > неклассические размеры > хорей.³⁵

Разумеется, на каждом историческом этапе развития русского литературного стиха можно выделить поэтов, нарушающих сложившуюся норму. В XVIII веке это В. К. Тредиаковский (ямбы > неклассические размеры > хорей, при полном отсутствии трехсложников³⁶) и А. Н. Радищев (ямбы > трехсложники > хорей > неклассические размеры³⁷), в XIX веке — А. Х. Востоков (ямбы > неклассические размеры > хорей > трехсложники³⁸). Современная стиховедческая парадигма предполагает корректность характеристики индивидуальной стиховой системы на основе поуровневого анализа метрического, строфического, рифменного репертуара на фоне эпохи и на основе сравнительного анализа с репертуарами современников поэта. Однако больший или меньший процент употребительности метров, размеров, стиховых окончаний, типов строф сам по себе не определяет позицию поэта как маргинальную. Так, например, начало XX века характеризуется, по словам М. Л. Гаспарова, наступлением ямбического 5-стопника: «...теперь он оттесняет старый 6-стопник не только в больших жанрах, но и в лирике, становясь здесь таким же универсальным размером, как 4-ст<опный> ямб <...> Среди хореев тоже продолжается наступление лирического 5-стопника».³⁹ Между тем «разброс» в процентном соотношении двусложников у разных поэтов этой эпохи столь существенен, что скорее ставит под сомнение возможность установления некоторой нормы, нежели характеризует отдельного поэта. Если в метрическом репертуаре оригинальных произведений Б. К. Лившица 4-стопный ямб составляет 42,8 %, 5-стопный — 19,7%,⁴⁰ то у В. А. Комаровского — соответственно — 16,9 % и 32,3%,⁴¹ у Саши Черного — 5,4 % и 2,4%.⁴² И если у Комаровского ямбическими размерами написано 87,7 % произведений,⁴³ то у Саши Черного всего 25,4%.⁴⁴ Что касается трехсложников, то в эту эпоху, как и в предшествующую, сохраняется прежняя пропорция: «половина анапестов, четверть амфибрахий, четверть дактилей».⁴⁵ Однако у Г. В. Адамовича на «ведущий» анапест приходится менее 20 %, столько же на дактиль, в то время как доля амфибрахий среди трехсложников составляет более 60%;⁴⁶ у Комаровского, напротив, 75 % текстов написано анапестом, амфибрахий вовсе отсутствует. Очевидно, что при таком разнообразии метрико-строфических репертуаров поуровневый анализ становится малопродуктивным. Гораздо более перспективным, на наш взгляд, является корреляционный анализ, учитывающий соотношение ряда параметров. Количество моделей стиха (т. е. сочетаний размера, строфического строения, порядка чередования рифм и/или клаузул) достаточно показательно

³⁴ В настоящей статье здесь и далее использованы данные по метрике и строфике Платонова, полученные Лу Яцзе. Выражаем Лу Яцзе искреннюю благодарность за предоставленную возможность работы с данными до их публикации.

³⁵ См.: Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. «Консервативный» стих В. В. Набокова: специфика построения стиховой вертикали // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 9. С. 201.

³⁶ См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. Пенза, 1972. С. 238–239 (Учен. зап. Пензенского гос. педагогического ин-та им. В. Г. Белинского. Т. 123. Сер. филологическая).

³⁷ См.: Там же.

³⁸ См.: Лотман М. Ю. Метрика и строфика А. Х. Востокова // Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. С. 115–144.

³⁹ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 216.

⁴⁰ См.: Тверьянович К. Ю. Метрика и строфика Б. К. Лившица // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. С. 363.

⁴¹ См.: Шерр Б. П. Метрика и строфика В. А. Комаровского // Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов. С. 257.

⁴² См.: Павлова М. М. Метрический и строфический репертуар Саши Черного // Проблемы теории стиха. С. 194.

⁴³ См.: Шерр Б. П. Метрика и строфика В. А. Комаровского. С. 257.

⁴⁴ См.: Павлова М. М. Метрический и строфический репертуар Саши Черного. С. 193.

⁴⁵ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 216.

⁴⁶ См.: Захарова В. М. Метрика и строфика Г. В. Адамовича // Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов. С. 283–284.

не только для отдельных поэтов, но и для поэтических эпох. На протяжении всего XIX века на каждую модель приходится более 2 текстов (от 3,2 в начале века у Е. А. Баратынского, до 2,2 в конце века у А. Н. Апухтина). В начале XX века этот показатель разнообразия стиховых форм меняется, составляя величину от 1,9 (у Лившица⁴⁷) до максимального разнообразия — 1,1 (у Гумилева).⁴⁸

У Вагинова коэффициент разнообразия (т. е. отношение количества моделей к количеству текстов и звеньев полиметрических композиций) составляет 1,15, что предельно близко к данным по Гумилеву. В то же время стратегия, избранная поэтом, не находит аналогии не только в поэзии первой трети XX века, но и в истории русского литературного стиха. Вагинов решительно расшатывает принцип тонической эквивалентности стихов, противопоставляя себя тем самым современной поэзии — эпохе чистотонического стиха: 75,3 % произведений демонстрируют расподобление стихов по объему (60,4 % составляют вольные размеры, от вольного ямба до вольного тактовика, еще 14,9 % — переходные метрические формы от равностопных / равноиктных размеров к вольным), причем среди вольных размеров треть безрифменные. Почти половина всех текстов написана вольным ямбом (49,2 %⁴⁹) — размером, который был по-настоящему популярным лишь в XVIII веке, когда составлял в среднем 26,8%,⁵⁰ а его доля в метрическом репертуаре была выше лишь у И. А. Крылова. Важно при этом, что в русской поэзии белый вольный ямб не получил широкого распространения, хотя встречается, как отмечает С. А. Матяш, и в драматических, и в эпических, и в лирических жанрах: «...его источниками явились: во-первых, традиция безрифменного стиха русской народной поэзии; во-вторых, традиция немецкой поэзии <...>; в-третьих, традиция античного стихосложения, воспринятая русской поэзией как непосредственно, так и через европейскую культуру <...>; в-четвертых, „свободные ритмы“ <...> и другие формы „международного свободного стиха“». ⁵¹ Вероятно, источниками стиха Вагинова явились две последние обозначенные традиции, определившие сознательно выбранную маргинальную позицию, которую он сформулировал в одном из писем: «...я резко расхожусь с современностью». ⁵²

Метрический репертуар поэта обнаруживает еще одну своеобразную константу, которую сложно однозначно интерпретировать, поскольку в русском литературном стихе нет примеров укрепления стиховой вертикали с помощью анакрузы. Это явление мы изредка встречаем лишь в стихе народном. Полный отказ от хорей и дактиля, использование исключительно односложной или двусложной анакрузы становится своеобразной «скрепой», восполняющей отсутствие рифмы («И дремлют львы, как изваянье...», «Да, целый год я взвешивал...», «Не лазоревый дождь...»).

Как известно, начало XX века отмечено экспериментами с твердыми стихотворными формами, цепными строфами, оригинальными авторскими строфами. Как ритмические единицы более высокого порядка строфы дополнительно упорядочивают стих, придают ему мерность. Поскольку 73 % произведений Вагинова строфичны, то следовало бы ожидать, что строфика будет выполнять своего рода компенсаторную функцию, укрепляя метрически расшатанную вертикаль стиха. Однако 97,1 % строфических текстов написаны с использованием нетождественных строф. ⁵³ Иными словами, расподобление стихов по тоническому объему находит прямую аналогию в строфическом строении — расподоблении строф по количеству стихов, чередованию рифм

⁴⁷ См.: *Тверьянович К. Ю.* Метрика и строфика Б. К. Лившица. С. 415–417.

⁴⁸ Данные о стихе Гумилева см.: *Захарова В. М.* Система стиха русского акмеизма. С. 42. О показателе разнообразия стиховых форм подробнее см.: *Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.* «Консервативный» стих В. В. Набокова: квантитативные методы исследования и проблема интерпретации результатов (Статья первая) // *Новый филологический вестник.* 2022. № 1 (60). С. 114–123.

⁴⁹ См.: *Монахова Г. Р.* Метрика и строфика К. К. Вагинова. С. 434.

⁵⁰ См.: *Виневский К. Д.* Русская метрика XVIII века. С. 236.

⁵¹ *Матяш С. А.* Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011. С. 57.

⁵² Цит. по: *Чертков Л. Н.* Поэзия Константина Вагинова. С. 217.

⁵³ См.: *Монахова Г. Р.* Метрика и строфика К. К. Вагинова. С. 449.

и/или клаузул («Бегут туманы в розовые дыры...», «В одежде из старинных слов...», «Пред Революцией громадной...», «Русалка пела, дичь ждала...», «Среди ночных блистательных блужданий...»).

Иную стратегию избирает Платонов, в стихе которого коэффициент разнообразия составляет 1,05, т. е. почти каждое произведение использует новую модель. Первое, что обращает на себя внимание, — нехарактерное для русского стиха преобладание хорейских размеров (37,7 %) над ямбическими (27,9 %). Пожалуй, лишь у одного поэта начала XX века можно обнаружить столь же неожиданную рокировку двусложников — Саши Черного, в метрическом репертуаре которого хорей и ямб составляют — соответственно — 36,9 % и 25,4 %.⁵⁴ Необычными выглядят и пропорции трехсложников: дактилические размеры составляют 9,0 %, в три раза превышая условную норму эпохи, а также опережая совокупную долю амфибрахий и анапестов (по 4,1 %) в репертуаре самого Платонова. Подобное преобладание дактиля в истории русского стиха наблюдалось лишь в XVIII веке, когда на долю трехсложников приходилось всего 2,1%.⁵⁵ Впрочем, специфику стиха Платонова характеризуют не столько пропорции метров и размеров, сколько беспрецедентная для эпохи доля переходных метрических форм. Начало XX века в значительной степени характеризуется увеличением количества и изменением качества переходных форм. Если в XVIII и XIX веках их доля крайне незначительна и ограничивается рамками классических размеров (преимущественно ямбических), то теперь переходные метрические формы составляют в среднем 16 % (от 7,7 % у Комаровского⁵⁶ до 39,0 % у Вагинова⁵⁷) и распространяются на неклассические размеры. В метрическом репертуаре Платонова они охватывают 44,7 % текстов и встречаются не только в классических 4-стопном, 5-стопном, 6-стопном хорях, 3-стопном и 4-стопном дактилях, но и в строчном логгаеде («Птицы»), трехсложнике с переменной анакрузой («Без сна, без забвенья шуршат в тесноте...», «Стихи о человеческой сути», «Млеют в горячей весенней испарине...»), вольном дольнике («Последний день»). В этой связи показательно интересное наблюдение П. А. Ковалева над логикой развертывания стиховой вертикали: «...в развитии механизмов гетероморфности у Платонова наблюдается одна важная закономерность, которую можно назвать законом третьей позиции: значительное количество случаев изменения метрической и ритмической гомоморфности, системы стиховых окончаний приходится именно на третью в стихе или строфе позицию. <...> Закон трансформации на третьей позиции предполагает: 1) Изменение стопного объема строк. <...> 2) Изменение метрической природы строк».⁵⁸

В отличие от Вагинова, Платонов редко использует белый («Мальчик») или полурифмованный («В эти дни земля горячее солнца...») стих, однако для 69,1 % текстов используются нетождественные нерегулярные строфы. Точно так же, как в развертывании стиховой вертикали третий стих нарушает заданную инерцию, в простых строфах постоянно меняется клаузула и схема рифмовки («Томится сила недр земного шара...», «Богомольцы», «Мы дума мира темного...», «Дети», «Ночь»).

В стихе Набокова коэффициент разнообразия составляет 1,5, т. е. соответствует средним данным по эпохе. Но в отличие от Вагинова и Платонова сложность и причудливость построения стиховой вертикали в его поэзии настолько неочевидны, что требуют именно корреляционного анализа. Едва ли не наиболее показательными и провокационными являются результаты корреляционного анализа метрики и каталектики, поскольку они позволяют поставить вопрос об уникальности системы стиха Набокова. В русском стихе сложилось определенное соотношение клаузул в классических метрах: поэты чаще выделяли конец стиха (строки) с помощью клаузулы, поэтому число акаталектических окончаний меньше суммарного числа окончаний каталектических

⁵⁴ См.: Павлова М. М. Метрический и строфический репертуар Саши Черного. С. 193.

⁵⁵ См.: Вишневецкий К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 239.

⁵⁶ См.: Шерр Б. П. Метрика и строфика В. А. Комаровского. С. 277.

⁵⁷ См.: Монахова Г. Р. Метрика и строфика К. К. Вагинова. С. 435.

⁵⁸ Ковалев П. А. Поэтический дискурс Андрея Платонова. С. 181–182.

(усеченных) и гиперкаталектических (с добавлением слогов).⁵⁹ Сходная картина наблюдается в поэзии Набокова, однако доля акаталектических клаузул у него на 2,2–4,7 % меньше, чем во всех периодах истории русского стиха, что является чрезвычайно высоким показателем для клаузульных форм. Иными словами, для Набокова в большей степени характерно стремление маркировать границы между ритмическими отрезками (строками) с помощью клаузул. Важно подчеркнуть, что строки в поэтических текстах Набокова расподобляются, как правило, не за счет усечения, а за счет добавления слогов — каталектических окончаний у него в 8 раз меньше, чем гиперкаталектических. В перспективе развития русского стиха такое соотношение выглядит абсолютно нетрадиционным, поскольку доля каталектических клаузул от XVIII к XX веку кратно возрастала, а гипердактилических, напротив, заметно снижалась.

Нетипичные для русской поэзии корреляции метрических и клаузульных форм появляются у Набокова в каждом из классических метров. В хоре крайне низка доля гиперкаталектических окончаний (2,7 % при 9,3 % в среднем в русской поэзии). В ямбе гиперкаталектические клаузулы, напротив, встречаются чаще, чем в целом у русских авторов (56,9 % стихов на фоне среднестатистических 51,1 %). Столь же заметно расходятся с общими данными по русскому стиху данные по клаузулам в трехсложниках Набокова.⁶⁰

Установкой на освобождение от влияния традиции и разработку непредсказуемых, «динамических» форм определяется также использование рифмы. Набоковские тексты, как правило, рифмованы: их доля составляет 90,7 %, тогда как написанных белым стихом — 6,7 %, полурифмованным (с регулярным чередованием рифмованных и холостых строк) — 2,6 %. Вместе с тем в белом стихе решены объемные произведения («Трагедия господина Морна», драмы «Смерть», «Дедушка», «Полюс» и др.), поэтому в статистике строк его доля достигает 24,6 %. В каждой из трех названных групп встречаются тексты с разнообразными ритмическими переборами. Так, белый стих использован не только в сочетании с традиционным 5-стопным ямбом, но и с неравноударными ямбами, трехсложниками с переменной анакрузой, дольниками. Кроме того, помимо более простых структур, в которых встречаются окончания одного или двух родов, не раз появляются чередования клаузул трех видов («Снег», «Овцы» и др.). Аналогичным образом в полурифмованных стихотворениях эффект обманутого ожидания создается за счет изменения способа рифмовки, слогового объема окончаний, стихотворного размера («Кто меня повезет...», фрагмент «Полубил я Лолиту, как Вирджинию — По...» из романа «Лолита» и др.). В рифмованном же стихе одним из выразительных способов преодоления ритмической инерции является включение холостых строк. Они появляются в нетождественных, одиночных строфах, вольнорифмованном стихе. Вольная рифмовка в таких произведениях неоднократно разрабатывается в сочетании с вольными размерами и переходными метрическими формами («О правителях», «Знаешь веру мою?» и др.).⁶¹

Нарушение ритмической инерции происходит и на уровне строфики — в нетождественных строфах, строфах сквозной рифмовки, твердых формах, их дериватах. Так, среди нетождественных строф встречаются исключительно редкие для русской поэзии маргинальные формы, в которых расподобление строф по одним параметрам (схеме рифмовки, роду окончаний, количеству строк, метрическому строению) сопровождается уподоблением по другим параметрам. Структуры такого типа обладают признака-

⁵⁹ Подробнее см.: Хворостьянова Е. В. Корреляция метрики и каталектики в русской силлаботонике XVIII — начала XXI вв. // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы VIII Международной науч.-теоретической конф., посвященной 90-летию КазНПУ имени Абая (24–26 мая 2018 г.). Алматы, 2018. С. 254.

⁶⁰ Подробнее см.: Laletina O. S., Khvorostyanova E. V. Catalectics of V. V. Nabokov's Classical Verse in the Context of Russian Poetic Tradition // Proceedings of the International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, July 21, 2021). Melbourne, 2021. Part 1. P. 47–51.

⁶¹ Подробнее см.: Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. «Консервативный» стих В. В. Набокова: специфика построения стиховой вертикали. С. 204–207.

ми как регулярных, так и нерегулярных нетождественных строф; в основе их композиции чаще лежит принцип не трансляционной симметрии, более привычной для русской поэзии, а симметрии зеркальной («Тихая осень», «Как я люблю тебя» и др.).⁶²

Подсчеты, сделанные на основе полного корпуса всех доступных исследователям текстов Набокова, демонстрируют богатство его метрического репертуара: он включает 47 самостоятельных размеров, что кратно превышает аналогичные показатели по творчеству поэтов предшествующих эпох и сопоставимо с данными по разнообразию размеров у многих экспериментаторов начала XX века.

Обобщая сказанное, можно квалифицировать стих Набокова, Платонова и Вагинова не как экспериментальный, а именно как маргинальный, поскольку мы не найдем здесь тех ярких открытий, которые характерны для Серебряного века и в целом первой половины XX века: экзотических твердых стихотворных форм и строф, которые культивировали В. Я. Брюсов, И. Северянин и др.; обилия неравносложных, диссонансных и левосторонних рифм, которыми отличались футуристы и конструктивисты; разнообразия чистотонических размеров, являющихся настоящим завоеванием эпохи. Тем не менее именно в их поэзии сформулированный Ю. Н. Тыняновым конструктивный фактор стиха — «фактор сукцессивности речевого материала»⁶³ — реализует себя максимально, делая почти непредсказуемой организацию каждой следующей ритмической единицы (стиха или строфы) за счет постоянно меняющихся параметров их организации (неожиданное увеличение или сокращение междудиктового интервала, смена анакрузы или клаузулы, появление холостых стихов в контексте рифмованных, изменение объема или структуры строфы).

Показательным представляется тот факт, что каждый из поэтов начинает свой творческий путь с подражания современной поэзии. В частности, первый сборник Набокова «Стихи» (1916) в метрическом отношении наиболее разнообразен (здесь использовано 23 самостоятельных размера) и, помимо 6-стопного и разностопного хореев, 4-стопного, 5-стопного, 6-стопного и вольного ямбов, дактилей, амфибрахий и анапестов (все — 3-стопные, 4-стопные или разностопные), включает стопные 6-иктные логаяды, строчные логаяды, дольники и тактовики. Следующие сборники — «Два пути» (1918), «Гроздь» (1922/23), «Горный путь» (1923), «Стихотворения 1929–1951» (1952), «Poems and Problems» (1970) — демонстрируют постепенное сужение метрического репертуара; в последних двух сборниках отсутствуют хорей, крайне редки неклассические размеры. Подготовленный при жизни самим Набоковым, но опубликованный уже после его смерти итоговый сборник «Стихи» (1979) более разнообразен, однако за счет включения в него написанных ранее стихотворений.

Точно таким же путем идет Платонов, у которого стихи, датированные 1918 годом, метрически наиболее разнообразны: здесь нет «банального» 4-стопного хореев, но есть 3-стопный и 5-стопный, наряду с привычными ямбическими размерами — короткий 2-стопный ямб, все трехсложные метры, двусложник и трехсложник с переменной анакрузой, логаяд и разноиктный дольник. После 1921 года метрический репертуар резко сужается, поэт больше не использует трехсложные размеры, почти отказывается от неклассических, а к ямбу обращается лишь эпизодически в его вольном варианте.

У Вагинова максимально разнообразен также первый период творчества (1919–1922 годы). Как отмечает Г. Р. Монахова, «с точки зрения репертуара размеров — в I периоде происходит освоение как традиционных для русского стиха размеров»: 4-стопных, 5-стопных, вольных ямбов, 4-стопного амфибрахия, «так и размеров, активное использование которых началось только в „экспериментальном“ серебряном веке» — дольников, тактовиков, акцентного стиха. Соотношение классических и неклассических размеров в этом периоде «соответствует общим данным по стиху современников

⁶² Подробнее см.: Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. Нетождественная строфика В. В. Набокова в контексте русского стиха XIX–XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 300–317.

⁶³ Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 54.

(3:1 и 4:1)», а в последующих периодах, как отмечает исследовательница, наблюдается только увеличение доли классических размеров, и в частности ямбов.⁶⁴

Думается, именно стратегия интенсификации напряжения между стиховыми единицами, максимальное усиление сукцессивности восприятия, усложняющее понимание стихотворной речи, постепенно приводит каждого из поэтов к прозе, о «странности» и сложности которой написано немало и вполне обстоятельно. Будь то эклектика стиля, интертекстуальная перенасыщенность и «размытость сюжета <...> многослойной прозы»⁶⁵ Вагинова; герметичный стиль реалистичной антиутопии Платонова, пишущего, по определению А. Г. Битова, «каким-то дохристианским языком первобытного зарождающегося сознания»;⁶⁶ или постоянные нарушения установленной конвенции у Набокова с необычными поворотами сюжета, нарушениями логической связи между сюжетными положениями, смешением авторского «я» и «я» героя-повествователя, осложненные игрой созвучиями, парадоксальными в контексте прозаической наррации.

⁶⁴ Монахова Г. Р. Метрика и строфика К. К. Вагинова. С. 452.

⁶⁵ Никольская Т. Л. Трагедия чужаков. С. 11, 17.

⁶⁶ Битов А. Г. Трижды Платонов. С. 80.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-220-227

© **Е. Н. Никитин**

ОБ ОДНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДРУЖБЕ: М. М. ПРИШВИН И С. Т. ГРИГОРЬЕВ

Творчество Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954) всегда вызывало интерес у широкого круга читателей. Этот интерес еще больше усилился после того, как в 1991–2019 годах были впервые полностью напечатаны дневники Пришвина.

Один из современных исследователей справедливо отметил, что особенностью творческой биографии Пришвина является тесное переплетение его жизненного пути «с деятельностью целого ряда представителей отечественной культуры, науки и политики».¹ Круг общения Пришвина был широким. Однако число лиц, входивших в его близкое окружение, — невелико. Мы расскажем о дружбе Пришвина, продолжавшейся более четверти века, — с Сергеем Тимофеевичем Григорьевым (наст. фам. Григорьев-Патрашкин; 1875–1953). Это писатель с не очень громким именем, но его книги, адресованные юношеству, востребованы до сих пор. Георгий Шторм в предисловии к очередному изданию исторической повести Григорьева «Александр Суворов» (1939) писал: «В 1899 году он (С. Т. Григорьев. — Е. Н.) познакомился с Алексеем Максимовичем Горьким, печатавшим свои фельетоны в „Самарской газете“. Вскоре (4 декабря 1899 года. — Е. Н.) и Григорьев поместил там рассказ „Нюта“, задуманный им и для взрослых, и для детей».

До 1917 года Григорьев жил во многих городах Поволжья. „Нанесенный на карту Российской империи, мой жизненный путь, — писал в автобиографии Сергей Тимофеевич, — очень затейливо по ней петляет“. А с 1922 года он прочно осел под Москвой, в Сергиевом Посаде, городе, переименованном в 1930 году в Загорск».²

В мае 1926 года в Сергиевом, получившем статус города в 1925 году, купил себе дом Пришвин. Вскоре два литератора подружились. Впервые имя Григорьева встречается

¹ Подоксенов А. М. М. М. Пришвин и Б. Э. Калмыков (к истории несостоявшейся повести о «настоящем большевике») // Русская литература. 2020. № 2. С. 201.

² Шторм Г. Сергей Тимофеевич Григорьев (1875–1953) // Григорьев С. Т. Александр Суворов. М., 2013. С. 6.

в дневнике Пришвина 12 июля 1926 года: «С. Т. Григорьеву, высокому боярину Берендеева царства с глубоким уважением и преданностью. Михаил Пришвин».³ Это копия дарственной надписи, сделанной Пришвиным на его книге «Родники Берендея» (М.; Л., 1926). Следующее упоминание появляется через три месяца — 11 октября — и связано с пребыванием в гостях у Пришвина приехавшего из Москвы поэта В. А. Пяста (Пестовского): «Пяст, влюбленный, попал в сумасшедший дом: ведь один волосок бы — и я попал. Потом его Прекрасная Дама (Н. А. Омелянович. — Е. Н.) явилась спасать его и вернула к жизни, а тетка уговорила ее для здоровья поэта сделаться его женой, и она вышла за него и настояла, чтобы он спал с ней. Оба ринулись в ад и воспитали в себе друг к другу величайшую ненависть. <...> Как страшно смеется Пяст: в тот момент, когда всякий другой, здоровый человек начинает смеяться, он задумывается и, сообразив там где-то что-то, потом с опозданием раздражается смехом отдельным, непонятным и страшным другому, потому что нормального смеха уже и время пропущено. <...> Вечером пришли Григорьевы и нас исцелили от Пяста».⁴

Друзья-писатели навещали друг друга по разным поводам, например в связи с полным лунным затмением. Об этом свидетельствует пригласительная записка Пришвина от 7 декабря 1927 года:

«Дорогой Сергей Тимофеевич,

Еф<росинье> П<авловне>⁵ сделали операцию (восп<аление> надкостницы) и теперь она в состоянии жарить зайцев. А завтра полное лунное затмение. Мне пришло в голову по случаю полного лунного устроить нам частичное солнечное с клюквенной под зайцев и студень, который Вы так любите.

Начало затмения лунного без 8 м<инут> в 6 ч<асов> в<ечера>, к этому времени ждем Вас с Еленой Алексеевной,⁶ чтобы одновременно приступить к своему солнечному затмению частичному, и к середине лунного затмения в 7.35 м. достигнуть храбрости приветствовать луну словами, принятыми в Берендеевом царстве: — „Будьте уверены!“ — скажем луне. И когда она покажется: „выход луны из полутени“ в 10 ч. 17 мин. — будем приветствовать ее словами: „Что задумали, загадали“.

Ждем. М. Пришвин».⁷

Григорьев был не только участником дружеских застолий, но и первым слушателем написанного Пришвиным. Об этом говорит письмо критику Н. И. Замошкину от 24 января 1928 года: «Боюсь, дорогой Николай Иванович, свою статью читал я только Григорьеву, который ее не одобрил. Я ее не осознал и послал под контроль любящего Горького редактора сборника Груздева. Я знаю, что статья дефектна, но сомневаюсь, что она именно такая, какая нужна».⁸ Речь идет о мемуарном очерке «Мятежный наказ», который в итоге был напечатан в вышедшей под редакцией И. А. Груздева книге «Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком» (М.; Л., 1928), хотя одно время автор допускал возможность его опубликования и в журнале «Новый мир», секретарем редакции которого был Н. И. Замошкин.

Встречи друзей происходили не только у них дома, но и у других жителей Сергиева. В январе 1928 года Пришвин написал Григорьеву:

«Дорогой Сергей Тимофеевич,

Александровы просят сегодня Вас с Еленой Алексеевной в 7 ч. вечера на блины. Мне поручено пригласить.

³ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927 / Подг. текста Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой. М., 2003. С. 102.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Жена Пришвина — Ефросинья Павловна (урожд. Бадыкина; 1883–1953).

⁶ Жена С. Т. Григорьева.

⁷ РГАЛИ. Ф. 2194. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 11.

⁸ Там же. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 2.

Будут Горский (писатель) с женой и другом, и мы с <Ефросиньей> Павловой.
Привет Елене Алексеевне.

М. Пришвин».⁹

Супруги Александровы (Анатолий Александрович и Евдокия (Авдотья) Тарасовна, ее Пришвин часто называл по-простецки — Тарасиха) — старожилы Сергиева, поселились здесь в 1910 году. В дневнике писателя чаще упоминается Евдокия Тарасовна, возможно, из-за ее некоторой схожести характером с автором записей. 9 апреля 1927 года Пришвин отметил: «Тарасиха — елецкий человек, специфически елецкое что-то: пренебрежение к идеологии (своим умом обойдемся); два типа умных купцов: „своим умом обойдемся“ (елецкие), и, напротив, вера в энциклопедию Брокгауза (белевские); в моей природе есть то и другое.

В моей природе есть от елецких купцов¹⁰ некоторое пренебрежение к ученому миру: „своим умом обойдемся“, и есть от белевских Игнатовых¹¹ слепое доверие к ученым умам».¹²

Интересна дневниковая запись об Александровой, сделанная 18 мая 1927 года: «Розанов звал Тарасиху „бабой ягой“. Это понятно: она груба, форсирует-де „Мадам сан жен“, а он любил внутренних, извне стыдливых людей. Розанов был сам нежный, тихий человек с таким сильным чувством трагического, что не понимал даже шуток, сатиры и т. п. Розанов мог быть, однако, очень злым.

Тарасиха, деревенская баба, и знает всех писателей, Толстого близко даже. <...>

Тарасиха от Толстом: „У него была голова развращенная, потому он и требовал много любви от Софьи Андреевны, а здоровому телу не нужно много любви, и ум легко справляется при здоровом теле со страстью“».¹³

Обширные литературные знакомства Александрова приобрела через мужа. Анатолий Александрович еще в юности, в 1878 году, находясь на лечении в Старой Руссе, встретился с Ф. М. Достоевским, шестью годами позже познакомился с К. Н. Леонтьевым, по рекомендации которого в 1888 году был приглашен Л. Н. Толстым в репетиторы к сыну Андрею. В 1892–1898 годах Александров был издателем и ответственным редактором московского журнала «Русское обозрение», а с 1895 года — издателем газеты «Русское слово», что расширило круг его литературных знакомств. Он был не чужд литературному творчеству: Александров — автор ряда статей, напечатанных в различных периодических изданиях, а также книги «Стихотворения» (М., 1912).

Приглашенный к Александровым вместе с Пришвиными и Григорьевыми А. К. Горский сочинял стихи, выпустил книжку «Глубоким утром (Песнопения)» (М., 1913), но, главное, был философом, последователем учения Н. Ф. Федорова, вместе с Н. А. Сетницким написал исследование «Смертობожничество: Корень ересей, разделений и извращений истинного учения церкви. Догматические очерки. Ч. 1. Борьба со словом». Оно было напечатано в 1926 году в Харбине тиражом 100 экземпляров. С этой работой были знакомы Горький и Пришвин. 27 сентября 1926 года Горький написал О. Д. Форш: «Обрадован письмом Вашим, Ольга Дмитриевна, и буду очень благодарен, если Вы найдете свободный час, чтоб поделиться со мною мыслями Вашими о Федорова. Первый том статей его — редкость, был издан лет 20 тому назад в г. Верном. Третий подготавливается к изданию в Харбине почитателями Фед<орова>; во главе их стоит некто Н. А. Сетницкий. Группа эта выпустила в свет под титулом „Смертობожничество“ анонимную книжку в 80 страниц; цель книжки — реформа православия в духе „активности“. Ход мысли обнаруживает явное влияние Фед<орова> и, на мой взгляд, нечто языческое от В. В. Розанова. В критической части книжки немало интересного, но, к сожалению, „новая вера“ закончена пятикратной анафемой инако верующим.

⁹ Там же. Ф. 2194. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 6.

¹⁰ Елецким купцом был дед писателя — Дмитрий Иванович Пришвин.

¹¹ Мать Пришвина Мария Ивановна (урожд. Игнатова; 1842–1914).

¹² Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. С. 246.

¹³ Там же. С. 296–298.

<...> А, в общем, как признак неугасающей *сердечной* мысли, весьма интересно и гораздо ценнее малокровных размышлений князя Трубецкого о „евразийстве“, размышлений, тоже позаимствованных у Федорова, о чем князь и соратники его — молчат».¹⁴

Пришвин в день встречи у Александровых, 13 января 1928 года, записал в дневник: «Читал книгу „Смертобожничество“, в которой автор, примыкая к Федорову, говорит, что истинная христианская идея — это победа человеком смерти, тогда как обычная <1 нрзб.> религий это, наоборот, обожествление смерти.

Горский говорит, что острое отношение Толстого к смерти явилось у него через Федорова. И еще, что уход Толстого есть очень сложное явление, до сих пор не разгаданное. Этим уходом Толстой будто бы зачеркивал все свое толстовство.

Тарасиха сказала: „Умрем-то, конечно, уж мы все, это никого не обойдет“. Горский сквозь зубы: „Все ли?“ Тарасиха странно посмотрела на него и продолжила: „Я себе место дешево купила в Лавре. Кто вам его охранять будет? — спрашивают меня. — Сама, — говорю. И правда, что мне стоит <1 нрзб.>, а дешево. Вот бы теперь, когда дешево продают места, всем бы...“ — Горский сквозь зубы: „Всем ли это нужно?“ Тарасиха вздрогнула: „Всем, батюшка, всем это“. — „Всем ли?“ — „Да в уме ли вы?“.¹⁵

«Смертобожничество» (как и один из его авторов), определенно, произвело на Пришвина впечатление — об этом свидетельствуют записи в дневнике писателя — от 31 июня 1928 года: «Был у меня Горский. Из этой беседы мне стало понятно, почему я не пишу романов («Кашеева цепь» — не роман, это жизнь). Начиная с „Онегина“ Пушкина русский роман отрицает роман (мысль Горского). Происхождение этого в распаде религии...»;¹⁶ от 9 июля: «Сегодня от мысли о болотах я каким-то образом перешел к босякам Максима Горького, а потом смертобожного Горского. Долго потом я распутывал этот клубок, в котором сошлись: я — певец болот, Горький — босяков, Горский — отщепенцев церкви. <...>

А Горький? разве его возвеличение босяка не есть, с одной стороны, гримаса человека, желающего попасть в хорошее общество: „Вы меня не принимаете, вы мерзавцы, нате вам босяка, и тот лучше вас!“ <...> Не забыть мне тоже Горского у Авдотьи Тарасовны, когда она попросту сказала: „Что другое, а помереть, батюшка, все померем!“, в это время Горский поразил ее своим вопросом больше, чем Горький босяками, он спросил: „Все ли?“.¹⁷

Отношения, сложившиеся между супругами Григорьевыми, показывает дневниковая запись, сделанная Пришвиным 8 июня 1928 года: «Во вторник (5 Июня — 23 Мая) мы с <Ефросиньей> Павловной праздновали свои именины. Аленушка (Е. А. Григорьева. — Е. Н.) все испортила, вдруг взяла и выпалила: „Через восемь месяцев я умру“. Григорьев: „Ну, этого не говорят на именинах“. — „Мне надо лечиться“, — говорит она. — „И лечитесь! — отвечаю, — поезжайте“. — „Надо работать с Серг<еем> Тим<офеевичем>“. — „И работайте там“. — „А он может только на месте... ах, как он меня держит!“

Именины расстроились, и мы понимали все пружины их жизни: ему перевели 2 тысячи от Гиза аван за то, что закабалился писать повесть для юношества в 30 листов в один год, полученные деньги возбудили в ней стремление ехать куда-то лечиться. Совсем глупенькая, а ему она одна; он перегружен невоплощенными мыслями, одиночеством, он держится ею за жизнь. Вот уж где видно-то происхождение творчества: такая глупенькая, некрасивая бабенка и это ему „Елена!“¹⁸

В 1920-е годы Григорьев был популярным писателем. Регулярно выходили его книги, предназначенные, прежде всего, юношеству: повести «С мешком за смертью» (М.; Л., 1924), «Мальчий бунт» (М.; Л., 1925), «Тайна Ани Гай» (М.; Л., 1925), «Гибель Британии» (М.; Л., 1926), «Амба полосатый» (М.; Л., 1927), «Берко-кантонист»

¹⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2013. Т. 16. С. 142.

¹⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929 / Подг. текста Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой. М., 2004. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 85.

¹⁷ Там же. С. 103.

¹⁸ Там же. С. 65–66.

(М.; Л., 1927), сборник рассказов «Сигналы великанов» (М.; Л., 1925) и др. Названные произведения неоднократно переиздавались. В 1927 году московское кооперативное издательство «Никитинские субботники» выпустило «Собрание сочинений» Григорьева (увидели свет тома 1–4, 8). В том же году на экраны страны вышел фильм «Аня», снятый режиссером О. И. Преображенской по мотивам повестей Григорьева «С мешком за смертью» и «Тайна Ани Гай».

В это время Пришвин, помимо очерков о природе, пишет и печатает свое самое масштабное произведение — роман «Кашеева цепь». Его первые три звена были напечатаны в 1923 году в «Красной нови» (№ 3–5), звенья с четвертого по десятое — в «Новом мире» (1926. № 2–5; 1927. № 1, 11–12; 1928. № 4–7).

Ситуация для Григорьева изменилась после того, как критик С. Гаврилов в журнале «На литературном посту» постарался доказать, что «теоретические и художественные искания» писателя «враждебны марксистско-ленинской теории».¹⁹ Печтаться стало трудно. Помощь Григорьев надеялся получить от Горького. Для этого необходимо было возобновить с ним переписку, активную в 1925–1926 годах, но затем прерванную. Содействовать в этом деле взялся Пришвин. Он написал автору «Жизни Клим Самгина» 4 мая 1932 года:

«Дорогой Алексей Максимович,

хорошо, приятно просить за человека, который сделает непременно больше, чем ему дадут: это известный Вам *Сергей Тимофеевич Григорьев*. В лице его остается теперь чуть ли не единственный писатель, способный дать нам эпопею русской жизни, накануне революции. Речь идет не о романе, подобном Вашему последнему, а о мемуарах, фактическом, драгоценнейшем материале, который хранит в себе такой умный, образованный и вообще очень способный и необыкновенный человек, как Григорьев. Бывают люди, которым не везет — вот он такой. Спасался он 14 лет революции в детской литературе, много там написал, стал знаменит там, но вдруг был „разъяснен“ и остался без куска хлеба, без работы, живет распродажей вещей. Я почему вздумал [обратиться] к Вам: не раз слышал от Григорьева о том, что Вы ему советовали и ждали от него эту эпопею. Переписка у Вас с ним оборвалась, и Вы поймете, что самому Григорьеву теперь неловко по личному делу обращаться к Вам. Между тем, Вы единственный, кто может понять, какую замечательную работу может сделать Григорьев. Не всем же служить, не всем ездить и писать очерки: очерки теперь могут все писать. Надо поддержать С<ергея> Т<имофеевича> таким образом: устроить ему заказ от Госуд<арственного> издательства — это раз. Но, к сожалению, сейчас на одном авансе трудно засесть за большую работу. Вот мне, напр<имер>, дают из Москвы хороший паек, просто дали за имя (сам даже не просил), и это очень хорошо, просто спасает. Григорьев при Вашем содействии мог бы получать такой же паек. <...>

Алексей Максимович! Как это будет хорошо, если большому, честному, способному человеку Вы дадите возможность делать свое дело!»²⁰

Горький ответил через 9 дней, 13 мая:

«Дорогой Михаил Михайлович —

для того, чтоб предложить Гизу книгу С. Т. Григорьева, необходимо знать — хотя бы приблизительно — план или тему книги. Не можете ли Вы попросить его дать мне какие-нибудь коротенькие сведения по этому поводу?

Не отвечал так долго потому, что хотелось устроить дело с пайком для С<ергея> Т<имофеевича>, кажется, удалось».²¹

¹⁹ Гаврилов С. Творчество С. Григорьева // На литературном посту. 1931. № 4. С. 28.

²⁰ «Писательство — трудное и ответственное дело»: Переписка М. Горького с М. Пришвиным / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Н. Никитина // М. Горький: Материалы и исследования. М., 2014. Вып. 12. Горький. Незвестные страницы истории (материалы и исследования). С. 381–382.

²¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 21. С. 143–144.

Вскоре после этого, 19 мая, Григорьев написал Горькому: «Письмо М<ихаила> М<ихайловича> к вам обо мне вышло из моего разговора с ним. Я малодушно пожаловался ему на свою суровую литературную судьбу, что вот — все иду околицей, тропочками...

М<ихаил> М<ихайлович> взялся мне помочь и написал вам, Алексей Максимович.

Вещь, о которой теперь идет речь, в целом едва ли выполнима — потому что сроки мои стали коротки (рабочие сроки). Задуманная мною поэма — о судьбах в революции русской технической интеллигенции. Только фрагменты — инженеры в литературе (раньше).

Гарин-Михайловский сам себя не видел в целом, так, как мы его видим теперь в отдалении. А что, кроме Гарина? Инженер Матиец Сергеева-Ценского?²² Кажется, и все.

Начало моей поэмы благодаря отваге Д. М. Ханина²³ мне удалось протащить (с большим уроном) контрабандой через отдел детской литературы ГИЗа в 1930 году (три тома под общим заглавием «Революция на рельсах»). Теперь я должен бы написать еще 4 романа:

1) от воцарения Н<иколая> II, промышленное государство, Дальний Восток, Витте, японская война — до революции 1903–1906 гг. включительно; 2) ликвидация помещного дворянства — 1906–1913; 3) война, 1917 год, до октября — определеннее: постройка Мурманской дороги в условиях войны и революции; 4) 1917–1923. Поэма кончается гудками паровозов — воют над гробом Ленина».²⁴

Реализовать замысел — «написать 4 романа» — Григорьеву не удалось. Но обращение к Горькому помогло — произведения Григорьева опять стали печатать.

Дружба двух живущих в Загорске писателей продолжалась.

7 октября 1932 года, накануне именин Григорьева, Пришвин написал коллеге по перу:

«Дорогой Сергей Тимофеевич,

к завтрашнему Вашему дню на жареное посылаю трех вальдшнепов от своей бедовой охоты. Водки нет в Сергиеве, если уедете с Еленой Алексеевной куда-нибудь, где водка есть, то, закусывая вальдшнепами, примите в себя и наше с Е<фросиньей> Павловной и всеми нашими поздравление и „будьте уверены“.

Будьте же уверены, не хворайте.

М. Пришвин».²⁵

В феврале 1934 года, даря другу только что вышедшее в свет первое отдельное издание повести «Жень-шень» (М., 1934) и вспоминая о его участии в работе над сценарием кинофильма «Аня», Пришвин написал:

«Дорогой Сергей Тимофеевич!

Посылаю Вам свою новую книгу. Я получил предложение, если не повеление (от ЦК), к 1-му мая написать сценарий по этой книге. Пришлите, если можно, дельные книги по кино. Очень буду благодарен. Если возвратитесь к работе над сценариями, теперь я, вероятно, в состоянии помочь Вам при устройстве: мне теперь бабушка ворожит.

Привет Елене Алексеевне.

М. Пришвин».²⁶

²² Имеется в виду персонаж повестей С. Н. Сергеева-Ценского «Наклонная Елена» и «Суд» Матийцев.

²³ Д. М. Ханин (1903–1937) — заведующий отделом детской и юношеской литературы Госиздата.

²⁴ Горький — С. Т. Григорьев: Переписка / Подг. текста Р. П. Пантелеевой // Лит. наследство. 1963. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. С. 140.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2194. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 8. Скажем также о сохранившейся в архиве Григорьева записке без даты, относящейся, вероятно, к 1930-м годам: «С праздником, с Новым Годом, дорогие приятнейшие люди

Кинофильм «Хижина старого Лувена», снятый по сценарию Пришвина режиссером А. А. Литвиновым, вышел на экраны в 1935 году.

В 1937 году Пришвин получил четырехкомнатную квартиру в Москве в писательском доме в Лаврушинском переулке. В 1938 году перебрался в столицу Григорьев.

Наступило 22 июня 1941 года. Началась Великая Отечественная война. Оба писателя по возрасту не подлежали призыву в армию, но каждый из них, в меру своих сил, стремился приблизить победу.

Григорьев заканчивает исторический роман о героической обороне Севастополя во время Крымской войны 1853–1856 годов — «Малахов курган». Его сокращенный вариант в 1941 году напечатал журнал «Пионер» (№ 3–6). Полный текст романа вышел в 1944 году в Военмориздате. Затем писатель принимается за повесть «Победа моря», рассказывающую о детстве адмирала С. О. Макарова. Она вышла отдельным изданием в 1945 году.

Незадолго перед войной, в 1940 году, Пришвин создает одно из самых лиричных своих произведений — книгу «Лесная капель». Она состоит из двух частей: первая — поэма «Фацелия», вторая часть сначала имела название «Мой дом», в окончательном варианте получила то же имя, что и вся книга — «Лесная капель». Это произведение в 1940 году стал печатать «Новый мир». В № 9 появилась «Фацелия». В № 10 — начало «Лесной капели». Затем произошло неожиданное: в сдвоенном № 11–12 вместо окончания «Лесной капели» читатели увидели статью С. Д. Мстиславского «Мастерство жизни и мастер слова». В ней критик обвинил Пришвина в аполитичности и назвал его мировоззрение «органически и непримиримо чуждым мироощущению человека, живущего подлинной, не отгороженной от борьбы и строительства жизнью».²⁷

Но то, что некоторым показалось ненужным перед войной, в пору лихолетья стало необходимым для всех. В 1943 году «Советский писатель» выпустил обе части «Лесной капели» отдельным изданием.

О пикировке с Григорьевым (каких у них было немало за время многолетней дружбы) и о метаморфозе, произошедшей с «Лесной капелью», Пришвин сделал запись в дневнике 4 ноября 1943 года: «Русский неглупый и дельный человек в старину любил умом своим поиграть и вызвать на игру такую собеседника. Так вот вчера затаячил меня Лева²⁸ к Григорьеву Сергею Тимофеевичу; тот пригляделся ко мне, и вижу — до смерти ему хочется узнать, как я ориентируюсь в современности. Старый умник, чтобы выведать мои позиции, а потом повести свое наступление, так начал: — За время войны я пытался пророчествовать и у меня это не раз выходило, а теперь все спуталось <...> — Знаю, — подумал я, — старый умник — и хорошо понимаю тебя: никаким расчетом тут теперь ты не возьмешь, и не тебе быть пророком по нашему времени. — Как вы ориентируетесь? — спрашивает он. — Вы, наверно, о конце войны? — сказал я. И чтобы сразу сбить его, выпалил: — Думаю, что до конца столетия война не кончится.

Выстрел мой попал в цель. Старик взыграл: — Вот это так! — Но я не удручаюсь, — продолжал я, — концы войны вижу часто. Вот баба одна ждала, ждала... Да зачем тебе конец-то, спрашиваю, как зачем, говорит, хозяина жду. Вскоре после этого разговора приходит хозяин без руки и с белым билетом, вчистую. Ну вот, говорю ей, хозяин пришел, вот, значит, тебе и ждать нечего конца, кончилась твоя война. Кончилась, отвечает радостная баба, теперь опять будем жить. И я за нее порадовался. А вчера прихожу в „Советский писатель“, там мне говорят, что книжка моя о радости „Фацелия“ напечатана, та самая книжка, которую именно за радость и запретили перед войной. Война на носу, писали о ней, а он радуется. Теперь же понадобилась радость и книжку напечатали <...>.

Елена Алексеевна и Сергей Тимофеевич, пожалуйста к нам сейчас есть гуся. / М. Пришвин» (Там же. Л. 12).

²⁷ Мстиславский С. Мастерство жизни и мастер слова // Новый мир. 1940. № 11–12. С. 272.

²⁸ Сын Пришвина Лев (1906–1957).

Но, выйдя на улицу, я вспомнил себя всего, как писателя: именно, что я все свои 40 лет писательства писал о радости. Знаю, и всегда это знал и терзался, что меньше, много меньше давал, чем дано мне, но теперь ясно мне было, что может быть потому и мало давал, что писал только о радости, что, может быть, в этом я единственный писатель, и что быть таким очень трудно.

Да, да! Теперь понимаю вполне ад таких людей, как Григорьев. Он по природе своей рационалист и стремится для спасения людей что-то выдумать, изобрести. В сущности, он на тех же пружинах стоит, как большевики, но не большевик и не личник, как я: он не может быть личником, потому что по природе своей умник, изобретатель, строитель и втайне хочет господствовать».²⁹

Увиденное и пережитое Григорьевым во время войны отразилось в созданной им в 1943–1944 годах «Повести нашего времени». Посылая ее рукопись в октябре 1944 года в редакцию журнала «Знамя», в сопроводительном письме Пришвин сказал: «Автор вовсе и не берет задачу изображения войны и тем самым не противопоставляет страдание мужеству. Автор изображает главным образом женщин в тылу <...>

Не пассивное чувство страдания действует в повести, а сострадание — источник активной любви.

Может быть, и вся повесть написана именно затем, чтобы против ожесточения нравов, порожденного войной, выставить творчески организующую силу любви».³⁰

Но в журнале «Знамя» печатать произведение не стали. «Повесть нашего времени» впервые была опубликована Ярославским областным издательством в 1957 году.

В 1945 году война закончилась. Жизнь продолжалась. Идти по ней двум немолодым писателям становилось все труднее и труднее. Но узы дружбы, их связывающей, не разрывались. 23 августа 1951 года Пришвин написал Григорьеву:

«Дорогой Сергей Тимофеевич!

Услышал от Левы, что Вы болеете, хотел бы очень Вас навестить, но сам лежу с грыжей.

Здоровья желаю, конечно, и Вам и себе, но не это же для нас с Вами главное. Желаю Вам мира душевного.

Любящие Вас

Михаил и Валерия³¹
Пришвины».³²

Сергея Тимофеевича Григорьева не стало 20 марта 1953 года. Эту смерть скрывали от Пришвина, не желая его волновать. Он узнал о случившемся почти через неделю, 26 марта записал в дневник: «20-го Марта умер С. Т. Григорьев, и Ершов³³ вчера сказал, что меня сознательно не известили, чтобы не беспокоить. Русский был он человек, и до того русский, что позволил себе написать благодушную книгу о еврее (Берко-кантонист)».³⁴

Михаил Михайлович Пришвин не на долго пережил друга — на не полных 10 месяцев. Автор светлой поэмы «Фацелия» окончил свое земное существование 16 января 1954 года. В поэме писатель признался: «Я был счастлив, и единственно чего мне еще не хватало, это чтобы счастливы, как я, были все».³⁵ И каждый, кто сегодня читает Пришвина, становится хоть немного счастливее.

²⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / Подг. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, комм. Я. З. Гришиной. М., 2012. С. 617–619.

³⁰ Пришвин М. М. Собр. соч.: В 6 т. М., 1957. Т. 6. С. 802.

³¹ Вторая жена Пришвина — Валерия Дмитриевна (урожд. Ливорко; 1899–1979).

³² РГАЛИ. Ф. 2194. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 21.

³³ Ершов Григорий Александрович (1914–1998) — писатель, биограф Пришвина.

³⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954 / Подг. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2017. С. 318.

³⁵ Пришвин М. М. Фацелия: Поэма // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1983. Т. 5. С. 11.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-228-245

© Е. Р. Обатнина

**УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ И «ПАРИЖСКАЯ НОТА»
(К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА А. М. РЕМИЗОВА С ЖУРНАЛОМ
«ЧИСЛА»)**

Воскресная «школа» в Булони

Феномен журнала «Числа» в значительной степени был отрефлексирован его непосредственными участниками и критиками еще «при жизни» издания, а вслед за ними изучен историками литературы новейшего времени.¹ Эстетика и содержание недолговечного проекта (1930–1934) определялись творческими амбициями младшего поколения первой волны русской эмиграции. Их называли «молодыми», хотя к выходу последнего, десятого, сборника многим из них, по уточнению современника, — «уже перевалило за сорок».² Жизненная перспектива этой небольшой группы начинающих поэтов, писателей и критиков, несмотря на родовую принадлежность к русской культурной традиции, определялась европейскими интеллектуальными ценностями. Столица Франции стала местом расцвета их таланта, и в экзистенциальном плане — перманентной «пограничной ситуацией» жизненного выбора. На страницах «Чисел» этот модус самосознания получил (первоначально в отношении поэтов) метафорическое определение — «парижская нота».³

Журнал мыслился как молодежное издание, однако «литературные дети» нуждались в опыте и поддержке писателей русской дореволюционной формации. Несомненным подтверждением признания числовцами литературных авторитетов служит фотография авторского коллектива, отснятая в 1934 году по случаю пятилетия «Чисел»: в среднем ряду справа расположились «старшие» сотрудники, в разной мере успешно оказывавшие влияние на редакционную политику, — Д. С. Мережковский, Г. В. Адамович, З. Н. Гиппиус, Г. В. Иванов. Публикация этого исторического свидетельства в десятой книге совпала с завершением издания.

Накануне фотосессии главный редактор Н. А. Оцуп отправил А. М. Ремизову письмо, по-видимому потеряв с ним связь с осени прошлого года, когда от писателя было получено извещение о смене его места проживания:

«Дорогой Алексей Михайлович,

Давно искал Ваш адрес. Хотел поблагодарить за интереснейшую книгу о Тургеневе,⁴ о кот<орой> будет написано в ближайшей книге „Чисел“. Затем спросить, нет ли чего-н<и>б<удь> для нас, главным образом, заметок, с прозой для этой книги поздно.

¹ Начало научного осмысления феномена «Чисел» было положено в специализированном выпуске «Литературного обозрения» (1996. № 2), в котором собраны исследовательские работы и републикации основных статей числовцев. Большая собирательская работа материалов рецепции современников и позднейших исследователей проведена на сайте «Эмигрантика»: <https://emigrantika.imli.ru/rusparis/343-rom>; дата обращения: 15.10.2023.

² Цит. по: *Оцуп Н.* Современники. Paris, 1961. С. 119. См. также о судьбе младших эмигрантов: *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. М., 2010. С. 18.

³ Фундаментальной для понимания поэтического творчества числовцев остается статья: *Коростелев О. А.* «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб., 2013. С. 303–345. Ср. также утверждение современника в связи с кончиной Г. Адамовича: «Новая проза, публицистика, философия, теология — все носило на себе следы благословенной „парижской ноты“» (*Яновский В. С.* Ушел Адамович // Новое русское слово. 1972. 26 марта. № 22566. С. 5).

⁴ Речь идет об издании: *Remizov A.* Tourguéniev, poète du rêve / Trad. H. Pernot-Feldmann. Paris, 1933.

Теперь просьба и пожелание. Завтра, в Воскресенье, в отеле Baltimore (88 bis, Av. Kléber) снимаются по случаю юбилея „Чисел“ все сотрудники. *Очень* порадуете, если придете в 4 ½ часа.

Затем шлю сердечный привет Вам и Серафиме Павловне.

Ваш Оцуп».⁵

Ремизова на историческом фотоснимке мы не обнаружим.⁶ Только новонайденные материалы его личного архива существенно дополняют официальную историю «Чисел», в которой оказалось недооцененным истинное положение писателя в кругу творческой молодежи. Причина, почему роль Ремизова в «Числах» осталась незамеченной и, более того, затерянной в его личной переписке и отдельных высказываниях критиков, на наш взгляд, кроется в тактике литературного поведения писателя, выработанной в эмиграции. Не стоит сбрасывать со счетов также явные и неявные усилия упомянутых выше «кураторов» журнала — Гиппиус и Адамовича, дезавуировавших его литературное влияние.

Нам уже приходилось исследовать участие Ремизова на правах как негласного, так и официального члена редколлегии новых повременных изданий («Благонамеренный», «Версты», «Ухват», 1926–1927), программные установки которых обозначили в ландшафте русского зарубежья смену литературных поколений. Особый вклад писателя состоял в открытии новых литературных имен, появившихся в эти годы по обе стороны границы. Непримиимой противницей инициатив, опирающихся на идею неделимой по политическому признаку русской литературы, выступила Гиппиус, обвинившая лично Ремизова в идеологической дезориентации младших писателей-эмигрантов. Это мнение разделили И. А. Бунин, В. Ф. Ходасевич и группа начинающих литераторов из журнала «Новый дом» (1926–1927).⁷ Публичная травля не обратила Ремизова в изгой, но из чувства самосохранения он с тех пор тщательно скрывал свое участие в литературно-общественной жизни русской творческой диаспоры.⁸ Его колоритная личность представляла собой интерес для некоторой части вступивших в конце 1920-х годов на стезю литературного труда. С точки зрения этой молодежи Ремизов среди старшего поколения оказался едва ли не единственным, кто за годы эмиграции проявил внимание к тенденциям современности, значительно преобразовав устоявшиеся в дореволюционном прошлом собственные авторские стратегии, направленные на обновление повествовательной формы и переосмысление канонов художественности в книгах «Кукха. Розановы письма» (1923), «Взвихренная Русь» (1927), «Оля» (1927), «По карнизам» (1929), «Три серпа» (1930), «Образ Николая Чудотворца: Алатырь — камень русской веры» (1931).⁹

⁵ Amherst College. Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. Box 7. Folder 2. Далее — Amherst, с указанием шифра. Настоящее письмо датировано по содержанию 17 марта 1934 года. Курсивом выделено слово, подчеркнутое отправителем.

⁶ В середине 1990-х годов один из участников журнала «Числа», обращаясь к фотографии 1934 года, написал серию мемуарных очерков, посвященных числовым, среди которых выделил и Ремизова. Опубликованный текст представляет собой единственный в рецепции современников случай соотнесения имени Ремизова с коллективом этого, по преимуществу молодежного издания. Теплые воспоминания о писателе начинались словами: «Немало было в „Числах“ и чудачков — и первым был, конечно, незабвенный Алексей Михайлович Ремизов...» (*Чиннов И. О «Числах» и «числовцах» // Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / Сост. О. Ф. Кузнецова. М., 2003. С. 237.*)

⁷ См.: *Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая. «Эстетно-разложенец» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53.*

⁸ См.: *Обатнина Е. Р. К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 278–303.*

⁹ Потребность молодых в некоем творческом образце, в частности, подтверждается высказыванием: «Младшее поколение инстинктивно тянется к писателям, которые, так или иначе, возвещают приход обновленных литературных форм — соответствующих измененной психике и измененному художественному вкусу послевоенной и послереволюционной переходной эпохи» (*Слоним М. Литературные поколения // Новая газета (Париж). 1931. 1 Avril. № 3. С. 1.*)

Фактическое сближение Ремизова с числовцами осуществлялось незаметно. Сопоставим два события литературной жизни Парижа, относящиеся к началу 1930 года. В феврале вышла в свет первая книга «Чисел».¹⁰ В конце месяца имя главного редактора журнала Оцупа промелькнуло в объявлении о предстоящем литературном вечере, посвященном творчеству Ремизова в группе «Кочевье». Здесь же была анонсирована программа: «Со вступительным докладом Б. Сосинского. В прениях примут участие: Г. Газданов, Ф. Грешищев, И. Н. кн. <sic> Голенищев-Кутузов, И. Козлок, Н. А. Оцуп, М. Л. Слоним, М. И. Цветаева».¹¹

Как немного позднее описывала жизнь литературных объединений этой поры писательница Н. Д. Городецкая, молодые прозаики и поэты Парижа охотно взаимодействовали между собой, независимо от эстетических разногласий,¹² касающихся, главным образом, поэтического языка.¹³ Существенно были размыты и границы сотрудничества молодых авторов в созданных ими органах печати. Например, «Новая газета», учрежденная Слонимом, и «Числа» Оцупа, не выказывая непримиримых противоречий, вступали в перекрестные обсуждения одних и тех же профессиональных и общественных проблем.¹⁴ Примерно схожими были и литературные ориентиры. По утверждению Городецкой, «хороший тон требовал от беллетриста отталкивания от Бунина и подражания Ремизову».¹⁵ Аналогичное заключение сделала и другая представительница молодежных объединений. Согласно опубликованному отчету о собрании в таллинском Литературном кружке, приехавшая из Брюсселя З. А. Шаховская в своем публичном выступлении под названием «Молодая русская литература (эмигрантская и советская)», «говоря о старших писателях зарубежья, указала, что Ив. Бунин на молодежь влияния не оказывает. Ближе к младшему поколению стоит А. Ремизов...».¹⁶

После переезда в Париж осенью 1923 года в ремизовский круг постоянного общения вошли знакомые с ним еще по Берлину начинающие писатели — В. Андреев, Д. Резников, Б. Сосинский, А. Бахрах и С. Шаршун. Позднее к ним присоединился редактор журнала «Воля России» Слоним. В период с 1927 по 1934 год эта компания, нацеленная на преодоление конфронтации с литературой современной России,¹⁷ зна-

¹⁰ Дату выхода из печати см. в сообщении на обороте титульного листа в первом номере журнала.

¹¹ [Б. п.]. Кочевье. Лекции и собрания // Возрождение. 1930. 27 февр. № 1731. С. 4. Упомянутые Ф. Грешищев, И. Козлок являлись героями ремизовских печатных мистификаций. См. об этом: Грачева А. М. Литературные мистификации А. М. Ремизова 1940-х годов // Русская литература. 2019. № 4. С. 191–199; Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая. Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 27. Ср. также сообщение о вечере 27 февраля из «Последних новостей»: «Литературная группа „Кочевье“ анонсировала проведение в зале Географического общества вечера, посвященного творчеству Ремизова. В заявленной программе: вступительный доклад Бр. Сосинского. Тезисы: 1. Ремизов и читатель; 2. Общий обзор литературной жизни Ремизова (1902–1930 гг.); 3. Общий характер творчества. Формальный разбор; 4. Апокрифы. Сказка и действо; 5. Общие выводы. В прениях наметили свои выступления Н. А. Оцуп, М. Л. Слоним, М. И. Цветаева, В. Н. Ильин» (*Beysac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France: Chronique (1920–1930)*, Paris, 1971. P. 266).

¹² Городецкая Н. «Кочевье» // Возрождение. 1931. 15 марта. № 2112. С. 4.

¹³ См.: Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции. С. 303–345.

¹⁴ См. об этом: Янгиров Р. М. «Новая газета»: К истории печатного диалога и молодой эмигрантской литературы с художественной культурой Франции // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940: Междунар. науч. конф. (Женева, 8–10 дек. 2005 г.) / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар [и др.]. М., 2007. С. 431–481. Здесь же приведены цитаты из публикаций этой труднодоступной газеты.

¹⁵ Городецкая Н. «Кочевье». С. 4.

¹⁶ И. И. Литературные доклады // Таллинский русский голос. 1932. 18 дек. № 6. С. 4.

¹⁷ Ср. обращение Слонима к Ремизову, написанное в связи с запуском «Новой газеты»: «Мне очень хочется, чтобы в первом номере <...> была Ваша статья или заметка за Вашей подписью. Важно мне это не только в литературном отношении, но и в „тактическом“: Ваше имя для многих — знак и „символ“ определенного направления: и молодежь, и старики поймут правильно и правильно истолкуют появление Ваше в первом же номере на почетном месте» (*Amherst. Series 1. Box 6. Folder 4*).

чительно пополнилась единомышленниками и такими же, еще неизвестными поэтами и литературными критиками из нейтральных в идеологическом аспекте объединений «Перекресток» и «Союз молодых писателей и поэтов»: А. Алферов, И. Болдырев (Шкотт), Н. Былов, В. Варшавский, В. Вейдле, Г. Газданов, А. Гингер, И. Голенищев-Кутузов, Л. Гомолицкий, Н. Городецкая, М. Горлин и Р. Блох, В. Диксон, Ю. Иваск, Л. Кельберин, Д. Кнут, Дм. Кобяков, Г. Лозинский, В. Мамченко, Ю. Мандельштам, К. Мочульский, Б. Поплавский, Г. Раевский (псевд. Г. А. Оцуа), В. Смоленский, Ю. Софиев, Б. Очередин, А. Эйсер, З. Шаховская. Не все из перечисленных состояли с писателем в тесном контакте, однако их письма свидетельствуют о сложившихся между ними неформальных взаимоотношениях. За немногим исключением эти литературные имена вошли в список авторского коллектива «Чисел».

Несовместимые с политикой и идеологией, сугубо литературные и философско-эстетические задачи, изложенные в редакционной статье первого номера журнала, не могли не вызвать интереса и даже симпатии Ремизова. Составленный Оцупом краткий «манифест» отражал стремление объективировать новый тип творческого индивидуального сознания, которое обращалось к «вечным вопросам» бытия с тем, чтобы приблизиться к скрытым смыслам жизни современного человека.

Начиная с 1930 года числовцы и их литературные сверстники время от времени стали навещать в квартиру Ремизова. Путь был не близким: в июле писатель и его жена С. П. Ремизова-Довгелло вынужденно переехали с левого берега Сены в окрестности Булонского леса, по адресу 3-bis, av. J.-V. Clément, Boulogne-sur-Seine. С 1931-го по сентябрь 1932 года встречи приобрели регулярный характер, так что хозяину, называвшему эти сходки «нашествием», пришлось установить приемный день. По воскресеньям, за чайным столом, между рассказами о литературных и бытовых новостях, писатель занимался художественными текстами своих гостей, в совместном разборе обучая писательскому ремеслу.

Разрозненные упоминания о встречах с молодыми литераторами находим и в некоторых письмах Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло:

«18. V. <19>30
Воскресенье

А в 9-ь ч<асов> пришел Голенищев-Кутузов. И просидел до 12¼. Больше никого не было. И это очень хорошо. <...> И хотя сидел он один и разговаривали на ученые темы, а чего-то хочется спать — или из-за холода».

«24. VI. <19>32

Алферов пришел ½ 10-го. <...>. Он принес рассказ — для него это важнее. <...>. Рассказ большой из здешней жизни. Любовный. Очень хорошо написан — стилем действующих лиц. Завтра его будет читать».¹⁸

«29. VI. <19>32
9 ч<асов> у<тра>

Газета и письмо от Оцуа, что послал „Числа“ № 6.

<...>. Было письмо от Очередина. Спрашивает, если не придет в воскресенье, можно ли в пон<едельник>, втор<ник> или среду? Я ему отвечаю, *только* в воскресенье. В будний день вечером с одним человеком сидеть, много очень времени тратить. Послал тебе „Числа“ — дорогой считаешь, все-таки интересно».

¹⁸ Писательское дарование «неведомого решительно никому» Анатолия Александровича Алферова (1904–?), дебютировавшего в «Числах» с рассказом «Дурачье», отметил постоянный рецензент журнала, с оговорками признав, что журналу «принадлежит „честь его открытия“» (Адамович Г. «Числа». Книга 7–8 // Последние новости. 1933. 19 янв. № 4320. С. 2).

<...> ушли (последние) около 12-и. Поставил „самовар“ и чаю выпил с баранками. Для гостей купил бискот, почти все подобрали. В кухне чисто — опять М-ме Вейдле с Алфер<овым> и Очерединым вымыли.

Первый в 9 ч<асов> Бахрах и Голенищев<-Кутузов>. Бахрах не берет денег за переплет, что это тебе от него — а задержал, п<отому> ч<то> переплетчик обманывал, не отвечал, надеялся принести. Голенищев <...> рассказывал о своей диссертации, которую приняли. <...>. Пришли Вейдле <...> и тут же Очередин <...>. И в заключение Алферов с Быловым. Книжку принес „Волчью тропу“. Это плотный, мускулистый, „чернявый“, с выправкой не интеллигента, молчаливый, но не суровый. Женат, сын есть, промывает стекла, но ни у кого не состоит, а сам ведет дело. Разговаривали о Алферовском рассказе, о рассказах Федорова (в Праге), я не читал. Вейдле говорил о построении „Мертвых душ“ по плану Данте (ад (I ч<ась>), чистилище (II ч<ась>), рай (III ч<ась>)). Может, он и прав. <...>. Вот, деточка, какое донесение. Все было тихо. И печально — самые печальные Очередин и Алферов. Но зато Бахрах необыкновенно оживленный. Алферов спрашивал: можно ли привести Смоленского? Все тебе кланяются.¹⁹

Внутри спонтанно образовавшихся взаимоотношений, которые весьма условно можно назвать ремизовской «школой» эмигрантских писателей, родился смыслообраз «учитель музыки», давший название корпусу рассказов об Александре Александровиче Корнетове и его друзьях. Основной метод Ремизова заключался в чтении вслух русской классики, а также образцов древнерусской житийной литературы и деловой письменности.²⁰ Текст, озвученный голосом опытного чтеца, лучше отвлеченных теоретических экскурсов развивал в начинающих писателях, оторванных от родной языковой почвы, способность слышать и понимать как мелодику и ритм аутентичной русской повседневной речи, так и архитектонику литературных произведений.²¹ Под музыкой в этой практике подразумевалось чувство времени и сдвигов истории. Опыт такого рода интуиций был известен по творчеству А. А. Блока, трагический образ которого сформировал идеал поэтического сознания, резонирующего «дух музыки».²²

Просматривается взаимосвязь между формированием эстетики «парижской ноты» и появлением в 1933 году обновленной легенды происхождения ремизовского героя,²³ имя которому, как объяснял писатель в очерке «Чинг-Чанг», «дано было еще в Петербурге в честь Александра Александровича Блока».²⁴ Очерк представлял собой беспрецедентный для Ремизова случай раскрытия автобиографического метода, построенного на игре с транспонированием авторского «Я» и не-«Я» в образы вымыш-

¹⁹ Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (ГМИРЛИ). Ф. 156. Оп. 2. № 340.

²⁰ См. об этой практике: Поляков Ф. Алексей Ремизов и Житие протопопа Аввакума: воссоздание текста культуры в эмиграции // Gedächtnis und Phantasma: Festschrift für Renate Lachmann / Hrsg. S. K. Frank, E. Greber, S. Schahadat, I. Smirnov. München, 2001. S. 67–68 (Die Welt der Slaven; Sbd. 13).

²¹ Ср. также рассуждения о корреляциях творчества писателя и музыканта в статье: Доценко С. Н. Кто такой «музыкант Набоков»? (из комментария к книге А. Ремизова «Учитель музыки») // Slavica Revalensia. 2022. Vol. IX. С. 127.

²² Мотив внутреннего музыкального слуха является ключевым в двух очерках памяти Блока («Из огненной России» и «Десять лет»), написанных Ремизовым в 1921 и 1931 годах. См.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 323–335.

²³ В контексте дореволюционного Петербурга образ Корнетова был ориентирован на другой культурный эталон — ученого-филолога, палеографа И. А. Шляпкина (см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 87–91).

²⁴ Ремизов А. Чинг-Чанг // Современные записки. 1933. Кн. 51. С. 265. См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 9. Учитель музыки: каторжная идиллия. С. 437.

ленных героев. Однако в процессе создания так называемой «стоглавой повести» идея развития в литературной молодежи «музыкального слуха» (в блоковском понимании этого необходимого качества человека-артиста) сохранялась в латентном состоянии. На поверхности своего тактического плана Ремизов предлагал читателю ложные пути интерпретации его alter ego — Корнетова.²⁵ Блоковская музыкальная коннотация, ассоциированная с поэтикой и философией «парижской ноты», присутствовала в семантическом поле ремизовского замысла, в течение трех последующих лет реализованного на страницах периодической печати в главах повести (впоследствии романа) «Учитель музыки».²⁶

Насколько глубоко Ремизов был погружен в проблему становления молодых, достаточно красноречиво подтверждается содержанием его письма к Сосинскому, из которого следует, в частности, что писатель воспринимал упомянутых им Слонима и Адамовича, представителей «среднего» поколения эмиграции, как небезразличных участников общего диалога о зарубежном будущем литературной смены:

«Суббота. 20. 12. <19>30

Дорогой Бронислав Брониславович,

<...> как жаль, что не узнаю, что говорил Марк Львович в четверг. Мне кажется, что мое мнение о молодых, на которых столько у меня надежды, М<арку> Л<ьвовичу> покажется диким; я хочу рассказать Мочульскому и когда-нибудь Адамовичу: чего я жду, и какое это будет иметь значение для русской литературы <...>

А. Ремизов».²⁷

Недосказанная в письме мысль публично была сформулирована весной 1931 года. Отвечая на анкету «Самое значительное произведение русской литературы последнего времени» в учрежденном Слонимом двухнедельнике (bimensuelle) «Новая газета», Ремизов обошелся без прямых оценок, остановившись на культурном контексте, в котором развивалась новая литература эмиграции: «Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закваской <...> устремленность к Западу, т. е. к той жизни, во всех ее видах и разнообразии, истории и современности, в которой живут молодые русские писатели, явление нормальное, и русская традиция, без которой не может быть русского писателя, ответственнейшая после Гоголя, Толстого и Достоевского, не только ничего не потеряет, а даст при талантливости писателей своеобразный вид русского письма».²⁸

Мнение писателя обнаруживает прямые корреляции с курсом редакции «Чисел», заявленным в программной статье первого сборника,²⁹ и репликой Оцуца на вечере числовцев 12 декабря 1930 года «Политика и искусство»: «...не следует ли нам, ради России, внимательно присмотреться к Западу?»³⁰

Фрагменты истории ремизовских «воскресников» дополняются письмом Н. А. Бердяева 30 декабря 1930 года, в котором, договариваясь о приезде к Ремизовым на первой новогодней неделе, отправитель называет основной повод встречи: «Как

²⁵ См. исследование одной из авторских версий: Доценко С. Н. О литературном генезисе имени героя книги А. Ремизова «Учитель музыки» // Георгий Адамович и... (К проблеме изучения культуры русской диаспоры). Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева (1959–2020). Rīga, 2021. С. 124–137 (Rusistica Latviensis; [вып.] 9).

²⁶ Подробнее см.: Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: учитель и его ученики (к истории смыслообраза «учитель музыки» в контексте нового искусства XX в.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2023. Т. 22. № 9. Филология. С. 105–106.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. № 19. Л. 49; курсивом выделены подчеркнутые Ремизовым слова.

²⁸ Ремизов А. М. <Ответ на анкету> // Новая газета. 1931. 1 Avril. № 3. С. 1.

²⁹ Числа. Париж, 1930. Сб. 1. С. 5–6.

³⁰ См. заметку о проведенных в 1930 году мероприятиях: «Политика и искусство». Вечер «Чисел» // Числа. 1931. № 4. С. 261.

и предполагалось, позовите Ваших молодых поэтов (Поплавского, Варшавского и пр.) и напишите мне, какой день будет удобнее».³¹

Малоинформативный, на первый взгляд, эпистолярный документ позволяет утверждать, что под опекой супругов Ремизовых в начале 1930-х годов завязались контакты их старинных друзей — Н. Бердяева и Л. Шестова, старших представителей русской философской мысли, — с молодежью, в творчестве которой русский экзистенциализм и эсхатологический персонализм получили самостоятельное переосмысление.³² В свою очередь, сам Ремизов был для младоэмигрантов источником рассказов о В. В. Розанове и А. А. Блоке, оказавших значительное влияние на их мировоззрение.

Положение младшего поколения русского зарубежья отчетливо напоминало Ремизову проблемы творческой молодежи, появившейся в первые послереволюционные годы в Петрограде: и те и другие нуждались в опеке и наставничестве старших. Эта модель воспитания «литературных детей», созданная в стенах петроградских «Дома искусств» и «Дома литераторов» в 1919–1921 годах, была индустриально описана Ремизовым в его рассказе «Крюк» (1922). Суть известных институций состояла в том, что «школа» возникала в сотрудничестве «учителей», передававших молодым приемы индивидуального мастерства. Отзвуки ренессансного, по существу, культурного подъема в парижском контексте для Ремизова были явственно различимы. Так, благодаря влиянию Адамовича и Иванова, двух корифеев петербургского «Цеха поэтов», «парижская нота» утвердилась в сознании современников как «школа».³³ Во многом не без их участия молодые парижане наследовали общий строй петербургской поэзии, центральной фигурой которой, несмотря на учительство Гумилева для «Цеха поэтов», оставался Блок и его философема «дух музыки».³⁴ Именно в такой системе координат развивалось художественное мышление литературных учеников, в концентрированной форме выраженное Поплавским еще в 1930 году: «Существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, все время растущая — торжественная, светлая и безнадежная. Я чувствую в этой эмиграции согласие с духом музыки».³⁵ Адамович, с начала 1930-х годов культивировавший «парижскую ноту» как «школу» — единство эстетических и художественных принципов, — догадывался о молодежных журфиксах в квартире Ремизова и был не прочь узнать, что влекло некоторых из плеяды его литературных воспитанников в Булонь: «...если можно, — спрашивал он писателя весной 1931 года в личном письме, — я бы хотел к Вам приехать. Но не знаю, когда Вам удобно и когда я не стесню и не обеспокою Вас. Мне говорили, что у Вас собираются по воскресеньям. Можно ли приехать в будущее?»

Примите мой самый сердечный поклон и привет.

Преданный Вам Г. Адамович».³⁶

³¹ Amherst. Series 1. Box 23. Folder 3.

³² См.: *Кибальник С. А.* Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 131–139; *Галкина М. Ю.* К вопросу об имперсонализме Бориса Поплавского // Там же. 2008. № 22. С. 159–171.

³³ Подробнее об этом см.: *Коростелев О. А.* 1) «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции. С. 303–345; 2) Цех поэтов // Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. С. 347–359.

³⁴ Ср. высказывание Адамовича о Блоке: «...мы, с акмеизмом и цехом в багаже, мы все-таки чувствовали, что не Гумилев — наш учитель и вожатый, а он» (*Адамович Г.* Собр. соч. «Комментарии» / Сост., послесловие и прим. О. А. Коростелева. СПб., 2000. С. 208).

³⁵ *Поплавский Б.* О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2/3. С. 310–311.

³⁶ Amherst. Series 1. Box 6. Folder 4.

Ремизов в журнале «Числа»: индивидуальная стратегия литературного поведения

На фоне вошедших в ремизовский литературный обиход «воскресников» с участием молодых числовцев редакция журнала довольно долго не обнаруживала налаженных контактов с писателем. На протяжении первого года издания о нем практически не вспоминали. Этот факт стал предметом двойной игры Гиппиус. В письме, адресованном супруге Ремизова, ее старинной близкой знакомой, как будто возмущаясь тому, что известный писатель обойден вниманием молодежного авторского коллектива «Чисел», влиятельная корреспондентка намеренно утрировала законы литературной иерархии: «...они должны бы на коленях выпрашивать что-ниб<удь> у А<лексея> М<ихайловича>». ³⁷ Только в четвертом сборнике, изданном под конец года, была помещена рецензия Сосинского на выпущенный с предисловием Ремизова сборник стихов безвременного скончавшегося Диксона (с. 269–270). ³⁸ В окружении супругов Ремизовых их особенное отношение к молодому поэту было широко известно. ³⁹

Ситуация изменилась в следующем, 1931-м, году. Согласно отдельным письмам Оцуца, его личное сближение с писателем совпало с уходом из журнала соредатора и фактической издательницы И. В. де Манциарли. С этого времени Оцуп был волен заняться журналом по своему усмотрению, но его творческая свобода слишком сильно зависела от финансового обеспечения. Ремизов не остался в стороне от этих проблем. Несмотря на замкнутый образ жизни, ввиду трудностей личного материального положения между ним и некоторыми меценатами установились личные отношения, благодаря которым возможна была и донорская помощь «Числам». По всей вероятности, такого рода переговоры имели место с руководительницей издательства «ТАИР» Т. С. Рахманиновой.

Только внедрение Ремизова в «закулисную» жизнь числовцев позволило ему в конце лета провести в печати акцию по рекламированию альбома «Памяти Блока» с рисунками к поэме «Двенадцать». Примечательно, что рукописная книга, созданная к десятой годовщине со дня смерти поэта, была оформлена как единственный авторский экземпляр, «выпущенный» под грифом издательства «Числа»: Alexei Remizov. La Russie en tourmente: A la mémoire d'Alexander Blok dessinés en blanc et en couleur pour illustrer du poème «Les douze». Textes russe, français et allemand. Paris, 1931. Exs. Unique (Les Éditions TCHISLA). ⁴⁰ Рисунок из рукописной книги также был опубликован в журнале «Иллюстрированная Россия» в смысловой связке с воспоминаниями Адамовича о первой годовщине смерти поэта в Петербурге. ⁴¹ Этот факт дает основания считать, что культиватор «парижской ноты» на тот момент не отделял Ремизова от авторского коллектива числовцев. Придуманный писателем прием, создававший эффект его присутствия в парижской литературной жизни, работал также и на устойчивую корреляцию между ним и журналом.

Однако для самих числовцев важнее был иной мотив союзничества с Ремизовым, тесно связанный со стремлением основных членов редакции оградить журнал от «шефства» Гиппиус, буквально навязывавшей им общественно-политические задачи. В начале августа 1931 года писатель, отдохнувший в это время в Бретани, из письма К. В. Мочульского узнал последние литературные новости: «А здесь в Париже —

³⁷ Переписка З. Н. Гиппиус с С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизовым (1905–1941) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатиной // Лит. наследство. 2021. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 2. С. 475 (письмо от 14 октября 1930 года).

³⁸ Здесь и далее в круглых скобках указываются страницы публикаций в сборниках «Чисел».

³⁹ См.: *Резникова Н.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2012. С. 73–74; о ремизовских очерках памяти Диксона см.: *Вахненко Е. Е.* Очерки In memoriam в творческом наследии А. М. Ремизова: новонайденное «Послание» парижскому некрополю // Русская литература. 2021. № 2. С. 221–222.

⁴⁰ Подробнее об альбоме и его рекламе: *Обатнина Е. Р.* Неизвестная статья Константина Мочульского / Алексея Ремизова (мотивация сокрытия имени как ключ к атрибуции текстов) // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge) / Vienna Slavic Yearbook (New Series). 2022. Bd. 10. S. 186–188.

⁴¹ *Адамович Г.* Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. 1931. 15 авг. № 34. С. 18.

Ходасевич обругал Гиппиус, Гиппиус в „За свободу“ изничтожила „Числа“ и Оцуа в порошок. Мережковский Поплавского обозвал жидом. А Мандельштам и Смоленский выпускают по сборнику любовных стихов на основе личных переживаний». ⁴²

Каскад упомянутых событий, главным образом, был спровоцирован публичными и печатными выступлениями Гиппиус, в которых она сначала выделяла «Числа» как едва ли не единственный в Париже журнал, свободный от «цензуры», но в конце концов нашла повод, чтобы обвинить молодежную редакцию в тенденциозном отношении к ее литературной персоне. ⁴³ Курьезный характер позиции известного критика иронично прокомментировал Ходасевич в газете «Возрождение», заметив, что две статьи с противоречивыми коннотациями, опубликованные на страницах варшавской «За свободу!», были подписаны настоящим именем и псевдонимом Антон Крайний. ⁴⁴

Весть, принесенная Мочульским, не оставила Ремизова равнодушным. За подробностями он обратился непосредственно к Оцупу и вскоре получил ответ, определенно высвечивающий контуры отношений корреспондентов:

«12 августа 1931 Париж

Дорогой Алексей Михайлович.

К сожалению, № „За свободу“ у меня нет — кто-то зачитал.

Статья не Мережковского, а Гиппиус. Она объясняет читателям „За свободу“, какой скверный журнал „Числа“: редактор не напечатал ее заметки. На самом деле заметка (не очень уместная: о споре «Чисел» с Философовым), отложена была до следующей книги. В постскриптуме написано, что Мережковский жалеет, что поместил главу из своей книги рядом с „кошунственно-порнографическим“ романом Поплавского! ⁴⁵

Вот и все. Думаю, что все это выеденного яйца не стоит. Сам я не очень этим раздражен (удивлен скорее), но престижа ради держусь уже месяц вдали от М<ережковский>х. Что дальше, посмотрим.

А наша-то спящая царевна оказалась спящей ведьмой. Стоило будить! ⁴⁶ Скоро уеду куда-нибудь. Вернувшись, примусь за „Числа“ и сразу к Вам: соображать вместе и то, и другое (то — по части писательской, и другое — по части меценатской).

Мой сердечный привет Серафиме Павловне.

Ваш Ник<олай> Оцуп». ⁴⁷

⁴² Amherst. Box 6. Folder 8. В письме упоминаются издания: *Мандельштам Ю.* Верность. Вторая книга стихов. Париж: Я. Поволоцкий, 1932; *Смоленский В.* Закат. Первая книга стихов. 1929–1931. Париж: Я. Поволоцкий, 1931.

⁴³ *Гиппиус З. Н.* 1) У кого мы в рабстве? Слово, произнесенное на собрании кружка «Зеленая Лампа» // За свободу! 1931. 21 июня. № 161; 2) Четвертая цензурная дверь (О «Числах»): Письмо в редакцию // Там же. 8 июля. № 177 (под псевдонимом Антон Крайний). См. библиографию статей, собранную составителями авторитетного интернет-ресурса (emigrantika.imli.ru/rusparis/343-rom).

⁴⁴ *Ходасевич В.* О писательской свободе // Возрождение. 1931. 10 сент. № 2291. С. 3–4. См. также кулуарное обсуждение этого прецедента: Из переписки В. Ф. Ходасевича с Мережковскими / Вступ. статья, публ. и комм. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2008. № 2 (90). С. 117–118, 128–130; а также: *Зиновьева Н. В.* Дискуссия об искусстве и политике на страницах журнала «Числа» // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. Вып. 3. С. 485–491.

⁴⁵ Неточная цитата, касающаяся публикации романа «Аполлон Безобразов». Ср. post scriptum к статье: «К моему протесту против сравнения (допущенного З. Гиппиус) журнала „Чисел“ с „Миром искусства“ — присоединяется ныне и Д. С. Мережковский. Он <...> не может простить себе, что отдал главу из новой своей книги „Иисус Неизвестный“ в „Числа“, где она в 5 № появилась в соседстве с грязными кошунствами декадентского романа Поплавского» (*Крайний А.* [Гиппиус З. Н.]. Четвертая цензурная дверь (О «Числах»). С. 3).

⁴⁶ Здесь в образе «спящей царевны», обратившейся в «ведьму», можно было бы предположить Гиппиус, если бы в письмах Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло, относящихся к этому же времени, «спящей» не именовалась меценат и издатель Т. С. Рахманинова (ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. № 340).

⁴⁷ Amherst. Series 1. Box 6. Folder 7.

Не исключено, что скрытой причиной столь стремительных перепадов в оценках редакционной политики «Чисел» и лично Оцуа послужило для Гиппиус содержание выпущенного в июне очередного номера, с которого началось официальное сотрудничество Ремизова с журналом. Пятый сборник по частотности имени писателя в заголовках можно с уверенностью назвать «ремизовским». Как будто возвращаясь на полтора года назад, к 27 февраля 1930 года, когда Оцуп принял участие в обсуждении доклада Сосинского, редакция разместила текст этого выступления под названием «О Алексее Ремизове» в сокращенном виде (с. 258–262). В разделе библиографии напечатали рецензию Л. Кельберина на недавно вышедшую в издательстве «УМСА-Press» книгу «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (с. 223–226).

В качестве литературной «премьеры» в составе авторского коллектива числовцев писатель подготовил рассказ «Индустриальная подкова», основная коллизия сюжета которого была локализована на проблеме психологической адаптации эмигранта в чужой языковой среде.⁴⁸ Бытовой эпизод из жизни учителя музыки Корнетова по внешним признакам отвечал ключевой теме мировоззрения «человека 30-х годов», в разных аспектах раскрытой в творчестве авторов «парижской ноты». Достижение Ремизова состояло в художественном описании экзистенциального ужаса перед случайностью в соотношении с парадигмой образа «маленького человека» в русской классической прозе.

Мастерство писателя высоко оценил профессиональный филолог А. Л. Бем, который даже выразил сожаление, что эта «вещь, настолько художественно отстоявшаяся, настолько в линии русской традиции лежащая», попала не в «Современные записки», т. е. в «журнал, традиции блюдуший», а на страницы молодежного издания с неопределенными задачами.⁴⁹ Рассматривая историю сотрудничества Ремизова с «Числами» в совокупности обстоятельств и литературных фактов, мы убеждаемся, что публикация «Индустриальной подковы» стала важным звеном в реализации идеи «воспитания» молодежи, которую писатель осмыслял, с одной стороны, в контексте литературной традиции, а с другой — жизни человека русского зарубежья. Рассказ представлял собой своего рода художественное послание, обращенное к узкой аудитории писателей-числовцев. Обратим внимание на взаимосвязь этого текста с критической рецепцией «парижской ноты» как нового явления, изменившего ситуацию литературы русского зарубежья.

А. Л. Бем, отмечая преемственность ремизовского Корнетова героям Гоголя и Достоевского, в своей рецензии на «Индустриальную подкову», несомненно, заметил, что в рассказе была предьявлена художественная контроверза решению темы «жалости», которая стала едва ли не визитной карточкой числовцев.⁵⁰ Так, Поплавский охарактеризовал звучание, по его выражению, «новой ноты» парижской литературы как «мистическую жалость к человеку».⁵¹ Однако эта морально-нравственная категория у авторов круга «Чисел» была лишь одной из эмоциональных «красок» в тусклой палитре жизни, лишенной надежд. Ремизов, пристально следивший за первыми шагами числовцев и оценками их оппонентов, в «Индустриальной подкове» показал оборотные стороны образа «жалкого человека» и чувства «жалости». В подтекстах художественного произведения он искусно инкорпорировал основные

⁴⁸ Исследование рассказа в этом ракурсе см.: *Слобин Г.* Двойное сознание и двуязычие в рассказе А. М. Ремизова «Индустриальная подкова» в контексте журнала «Числа» // *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940.* С. 326–347.

⁴⁹ См. об этом: *Бем А.* «Числа» // *Руль.* 1931. 30 июля. № 3244. С. 2. См. также: *Бем А. Л.* Письма о литературе. = *Bém A. L.* *Dopisy o literatuře* / Сост. и автор предисловия М. Бубеникова и Л. Вахаловска. Прага, 1996. С. 70–71.

⁵⁰ *Бем А.* «Индустриальная подкова» Алекс. Ремизова // *Руль.* 1931. 13 авг. № 3256. С. 2–4. См. также: *Бем А. Л.* Письма о литературе. С. 80–81. Ср. разбор рассказа Адамовича в статье Бема «Числа» (см. прим. 49) как апологии «пассивного сожаления»: Там же. С. 72–73.

⁵¹ *Поплавский Б.* О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // *Числа.* 1930. № 2/3. С. 310–311.

интерпретации эстетической программы «Чисел», известные по трем критическим статьям, появившимся в печати одна за другой весной 1931 года.⁵²

Несмотря на отмеченный в критике успех «Индустриальной подковы», среди читателей журнала кульминацию пятого сборника создал не этот художественный «урок», преподнесенный числовцам,⁵³ а две ремизовские реплики публицистического звучания, в которых заключалась декларация личных принципов творчества. Небольшие печатные выступления, размещенные в хроникально-библиографической части журнала, на наш взгляд, указывают на особое положение Ремизова в ряду других сотрудничавших с журналом беллетристов. Первое из них было даже выделено в самостоятельную авторскую публикацию под названием «Для кого писать?» и сопровождалось редакционным примечанием, из которого следовало, что писатель являлся непосредственным инициатором дискуссии: «Редакция „Чисел“, считая поставленный А. М. Ремизовым вопрос интересным и важным для современной литературы, обращается к читателям с предложением высказаться по этому поводу...» (с. 283).

По сути, Ремизов получил эксклюзивное право вынести в поле публичного внимания вопрос о целях творчества и их рецепции, по всей вероятности, обсуждавшийся на одном из «воскресений» в Булони. Высказанная писателем формула его литературного кредо была настолько принципиальной, что он завершил ею авторские комментарии в изданной ранней весной того же года книге, посвященной исследованию культа св. Николая: «То, что пишется, пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется. И если результат работы хоть в какой-то мере приближается к замыслу, задача исполнена. А понятно это или непонятно, к делу не относится, потому что, как нет одного понимания, так нет одной оценки — на всех не угодишь».⁵⁴

Поднятая Ремизовым тема, в условиях ограниченного книжного рынка русской эмигрантской литературы тесно связанная с тенденцией к утилитаризации художественного творчества, его подстраиванием под запросы «среднего» читателя, — не могла возникнуть на пустом месте. Вероятнее всего, поводом послужила рецензия В. Набокова-Сирина на вторую книгу журнала «Воля России» за 1929 год.⁵⁵ Опуская здесь описание истории взаимной неприязни двух известных писателей,⁵⁶ выскажем предположение, что в центре внимания Ремизова и его литературных учеников оказалось мнение, небрежно оброненное по поводу публикации М. И. Цветаевой «Несколько писем Райнер Марии Рильке». Сирин со свойственной ему «заносчивостью» (З. Шаховская) заявил: «Статьи я не понял, да и, кажется, понимать ее не нужно: М. Цветаева пишет для себя, а не для читателя, и не нам разбираться в ее темной нелепой прозе».⁵⁷

Реплика, как будто вырвавшаяся из авторского подсознания в конце книги «Образ Николая Чудотворца», вызвала неоднозначную реакцию как среди писателей старшего поколения, так и среди молодых. Уже 15 апреля в «Новой газете» появилась статья

⁵² Слоним М. О «Числах» // Новая газета (Париж). 1931. 15 мая. № 2. С. 3–4; Поплавский Б. О смерти и жалости в «Числах» // Там же. 1 Avril. № 3. С. 3; Бем А. «Числа». С. 2.

⁵³ Впервые на скрытое значение рассказа как «урока» мастерства, адресованного молодым писателям, указала в своей статье Г. Слобин (см. прим. 48).

⁵⁴ Ремизов А. М. Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры. Париж, 1931. С. 90. См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 6. Лимонарь. С. 649. Для истории публикации Ремизова в пятой книге «Чисел» существенно, что авторские комментарии в книге «Образ Николая Чудотворца» были датированы 2 марта 1931 года.

⁵⁵ Рецензия явилась первым шагом к конфронтации Сирина с частью парижской молодежи, группировавшейся вокруг «Воли России» и образованного на следующий год журнала «Числа». О литературной расправе с представителями «парижской ноты» см.: Мельников Н. «До последней капли чернил...»: Владимир Набоков и «Числа» // Мельников Н. О Набокове и прочем. М., 2014. С. 36–58.

⁵⁶ Подробнее см.: Доценко С. Н. 1) «Несвоевременная рокировка»: А. Ремизов глазами В. Набокова // Культура русской диаспоры: Знаки и символы эмиграции: Сб. статей / Ред. А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. М., 2015. С. 193–205; 2) Кто такой «музыкант Набоков»? С. 133–136; Обатнина Е. Р. «Другой» Набоков vs Набоков-Сирин: об одном случае упоминания в романе Алексея Ремизова «Учитель музыки» // Studia Litterarum. 2023 (в печати).

⁵⁷ Сирин В. «Воля России». 1929, кн. II (Литературный отдел) // Руль. 1929. 8 мая. № 2567. С. 4.

М. Осоргина «О простоте», в которой утверждалось, что взаимообратная связь между писателем и читателем обязывает искусство быть «понятым». В этой задаче, по мнению автора, состоит непреложный закон художественного творчества.⁵⁸ Можно было бы отнести статью известного беллетриста к отвлеченным размышлениям, если бы Осоргин, не называя настоящий источник, не указал на Ремизова как на писателя «непонятого», затрудняющего читательскую рецепцию.

Давно в писательском мире не велось столь жарких, сугубо профессиональных споров, в особенности важных для поколения «литературных детей». Именно поэтому эмоциональный пассаж Ремизова о целях творчества, изначально спровоцированный Набоковым, в пятом сборнике «Чисел» был опубликован в расширенном виде под заголовком «Для кого писать?» в качестве «ответа» Осоргину (с. 284–285).⁵⁹ Позиция Ремизова оказалась ультранезависимой как для старших, так и для младших. Роль единственного оппонента Ремизова от молодежи взяла на себя писательница Е. Бакунина, в ответе которой явственно вскрылся комплекс сомнений начинающего писателя, не уверенного в своем призвании.⁶⁰

Другая, отчасти взаимосвязанная тема, выдвинутая в пятых «Числах» на литературное обсуждение, касалась писательской авторефлексии. Предложение высказаться по вопросу «Что Вы думаете о своем творчестве?» прозвучало в официальном письме, присланном Ремизову в первых числах апреля 1931 года:

«Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

В интересах наиболее жизненной оценки произведений современных русских писателей мы решаемся обратиться к самым авторитетным критикам их творчества — к ним самим.

Мы были бы вам чрезвычайно благодарны. Если бы Вы согласились со всей возможной откровенностью ответить на вопрос нижеследующей анкеты:

Что Вы думаете о своем творчестве?

Не откажите прислать ответ по адресу редакции, не позднее 5 апреля.

Заранее благодарим,

Секретарь редакции Лаз<арь> Кельберин».⁶¹

И вновь Ремизов проявил нестандартный подход к инициативе молодежной редакции. Вместо ожидаемых откровений он адресовал числовцам прямой упрек: «Чего я буду говорить о своем творчестве, когда читатели „Чисел“ ничего не слышали о моих книгах», — начал Ремизов свой ответ и закончил библиографическим списком последних произведений (с. 287–288). Непредсказуемый жест литературного поведения был обращен не только к редакции, но и к некоторым «младшим», выбравшим путь профессионального литературоведения.⁶² Именно с ними писатель связывал надежды на переориентацию критического анализа от политики к исследованиям особенностей

⁵⁸ Осоргин Мих. О простоте // Новая газета (Париж). 1931. 15 Avril. № 4. С. 3–4.

⁵⁹ Ремизовский текст здесь предварялся фрагментом статьи Осоргина «О простоте». Подробнее о значении дискуссии для раскрытия творческого метода Ремизова см.: *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов: личность и творческие практики. С. 23–25; а также в комментариях А. М. Грачевой к публикации рабочих тетрадей писателя конца 1940-х годов: *Ремизов А. М.* Как научиться писать / Публ. и прим. А. М. Грачевой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 273–274 (Collana di Europa Orientalis; [вып.] 4).

⁶⁰ Числа. 1931. № 6. С. 255–256.

⁶¹ Недатированное письмо, на обороте которого сохранился черновой набросок ответа Ремизова (Amherst. Series 1. Box 11. Folder 23), по содержанию совпадающий с печатной редакцией.

⁶² Шаблоны эмигрантской журналистики и тенденциозность литературной критики Ремизов в юмористических тонах описал в рассказе «корнетовского» цикла «Юнёр» (Сатирикон. 1931. 15 авг. № 20. С. 10–13; 22 авг. № 21. С. 7–8, 10). Оценки писателя коррелируют с тремя статьями Бема, опубликованными с апреля по май 1931 года в газете «Руль» под общим заголовком «О критике и критиках» (*Бем А. Л.* Письма о литературе. С. 33–46), в которых раскрыты основные проблемы и недостатки профессиональной рецепции.

современного художественного дискурса. Подтверждением не только общей, но и глубоко личной проблемы служит фраза из письма Ремизова к жене. Упомянув имя известного литературоведа, печатавшегося в «Числах» и причастного к кругу его воскресной «школы», Ремизов писал 1 июля 1932 года: «...я много раздумывал. Ведь вот еще беда в чем, что не читают. Это мне Алферов сказал про Вейдле, что Вейдле не читал „По карнизам“, я убежден в этом. Иначе бы он непременно заговорил о новой форме повествования».⁶³

Тем временем обсуждение литературных принципов в ближайшем окружении Ремизова не затихало. По выходе пятых «Чисел» Осоргин, не на шутку задетый ремизовским Я-центризмом, проявившимся по совокупности в обеих анкетах, в июльском личном письме продолжал дискутировать, обвинив своего приятеля в пагубном влиянии на младшее поколение: «Зачем морочить молодежь красивыми формулами, лишёнными смысла: творят во имя творчества, но для живых людей. И Вы пишете и печатаете свои книги для читателя. <...>. Результат Вашего кокетства и Ваших красивых слов налицо: вон уже и Поплавский желает презирать публику, иными словами — только о ней и думает, только ее и хочет порадовать (см. его ответ на анкету);⁶⁴ а у него еще и публики нет».⁶⁵

Подобная постановка вопроса о целях творчества в ракурсе отношений «отцов и детей» косвенно подтверждала роль Ремизова в творческом становлении числовцев. Заданный писателем в анкетном ответе «Для кого писать?» посыл о неоднородности читательской рецепции по наитию подхватил молодой критик, который, очевидно, под впечатлением дискуссии о «понимании» и «простоте», отозвался в пятых «Числах» на книгу «Образ Николая Чудотворца», сказав, что она доступна лишь «посвященным сердцем» (с. 224).⁶⁶

К концу 1931 года участие Ремизова в делах редакции «Чисел» по-прежнему оставалось в тени, однако фактические события указывают на укрепление его статуса. Так, 18 декабря в галерее «L'Époque» открылась выставка рисунков писателей из частных русских и французских коллекций. В отчетной заметке Оцуп обозначил культурно-исторический размах мероприятия именами известных представителей двух культур — «от Гюго и Жуковского до Ремизова, Валери и других» (№ 6, с. 254).⁶⁷ Сама идея подобной экспозиции, предоставлявшей «Числам» шанс на финансовую поддержку меценатов, не могла возникнуть без ремизовской инициативы, в частности связанной с упомянутым нами выше альбомом «Памяти Блока». В письме одному из своих корреспондентов писатель пояснял «гриф» журнала, вынесенный на рукописную обложку: «„Числа“ потому, что осенью выставку устраивают „рисунки французских и русских писателей“».⁶⁸ В авторской стратегии Ремизова начиная с 1930 года рисование и рукописная книга становятся неотъемлемой частью творчества, с одной стороны,

⁶³ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. № 340.

⁶⁴ Речь идет об ответе Поплавского на анкету «Что вы думаете о своем творчестве», в которой, в частности, высказана мысль о том, что «уступка публике» ведет к «духовной смерти» писателя (Числа. 1931. № 5. С. 287). См. также о развитии темы читателя в творческих рефлексиях Поплавского: Токарев Д. В. «Бутылка в море»: Б. Поплавский и А. де Виньи // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова / Сост. М. Э. Маликова, Д. В. Токарев. СПб., 2011. С. 369–374.

⁶⁵ Amherst. Series 1. Box 6. Folder 4.

⁶⁶ Впервые отклик Кельберина появился в газете «Россия и славянство» уже 14 марта 1931 года.

⁶⁷ Ср. также анонимную заметку «Выставка писателей-художников», анонсирующую вернисаж: «Завтра в 9 час. вечера под председательством Гастона Раже, председателя союза писателей, состоится открытие выставки писателей-художников, организованной „Числами“. На выставке рисунки и картины: Бодлера, А. Белого, Валери, Верлена, Т. Готье, Гоголя, братьев Гонкуров, Гумилева, Гюго, Жуковского, Жорж Занд, Лермонтова, Мериме, Мюссе, Пушкина, Ремизова, Стендаля, Тургенева, Чехова и др.» (Последние новости. 1931. 17 дек. № 3921. С. 3).

⁶⁸ Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемилловскому / Вступ. статья и комм. А. М. Грачевой; подг. текстов Т. С. Царьковой // Русская литература. 1990. № 2. С. 216; в комментарии вкралась ошибка датировки выставки.

и своеобразным вызовом издательствам, отказывающим ему в публикациях, с другой.⁶⁹ «Числа» в этом ряду стали исключением, поддержавшим его борьбу за выживание.

«Шиш еловый»: учитель музыки vs Адамович

В январе 1932 года, несмотря на все попытки сохранить журнал, редакция стояла на грани закрытия. О сложившемся патовом положении Ремизов сообщал Николаю Зарецкому: «Относительно дальнейшего существования „Чисел“ ничего нельзя сказать: нет денег для издания — гонорары не платят, но в типографию <дать — ?> необходимо».⁷⁰

Следующий сборник действительно готовился, и Ремизов, не рассчитывая на материальное вознаграждение, принял в нем самое активное участие. Редакция вновь предоставила писателю возможность самореализоваться во всех основных направлениях творчества: и как прозаику (рассказ «Шиш еловый» из корпуса текстов об автобиографическом герое Александре Александровиче Корнетове), и как историку русской литературы (очерк «Пятидесятилетие со смерти Тургенева: Тургенев-сновидец. 28.X.1818 — 22.VIII.1883»), и в ипостаси литературной личности Василия Куковникова, уже известного по другим публикациям и рассказам «корнетовского» цикла. Обычно этот персонаж появлялся на страницах зарубежной печати с литературной критикой и рецензиями на сочинения своего прототипа. На сей раз это была заметка «Рукописи и рисунки А. Ремизова», проиллюстрированная двумя графическими миниатюрами «Метелица» (1922) и «Лунь-птица» (1925). В мае 1933 года, когда вышел в свет девятый сборник, контакты Ремизова с числовцами имели продолжение: на rue Jacques-Mawas, в редакции журнала, состоялся «Тургеневский вечер». Первоначально предполагалось, что писатель представит написанный для девятой книги юбилейный очерк, но за отсутствием времени он читал из произведений классика.⁷¹

Рассказ «Шиш еловый» заключает в себе особый случай литературной рефлексии. В центре сюжета — история конфронтации Ремизова с парижскими критиками и литераторами по вопросу о целях творчества. Журнал здесь получил название «Мысли» с аллюзией к названию сочинения Блеза Паскаля «Мысли о религии и других предметах» («Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets»). Скрытая отсылка подчеркивала общую тенденцию числовцев к философскому осмыслению бытия тех, кого Р. Гуль назвал «в рассеянии сущими».⁷² Рядовым представителем диаспоры Ремизов изобразил и себя в проекции, построенной от авторского «Я», и в то же время — с внешней точки зрения на его литературную личность. Таким образом, на страницах девятого сборника творческое кредо Ремизова получило разностороннее отражение в авторефлексии и рецепции. Рассказ «Шиш еловый» начинался с характеристики литературного alter ego писателя: «Корнетов терпеть не мог начатых и незаконченных дел. Незаконченные постройкы, недописанные строки, на полуслове остановившийся разговор, — все, где не хватает воли и выдумки, вызывало в нем возмущение».⁷³

⁶⁹ Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Неизвестная статья Константина Мочульского / Алексея Ремизова. S. 14–15. Ср. также письмо Ремизова от 14 июля 1931 года: «Сейчас такое положение: чтобы издать книгу, надо внести деньги, иначе никакая фирма не соглашается, т<о> е<сть> дать 6–10.000 frs. За очень редким исключением так и издаются книги. У нас нет денег и я перехожу в первобытное состояние, т<о> е<сть> в 1921 год. В Петербурге мы издавали свои книги в единственном экземпляре (к великому удовольствию библиофилов). Книга стоила 5.000 руб<лей>, т<о> е<сть> 1 фунт хлеба. И я затеял издавать книги, как в 1921, в единственном экземпляре. Продать тут трудно. Но все равно, чтобы как-то заявить о своем существовании» (Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемилловскому. С. 216).

⁷⁰ Литературный архив музея национальной литературы (Прага). Фонд Н. В. Зарецкого.

⁷¹ Там же.

⁷² Ср. характеристику автобиографического героя: «Василий Петрович Куковников не писатель, он лишь в „рассеянии сущий“, с Берлина басни пишет...» (цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 9. С. 304).

⁷³ Там же. С. 294.

Глубоко личная мотивация вновь актуализировала тему «Для кого писать?», затронувшую коренной принцип свободного творчества, и, как выяснилось по реакциям Осоргина и Бакуниной, осталась непонятой ни старшим поколением литераторов, ни младшим. Литературный «манифест», изложенный в пятых «Числах» в форме публицистического выступления, теперь Ремизов представил в развернутой художественной форме, объясняя свою позицию примерами из многовекового творческого опыта от Горация до Л. Шестова. Числовцы и литературные друзья журнала под вымышленными и настоящими именами вошли в историю литературы, увидев себя в зеркале художественного мира признанного мастера слова. Получилось, что писатель приготовил своим молодым друзьям особый «подарок» — беллетризованную летопись значимых событий прожитого вместе отрезка жизни. Однако уже в первых строках рассказа в связи непосредственно с Адамовичем, и шире — в связи с утраченной возможностью создать единую зарубежную ветвь русской литературы,⁷⁴ прикрываясь комическим ригоризмом учителя музыки Корнетова, он возмущался факту библейской истории о Вавилонской башне: «В последнюю минуту <...> общий язык потеряли, кто в лес, кто по дрова, и пропало дело...».⁷⁵

Действительно, как мы помним, еще в 1930 году Ремизов надеялся на диалог с поэтом и критиком. Тем не менее все предпосылки к разговору о будущем зарубежной русской литературы были перечеркнуты подтекстом рассказа «Индустриальная подкова», явственно спроецированным на суждения А. Л. Вема — открытого противника эстетической программы «парижской ноты». Хуже всего в этой ситуации было то, что Адамович не мог не чувствовать себя оскорбленным после статьи пражского литературоведа, в которой было выражено «почти физиологическое отталкивание», связанное с критическим методом автора знаменитых «Комментариев».⁷⁶

Очевидная демонстрация «учительской» позиции сначала в «Индустриальной подкове», а затем и в новом рассказе Ремизова также болезненно задевала самолюбие Адамовича, возлагавшего на журнал большие надежды в плане создания поэтической школы зарубежья под личным началом. Ничего удивительного, что по выходе из печати девятого «Чисел» известный покровитель числовцев приложил усилия к устранению писателя из журнала, обратив его манеру апеллировать к недружественной критике против него самого. Уже 29 июня в «Последних новостях» появилась очередная рецензия, в которой наставник «парижской ноты» внезапно солидаризовался с мнением своего недоброжелателя. Будто вторя Бему, назвавшему пятую книгу, в которой Ремизову было уделено значительное внимание, победой «эмигрантского благодушия»,⁷⁷ Адамович высказался в том же духе и о девятой книге, советуя «числовцам» держаться единой эстетики и отдавать предпочтение молодым дарованиям ради сохранения в журнале уже созданной общности: «Поиски же и пробы уничтожают ту духовную атмосферу, которая в „Числах“ могла бы создаться при большей сплоченности, большем напряжении и единстве... Правда, ее нарушают и некоторые другие авторы, с которыми редакция в своем благодушном эклектизме гостеприимна: авторы, может быть, и очень талантливые сами по себе, но чуждые „Числам“ в основных своих устремлениях».⁷⁸

В число «нарушителей», скромный список которых возглавил Ремизов, как следовало ожидать, не попала представительница старшего поколения Гиппиус, хотя ее литературному дарованию в девятом сборнике также нашлось место. Раскрывая свой кондуит, критик писал: «Рассказы А. Ремизова, И. Демидова и А. Бурова»⁷⁹ принадле-

⁷⁴ Ср. реплику из заметки о группе «Кочевье», приписываемой Ремизову: «Печалются „кочевники“ о том, что им до сих пор еще не удалось создать единого фронта в эмигрантской литературе» (*Омир-Омар* [Ремизов А. М.?). В литературных объединениях: «Кочевье» // Новая газета (Париж). 1931. 15 Mars. № 2. С. 8).

⁷⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 294.

⁷⁶ Бем А. «Числа». С. 2; цит. по: Бем А. Л. Письма о литературе. С. 72–73.

⁷⁷ Там же. С. 69.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Об отношениях рецензента с писателем см.: «Мы с Вами очень разные люди»: Письма Г. В. Адамовича А. П. Бураву (1933–1938) / Публ. О. А. Коростелева // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2007. Вып. IX. С. 325–354.

жат к той категории, которую для „Чисел“ надо охарактеризовать как случайную, „гастрольную“ <...>. Разумеется, случайность не стоит ни в какой связи с достоинствами или недостатками произведений названных авторов, она определяется только их складом».⁸⁰

В редакции «Чисел», принявшей рассказ к печати, как представляется, весело восприняли ремизовские эскапады, например напоминающие о скандале вокруг глубокомысленных сентенций из романа «Аполлон Безобразов», вершиной безвкусицы которых был признан пассаж о жалости «к самому себе», в свое время вызвавший пуританское возмущение супругов Мережковских.⁸¹ Реагируя на художественные вольности Поплавского, Ремизов привел добродушный анекдот из реальной жизни, будто бы рассказанный Шестовым, о восхищении киевского телеграфиста Васи Кабанчика своим физическим совершенством.⁸²

С другой стороны, обратив «зеркало» ремизовского рассказа на критическую рецензию «парижской ноты», литературная молодежь наверняка заметила предложенную писателем альтернативу распространенным обвинениям в упадничестве. С этой точки зрения особенно удачными могли им показаться наставления учителя музыки его ближайшему последователю и ученику Полетаеву, оказавшемуся, как и сам писатель, на грани выживания.⁸³ Снова возвращаясь к образу Вавилонской башни, Ремизов писал не столько о морали человеческого «общечития», сколько подразумевал разобщение русской творческой колонии на почве идеологических подоплек. Исходя из собственного опыта, он обращался к «младшим», нередко полагающимся на «прописи» литературных авторитетов, отказываясь от самостоятельного пути проб и ошибок: «...Корнетов не выносил, как говорили в старину наши общественные дамы, „кислых физиономий“. Человека, впадавшего в уныние, он презирал. „Уныние“ связывалось у него ни с каким грехом, как это в исповедальных грехниках <...>, а только с достоинством человека, который все-таки оставался и после вавилонского позора носителем гордой мечты о „своеволье“ и еще мог на многое „посметь“».⁸⁴

Казалось бы, Адамовичу ничего не стоило, как прежде, не реагировать на скрытые в рассказах «Индустриальная подкова» и «Шиш еловый» отсылки к выпадам против него, однако на сей раз создались особые условия, заставившие его увидеть в Ремизове конкурента, претендующего на роль учителя парижской молодежи. Несколькими днями ранее была опубликована статья Д. В. Философова, повлиявшая на срыв дипломатически выдержанных отношений. Дело в том, что варшавский критик, прежде весьма снисходительно отзывавшийся о литературных амбициях парижского журнала и до сих пор разделявший взгляды Гиппиус на уклоняющихся от политики числовцев, после девятого сборника кардинально изменил свое отношение к авторскому коллективу. По его определению, «салонная» форма, в которой долгое время подавалась эстетика и литературные цели «Чисел», приобрела иной облик и содержание, благодаря сотрудничеству с Ремизовым. Подразумевая мировоззренческую общность писателя с экзистенциальными исканиями Поплавского, Шаршуна и Фельзена, он подчеркивал: «У Ремизова, Бориса Поплавского с братией <...> есть утверждение воли к бытию подлинному».⁸⁵

⁸⁰ Адамович Г. «Числа». Книга IX // Последние новости. 1933. 29 июня. № 4481. С. 4.

⁸¹ См. прим. 45.

⁸² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 301. Критика эпатажного эпизода из романа Поплавского прозвучала в статье Бема «Числа». См.: Бем А. Л. Письма о литературе. С. 73.

⁸³ В письме Б. П. Вышеславцеву Ремизов делился мыслями о своем положении в парижских журналах и о сложившейся издательской политике, снижающих уровень читательского запроса, ориентируясь, по словам писателя, на «какого-то воображаемого читателя», который требует «нелепых зрелищ». «Получилась, — резюмировал он, — невероятная вещь: я попал в разряд каких-то тяжелых преступников, которые не имеют не только права голоса, НО И ПРАВА СУЩЕСТВОВАНИЯ» (Ремизов и УМСА-Press: Переписка 1925–1932 годов / Публ. и комм. О. Раевской-Хьюз // Вестник Русского Христианского Движения (Париж). 2005/2006. № 190 (1). С. 297–298).

⁸⁴ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 296.

⁸⁵ Философов Д. В. Содержание и форма // Молва. 1933. 23 июня. № 141 (364). С. 2. Ср. также статью «Обращаем внимание...», вероятно также принадлежавшую перу Философова (За

Обращаясь к рецензии Адамовича, отметим, что вовсе обойти молчанием понятные числовым подтексты рассказа ему не удалось, зато он таким образом расставил акценты критического дискурса, что все усилия Ремизова были буквально обнулены. Критик писал: «Ремизовский „Шиш еловый“ полон тех намеков и междустрочных полемических выпадов, которые останутся непонятными рядовым читателям, но легко, — и не без удовольствия, конечно, — расшифруются людьми близкими к „кулисам литературы“». Очень хороша глава о Шестове <...> в ней прельщает основной тон: любовное и благодарное признание <...>. За это хочется простить Ремизову все то, что он в „Шише еловом“ написал лишнего».⁸⁶

В девятом номере, как верно подметил и сам Адамович, пытаясь создать конфронтацию между Ремизовым и редакцией, писатель противопоставил эстетизму молодежного журнала отчетливый образ другого мировидения. Покровитель «парижской ноты» даже пошел на косвенное противоречие собственным признаниям, высказанным буквально полгода назад. Рассуждая о редакционном принципе «творческого доверия» к некоторым писателям «с именами» («сравнительно редким гостям»), в рецензии на выпущенный в январе 1933 года сборник № 7–8, он подразумевал Ремизова.⁸⁷ Долгосрочность «кредита» числовцев, оказанного писателю, со всей очевидностью подтвердила девятая книга. Следовательно, для ремизовского выступления в девятих «Числах» менее всего подходило позаимствованное критиком из артистического лексикона определение «случайная гастроль». В журнале состоялся настоящий «бенефис», организованный редакцией, а для самого писателя, ассоциировавшего себя с собственным литературным двойником — «учителем музыки», его «последний урок» числовцам.

Дискуссионная же тактика Адамовича в его оценках ремизовского рассказа «Шиш еловый» строилась из расчета уже не на творческое, а на читательское доверие к суждениям авторитетных парижских рецензентов. В результате подмены положительных коннотаций только что опубликованного отзыва Философова на отрицательные Ремизов предстал писателем не только «чуждым» эстетике «Чисел», но и «виноватым» со всех сторон: как перед «средним» читателем, далеким от «литературного закулисья», так и перед цеховым собратом, благосклонно «прощавшим» писателю его «чуждачества».

Примечательно, что отлитый в чугуна критической рецепции шаблон, согласно которому Ремизову приписывалось амплу литературного «чудака», не различающего границ между жизнью и искусством, приобрел более осмысленную интерпретацию в рецензии одного из самых молодых представителей второго поколения русской эмиграции — харбинского поэта Н. А. Щеголева (1910–1975; псевдоним Н. Зерцалов), дебютировавшего с публикацией стихотворения в девятих «Числах». В рецензии, написанной на этот же номер журнала, он охарактеризовал проблему внешнего восприятия творчества писателя как конфликт прогнозируемой реальности и экстраординарного сознания: «Ходит взъерошенный Ремизов по Парижу, собирает анкету: „для кого писать?“ — и странное охватывает вас состояние при виде этого чудака, наделенного величайшим словесным мастерством. И не жалкий он, и все понимающий он, но чудной. Чудной — вот в чем трагедия Ремизова, глубокая — потому что почти недоступна глазу — трагедия».⁸⁸

Как показывает история взаимоотношений Ремизова с журналом, писатель остался глубоко разочарован реальными результатами издательского проекта, претендовав-

свободу! 1931. 21 июня. № 161 (3495). С. 5), в которой Милюков и Адамович осуждались как деморализаторы литературных вкусов эмиграции. См. также: Обатнина Е. Р. Димитрий Солунский и Алексей Человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д. В. Философова и А. М. Ремизова) // Русский модернизм и его наследие. Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. М., 2021. С. 460–480.

⁸⁶ Адамович Г. «Числа». Книга IX. С. 4.

⁸⁷ Адамович Г. «Числа». Книга 7–8. С. 2.

⁸⁸ См.: З-ов Н. [Щеголев Н. А.]. Числа IX. Париж // Чураевка (Харбин). 1933. 14 нояб. № 4 (10). С. 4.

шего на оформление нового литературного направления. В этом смысле название рассказа, согласно сюжету, ассоциированное с деятельностью автобиографического героя-неудачника Полетаева, полисеманлично.⁸⁹ Одно из значений диалектного выражения «шиш еловый» не только явственно контрастирует с признанным эстетизмом «Чисел», но предстает денотатом неоправдавшихся ожиданий, связанных с журналом и творческими амбициями собравшейся вокруг него литературной группы. Ближайшим просторечным эквивалентом ремизовского названия является слово «кукиш».

Рассказ «Шиш еловый» в стратегии Ремизова исполнил функцию литературного «наставления», адресованного числовской молодежи. Специальный пассаж здесь посвящался воскресным встречам, приостановленным осенью 1932 года: «Корнетов рвал и метал. <...> его, как он выражался, индивидуальность попрапа: с осени отменив воскресенья, он был убежден, что приток посетителей урегулируется и получится отбор — без налетчиков, да сначала так оно и было, но с течением времени в назначенные вечера стали приходиться не только те, кому было назначено, а еще и те, кому сами назначенные от себя назначали для каких-то своих целей, и получилось такое безобразие, как в прошлую зиму, когда комната Корнетова обратилась чуть ли не в дом свиданий».⁹⁰

О переменах, наступивших в Булони, с сожалением узнавали некоторые гости, бывавшие в Париже наездами. Так, С. П. Ремизова-Довгелло накануне визита З. А. Шаховской сообщила о взятой писателем паузе, ссылаясь на некие непреодолимые обстоятельства: «..., Воскресенья» отменены уже с сентября по некоторым важным причинам, о которых на словах сказать надо, сейчас трудно писать. Вы уже в воскресенье никого не встретите, но зато если хотите именно к нам, то так и лучше».⁹¹

«Под занавес» своего сотрудничества в журнале Ремизову пришлось признать, что его «воскресная» школа для молодежной группы с участием числовцев постепенно утратила свою актуальность. Так же, еще в начале 1930-х ему казалось, что идея повести «Учитель музыки» как документальной летописи литературной жизни, создававшейся буквально с натуры, не была оценена по достоинству современниками. В ответ на свои наблюдения писатель лишь изредка находил единодушную с ним реакцию. Отчасти вследствие «глухоты» литературного большинства и личных притязаний «старших» не состоялся и союз «учителей» литературной молодежи. Не случайно ситуация вокруг девярых «Чисел» зафиксировала форму двойственных личных отношений Ремизова и Адамовича, сохранившуюся на всю оставшуюся жизнь.⁹²

Ремизовский план стать «учителем музыки» для писателей «парижской ноты» не удался. Тем не менее в том же году контакты с молодежью возобновились в порядке индивидуальных встреч и переписки.

Примечательно, что во второй половине 1940-х годов, вспоминая числовцев и, возможно, «школу» в Булони, Ремизов был строг в оценках и самых одаренных представителей «парижской ноты» выделял среди прочих по эталону «абсолютного музыкального слуха». Как о значительном явлении в поколении «литературных детей» русского зарубежья первой волны, он писал о Поплавском: «Талантливый, единственный из всех „молодых“ здешних, теперь бы ему было лет 50. С душой, с чувством, с сердцем, с умом, с глазом и слуху довольно».⁹³

⁸⁹ Слово *шиш* используется в диалектах как для прямого обозначения *шишки*, так и для метафорических характеристик *никчемного человека, разбойника, черта, голи перекастной*.

⁹⁰ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 296–297.

⁹¹ Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения / Вступ. статья П. Алешковского. М., 1991. С. 136 (письмо от 29 мая 1933 года).

⁹² Ср. поздние высказывания Адамовича о Ремизове, в которых творчество старшего писателя называется литературной профанацией, а он сам неисправимым «хитрецом» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иvasку (1935–1961) / Под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин, 2016. С. 162).

⁹³ Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2023. Т. 17. С. П. Р.-Д. Девятикишние памяти. Книги I–V. С. 260.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-246-254

© Чжицян Лю (КНР), © Хуэй Сюн (КНР)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ ЦАО ЧЖИ «ВЗДОХИ»*

К настоящему времени в России накоплен исключительно богатый опыт переводов китайской литературы — древней, классической, новой и новейшей — и всех ее жанров. Особое внимание российских китаеведов изначально привлекала древняя поэзия — эпохи Чжоу (XI–III века до н. э.) и Хань (III век до н. э. — III век н. э.),¹ а также поэзия III–X веков н. э. во главе с «классической лирикой» эпохи Тан (618–907).² При этом нередки случаи, когда разные переводчики обращались к одним и тем же текстам.

Это явление, переводную множественность, Ю. Д. Левин определяет как «существование в данной национальной литературе нескольких переводов одного и того же иноязычного литературного произведения, которое в оригинале имеет, как правило, одно текстовое воплощение».³ Исследование этого феномена в первом десятилетии XXI века стало привлекать к себе все более пристальное внимание российских ученых.⁴

В данной статье рассматривается вопрос о переводческой рецепции стихотворения одного из лидеров «Цзянь-ань фэнгу» (литературно-поэтического течения, предвестника китайской традиционной авторской лирической поэзии — ши) Цао Чжи (曹植, 192–232) «Вздохи» в России.

Принято считать, что Цао Чжи достиг исключительных высот в поэтическом творчестве не только благодаря своему выдающемуся литературному дару, но и по причине жизненных коллизий, переживание которых придало его произведениям особую экспрессивность и духовную насыщенность.

Цао Чжи был четвертым сыном великого государственного деятеля и полководца Цао Цао (曹操, 155–220) рубежа II–III веков н. э., сыгравшего ключевую роль в очень непростых и во многих отношениях трагических для Китая историко-политических событиях. С первой половины 180-х годов империя Хань (Поздняя / Восточная Хань, 25–220 годы) вступила в глубочайший социально-политический кризис, переросший в скором времени в гражданскую междоусобицу. Цао Цао пытался отстоять правящую

* Данная статья выполнена при финансовой поддержке Провинциальных фондов общественных наук Цзянсу в 2023 году (номер проекта: 23WWB005) и философско-общественных наук высших учебных заведений Цзянсу. (Номер проекта: 2020SJA2088). 该论文系 2023 年度江苏省社会科学基金一般项目 „《诗经》在俄罗斯的译介及接受研究“ (项目编号: 23WWB005) 和 2020 江苏高校哲社项目 „切尔卡斯基的中国诗歌译介诗学研究“ (项目编号: 2020SJA2088) 的研究成果.

¹ Напомним, что еще в конце XIX века академик В. П. Васильев (1818–1900) выполнил переводы серии стихотворений «Ши Цзин» (раздел «Го фэн», «Нравы царств») (см.: *Васильев В. П.* Очерки истории китайской литературы // *Всеобщая история литературы.* СПб., 1880. Т. 1. Ч. 1. Литература Древнего Востока / Под ред. В. Ф. Корша).

² Все имеющиеся в России переводы произведений китайской поэзии этих столетий отражены в издании М. Е. Кравцовой (*Кравцова М. Е.* Словарь китайских поэтов с V в. до н. э. по X в. н. э. СПб., 2019).

³ *Левин Ю. Д.* Проблема переводной множественности // *Литература и перевод: проблемы теории.* М., 1992. С. 213.

⁴ См., к примеру, работы: *Топер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2001; *Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л.* Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков. Магадан, 2001; *Масленникова Е. М.* Переводная множественность как следствие вариативности понимания текста // *Межкультурная коммуникация и перевод.* М., 2003. С. 170–176; *Лысенкова Е. Л.* Проза Р. М. Рильке в русских переводах. М., 2004; *Первушина Е. А.* Множественность параллельных русских переводов сонетов Шекспира как проблема переводной литературы // *Вестник Университета Российской академии образования.* 2005. № 1 (27). III Андреевские чтения. С. 74–81; *Шерстнева Е. С.* Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

династию, чтобы уберечь страну от распада. Но деструктивные тенденции оказались сильнее. Военно-политические лидеры уже успели создать на захваченных ими территориях фактически независимые государственные образования. По их пути пошел и старший сын Цао Цао — Цао Пи (Цао Пэй) (曹丕, 187–226), который сразу после смерти отца низложил последнего императора Хань (Сянь-ди) и провозгласил себя монархом государства Вэй.

Взаимоотношения Цао Цао и Цао Чжи составляют особый сюжет не только в политической истории Китая, но и в истории поэзии. Цао Чжи, с детства проявивший поразительные способности (в десять лет знал наизусть множество стихов) и литературное дарование, пользовался таким большим вниманием отца, что тот намеревался сделать его, а не Цао Пи своим наследником. Неудивительно, что, придя к власти, Цао Пи подверг брата гонениям. К тому же сам бывший незаурядным поэтом и жаждущий литературной славы, он завидовал гениальности младшего брата и первым делом расправился с ближайшими друзьями Цао Чжи, а его самого отправил фактически в ссылку. Широко известна легенда, что, грозя брату казнью, он потребовал, чтобы тот сочинил экспромт за семь шагов, подходя к трону. Так было создано стихотворение «Стихи за семь шагов»:

Варят бобы, —
Стебли горят под котлом.

Плачут бобы:
«Связаны все мы родством!

Корень один!
Можно ли мучить родню?

Не торопитесь
Нас предавать огню!»⁵

С тех пор выражение «варить бобы, жечь стебли» вошло в обиход, в том числе литературный, и стало синонимом вражды между братьями.

Цао Чжи даровали то один, то другой почетный титул, но на самом деле его заставляли скитаться по стране. Смерть в 226 году старшего брата не облегчила его судьбу. Сын и преемник Цао Пи — Цао Жуй (вэйский Мин-ди, годы правления 227–239), лишь усилил гонения своего дяди. Страдания и беды часто делают человека особенно чувствительным к страданиям и бедам других людей. Цао Чжи с горечью наблюдал жизнь народа в эпоху, которая была полна угнетения и жестокости. А потому нет ничего удивительного в том, что все творчество Цао Чжи проникнуто печалью.

Как совершенно справедливо отметил Л. Е. Черкасский, «в своих произведениях Цао Чжи <...> обращал свой взор на народ, проникаясь его чаяниями и горестями, в чем проявились неповторимые черты Цао Чжи». ⁶ Исключительно сильны в стихах Цао Чжи и мотивы бренности человеческой жизни: «...с тревогой, с болью и отчаяньем говорил он о быстротечности жизни, о смерти, не принимая ее и не соглашаясь с ней». ⁷ Черкасский также отмечал, что в творчестве Цао Чжи преобладают произведения, «главным героем которых является сам поэт, ведущий повествование от первого лица». ⁸

Все указанные особенности поэзии Цао Чжи ярко воплотились в стихотворении «Вздохи» (吁嗟篇), сделав его одним из непревзойденных шедевров китайской поэзии. Переводы этого текста на русский язык в разное время были выполнены Черкасским, В. А. Журавлевым и М. Е. Кравцовой. Именно они стали объектом нашего исследования.

⁵ Пер. Л. Е. Черкасского; цит. по: *Цао Чжи. Фея реки Ло / Предисловие Л. Е. Черкасского.* СПб., 2000. С. 78 («Библиотека мировой литературы. Восточная сер.»).

⁶ *Черкасский Л. Е.* Человек в поэзии Цао-Чжи // Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 10.

Китаист и специалист в области китайской поэзии Л. Е. Черкасский (1925–2003)⁹ получил широкое признание и в китайском научном сообществе.¹⁰ Одновременно он являлся и поэтом, причем знакомство с китайской поэзией во многом предопределило его творческую самобытность.¹¹ Существенно, что именно Черкасский, следовавший научной и переводческой школе В. М. Алексеева,¹² стал первопроходцем в изучении творчества Цао Чжи,¹³ предприняв и первый опыт перевода большей части его литературного наследия. Переводчик и эссеист А. С. Бурштейн отметил, что его близкий друг Черкасский сделал стихи Цао Чжи «фактом русской поэзии».¹⁴

В. А. Журавлев (1914–1996) был известным советским поэтом. В 1950-е годы вышли несколько сборников его стихов, в том числе «Первая беседа» (1951), «Вторая встреча» (1954), «Столяр отделяет дом» (1955), «Полк, под знамя!» (1956), «Беспокойство» (1957) и др. Одновременно он активно занимался литературной обработкой переводов, выполненных профессиональными востоковедами — сборников «Индия говорит» и бурято-монгольского поэта С. Ангабаева «Табунная степь», а также ряда произведений якутских, татарских и киргизских поэтов, в частности Дж. Боконбаева и А. Токтомушева. Многочисленны и его поэтические переложения из китайской поэзии, в том числе произведений Цао Чжи. Интересующий нас перевод стихотворения «Вздохи» был опубликован в 1957 году в «Антологии китайской поэзии».¹⁵

М. Е. Кравцова (род. 1953) принадлежит к следующему, после Черкасского, поколению российских исследователей и переводчиков китайской поэзии, но она также во многом наследовала традиции Санкт-Петербургского и Ленинградского Китаеведения. Ее научными руководителями были Б. Б. Вахтин (1930–1981), исследователь и переводчик фольклорной песенной лирики (песен-юэфу) и лирической поэзии III–VI веков (эпохи Шести династий, Лючао), и О. Л. Фишман (1919–1986) — ученица В. М. Алексеева.

В отличие от Черкасского (заметим, они были хорошо знакомы лично), который в дальнейшем посвятил себя изучению и переводам новой (первая половина XX века) китайской поэзии,¹⁶ Кравцова, начав с творчества поэтов эпохи Шести династий,¹⁷

⁹ Его научным и переводческим достижениям посвящена серия наших публикаций: Лю Чжицян, Первушина Е. А. 1) Заветная звезда Леонида Черкасского: о переводах китайских поэтов первой трети XX века: монография. Владивосток, 2019; 2) О переводческой позиции Л. Е. Черкасского в его переводах китайской поэзии первой трети XX века // Иностранные языки в высшей школе. 2018. № 1 (44). С. 88–92; Лю Чжицян. 1) Основная периодизация в исследовательской, творческой и просветительской деятельности Л. Е. Черкасского // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1. С. 137–141; 2) Переводческая трансформация Л. Е. Черкасского названий китайских стихотворений (на материале сборника «Дождливая аллея», 1969) // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 87–91; 3) Своеобразие рецепции национального колорита в переводах Л. Е. Черкасского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). С. 29–33; 4) Стихотворение Сюй Чжимо «Я не знаю, куда ветер дует» в переводе Л. Е. Черкасского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 166–171.

¹⁰ См.: Лю Чжицян. Леонид Евсеевич Черкасский в Китае // Научный диалог. 2018. № 6. С. 82–90.

¹¹ Лю Чжицян, Ван Фэн. «Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине»: о поэтическом творчестве Л. Е. Черкасского // Новое литературное обозрение. 2020. № 162. С. 335–343.

¹² Кандидатская диссертация Черкасского «Поэзия Цао Чжи (192–232)» была написана под руководством Л. З. Эйдиной, ученика В. М. Алексеева.

¹³ Черкасский Л. Е. Поэзия Цао Чжи. М., 1963.

¹⁴ Цит. по: Лю Чжицян, Первушина Е. А. Заветная звезда Леонида Черкасского: о переводах китайских поэтов первой трети XX века. С. 49.

¹⁵ Антология китайской поэзии: В 4 т. / [Пер. Л. Е. Черкасского и др.]; под ред. Го Можо, Н. Т. Федоренко. М., 1957. Т. 1. С. 318–319.

¹⁶ См., к примеру: Черкасский Л. Е. Новая китайская поэзия (20–30-е гг.). М., 1972.

¹⁷ Кравцова М. Е. Поэтическое творчество Шэнь Юэ, 441–513. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

продолжила изыскания в области древней и Танской поэзии.¹⁸ Одновременно она активно занимается художественной переводческой деятельностью.¹⁹

Итак, Черкасский, Журавлев и Кравцова репрезентируют как различные поколения, так и разные профессиональные группы российских переводчиков. Поэтому интересным представляется попытка выявить в их переводах степень близости к оригиналу. Черкасский представляет первую когорту китайстов (к ней принадлежал и Б. Б. Вахтин), которые, следуя примеру В. М. Алексеева, основывали свои художественные переводы на научном освоении китайской поэзии.

Журавлев принадлежал к группе профессиональных поэтов, которые занимались литературной обработкой выполненных специалистами подстрочников, но при этом были неплохо знакомы с особенностями восточной поэзии. Кроме того, важно, что именно творческими усилиями этого сообщества, к которому принадлежали также А. А. Ахматова, А. И. Гитович, были сделаны первые шаги для того, чтобы китайская поэзия стала доступной массовой читательской аудитории. Поэтому можно априори предположить, что эстетическое воздействие на читателя было для них важнее близости перевода к оригинальному тексту. Кравцова, в свою очередь, получила возможность использовать уже накопленный переводческий опыт — как профессиональных поэтов, так и профессиональных китаеведов предшествовавшего поколения.

Обратимся к анализу самих переводов и прежде всего представим тексты:

吁嗟篇

吁嗟此转蓬，
居世何独然。

长去本根逝，
夙夜无休闲。

东西经七陌，
南北越九阡。

卒遇回风起，
吹我入云间。

自谓终天路，
忽然下沉渊。

惊飙接我出，
故归彼中田。

当南而更北，
谓东而反西。

宕宕当何依，
忽亡而复存。

飘飘周八泽，
连翩历五山。

流转无恒处，
谁知吾苦艰。

愿为中林草，
秋随野火燔。

糜灭岂不痛，
愿与株菱连。

Подстрочный перевод²⁰

Вздыхаю о крутящихся перекасти-поле,
Жить в мире так тяжело.

Навеки оторвался от корней,
Лечу с ветром каждое утро и каждый вечер.

Сколько извилистых дорог пройдено с востока на запад,
Сколько бесплодных полей пересечено с юга на север.

Внезапно встретился с бурным ветром,
Унесшим меня в облака на голубом небе.

Я думал, что дорога в небо и есть конец,
Но опять я упал в бездну.

Ветер подхватит меня,
Несет в то же чистое поле.

Собираюсь лететь на юг, но внезапно повернул на север,
Хочу лететь на восток, но был отнесен на запад.

Летая, не знаю пристанища.
Вдруг исчезал, вдруг появлялся.

Облетел восемь озер,
И облетел пять гор.

Чувствовал муку от неопределенности жизни.
Кто может оценить боль в моем сердце?

Хочу стать той травой,
Которая осенним пожаром превращается в клубы дыма.

Даже если мне придется нести боль от пожаров,
Могу быть связан с жизнью и смертью корней, я готов.

¹⁸ См.: Кравцова М. Е. 1) Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. СПб., 1994; 2) Поэзия вечного просветления. СПб., 2001; Алимов А. И., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в. Поэзия, проза: В 2 ч. СПб., 2014.

¹⁹ См.: Резной дракон: Поэзия эпохи Шести династий: III–VI вв. / Пер. М. Е. Кравцовой. СПб., 2004. Многие переводы, включая произведения «Ши цзина», «Чуских строф», песен-юэфу, вошли также в подготовленное ею же издание: Хрестоматия по литературе Китая / Сост., вступ. статья, прим. М. Е. Кравцовой. СПб., 2004.

²⁰ Подстрочный перевод выполнен Лю Чжицяном.

«Вздохи», перевод Л. Е. Черкасского

Вздыхаю тяжко
 О печальной доле
 Мятущегося
 Перекасти-поля,

 Оно навеки
 Распростилось с корнем, —
 Без отдыха
 Кружить ему доколе?

 У девяти межей
 Его видали,
 К семи тропам
 Явилось. Навсегда ли?

 Внезапный ветер
 Схватит горемыку
 И унесет
 В заоблачные дали.

 То вдруг сверкнет
 Небесная дорога,
 То встретит пропасть
 Холодно и строго,

 То вырвет вихрь
 Внезапно из пучины,
 И будто до земли
 Уже немного.

 Таков и я:
 Хочу на землю юга, —
 Морозит тело
 Северная вьюга.

 Бреду на запад,
 А хочу к востоку, —
 В широком мире
 Нелегко без друга.

 То падаю,
 То поднимаюсь снова,
 К пяти хребтам
 Несет меня, больного,

 К восьми озерам...
 На пути скитаний
 Кто знает муки
 Всех лишенных крова!

 О, как я жажду
 В поле стать травой —
 Пускай сожгут
 Осеннею порою,

 Пусть я уйду,
 Терзаясь страшной болью, —
 Я рядом с корнем
 Душу успокою.²¹

«Вздохи», перевод В. А. Журавлева

О, этот бегущий по полю,
 Из трав перевитый клубок,
 Хотя постоянно на воле,
 Но все же всегда одинок.

 Навеки с корнями расставшись,
 В пути многотрудном своем
 Ни отдыха я, ни покоя
 Не знаю ни ночью, ни днем.

 С востока на запад далекий,
 Привыкший к борьбе и труду,
 Иду я по разным дорогам,
 По множеству тропок иду.

 Спешу я домой возвратиться,
 Туда, где родная река,
 Но ветер жестокий, вздымаясь,
 Уносит меня в облака.

 И я не могу ни минуты
 На месте одном постоять:
 То вдруг возношусь в поднебесье,
 То падаю в пропасть опять.

 И снова по воле стихии,
 Пристанища не нахожу.
 Качусь я на поле другое,
 Качусь на другую межу.

 Мечусь без пути и дороги,
 Как сорванный с ветки листок.
 Вот знаю, что надо на север,
 А все ж проношусь на восток.

 Годами по миру блуждаю,
 И мукам конца не видать.
 И не на что мне опереться,
 И некому мне помогать.

 Ночами совсем погибал я,
 Но снова вставал по утрам.
 Прошел я по топким болотам,
 Прошел по высоким горам.

 Так долго катился-кружился,
 Да к корню нигде не прирос.
 Скажите: кто выстрадал столько?
 Кто столько невзгод перенес?..

 Хотел бы я стать той травой,
 Которую косят и рвут,
 Хотел бы я стать тем бурьяном,
 Который по осени жгут.

 Хотел бы я в бурях погибнуть,
 Исчезнуть под холодом зим,
 Но только бы соединиться
 С потерянным корнем моим!²²

²¹ Цао Чжи. Фейя реки Ло. С. 36–38.²² Там же. С. 161–163.

«Вздохи», перевод М. Е. Кравцовой

Эх, трава, трава ты, перекасти-поле,
 Одиноким странником всю-то жизнь проводишь.
 Уж давно расставшись с крепкими корнями,
 День и ночь несешься, отдыха не зная.
 На восток помчишься вдоль межи бескрайней,
 Катись на западе по бессчетным тропам.
 Вдруг порывом ветра от земли подхвачена,
 Унесешься прямо к облачным высотам.
 То вверх окажешься на путях небесных,
 То внизу приблизишься к сумречным истокам.
 Так и я когда-то унесен был ветром,
 И прибьет ли снова к старому порогу?!
 Думаю о юге, да на север следую,
 На восток просился, да приказ — на запад.
 В этом вечном хаосе где найти опору мне?
 То, что вдруг утрачено, не вернуть обратно...
 Уж носило-путало вокруг болот нехоженых,
 Вдоволь я наездился к скалам, да отрогам.
 Ни приюта не было мне нигде, ни отдыха,
 И мои страдания никого не трогали.
 Об одном мечтаю — стать лесной травой,
 Пусть ее сжигают осенью крестьяне:
 Что огня бояться и телесной боли,
 Коль погибнешь вместе с домом и корнями?!²³

Сразу отметим, что все три переводчика передали название стихотворения как «Вздохи», посчитав, что именно это русское слово наиболее выразительно отражает настроение лирического героя (поэта). Употребленное Цао Чжи сочетание *юй цзе* 吁嗟 имеет буквальное значение «вздыхать», «вдох» и переносное — «горе», «печаль».

Обратим внимание на способы передачи в переводах центрального для стихотворения Цао Чжи образа «перекасти-поля» — растения, лишённого прочных корней и легко гонимого ветром. В оригинальном тексте поэт сравнивает себя с мятущимся перекасти-полем, навсегда оторвавшимся от корня, вспоминая свою родину и мечтая после смерти вернуться туда и так обрести душевный покой. В целом у переводчиков почти одинаковое воспроизведение ключевых образов — «перекасти-поле» в начале, сжигание лесной травы — в конце.

Переводчики тонко воссоздают настроение главного героя. В тексте поэт душевно, чутко, тонко изображает внутреннее состояние, словно проследившая взлеты и падения человеческой жизни. Здесь выявляется тема одиночества, желание иметь друга, кров над головой, семью, родных и разочарование тем, что самые заветные желания остаются неисполненными. Основная мысль поэта, на наш взгляд, заключается в том, что, где бы человек ни был, он не будет счастлив и только тогда обретет счастье, когда вернется в родные края, в места, где его ждут.

Однако, несмотря на адекватность всех трех версий, нельзя не подчеркнуть одну объективную особенность при переложении поэтических произведений с китайского на русский: переводчикам трудно придерживаться слогового соответствия строк. Это объясняется тем, что в китайском языке одному иероглифу соответствует один слог, в большинстве случаев — и одно слово, т. е. каждый знак несет в себе отдельный смысл. В европейских алфавитных языках не ограничено количество слогов в слове: может быть один, а может быть два, три и даже больше.²⁴ При работе над «Вздохами» переводчикам пришлось либо сокращать, либо увеличивать количество слогов в строке. В оригинале в каждой строке 5 иероглифов, одно предложение состоит из двух строк, т. е. всего 10 слогов.

²³ Хрестоматия по литературе Китая. С. 149–150.

²⁴ Об этом см.: Лю Чжицян, Первушина Е. А. Звездная звезда Леонида Черкасского: о переводах китайских поэтов первой трети XX века. С. 137.

В переводах количество слогов иное. Отметим, что «общепринятым принципом стихотворного перевода с китайского стал принцип передачи китайского слога русской стопой».²⁵ Черкасский больше всех приблизился к требуемому размеру, выбрав для перевода пятистопный ямба.

В варианте Черкасского встречаются устаревшие слова «высокого» стиля (*мятущегося, доколе*) наравне со словами просторечными (*горемыка, видали*). В строфах 2–5 вопросительное предложение заменено риторическими вопросами (*Кружить ему доколе? Навсегда ли?*) и восклицаниями. На наш взгляд, этот прием помогает яснее выделить эмоции автора и таким образом усилить восприятие душевной боли героя, а кроме того, заставляет читателей мыслить и искать свой вариант ответов на поставленные вопросы.

Рассмотрим далее ритмику и рифмовку произведения. В китайской стихотворной традиции обязательным элементом является «строгое подразделение строки на две части (отдаленный аналог стопы) посредством паузы-цезуры. В пятисловном стихе цезура следует после 2-го иероглифа, в семисловном — после 4-го».²⁶ Посмотрим, как первая строфа «Вздохов» звучит на китайском языке:

吁嗟此转蓬,	Юй цзе Цы чжуань пэн	2 3
居世何独然。	Цюй ши Хэ ду жань	2 3
长去本根逝,	Чан цюй Бэнь гэнь ши	2 3
夙夜无休闲。	Су е У сю сянь	2 3

В оригинальном тексте Цао Чжи использует сквозную мужскую рифму (см. окончания строк 1–4: *Ran — xian — qian — jian*). Черкасский использует тождественные четверостишия с женской рифмовкой по схеме ААХА — ВВХВ — ССХС и т. д. Границы ритмических и графических стихов не совпадают и объединяются в строфы:

Вздыхаю тяжко о печальной доле
Мятущегося перекасти-поля,
Оно навеки распростилось с корнем, —
Без отдыха кружить ему доколе?

Еще одна важная особенность оригинального текста — двойное повторяющееся слово. Этот прием используется, чтобы отразить мимолетность явления или краткость действия, а также он является своеобразным национальным инструментом выражения экспрессии, например, 宕宕当何依, 忽亡而复存. (*Dang dang dang he yi, hu wang er fu cun*). Черкасский воссоздал эту особенность не лексическими повторами, а анафорами (*То вдруг сверкнет / Небесная дорога, / То встретит пропасть / Холодно и строго... / То падаю, / То поднимаюсь снова...*). Сохранен и параллелизм в седьмой строфе (юг — север, запад — восток).

Таким образом, Черкасский в большой мере сохранил особенности оригинального произведения, а также средствами русского языка воспроизвел ритмику оригинала.

По сравнению с переводом Черкасского в варианте Журавлева ярче всего выявляются рифмические особенности оригинала. Он использует полурифмованные четверостишия со схемой рифмовки ХаХа — ХбХб — ХсХс и т. д.

Что касается ритмики, то Журавлев выбрал для перевода и строго выдержал трехстопный амфибрахий со схемой: U—UU—UU—U (в нечетных строках) и U—UU—UU— (в четных).

²⁵ *Меньшиков Л. Н.* Предисловие переводчика // *Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова.* СПб., 2007. С. 17.

²⁶ *Духовная культура Китая. Энциклопедия: В 5 т. М., 2008. Т. 3. Литература. Язык и письменность / Ред. М. Л. Титаренко [и др.]. С. 149.*

На наш взгляд, предпочтение, отданное Журавлевым трехстопному амфибрахию, объясняется тем, что этот стихотворный размер может более точно выразить настроение лирического героя, и это способствует более полной передаче смысла. М. Л. Гаспаров утверждал, что «в звучании каждого размера есть что-то, от природы имеющее ту или иную содержательную окраску — хотя бы самую неопределенную, чисто эмоциональную. Иными словами, связь между метром и смыслом есть связь органическая».²⁷ Относительно трехстопного амфибрахия ученый выделяет балладную традицию с разновидностью, представленной, к примеру, «„бродяжим“ циклом амфибрахий» из «Пепла» Андрея Белого.²⁸ В связи с этим вполне уместно утверждать, что избранный Журавлевым размер отчетливо отражает настроения лирического героя в оригинале — печаль, одиночество, бесприютность.

Журавлев предпочитает поэтическую лексику (*вздыхаясь, многотрудный*), что, на наш взгляд, заставляет читателей помнить о времени, которое отделяет нас от лирического героя. Каждая строфа представляет собой законченную мысль, а часть из них вдобавок заканчивается риторическими вопросами (*Скажите: кто выстрадал столько? / Кто столько невзгод перенес?..*).

Как и Черкасский, Журавлев использует анафоры: «*То* вдруг возношусь в поднебесье, / *То* падаю в пропасть опять. <...> *Качусь* я на поле другое, / *Качусь* на другую межу».

Анализ перевода позволяет сделать вывод, что Журавлев по-своему передает оригинальное стихотворение, предпочитает парную рифму, использует трехстопный амфибрахий с учетом его эмоционального ореола. Все эти элементы позволяют достаточно близко передать смысл оригинала.

Перевод Кравцовой характеризуется более свободной формой — вольный хорей с чередованием 6-стопных и 7-стопных стихов (все с усечением слога на цезуре).

Однако здесь все не так просто: оригинальное стихотворение является пятисловным, и в своем тексте Кравцова, как кажется, попыталась воссоздать эту особенность хотя бы в последних четырех строках, которые состоят из 5 слов (предлоги в счет не идут).²⁹ Кроме того, в переводе Кравцовой выдержан принцип эквилинейности, главным образом без перебивки строк, в то время как Журавлев и Черкасский применили перебивку строк оригинала.

Ее тексту также свойственны ассонансные рифмы, точные и неточные: «Уж давно расставшись с крепкими *корнями* <...> Катись на западе по бесчетным *тропам* <...> То внизу приблизишься к сумречным *истокам* / Так и я когда-то унесен был *ветром* / И прибьет ли снова к старому *порогу*?! <...> Вдоволь я наездился к скалам, да *отрогам* <...> И мои страдания никого не *трогали*».

Параллельно с ассонансными рифмами активно используется и аллитерация: «Эх, *трав*, *трав* ты, *перекати-поле* / Одиноким *странником* всю-то жизнь *проводишь*. / Уж давно *расставшись* с *крепкими корнями*...».

На наш взгляд, предпочтение Кравцовой ассонанса и аллитерации не только усиливает образность и выразительность художественной речи, содержащей чувства и переживания, передаваемые через литературное произведение, но и придает ритм, благозвучие, особый динамизм, эстетичность и привлекательность литературному тексту. Создается и обогащается эмоциональный фон произведения. Все это помогает усилить смысловую нагрузку текста, замедляет либо ускоряет восприятие произведения.

²⁷ Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М., 2012. С. 3–4.

²⁸ Там же. С. 178. Наиболее близким соответствием переводу Журавлева нам представляется стихотворение Белого «Путь» («Измерили верные ноги...»).

²⁹ О трудности перевода стихотворения с китайского на русский с помощью одинакового количества слов и односложных слов говорил известный китайский русист Гу Юй: 谷羽. 帆船, 在诗海上漂流: 俄汉诗歌翻译研究. 天津: 南开大学出版社, 2019. 第279页. (Гу Юй. Парус, плывущий на море поэзии: исследование русско-китайского перевода поэзии. Тяньцзинь: Издательство Нанькайского университета, 2019. С. 279). Как правило, переводчик либо увеличивает, либо уменьшает количество слов.

В результате переводное художественное произведение обретает особый колорит, а текст становится более выразительным и мелодичным.

Известно, что «в китайской поэзии во все времена, начиная с древнейших песен „Ши цзина“, очень важную роль играли разные типы аллитераций, повторы слов (слов) — как полные, так и частичные, — где повторяется начальная часть словослога («парные согласные», *шун-шэн*) или его конечная часть («наслаивающиеся гласные», *де-юнь*)».³⁰ Поэтому есть основания предположить, что Кравцова хотела воссоздать эти особенности классической поэзии.

Не менее важным является и то, что перевод Кравцовой выполнен, на наш взгляд, в духе лирической народной песни, точнее, ее стилизации. Для чего есть более чем веское основание: «Вздохи» традиционно относят к жанру юэфу — стихотворениям, написанным в жанре народной песни. В тексте Кравцовой тонко показана беспомощность героя, его печаль и разочарование (см. строки 11–15).

Анализ переводов Черкасского, Журавлева и Кравцовой свидетельствует о достаточно высокой степени их адекватности оригинальному стихотворению. Все три варианта репрезентируют переводческую школу В. М. Алексеева, где главная цель — передать смысловое наполнение, эмоциональность и образность оригинала. Перевод Черкасского обозначает вектор на объединение художественного воплощения оригинального текста и его исходных формальных и лексических особенностей. Перевод Журавлева направлен в первую очередь на адаптацию китайской поэзии к художественному восприятию массового российского читателя. Перевод Кравцовой — попытка показать своеобразие китайской поэзии, т. е. приучить воспринимать китайские стихи, исходя не из родного художественного опыта, а в качестве произведений, принадлежащих к другой культурно-литературной среде, но, тем не менее, эстетически совершенных и передающих универсальные для человека переживания и чувства.

³⁰ *Меньшиков Л. Н.* Предисловие переводчика. С. 20.

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-255-257

© К. С. Корконосенко

ПЕРЕВОДЫ К. И. ТИМКОВСКОГО В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ

Переводческая деятельность Константина Ивановича Тимковского (1814–1881) была рассмотрена в статье «Испанская классическая литература в переводах Константина Тимковского».¹ Здесь мы остановимся на рецепции этих переводов и их последующей судьбе в русской культуре.

Из восьми опубликованных Тимковским переводов² удалось обнаружить печатные отклики лишь на те, что вышли отдельной книгой, т. е. на пьесы Кальдерона «Жизнь есть сон» и «Саламейский алькальд». По рецензиям можно судить, насколько велики были ожидания читающей публики от задуманного Тимковским «предприятия» (познакомить русских с испанским театром Золотого века) и насколько туманны были эти ожидания.

Самый курьезный отклик был напечатан в «Северной пчеле», в нем после библиографических данных нет ни слова собственно о книге, есть только впечатления автора³ от всего

«испанского» и множество экзотических реалий: «Да, туда, туда, в Испанию, на берега Гвадалкивира, на Гренадские луга, на Андалузские долины, под пылающее небо Иберийское, читатели! <...> Готические храмы, рыцарские замки, Мавританские башни, богатство и нищета, роскошь и убожество, гордость и лохмотья, ненависть до гроба и молитва пред алтарем, битвы с быками и стилет микелета, Гонзалв Кордуанский и Эспартеро, борьба с маврами и резня Христианосов с Карлистами, память великого и ничтожество настоящего...»⁴ В «Северной пчеле» это восторженное нагромождение предваряется цитатой из песни Миньоны (из «Вильгельма Мейстера» Гете) в переводе В. А. Жуковского;⁵ в истории русской литературы оно превосходит пародийное «Желание быть испанцем» Козьмы Прутова, опубликованное в 1854 году.

Ф. А. Кони, редактор «Пантеона русского и всех европейских театров», который, определенно, знал Тимковского лично, сам перевел несколько испанских произведений⁶ и обладал

¹ Корконосенко К. С. Испанская классическая литература в переводах Константина Тимковского // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 307–327.

² *Мигель Сервантес*. 1) Сила крови: Повесть // Отечественные записки. 1839. Т. 1. № 1. Отд. III. С. 150–175; 2) Ринконате и Кортадильо. Испанские тайны: Повесть // Сын отечества. 1847. Кн. 5. Отд. IV. С. 1–22; [Фернандес де Моратин Л. де]. История испанского театра от самого его начала до времен Лопэ-де-Вега // Пантеон русского и всех европейских театров. 1841. Ч. 1. Кн. 2. С. 1–18 (автором указан К. Тимковский); *Дон-Франсиско де-Рохас*. Никто кроме короля, или Благородный земледелец Гарсия-дель-Кастаньяр: Драма // Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 11. С. 137–184; *Педро Кальдерон*. Жизнь есть сон; Саламейский алькальд // Испанский театр. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843. Т. 1. Кальдерон; *Моратин*. Согласие девушек: Комедия в 3-х д. // Сын отечества. 1843. № 2. Отд. IV. С. 1–100; *Дон Августин Морэто*. Мужество и правосудие, или Рикоомбре Алькалийский: Комедия // Репертуар и Пантеон. 1845. Т. 2. Кн. 9. С. 634–696.

³ Г. А. Коган в библиографии Кальдерона называет автором этой заметки Н. А. Полевого (см.: *Коган Г. А.* Педро Кальдерон де ла Барка.

Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1781–1983) // Iberica. Кальдерон и мировая культура. Л., 1986. С. 229).

⁴ Северная пчела. 1843. № 228. 12 окт. С. 910.

⁵ Стихотворение цитируется близко к версии, использованной Н. Полевым в новелле «Блаженство безумия» (1833): «Ты знал ли край, где негой дышит лес, / Златой лимон горит во мгле древес, / И ветерок край неба холодит, / И гордо лавр, и тихо мирт стоит... / Туда! Туда!». Ср. у Полевого: «Ты знал ли край, где негой дышит лес, / Златой лимон горит во мгле древес, / И ветерок край неба холодит, / И тихо мирт, и гордо лавр стоит? Туда, туда! / Жуковский» (цит. по: Русская романтическая новелла. М., 1989. С. 187); и у Жуковского: «Я знаю край! там негой дышит лес, / Златой лимон горит во мгле древес, / И ветерок жар неба холодит, / И тихо мирт и гордо лавр стоит... / Там счастье, друг! туда! туда / Мечта зовет! Там сердцем я всегда!» (*Жуковский В. А.* Für Wenige. Дня немногих. М., 1818. № 1. С. 27).

⁶ Андалузская серенада («Смолкнул дальний шум столиц...») / [Пер.] Ф. Кони // Репертуар и Пантеон. 1847. Т. 12. С. 41–42;

информацией о замысле работ из первых уст, представляет точку зрения испаниста-дилетанта, стремящегося к просвещению; возможно, это и был тот идеальный читатель, для которого Тимковский переводил и снабжал свои публикации подробными комментариями. В первой рецензии Кони писал: «Зная хорошо испанский язык и много лет занимаясь изучением испанских писателей, г. Тимковский предпринял ознакомить нас с главнейшими драматическими произведениями Кальдерона, Лопе де Веги, Тирсо де Молино, Морето, Рохаса, Кастро, Диаманте и новейших поэтов Кампо-Аланхе, Маратино (так!), Бретона де Лос Эзероса и других. Это будет издание, в котором позавидуют нам многие западные литераторы, которые гораздо древнее и богаче нашей».⁷

В заметке от 16 мая Кони цитирует предисловие Тимковского и — полностью — Выходы III–V из первого действия «Жизнь есть сон».⁸ 30 мая, откликаясь на появление «Саламейского алькальда», Кони дает характеристику и самому переводу, и переводческим паратекстам: «Г. Тимковский принял в своих переводах очень хорошую систему: он строго держится подлинника, однако передает его не буквально. Выражения Кальдерона приспособлены часто к понятиям Испании и дышат народностью, для нас непонятною; г. Тимковский такие обороты заменяет однозначными или чрезвычайно близкими русскими и оттого перевод его много выигрывает. Примечания переводчика в конце каждой книги чрезвычайно важны и драгоценны для изучения быта и нравов древней и нынешней Испании».⁹

Ф. А. Кони вторит и анонимный рецензент из «Отечественных записок», в частности писавший: «Перевод так хорош, что ничего больше не оставляет желать. Предисловие и примечания обнаруживают в переводчике не только знание, но и совестливое усердие к своему делу. Издание прекрасно во всех отношениях, предприятие г. Тимковского заслуживает внимания образованных людей, и нельзя не пожелать ему полного успеха».¹⁰

Те же, в сущности, идеи в рецензии из «Современника» имеют еще и характер напутствий на будущее: «Перевод г. Тимковского, сколько можно судить по небольшому началу, соответствует важности его предприятия. Со-

храняя чистоту Русского языка, переводчик верно передает смысл подлинника, дополняя затруднительные его места необходимыми пояснениями. Мы убеждены, что, преодолевая первые трудности и, так сказать, влюбляясь в прекрасный труд свой, он более и более начнет вникать в сущность работы, более и более начнет понимать, что в литературе должны выражаться все особенности жизни нации, религиозный ее характер, частности домашне быта людей и самые красоты природы Физической. Все это должно сообщить его переводу не одну лексикографическую верность, но и верность тех ощущений, которыми для зрителей сопровождается слова драматических авторов».¹¹

Второе упоминание переводов Тимковского в «Отечественных записках» сделано В. Г. Белинским в обзоре «Русская литература в 1843 году». Хотя труд Тимковского лишь назван в ряду «замечательных» переводных книг беллетристического содержания («...первый и второй выпуски издаваемого г. Тимковским „Испанского театра“, заключающие в себе комедии: „Жизнь есть сон“ и „Саламейский алькальд“; прозаический перевод г. Фан-Дима „Божественной комедии“ Данте, превосходно изданный с рисунками Флаксмана, и стихотворный перевод Шиллерова „Вильгельма Телля“, г. Ф. Миллера»¹²), обращает на себя внимание форма этого упоминания: перевод из Данте заявлен как прозаический, перевод из Шиллера — как поэтический, а о переводе Тимковского не сказано ни того ни другого.

В том же обзоре Белинский еще раз упоминает Тимковского, но на этот раз ошибочно: «В „Библиотеке для чтения“ помещен перевод с испанского, сделанный г. Тимковским, прелестной комедии Лопеса де-Веги: „Собака на сене“».¹³ На самом деле этот прозаический перевод был выполнен другим испанистом, Н. М. Пятницким,¹⁴ известным своим интересом к комедиям Лопе де Веги. Ошибка такого авторитетного критика-современника, как Белинский, никак не комментированная в позднейших собраниях его сочинений, положила начало путанице. Современная исследовательница А. В. Жданова в статье «К истории перевода пьес Лопе де Вега в России» сообщает: «В 1843 г. появляются сразу два перевода пьесы „Собака на сене“, сделанные К. Тимковским и Н. М. Пятницким. Несмотря на то, что перевод К. Тимковского заслужил высокую похвалу В. Г. Белинского, он не увидел свет».¹⁵

¹¹ [Плетнев П. А.]. [Рец. на: Испанский театр. СПб., 1843. Т. 1. Кальдерон] // Современник. 1843. Т. 31. № 7. С. 112–113.

¹² Отечественные записки. 1844. Т. 32. № 1. С. 37 (5-я паг.).

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ См.: Собака на сене: Комедия // Библиотека для чтения. 1843. Т. 58. Отд. II. С. 1–118.

¹⁵ Жданова А. В. К истории перевода пьес Лопе де Вега в России: восприятие и оценка ли-

Серенада («Вот угас огонь денницы...») / [Пер.] Ф. Кони // Атеней. 1830. № 8. Ч. 3. С. 305–306; Чудная материя: Испанская сказка, переведенная Мануэлем / Пер. с фр. Ф. А. Кони // Современные повести модных писателей. М., 1834. Ч. 2. С. 193–207 (имеется в виду Пример 32-й из «Книги примеров графа Луканора и Патронио» Хуана Мануэля).

⁷ Литературная газета. 1843. 4 апр. № 14. С. 283.

⁸ Там же. 16 мая. № 19. С. 377–380.

⁹ Там же. 30 мая. № 21. С. 424.

¹⁰ Отечественные записки. 1843. Т. 28. № 5. Отд. VI. С. 12.

На примере Белинского мы можем увидеть интересную особенность всех упомянутых рецензий на «Жизнь есть сон» и «Саламейского алькальда». Вот что, на мой взгляд, самое примечательное в этом своде рецензий, похожих друг на друга и обнаруживающих заинтересованное знакомство с рецензируемым текстом:¹⁶ никто даже не упоминает, что Тимковский переводит испанскую классическую комедию прозой. Предприятие Тимковского важно и заслуживает внимания, ему желают полного успеха, перевод хорош, система в обращении с подлинником — «очень хороша», в предисловии обнаруживается совестливое усердие переводчика к своему делу, примечания «чрезвычайно важны и драгоценны», но при этом даже не обсуждается возможность перевести испанские стихи русскими стихами.

Литературная репутация Тимковского в истории российской словесности оказалась схожа с манерой его перевода: при общем уважительном отношении в ней чересчур много ошибок и умолчаний. Ни рецензенты-современники, ни авторы последующих работ, посвященных русской судьбе испанской классики, не указывают, что принятая Тимковским «система» — это переводить комедии Золотого века прозой, лишь кое-где вставляя не очень удачные рифмованные строки. Об этом не упоминает М. П. Алексеев, нет указания на характер перевода и в «Библиографии русских

литературной критикой в XIX веке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. № 3. С. 133.

¹⁶ В заметке из «Северной пчелы» и в отзыве Белинского такого знакомства не обнаруживается.

переводов Кальдерона». ¹⁷ Вклад Тимковского неточно описан в представительном издании пьес Кальдерона, опубликованном в 1961 году: в примечаниях к драме «Жизнь есть сон» Н. Томашевский упомянул его в одном ряду с другими переводчиками (Н. Пятницким, К. Бальмонтом, Д. Петровым, В. Парнахом), но с неправильным инициалом «Н.».¹⁸ А в примечаниях к «Саламейскому алькальду» Тимковского вообще забыли назвать: «Публикуемый перевод Ф. Кельина является третьим по счету русским переводом этой пьесы (имелись переводы С. Костарева и М. Казминова)». ¹⁹ Прозаическая система перевода тоже, как видим, никак не оговаривается.

В целом работы Тимковского уже стали достоянием истории: многие его переводы замещены новыми версиями, переизданий не было. В наше время больше всего востребованы предложенные Тимковским приемы транскрипции испанских реалий; его переводческие эксперименты (включая и удачные) остались в стороне от магистральных путей, от сформировавшейся в России традиции перевода классической испанской драматургии. Константин Тимковский и Николай Пятницкий были последними значительными переводчиками, перелавшими испанские драматические произведения прозой.

¹⁷ Коган Г. А. Педро Кальдерон де ла Барка. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1781–1983). С. 229–265.

¹⁸ Кальдерон де ла Барка П. Пьесы. М., 1961. Т. 1. С. 696.

¹⁹ Там же. С. 700.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-257-259

© А. С. Урюпина

О ДВУХ ПРОТОТИПАХ ГЕРОЕВ РАССКАЗА А. М. РЕМИЗОВА «ГОРОСКОП»*

Рассказ А. М. Ремизова «Гороскоп»,¹ первоначально входивший как глава в состав повести «Мышкина дудочка» (1946), не был опубликован при жизни автора. Писатель изъясился из произведения сюжетно законченный эпизод, казалось бы идеально вписывавшийся в общий контекст этой, пользуясь авторским

* Публикация подготовлена по гранту РНФ, проект № 22-28-00165 «Первая волна русской эмиграции в 1940-е – 1950-е гг.: культурные институции и межличностные коммуникации (по материалам архивов А. М. Ремизова)»; <https://rscf.ru/project/22-28-00165/>, ИРЛИ РАН.

¹ См.: Ремизов А. М. «Фигли-мигли». «Гороскоп» / Публ. А. С. Урюпиной // Русская литература. 2022. № 3. С. 201–215.

определением, «интермедии» из жизни русских эмигрантов периода немецкой оккупации Парижа, по причине того, что лица, являвшиеся прототипами главных персонажей, оставались в кругу его близких знакомых, а рассказанная история могла их обидеть. Напомним, что в «Гороскопе» описываются взаимоотношения двух молодых влюбленных: «молодого человека лет за 50», по прозвищу Пакт, и «княжны Олечки Олсуфьевой», увлекавшейся составлением гороскопов и из-за этого получившей свое прозвание. В конце рассказа герои навсегда расставались после неудачной попытки Пакта сделать Гороскопу предложение руки и сердца.

Как удалось установить, прототипом Пакта был хороший знакомый Ремизова, юрист

и профессор Университета высших международных исследований (Institut des hautes études internationales; IHESI) Георгий Гаврилович Шклявер (1897–1970). В эмиграции он был известен как последователь идей Н. К. Рериха. Пропагандируя их, Шклявер выступал с лекциями, писал статьи и брошюры, входил в редколлекцию журнала «Оккультизм и йога». В 1928 году именно он как юрист и адепт теорий своего Учителя разработал текст так называемого «Пакта Рериха» — договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Этот документ стал первым в истории международным договором о защите культурного наследия. 15 апреля 1935 года он был подписан в Вашингтоне представителями 21 страны Северной и Южной Америки. В 1948-м «Пакт» был одобрен правительством республики Индия.

Ремизов и Шклявер были знакомы с 1920-х годов и не прекращали общение до смерти писателя.² Георгий Гаврилович неоднократно бывал у Ремизовых в гостях. Как минимум два его визита зафиксированы документально: 8 мая 1927 года он оставил автограф в альбоме жены писателя Серафимы Павловны;³ затем 1 апреля 1952-го — нарисовал шуточный автопортрет (круглое лицо, выведенное неуверенными штрихами) и расписался в ремизовском блокноте для посетителей — «Золотой книге Обезвельволлала № 2».⁴ А 7 января 1952 года он известил Ремизова о смерти и похоронах мадам Вёв Габриэль (Мари Аман) Шклявер,⁵ своей матери, также анонимно упомянутой в тексте рассказа «Гороскоп».

Хотя Алексей Михайлович и Серафима Павловна Ремизовы весьма скептически и иронично относились к Рериху в его ипостаси религиозного философа и «Учителя жизни», им импонировала исключительная преданность Шклявера своему гуру. Об этом свидетельствуют их дневниковые записи. В начале 1930-х годов Серафима Павловна охарактеризовала своего знакомого так: «...хочет быть дипломатом, образованный, ученый, очень верный человек [Рериху]».⁶ Переписывая после смерти супруги ее заметки, Ремизов прокомментировал и дополнил эту характеристику: «[Меня поразила его необычайная легкость в эту войну. Очень уж, чересчур, патриотические чувства выказывал, Иванов-Разумник (10 лет провел в тюрьмах и кое-что рассказал, напечатано в довольно-таки неоправданной русской газете) —

этот Иванов-Разумник „предатель“, а между тем, сам Георгий Гаврилович стал французом, отошел от России бесповоротно. Уж лучше бы помалкивать. Отрекаться от родины не очень-то знатно. Да, лучше уж не искать „предателей“. Это меня очень от него отвело: его верность Рериху, а это все равно какой-то Рерих («персонаж комический»), нас удивила, как редкость среди измены, предательства. АР]».⁷

Удалось также выяснить, кто стал прототипом возлюбленной Пакта — таинственной княжны Олсуфьевой, «жрицы буалонского оракула», «пасшей в стаде „Кришны“⁸ и запутавшейся в индийских абстракциях», помнящей писателя еще в «той» жизни, т. е. в предыдущем воплощении, и составившей его гороскоп. Имя реальной женщины, отображенной в рассказе Ремизова, не так известно, однако и оно было установлено в процессе анализа записей, сохранившихся в ремизовском архиве. Гороскоп оставалась в окружении писателя еще многие годы после создания и публикации повести «Мышкина дудочка».⁹ В гостевой книге Ремизова «Золотая книга Обезвельволлала № 3» имеется такая запись посетительницы его квартиры на улице Буало: «Мария Александровна Философова, рожд<енная> княгиня Прозоровская-Голицына. 10-ое марта 1953 г. Париж». Ниже прилагается ее рисунок (изображение мужчины с прямым пробором и галстуком) с подписью: «Георгий Гаврилович Швер<окончание закрашено. — А. У.>». Позднее, видимо, после ухода гостей, этот рисунок был дорисован Ремизовым — от изображения Шклявера отделилась фигурка с рогами (черт); фамилия Георгия Гавриловича, изначально написанная с искажением, была частично зачеркнута и исправлена на «Шклявер», и наконец, под именем изображенного персонажа появилась приписка: «выходит из бани».¹⁰

О княжне Марии Александровне Прозоровской-Голицыной (1892–1983),¹¹ в замужестве Философовой (была замужем за Юрием Николаевичем Философовым), сохранилось не так много сведений. Известно, что она была дочерью князя Александра Александровича Про-

⁷ Там же.

⁸ В данном случае имеется в виду то, что героиня рассказа являлась последовательницей идей индийского духовного учителя Джидду Кришнамурти (1895–1986), труды которого публиковались в том числе в издаваемом при участии Шклявера журнале «Оккультизм и йога».

⁹ Первая публикация: *Ремизов А. М.* Мышкина дудочка: Интермедия. К истории «Сквозь огонь скорбей» // Русский сборник: Проза и стихи. Париж, 1946. Кн. 1. С. 19–48.

¹⁰ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 948. Л. 48.

¹¹ См. ее некролог: Русская мысль (Париж). 1984. 5 янв. № 3498 (перепеч.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–2001: В 6 т. М., 2006. Т. 6. Кн. 2. С. 646).

² В архиве Ремизова сохранилось 12 писем Шклявера, последнее из которых датировано 21 июня 1957 года; см.: ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 3. Ед. хр. 203, 253, 399, 547, 597, 622, 698, 986, 1059; Оп. 4. Ед. хр. 403, 406, 425. Большая часть писем — поздравления с различными праздниками.

³ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 290. Л. 27.

⁴ Там же. Ед. хр. 947. Л. 45 об.

⁵ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 196.

⁶ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 290. Л. 27. Уточнение в скобках позднее приписано Ремизовым.

зоровского-Голицына (ум. в 1914) и княжны и домовладелицы Марии Петровны Голицыной-Прозоровской (1863–1933; в эмиграции с 1922).¹² После смерти отца с 1914 до 1917 года М. А. Прозоровская-Голицына являлась владелицей подмосковного имения Раменье (ныне Раменское), где уделяла большое внимание развитию крестьянского образования. В 1917-м княжна эмигрировала, а в 1921-м главный дом ее родовой усадьбы сгорел дотла.¹³

История, поведанная Ремизовым в рассказе «Гороскоп», относится к 1940–1944 годам. Тем не менее известно, что и в 1950-е Философова, Шклявер и Ремизов продолжали общаться между собой. Так, например, Мария Александровна упоминается в письме Шклявера Ремизову от 28 марта 1953 года: «Дорогой Алексей Михайлович, очень огорчен всей этой историей с Ириной, доставившей Вам неприятности — по вине Марии Александровны Фил<ософы>вой. Я не имею адреса „Ирины“: сообщите мне, пожалуйста, и я тотчас ей напишу, чтобы вернула книгу, после чего Вы передадите ее Лёве. Зайду к Вам на днях, непременно. Извините, что так вышло неловко. Искренне Ваш Георгий Шклявер».¹⁴ Документальные свидетельства показывают, что в жизни, в отличие от грустного финала ремизовского рассказа, общение между Гороскопом и Пактом не прерывалось.

В заключение можно сделать вывод о том, что установление прототипов двух героев из круга персонажей печальной «интермедии» «Мышкина дудочка» и при-открытие завесы над реальными взаимоотношениями этих людей позволяют добавить еще один нюанс в изучение вопроса о соотношении документальной точности и творческого вымысла в произведениях Ремизова.

В заключение можно сделать вывод о том, что установление прототипов двух героев из круга персонажей печальной «интермедии» «Мышкина дудочка» и при-открытие завесы над реальными взаимоотношениями этих людей позволяют добавить еще один нюанс в изучение вопроса о соотношении документальной точности и творческого вымысла в произведениях Ремизова.

¹² Голицына-Прозоровская (урожд. княжна Трубецкая) Мария Петровна // Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Библиографический словарь: В 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 385.

¹³ История усадьбы «Раменское». См.: http://a-zavorotnyuk.ru/news/kultura/4225-istoriya_usadby_ramenskoye.html; дата обращения: 31.10.2023.

¹⁴ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 4. Ед. хр. 425.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-260-262

© *Е. В. Сартаков*

«МАЛАЯ» ДРАМАТУРГИЯ Н. В. ГОГОЛЯ В НОВОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ*

В 2023 году вышел очередной том Полного академического собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя, над которым работает гоголевская группа ИМЛИ РАН. В том вошли драматические опыты Гоголя: пьеса «Женитьба», «маленькие комедии» Гоголя («Игроки», «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок», «Театральный развезд»), незавершенные сцены («<Драма из светской жизни>», «<Владимир 3-й степени>», «<Драма из английской истории>»), подготовительные материалы и предварительные записи к замыслу трагедии из истории Запорожья, а также черновые редакции. Ответственным редактором тома значится Е. Г. Падерина, тексты и комментарии подготовили И. Ю. Виницкий, Н. Л. Виноградская, В. А. Врубель, В. Н. Греков, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, А. Л. Зорин, Ю. В. Манн, Е. Г. Падерина, Т. И. Печерская.

Внимание научного сообщества к данному проекту объясняется не только затянувшимся выходом этого собрания сочинений, первый том которого появился без малого четверть века назад, в 2001 году, и, как следствие, давно назревшей необходимостью обновления источниковедческой базы для гоголеведов, но и очень высоким уровнем прежних томов, изданных, как и этот, под редакцией выдающегося ученого Ю. В. Манна (1929–2022). Пятый том, хотя и подготовленный, очевидно, еще при жизни Юрия Владимировича, первый из вышедших после его кончины: возникали вопросы, удастся ли комментаторам сохранить тот высокий уровень, научную беспристрастность и концептуальность комментариев, заложенные основателем издания?

Как показал наш анализ, пятый том во многом продолжил «манновы» традиции. Прежде всего поражает объем проделанной текстологической работы. В рецензируемом труде тексты Гоголя не просто сверены с автографами, но, как это принято в изданиях подобного типа, учтены все черновые рукописи, разбросанные по архивохранилищам Москвы, Петербурга и Киева. Подобная ревизия помогла Н. Л. Виноградской и Е. Г. Падериной впервые установить зависимость четырех черновых набросков

к незавершенной Гоголем «<Драме из светской жизни>» от фрагмента чернового автографа этого произведения (с. 924–927). Кроме того, ими же серьезно пересмотрен порядок следования черновых набросков к замыслу трагедии Гоголя из истории Запорожья (с. 1020–1027).

Проведенная текстологами работа позволила скорректировать названия некоторых произведений Гоголя, ошибочно закрепленные академической традицией. Так, изученные В. А. Врубель и Е. Г. Падериной рукописи свидетельствуют, что пьеса Гоголя называется «Театральный развезд» и имеет подзаголовок «После представления новой комедии» (на с. 132 дана фотография первой страницы белого автографа с отчетливой точкой между названием и подзаголовком). Убрал точку между заголовком и подзаголовком, скорее всего второпях и по ошибке, первый публикатор произведения Н. Я. Прокопович в издании 1842 года, которое, однако, готовилось без участия Гоголя (с. 897). Эту же неточность повторил Н. С. Тихонравов в издании 1889 года. И, несмотря на то что в разные годы Н. И. Коробка (издание 1912–1914 годов), а также К. И. Халабаев и Б. М. Эйхенбаум (издание 1935 года) с большой последовательностью воспроизводили в своих изданиях текст автографа с заглавием и подзаголовком, в старом «академическом» и «малом академическом» Гоголе удержан редакторский вариант Прокоповича, что в последующем образовало обширную научную и библиографическую традицию. Это же относится к драме Гоголя из английской истории, которую со времен ее первого публикатора П. А. Кулиша называют «Альфред», в то время как в черновом автографе она не имеет заглавия (текст, палеографическое и текстологическое описание Е. Г. Падериной).

Можно также говорить и о текстологических находках. К таким мы относим убедительную гипотезу Е. Г. Падериной о том, что в пьесе Гоголя «Тяжба» в первой же ремарке, открывающей монолог главного героя, инициалы «Г. Н. Пролетов» являются не ошибкой, как всегда считалось начиная с издания Прокоповича и по этой причине не печаталось, а опiskой при сокращении слова «господин» — Г-н Пролетов (с. 778).

Помимо обширной текстологической работы впечатляет объем, научная беспристраст-

* *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2023. Т. 5. 1126 с.

ность и фундаментальность комментариев, которые занимают более 800 страниц. Особенность рецензируемого издания, на которой в свое время настаивал Ю. В. Манн, состоит в том, что рецензия произведений Гоголя дается не только прижизненная, как в других книгах подобного типа, а вся, вплоть до современности. Поэтому комментарии к тому являются итогом того, что накопила мировая наука к 2023 году. При этом комментарии не ангажированы приверженностью к какой-то партии в гоголеведении, а демонстрируют весь спектр возможных интерпретаций. Так, разбирая «Женитьбу», А. Л. Зорин и Н. Л. Виноградская вспоминают и религиозную трактовку пьесы, предложенную И. А. Виноградовым и В. А. Воропаевым (с. 550), и фрейдистскую трактовку Саймона Карлинского (с. 547).

К удачным местам в комментариях следует отнести также гипотезу о решающей роли Ф. В. Булгарина в провале первого представления «Женитьбы» (с. 529–530). Известно, что премьеры пьесы Гоголя 9 декабря 1842 года в Петербурге провалилась. Вечером после спектакля В. Г. Белинский писал В. П. Боткину: «Я сейчас из театра. „Женитьба“ пала и ошккана».¹ Исследователи, в том числе в старом «академическом» издании, объясняли такую неудачу неподготовленностью актеров и зрителей, воспитанных на водевильной традиции, к новаторству гоголевской пьесы. Не отменяя такого объяснения, комментаторы настоящего издания (В. А. Врубель, В. Н. Греков, при участии Е. Е. Дмитриевой) на основе анализа рецензий на пьесу Гоголя в петербургской печати убедительно показали, что «ошкывание», упомянутое Белинским, было прямо инспирировано Булгариным (с. 530).

Добавим к этому и окончательное разрешение комментаторами вопроса присутствия на премьеры Николая I (с. 530–531). М. Г. Карташевская передавала своей сестре В. С. Аксаковой в Москву столичные слухи: «Рассказывают, что Государь, который любит все произведения Гоголя, приехал на первое представление и взял с собою Ольгу Николаевну, но что тотчас же ее увез и что вся публика приняла пьесу с шумным выражением негодования».² При этом ни в одной рецензии нет упоминания о присутствии в театре императора, что вызвало сомнения.

Комментаторы на основе анализа камерфурьерского журнала, находящегося в РГИА, подтвердили, во-первых, факт присутствия императора, а во-вторых, то, что царь досмотрел пьесу до конца (с. 531). При этом в рецензируемом издании, правда с интонацией сомнения («по-видимому»), выдвинута гипотеза, что император остался пьесой недоволен (с. 531). Подобранный вывод сделан на основе упомянутого выше письма Карташевской, а также дневниковой записи А. О. Смирновой от 1845 года:

«Государь перебил разговор. Я ему напомнила о Гоголе, он был благосклонен. „У него есть много таланта драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие“».³ На наш взгляд, подобных свидетельств недостаточно, чтобы судить об отношении Николая I к «Женитьбе» (симпатично, что запись Смирновой сделана через три года после представления и в ней вообще не упоминается конкретное произведение Гоголя).

Интересны, хотя и небеспорны гипотезы Е. Г. Падериной о сотрудничестве Гоголя в «Современнике» и якобы невыполненной Пушкиным просьбе о порядке следования сочинений Гоголя в первом томе журнала (с. 744–747). В первой книжке «Современника» гоголевское «Утро делового человека» было помещено после его статьи «О движении журнальной литературы в 1834–1835 году». Еще с издания Н. С. Тихонравова все комментаторы единодушно указывали, что это прямо противоречило просьбе Гоголя, сформулированной в письме Пушкину 2 марта 1836 года: «Посылаю вам Утро чиновника. <...> Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе. Мы с вами пренебрегаем людьми и позабыли, что туда нужно включить многое из остающегося у меня хвоста. Я прошу сделать так, чтоб эта сцена шла вперед, а за ней уже о литературе».⁴

Тем не менее у Пушкина как редактора и издателя могло быть свое представление об архитектонике номера. Кроме того, Гоголь не был да и не мог быть знаком с содержанием редакционного портфеля. Поэтому, на наш взгляд, вызывает серьезные сомнения единодушно постулируемое ранее исследователями желание Гоголя, не обладавшего всей полнотой информации, повлиять на решение Пушкина, учитывая, как важна для Гоголя идея циклизации в его собственных сборниках (за год до этого были опубликованы «Арабески»).

Мы склонны согласиться с новым прочтением процитированной фразы из письма Гоголя в настоящем издании, что речь в письме касается исключительно «порядка типографского набора, при изменении которого оставалось бы только предоставить Крылову (цензору первого тома «Современника». — Е. С.) окончание статьи с внесенными изменениями для дополнительного просмотра» (с. 747).

Указанное письмо Гоголя важно еще и в отношении названия его пьесы. Н. С. Тихонравов в издании 1889 года хотя и напечатал пьесу с заглавием «Утро делового человека», но указал, что название изменила цензура. Н. И. Коробка в издании 1912–1914 годов также посчитал название «Утро делового человека» правкой цензора и напечатал пьесу уже с названием «Утро чиновника», вернувшись, по его мнению, к авторскому заголовку. В. В. Гиппиус в старом «академическом» издании при

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 125.

² Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 647.

³ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 11.

⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.; Л.], 1952. Т. 11. С. 36–37.

комментировании приведенного выше письма склонялся к такому же выводу («заглавие, измененное цензурой»⁵).

К сожалению, без рукописных источников текста достоверно установить различия между эпистолярным и журнальным вариантами названия не представляется возможным, между тем, как показано в рецензируемом издании, формулировка «деловой человек» вполне отвечает ироническому содержанию пьесы, в центре которой бездельник (с. 744). Добавим к этому и публикацию Гоголем пьесы с названием «Утро делового человека» в издании 1842 года. Поэтому мы полностью поддерживаем издателей в их предложении печатать пьесу из «Современника» с заглавием «Утро делового человека», а не «Утро чиновника», как делалось в некоторых более ранних изданиях.

Менее убедительной выглядит гипотеза Е. Г. Падериной со ссылкой на И. А. Зайцеву о связи дневниковой записи Пушкина о прототипе графини из «Пиковой дамы» Н. П. Голицыной с последующим написанием фамилии Гоголя с ошибкой: «Гогель по моему совету начал Историю Русской Критики».⁶ Как утверждается в комментариях, та самая Н. П. Голицына жила «в своем доме на углу Гороховой и Малой Морской, а Гоголь в 1834 г. жил наискосок через улицу — на Малой Морской в доме Лепена, и фамилия писателя в домовую книгу была записана с таким же искажением — Гогель» (с. 627). Ничего «примечательного» в «искажении фамилии» (с. 627) Гоголя, кажется, нет. Напомним, что «Гогелем» называли писателя в разное время М. П. Погодин, А. И. Тургенев, Ф. П. Толстой, А. Х. Бенкендорф да и сам Николай I. Кстати, жил последний тоже недалеко от Малой Морской улицы, однако вряд ли стоит видеть в этом скрытый смысл.

Также не совсем убедительным нам показалось желание И. Ю. Винницкого объяснить написание Гоголем драмы из английской истории «духом соперничества» (с. 1005) с истори-

ческими трагедиями Погодина и Н. В. Кукольника. Скорее речь должна идти об общей романтической установке на обращение к средневековой истории.

Бесспорно, такой масштабный проект не избежал недостатков, прежде всего многочисленных опечаток, некоторых неточностей и грамматических ошибок, которых не ждешь в подобном издании. На с. 791 указано, что сообщение о чтении произведений Гоголя М. С. Щепкиным было напечатано в «Московском телеграфе» в 1844 году, т. е. через десять лет после закрытия журнала Н. А. Полевого (в реальности это сообщение появилось в «Москвитянине»). На с. 789 названа гоголевская «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», при том что в заглавии произведения Гоголя сказуемое должно стоять в единственном числе (что, как известно, было принципиально для автора, потому что устанавливало источник ссоры). Довольно много в издании недопустимых корректорских оплошностей типа грамматических ошибок или отсутствия парных знаков (с. 590, 620, 747, 770, 870, 1055 и др.) и многочисленных отсылок к несуществующим в издании страницам — «см. 000 в настоящем издании» (с. 850, 851, 954, 1030). Однако это уже вопросы к корректорам издательства «Наука» (в книге ими значатся А. Ю. Обод, М. Н. Филатова).

В приложении к тому даны две пьесы, в переводе которых Гоголь принимал участие: «Сганарель» Ж.-Б. Мольера (текст подготовлен В. А. Врубель, Е. Е. Дмитриевой, комментарий Е. Е. Дмитриевой с использованием материалов В. А. Врубель и Л. Ю. Суrowsкой) и «Дядька в затруднительном положении» Дж. Жиро (текст подготовлен Е. Г. Падериной, комментарий в соавторстве с А. Л. Зориним). Совершенно правы комментаторы, утверждающие, что невозможно определить степень участия Гоголя в этих переводах, о которой мы знаем только по эпистолярному наследию современников (с. 1080). Однако их публикация объясняется установкой, заложенной Ю. В. Манном, на максимально полное собрание сочинений — подлинно академическое.

⁵ Там же. Т. 9. С. 366.

⁶ Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835. М.; Пг., 1923. С. 12.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-262-265

© Т. В. Мисникевич

«НЕДОСТОВЕРНЫЕ» МЕМУАРЫ КАК ВОСКРЕШЕНИЕ ДУХА ВРЕМЕНИ*

Серия «Россия в мемуарах», выпускаемая издательством «Новое литературное обозре-

* Бурнашев В. П. Воспоминания петербургского старожилы: В 2 т. / Сост., автор предисловия, комм. и аннотированного указ. имен А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 504 с.

ние», по праву относится к числу ведущих гуманитарных проектов, которые дают возможность современному читателю приобщаться к культуре прошлого и изучать жизнь и быт предшествующих поколений. Ее специфика и принципы отбора мемуарных текстов анонсированы следующим образом: «...это серия воспоминаний представителей разных социаль-

ных слоев, национальностей и профессий (дворян, крестьян, предпринимателей, политиков, интеллектуалов, сотрудников охранных отделений), живших в разные эпохи, которая призвана представить образ страны через повседневную жизнь». Книги, представляющие российский действительность от первой половины XIX века до 1980-х годов, адресованы широкому кругу читателей, интересующихся отечественным прошлым, а также ученым-гуманитариям, поскольку качество подготовки текстов, комментариев, приложений и указателей максимально приближено к академическому формату. Подобному уровню серия во многом обязана усилиям ее неизменного редактора А. И. Рейтבלата.

Среди изданий, вышедших в ее составе в 2022 году, — «Воспоминания петербургского старожилы». Их автор — Владимир Петрович Бурнашев (1810–1888), прозаик и публицист, популярный в 1870-е годы. Свою литературную деятельность он начал в 1828 году в «Отечественных записках», в 1830-е годы печатался в журналах «Гирлянда», «Сын отечества», «Детская библиотека», газетах «Le Furet», «Северный Меркурий», «Русский инвалид» и приложениях к ней, «Северная пчела», в 1846–1852 годах редактировал «Экономическую хозяйственную общепользную библиотеку», в 1850–1856 годах — «Труды Императорского Вольного экономического общества», в 1867–1870 годах — «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и Санкт-Петербургской городской полиции»; под псевдонимом Виктор Бурьянов выпускал книги для детей, публиковал пособия и статьи на сельскохозяйственные темы, руководства по ведению домашнего хозяйства, различным производствам (кожевенному, войлочному, роговому), составлял энциклопедии и словари. Литературную деятельность Бурнашев сочетал со служебной: в Департаменте внешней торговли Министерства финансов, в Военном министерстве, в Министерстве уделов, в Департаменте сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, в канцелярии Капитула российских императорских и царских орденов, в Комитете разбора и призрения нищих, в канцелярии III отделения.¹

В русской литературе он оставил след прежде всего как автор мемуаров, представляющих культурную, общественную и бытовую жизнь второй четверти XIX века и характеризующих известных государственных и военных деятелей (М. М. Сперанского, Е. Ф. Канкрин, А. П. Ермолова, Д. Г. Бибикова, И. Н. Скобелева), писателей, критиков и издателей (А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина, О. И. Сенковского), в том числе и авторов, ма-

лоизвестных на сегодняшний день, но сыгравших определенную роль в ту эпоху.

Первый том открывает статья составителя двухтомника «Анекдотист и летописец слухов»; ее интрига задается эпитафией — экспромтом Д. Д. Минаева, воспроизведенным в книге С. Ф. Либровича «На книжном посту» (1916). Либрович, в свою очередь, определил Бурнашева как «первенца русской литературной богемы», дал короткую, но точную характеристику личности и деятельности литератора: «В его анекдотах, хотя и не всегда вполне достоверных и полных сплетен, было однако много интересных черточек для характеристики разных лиц. <...> Добрейший, но недалекий и очень наивный, он играл в собраниях писателей незавидную роль шута, которого терпели, над остротами и анекдотами которого смеялись, но которого в то же время и остерегались, зная, что Бурнашев, уходя из собрания, тотчас же записывал каждое слово, иногда немилосердно переписывая сказанное и приписывая тому или другому писателю такое мнение или суждение, какого он никогда и не высказывал».²

Оговаривая в начале вступительной статьи, что в ней не ставится задача описать жизненный путь Бурнашева и дать общую характеристику его воспоминаний, Рейтблат тонко и убедительно доказывает, почему не вполне достоверные с точки зрения фактов и реалий мемуарные тексты «известного враля и лжеца», по определению П. А. Вяземского, представляют большую ценность и заслуживают научной публикации: публицист сумел «исторически достоверно воссоздать атмосферу времени и репутации описываемых лиц. Нередко Бурнашев достаточно точно повествует о том, что видел и слышал сам, но наиболее ценен он там, где добросовестно фиксирует слухи, сплетни и анекдоты, циркулировавшие в русском обществе второй четверти XIX в. Сам слух может быть недостоверным, но он также является историческим фактом, и для правильного понимания событий прошлого нужно знать не только событийную сторону, но и то, что думали и говорили об этом современники. В этом аспекте Бурнашев незаменим: его многочисленные мемуарные очерки — настоящая энциклопедия слухов и афоризматически запечатленных литературных репутаций» (с. 16–17).

Исследователь анализирует особенности повествования Бурнашева, опираясь, в частности, на отклики современников литератора. Как свидетельство успеха мемуаров в начале 1870-х годов он приводит отзывы из рецензий В. П. Буренина, В. Г. Авсеенко, А. М. Скабичевского, С. Т. Герцо-Виноградского, суть которых сводится к признанию занимательности воспоминаний, изобилующих множеством подробностей — важного материала для изучения литературных нравов эпохи. Далее Рейтблат

¹ Подробнее об этом см.: Лепехин М. П. Бурнашев Владимир Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г. С. 370–372.

² Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг.; М., 1916. С. 30.

останавливается на причинах, по которым тексты Бурнашева достаточно быстро стали объектом довольно жесткой критики. Ввиду наличия в них множества ошибок и неточностей, а также нарушения этических норм рецензенты буквально обрушились на Бурнашева. Как наиболее показательная в этой связи процитирована опубликованная в № 3 газеты «Гражданин» за 1873 год статья под говорящим названием «Современная хлестаковщина», автор которой призывал закрыть для Бурнашева доступ к печати.

Составитель издания делает акцент на том, что мемуарное наследие Бурнашева очень объемно, оно не ограничивается опубликованными работами. Исследователь провел кропотливую работу по изучению материалов личного фонда писателя в Рукописном отделе Пушкинского Дома, значительная часть которых до настоящего времени не введена в научный оборот. Прежде всего речь идет о мемуарных очерках второй половины 1880-х годов, подаренных или проданных Н. С. Лескову; часть этих очерков была написана по прямому заказу Лескова, опиравшегося на публикации Бурнашева в работе над «Левшой» и «Тупейным художником» и поддерживавшего нуждающегося литератора в последние годы его жизни.

Рейтблат останавливается на судьбе книги «Воспоминания петербургского старожила», подготовленной в 1873 году и проданной, согласно свидетельству самого Бурнашева в письме к Л. Н. Павлицеву, издателю М. О. Вольфу в октябре того же года (выход книги в нескольких томах должен был состояться в конце 1875 года, но после резкой критики текстов Бурнашева в печати Вольф отказался от данного проекта), а также на несущественной попытке публикации мемуарных очерков Бурнашева, предпринятой Ю. Г. Оксманом в 1930-е годы.

Важно, что в предисловии аргументированно скорректирована репутация Бурнашева «как автора недостоверных и местами лживых мемуаров» со ссылкой в том числе и на опыт работы ученых с его очерками, а также с опорой на собственный опыт комментирования текстов мемуаристов, реализованный в настоящем издании: «На мой взгляд, Бурнашев ничего не выдумывал с целью обмануть читателя. Он воспроизводил то, чему был свидетелем, пересказывал рассказы знакомых, а также слухи и анекдоты, которые бытовали в литературной среде. Однако его общение с литераторами было весьма фрагментарным, а деньги в первой половине 1870-х гг., когда в основном разворачивалась его мемуарная деятельность, ему были очень нужны, поэтому он растягивал и беллетризовал свои тексты <...> Память его порой подводит, а возможность проверять информацию в библиотеке у него была не всегда. <...> Бурнашев может неправильно привести имя и отчество известного лица, ошибиться в датировке события, но сами блоки, из которых он „складывает“ свою „конструкцию“, достоверны, то есть события имели место или, по крайней мере, о них шла речь» (с. 15–16).

В составе первого тома издания представлена статья Ю. Г. Оксмана «В. П. Бурнашев — газетчик и мемуарист середины XIX века», предназначенная для несостоявшегося издания книги в «Academia» и сохранившаяся в фонде ученого в РГАЛИ. В статье охарактеризовано развитие линии общественно-литературного поведения Бурнашева и специфика его мемуарного наследия.

Относительно отбора текстов самого Бурнашева составитель придерживается принципа избирательности по причине того, что мемуарное наследие литератора объемно и его полномасштабная публикация не соответствует формату серии. По мнению Рейтבלата, нецелесообразно было следовать и выбору Бурнашева при подготовке собрания его текстов для издания у М. О. Вольфа, поскольку он существенно изменил ранее опубликованные в периодике мемуары, ставшие именно в первоначальной версии литературным фактом, а также повторять состав сборника Ю. Г. Оксмана, планировавшего использовать только публикации в журналах, посвященные литераторам. Состав настоящего издания Рейтблат характеризует следующим образом: «...в сборник были включены те мемуарные очерки, которые являются, с моей точки зрения, наиболее интересными и информативными. Вначале помещены ключевые для мемуаристики Бурнашева очерки о литературных салонах, а далее они даны в хронологическом порядке описываемых событий» (с. 21).

«Воспоминания петербургского старожила» предваряет автобиографический очерк «Мой литературный формуляр и нечто вроде *acquisit de conscience*: кто такой в литературной петербургской братии Владимир Петрович Бурнашев», публикуемый по полному тексту из личного фонда Бурнашева в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Ранее он был напечатан в пятом номере «Исторического вестника» за 1888 год с преамбулой Н. С. Лескова, наиболее важные отрывки из которой воспроизведены составителем в комментариях.

Сами тексты воспоминаний печатаются по первой либо наиболее полной публикации, часть из них — по рукописным или авторизованным источникам. Мемуарные миниатюры, подаренные или проданные Бурнашевым Лескову, в том числе записка о Е. Ф. Канкрине, его анекдоты, которые он планировал включить в сборник, подготовленный для издателя Вольфа, план очерка «Четверги у Н. И. Греча» и его фрагмент, исключенный при публикации в журнале «Заря», развернутая «заявка» 1873 года на мемуарную книгу «Петербургские редакции и редакторы былого времени», составившие раздел «Приложение», печатаются исключительно по архивным материалам.

Особо хочется остановиться на разделе «Комментарии». По своему объему он составляет почти треть часть второго тома (157 страниц) и насыщен библиографическими, архивными, биографическими и мемуарными материалами. Примечания являют собой полноценный

исследовательский текст, параллельный авторскому. Они дают возможность «исправить» ошибки и неточности мемуариста; показать адекватную картину описываемых событий и составить верное представление о том или ином герое мемуаров.

Раздел дополняют краткая хроника жизни и творчества Бурнашева, библиографический список его публикаций, указатель периодических изданий, встречающихся в текстах воспоминаний, объемный (73 страницы) аннотированный указатель имен.

Удачно оформление обложки издания, в котором использованы передающие атмосферу старого Петербурга фрагменты гравюр Г. Качалова из книги «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изданный трудами Император-

ской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» (1753), Оррина Смита (1856), Андре Дюрана из альбома «Voyage pittoresque et archéologique en Russie» (1839), фрагменты иллюстрации неизвестного автора из книги «Императорская публичная библиотека за сто лет. 1893–1914» (СПб., 1914).

«Воспоминания петербургского старожила» дают нам возможность совершить уникальное путешествие по старому Петербургу: познакомиться с анекдотами и слухами, распространяемыми в русском обществе второй половины XIX века, побывать в гостях на балах и в литературных салонах, узнать о кулинарных пристрастиях и подробностях быта современников мемуариста. Они воскрешают тот неповторимый «дух мелочей», который делает давно ушедшее живым, ярким и доступным.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-265-266

© С. А. Дубровская, © О. Е. Осовский

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТЕРМИНАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ*

Последние десятилетия в России отмечены появлением немалого числа словарей и справочников литературоведческих терминов и понятий. Недавно появившийся «Тезаурус исторической нарратологии» привлекает особое внимание не только инновационным характером своей проблематики, но и выбором своего материала — русской литературы. Экспериментальный характер издания отмечен уже в его подзаголовке, а определение исторической нарратологии дано в аннотации: «новейшее ответвление „нарратологического поворота“ в гуманитарных науках» (с. 2).

Как указывает редактор тезауруса известный российский литературовед, один из основателей отечественной нарратологии профессор В. И. Тюпа, книга созвучна общеевропейскому тренду на создание справочных изданий по исторической нарратологии и перекликается с недавними работами известного немецкого нарратолога В. Шмида (с. 5).

Следует сразу сказать, что идея выстроить подобный словарь на материале российской словесности представляется крайне удачной. Не секрет, что в течение длительного времени нарратология в России воспринималась как закрытая научная субкультура, прежде всего работавшая с теоретическим, а не конкретно-историческим материалом и обсуждавшая проблемы, казавшиеся далекими, к примеру, «чистым» историкам литературы. Видимо,

именно это имеет в виду В. И. Тюпа, когда пишет: «Нарратология долгое время оставалась сугубо теоретической, до известной степени схоластической дисциплиной» (с. 4).

Само соединение нарратологии как науки, имеющей отчетливые западные корни, и русской словесности — достаточно сложный эксперимент, равно как и любая попытка проиллюстрировать теорию материалом одной литературы. Здесь возникают вполне понятные трудности, и в этом, возможно, самое уязвимое место предлагаемого издания: лишившаяся значительной части своего мирового контекста, отечественная словесность оказывается в невольной изоляции. Соответственно, иллюстрация тех или иных терминов примерами из русского сентиментализма или романтизма (абсолютно верных, точных и уместных) кому-то может показаться недостаточной, поскольку для реального русско-европейского диалога и взаимодействия в формировании тех или иных типов повествования, жанровых форм и т. п. места просто не остается. Так, на наш взгляд, размышления о «потоке сознания» у Л. Н. Толстого и Саши Соколова кажутся неполными без упоминания Дж. Джойса или М. Пруста. Но отметим сразу, что это не вина авторов, а следствие взятых на себя ограничений, что никоим образом не сказывается на общей значимости сделанного исследовательским коллективом.

Нет сомнений, что актуализация диахронического подхода в общих границах нарратологии значительно увеличивает ее возможности, а включение в арсенал этой науки этической составляющей, что для В. И. Тюпы

* Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): Экспериментальный словарь / Под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. 316 с.

принципиально значимо, позволяет говорить о новых горизонтах не только исторической нарратологии, но и нарратологии в целом.

Структура тезауруса непроста. Авторский коллектив (А. Е. Агратин, А. А. Еременко, Г. А. Жиличева, В. Б. Зусева-Озкан, Е. Ю. Козьмина, А. В. Корчинский, Я. Е. Красников, Е. Ю. Моисеева, Л. Е. Муравьева, В. И. Тюпа) отказался от алфавитного размещения статей, отдав предпочтение принципу словарных гнезд. Соответственно, 65 терминов представлены в 16 разделах. Поскольку их названия отсутствуют, логично предположить, что «заголовочной» выступает первая статья («Событийность», «Нарративность», «Диегетический мир», «Автор» и др.) и разделы открываются важнейшими для теории нарратива понятиями.

Несомненным достоинством рецензируемого издания видится то, что традиционная для нарратологии усложненность нарративных схем и образующих их (или сопряженных с ними) элементов проясняется благодаря обращению к примерам из русской литературы. Так, размышляя о процессе вербализации наррации, Г. А. Жиличева и В. И. Тюпа приводят многочисленные примеры из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, романов Ф. М. Достоевского, Андрея Белого, Вс. И. Иванова, диалогии И. Ильфа и Е. Петрова, рассказов И. Э. Бабеля и постмодернистской прозы 1970–2010-х годов (с. 129–133).

Обращает на себя внимание и заметное расширение терминологического поля, в частности, в активный нарратологический оборот вводятся самые разные понятия М. М. Бахтина — от «события рассказывания» и «романного разноречия» до «полифонии» и «хронотопа». При этом часть из них приобретает новые смысловые оттенки. Особенно это касается круга статей словаря, связанных с феноменом гетероглоссии. Трудно сказать, насколько оправдана замена собственно бахтинского «разноречия» на предложенный М. Холквистом и К. Эмерсон в американских изданиях текстов М. М. Бахтина эквивалент. Очевидно, здесь сыграла свою роль популярность термина «гетероглоссия» в современной западной теории.

Авторы «Тезауруса» не просто хорошо ориентируются в русской литературе и видят смысловые глубины тех или иных произведений,

они тонко чувствуют мельчайшие нюансы текста, что легко заметить по приводимым цитатам. «Ярким примером возрастания роли внутренних (внефабульных) мотивировок истории является роман М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“ (1838–1840). Наррация в „Фаталисте“, например, строится как чередование эпизодов „общения“ и „уединения“ <...>. Перед этим в „Княжне Мери“ на 48 эпизодов присутствия персонажей приходится 30 эпизодов, маркированных фразами „я остался один“, „я ушел один“ и т. п. Характерно, что данные сегменты истории тоже часто оканчиваются ситуацией встречи с кем-либо (в комнате, на дороге, на балу и т. д.). Данная конфигурация акцентирует амбивалентное притяжение-отталкивание Печорина с миром „других“, — отмечает Г. А. Жиличева в статье «Наррация» (с. 94–95).

Еще одним несомненным плюсом словарных статей является сам выбор примеров. Соблюдая историческую тактичность, авторы работают в самом широком временном диапазоне — от XVIII века до начала XXI. М. Д. Чулков, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин оказываются рядом с Б. Л. Пастернаком, М. М. Зощенко, В. В. Набоковым, В. Г. Сорокиным, В. О. Пелевиным, Т. Н. Толстой, Е. Г. Водолазкин и Д. Л. Быковым. Подобная широта добавляет достоверности и фундаментальности наблюдениям и выводам, компенсируя неизбежную лаконичность и даже конспективность отдельных фрагментов статей. Несмотря на это, объем статей заметно превышает традиционные словарные «нормативы», что дает возможность исследователям включать в свои тексты элементы полемики с научными оппонентами и расширяет контуры проблемного поля. В частности, такковы статьи Е. Ю. Козьминой о различных типах повествования и Е. Ю. Моисеевой о метанарративности и метафикциональности.

Выразим надежду на то, что создатели словаря продолжают свою важную и нужную работу и в обозримом будущем появится энциклопедия терминов и понятий исторической нарратологии.

Добавим, что немалым подспорьем для отечественных исследователей стала бы электронная версия «Тезауруса», особенно с учетом крайней ограниченности его тиража.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-267-270

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ОТДЕЛА ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА В 2022 ГОДУ

К числу научных традиций одного из старейших отделов Пушкинского Дома — Отдела по изучению русской литературы XVIII века — принадлежат открытые научные заседания, проходящие вот уже почти 70 лет ежемесячно (с 1970-х годов — в последний четверг месяца). На таких заседаниях докладчиками выступают как сотрудники Отдела, так и коллеги из других учреждений, отечественных и зарубежных. Обычно на заседании заслушивается один доклад (как исключение два), после чего он всесторонне обсуждается. В обсуждении принимают участие все присутствующие. В последние три года заседания транслируются, что открыло возможность постоянно участвовать в них иногородним и иностранным коллегам, превратив традиционные собрания в международный семинар. Среди постоянных слушателей за это время — исследователи XVIII века из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Болгарии, Италии, КНР, Польши, США, Украины, Франции, ФРГ, Японии.

В течение 2022 года Отдел по изучению русской литературы провел 9 открытых научных заседаний, на которых было прочитано 10 докладов.

1 февраля с докладом «Басни Р. Лэтрэнжа в стихотворных переложениях А. П. Сумарокова» выступила Е. Д. Кукушкина (Санкт-Петербург). Доклад явился сопутствующим результатом работы Е. Д. Кукушкиной над подготовкой притч Сумарокова для академического Полного собрания его сочинений, в котором они составляют основной раздел 7-го тома. В докладе были рассмотрены притчи Сумарокова, сюжетную основу которых составили басни, вошедшие в книгу английского литератора Рожера Лэтрэнжа (Roger L'Estrange, 1616–1704) «Fables, of Aesop and other eminent mythologists: with morals and reflections» (1692), известную в России в переводе С. С. Волчкова «Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Лэтрэнжа» (СПб., 1747). По наблюдениям докладчицы, обращение к книге Лэтрэнжа обогатило сюжетное разнообразие притчей Сумарокова, к некоторым басням из этой книги русский баснописец обращался дважды, по-разному раскрывая выразительные возможности сюжета. Как правило, Сумароков разрушал рамки заимствованного сю-

жета, меняя его смысл, а подчас дополняя рассказанную притчу сатирическими замечаниями.

В прениях докладчице были заданы вопросы о числе притчей Сумарокова, восходящих к книге Лэтрэнжа, о предполагаемом способе знакомства Сумарокова с книгой, так как английского языка он не знал, о критерии выделения тех притчей Сумарокова, что восходят к Лэтрэнжу, а также о немецком переводе книги Лэтрэнжа. Отвечая на вопросы, Е. Д. Кукушкина сообщила, что, по ее мнению, из 27 басен Лэтрэнжа, сюжеты которых частично совпадают с притчами Сумарокова, только 20 притч можно считать переложениями из Лэтрэнжа; что Сумароков использовал в работе русский перевод книги, сделанный Волчковым, что критерием определения источника притчи для нее служил сюжет, не встречающийся у других авторов, и что имя немецкого переводчика Лэтрэнжа неизвестно. В прениях профессор М. Шруба указал на капитальный труд Елены Имендерфер (Helen Imendörffer) «Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres» (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998), в котором приведены подсчеты немецкой исследовательницы притчей Сумарокова, восходящих к Лэтрэнжу, не совпадающие с подсчетом Е. Д. Кукушкиной. В целом докладу Е. Д. Кукушкиной была дана высокая оценка как основе для комментирования притчей Сумарокова.

24 февраля заседание Отдела было посвящено выступлениям студентов кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В своем докладе «Полтавская победа в русской панегирической литературе XVIII века» А. Е. Трофимов проследил прославление Полтавской битвы в панегириках XVIII века, начиная со слов Феофана Прокоповича, Стефана Яворского и Гавриила Бужинского. По его наблюдениям, со второй половины века внимание к Полтаве у поэтов ослабевает, свое место в одах и словах она уступает другим более актуальным военным событиям, при этом до конца века упоминания о Полтавской победе характерны для од М. Н. Муравьева, Г. Р. Державина и других одописцев. В обсуждении доклада

С. И. Николаевым было высказано пожелание докладчику расширить материал исследования за счет привлечения торжественных слов, школьных пьес, кантов, триумфальных ворот, медальерного искусства. Только тогда, по мысли С. И. Николаева, мы увидим все этапы создания исторической мифологии, связанной с Полтавской победой. Н. Ю. Алексеева отметила, что в работе А. Е. Трофимова дано описание упоминаний Полтавы без аналитического их исследования. По ее мнению, желательно было бы выбрать ракурс подхода к теме. Он может быть идеологический, и тогда необходимо учитывать пропаганду Полтавской победы, осуществлявшуюся государственной властью, а может быть и филологический, что было бы для нас более ценным. Однако, как развернуть собранные А. Е. Трофимовым данные в сторону филологии, вопрос, о котором молодому исследователю следует глубоко думать.

А. А. Петров в докладе «Особенности творческой истории ранних трагедий А. П. Сумарокова» рассмотрел основные принципы авторской правки трагедий «Хорев» (1747), «Синав и Трувор» (1749), «Семира» (1751) и «Димиза» (1758) при подготовке их к переизданию в 1768 году. Правка трех первых трагедий во многом была определена требованиями ритмики, рифмы, драматизма, стилистики, а также организацией сценического пространства. Вместе с тем решающая роль в правке играет, по мнению докладчика, проблематика трагедий. На примере «Хорева» А. А. Петровым было продемонстрировано, как меняется у Сумарокова концепция жанра трагедии: если в первом варианте трагедии герои были жертвами рока, то в новом — усиливается мотив их личной вины, а акцент на участии богов, напротив, снимается. Такая тенденция проявилась, в частности, в изменении монолога Кия в первом явлении пятого действия.

Доклад вызвал оживленную дискуссию. Среди вопросов, заданных А. А. Петрову, был вопрос о предпочтительности, по его мнению, вариантов трагедий в качестве основного текста для издания в Полном собрании сочинений. По мнению А. А. Петрова, следует полностью печатать оба варианта «Хорева», для других трагедий можно давать лишь различия. П. Р. Заборов задал вопрос о характере изменений языка Сумарокова, проявившихся в правке. А. А. Петров склоняется к тому, что скорее в правке отразилась эволюция сумароковских представлений об устройстве языка (например, ударность местоимений), чем общезыковые изменения, с их стремлением к очищению от устаревших слов и выражений. У Сумарокова иная тенденция: введение в текст славянизмов, что, очевидно, было призвано служить передаче «высоты» предмета. Доклад был высоко оценен, были высказаны пожелания о публикации его материалов.

31 марта на заседании Отдела был заслушан доклад К. Ю. Лаппо-Данилевского (Санкт-Петербург) «Андрей Тейльс — писатель, который все же существовал», в котором на основании

архивных разысканий была реконструирована биография Андрея Александровича Тейльса (1782–1822) и рассказано о его творчестве. Так, сентименталистская лирика и переводы с французского, напечатанные в журналах «Иппокрена» (1799), «Новости» (1799), «Новости русской литературы» (1803), «Северный вестник» (1805), «Лицей» (1806) и «Северный Меркурий» (1811), ранее ошибочно приписывавшиеся Антону Антоновичу Тейльсу (1733 — после 1798), дяде Андрея Александровича, в докладе аргументированно атрибутированы Андрею Тейльсу. По мнению докладчика, ему же принадлежат «Путешествие в Норвегию одного молодого человека в 1801 году» (напечатано в 1811 году с подписью «А. Тейльс» в «Северном Меркурии») и «Путешествие в Швецию» (опубликовано вслед за «Путешествием в Норвегию» в «Северном Меркурии»). Таким образом, жизнь и творчество Андрея Александровича Тейльса, до сих пор представлявшиеся смутно, получили наконец определенность.

Доклад вызвал живое обсуждение, среди вопросов к докладчику был вопрос об откликах на литературную работу Андрея Тейльса, на который К. Ю. Лаппо-Данилевский ответил, что всемерно старался их выявить, но пока, кроме «Идиллии на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Тейльса в 800-м году октября 29 дня», опубликованной в 1810 году за подписью «П — рь У — овь» (Петр Александрович Ушаков (?), 1783 — после 1804), другие отклики неизвестны. При единодушной высокой оценке доклада отмечались тщательность и целеустремленность многолетних разысканий К. Ю. Лаппо-Данилевского, увенчавшихся прекрасным результатом.

28 апреля был заслушан доклад Марии ди Сальво (Павия, Италия) «Российско-венецианские связи в Петровскую эпоху». Доклад был посвящен проблеме возникновения взаимного интереса в русско-венецианских отношениях петровского времени. Если для русских связи с Венецией были ценны обретением новых знаний и навыков, итальянцам в России открывался новый мир, а вместе с ним новые профессиональные возможности. Как пример такого взаимодействия в докладе были рассмотрены два эпизода. С. Альбергетти свой трактат о новом типе снарядов собирался показать Петру Великому во время планировавшегося визита русского царя в Венецию, когда же визит не состоялся, итальянец передал трактат в Москву вместе со своим пожеланием переехать туда, чтобы научить использовать снаряды в морских баталиях. Второй эпизод связан с пребыванием петровских «навигаторов» в Венеции и с переводом князем Г. Ф. (?) Долгоруковым трактата «Архитектура цывилна». Г. Делля Веккия, с которым он сотрудничал в этом деле, в последующие годы составил схожий трактат, оставшийся в рукописи, а после основания Санкт-Петербурга предложил проект для реализации дидактических садов в новой столице.

Доклад вызвал живой интерес, вопросы к докладчице касались главным образом трак-

тата об архитектуре, переведенного кн. Долгоруковым, меры его известности в России, влияния его на российские архитектурные проекты. Выступая с заключительным словом, С. И. Николаев указал на важность исследования, поскольку русско-итальянские связи до сих пор остаются в тени североевропейского влияния на новую русскую культуру.

26 мая на заседании Отдела с докладом «Вокруг книги Я. И. Басина „Национальные изображения промышленников“ (1799)» выступил Манфред Шруба (Италия, Милан). В докладе была дана биография Я. И. Басина и описано содержание его книги 1799 года «Национальные изображения промышленников», включающей в себя изображения петербургских разносчиков с подписями к ним. М. Шруба установил иностранный источник как иллюстраций, так и текстов в книге, это издание «Beschreibung der unter dem Titel: St. Petersburgische Hausierer herausgegebenen Kupfer, zur Erklärung der darauf abgebildeten Figuren» (St. Petersburg: Carl Lissner, 1794. Heft 1–3), которое осуществили немецкие художники Хр. Г. Шенберг (Ch. G. Schönberg) и Хр. Г. Г. Гейслер (Ch. G. H. Geissler) (в описании книги Басина в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» указан неверный источник). В докладе была охарактеризована жанровая принадлежность иллюстрированных изданий подобного рода — «выкрики», весьма распространенная в Западной Европе XVII и XVIII столетий разновидность «жанровых картин» с серийными изображениями торговцев вразнос. В заключение были кратко представлены 16 серийных изданий с русскими торговцами вразнос, созданные как в России, так и за границей с 1750-х годов вплоть до середины XIX века.

Доклад вызвал оживленное обсуждение. Задавались вопросы о значении слова «промышленник», которое, по мнению К. Ю. Лаппо-Данилевского, видимо, призвано было передать немецкое «Hausierer». На что М. Шруба исчерпывающего ответа дать не мог, хотя, конечно, думал над тем, что в XVIII веке слова «промышлять» и «промысел» более относились к мастерской, чем к заводской деятельности. С. И. Николаев в своем выступлении упомянул, что слово «промышленник» как человек, занимающийся каким-либо промыслом, вошло в русский язык как раз в 1790-е годы, как считается, с легкой руки Н. М. Карамзина. В прениях указывались разные параллели к картинкам из книги Басина, в том числе изображения разносчиков на изразцах и в виде фарфоровых статуэток. Весь этот материал М. Шрубе хорошо знаком, и, по его мнению, весь он восходит к книге Басина. Доклад был единодушно высоко оценен.

30 июня на заседании Отдела с докладом «Сочинения Дж. Бонеки: российские издания и рукописи (1744–1761)» выступил А. О. Дёмин (Санкт-Петербург). В докладе впервые был дан обзор творчества итальянского поэта, служившего в 1742–1752 годах придворным поэ-

том при Петербургском дворе. Дж. Бонеки (ок. 1715 — ок. 1795) известен прежде всего как автор либретто опер, рукописи части которых были обнаружены А. О. Дёминым в Отделе рукописей БАН. К ним относится рукопись «Серенады на Шведский мир 1743 года» («In occasione della pace conchiusa tra l'Imperio di Russia e la Corona di Svezia L'anno 1743»), а также подготовленный в 1748 году Бонеки неизвестный ранее сборник его стихотворений с посвящением саксонскому посланнику при русском дворе графу Людвигу Зигфриду фон Фицтуму. В то же время оригинал заметки Бонеки о Лиссабонском землетрясении, известной по ее русскому переводу в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1756, 2 сент.), обнаружить пока не удалось. Докладчик показал, что комедия «Соединение Любви и Брака» (1745) приписывалась Бонеки без достаточных на то оснований и ее следует исключить из списка его сочинений.

Среди вопросов к докладчику был вопрос М. Шрубы о версии, высказанной Стефано Гардзонио, что либретто «Селевка» является плагиатом либретто другого итальянского поэта. В своем ответе А. О. Дёмин опротестовал это утверждение, сославшись на исследование З. Ахметшиной «„Селевка“ Ф. Арай: опера и ее рукописи в библиотеке Петербургской Консерватории» (Opera musicologica. 2014. № 3 (21). С. 48–49), в котором проведено сравнение либретто оперы Апостола Дзено «Антиох», в плагиате которой упрекают Бонеки, с «Селевкой», показавшее слишком малое их сходство для подобного обвинения. На другой вопрос о якобы негативном отношении к Бонеки Ломоносова докладчик справедливо заметил, что это мнение, впервые гипотетически высказанное И. З. Серманом в статье «Ломоносов и придворные итальянские стихотворцы 1740-х годов», не имеет твердых оснований. Скорее всего, оба поэта были мало знакомы. Исследование А. О. Дёмина имеет высокую историко-литературную ценность. Деятельность Бонеки в Петербурге как придворного поэта вызывает острый интерес, поскольку нам ничего не известно о реальном статусе «придворного поэта» при русском дворе. Собранные А. О. Дёминым сведения о жизни и творениях Бонеки приближают к пониманию этого феномена.

29 сентября в докладе «К вопросу о месте погребения Ф. Г. Волкова» Л. М. Старикова (Москва) подробно и внимательно осветила две существующих до сих пор версии места погребения Ф. Г. Волкова. Согласно биографической статье Н. И. Новикова в его «Опыте словаря русских писателей», актер был похоронен в Андрониковом монастыре, который и до сих пор считается в литературе о Волкове местом его упокоения, хотя могила была утрачена уже к середине XIX века. По другой версии, он был похоронен на кладбище Благовещенской церкви в Петербурге, но эта версия еще в 1950-е годы была признана несостоятельной. Еще в начале 1980-х годов докладчица

обнаружила в РГИА (ЦГИАЛ) документ с подробным перечнем затрат на пышные похороны Волкова, составленный, по ее мнению, Г. Г. Волковым, братом Федора Григорьевича. На основании этого «Щета» можно с большой долей вероятности утверждать, что актер был погребен в Златоустовском монастыре, в котором и скончался, будучи помещен в находящуюся при нем больницу. В последние годы в единственно сохранившемся от прежнего монастыря здании расположился научный «Центр изучения истории и наследия Московского Златоустовского монастыря», с большим вниманием относящийся к версии о погребении в нем Волкова и продолживший вместе с Л. М. Стариковой дальнейшее исследование этого вопроса.

Доклад был принят с большим интересом. В прениях отмечалось стремление Л. М. Стариковой критически оценивать не подтвержденные фактами сведения и на основании архивных разысканий восстанавливать подлинную историю событий.

27 октября с докладом «Дети в притчах А. П. Сумарокова» выступила Е. Д. Кукушкина (Санкт-Петербург). В своем докладе она сосредоточилась на тех притчах Сумарокова, в которых речь идет о детях. В отдельных притчах дается изображение детей, говорится о их занятиях, играх, в некоторых — воспроизводится детская речь. Все это, по мнению докладчицы, отражает живой интерес поэта к детям, и его зарисовки — бесценное свидетельство о детских нравах и быте XVIII века, когда литература еще не уделяла им специального внимания.

Доклад вызвал острую дискуссию, сводшуюся к проблеме статуса ребенка в XVIII веке, возраста в этот период взросления, детства как социальной проблемы. Собравшиеся единодушно признали, что статус ребенка в эту эпоху существенно отличался от его статуса в позднейшие времена, что проблема детства имела и социальное измерение, и в разных слоях взросление наступало в разное время. В дискуссии были приведены примеры из мемуарной литературы о раннем взрослении людей XVIII века, а также ссылки на документы, связанные с ранним началом службы, военной и гражданской. Многие из собравшихся согласились, что притчи Сумарокова служат ценным источником сведений о детях середины XVIII века.

24 ноября на заседании Отдела доклад «Природа в творчестве А. П. Сумарокова» сделала Н. Д. Кочеткова (Санкт-Петербург). К особенностям подхода докладчицы следует отнести фронтальное рассмотрение изображения природы во всем известном нам творчестве писателя. Н. Д. Кочетковой были учтены практически все высказывания Сумарокова о природе в разных жанрах лирики (от песни до перело-

жения псалмов), в трагедиях и в прозаических сочинениях. Хотя большая их часть воспроизводит общие места русского фольклора (песни) и идеального европейского пейзажа, по мнению докладчицы, в отдельных высказываниях Сумарокова намечается его личное отношение к природе, ее переживание. И это впервые в русской литературе. Таким образом, Сумароков предвосхищает изображение природы в литературе сентиментализма.

Доклад вызвал живое обсуждение и много вопросов, среди которых был вопрос П. Р. Заборова о том, есть ли в пейзажах Сумарокова следы именно русской природы. В ответ Н. Д. Кочеткова сообщила, что, конечно, в настоящем, т. е. привычном нам смысле о русском начале в изображении Сумароковым природы говорить не приходится, но у него в эклогах среди цветов называется василек, а среди деревьев — береза. Между тем большинство собравшихся с видимой осторожностью отнеслись к идее непосредственного пейзажа у Сумарокова, приводя примеры его подчиненности общим формулам. Несмотря на скепсис слушателей, они признали доклад очень ценной заявкой в исследовании вопроса о рождении русского пейзажа в литературе.

29 декабря Н. Ю. Алексеева (Санкт-Петербург) в докладе «Кто был автором хоров, исполнявшихся в маскарade „Торжествующая Минерва“» поделилась своими наблюдениями над тем, что известные по публикации в брошюре «Торжествующая Минерва» «Хоры к Большому маскарade», воспроизведенные затем Н. И. Новиковым в «Полном собрании всех сочинений» А. П. Сумарокова, не совпадают с перечнем хоров, данным Ф. Г. Волковым в его «Описании маскарade», а также с хорами, названными в описании маскарade французским дипломатом Де Буляром. Последний сообщает и содержание исполнявшихся песен (хоров), в ряде случаев отличное от хоров Сумарокова. На этом основании можно предположить, что большая часть хоров Сумарокова в маскарade не исполнялись и были заменены песнями, сочиненными другими авторами. К их числу относится, по-видимому, в первую очередь сам Волков.

Гипотеза Н. Ю. Алексеевой была встречена со вниманием и сочувствием, докладчице задавались вопросы о судьбе «Другого хора ко „Превратному свету“», о причинах игнорирования хоров Сумарокова. В своем ответе Н. Ю. Алексеева высказала предположение, что хоры были написаны Сумароковым на ранней стадии работы над маскарadem и по ходу его постановки, видимо, устаревали, что и служило причиной (или поводом) отказа от них.

© Н. Ю. Алексеева

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-271-273

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПИСЬМЕННАЯ И ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

15 февраля 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялось торжественное заседание, посвященное 75-летию юбилею Глеба Валентиновича Маркелова. Ученик Н. С. Демковой, Г. В. Маркелов пришел работать в ИРЛИ еще в пору своего студенчества, а в настоящее время является старшим научным сотрудником Древлехранилища им. В. И. Малышева. Неутомимый археограф, знаток древнерусской книжности и иконографии — таковым известен юбиляр в среде коллег и ценителей рукописного наследия России XVII–XX веков. Подобное соединение пристрастий Маркелова к красоте и книжного слова, и иконного образа обусловило широкий репертуар прозвучавших на заседании докладов.

Первая его часть была посвящена новым находкам и интерпретациям письменных и иконографических источников древнерусской традиции.

Открыл заседание А. Г. Бобров (Санкт-Петербург) с сообщением «Новое прочтение монограммы Ефросина Белозерского». В центре внимания докладчика оказался известный сборник РНБ, Кирил.-Бел., № 11/1088, часть которого написана кирилловским книжником Ефросином. На л. 127 помещена миниатюра, изображающая кентавра-Китовраса — своего рода личная эмблема Ефросина. Под ногами кентавра находится монограмма, традиционно читавшаяся как вписанное в «омегу» имя «Ефросинъ». Согласно недавней гипотезе С. А. Шарова-Делоне, в той же монограмме читается еще одно имя — «Иоаннь» (таково, еще ранее полагал Бобров, было мирское имя Ефросина). Новейшим же стоит признать третий вариант прочтения, который предложил Г. В. Маркелов: помимо названных — Ефросина и Иоанна — монограмма содержит и третье имя — «Ефремъ». Дело в том, что в этой же рукописи помещена миниатюра с изображением Александра Македонского, подписанная именем Ефрема (по И. Д. Соловьевой, Ефрема Требеса). Таким образом, парная ей миниатюра с Китоврасом также стала подписной, поскольку в монограмме, по мнению Боброва, оказалось сокрыто имя не только владельца рукописи, Иоанна-Ефросина, но и выполнившего обе миниатюры и саму монограмму художника Ефрема.

Доклад М. А. Бабкина (Москва) «Титулование архиереев и лиц царского дома по материалам служебников начала XVII — начала XXI в.» также затронул близкую юбиляру тематику источниковедческих исследований. По замечанию автора доклада, в 400-летней традиции печатных служебников, как в зеркале, отразилась идея противостояния священства царской

власти. Тексты служебников претерпевали немало изменений, однако титулования в них архиереев и лиц царского дома постоянно менялись. С одной стороны, архиерейские титулования со временем только расширялись (так, начиная с Никона, на богослужениях поминался не один патриарх, как то было ранее, но и епархиальные владыки), усложнялись и учащались. С другой стороны, поминания царской семьи столь же неуклонно сокращались — в случае как с титулатурой, так и с кругом поминаемых лиц. Реанимация в начале XX века давней проблемы «священство—царство» и активная роль Синода в низложении российской монархии привели к тому, что в марте 1917 года поминания лиц царского дома были исключены из богослужебной практики. В дальнейшем, при патриархе Тихоне, процесс усложнения титула главы Русской церкви продолжился. Эта тенденция пережила XX век и все еще наблюдается в наши дни.

На анализе древнерусской иконографии в докладе «Возраст преподобного как признак святости (по книжной миниатюре конца XVI — начала XVIII вв.)» сосредоточилась ученица Г. В. Маркелова Н. Э. Юферева (Санкт-Петербург). Материалом ее разысканий стали лицевые списки житий русских святых: Антония Сийского, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких. Миниатюры этих рукописей свидетельствуют о том, что их создатели стремились передать внешние признаки возраста святого в соответствии не столько с естественным течением времени, сколько с его духовным возрастанием в святость. Так, например, прп. Антоний показан юношей в момент своего прихода в монастырь и старцем — при рукоположении в священника, хотя из текста Жития следует, что между двумя этими событиями прошел только один год. Схожий прием использован и в Житии прп. Сергия, каждый этап визуального «взросления» которого (от юноши через «средовека» до седого старца) привязан не к его биологическому (известному по тексту Жития), но — к духовному возрасту. По той же схеме происходит обретение святости, а вместе с ней и старческой бороды в Житии прп. Зосимы: святой окончательно принимает облик «средовека» только после своего ухода в Поморье, а двухдневный путь до Соловков «превращает» его в старца. Таким образом, на миниатюрах преподобнических житий возраст является признаком святости, а сам процесс перехода от биологически обусловленного облика святого (в детстве и отрочестве) к его обобщенному иконописному образу (в старчестве) может быть назван иконоизацией — как некогда назвал схожее явление

(правда, в ином, хронологическом, преломлении) Маркелов.

Продолжил иконографическую тематику доклад А. Б. Беловой (Санкт-Петербург) «Пишущий человек в древнерусской книжной миниатюре». Изображение писца было одним из частых сюжетов русской книжной иллюстрации XI–XVIII веков. Миниатюры с пишущим человеком можно встретить в Евангелиях и Псалтырях, лицевых житиях и летописях, святоотеческой литературе и синодиках, азбуковниках и певческих рукописях. На выходных миниатюрах обычно показаны переписчики, копирующие книги: евангелисты и апостолы, царь Давид и Отцы Церкви и др. В лицевых житиях и летописях могут изображаться как упомянутые в тексте, так и подразумеваемые сюжетом лица (например, писцы псалмов и анонимные писцы, рассеянные по томам Лицевого летописного свода). На протяжении всего времени существования древнерусской книжной миниатюры поза и ракурс изображения пишущих менялись мало — наиболее сильные изменения коснулись инструментов письма. Так, если в XI–XIV веках наблюдается богатый набор предметов на столе писца (в том числе для работы с пергаменом), то в XV веке стол оказывается почти пустым, а в XVI–XVII веках он вновь наполняется новыми инструментами. Это отражает переход от пергамена к бумаге. Постепенно меняется и частота изображений отдельных предметов: свечи массово появляются на миниатюрах лишь в XVII веке, а на иллюстрациях XV века отсутствуют перницы-рога. Лицевые рукописи позволяют судить о позах пишущих, но крайне ненадежны при решении вопроса о способах удержания пера. Миниатюры бывали точны в изображении современных им деталей (например, формы чернильниц), однако некоторые инструменты (например, каракса) не изображались вовсе. Важно, что иконография пишущего менялась во времени — вместе с трансформацией практики письма и набора письменных принадлежностей.

Тематика второй части заседания относилась к истории и современной жизни Древлехранилища Пушкинского Дома, трудам на благо которого Г. В. Маркелов отдал много сил и лет своей жизни.

Первым прозвучал доклад М. В. Кужлева (Санкт-Петербург) «Великановский сборник Древлехранилища и его антиграф» — о рукописи, не так давно ставшей предметом монографического исследования Г. В. Маркелова «Искры Аввакумова костра. Протопоп Аввакум и духовное наследие Древней Руси в творчестве А. А. Великанова» (СПб., 2020). Сборник содержит лицевой список Жития протопопа Аввакума и ряд других его сочинений с прибавлением текстов анонимных книжников-старообрядцев. Автором сборника был ярославский иконописец Великанов, а сама рукопись датируется началом XX века. Согласно Н. С. Демковой, список Жития в кодексе Великанова принадлежит к особому виду редакции

Б, представленному четырьмя списками, три из которых имеют ярославское происхождение. Вместе ярославские списки составляют отдельную разновидность особого вида. Эти списки дефектны, но сохранили ряд архетипных чтений, утраченных в основном виде редакции Б. Демкова полагала, что все три ярославских списка имеют общий протограф. Один из списков, Ярославского музея-заповедника (далее — ЯМЗ) № 965 (15106), восходит к нему непосредственно, тогда как другой, ЯМЗ № 121 (15367), и Великановский список — через общий для них источник. Такая схема взаимного отношения может быть скорректирована. Выявленная зависимость заглавий и маргиналий сборников ЯМЗ 121 и Великанова и вместе с тем общность их состава и некоторых ошибок говорят о том, что второй списан с первого. Рукопись ЯМЗ 121, послужившая антиграфом для списка Великанова, имеет большое число буквиц, заставок, вязы. Можно допустить, что именно богатство декора ЯМЗ 121 побудило Великанова скопировать его текст и сопроводить его собственным оригинальным декором.

Е. Д. Конусова (Санкт-Петербург) в докладе «„Шлю привет и поздравления Вашему юному сотруднику Глебу...“: письма Г. П. Гунькина В. И. Малышеву» коснулась истории Древлехранилища. Гунькин (известный также под псевдонимом Г. Гунн), писатель и знаток древностей, архитектуры и природы Русского Севера, на протяжении семи лет был корреспондентом основателя Древлехранилища Малышева. За время знакомства между Гунькиным и Малышевым состоялись три личные встречи, большая часть их общения носила эпистолярный характер. Сохранилось 35 писем Гунькина к Малышеву за период с 1969 по 1976 год. Инициатором знакомства стал Малышев, оставивший благожелательный отзыв на очерк Гунькина «Сказание о Пустозерске...». Впоследствии Гунькин не раз обращался к Малышеву в связи с созданием и публикацией своих произведений. Так, в переписке отразились коллизии, сопровождавшие издание книги «Очарованная Русь», а также просьбы о консультациях и содействии, которые требовались Гунькину при подготовке двух его книг о Печоре. После знакомства с Малышевым поездки Гунькина по Русскому Северу приобрели новый, археографический, оборот. В 1972 году Гунькин сообщил Малышеву о результатах экспедиции на Северную Двину и неудачных поисках библиотеки крестьянина Н. И. Заборского. Позднее, во второй половине 1970-х годов, благодаря Гунькину дневник Заборского пополнил Северодвинское собрание Древлехранилища. Контакты Гунькина с Древлехранилищем продолжились и после смерти в 1976 году Малышева. Сохранившаяся же переписка двух почитателей Русского Севера является ценным источником биографического и культурного характера.

Доклад А. Б. Бильдюг (Санкт-Петербург) и А. И. Васкул (Санкт-Петербург) «„От одного

грамотея к другому“: истории из жизни рукописей Древлехранилища» был посвящен различным аспектам археографической работы сотрудников Института. Во главе угла такой работы стоит тезис В. И. Малышева о необходимости фиксации как судеб хранителей рукописных книг, так и фактов перехода рукописей из одних рук в другие. С опорой на наставления, полученные некогда от старших коллег, и памятуя об опыте собственных поездок, докладчицы обратились к отчетам экспедиций 1970–1980-х годов, особенно тех, в которых принимал участие Г. В. Маркелов. Их география включала Печору, Онежский полуостров (с посещением опустевшего Амбургского скита), ряд районов Архангельской области и Карельской АССР. Поездка Маркелова в Латвию в 1972 году (книжные богатства которой были разведаны ранее Малышевым и Ф. А. Каликиным) положила начало целой серии его экспедиций в этот регион и в конечном счете привела к появлению Латгальского собрания Древлехранилища. Часть этих поездок Маркелов совершал вместе с другими видными археографами: А. Х. Горфункелем, В. К. Зиборовым, Г. М. Прохоровым и др. Методика и ход полевых экспедиций в отчетах описаны весьма кратко. И все же отчеты позволили сделать некоторые, зачастую шуточные — в духе юбилейного торжества — наблюдения относительно способов получения рукописей от старообрядцев (будь то заготовка дров или обмен книг на

колодезную воду), а также перевозки рукописных книг в Древлехранилище (где-то пешком, где-то при помощи гужевой либо же более современного транспорта). Такие истории, местами не вполне серьезные, но не лишённые при этом подлинного археографического опыта, прекрасно иллюстрируют тот процесс естественной жизни рукописей, на который призвал обратить внимание Малышев, а именно — переход рукописных книг от одного собирателя, или «грамотея», к другому.

Итог заседанию подвел Е. Г. Водолазкин (Санкт-Петербург). Его выступление «Новое о „готских девах“» было облечено в стихотворную форму и адресовано юбиляру.

Официальную часть мероприятия венчала музыкальная композиция — две пьесы для фортепиано («Древнерусские рукописи» и «Посвящение Г. В. Маркелову»), сочиненные и исполненные Г. Юферевым, а также презентация нового издания, подготовленного усилиями Г. В. Маркелова и Ф. В. Панченко, «Художественное убранство поморских рукописных книг XVIII–XIX вв. По материалам Пушкинского Дома. Исследование, каталог, альбом» (СПб., 2022).

Видеозапись докладов (в двух частях) доступна на официальном YouTube-канале Пушкинского Дома.

© А. Б. Белова

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-273-274

ШЕСТОЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

20 февраля 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась шестой научный семинар «Русская литература в советскую эпоху». Приветствуя коллег и гостей заседания, Н. А. Прозорова напомнила, что семинар проходит в рамках работы Центра по изучению литературного наследия советской эпохи.

Открыл семинар доклад Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Образ Н. Гумилева и гумилевский интертекст в романе М. А. Зенкевича „Мужичкий сфинкс“», посвященный вопросам рецепции и преломления посмертного образа Гумилева и его творчества в сознании современников. Роман Зенкевича «Мужичкий сфинкс» (работа над ним была начата два месяца спустя после расстрела автора «Огненного столпа») в ряду откликов на смерть Гумилева занимает особое место. Поэт становится персонажем, участвующим в развитии фантастического сюжета произведения Зенкевича,

одним из центров которого является художественный миф о Петрограде-Петрополе, в котором происходит встреча живого рассказчика и «ожившего покойника». Гумилев присутствует в «Мужичком сфинксе» в виде системы интертекстуальных отсылок к его знаменитому стихотворению «Заблудившийся трамвай». Особенно востребованными для Зенкевича оказались образы гильотины, плахи, палача и отрубленной головы, получившие катастрофическую коннотацию уже в стихотворении Гумилева. Будучи «процитированными» в романе, они семантически участвуют в формировании образа всеограшающей эпохи — революции, погубившей жизнь поэта.

Доклад М. С. Инге-Вечтомовой (Санкт-Петербург) и Н. А. Прозоровой (Санкт-Петербург) «Неизвестные страницы биографии А. А. Фадеева и Е. А. Вечтомовой» был подготовлен на базе материалов семейного архива Инге-Вечтомовых. Дневниковые записи писательницы

Е. А. Вечтомовой и ее переписка с А. А. Фадеевым позволили дополнить биографию последнего во время пребывания в блокадном Ленинграде в 1942–1943 годах и выстроить хронику встреч писателя с Вечтомовой в 1950–1951 годах в Ленинграде, Москве и Барвихе. Новые источники свидетельствуют о «скрещении судеб» двух писателей, проясняют характер их отношений, говорят о ситуации крайней несвободы в личном пространстве Фадеева и фиксируют факт перлюстрации их переписки. Ключевая фраза прощального письма Фадеева («решительно ничего в жизни уже нельзя изменить») передает его фатальную мироощущение и коррелирует с предсмертной запиской, написанной накануне трагического конца в Перedelкинe в мае 1956 года.

В докладе Т. Г. Ивановой (Санкт-Петербург) «Псевдофольклор советской эпохи: плач о Сталине Т. Орешкиной» была проанализирована «индустрия» создания устно-поэтических произведений, воспевавших советских вождей и героев. Процесс их сочинений был следующим: собиратель фольклора подсказывал народному исполнителю тему, а сказитель, опираясь на поэтические приемы устной традиции, создавал текст (сказку о Чапаеве, былинку о Ленине и др.). Типичный пример такого произведения — выявленный в архиве Рукописного отдела ИРЛИ плач о Сталине, записанный на реке Мезень от Т. А. Орешкиной. Докладчица показала искусственную природу плачсказа, указала на газетные штампы в тексте, замену лексемы «русский» на «советский», разработку темы Великой Отечественной войны, противоречащую фольклорной традиции, и т. д. В заключение Иванова отметила, что плач о Сталине отражает одну из страниц развития отечественной фольклористики и одновременно является яркой иллюстрацией пропаганды эпохи сталинского режима.

В фокусе внимания Е. В. Виноградовой (Санкт-Петербург), выступившей с докладом «Т. Г. Гнедич в Одессе: биографическая реконструкция (по архивным материалам)», оказались документы об одесском периоде жизни поэта-переводчицы с 1915 по 1926 год. Среди них — своеобразный «лирический мемуарный дневник» (Одесский дневник), включающий как непосредственные впечатления от поездки Гнедич в город детства в 1966 году, так и фрагменты воспоминаний о юности в пореволюционной Одессе. Путевой дневник не столько повествует о путешествии поэтессы в пространстве, сколько погружает читателя в ее прошлое, в то время, когда судьба, по словам Гнедич, «была беременна страшным». Согласно дневнику, у автора было «3 Одессы», «три этапа» (1915–1919, 1919–1920, 1921–1925) и «три разных миропонимания» происходивших событий и политической ситуации. Благодаря новым архивным материалам Виноградова описала окружение и быт семьи Гнедич в переломное для страны время и установила ад-

реса проживания. Сообщение сопровождалось видеорядом фотографий из архива Гнедич.

Н. А. Прозорова (Санкт-Петербург) в докладе «Ольга Берггольц в литературном поле 1930-х — нач. 1940-х гг.: проблема статуса» показала, что в литературном поле 1930-х годов О. Ф. Берггольц находилась в ситуации отторжения (подвергалась репрессиям «по делу Авербаха», была в тюремной изоляции по сфабрикованному обвинению), писательского успеха не имела, но вызывала неподдельный интерес со стороны братьев-писателей. С началом войны габитуз Берггольц определил ее статусное место в конкурентном поле. Авторская стратегия (ориентация на «помощь людям») совпала с задачами военного времени. Поэтесса последовательно демонстрировала в своем творчестве простоту языка и стиля (в ее эстетике великое — означало простое), что соответствовало читательским ожиданиям блокадных жителей. Тема страданий людей, оказавшихся в изоляции и тюрьме, была в фокусе внимания Берггольц с конца 1930-х годов и получила свое эстетическое разрешение в блокадном пространстве. Автор изначально манифестировала ленинградскую тему в личной интонации («живой голос писателя») и в отличной от других субъектов поля стилистике («почти не стихи»). Эти факторы способствовали занятию ею сильной позиции в литературном поле начала 1940-х годов; при этом институции власти не участвовали в легитимации статуса Берггольц.

В докладе «К истории отношений писателей-природоведов: Д. П. Зуев и М. М. Пришвин» О. Д. Трушин (Москва) остановился на судьбе писателя-натуралиста Дмитрия Павловича Зуева (1889–1967), в настоящее время обойденного вниманием литературоведов. Его имя было хорошо известно в среде натуралистов-прозаиков: он был автором популярных книг («Дары русского леса», 1956; «Времена года», 1961), слыл мастером жанра фенологической заметки, отличался демонстративным поведением в быту (членом ССП не был) и играл роль, по словам Пришвина, «охотничьего шута в Советском Союзе». Опираясь на неопубликованные эпистолярные материалы, докладчик рассмотрел иерархию отношений двух писателей — заядлых охотников, рассказал о покровительстве Пришвина Зуеву и о размолвке, случившейся между ними в 1938 году (отчасти по причине простодушия — «обнаженной искренности» — Зуева), а также о возобновлении их общения с 1945 года. В ходе доклада Трушин показал слушателям редкие фотографии Зуева.

В обсуждении докладов принимали участие Л. В. Герашко, Т. Г. Иванова, Т. В. Игошева, А. В. Сысоева, Т. С. Царькова, А. А. Шелаева и другие участники заседания, проявившие интерес к исследуемому вопросу.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-275-278

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЕК КАК СЮЖЕТ»

Конференция, прошедшая в Твери 13–15 апреля 2023 года, стала продолжением исследовательской работы 2012–2022 годов в рамках серии тематических мероприятий, где рассматривались категории исторического времени, временной протяженности, биологического времени. Изучение сюжетных репрезентаций временных категорий продолжается, и организаторы (ИРЛИ РАН, кафедра истории и теории литературы Тверского государственного университета, кафедра теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета) сделали главной темой соотношение времени социума и времени личности. Сегментация социального времени достаточно сложна и основана на представлениях значительных групп людей: поколения, века, эпохи сменяют друг друга, и осмысление их границ драматизируется и становится базой для сюжетного строения. После категории «поколение» исследователи обратились к неоднозначной и проблемной категории «век». Заглавное понятие соотносится с определенными поколенческими конфликтами («век нынешний и век минувший»), культурными ситуациями («век джоза») или масштабными историческими построениями («железный век»); речь может идти о «веках» реальных и метафорических, о временной последовательности или, наоборот, нарушениях линейных структур.

Магистральные направления работы конференции были намечены на пленарном заседании, которое открылось докладом С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) «Ужасный век, ужасные сердца». В обзоре русской поэзии выступавший показал, как эволюционировала репрезентация четырех основных значений слова «век». Лирика XVII–XVIII веков дает больше примеров гармонии человека и времени — и существования человека во времени, а концепция «ужасного века и ужасных сердец» наиболее активно разрабатывается авторами XIX века. В XX столетии «век» проявляет агрессию к человеку. К примерам, приведенным Денисенко (от Симеона Полоцкого до Иосифа Бродского), обращались и другие исследователи — дискуссионный характер мероприятия был заметен сразу, и почти все выступления вызвали полемику.

Следующие доклады пленарного заседания выстраивались в историко-литературной последовательности. О. А. Кузнецова (Москва) рассматривала «зверный лик века» в аллегориях русского Средневековья. Язык аллегорий того времени включает несколько смежных понятий, относящихся к осознанию своей эпохи. С XVI века и вплоть до старообрядческих притч-картинок XIX–XX веков эти аллегории получали визуальное воплощение — но

не столько пространственное или временное, сколько зооморфное.

Доклад А. А. Малышева (Санкт-Петербург) был посвящен восприятию и характеристике XVIII века россиянами — современниками столетия. Квинтэссенцией подобной саморефлексии стало хрестоматийное стихотворение А. Н. Радищева «Осьмнадцатое столетие». Цитата «Столетие безумно и мудро» была вынесена в название выступления. А материалом для анализа стал цитатный фонд карточек «Словаря русского языка XVIII века» на слова «век», «столетие», «секул(ум)». Круг характеристик оказался весьма обширен и разнообразен, и представление о «гармоничности» века подверглось существенной корректировке.

В дискуссию включилась С. А. Васильева (Тверь), которая рассматривала «Век Екатерины славный» в романах Вс. С. Соловьева. Героическое, торжественное, даже восторженное изображение века связано не столько с опытом современников, сколько с историографической традицией последующих эпох, популярным выражением которой стали романы Соловьева, в особенности пятикнижие «Хроника четырех поколений».

Материалом для выступления И. В. Мотенойте (Псков) «Что прятается в тени века» послужил частный эпизод творчества С. Н. Дурьлина: полемика писателя с фразой «Избегайте тени века сего». Слова о невозможности выйти из этой тени появляются в книге «В своем углу». Предлагая антропологическое измерение библейской фразы, Дурьлин выражает сострадание ко всему земному и человеческому.

Е. А. Новоселова (Екатеринбург), рассматривая позднее творчество Ю. М. Нагибина, обратилась к авторской рефлексии об исторических потрясениях XX века. Столетие не могло не повлиять на стратегию творческого поведения писателя, которое в критике и литературоведении принято обозначать через понятия *двоенья / раздвоенности / двойного стандарта* и др.

Тему «двойного» существования художника в XX веке продолжил С. Ф. Меркушов (Москва). В докладе «Сквозь „хищные вещи века“: онтология и метафизика эпохи 1960-х годов в интермедиальной перспективе» он представил обзор эпохи с использованием вербально-визуального материала: «Хищные вещи века» бр. Стругацких, отдельные тексты американского «бит-поколения» (У. С. Берроуз, А. Гинзберг), психоделического и фантастического движения (К. Кастанеда, Ф. Дик) и др.

Завершилось пленарное заседание выступлением А. Ю. Сорочана (Тверь) «Век жанра: антологии серии „Century“ и проблема формирования беллетристического канона 1930-х годов»,

в котором репрезентация временных категорий соотносилась с исторической поэтикой жанра. В докладе шла речь о массовых антологиях условной английской межиздательской серии «Век», в которых были собраны канонические жанровые рассказы. Сюжеты морских, детективных, страшных, странных и т. д. историй, собранных Р. Сабатини, Д. Уитли, П. Г. Вудхаузом и другими авторами, встраиваются в целостную систему; антологии запечатлели разные представления о «веке сюжетов», и многие из них были развиты на секционных заседаниях.

Выступления в секции «Век нынешний и век минувший» были посвящены конфликтам веков или поколений, проблемам непросто смены старого новым. В сообщении А. О. Дроздовой (Тверь) «„Дивный век“ в поэме Ф. Н. Глинки „Видение Макария Великого“» рассматривались образ и характерные особенности «дивного века», под которым подразумевается настоящее и будущее всего человечества. На примере агиографического сюжета, дополненного авторской фантазией, докладчица показала устройство мира в социальном, экономическом, политическом, культурном и, что более значимо для самого поэта, нравственном плане.

В выступлении Е. Г. Подгорной (Тверь) «Борьба старого и нового веков в исторических романах И. И. Лажечникова» анализировались образы правителей в «Последнем Новике» и «Ледяном доме».

В докладе А. А. Рыбаковой (Тверь) «„Один век нередко посмеивается над другим“: взгляд из настоящего в прошлое в произведениях Н. С. Лескова» сравнивались XVIII и XIX века в оценке писателя. Он обращался к истории XVIII века, его бытовым особенностям, забытым проблемам, чтобы указать на слабости настоящего и развеять распространенное мнение о том, что прежде все было лучше.

А. М. Войников (Тверь) в сообщении «Социальный портрет „нашего века“ в публицистике К. П. Победоносцева» рассмотрел характерные и наиболее яркие черты развития России на рубеже XIX–XX веков, ставшие объектом внимательного социально-философского и духовного анализа в публицистике Победоносцева, подчеркнув актуальность для настоящего времени сделанных в ней обобщений и прогнозов.

Исследование А. В. Архангельской и М. Г. Елфимовой (Москва) «Век нынешний и век минувший в историческом проекте Бориса Акунина „История Российского государства“» было посвящено наиболее дискуссионному и масштабному проекту Г. Чхартишвили. Диахронический аспект произведения проявляется не только в последовательной смене веков, но и в намеренном смешивании временных пластов как в исторической, так и в беллетристической части. На первый план выдвинулась авторская сверхзадача: попытка выстроить ряд параллелей между прошлыми эпохами и современностью.

А. А. Липинская (Санкт-Петербург) в докладе «Века темные и не очень: историческое прошлое в антикварной готике» на примере новелл М. Р. Джеймса и А. Грея показала специфику подхода к исторической теме в британской готической новелле. Для авторов важна не столько конкретная эпоха, сколько сама отнесенность неких событий и артефактов к прошлому (и недавнему, и весьма отдаленному), ведь магистральный сюжет готики — вторжение прошлого в настоящее, нарушение «нормального» хода времени.

В сообщении О. К. Борисовой (Тверь) «Средние века в творчестве группы „Король и Шут“» рассматривались средневековые сюжеты в песнях коллектива, которые тесно переплетаются со сказочными и мифическими историями.

Выступление Д. Л. Карпова (Ярославль) «„Железный век русской поэзии“ (на материале современной эстрадной поэзии)» было посвящено образу XXI века в песнях современных исполнителей. Исследователь пришел к выводу, что их поэтические тексты строятся не по законам поэтики лирического произведения, а по законам сторителлинга. Карпов сделал попытку описать основные мотивы мифа о новой эпохе и сравнить с представлением о предыдущих эпохах.

В докладе А. Д. Белогорцева (Москва) «Автофикшн как репрезентация века в литературе» XXI век рассматривается как литературная платформа для возникновения жанра автофикшн, отражающего современные реалии. На зарождение жанра повлияли такие факторы, как усталость читателя от успешных персонажей; разрушение современной системы ценностей; общий культурный, политический и технологический контекст для автора, героя и читателя; социальные сети; популярность перформанса.

Выступления в секции «Портреты века» были посвящены фиксации и характеристике различных веков в самых разных аспектах. Ю. Ю. Анохина (Москва) в сообщении «„Век“ и „вечность“ в литературной критике Вл. Соловьева: философ о пессимистической поэзии» сделала вывод, что выраженная имплицитно оппозиция «век» и «вечность» оказывается одним из тех принципов, которые определяют выдвинутую Соловьевым концепцию истории русской лирики.

Отдельный блок докладов в этой секции был посвящен жизни и творчеству А. М. Ремизова. А. М. Грачева (Санкт-Петербург) в докладе «Полвека чаромутия Слова: литературный юбилей А. М. Ремизова 1952 года» обратилась к реакции литературного мира послевоенной русской эмиграции на знаменательную дату, учитывая и саморефлексию писателя. В сообщении А. А. Голубевой (Москва) «Собратья по веку: перепiska А. М. Ремизова и В. П. Барсова» подчеркивалась задача, которую поставил себе молодой художник Барсов — желание сохранить дух Серебряного века, отделенный от родной страны и ее культуры. А. С. Урюпина (Москва) в докладе «„Завековавшие“ в эмигра-

ции: Алексей Ремизов и Игорь Чиннов» проследила этапы взаимоотношений Ремизова и поэта Чиннова. В выступлении В. Л. Гайдук (Москва) «Ремизов и Евреинов: дружба длиною в век» рассматривалась история знакомства, состоявшегося в театре Комиссаржевской в 1908 году. Спустя почти половину века взаимоотношения Ремизова и Евреинова претерпели значительные изменения: от дружеских до враждебных.

Л. В. Маштакова (Екатеринбург) в сообщении «„В годину великого гнева...“: апокалиптические мотивы в посланиях Вяч. Иванова и Ю. Верховского 1910–1940-х годов» проанализировала мотив «години гнева», сопряженный с темой надежды и возрождения, образами феникса и «алмаза» души. В их стихотворениях выстраивается историософская модель, связывающая войны и катаклизмы первой половины XX века в единый «железный век», где центральное место занимает фигура поэта и ведущей его музы.

В выступлении А. А. Елкиной (Тверь) «Статичное „тысячелетие“ в динамичном „веке“: противоречия японского общества в прозе Саяки Мураты и журналистских травелогах о Японии» была сделана попытка проследить, действительно ли японское общество в визуальном представлении самих жителей и гостей страны остается статичным даже сквозь века, или же в нем произошли значимые изменения.

Завершил работу секции доклад Ю. К. Крячковой (Тверь) «Роль временных категорий в русской и англосаксонской языковой картине мира (адаптация перевода Уолта Уйтмена «Ages and Ages returning at intervals» на русский язык)», в котором было проанализировано стихотворение Уйтмена. Изменение концептуально важной, сюжетоборазующей временной единицы «ages» с «возрастов» на «века, столетия» запускает ряд трансформаций в тексте перевода верлибра Уйтмена.

В секции «Век реальный и воображаемый» выступающие сосредоточились на соотношении фактически существовавшего века и его трансформации в творческом сознании писателей. И. А. Лобакова (Санкт-Петербург) в докладе «Предатель или мученик? Правитель или тиран? Взгляд на события и героев век спустя» рассмотрела проблему достоверности/недостоверности описанных в исторических произведениях и памятниках других жанров сведений о событиях и персонажах в литературе, предшествующей Новому времени. XVI век и эпоха Смуты оказались в XVII веке переосмыслены авторами исторических сводов и повестей в зависимости от взглядов и целей их создателей.

А. В. Кошелев (Новгород) посвятил доклад «Алексей Васильевич Тимофеев — писатель смирдинского периода русской литературы» популярному в 1830-е годы автору, сотрудничавшему в журнале «Библиотека для чтения». Отдельное место исследователя уделит сопоставлению текстов повестей Тимофеева, изданных сначала в журнале, а потом в трехтомном

собрании «Опытов» (СПб., 1837). Эта работа позволяет сделать выводы о том, как именно изменял издатель Сенковский принятые к печати повести, «приспосабливая» их к запросам массового читателя.

Выступление П. С. Громовой (Тверь) «„Век минувший“: образ прошлого в русской романтической прозе» было посвящено особенностям изображения прошлого в русской повести. Одним из приемов, широко распространенным в романтической исторической повести, является ретроспекция, благодаря которой возникает нечто вроде рекурсии: в прошлом, к которому обращается автор, обнаруживается еще более древнее прошлое, история уводит мысль читателя в глубь веков, открывая целые пласты времени.

В докладе А. М. Лобина (Ульяновск) «Эволюция мифа о СМЕРШе в военной прозе XX и XXI веков» была проанализирована тема СМЕРШа, штрафников и заградительных отрядов как одна из наиболее популярных в постсоветской литературе. Рубеж веков стал переломным этапом в ее интерпретации. Романы постперестроечные, преимущественно антисоветские по содержанию, в новом веке сменились произведениями патристическими.

В секции «Прекрасный век» рассматривались проблемы идеализированного изображения века. В докладе О. С. Карандашовой (Тверь) «Век борцов и искателей: герой советской детской литературы» были проанализированы «Два капитана» В. А. Каверина. Писатель выстраивает повествование не на политических столкновениях разных идеологий (буржуев и пролетариев, красных и белых, строителей коммунизма и шпионов или предателей), а с опорой на нравственные критерии.

Кинематографическая рефлексия категории «век», его временное измерение обратили на себя внимание С. Н. Еланской (Тверь) в докладе «„Мой прекрасный жалкий век!“: XX век в зеркале кинематографа Саввы Кулиша». В нем говорилось об автобиографической ленте «Железный занавес» (1994). Выделены оригинальные приемы мастера, давшего неблагоприятные и страшные характеристики «жалкого» жестокого века, зажатого несвободой коммунальных пространств, школы, повседневного-обыденным и государственным насилием.

С. С. Царегородцева (Москва) в сообщении «Гриша Челноков — гонец в XXI век» рассмотрела фантастическую повесть А. М. Волкова «Путешествие в третье тысячелетие».

В докладе Ю. В. Доманского (Москва) «Изображенное время в стихотворении „Век“ Виктора Ширали» было показано, как заглавная категория «век» разворачивается через целый ряд лексем, соотносимых со временем. В итоге весь текст являет собой лирическое развертывание временной категории, вынесенной в заглавие, — категории «век» в значении «жизнь». «Век» Ширали — текст о времени, где время как категория бытия раскрывается через время как категорию текста;

время тут одновременно и объект, и способ преподнесения и осмысления объекта лирическими средствами.

Выступления в секции «Течение века» были сосредоточены на переосмыслении событий в личной биографии авторов, на смене точек зрения на общепринятые явления и факты, на попытках дать оценку минувшему. А. М. Меньщикова (Екатеринбург) в сообщении «„Мои полвека“ А. Ахматовой: смысловые грани» рассказала, что «Мои полвека» — одно из поздних названий, которое Ахматова планировала дать так и не состоявшейся как целое книге автобиографической прозы. В глобальном смысле в заглавии книги нашла отражение лейтмотивная авторская стратегия, характерная для позднего периода творчества поэта: подведение итогов, попытка воплощения и завершения образа собственной судьбы с известной долей внимания автора к историческому фону эпохи «некалендарного XX века».

С. М. Пинаев (Москва) в докладе «„Четверть века“ М. Волошина» рассмотрел стихотворение, в котором фактически осмысляется литературная деятельность Волошина. Она действительно укладывается в четверть столетия, в «четверть пробега», который он проделал со своим «веком-ровесником».

В смысловом поле «время» век принадлежит к лексико-семантической группе слов, определяющих значительный промежуток времени. Несмотря на наличие слов, номинирующих более короткие временные периоды, век является целостной, неделимой единицей обозначения особого отрезка социального, исторического и биологического времени. Об этом в выступлении «Циклическое и линейное время в романе Д. Быкова „Орфография“» говорила А. В. Батулина (Великий Новгород).

В докладе Г. Т. Гариповой (Москва) «Метафора „процессия“ как репрезентация советской эпохи в литературе „андеграунда в эмиграции“ (Анри Волохонский, Роальд Мандельштам, Шамшад Абдуллаев)» было проведено исследование авторских способов метафорической репрезентации советской эпохи и времени ее конца в творчестве писателей, представляющих уникальный феномен андеграунда в эмиграции.

Э. Ф. Шафранская (Москва) в сообщении «Век русской транскультурной литературы» рассмотрела современные проблемы русскоязычной литературы, анализируя национальность и место проживания писателей.

Итоговое заседание было посвящено не обобщению заявленных тем, но одной теме — концу века. Открылось оно выступлением О. И. Шапкиной (Москва) «„Fin de siècle“ на страницах провинциальной прессы России

в 1900 г.». Анализируя материалы нескольких провинциальных газет европейской части России, связанные с литературой и театром того времени, исследовательница не только познакомила слушателей с оригинальными интерпретациями классических тем, но и показала специфику репрезентации «века» в региональной журналистике.

А. П. Люсый (Москва) посвятил доклад «Хроноштурмы в садах истории, или Век как жанр» статье М. А. Волошина «Эпилог XIX века». Статья предстала своеобразной матрицей измерения времени как для истории, так и для литературы. В ней определены исторические рамки этой историко-культурной категории в конкретном пространственно-временном континууме.

В докладе Б. Ф. Колымагина (Москва) «Брежневское безвременье как золотой век советской поэзии» горизонт пустоты рассматривался в мировоззренческом и художественном ключе на примере произведений В. Сосноры, Я. Сатуновского, Вс. Некрасова. С нулевой точки начинается движение андеграунда вперед и вверх, в область духовных вопрошаний и онтологических экспериментов. И конец одного века становится временем открытия горизонтов другого, нового века.

Завершилось заседание докладом О. И. Федотова (Москва), посвященным творчеству И. А. Бродского, к которому обращались многие участники. Стихотворение Бродского «Fin de siècle» обобщает значительный опыт русской поэзии и открывает новые грани «века». Выступавший сосредоточился на поэтической традиции, продолжателем которой является Бродский, и показал, как репрезентация времени в лирическом тексте объединяет представления разных веков — XVIII, XIX, XX — в единое целое.

Многообразным и сложным предстал сюжет конференции, который не завершился с последним заседанием: помимо экскурсии «Два века Головинского вала» в Твери, участники посетили Бежецк, село Кузнецово и поселок Городковский, где их ждала насыщенная программа под общим названием «Век писателей и торговцев».

Работа конференции показала, что категории социального времени связаны с теми, которые уже рассматривались в рамках проекта, и с теми, которые могут стать объектами монографического исследования в дальнейшем. По материалам конференции планируется издание сборника научных статей.

© С. А. Васильева,
© А. Ю. Сорочан

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-279-285

VI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ»

19–21 апреля 2023 года прошла VI научная конференция «История отечественной культуры в архивных документах». Главным ее организатором выступила Российская национальная библиотека, соорганизатором — Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. В симпозиуме приняли участие 86 ученых из научных и образовательных учреждений, архивов, библиотек и музеев Санкт-Петербурга, Москвы, Абакана, Новокузнецка, Новосибирска, Смоленска, Тулы, а также докладчики из Испании и Австралии. Исследователи поделились результатами поисков и изучения ранее не публиковавшихся архивных источников, находящихся в российских и зарубежных хранилищах. С приветственным словом к участникам форума обратились генеральный директор РНБ В. Г. Гронский и ученый секретарь СПб ГМТМИ И. И. Климовичкая.

В рамках конференции были проведены тематические секционные заседания; круглый стол «Петроградская епархия в годы революций и Гражданской войны», посвященный к 150-летию со дня рождения митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского); прошли презентации нескольких изданий; был показан фильм «Два гения, два друга: к 150-летию Ф. И. Шаляпина и С. В. Рахманинова», рассказывающий об автографах музыкантов и связанных с ними материалах, хранящихся в Отделе рукописей РНБ.

Два секционных заседания были посвящены истории России XVIII–XX веков. В докладе «Документы с автографами императора Петра I в фондах Отдела рукописей РНБ: история поступления» И. А. Поляков (Санкт-Петербург) сообщил, что в процессе работы над составлением аннотированного указателя «Документы и материалы Петровской эпохи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Вып. 1. Автографы Петра Великого и его сподвижников» (М., 2022; авторы-сост. А. И. Алексеев, И. А. Поляков; ред. Е. А. Михайлова, М. А. Смирнова) были выявлены 87 документов, собственноручно написанных первым российским императором или имеющих его подпись и пометы. Поляков установил источники поступления 58 из них, а также реконструировал ранее существовавшие комплексы петровских материалов — более 20 писем и грамот с подписью монарха из коллекции автографов М. П. Погодина и 10 документов из личного архива кораблестроителя Г. А. Меншикова.

Б. В. Мегорский (Санкт-Петербург) в выступлении «Рукописная книга офицера как источник новых данных о строевом обучении

войск Петра Великого» представил результаты изучения манускрипта, озаглавленного в описи «Сборник военно-уставных документов» XVIII века (ОР РНБ. Ф II 172).

В докладе «Тайна смерти Петра I и французская рукопись XVIII в. из собрания Российской национальной библиотеки» А. Н. Спащанский (Санкт-Петербург) процитировал и прокомментировал копию записи, предположительно сделанную секретарем французского посланника в России вскоре после кончины Петра I (ОР РНБ. Фг. F IV 162). В ней описана в подробностях причина смерти императора, приведены характеристики, данные близкими к нему людьми. Этот документ опровергает весьма распространенный в то время слух о его отравлении императрицей Екатериной I.

К. Б. Назаренко (Санкт-Петербург) в сообщении «Артиллерийские рукописи первой половины XVIII в. из собрания Отдела рукописей РНБ» рассмотрел документы, условно обозначенные им как «артиллерийские трактаты». Назаренко выделил характерные черты этого типа рукописей, указал на присутствие обязательных разделов, особенности их оформления. Среди исследованных работ — «Описание артиллерии» (ОР РНБ. Ф IX 15, начало XVIII века), «Геометрия краткая» из сборника XVIII века (ОР РНБ. Ф IX 41), «Теория и практика огнестрельного военного и фейерверочного искусства, о фундаменте мачтата и пропорции каждой вещи, почему свое действие производят...» (ОР РНБ. Ф IX 46, 1748 год), учебные чертежи чинов Бомбардирской роты Лейб-гвардии Преображенского полка (ОР РНБ. Ф IX 21–27, 1747–1773 годов) и др.

В докладе «Письма Д. И. Шаховского и М. В. Жижки к Я. Л. Барскову: новые материалы о подготовке издания „Неизданные сочинения М. Щербатова“ (1935 г.)» С. Г. Калинина (Москва) представила обзор хранящегося в НИОР РГБ эпистолярия, связанного с подготовкой в начале 1930-х годов публикации произведений князя М. М. Щербатова.

Л. Н. Сухоруков (Санкт-Петербург) в выступлении «В. А. Алексеев (1863–1919) и его работа над изданием „Письма и бумаги Суворова“: по материалам архива историка» на основе ранее не исследовавшихся документов из личного архива В. А. Алексеева представил его краткую биографию, очертил литературную и научную деятельность (переводы античных авторов, сотрудничество с А. С. Сувориным и т. д.). Докладчик подробно рассказал о работе историка по изучению биографии А. В. Суворова, его статья и подготовка к публикации «Писем и бумаг Суворова» (первый выпуск вышел в Петрограде

в 1916 году, второй и третий так и остались неизданными).

Е. А. Анненкова (Санкт-Петербург) представила доклад «„12 знатнейших проспектов“ Михаила Махаева: к 320-летию Санкт-Петербурга».

О результатах своих разысканий в докладе «Василий Сергеевич Норов — герой Кульмского сражения» рассказала правнучатая племянница писателя, ученого и путешественника Л. Н. Якубовская (Санкт-Петербург).

В сообщении «Беспорядки в Свислочской гимназии в контексте преследования тайных обществ в среде польско-литовской молодежи: новые интерпретационные модели и источники» К. Б. Егорова (Санкт-Петербург) ввела в научный оборот комплекс документов по истории тайных обществ в указанной гимназии, не учтенный при публикации материалов следственного дела (1824), корреспонденции и эго-документов участников студенческих волнений.

Доклад Д. А. Бадаляна (Санкт-Петербург) «„Немецкая партия“ в России XIX в. и борьба вокруг нее в публицистике, литературе и музыке» был посвящен анализу толкования термина «немецкая партия», который вошел в употребление в России в 1820-е годы. «Немецкой партией» часто называли сообщество, сохранявшее космополитическое мировоззрение как наследие эпохи Просвещения. Докладчик рассмотрел суждения о «немецкой партии» в российской печати в 1830–1870-е годы, реакцию на них III-го отделения, последовательно отстаивавшего интересы «немецкой партии», и раскрыл суть полемики ее сторонников и противников вокруг произведений Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, М. И. Глинки и др.

И. Е. Барыкина (Санкт-Петербург) в докладе «Воспоминания О. В. Синакевич-Яфы о семействе принца Саксен-Альтенбургского («Синяя плюшевая тетрадь» в Отделе рукописей РНБ)» представила обзор фрагментов из мемуаров наставницы дочерей принца, позволяющих воссоздать в деталях ее биографию и подробности жизни Саксен-Альтенбургского семейства в Серране и Ораниенбауме.

А. А. Князева (Москва) в докладе «Архивные документы о принципах работы и операциях с ценностями в Гохране РСФСР–СССР в начале 1920-х гг.», используя широкий круг не исследованных ранее источников (из фондов РГАЭ, РГАСПИ), рассказала об истории создания и принципах организации этого хранилища, о ценностях и объектах культурного наследия в его фондах.

На заседании секции «История архитектуры» были представлены новые материалы, связанные с историей Нило-Столобенской пустыни (совместный доклад Е. С. Дилигул и Н. Н. Левченко, Санкт-Петербург: «Новые сведения по истории благоустройства Нило-Столобенской пустыни во второй половине XVIII в.»), Смоленской крепости (доклад Д. В. Валуева, Смоленск: «„Дело по отноше-

нию военного министра... на счет принятия в гражданское ведомство... древних башен“ как источник по истории Смоленской крепости»), дома купцов Мараевых (доклад А. М. Еременко, Москва: «История московского дома купцов Мараевых в архивных источниках»), храма св. Мартиниана в Варшаве (доклад Р. Е. Дронова, Мельбурн, Австралия: «Полковой храм св. Мартиниана лейб-гвардии Уланского Его Величества полка в Варшаве как образец русской архитектурной и художественной школы начала XX в.»).

М. С. Щербакова (Санкт-Петербург) в докладе «Деятельность Н. Л. Бенуа на посту заведующего техническим отделением Санкт-Петербургской городской управы: к 210-летию со дня рождения русского архитектора, академика и профессора архитектуры» рассказала о малоисследованной области деятельности Бенуа. На основе архивных материалов РГИА, ЦГИА СПб, ОР РНБ и фонда «Архив ГМЗ «Петергоф» докладчик рассмотрела деятельность Н. Л. Бенуа в качестве члена городской хозяйственно-строительной комиссии и заведующего техническим отделением Санкт-Петербургской городской управы.

На заседании секции «История науки» прозвучал доклад В. П. Козлова (Москва) «Новые архивные данные о деятельности Румянцевского кружка», в котором было раскрыто значение подготовленного и опубликованного в 2017 году И. П. Медведевым источника — переписки графа Н. П. Румянцева с историком и нумизматом Ф. И. Кругом, а также была обозначена роль Румянцева в финансировании научных исследований.

А. В. Востриков (Санкт-Петербург) в сообщении «А. Я. Ефименко: первая женщина — доктор русской истории» на основе документов из фонда С. Ф. Платонова (ОР РНБ) раскрыл обстоятельства, при которых состоялось присуждение ей Харьковским университетом ученой степени *honoris causa* и последующее избрание профессором Санкт-Петербургских высших женских курсов.

Доклад К. В. Герш (Новокузнецк) «Отражение эпохи в воспоминаниях ученого (воспоминания историка-медиевиста И. М. Гревса об И. А. Покровском)» был посвящен мемуарам историка-медиевиста о его близком друге, ученом-цивилизме, профессоре Санкт-Петербургского университета.

О. Ф. Ежова (Москва) в выступлении «Переписка Н. Н. Бромлей: культурный феномен и исторический источник (по материалам Архива РАН)» представила подробный обзор писем, адресованных матери академика АН СССР, этнографа и историка Ю. В. Бромлей и хранящихся в личном фонде ее сына.

Доклад С. А. Лимановой (Москва) «Юбилейная академическая культура на примере празднования 250-летия Академии наук СССР» был основан на обширном архивном материале Юбилейного комитета по проведению 250-летия Академии наук. В организации этого празднования выделяются как тра-

диционные черты, так и специфические особенности.

На секции «Изобразительное искусство» прозвучало сообщение М. А. Смирновой (Санкт-Петербург) «Воспоминания живописца П. А. Черкасова об учебе в Санкт-Петербургской рисовальной школе и Академии художеств в 1840–1850-х гг.». Текст этих воспоминаний был записан его учеником и другом И. Ф. Тюменевым в 1880-х годах и представляет сведения о школе для вольноприходящих учеников, а также о хоровом и рисовальном классах Академии художеств.

Е. Н. Туманик (Новосибирск) в докладе «Нарратив путешествия в „Живописном альбоме“ Г. С. Бильдзюкевича» рассказала о хранящемся в ОР РНБ литературно-изобразительном источнике в жанре документального путешествия по Восточной Сибири, содержащем рисунки — виды населенных пунктов и природных объектов, образцы фауны и флоры края, — с сопровождающим текстом автора, участвовавшего в освоении Амура в середине XIX века.

На секции также был представлен доклад А. С. Нилогова (Абакан) «Метрические записи о рождении/крещении русских художников В. И. Сурикова и Д. И. Каратанова».

На заседании секции «Экспедиции и путешествия» были заслушаны доклады А. Р. Джоевой (Санкт-Петербург) «Карты берегов Каспийского моря 1720–1740-х гг., подписанные Генри Фарварсоном (из Рукописной коллекции БАН)», Н. В. Литвиной (Москва) «Экспедиции астронома А. П. Ганского на Шпицберген (1899, 1901 гг.) в дневниках и впечатлениях», С. Ю. Нечаева (Санкт-Петербург) «Необычный эпизод пребывания участника академической экспедиции Н. П. Рычкова в Уфе: о фактах самопроизвольного колокольного звона в январе–марте 1771 г.», И. С. Пармузиной (Москва) «Научная командировка в Европу с женой, детьми и няней: дневники, фотографии, рисунки и размышления (по материалам фонда А. П. Богданова в Архиве РАН)», Н. С. Душаковой (Москва) «„Наездилась вволю, материал собирали везде...“: экспедиции Института биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН в устных воспоминаниях и материалах Архива РАН». Е. В. Воронцова (Москва) в докладе «Полевые дневники межфакультетской археографической лаборатории МГУ как исторический источник о повседневной жизни старообрядческих общин в XX в.» представила обзор текущих научных исследований сотрудников лаборатории, которая уже более пяти десятилетий фиксирует рукописные и печатные памятники кириллической книжности и изучает среду их бытования.

Секцию «Музыкальный театр» открыл доклад Е. В. Ереминой-Солениковой (Санкт-Петербург) «Материалы к биографии танцмейстера и основателя Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой Жан-Батиста Ланде». На основании работ российских и зарубежных

историков, описания балета, поставленного Ланде в 1726 году в Стокгольме, и архивных документов, хранящихся в РГВИА, предпринята попытка воссоздать биографию хореографа, уточнить некоторые спорные моменты его работы при дворе российских императриц.

Музыке, звучавшей на коронации императора Павла I в 1797 году, было посвящено выступление А. В. Лебедевой-Емелиной (Москва) «Коронационный бал Павла I: к вопросу о музыкальных вкусах нового императора». Особый акцент был сделан на предпочтениях композитора О. А. Козловского в выборе музыкальных тем для полонезов, на соответствии этого выбора вкусам императора, на цитатах, использованных Козловским в танцевальной музыке. В завершении доклада прозвучал один из реконструированных полонезов.

А. А. Сафонова (Москва) свое сообщение «История частного и императорского театров в одном собрании: по материалам фонда Апраксиных-Голицыных в НИОР РГБ» посвятила истории театра генерала С. С. Апраксина, считавшегося одним из лучших в Москве в первой четверти XIX века. После пожара в 1812 году Императорский театр лишился собственного здания, и в течение нескольких сезонов в период 1814–1818 годов его труппа играла на сцене театра Апраксиных. Изучение нотного рукописного собрания Апраксиных-Голицыных в РГБ дает возможность восстановить не только страницы истории театра Апраксиных и Императорского театра, но и отдельные эпизоды из театральной жизни Москвы первой четверти XIX века.

Результаты скрупулезных архивных разысканий были представлены И. О. Прохоровым (Москва) в докладе «О родословной А. К. Лядова: к 275-летию русской музыкально-театральной семьи». До недавнего времени считалось, что первым музыкантом среди предков композитора А. К. Лядова был его дед, скрипач и дирижер Николай Григорьевич Лядов. Обнаружение записей в метрических книгах и исповедных росписях позволило установить дату рождения Николая Григорьевича, а также факт происхождения из семьи военного музыканта. Кроме того, выявлена и родословная его жены (т. е. бабушки А. К. Лядова), дочери известного в XVIII веке танцовщика и балетного педагога Андрея Никифоровича Серкова. Таким образом, А. К. Лядов является представителем музыкально-театральной семьи в четвертом поколении.

М. Г. Раку (Москва) в сообщении «Сергей Прокофьев и советская мультипликация: несостоявшаяся встреча (по материалам собраний РГАЛИ и Butler Library of Columbia University)» осветила малоизвестный эпизод намечавшейся работы композитора, находившегося в ту пору за рубежом, в одном из первых звуковых советских мультипликационных фильмов — «Сказка о царе Дурандае». Изучение документов из российского и американского архивов дает возможность прояснить

обстоятельства, приведшие к отказу композитора от первоначально данного согласия. Эти источники позволяют также воссоздать задушевный облик самого мультфильма.

Секцию завершила презентация красочно иллюстрированного издания «Музыкальные инструменты Армянского нагорья» (Ереван, 2019). Книгу представила автор исследования Н. В. Шамахан (Армения).

О музыкальном искусстве продолжили говорить на секции «Композиторское творчество». Открыл ее А. В. Чувашов (Санкт-Петербург) с докладом «„Гармоническая музыка“ Д. С. Бортянского», в котором рассматривались десять произведений композитора для двух кларнетов, двух валторн и двух фаготов. Восемь из них хранятся в собрании КР РИИИ в партитуре оперы «Сокол», два оставшихся — в ОР РНБ: вставной хор в опере «Алкид» и «Гатчинский марш», сохранившийся в альбоме Б. А. Фитингоф-Шеля.

Н. В. Зарина (Санкт-Петербург) в докладе «Открывая имена „неустановленных авторов“ в рукописных музыкальных альбомах: по материалам Отдела рукописей РНБ» представила результаты произведенной атрибуции целого ряда неизвестных сочинений.

В докладе «Вдохновенный дилетант: композитор А. С. Танеев (по материалам фондов РНММ)» М. В. Востокова (Москва) ввела в научный оборот документы, раскрывающие неизвестные факты творческой биографии государственного деятеля, считавшего, однако, главным делом своей жизни композиторское творчество. Новые источники по-новому раскрывают его личность, стиль общения и музыкальный почерк. Особое внимание было уделено рукописи так и не увидевшей свет оперы «Эдип» (главную партию должен был петь Ф. И. Шаляпин), а также письмам А. С. Танеева к поэту и либреттисту В. П. Бельскому, освещающим фрагменты работы над ней.

Секцию «Исполнительское искусство» открыла О. Д. Зиморой Чемодурова (Испания). В докладе «О первых концертных исполнениях произведений М. И. Глинки в Испании: по материалам из архивов Мадрида» она представила результаты изучения фондов архивохранилищ и библиотек Мадрида, в которых были обнаружены новые документы, связанные с пребыванием русского композитора в Испании. Найдена информация об испанских премьерных и концертных исполнениях его произведений.

И. Б. Теплова (Санкт-Петербург) в сообщении «Фольклорные материалы в архиве И. Ф. Тюменева (Отдел рукописей РНБ)» рассказала о новгородской коллекции записей фольклора, собранной И. Ф. Тюменевым во время путешествий. Она предположила, что записи, содержащие тексты произведений и описания обрядов, производились от жителей деревни Кородынка в период с 1888 до 1891 год.

В докладе О. А. Скорбященской (Санкт-Петербург) «„Фатализм веры“: о жизни и твор-

честве Веры Тимановой (1855–1942)» были представлены итоги реконструкции неизвестных деталей биографии знаменитой русской пианистки, ученицы Ференца Листа. Материалом для исследования послужили источники из фондов ОР РНБ и КР РИИИ.

Доклад Н. Ю. Тартаковской (Москва) «Римский архив Ф. И. Шаляпина» раскрыл состав коллекции, поступившей в Российский национальный музей музыки в 2009 году. Основу коллекции составляют письма, фотографии, рисунки и другие документы из семейного архива, предметы мебели и посуды — все это сохранила дочь певца Марина Шаляпина-Фредди, скончавшаяся в Риме в 2007 году в возрасте 97 лет.

Сообщение М. Г. Ивановой (Санкт-Петербург) «Основатель виолончельной школы Ленинграда: к 135-летию Александра Яковлевича Штримера (по материалам Отдела рукописей РНБ)» было посвящено документам его личного фонда, и в частности письмам А. К. Глазунова.

Н. В. Рамазанова (Санкт-Петербург) в докладе «Письмо А. С. Розанова к А. П. Могиланскому: к истории формирования фондов Отдела рукописей РНБ» раскрыла обстоятельства поступления документов, переданных композитором и музыковедом в РНБ, и дала их обзор.

На заседании секции «Духовная культура» были озвучены доклады М. Г. Логутовой (Санкт-Петербург) «Списки XVIII в. с переводами на русский язык книги Фомы Кемпийского „О подражании Христу“ (в Отделе рукописей РНБ)», Н. П. Чесноковой (Москва) «Несколько замечаний о русских списках сочинений Лаодикийского митрополита Парфения», Т. В. Игнатовой (Москва) «Сочинение Е. Я. Карева „Материалы для истории Преображенского кладбища“: проверка на истинность». В выступлениях О. М. Карамышева (Санкт-Петербург) «О домовый парижской церкви российского дипломата князя А. Д. Кантемира и ее причетниках» на основе архивных документов из фондов «Канцелярии синода» и «Бумаги синода», хранящихся в РГИА, были воссозданы подробности организации церковных служб в 1740–1744 годах в парижском доме поэта и переводчика. Е. В. Белоусова (Тула) в докладе «Некоторые материалы М. Н. Толстой в Отделе рукописей РНБ» представила результаты исследования творческой истории рукописи матери Л. Н. Толстого «Наставление о законе христианском, выбранном из „Магазейна бедных“». Протоиерей Н. К. Скурат (Москва) посвятил доклад «К духовной биографии исследовательницы древнерусских книг и рукописей Т. Н. Протасьевой — тайной монахини Фамари (1904–1987)» сотруднице ГИМа, более 40 лет проработавшей в Отделе рукописей и старопечатных книг, автору ряда научных работ, продолжившей и завершившей описание второй половины Синодального собрания, начатого выдающимися учеными А. И. Горским и К. И. Невоструевым.

На заседании секции «Россия — Восток» прозвучали доклады О. М. Ястребовой (Санкт-Петербург) «Письмо сафавидского шаха Сафи II Сулаймана из альбома Н. И. Андреева в Российской национальной библиотеке», С. А. Французова (Санкт-Петербург) «Антиохийский патриарх Григорий IV и российские дипломаты (по материалам АВПРИ)», Л. А. Герд (Санкт-Петербург) «Русское присутствие в Сирии и Палестине в конце XIX — начале XX в. (по сообщениям французских дипломатов)», И. В. Федорова (Санкт-Петербург) в докладе «Рукопись „Русские поклонники в Иерусалиме“ из собрания А. А. Титова и ее автор — игумен Антоний (Бочков)» сообщила о результатах изучения истории рукописи и ее содержания.

Заседание Круглого стола «Петроградская епархия в годы революций и Гражданской войны» открылось вступительным словом и докладом Н. В. Гольцова (Санкт-Петербург), в котором он представил обзор хранящихся в ОР РНБ автографов митрополита Вениамина. Доклад Т. А. Богдановой (Санкт-Петербург/Москва) был посвящен переписке профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковского с профессорами светской и духовной школы за 1917–1921 годы — важнейшему источнику по истории духовного образования того периода. А. А. Буров (Санкт-Петербург) в своем выступлении сосредоточился на некоторых материалах по истории Петроградской епархии 1918–1920 годов, хранящихся в архиве Государственного музея истории религии. В докладе И. Э. Астахова (Санкт-Петербург) был рассмотрен жизненный путь священномученика Владимира Лозина-Лозинского. Е. М. Карловская (Санкт-Петербург), опираясь на материалы следственного дела Петроградского процесса 1922 года, и прежде всего — протоколы допросов подсудимых, рассказала о канонизированных в лике новомучеников и исповедников участниках этого дела, завершившегося расстрелом митрополита Вениамина и трех его сподвижников. В совместном докладе М. А. Власниковой и Р. С. Катаева (Санкт-Петербург) был дан обзор архивных источников по делу об изъятии церковных ценностей в Петрограде, а также продемонстрирована недавно обнаруженная кинозапись, запечатлевшая митрополита Вениамина и процесс вскрытия мощей Александра Невского в мае 1922 года.

Специальные секции были посвящены представлению результатов изучения архивных документов, связанных с поэтами и писателями, историей создания и публикации их произведений.

В докладе М. М. Сафонова (Санкт-Петербург) «Письмо Е. М. Хитрово А. С. Пушкину 4 ноября 1836 г. и дневник Л. И. Голенищева-Кутузова» был исследован дневник адмирала Л. И. Голенищева-Кутузова и дан новый взгляд на прочтение письма дочери М. И. Кутузова, адресованного А. С. Пушкину и напи-

санного на французском языке. По мнению автора, сопоставление этих документов позволяет пересмотреть устоявшееся в пушкинистике представление о подлинной роли Е. М. Хитрово в дуэльной истории Пушкина.

О. В. Голодняк (Москва) в выступлении «Запрещенные главы „Выбранных мест из переписки с друзьями“: история одной несостоявшейся публикации» осветила обстоятельства цензурного рассмотрения и последующую судьбу рукописи «Дополнения к переписке с друзьями» (списки глав «Выбранных мест...», не допущенных в 1846 году к печати), которая была представлена в Московский цензурный комитет в январе 1856 года и предназначалась для готовившегося в то время издания сочинений Н. В. Гоголя под редакцией его племянника Н. П. Трушковского. Исследовательница установила, что один из списков глав гоголевской книги, хранящихся в НИОР РГБ, представляет собой часть этой рукописи, хотя и имеет теперь другое название.

Н. А. Тарасова (Санкт-Петербург) в докладе «Проблемы изучения каллиграфии Ф. М. Достоевского (на материале романа «Идиот»)» рассмотрела почерк писателя в его рабочих тетрадях, содержащих, в частности, черновые наброски к творческому замыслу романа «Идиот», и сравнила его с многочисленными образцами каллиграфического письма. Анализ причин обращения писателя к каллиграфии и фактических источников, повлиявших на его интерес к данной теме, позволяет определить специфику каллиграфических прописей в черновиках Ф. М. Достоевского, а также дополнить научный комментарий к печатному тексту романа «Идиот».

Автор доклада «Атрибуция адресата одного письма А. Ф. Воейкова (на материале Отдела рукописей РНБ)» Д. М. Никитина (Москва) установила адресата письма к некоему «Василию Игнатычу» (копия хранится в фонде И. А. Шляпкина): им является писатель и поэт В. И. Любич-Романович, сотрудничавший с Воейковым и его газетой «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“».

Н. И. Городилова (Москва) в докладе «История возникновения и творческие принципы народного издательства „Посредник“ (1880-е гг.) в неопубликованных письмах В. Г. Черткова, П. И. Бирюкова, А. М. Калмыковой» представила результаты анализа переписки ближайших сотрудников издательства: Л. Н. Толстой, как правило, соглашался с их замечаниями «цензурного характера», но были случаи, когда писатель расходился с членами редакции в оценках. Так было, например, с рассказом «Свечка» (1885 год, издание 1886 года), полемика вокруг которого привела к возникновению двух редакций финала произведения.

Сообщение О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «„Экстерн Татевской школы“ Иван Щеглов и его переписка с С. А. Рачинским: к 190-летию со дня рождения С. А. Рачинского» был посвящен «эпистолярному диалогу»

реформатора народной школы Рачинского с прозаиком и драматургом И. Л. Леонтьевым, писавшим под псевдонимом «Иван Щеглов» и считавшим Рачинского своим наставником. Переписка, объединившая «петербургского неврастеника» (каким сам себя осознавал Щеглов) и умеротворенного «татевского отшельника», велась в 1891–1900 годах и содержит 123 письма.

В докладе «К истории концентрации рукописей А. С. Пушкина (1930–1940-е гг.)» Т. И. Краснобородько и В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург) обратились к малоизученному периоду существования Пушкинского рукописного фонда в ИРЛИ РАН. Основное внимание было уделено анализу ситуации, в которой Институт оказался во время подготовки Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года к 100-летию гибели поэта, и последовавшего вслед за ней постановления СНК СССР от 4 марта 1938 года «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина». В строгом соответствии с этим документом Пушкинский Дом обязан был передать все пушкинские материалы вновь организуемому московскому музею. С их изъятием, по существу, прекратилась бы история Пушкинского Дома в том виде, как он был задуман его основателями, и «родовое» имя Института русской литературы навсегда бы ушло из его названия. В научный оборот докладчиками были введены неопубликованные документы, которые позволяют воссоздать — в существенных и главных эпизодах — картину того, как в предвоенные годы усилиями руководителей Института и архивных хранителей был спасен для Пушкинского Дома его главный рукописный фонд. Позднейшее распоряжение Президиума АН СССР от 2 июня 1948 года закрепило за Пушкинским Домом архивные и музейные фонды Государственного музея А. С. Пушкина, состоявшего в ведении Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Именно с этого времени рукописи Пушкина (за редким исключением) сосредоточены в РО ИРЛИ РАН.

В. Ю. Попова (Москва) в выступлении «Латиноамериканские страницы истории журнала „Интернациональная литература“ (1933–1943)» дала подробный обзор напечатанных в этом журнале произведений латиноамериканских авторов и критических отзывов на них.

В докладе «Записки врача: к истории создания повести А. Солженицына „Раковый корпус“» Н. Ю. Бакшаева (Москва) рассмотрела источники, связанные с пребыванием писателя в 1954 году в Республиканском онкологическом диспансере УзССР (хранятся в его личном архиве). Помимо медицинских документов, они содержат заметки о событиях и местах, описанных в романе, а также о прототипах героев.

Рисункам на полях рукописей в письмах будущего лауреата Нобелевской премии по литературе посвятила Н. И. Крайнева (Санкт-

Петербург) доклад «„Чем я хуже кота?“: рисунки Иосифа Бродского в Отделе рукописей РНБ»; она рассмотрела их в биографическом контексте и раскрыла их смысл.

На специальном заседании участники проекта «История издательства „Всемирная литература“ в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького» познакомили слушателей с результатами своих исследований.

М. А. Ариас-Вихиль (Москва) в сообщении «М. Горький в проекте „Всемирная литература“: о художественном переводе (по материалам Архива А. М. Горького)» рассказала о значении этого культурно-просветительского предприятия в череде других его новаторских широкомасштабных гуманитарных, научных и издательских проектов. При созданном им издательстве «Всемирная литература» (1918–1924) для подготовки квалифицированных переводчиков произведений мировой литературы была организована «Литературная студия» (начала работу в феврале 1919 года). В частности, об обнаруженном в Архиве А. М. Горького ИМЛИ РАН и ранее не публиковавшемся документе — вступительной речи Горького на открытии Студии.

В докладе «Музыка в жизни и творчестве морского инженера и писателя Е. И. Замятина» М. Ю. Любимова (Санкт-Петербург) представила обзор печатных и ранее не публиковавшихся архивных источников по этой теме. Один из немногих отечественных писателей, имевших музыкальные навыки, знакомый с отечественной и зарубежной классикой, церковной музыкой и песенным фольклором, он использовал музыкальные реалии в рассказах, повестях, романе «Мы»; в драматургии и критических статьях, в «Лекциях о технике художественной прозы» — «Инструментовка», «О стиле» и др. Музыкальная составляющая в значительной степени определила его творческую манеру; инструментовка стала одним из его основополагающих принципов построения художественного текста. Личные и творческие контакты связывали его с композиторами В. М. Дешевовым, М. А. Кузминым, В. А. Оранским, С. С. Прокофьевым, А. А. Спендиаровым, Д. А. Толстым, Ю. А. Шапориним, Д. Д. Шостаковичем и др.

Я. Д. Чечнёв и А. Д. Савина в докладе «Неизвестные воспоминания об А. А. Блоке сотрудников „Всемирной литературы“: А. Л. Волынский, М. Л. Лозинский, Н. О. Лернер» ввели в научный оборот фрагменты из закрытого до недавнего времени для исследователей и хранящегося в Архиве А. М. Горького ИМЛИ РАН протокола заседания редакционной коллегии, посвященного памяти поэта и состоявшегося 26 августа 1921 года.

В сообщении «Давид Выгодский в издательстве „Всемирная литература“ (по материалам Архива А. М. Горького)» Л. Г. Жуховицкая (Москва) рассказала о деятельности

поэта и переводчика, специалиста по испанской и латиноамериканской литературе в подготовке книжной продукции этого издательства и журналов «Современный Запад» и «Восток», а также об участии в других горьковских издательских проектах начиная с 1916 года.

Л. Г. Ларионова (Москва) в докладе «Не Лео и Чехониным едиными: иллюстрированные обложки издательства „Всемирная литература“» поделилась результатами своих исследований в области оформления печатной продукции: кроме А. Н. Лео и С. В. Чехонина, к сотрудничеству с издательством привлекались и другие известные художники — С. Б. Юдовин, В. Д. Замирайло, С. М. Пожарский и др.

В докладе «Художники „Всемирной литературы“: как складывались судьбы творческой интеллигенции (по материалам архивов М. Горького)» С. В. Полонская (Москва) осветила малоизученные и связанные с этим издательством факты в биографиях художников Ю. П. Анненкова и М. В. Добужинского.

Сквозной для конференции стала тема, связанная с Михаилом Кузминым. В совместном докладе Я. В. Слепкова и Н. И. Крайневой (Санкт-Петербург) «„Общий баловень и насмешник...“: автографы Михаила Кузмина в Отделе рукописей РНБ» был представлен обзор автографов поэта, прозаика, переводчика и композитора, а также материалов о нем, хранящихся в его личном фонде и других фондах и собраниях Отдела рукописей РНБ: это биографические материалы; автографы стихотворений, рассказов, сцен и пьес, критических очерков; эпистолярное наследие; инскрипты Кузмина и его записи в альбомах и в памятной книге издательства «Academia»; фотопортреты и изобразительные материалы.

Выступление Е. А. Михайловой (Санкт-Петербург) «Письма Михаила Кузмина Георгию Чичерину 1891–1894 гг. как дневник музыканта» было посвящено особой области деятельности Кузмина: на рубеже XIX–XX веков его знали не как поэта, а как композитора, и к моменту первой публикации стихов (1905 год) список его музыкальных сочинений насчитывал более 300 опусов. В 1891–1894 годах он учился в Санкт-Петербургской консерватории, и специфика этого этапа в жизни Кузмина, насыщенность музыкальными событиями и впечатлениями отразилась в письмах Кузмина его конференту.

Первые изданные стихи Кузмина — XIII сонетов — возникли как тексты к камерно-вокальным сочинениям, объединенным в цикл «Il Canzoniere». Вслед за ним появились еще два цикла романсов: две тетради сонетов Шекспира (по 7 произведений в каждом). Специально к конференции издательство «Планета музыки» подготовило первую публикацию трех камерно-вокальных циклов — «Сонеты. Для голоса и фортепиано» (СПб., 2023; сост. Е. А. Михайлова; презентация прошла в рамках секции «Композиторское творчество» при участии музыкального редактора издательства А. Л. Трофимовой). В завершении конференции, на концерте «Мир музыки Михаила Кузмина», состоявшемся в Белом зале Шереметевского дворца, прозвучали отдельные произведения из всех трех циклов. Это — первое исполнение музыки М. Кузмина в большом концертном зале.

© М. Ю. Любимова,

© Е. А. Михайлова

ПАМЯТИ ВАЛЕРИИ ИГОРЕВНЫ ЕРЕМИНОЙ

7 декабря 2023 года, не дожив нескольких дней до 85-летнего юбилея, ушла из жизни Валерия Игоревна Еремина, выдающийся филолог-фольклорист, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела русского фольклора Пушкинского Дома. За сухим перечислением степеней и должностей — жизнь большого ученого и в высшей степени порядочного человека.

Валерия Игоревна родилась 13 декабря 1938 года в семье ленинградских ученых — Берты Григорьевны и Игоря Петровича Ереминых. Окончив русское отделение филологического факультета Ленинградского университета в 1963 году, а затем аспирантуру, она здесь же начала преподавательскую деятельность: сначала на кафедре русского языка для иностранцев, а позже, в 1970–1990-е годы, читала курсы лекций по устному народному творчеству, поэтике фольклора, вела спецкурс «Миф — обряд — поэзия», руководила спецсеминаром. По воспоминаниям студентов и аспирантов, Валерия Игоревна была замечательным преподавателем, учившим не только кропотливо работать с фольклорным материалом, но мыслить масштабно, принимая во внимание весь круг проблем и направлений, а также смежных дисциплин (этнолингвистики, антропологии, этнографии и др.), помогающих проникнуть в специфику традиционной культуры.

Участница знаменитого проповского семинара, давшего науке целую плеяду ярких фольклористов, Валерия Игоревна в 1967 году защитила кандидатскую диссертацию «Иноказания народной лирики (От метафоры к символу)» под руководством В. Я. Проппа и уже в следующем году пришла в Пушкинский Дом младшим научным сотрудником Отдела русского фольклора (народнопоэтического творчества), с которым с тех пор была связана вся ее жизнь.

Кандидатская диссертация стала первым шагом к монографии «Поэтический строй русской народной лирики» (Л., 1978), а далее диапазон научных интересов В. И. Ереминой охватил и проблему фольклоризма в литературе второй половины XIX века, и теоретические воззрения классиков русской филологии Ф. И. Булаева, А. Н. Веселовского, А. А. Шахматова, и многое другое. Ею были подготовлены издания и переиздания важнейших фольклористических исследований: «Русская сказка» В. Я. Проппа (Л., 1984; совместно с К. В. Чистовым), его же «Исторические корни волшеб-

ной сказки» (2-е изд. Л., 1986), «Фольклорное наследие А. А. Шахматова» (СПб., 2004) — и сбораний: «Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки)» (СПб., 2000; совместно с В. И. Жекулиной), «Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова» (СПб., 2008) и др. Исследование семейного ритуала как целостной системы в монографии «Ритуал и фольклор» (Л., 1991), источников, структуры и семантики фольклорного текста в книге «Художественный мир народной поэзии» (СПб., 2016) сопровождалось целым рядом статей по этой проблематике.

Опытный и тонкий текстолог, публикатор и комментатор фольклорных памятников, Валерия Игоревна внесла неоценимый вклад в подготовку серии «Былины» Свода русского фольклора — фундаментального труда, задуманного много лет назад и осуществляемого ныне Отделом фольклора ИРЛИ РАН. Активное участие она приняла в работе над томами печорских и пудожских былин, последние годы вела работу над былинами Кенозерья. Несколько объемных статей об ученых, оставивших заметный след в фольклористике (А. Н. Веселовском, А. А. Потемне, А. А. Шахматове), написаны ею для 5-томного биобиблиографического словаря «Русские фольклористы» (2016–2020).

В этом году коллеги и друзья Валерии Игоревны собирались отметить не только ее 85-летие, но и еще один юбилей — 55 лет с тех пор, как она стала сотрудником Пушкинского Дома. А это значит, что благодаря ее умению создавать атмосферу сотрудничества и сотворчества, при непосредственной участии и искренней поддержке Валерии Игоревны на протяжении более чем полувека здесь формировались новые поколения фольклористов. Поддержанию и развитию традиций петербургской–ленинградской фольклористической школы она уделяла особое внимание. Результатом ее преподавательской и академической деятельности в этом направлении стали защиты учениками Валерии Игоревны шести кандидатских и двух докторских диссертаций. В течение ряда последних лет она давала научные консультации докторантке берлинского Университета фон Гумбольдта (Германия).

Валерия Игоревна поддерживала преемственность не только собственными трудами, она была и хранителем памяти. В первую очередь — памяти о своем отце Игоре Петровиче

Еремине. После его кончины вместе с Бертой Григорьевной они разобрали архив ученого и передали на хранение в Российскую национальную библиотеку (ф. 1111). Не так давно Валерия Игоревна написала краткий очерк о жизни отца и опубликовала несколько фотографий, приоткрыв окно в мир своего детства, своей семьи и в то же время — в мир высокой науки, мир дружбы, преодоления, стойкости. Сама она и после смерти отца сохраняла тесные дружеские и профессиональные связи с его коллегами — специалистами по средневековой русской литературе, а потом и с учениками его коллег, и с учениками их учеников. Немало усилий приложила Валерия Игоревна, чтобы вышел в свет двухтомник научных трудов Игоря Петровича, понимая, насколько актуальными остаются эти работы в настоящее время и какой важный этап знаменуют они собой в истории филологической науки.

Последним детищем Валерии Игоревны стал сборник статей и материалов, посвященных ее учителю. Он так и называется — «Памяти Владимира Яковлевича Проппа» (в печати). Под одной обложкой объединены классические труды о В. Я. Проппе и недавно написанные статьи, воспоминания и письма, фотографии. Сама Валерия Игоревна подготовила для сборника фундаментальную работу «Идеи „Морфологии сказки“ В. Я. Проппа в мировом контексте», в которой постаралась проанализировать рецепцию в мировой науке знаменитого труда Проппа с того момента, как

вышел английский перевод книги, и до настоящего времени. Сборник составлен и подготовлен к печати в 2022–2023 годах. Одновременно Валерия Игоревна задумала новое, полное издание книги В. Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха» — в авторской редакции, включая главу, не вошедшую в первую публикацию 1976 года.

«Труженица науки, привыкшая вдумчиво и терпеливо работать, не внемля сиюминутной конъюнктуре и суетным „велениям времени“, стремясь лишь к познанию научной истины, — такую Валерия Игоревна навсегда останется в памяти коллег и учеников», — отметили в своем соболезновании фольклористы из Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Герои ее историко-теоретических очерков — Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, Н. Е. Ончуков, В. Ф. Шишмарев, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов, Р. О. Якобсон, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин — представляли цвет филологической науки, а их деятельность осмыслялась как путь познания истины. Не случайно «Познание истины» — заглавие одной из недавних книг Валерии Игоревны (СПб., 2019). Таким был путь ее семьи, таким был и ее собственный путь.

*Сотрудники Отдела
фольклора и коллеги
по Пушкинскому Дому*

SUMMARIES

Мария Наумовна Виrolайнен

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Mariia Naumovna Virolainen

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0892-5556

virolainen@mail.ru

РУССКИЙ РОМАНТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА

RUSSIAN ROMANTICISM AS A PROBLEM

Русский романтизм не был переходным звеном между классицизмом (сентиментализмом) и реализмом. Вслед за А. Шлегелем и Ж. де Сталь многие русские авторы видели в понятиях «классицизм» и «романтизм» две универсалии, описывающие все историческое пространство европейской культуры: классицизм рожден языческой античностью, романтизм — христианским средневековьем. Те же два универсальных начала развивались в творчестве русских писателей первой трети XIX века в теснейшем единстве и с исторической сцены исчезли одновременно.

Ключевые слова: романтизм, классицизм, переходная эпоха, универсальные принципы.

Russian Romanticism was not a transitional link between Classicism (Sentimentalism) and Realism. Following in the footsteps of A. Schlegel and J. de Stael, many Russian authors treated the concepts of Classicism and Romanticism as the two all-encompassing notions that describe the entire historical space of the European culture: Classicism was an offspring of pagan antiquity, while Romanticism emerged from the Christian Middle Ages. The same two universal principles were evolving, closely linked together, in the works of the Russian writers of the first third of the 19th century, and they left the historical stage simultaneously.

Key words: Romanticism, Classicism, transitional era, universal principles.

Список литературы

1. *Беляк Н. В., Виrolайнен М. Н.* «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории (Судьба личности — судьба культуры) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1991. Т. 14.
2. *Берковский Н. Я.* Лекции и статьи по зарубежной литературе. СПб., 2002.
3. *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2.
4. *Вайскопф М.* Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012.
5. *Ванслов В. В.* Эстетика романтизма. М., 1966.
6. *Вацуро В. Э.* Антон Дельвиг — литератор // Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986.
7. *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. СПб., 2000.
8. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 1.
9. *Винкельман И.-И.* Избр. произведения и письма / Пер. с нем. А. А. Алявиной. [М.; Л.], 1935.
10. *Виноградов В. В.* Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941.
11. *Вопросы романтизма в русской литературе.* Казань, 1963.
12. *Вяземский П. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи / Сост., подг. текста и комм. М. И. Гиллельсона.
13. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 3.

14. *Дмитриева Е. Е.* Немецкий классицизм // Европейский классицизм: Энциклопедический путеводитель. Т. 1 (в печати).
15. Европейский романтизм. М., 1973.
16. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2019. Т. 16.
17. *Ивинский Д. П.* О Пушкине. М., 2005.
18. История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2 / Под ред. Е. Н. Купреяновой.
19. К истории русского романтизма. М., 1973.
20. *Катенин П. А.* Размышления и разборы. М., 1981.
21. *Курилов А. С.* Начало теоретического осознания романтизма русской критикой // История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790–1825). М., 1979.
22. *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подг. Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979 (сер. «Литературные памятники»).
23. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Русская рецепция идей И. И. Винкельмана: Хронология и специфика // Древность и классицизм: Наследие Винкельмана в России. *Antike und Klassizismus — Winckelmanns Erbe in Russland: Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September — 1. Oktober 2015.* Mainz; Ruppolding; Petersberg, 2017.
24. *Маймин Е. А.* О русском романтизме. М., 1975.
25. *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976.
26. *Манн Ю. В.* Русская философская эстетика (1820–1830-е гг.). М., 1969.
27. *Модзалевский В. Л.* Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 9–10).
28. На путях к романтизму: Сб. науч. трудов. Л., 1984.
29. *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика / Вступ. статья, сост. и комм. Ю. Манна. М., 1972.
30. *Полевой Н. А., Полевой Кс. А.* Литературная критика: Статьи и рецензии, 1825–1842 / Сост., вступ. статьи и комм. В. Березиной и И. Сухих. Л., 1990.
31. Проблемы романтизма в художественной литературе и критике. Казань, 1976.
32. Проблемы романтизма: Сб. статей. М., 1967.
33. *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000.
34. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1949. Т. 11, 13.
35. Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827. СПб., 2001.
36. *Пушкин А. С.* Соч.: Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1.
37. Русский романтизм. Л., 1978.
38. *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
39. *Федоров Ф. П.* Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988.
40. *Фризман Л. Г.* Парадокс Катенина // Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981.
41. *Baldensperger F.* «Romantique» — ses analogues et équivalents // *Harvard Studies and Notes in Philology and Literature.* 1937. Vol. 19.
42. *Lappo-Danilevskij K. Ju.* Gefühl für das Schöne: Johann Joachim Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007.

References

1. *Baldensperger F.* «Romantique» — ses analogues et équivalents // *Harvard Studies and Notes in Philology and Literature.* 1937. Vol. 19.
2. *Beliak N. V., Virolainen M. N.* «Malen'kie tragedii» kak kul'turnyi epos novoevropeskoj istorii (Sud'ba lichnosti — sud'ba kul'tury) // *Pushkin: Issledovaniia i materialy.* SPb., 1991. T. 14.
3. *Berkovskii N. Ia.* Lektsii i stat'i po zarubezhnoi literature. SPb., 2002.
4. *Bestuzhev-Marlinskii A. A.* Soch.: V 2 t. М., 1981. Т. 2.
5. *Dmitrieva E. E.* Nemetskii klassitsizm // *Evropeiskii klassitsizm: Entsiklopedicheskii putevoditel'.* Т. 1 (v pechati).
6. *Evropeiskii romantizm.* М., 1973.
7. *Fedorov F. P.* Romanticheskii khudozhestvennyi mir: prostranstvo i vremia. Riga, 1988.
8. *Frizman L. G.* Paradoks Katenina // *Katenin P. A. Razmyshleniia i razbory.* М., 1981.
9. *Gertsen A. I.* Sobr. soch.: V 30 t. М., 1954. Т. 3.
10. *Istoriia russkoj literatury: V 4 t. L., 1981. Т. 2 / Pod red. E. N. Kupreianovoi.*
11. *Ivinskii D. P.* O Pushkine. М., 2005.
12. *K istorii russkogo romantizma.* М., 1973.
13. *Katenin P. A. Razmyshleniia i razbory.* М., 1981.
14. *Kiukhel'beker V. K.* Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i / Izd. podg. N. V. Koroleva, V. D. Rak. L., 1979 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
15. *Kurilov A. S.* Nachalo teoreticheskogo osoznaniia romantizma russkoj kritiki // *Istoriia romantizma v russkoj literature: Vozniknovenie i utverzhdenie romantizma v russkoj literature (1790–1825).* М., 1979.

16. *Lappo-Danilevskii K. Iu.* Russkaia retseptsiia idei I. I. Vinkel'mana: Khronologiiia i spetsifika // Drevnost' i klassitsizm: Nasledie Vinkel'mana v Rossii. Antike und Klassizismus — Winckelmanns Erbe in Russland: Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September — 1. Oktober 2015. Mainz; Ruhpolding; Petersberg, 2017.
17. *Lappo-Danilevskij K. Ju.* Gefühl für das Schöne: Johann Joachim Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007.
18. *Maimin E. A.* O russkom romantizme. M., 1975.
19. *Mann Iu. V.* Poetika russkogo romantizma. M., 1976.
20. *Mann Iu. V.* Russkaia filosofskaia estetika (1820–1830-e gg.). M., 1969.
21. *Modzalevskii B. L.* Biblioteka Pushkina: Bibliograficheskoe opisanie. SPb., 1910 (Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniia. Vyp. 9–10).
22. Na putiakh k romantizmu: Sb. nauch. trudov. L., 1984.
23. *Nadezhdin N. I.* Literaturnaia kritika. Estetika / Vstup. stat'ia, sost. i komm. Iu. Manna. M., 1972.
24. *Polevoi N. A., Polevoi Ks. A.* Literaturnaia kritika: Stat'i i retsenzii, 1825–1842 / Sost., vstup. stat'i i komm. V. Berezinoi i I. Sukhikh. L., 1990.
25. Problemy romantizma v khudozhestvennoi literature i kritike. Kazan', 1976.
26. Problemy romantizma: Sb. statei. M., 1967.
27. *Pumpianskii L. V.* Klassicheskaia traditsiia: Sobr. trudov po istorii russkoi literatury. M., 2000.
28. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1949. T. 11, 13.
29. *Pushkin A. S.* Soch.: Kommentirovannoe izdanie / Pod obshch. red. D. M. Betea. M., 2007. Vyp. 1.
30. Pushkin v prizhiznennoi kritike: 1820–1827. SPb., 2001.
31. Russkii romantizm. L., 1978.
32. *Tynianov Iu. N.* Arkhaisty i Pushkin // Tynianov Iu. N. Pushkin i ego sovremenniki. M., 1968.
33. *Vaiskopf M.* Vliublennyi demiurg: Metafizika i erotika russkogo romantizma. M., 2012.
34. *Vanslov V. V.* Estetika romantizma. M., 1966.
35. *Vatsuro V. E.* Anton Del'vig — literator // Del'vig A. A. Soch. L., 1986.
36. *Vatsuro V. E.* Pushkinskaia pora. SPb., 2000.
37. *Viazemskii P. A.* Soch.: V 2 t. M., 1982. T. 2. Literaturno-kriticheskie stat'i / Sost., podg. teksta i komm. M. I. Gille'sona.
38. *Vigel' F. F.* Zapiski. M., 1928. T. 1.
39. *Vinkel'man I.-I.* Izbr. proizvedeniia i pis'ma / Per. s nem. A. A. Aliavdinoi. [M.; L.], 1935.
40. *Vinogradov V. V.* Pushkin i russkii literaturnyi iazyk XIX veka // Pushkin — rodonachal'nik novoi russkoi literatury: Sb. nauchno-issledovatel'skikh rabot. M.; L., 1941.
41. Voprosy romantizma v russkoi literature. Kazan', 1963.
42. *Zhukovskii V. A.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. M., 2019. T. 15.

Мария Эммануиловна Баскина

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Maria Emmanuilovna Baskina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Associate Professor, National Research University
Higher School of Economics (St. Petersburg)

ORCID: 0000-0003-3371-1231

maria.e.malikova@gmail.com

**«АРХАИСТ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ» Я. А. ГАЛИНКОВСКИЙ:
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ**

**ARCHAIST-ENLIGHTENER YA. A. GALINKOVSKY:
TO THE CHARACTERISTICS OF LITERARY REPUTATION**

В статье предпринята попытка уточнения устоявшегося взгляда на короткую и неудачную литературную биографию Я. А. Галинковского в рамках схемы «карамзинист — анти-карамзинист — шишковист» и выявления для него другого, в меньшей степени соотношенного с центральной полемикой эпохи о старом и новом слоге и литературной власти, ближайшего круга лиц и культурных интересов — ученых переводчиков и критиков из среды «архаистов-просветителей».

Ключевые слова: Я. А. Галинковский, И. И. Мартынов, «Корифей», полемика о старом и новом слоге, архаисты-просветители.

The article is an attempt to modify the established image of Ya. A. Galinkovsky's short and unfortunate literary biography as an evolution from a *karamzinist* into an *anti-karamzinist* and finally into a *shishkovist*. We re-consider Galinkovsky within a different, less salient circle of learned translators and critics of «archaic-enlightened» orientation.

Key words: Ya. A. Galinkovsky, I. I. Martynov, *The Coryphaeus*, polemics over the old and new style of Russian language, archaism, Enlightenment.

Список литературы

1. *Альшуллер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007.
2. *Баскина (Маликова) М. Э.* Английская поэзия // История русской переводной художественной литературы, 1800–1825: Очерки / Отв. ред. В. Е. Багно, Е. Е. Дмитриева, М. Ю. Корнева. СПб., 2022.
3. *Баскина М. Э.* «Жалкая дань сентиментализму» Якова Галинковского // Литературный факт. 2023. № 28.
4. *Беспрозванный В. Г.* Из истории восприятия Карамзина в литературной среде конца XVIII века // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1998. [Т.] 1.
5. *Биржакова Е. Э.* Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010.
6. *Вацуру В. Э. И. И.* Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Вацуру В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000.
7. *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999.
8. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982.
9. *Дашков Д. В.* [Рец. на:] Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика // Арзамас: Сб. В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. Из литературного наследия «Арзамаса» / Под общ. ред. В. Э. Вацуру, А. Л. Осповата.
10. *Дзюбанов С. Д.* Родственное окружение Е. Я. Бастидон (первой супруги Г. Р. Державина) // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2011. Вып. 7.
11. *Дмитриев И. И.* Соч. М., 1986.
12. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. Л., 1964.
13. *Жан Поль* [Рихтер И. П. Ф.]. Приготовительная школа эстетики / Вступ. статья, пер. с нем. и комм. А. Д. Михайлова. М., 1981.
14. *Жихарев С. П.* Записки современника / Ред., статьи и комм. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1955.
15. *Заборов П. Р.* Вольтер в России конца XVIII — начала XIX в. // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. акад. М. П. Алексеев. Л., 1970.
16. *Заборов П. Р.* От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. Л., 1965.
17. *Западов В. А.* Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15.
18. *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2.
19. *Костин А. А.* О проекте А. А. Нартова по переводу классических авторов в Российской Академии // Российская Академия (1783–1841). Язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009 (Чтения Отдела русской литературы XVIII века; вып. 5).
20. *Кочеткова Н. Д.* Перевод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или Круг словесности древней и новой», осуществленный Российской Академией // Российская Академия (1783–1841). Язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009 (Чтения Отдела русской литературы XVIII века; вып. 5).
21. *Кочеткова Н. Д.* Середина 1780-х годов — 1800: Сентиментализм // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. Проза / Отв. ред. Ю. Д. Левин.
22. Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / Сост. С. В. Польской, В. С. Ржеуцкий. М., 2022.
23. *Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. (Лексика). М., 1964.
24. *Лотман Ю. М.* Архаисты-просветители // Лотман Ю. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 1.

25. *Лотман Ю. М.* Галинковский Яков (Иаков) Андреевич // Русские писатели. 1800–1917. М., 1989. Т. 1.
26. *Лотман Ю. М.* Галинковский Яков (Иаков) Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1.
27. *Лотман Ю. М.* Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4.
28. *Лотман Ю. М.* Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810 годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Библиотека поэта. Большая сер.).
29. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1992. Т. 2.
30. *Мельникова С. И.* Коцебу в России. СПб., 2005.
31. *Мирский Д. С.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London, 1992.
32. *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М., 1959.
33. *Петровская Е. В.* Безымянные сообщества. М., 2012.
34. Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2006. Т. 3. Журналы (З–М).
35. *Синицына М. В.* Журнал «Приятное и полезное препровождение времени» в контексте 1790-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
36. *Ямпольский М. Б.* Сообщество одиночек: Арендт, Бенъямин, Шолем, Кафка // Новое литературное обозрение. 2004. № 3.
37. *Dąbrowska M.* Jakowa Galinkowskiego klucz do literatury europejskiej — «Pro et contra» // Ruscystyczne Studia Literaturoznawcze. 2014. № 24.

References

1. *Al'tshuller M.* Beseda ljubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slavianofil'stva. 2-e izd., dop. M., 2007.
2. *Bashkina (Malikova) M. E.* Angliiskaia poeziia // Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury, 1800–1825: Ocherki / Otv. red. V. E. Bagno, E. E. Dmitrieva, M. Iu. Koreneva. SPb., 2022.
3. *Bashkina M. E.* «Zhalkaia dan' sentimentalizmu» Iakova Galinkovskogo // Literaturnyi fakt. 2023. № 28.
4. *Besprozvannyi V. G.* Iz istorii vospriiatiia Karamzina v literaturnoi srede kontsa XVIII veka // Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. Tartu, 1998. [T.] 1.
5. *Birzhakova E. E.* Russkaia leksikografia XVIII veka. SPb., 2010.
6. *Dąbrowska M.* Jakowa Galinkowskiego klucz do literatury europejskiej — «Pro et contra» // Ruscystyczne Studia Literaturoznawcze. 2014. № 24.
7. *Dashkov D. V.* [Rets. na:] Perevod dvukh statei iz Lagarpa s primechaniiami perevodchika // Arzamas: Sb. V 2 kn. M., 1994. Kn. 2. Iz literaturnogo nasledia «Arzamasa» / Pod obshch. red. V. E. Vatsuro, A. L. Ospovata.
8. *Dmitriev I. I.* Soch. M., 1986.
9. *Dziubanov S. D.* Rodstvennoe okruzhenie E. Ia. Bastidon (pervoi suprugii G. R. Derzhavina) // G. R. Derzhavin i ego vremia. SPb., 2011. Vyp. 7.
10. *Egunov A. N.* Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov. L., 1964.
11. *Iampol'skii M. B.* Soobshchestvo odinochek: Arendt, Ben'iamin, Sholem, Kafka // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 3.
12. *Karamzin N. M.* Izbr. soch.: V 2 t. M.; L., 1964. Т. 2.
13. *Kochetkova N. D.* Perevod knigi Zh.-F. Lagarpa «Likei, ili Krug slovesnosti drevnei i novoi», osushchestvlennyi Rossiiskoi Akademiei // Rossiiskaia akademiia (1783–1841). Iazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov. SPb., 2009 (Chteniia Otdela russkoi literatury XVIII veka; vyp. 5).
14. *Kochetkova N. D.* Seredina 1780-kh godov — 1800: Sentimentalizm // Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevniaia Rus'. XVIII vek. SPb., 1995. Т. 1. Proza / Otv. red. Iu. D. Levin.
15. *Kostin A. A.* O proekte A. A. Nartova po perevodu klassicheskikh avtorov v Rossiiskoi Akademii // Rossiiskaia akademiia (1783–1841). Iazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov. SPb., 2009 (Chteniia Otdela russkoi literatury XVIII veka; vyp. 5).
16. Laboratoriia poniatii: perevod i iazyki politiki v Rossii XVIII veka / Sost. S. V. Pol'skoi, V. S. Rzhetskii. M., 2022.
17. *Levin V. D.* Ocherk stilistiki russkogo literaturnogo iazyka kontsa XVIII — nachala XIX v. (Leksika). M., 1964.
18. *Lotman Iu. M.* Arkhaisty-prosvetiteli // Lotman Iu. M. Sobr. soch. M., 2000. Т. 1.
19. *Lotman Iu. M.* Galinkovskii Iakov (Iakov) Andreevich // Russkie pisateli. 1800–1917. M., 1989. Т. 1.

20. Lotman Iu. M. Galinkovskii Iakov (Iakov) Andreevich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. L., 1988. Vyp. 1.
21. Lotman Iu. M. Pisatel', kritik i perevodchik Ia. A. Galinkovskii // XVIII vek. M.; L., 1959. Sb. 4.
22. Lotman Iu. M. Poeziia 1790–1810-kh godov // Poety 1790–1810 godov / Vstup. stat'ia i sost. Iu. M. Lotmana. L., 1971 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
23. Lotman Iu. M., Uspenskii B. A. Spory o iazyke v nachale XIX v. kak fakt russkoi kul'tury («Proisshestvie v tsarstve tenei, ili Sud'bina rossiiskogo iazyka» — neizvestnoe sochinenie Semena Bobrova) // Uspenskii B. A. Izbr. trudy. M., 1992. T. 2.
24. Mel'nikova S. I. Kotsebu v Rossii. SPb., 2005.
25. Mirskii D. S. Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen do 1925 goda / Per. s angl. R. Zernovoi. London, 1992.
26. Mordovchenko N. I. Russkaia kritika pervoi chetverti XIX veka. M., 1959.
27. Petrovskaia E. V. Bezymiannye soobshchestva. M., 2012.
28. Sinitsyna M. V. Zhurnal «Priiatnoe i poleznoe preprovozhdenie vremeni» v kontekste 1790-kh gg. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2021.
29. Svodnyi katalog serial'nykh izdaniy Rossii (1801–1825). SPb., 2006. T. 3. Zhurnaly (Z–M).
30. Vatsuro V. E. I. I. Dmitriev v literaturnykh polemikakh nachala XIX veka // Vatsuro V. E. Pushkinskaia pora. SPb., 2000.
31. Vinogradov V. V. Istoriia slov. M., 1999.
32. Vinogradov V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vv. 3-e izd. M., 1982.
33. Zaborov P. R. Ot klassitsizma k romantizmu // Shekspir i russkaia kul'tura. L., 1965.
34. Zaborov P. R. Vol'ter v Rossii kontsa XVIII — nachala XIX v. // Ot klassitsizma k romantizmu. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazei russkoi literatury / Otv. red. akad. M. P. Alekseev. L., 1970.
35. Zapadov V. A. Rabota G. R. Derzhavina nad «Rassuzhdeniem o liricheskoi poezii» // XVIII vek. L., 1986. Sb. 15.
36. Zhan Pol' [Rikhter I. P. F.]. Prigotovitel'naia shkola estetiki / Vstup. stat'ia, per. s nem. i komm. A. D. Mikhailova. M., 1981.
37. Zhikharev S. P. Zapiski sovremennika / Red., stat'i i komm. B. M. Eikhenbauma. M.; L., 1955.

Александр Викторович Волков

младший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Viktorovich Volkov

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-6193-7804

senderwolf@gmail.com

О ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Я. А. ГАЛИНКОВСКОГО

ON THE TRANSLATION VIEWS OF YA. A. GALINKOVSKY

В статье на материале журнала «Корифей» и более поздних публикаций предпринята попытка представить в совокупности переводческие воззрения Я. А. Галинковского, литератора, не относившегося к какой-либо из противоборствующих литературных группировок начала XIX века. Рассмотрены его взгляды на переводческие традиции европейских литератур, проблему точности перевода, различные методы перевода, способы передачи формальных особенностей оригинала.

Ключевые слова: Я. А. Галинковский, «Корифей», перевод, подражание, гекзаметр.

Using the data from *The Coryphaeus* magazine and the subsequent publications, the article attempts to offer a comprehensive outlook on the approaches to translation of Ya. A. Galinkovsky, an author of the early 19th century who stayed away from the warring literary groups. Galinkovsky's

opinions on the European translation traditions, on the problem of translation accuracy, on various translation methods and ways of reproducing the formal features of the original are considered.

Key words: Y. A. Galinkovsky, *The Coryphaeus*, translation, imitation, hexameter.

Список литературы

1. Волков А. В. П. И. Голенищев-Кутузов — переводчик древнегреческой поэзии // Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века: Сб. статей и материалов. СПб., 2017.
2. Егуннов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964.
3. Заборов П. Р. Переводы-посредники в истории русской литературы // *Res traductorica: перевод и сравнительное изучение литератур*. СПб., 2000.
4. Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л. 1964. Т. 2.
5. Кукушкина Е. Д. Пьер Корнель в России // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27. Пути развития русской литературы XVIII века.
6. Лотман Ю. М. Галинковский Яков Андреевич // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. М., 1989. Т. 1. А–Г.
7. Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4.
8. Маликова (Баскина) М. Э. Английская литература в русских переводах. Поэзия // *История русской переводной художественной литературы 1800–1825 гг.: Очерки*. СПб., 2022.

References

1. Egunov A. N. Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov. M.; L., 1964.
2. Karamzin N. M. Izbr. soch.: V 2 t. M.; L. 1964. T. 2.
3. Kukushkina E. D. P'er Kornel' v Rossii // XVIII vek. SPb., 2013. Sb. 27. Puti razvitiia russkoi literatury XVIII veka.
4. Lotman Iu. M. Galinkovskii Iakov Andreevich // *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. M., 1989. T. 1. A–G.
5. Lotman Iu. M. Pisatel', kritik i perevodchik Ia. A. Galinkovskii // XVIII vek. M.; L., 1959. Sb. 4.
6. Malikova (Baskina) M. E. Angliiskaia literatura v russkikh perevodakh. Poeziia // *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury 1800–1825 gg.: Ocherki*. SPb., 2022.
7. Volkov A. V. P. I. Golenishchev-Kutuzov — perevodchik drevnegrecheskoi poezii // *Iz istorii russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury pervoi chetverti XIX veka: Sb. statei i materialov*. SPb., 2017.
8. Zaborov P. R. Perevody-posredniki v istorii russkoi literatury // *Res traductorica: perevod i sravnitel'noe izuchenie literatur*. SPb., 2000.

Андрей Петрович Дмитриев

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Andrei Petrovich Dmitriev

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-8460-4578

apdspb@gmail.com

«СЛАВА — КАКОЮ... ГРЕМИТ ВАВИЛОН»:
К ПОЭТИЧЕСКОМУ ДИАЛОГУ И. С. АКСАКОВА И Н. М. ЯЗЫКОВА
ОБ А. О. СМИРНОВОЙ-РОССЕТ (1845–1846)

THE GLORY OF BABYLONIAN HARLOT:
A. O. SMIRNOVA-ROSSET IN THE POETIC DIALOGUE
BETWEEN I. S. AKSAKOV AND N. M. YAZYKOV (1845–1846)

В статье публикуется неизвестное послание в стихах «Юноше» (1846) из аксаковского архива, которое атрибутируется Н. М. Языкову. Анализируется поэтический диалог И. С. Аксакова и Языкова, нацеленный на обличение идеологии жоржсандизма. На материале неизданной семейной переписки уточняются имеющиеся сведения о начальном периоде взаимоотношений Аксакова и А. О. Смирновой-Россет.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, Н. М. Языков, А. О. Смирнова-Россет, славянофильство и западничество, послание в стихах, атрибуция.

The article publishes an unknown versified epistle *To a Young Man* (1846) from the Aksakov archive, which is attributed to N. M. Yazykov. The poetic dialogue between I. S. Aksakov and Yazykov, aimed at exposing the ideology of Georgesandism, is analyzed. Using the data from the unpublished family correspondence, the available information on the initial period of the relationship between Aksakov and A. O. Smirnova-Rosset is clarified.

Key words: I. S. Aksakov, N. M. Yazykov, A. O. Smirnova-Rosset, Slavophilism and Westernism, versified epistle, attribution.

Список литературы

1. Азадовский М. Судьба литературного наследства Н. М. Языкова // Лит. наследство. 1935. Т. 19/21.
2. Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849 / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М., 1988 (сер. «Литературные памятники»).
3. Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского; подг. текста и прим. Е. С. Калмановского. [Л.], 1960 (Библиотека поэта. Большая сер.).
4. Анненкова Е. И. Аксаковы и А. О. Смирнова-Россет (модели частной и общественной жизни в контексте культуры) // Вторые Аксаковские чтения: Сб. материалов Всероссийской науч. конф. 21–24 сентября 2006 г. Ульяновск, 2006.
5. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8.
6. Вихрова Н. Н. Пушкинские реминисценции в представлениях И. С. Аксакова об идеале русской женщины // XV Аксаковские чтения: Материалы междунар. конф., Уфа, 24–26 сентября 2015 г. Уфа, 2015.
7. Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая сер.).
8. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9.
9. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2.
10. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: В 3 т. / Сост., подг. текста, прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2003. Т. 1.
11. Калмановский Е. С. Противоречия творческого сознания: Поэзия Ивана Аксакова // Русская литература. 1994. № 1.
12. Карпов А. А. Судьба Николая Языкова // Языков Н. М. Соч. / Сост., вступ. статья, прим. А. А. Карпова. Л., 1982.
13. Касаткина В. Н. Н. В. Гоголь, Россет-Смирнова и Иван Аксаков: эпизоды литературного общения // Русская словесность. 1998. № 4.
14. Кафанова О. Б. Жорж Санд и начало разрушения патриархального сознания в русской литературе XIX века // Вестник Томского гос. педагогического ун-та. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 8 (59).
15. Колосова Н. П. Россети черноокая. М., 2003.
16. Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. СПб., 2019.
17. Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 2014. Т. 1.
18. Манн Ю. В. Гнезда русской культуры: кружок и семья. М., 2016.
19. Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969 (Библиотека поэта. Большая сер.).
20. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 2. Кн. 1; Т. 3. Кн. 1.
21. Рассадин А. П. Об одном недоразумении в отношениях между Иваном Аксаковым и Николаем Языковым // Третьи Аксаковские чтения: Материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 г.). Ульяновск, 2011.
22. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986.
23. Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1979.
24. Рябий И. Г. Эволюция жанра послания в лирике поэтов пушкинской плеяды: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
25. Рябий И. Г. Жанр послания в лирике Н. М. Языкова // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе XVIII–XIX веков: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1986.
26. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С. В. Житомирская. М., 1989 (сер. «Литературные памятники»).

27. Хомяков А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2021. Т. 1.
 28. Языков Н. М. Соч. / Сост., вступ. статья, прим. А. А. Карпова. Л., 1982.
 29. Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья К. К. Бухмейер; сост., подг. текста и прим. К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинской. Л., 1988 (Библиотека поэта. Большая сер.).

References

1. Aksakov I. S. Pis'ma k rodnym, 1844–1849 / Izd. podg. T. F. Pirozhkova. M., 1988 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
2. Aksakov I. S. Stikhotvoreniia i poemy / Vstup. stat'ia A. G. Dement'eva i E. S. Kalmanovskogo; podg. teksta i prim. E. S. Kalmanovskogo. [L.], 1960 (Библиотека поэта. Bol'shaia ser.).
3. Annenkova E. I. Aksakovy i A. O. Smirnova-Rosset (modeli chastnoi i obshchestvennoi zhizni v kontekste kul'tury) // Vtorye Aksakovskie chteniia: Sb. materialov Vserossiiskoi nauch. konf. 21–24 sentiabria 2006 g. Ul'ianovsk, 2006.
4. Azadovskii M. Sud'ba literaturnogo nasledstva N. M. Iazykova // Lit. nasledstvo. 1935. T. 19/21.
5. Belinskii V. G. Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1955. T. 8.
6. Gertsen A. I. Sobr. soch.: V 30 t. M., 1956. T. 9.
7. Iazykov N. M. Soch. / Sost., vstup. stat'ia, prim. A. A. Karpova. L., 1982.
8. Iazykov N. M. Stikhotvoreniia i poemy / Vstup. stat'ia K. K. Bukhmeier; sost., podg. teksta i prim. K. K. Bukhmeier i B. M. Tolochinskoi. L., 1988 (Библиотека поэта. Bol'shaia ser.).
9. Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh: Epistoliarnyi dnevnik 1838–1886 gg. s predislavliem, kommentariiami i vospominaniami A. F. Aksakovi: V 3 t. / Sost., podg. teksta, prim. T. F. Prokopova. M., 2003. T. 1.
10. Kafanova O. B. Zhorzh Sand i nachalo razrusheniia patriarkhal'nogo soznaniia v russkoi literature XIX veka // Vestnik Tomskogo gos. pedagogicheskogo un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki (filologiya). 2006. Vyp. 8 (59).
11. Kalmanovskii E. S. Protivorechiia tvorcheskogo soznaniia: Poeziia Ivana Aksakova // Russkaia literatura. 1994. № 1.
12. Karpov A. A. Sud'ba Nikolaia Iazykova // Iazykov N. M. Soch. / Sost., vstup. stat'ia, prim. A. A. Karpova. L., 1982.
13. Kasatkina V. N. N. V. Gogol', Rosset-Smirnova i Ivan Aksakov: epizody literaturnogo obshcheniia // Russkaia slovesnost'. 1998. № 4.
14. Khomiakov A. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. SPb., 2021. T. 1.
15. Kolosova N. P. Rosseti chernookaia. M., 2003.
16. Koshelev V. A. Sto let sem'i Aksakovykh. SPb., 2019.
17. Lermontov M. Iu. Poln. sobr. soch.: V 4 t. SPb., 2014. T. 1.
18. Mann Iu. V. Gnezda russkoi kul'tury: kruzhek i sem'ia. M., 2016.
19. Miatlev I. P. Stikhotvoreniia. Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi. L., 1969 (Библиотека поэта. Bol'shaia ser.).
20. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L., 1948. T. 2. Kn. 1; T. 3. Kn. 1.
21. Rassadin A. P. Ob odnom nedorazumenii v otnosheniakh mezhdu Ivanom Aksakovym i Nikolaem Iazykovym // Tret'i Aksakovskie chteniia: Materialy mezhvuz. nauch. konf., posviashch. 220-letiiu so dnia rozhdeniia S. T. Aksakova (Ul'ianovsk, 21–24 sentiabria 2011 g.). Ul'ianovsk, 2011.
22. Riabii I. G. Evoliutsiia zhanra poslaniia v lirike poetov pushkinskoi pleiady: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1988.
23. Riabii I. G. Zhanr poslaniia v lirike N. M. Iazykova // Zhanrovo-stilevoe vzaimodeistvie liriki i eposa v russkoi literature XVIII–XIX vekov: Mezhevuz. sb. nauch. trudov. M., 1986.
24. Rostopchina E. P. Stikhotvoreniia. Proza. Pis'ma. M., 1986.
25. Russkoe stikhoslozhenie XIX v.: Materialy po metrike i strofike russkikh poetov / Otv. red. M. L. Gasparov. M., 1979.
26. Smirnova-Rosset A. O. Dnevnik. Vospominaniia / Izd. podg. S. V. Zhitomirskaiia. M., 1989 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
27. Viazemskii P. A. Stikhotvoreniia. L., 1986 (Библиотека поэта. Bol'shaia ser.).
28. Vikhrova N. N. Pushkinskie reministsentsii v predstavleniiakh I. S. Aksakova ob ideale russkoi zhenshchiny // XV Aksakovskie chteniia: Materialy mezhdunar. konf., Ufa, 24–26 sentiabria 2015 g. Ufa, 2015.
29. Zhukovskii V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2000. T. 2.

Ольга Леонидовна Фетисенко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Leonidovna Fetisenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5670-2656

betsy98@mail.ru

И. С. АКСАКОВ И М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ В ДИАЛОГЕ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**I. S. AKSAKOV AND M. F. DE-POULET
IN A DIALOGUE ABOUT RUSSIAN LITERATURE**

Источниковой основой статьи является неизданная переписка И. С. Аксакова с публицистом и литературным критиком М. Ф. Де-Пуле (1822–1895), особенно интересная тем, что в ней глубоко раскрываются воззрения славянофила на русскую литературу. В приложении публикуется письмо Аксакова, содержащее подробный рассказ-воспоминание о А. В. Кольцове, которому его собеседник посвятил книгу.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, М. Ф. Де-Пуле, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. В. Кольцов, литературная критика, переписка.

The source basis for this article is the unpublished correspondence between I. S. Aksakov and M. F. De-Poulet, which is especially interesting because it offers a profound insight into a Slavophile's views on Russian literature. The Appendix to the article contains a letter from Aksakov with detailed reminiscences on A. V. Koltsov, to whom his interlocutor had dedicated the book.

Key words: I. S. Aksakov, M. F. De-Poulet, I. S. Turgenev, I. A. Goncharov, A. V. Koltsov, literary criticism, correspondence.

Список литературы

1. Аксакова В. С. Дневники. Письма / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. СПб., 2013.
2. Балькова Л. А. Тургенев и журнал «Русская беседа»: попытка сближения // <https://turgenevmus.ru/turgenev-i-zhurnal-russkaya-beseda-popytka-sblizheniya/>; дата обращения: 20.10.2023.
3. Вихрова Н. Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2.
4. Вихрова Н. Н. Пушкин в историософском споре Ивана Аксакова и Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. 2023. № 3.
5. «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...»: Письма Кохановской (Н. С. Соханской) к М. Ф. Де-Пуле (1860–1866 гг.) / Вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020.
6. Гаспаров Б. М. Лингвистика национального самосознания (Значение споров 1860–1870 гг. о природе русской грамматики в истории философской и филологической мысли) // Логос. 1999. № 4 (14).
7. Греков В. Н. Иван Аксаков — сотрудник и редактор «Русской беседы» // «Русская беседа». История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб., 2011.
8. «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты / Под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб., 2017. Ч. 1.
9. И. А. Гончаров в неизданных письмах, дневниках и воспоминаниях современников / Публ. Н. Г. Розенблюма // Русская литература. 1969. № 1.
10. Ипатов С. А. Тургенев в Абрамцеве (1878): Забытые воспоминания С. С. Мамонтова // Тургеневский ежегодник 2015 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитрюхина, Л. А. Балькова. Орел, 2017.
11. Котов А. Э. «Великая идея всероссийзма»: Политическая публицистика М. Ф. Де-Пуле // Вестник Воронежского ун-та. Сер. История, политология, социология. 2016. № 1.
12. Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016.

13. Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21.
14. Кунильский А. Е., Кунильский Д. А. Пушкин в славянофильской критике: Учеб. пособие для студентов-филологов. Петрозаводск, 2014.
15. Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы. Петрозаводск, 2013.
16. Кунильский Д. А. О литературной холодности (Пушкин в восприятии А. Хомякова и И. Киреевского) // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2010. № 3 (108).
17. Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1865–1886) / Под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб., 2018.
18. Об издании «Русской беседы» (Записка К. С. Аксакова (1856) с ответом А. И. Кошелева) / Публ. и комм. А. П. Дмитриева // «Русская беседа». История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб., 2011.
19. Павлова В. А. Н. И. Второв и его кружок // Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX — начало XX в. Воронеж, 1970.
20. Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко, В. Ю. Шведов. СПб., 2016 (Славянофильский архив; кн. 3).
21. Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018.
22. Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле / Публ. М. Л. Семановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981.
23. Тургенев И. С. <Семейство Аксаковых и славянофилы> / Публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева // Русская литература. 1995. № 4.
24. Удодов Б. Т. Де-Пуле Михаил Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2.
25. Фетисенко О. Л. Кохановская: «степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. СПб., 2021.
26. Фетисенко О. Л. У истоков «положительного направления» в русской литературе: Кохановская (Н. С. Соханская) и С. Т. Аксаков // Традиции и современность. 2023. № 1.

References

1. Aksakova V. S. Dnevnik. Pis'ma / Izd. podg. T. F. Pirozhkova. SPb., 2013.
2. Balykova L. A. Turgenev i zhurnal «Russkaia beseda»: popytka sblizheniia // <https://turgenevmus.ru/turgenev-i-zhurnal-russkaya-beseda-popytka-sblizheniia/>; data obrashcheniia: 20.10.2023.
3. «Den'» I. S. Aksakova: Istoriia slavianofil'skoi gazety / Pod obshch. red. N. N. Vikhrovoi, A. P. Dmitrieva i B. F. Egorova. SPb., 2017. Ch. 1.
4. Fetisenko O. L. Kokhanovskaia: «stepnoi tsvetok» russkoi slovesnosti: Teksty i konteksty N. S. Sokhanskoj. SPb., 2021.
5. Fetisenko O. L. U istokov «polozhitel'nogo napravleniia» v russkoi literature: Kokhanovskaia (N. S. Sokhanskaia) i S. T. Aksakov // Traditsii i sovremennost'. 2023. № 1.
6. Gasparov B. M. Lingvistika natsional'nogo samosoznaniia (Znachenie sporov 1860–1870 gg. o prirode russkoi grammatiki v istorii filosofskoi i filologicheskoi mysli) // Logos. 1999. № 4 (14).
7. Grekov V. N. Ivan Aksakov — sotrudnik i redaktor «Russkoi besedy» // «Russkaia beseda». Istoriia slavianofil'skogo zhurnala: Issledovaniia. Materialy. Postateinaia rospis' / Pod red. B. F. Egorova, A. M. Pentkovskogo i O. L. Fetisenko. SPb., 2011.
8. I. A. Goncharov v neizdannykh pis'makh, dnevnikakh i vospominaniakh sovremennikov / Publ. N. G. Rozenbliuma // Russkaia literatura. 1969. № 1.
9. Ipatova S. A. Turgenev v Abramtseve (1878): Zabytye vospominaniia S. S. Mamontova // Turgenevskii ezhegodnik 2015 goda / Sost. i red. L. V. Dmitriukhina, L. A. Balykova. Orel, 2017.
10. Koshelev V. A. Pushkin i Khomiakov // Vremennik Pushkinskoi komissii. L., 1987. Vyp. 21.
11. Kotov A. E. «Tsarskii put'» Mikhaila Katkova: Ideologiia biurokraticeskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860–1890-kh godov. SPb., 2016.
12. Kotov A. E. «Velikaia ideia vsrossiizma»: Politicheskaiia publitsistika M. F. De-Pule // Vestnik Voronezhskogo un-ta. Ser. Istoriia, politologiia, sotsiologiia. 2016. № 1.
13. Kuniil'skii A. E., Kuniil'skii D. A. Pushkin v slavianofil'skoi kritike: Ucheb. posobie dlia studentov-filologov. Petrozavodsk, 2014.
14. Kuniil'skii D. A. Dostoevskii i brat'ia Aksakovy. Petrozavodsk, 2013.
15. Kuniil'skii D. A. O literaturnoi kholodnosti (Pushkin v vospriatii A. Khomiakova i I. Kireevskogo) // Uchen. zap. Petrozavodskogo gos. un-ta. 2010. № 3 (108).
16. Liudi russkoi pravdy: Perepiska I. S. Aksakova s gosudarstvennymi i obshchestvennymi deiateliami (1865–1886) / Pod obshch. red. A. P. Dmitrieva i B. F. Egorova. SPb., 2018.
17. Ob izdaniia «Russkoi besedy» (Zapiska K. S. Aksakova (1856) s otvetom A. I. Kosheleva) / Publ. i komm. A. P. Dmitrieva // «Russkaia beseda». Istoriia slavianofil'skogo zhurnala: Issledovaniia. Materialy. Postateinaia rospis' / Pod red. B. F. Egorova, A. M. Pentkovskogo i O. L. Fetisenko. SPb., 2011.

18. *Pavlova V. A. N. I. Vtorov i ego kruzhok // Ocherki literaturnoi zhizni Voronezhskogo kraia. XIX — nachalo XX v. Voronezh, 1970.*
19. *Perepiska I. S. Aksakova i Iu. F. Samarina (1848–1876) / Izd. podg. T. F. Pirozhkova, O. L. Fetisenko, V. Iu. Shvedov. SPb., 2016 (Slavianofil'skii arkhiv; kn. 3).*
20. *Sem'ia Aksakovykh i N. S. Sokhanskaia (Kokhanovskaia): Perepiska (1858–1884) / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. O. L. Fetisenko. SPb., 2018.*
21. *Suvorin A. S. Pis'ma k M. F. De-Pule / Publ. M. L. Semanovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1979 god. L., 1981.*
22. *Turgenev I. S. <Semeistvo Aksakovykh i slavianofily> / Publ. N. P. Generalovoi, A. Ia. Zvigil'skogo, V. A. Kosheleva // Russkaia literatura. 1995. № 4.*
23. *Udodov B. T. De-Pule Mikhail Fedorovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1992. T. 2.*
24. *Vikhrova N. N. Pushkin v dnevnike molodogo Ivana Aksakova // Russkaia literatura. 1999. № 2.*
25. *Vikhrova N. N. Pushkin v istoriosofskom spore Ivana Aksakova i Vladimira Solov'eva // Solov'evskie issledovaniia. 2023. № 3.*
26. «Vse my, blagorodno-prostodushnye provintsialy...»: Pis'ma Kokhanovskoi (N. S. Sokhanskoi) k M. F. De-Pule (1860–1866 gg.) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. O. L. Fetisenko // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god. SPb., 2020.*

Екатерина Сергеевна Левшина

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Sergeevna Levshina

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0001-7031-0261

svoim4eredom@mail.ru

ПЕРЕПИСКА И. С. АКСАКОВА И Р. А. ФАДЕЕВА 1874–1882 ГОДОВ

CORRESPONDENCE BETWEEN I. S. AKSAKOV AND R. A. FADEEV IN 1874–1882

В научный оборот вводится переписка видных общественно-политических деятелей 1860–1880-х годов: публициста И. С. Аксакова и военного писателя Р. А. Фадеева. Письма представляют значительный интерес как для понимания малоизвестных нюансов общественной атмосферы пореформенного периода, так и для более углубленного изучения мировоззренческих споров представителей политической публицистики, которые внесли вклад в разработку приемлемой, с их точек зрения, программы дальнейшего развития России.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, Р. А. Фадеев, политическая публицистика, Ф. И. Тютчев, «Русь», славянофильство.

The correspondence between the two prominent social and political figures of the 1860–1880s, I. S. Aksakov and R. A. Fadeev, is introduced into the academic circulation. The letters are most valuable both for understanding the obscure nuances of the social atmosphere of the post-reform period, and for the more in-depth studies of the ideological disputes among the political journalists who have contributed to the emergence of an arguably feasible program for the further development of Russia.

Key words: I. S. Aksakov, R. A. Fadeev, political journalism, F. I. Tyutchev, *Rus'*, Slavophilia.

Список литературы

1. *Волхонский М. А. Упразднение Кавказского наместничества в 1881–1882 гг. // Российская история. 2018. № 3.*
2. *Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.*
3. *Левшина Е. С. С. Ю. Витте и И. С. Аксаков в 1880-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3.*
4. *Морозов Е., Сергеев С. Опоздавший Потемкин // Фадеев Р. Кавказская война. М., 2005.*

5. Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. М., 1961. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877.
6. Письма Р. А. Фадеева Ю. Ф. Самарину / Публ. С. М. Сергеева // Фадеев Р. Кавказская война. М., 2005.
7. Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / Сост. С. В. Лебедев, Т. В. Личницкая; предисловие и комм. С. В. Лебедева. М., 2010.

References

1. Fadeev R. A. Gosudarstvennyi poriadok. Rossiia i Kavkaz / Sost. S. V. Lebedev, T. V. Lini-tskaia; predislovie i komm. S. V. Lebedeva. M., 2010.
2. Kuznetsov O. V. R. A. Fadeev: general i publitsist. Volgograd, 1998.
3. Levshina E. S. S. Iu. Vitte i I. S. Aksakov v 1880-e gg. // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2016. № 3.
4. Morozov E., Sergeev S. Opozdavshii Potemkin // Fadeev R. Kavkazskaia voina. M., 2005.
5. Osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga: Dokumenty: V 3 t. M., 1961. T. 1. Osvoboditel'naia bor'ba iuzhnykh slavian i Rossiia. 1875–1877.
6. Pis'ma R. A. Fadeeva Iu. F. Samarinu / Publ. S. M. Sergeeva // Fadeev R. Kavkazskaia voina. M., 2005.
7. Volkhonskii M. A. Uprazhdenie Kavkazskogo namestnichestva v 1881–1882 gg. // Rossiiskaia istoriia. 2018. № 3.

Игорь Николаевич Сухих

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Igor Nikolaevich Sukhikh

Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-5146-8733

igorlit50@mail.ru

**КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПЕТЕРБУРГСКОГО / ПЕТРОГРАДСКОГО / ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
XX ВЕК (К 300-ЛЕТИЮ СПБГУ)**

**DEPARTMENT OF RUSSIAN LITERATURE OF ST. PETERSBURG / PETROGRAD /
LENINGRAD UNIVERSITY: THE 20TH CENTURY
(TO THE 300TH ANNIVERSARY OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY)**

Статья посвящена истории кафедры русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета — одной из лучших кафедр России/СССР XX века. Выделяются три эпохи ее развития, излагаются биографии многих ученых, представлена подробная библиография.

Ключевые слова: семинарий, космополитизм, С. А. Венгеров, В. Н. Перетц, Г. А. Гукровский, Б. М. Эйхенбаум, Г. П. Макогоненко.

The article outlines the history of the Department of Russian Literature, St. Petersburg State University — one of the most prominent 20th-century departments in Russia/USSR. Three periods of its evolvement are described, life stories of many scholars are traced, and a detailed bibliography is offered.

Key words: Seminary, Cosmopolitanism, S. A. Vengerov, V. N. Peretz, G. A. Gukovsky, B. M. Eichenbaum, G. P. Makogonenko.

Список литературы

1. Азадовский К. М., Егоров Б. Ф. Космополиты // Новое литературное обозрение. 1999. № 36.
2. Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6.

3. Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове. 1896–1969 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова, Е. Д. Кукушкина. М., 2005.
4. Вспоминая Аскольда Борисовича Муратова // Санкт-Петербургский университет. 2006. № 14/15 (см.: <http://old.journal.spbu.ru/2006/14/25.shtml>; дата обращения: 31.10.2023).
5. *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.
6. Доцент Геннадий Владимирович Иванов: памяти филолога. СПб., 2004.
7. *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1–2.
8. *Зыкова Г. В., Пенская Е. Н.* Д. Е. Максимов в переписке с А. И. Журавлевой: документы к истории лермонтоведения второй половины XX века // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 6.
9. *Иванов М. В.* Университетские филологи. СПб., 2009.
10. *Иезуитова Л. А.* Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избр. труды. СПб., 2010.
11. Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц / Публ., подг. текста, вступ. заметка и прим. Б. Ф. Егорова // Звезда. 2004. № 12.
12. *Картов А. А.* Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819–1919) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы. Взгляд из России — взгляд из зарубежья. СПб., 2011.
13. *Кривулин В.* Выступление на вечере, посвященном 90-летию Д. Е. Максимова // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения. М., 2007.
14. *Лавров А. В.* Д. Е. Максимов в штрихах благодарной памяти // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения. М., 2007.
15. *Левкович Я.* Борис Викторович Томашевский // Вопросы литературы. 1979. № 11.
16. Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 2015.
17. *Лотман Ю. М.* Воспитание души. СПб., 2005.
18. *Ляпина Л. Е.* Борис Федорович Егоров // Культура и текст. 2016. № 2 (25).
19. *Ляпушкина Е. И.* Литературная герменевтика. Теория и практика. СПб., 2020.
20. *Макогоненко Г. П.* Павел Наумович Берков: К семидесятилетию со дня рождения // Русская литература. 1966. № 4.
21. *Мандельштам О. Э.* Египетская марка // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 3 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. Т. 2.
22. *Маркович В.* Бялый Григорий (Гирш) Абрамович // Литераторы Санкт-Петербурга. XX век. Энциклопедический словарь (см.: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/b/byalyj-j>; дата обращения: 31.10.2023).
23. *Маркович В. М.* Избр. работы. СПб., 2008.
24. *Маркович В. М.* Мифы и биографии. Из истории критики и литературоведения в России. СПб., 2007.
25. *Маркович В. М.* Наследник высоких традиций. Г. А. Бялый // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Вып. 4.
26. *Маркович В. М.* О Пушкине. Работы разных лет. СПб., 2023.
27. *Маркович В. М.* О Тургеневе. Работы разных лет. СПб., 2018.
28. *Маркович В. М.* Русская литература Золотого века. Лекции. СПб., 2019.
29. *Муратов А. Б.* Изучение русской литературы в Санкт-Петербургском — Петроградском — Ленинградском университете // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. 4-е изд. (юбилейное), испр. и доп. СПб., 2008.
30. *Некрасов В.* Памяти Г. П. Макогоненко. Некролог для радио. 20 октября 1986 г. (см.: <https://nekrassov-viktor.com/books/nekrassov-pamiati-makogonenko>; дата обращения: 31.10.2023).
31. О древней и новой русской литературе. Сборник статей в честь проф. Н. С. Демковой. СПб., 2005.
32. Онтология стиха: памяти Владислава Евгеньевича Холшевникова. СПб., 2000.
33. Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. СПб., 2016.
34. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
35. Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000.
36. *Пиксанов Н. К.* История русской литературы в Ленинградском университете за 120 лет // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. 4-е изд. (юбилейное), испр. и доп. СПб., 2008.
37. *Пиксанов Н. К.* Русское литературоведение в Петербургском — Ленинградском университете // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. 4-е изд. (юбилейное), испр. и доп. СПб., 2008.

38. Пиксанов Н. К., Соколов Н. И. Изучение русской литературы в Петербургском — Ленинградском университете (1819–1969) // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. 4-е изд. (юбилейное), испр. и доп. СПб., 2008.
39. Прекраснейшей: сборник памяти Елены Душечкиной. СПб., 2022.
40. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000.
41. Робинсон М. А. Академик В. Н. Перетц — ученик и учитель // Славянский альманах. 2002. М., 2003.
42. Робинсон М. А. Методологическое новаторство В. Н. Перетца в изучении истории литературы: К 150-летию со дня рождения ученого // Славянский альманах. 2020. М., 2020. Вып. 3–4.
43. Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для студентов, преподавателей и для самообразования. М., 2010.
44. Слуцкий Б. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 2.
45. Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: Сб. статей и материалов (Памяти Л. А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). СПб., 2010.
46. Сухих И. Н. Толстой Эйхенбаума: энергия постижения (1919–1959) // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб., 2009.
47. Сухих И. Н. Чеховед Скафтымов: размышления о методе (Несколько положений) // Сухих И. Н. От... и до... СПб., 2015.
48. Томашевский Б. В. Формальный метод (Вместо некролога) (1925) // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976. Вып. 1 / Изд. подг. И. Чернов.
49. Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Н. М. Герасимовой. СПб., 2002.
50. Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984.
51. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1976. Письма. Т. 3.
52. Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2013. Т. 12.
53. Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989.
54. Шкловский В. Тетива. О несходстве сходного. М., 1970.
55. Эйхенбаум Б. М. Мой современник. Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001.
56. Эйхенбаум Б. М. О П. Н. Беркове // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7.
57. Номо universitatis: Памяти Аскольда Борисовича Муратова (1937–2005). СПб., 2005.

References

1. Azadovskii K. M., Egorov B. F. Kosmopolity // Novoe literaturnoe obozrenie. 1999. № 36.
2. Azadovskii K., Egorov B. O nizkopoklonstve i kosmopolitizme: 1948–1949 // Zvezda. 1989. № 6.
3. Chekhov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. M., 1976. Pis'ma. T. 3.
4. Chukovskii K. I. Sobr. soch.: V 15 t. M., 2013. T. 12.
5. Chukovskii N. K. Literaturnye vospominaniia. M., 1989.
6. Dotsent Gennadii Vladimirovich Ivanov: pamiati filologa. SPb., 2004.
7. Druzhinin P. A. Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie. M., 2012. T. 1–2.
8. Eikhnenbaum B. M. Moi vremennik. Khudozhestvennaia proza i izbrannye stat'i 20–30-kh godov. SPb., 2001.
9. Eikhnenbaum B. M. O P. N. Berkove // XVIII vek. M.; L., 1966. Sb. 7.
10. Ginzburg L. Ia. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse. SPb., 2002.
11. Homo universitatis: Pamiati Askol'da Borisovicha Muratova (1937–2005). SPb., 2005.
12. Iezuitova L. A. Leonid Andreev i literatura Serebriannogo veka: Izbr. trudy. SPb., 2010.
13. Ivanov M. V. Universitetskie filologi. SPb., 2009.
14. Iz perepiski D. E. Maksimova s Iu. M. Lotmanom i Z. G. Mints / Publ., podg. teksta, vstup. zametka i prim. B. F. Egorova // Zvezda. 2004. № 12.
15. Karpov A. A. Kafedra istorii russkoi literatury Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: epokhi i imena (1819–1919) // Aktual'nye problemy izucheniia i prepodavaniia russkoi literatury. Vzgljad iz Rossii — vzgljad iz zarubezh'ia. SPb., 2011.
16. Krivulin V. Vystuplenie na vechere, posviashchennom 90-letiiu D. E. Maksimova // Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamiati druzei, kolleg, uchenikov: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia. M., 2007.
17. Lavrov A. V. D. E. Maksimov v shtrikhakh blagodarnoi pamiati // Dmitrii Evgen'evich Maksimov v pamiati druzei, kolleg, uchenikov: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia. M., 2007.
18. Levkovich Ia. Boris Viktorovich Tomashevskii // Voprosy literatury. 1979. № 11.

19. *Liapina L. E.* Boris Fedorovich Egorov // Kul'tura i tekst. 2016. № 2 (25).
20. *Liapushkina E. I.* Literaturnaia germenevtika. Teoriia i praktika. SPb., 2020.
21. Literaturnyi Sankt-Peterburg. XX vek. Entsiklopedicheskii slovar': V 3 t. SPb., 2015.
22. *Lotman Iu. M.* Vospitanie dushi. SPb., 2005.
23. *Makogonenko G. P.* Pavel Naumovich Berkov: K semidesiatiletiiu so dnia rozhdeniia // Russkaia literatura. 1966. № 4.
24. *Mandel'shtam O. E.* Egipetskaia marka // Mandel'shtam O. E. Sobr. soch.: V 3 t. 3-e izd., ispr. i dop. SPb., 2020. T. 2.
25. *Markovich V.* Bialyi Grigorii (Girsh) Abramovich // Literaturnyi Sankt-Peterburga. XX vek. Entsiklopedicheskii slovar' (<https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/b/byalyj->; data obrashcheniia: 31.10.2023).
26. *Markovich V. M.* Izbr. raboty. SPb., 2008.
27. *Markovich V. M.* Mify i biografii. Iz istorii kritiki i literaturovedeniia v Rossii. SPb., 2007.
28. *Markovich V. M.* Naslednik vysokikh traditsii. G. A. Bialyi // Deiateli russkoi nauki XIX–XX vekov. SPb., 2008. Vyp. 4.
29. *Markovich V. M.* O Pushkine. Raboty raznykh let. SPb., 2023.
30. *Markovich V. M.* O Turgeneve. Raboty raznykh let. SPb., 2018.
31. *Markovich V. M.* Russkaia literatura Zolotogo veka. Lektsii. SPb., 2019.
32. *Muratov A. B.* Izuchenie russkoi literatury v Sankt-Peterburgskom — Petrogradskom — Leningradskom universitete // Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy k istorii fakul'teta. 4-e izd. (iubileinoe), ispr. i dop. SPb., 2008.
33. *Nekrasov V.* Pamiati G. P. Makogonenko. Nekrolog dlia radio. 20 oktiabria 1986 g. (<https://nekrasov-viktor.com/books/nekrasov-pamiati-makogonenko>; data obrashcheniia: 31.10.2023).
34. O drevnei i novoi russkoi literature. Sbornik statei v chest' prof. N. S. Demkovo. SPb., 2005.
35. Ontologiiia stikha: pamiati Vladislava Evgen'evicha Kholshevnikova. SPb., 2000.
36. Ostrova liubvi BorFed: Sbornik k 90-letiiu Borisa Fedorovicha Egorova. SPb., 2016.
37. *Paips R.* Rossiia pri starom rezhime. M., 1993.
38. Pamiati Georgiia Panteleimonovicha Makogonenko: Sbornik statei, vospominanii i dokumentov. SPb., 2000.
39. *Piksanov N. K.* Istoriia russkoi literatury v Leningradskom universitete za 120 let // Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy k istorii fakul'teta. 4-e izd. (iubileinoe), ispr. i dop. SPb., 2008.
40. *Piksanov N. K.* Russkoe literaturovedenie v Peterburgskom — Leningradskom universitete // Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy k istorii fakul'teta. 4-e izd. (iubileinoe), ispr. i dop. SPb., 2008.
41. *Piksanov N. K., Sokolov N. I.* Izuchenie russkoi literatury v Peterburgskom — Leningradskom universitete (1819–1969) // Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy k istorii fakul'teta. 4-e izd. (iubileinoe), ispr. i dop. SPb., 2008.
42. Prekrasneishei: sbornik pamiati Eleny Dushechkinoi. SPb., 2022.
43. *Pumpianskii L. V.* Klassicheskaia traditsiia: Sobr. trudov po istorii russkoi literatury. M., 2000.
44. *Robinson M. A.* Akademik V. N. Peretts — uchenik i uchitel' // Slavianskii al'manakh. 2002. M., 2003.
45. *Robinson M. A.* Metodologicheskoe novatorstvo V. N. Perettsa v izuchenii istorii literatury: K 150-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo // Slavianskii al'manakh. 2020. M., 2020. Vyp. 3–4.
46. *Rosovetskii S. K.* Pamiatnik istorii literaturovedeniia — ili universitetskoe posobie na vse vremena? // Peretts V. N. Kratkii ocherk metodologii istorii russkoi literatury. Posobie i spravochnik dlia studentov, prepodavatelei i dlia samoobrazovaniia. M., 2010.
47. *Shklovskii V.* Tetiva. O neshkodstve skhodnogo. M., 1970.
48. *Slutskii B. A.* Sobr. soch.: V 3 t. M., 1991. T. 2.
49. Sud'by literatury Serebrianaogo veka i russkogo zarubezh'ia: Sb. statei i materialov (Pamiati L. A. Iezuitovoi: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia). SPb., 2010.
50. *Sukhikh I. N.* Chekhoved Skaftymov: razmyshleniia o metode (Neskol'ko polozhenii) // Sukhikh I. N. Ot... i do... SPb., 2015.
51. *Sukhikh I. N.* Tolstoi Eikhenbauma: energiiia postizheniia (1919–1959) // Eikhenbaum B. M. Lev Tolstoi. Issledovaniia. Stat'i. SPb., 2009.
52. *Tomashevskii B. V.* Formal'nyi metod (Vmesto nekrologa) // Khrestomatiiia po teoreticheskomu literaturovedeniiu. Tartu, 1976. Vyp. 1 / Izd. podg. I. Chernov.
53. Traditsionnye modeli v fol'klоре, literature, iskusstve: V chest' N. M. Gerasimovoi. SPb., 2002.
54. Tynianovskii sbornik. Pervye Tynianovskie chteniia. Riga, 1984.
55. Vospominaniia o Pavle Naumoviche Berkove. 1896–1969 / Otv. red. N. D. Kochetkova, E. D. Kukushkina. M., 2005.
56. Vspominaia Askol'da Borisovicha Muratova // Sankt-Peterburgskii universitet. 2006. № 14/15.

57. *Zykova G. V., Penskaia E. N. D. E. Maksimov v perepiske s A. I. Zhuravlevoi: dokumenty k istorii lermontovedeniia vtoroi poloviny XX veka // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. 2014. № 6.*

Дмитрий Михайлович Буланин

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Dmitrii Mikhailovich Bulanin

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5480-7964

dmitriibulanin@yandex.ru

**СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ
И ВОПРОС О «ЛИТЕРАТУРНОЙ ИГРЕ» ИВАНА ГРОЗНОГО**

**SIMEON BEKBULATOVICH AND THE QUESTION
OF THE «LITERARY GAME» PLAYED BY IVAN THE TERRIBLE**

В связи с опубликованной А. В. Беляковым биографией татарского царевича Симеона Бекбулатовича, целый год, по требованию Ивана Грозного, сидевшего на московском престоле, в статье обсуждается знаменитая челобитная Грозного, адресованная царем его «заменителю». Челобитная считается образцом присущей царю «скоморошьей» манеры манипулировать словом, нашедшей отражение в серии известных его посланий. Автор предлагает понимать игровые приемы Ивана Грозного как серию конфессионально мотивированных поступков или высказываний. Это лучше согласуется с культурным контекстом XVI века, нежели распространенные в научной литературе ссылки на прикрываемую юродством изощренную жестокость тирана.

Ключевые слова: челобитная, юродивый, экзегеза, символ, типология, скоморох.

Contesting the latest biography (compiled by A. V. Belyakov) of the Tatar Prince Simeon Bekbulatovich, who, at the request of Ivan the Terrible, had occupied the Moscow throne for a whole year, the author of the article discusses the famous petition addressed by the Tsar to his «substitute». The petition is generally considered to be a sample of the Tsar's «buffoonish» manner of verbal manipulations, that are also traceable in quite a number of his epistles. The author of the article suggests that Ivan the Terrible's game technique should be understood as a sequence of actions and statements stimulated by his religious experience. This is in better agreement with the cultural context of the 16th century than the standard references to the sophisticated cruelty of the tyrant, who pretended to be a holy fool.

Key words: petition, holy fool, exegesis, symbol, typology, buffoon.

Список литературы

1. *Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: Пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2022.*
2. *Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.*
3. *Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печати, пер., комм. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951 (сер. «Литературные памятники»).*
4. *Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005 (сер. «Studia historica»).*
5. *Лилеев Н. В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской, 1567–1616 (Исторический очерк). Тверь, 1891.*
6. *Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд., доп. М., 1979.*
7. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3.*

8. Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха. Статья первая // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37.
9. Полн. собр. русских летописей. М., 1978. Т. 34.
10. Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. и комм. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951 (сер. «Литературные памятники»).
11. Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
12. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017.
13. Чернявский М. Хан или василевс: Один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь.
14. Halperin Ch. Simeon Bekbulatovich and Mongol Influence on Ivan's Muscovy // Russian History. 2012. Vol. 39. № 3.

References

1. Beliaikov A. V. Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie. Riazan', 2011.
2. Beliaikov A. V. Simeon Bekbulatovich: Primer adaptatsii vykhodtsev s Vostoka v Rossii XVI v. SPb., 2022.
3. Cherniavskii M. Khan ili vasilevs: Odin iz aspektov russkoi srednevekovoi politicheskoi teorii // Iz istorii russkoi kul'tury. M., 2002. Т. 2. Кн. 1. Kievskaja i Moskovskaja Rus'.
4. Halperin Ch. Simeon Bekbulatovich and Mongol Influence on Ivan's Muscovy // Russian History. 2012. Vol. 39. № 3.
5. Ivanov S. A. Blazhennye pokhaby: Kul'turnaia istoriia iurodstva. M., 2005 (ser. «Studia historica»).
6. Likhachev D. S. Velikoe nasledie: Klassicheskie proizvedeniia literatury Drevnei Rusi. 2-e izd., dop. M., 1979.
7. Lileev N. V. Simeon Bekbulatovich, khan Kasimovskii, velikii kniaz' vseia Rusi, vposledstviu velikii kniaz' Tverskoi, 1567–1616 (Istoricheskii ocherk). Tver', 1891.
8. Lotman Iu. M., Uspenskii B. A. Novye aspekty izucheniia kul'tury Drevnei Rusi // Voprosy literatury. 1977. № 3.
9. Panchenko A. M., Uspenskii B. A. Ivan Groznyi i Petr Velikii: Kontseptsii pervogo monarkha. Stat'ia pervaja // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1983. Т. 37.
10. Poln. sobr. russkikh letopisei. M., 1978. Т. 34.
11. Poslaniia Ivana Groznogo / Podg. teksta D. S. Likhacheva i Ia. S. Lur'e; per. i komm. Ia. S. Lur'e; pod red. V. P. Adrianovoi-Peretts. M.; L., 1951 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
12. Uspenskii B. A. Tsar' i patriarkh: Kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie). M., 1998.
13. Uspenskii B. A., Uspenskii F. B. Inocheskie imena na Rusi. M.; SPb., 2017.
14. Vremennik Ivana Timofeeva / Podg. k pečati, per., komm. O. A. Derzhavinoi; pod red. V. P. Adrianovoi-Peretts. M.; L., 1951 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

Сергей Иванович Николаев

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Ivanovich Nikolaev

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0900-9226

sergej_nikolaev2@mail.ru

ЖИТИЕ МЕРКУРИЯ СМОЛЕНСКОГО: С РУССКОГО НА ПОЛЬСКИЙ И ОБРАТНО

THE VITA OF MERCURIUS OF SMOLENSK: RUSSIAN INTO POLISH AND BACK

В первой половине XVII века после завоевания поляками Смоленска на польский язык было переведено житие святого Меркурия Смоленского. После отвоевания в 1654 году города русскими, в 1656 году был выполнен обратный перевод. В научный оборот вводится обнаруженный сокращенный вариант польского перевода жития, который показывает изменения в рассказе о святом некоторых смысловых акцентов. В работе прослеживается также последующая судьба образа Меркурия в польской письменности и религии вплоть до середины XX века, приводится текст жития на польском языке.

Ключевые слова: Меркурий Смоленский, агиография, польско-русские литературные связи, компаративистика.

In the first half of the 17th century, when Smolensk was conquered by the Poles, the Vita of the Saint Mercurius of Smolensk was translated into Polish. Following the reconquest of the city by the Russians in 1654, a reverse translation was made in 1656. The discovered abridged version of the Polish translation of the Vita is introduced into the academic circulation, showing that certain semantic accents in the story of the Saint have been shifted. The article also traces the subsequent history of the representation of Mercurius in the Polish literature and religion, up to the mid-20th century; the text of the Vita in Polish is published in the Appendix.

Key words: Mercurius of Smolensk, hagiography, Polish-Russian literary relations, comparative studies.

Список литературы

1. *Бахтина О. Н.* Повесть о Меркурии Смоленском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.
2. *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989.
3. *Рамазанова Н. В.* Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. СПб., 2005.
4. *Стороженко Э. А.* К вопросу о Смоленском (Западнорусском) варианте повествования о св. мч. Меркурии Смоленском // Культура как текст. М.; Смоленск, 2008. Вып. 8.
5. *Bunin I.* Suchodoły / Przełożył J. Iwaszkiewicz // Twórczość. 1968. № 8.
6. *Dramat staropolski od początków do powstania sceny narodowej: Bibliografia.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2. Programy drukiem wydane do r. 1765. Cz. 1. Programy teatru jezuickiego / Opr. W. Korotaj, J. Szwedowska, M. Szymańska.
7. *Jankowska L. A.* Z dziejów polskich zainteresowań hagiografią bizantyńsko-słowiańską. «Słowo o świętym Merkurym Smoleńskim» w interpretacji poetyckiej Jarosława Iwaszkiewicza // Chrześcijański Wschód a kultura polska. Lublin, 1989.
8. *Księga imion i świętych / Opr. H. Fros i F. Sowa.* Kraków, 2004. T. 4. М–Р.
9. *Opowieść o Merkurym Smoleńskim // Opowieść o niewidzialnym grodzie Kiteju. Z legend i podań dawnej Rusi / Wybrał, przełożył i opracował R. Łużny.* Warszawa, 1988.

References

1. *Bakhtina O. N.* Povest' o Merkurii Smolenskom // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1989. Vyp. 2. Ch. 2.
2. *Bunin I.* Suchodoły / Przełożył J. Iwaszkiewicz // Twórczość. 1968. № 8.
3. *Dramat staropolski od początków do powstania sceny narodowej: Bibliografia.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2. Programy drukiem wydane do r. 1765. Cz. 1. Programy teatru jezuickiego / Opr. W. Korotaj, J. Szwedowska, M. Szymańska.
4. *Jankowska L. A.* Z dziejów polskich zainteresowań hagiografią bizantyńsko-słowiańską. «Słowo o świętym Merkurym Smoleńskim» w interpretacji poetyckiej Jarosława Iwaszkiewicza // Chrześcijański Wschód a kultura polska. Lublin, 1989.
5. *Księga imion i świętych / Opr. H. Fros i F. Sowa.* Kraków, 2004. T. 4. М–Р.
6. *Nikolaev S. I.* Pol'skaia poezia v russkikh perevodakh: Vtoraiia polovina XVII — pervaiia tret' XVIII v. L., 1989.
7. *Opowieść o Merkurym Smoleńskim // Opowieść o niewidzialnym grodzie Kiteju. Z legend i podań dawnej Rusi / Wybrał, przełożył i opracował R. Łużny.* Warszawa, 1988.
8. *Ramazanova N. V.* Sviatye russkie rimliane: Antonii Rimlianin i Merkurii Smolenskii. SPb., 2005.
9. *Storozhenko E. A.* K voprosu o Smolenskom (Zapadnorusskom) variante povestvovaniia o sv. mch. Merkurii Smolenskom // Kul'tura kak tekst. M.; Smolensk, 2008. Vyp. 8.

Александр Валерьевич Пигин

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Valerievich Pigin

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9306-1421

av-pigin@yandex.ru

Светлана Алексеевна Семячко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Alekseevna Semiachko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0697-4418

svetlanasm08@mail.ru

**СЕВЕРНОРУССКИЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ
В «АЛФАВИТЕ РОССИЙСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ...»
СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КНИЖНИКА ИОНЫ КЕРЖЕНСКОГО**

**THE NORTHERN RUSSIAN VITAS OF SAINTS
IN THE ALPHABET OF RUSSIAN MIRACLE WORKERS...
BY THE OLD-BELIEVER SCRIBE JONAH KERZHENSKY**

В статье анализируются севернорусские жития святых, входящие в состав агиографического сборника рубежа XVIII–XIX веков «Алфавит российских чудотворцев...» старообрядческого книжника Ионы Керженского. В центре внимания авторов — жития Александра Свирского, Зосимы и Савватия Соловецких, Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого, Иоасафа Каменского, Александра Куштского, Григория Пельшемского и другие сочинения, включенные в «Алфавит...» в редакциях Ионы. Установлены источники этих переработок, исследованы основные редакторские приемы составителя сборника.

Ключевые слова: Иона Керженский, рукописная книжность, агиография, старообрядчество, текстология.

The article analyzes the Northern Russian vitas of saints, included into the hagiographic collection of the turn of the 18-19th centuries, *The Alphabet of Russian Miracle Workers...* by the Old-Believer scribe Jonah Kerzhensky. The authors focus on the lives of Alexander Svirsky, Zosima and Savvati Solovetsky, Dimitri Prilutsky, Dionysius Glushitsky, Joasaph Kamensky, Alexander Kushtsky, Grigory Pelschensky, and on the other works edited by Jonah and included into the *Alphabet...* The sources of these new versions are established, the main editorial techniques of the compiler are researched.

Key words: Jonah Kerzhensky, handwritten books, hagiography, Old Believers, textology.

Список литературы

1. *Байдин В. И.* Кто ты, Иона Курносый // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995.
2. *Вознесенский А. В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996.

3. *Денисов С.* История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подг. Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко. М., 2002.
4. *Дмитриева Р. П.* Житие Германа Соловецкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. А—Ж.
5. Житие протопopa Аввакума // Житие протопopa Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой / Изд. подг. Н. В. Поньрко. СПб., 1994.
6. *Лихачев Д. С.* Текстология: на материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983.
7. *Лукьянов В. В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. 3.
8. *Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прорисы и переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 2. Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII—XIX веков.
9. *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). М., 2001. Т. 1.
10. *Панченко О. В.* Книга «Сад спасения» — соловецкий агиографический свод переходной эпохи: история текста // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2022. Т. 69.
11. *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
12. *Пигин А. В.* Краткие редакции Жития Александра Ошевенского // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации: Сб. статей к 70-летию Александра Гавриловича Мельника. М., 2022.
13. *Пигин А. В., Юхименко Е. М.* Преподобный Александр Ошевенский: Житие, похвальные слова, молитвы: Исследование и тексты. СПб., 2023.
14. *Полетаева Е. А.* Лонгин, Герман и Боголеп Кожеезерские // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41.
15. Преподобный Димитрий Прилуцкий: Житие и Служба / Изд. подг. С. А. Семячко и Ф. В. Панченко. Вологда, 2018.
16. *Романова А. А.* «Полный месяцеслов» Ф. П. Бабушкина // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3.
17. *Семячко С. А.* Житие Александра Куштского // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005.
18. *Семячко С. А.* Житие Амфилохия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005.
19. *Семячко С. А.* Житие Дионисия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005.
20. *Семячко С. А.* К истории текста Жития Григория Пельшемского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57.
21. *Семячко С. А.* Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь в памятниках средневековой русской письменности. Вологда, 2021.
22. *Семячко С. А.* Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. [Т. 1].
23. *Сироткин С. В.* Белбажские скиты в XVIII в. // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3.
24. *Соболева А. Е.* «Якоже вторый Авраамъ»: как рассказывали о явлении Пресвятой Троицы прп. Александру Свирскому книжники XVI—XIX вв. // *Hermeneumata* — 70. Сб. науч. статей к 70-летию А. М. Камчатнова (в печати).
25. *Турилов А. А.* Иона Керженский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 25.
26. *Турилов А. А., Чернецов А. В.* Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002.
27. *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667—1676 гг. Новосибирск, 1998.
28. *Юхименко Е. М.* «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2010. Т. 61.
29. *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2.
30. *Юхименко Е. М.* Старообрядчество: История и культура. М., 2016.
31. *Karvonen I.* Pyhän Aleksanteri Syväriläisen koulukunta — 1500-luvun luostarihistoriaa vai 1800-luvun venäläiskansallista tulkintta? Joensuu, 2013.

References

1. *Baidin V. I.* Kto ty, Iona Kurnosyi // *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoi kul'tury*. 1994. Ekaterinburg, 1995.

2. *Chumicheva O. V.* Solovetskoe vosstanie 1667–1676 gg. Novosibirsk, 1998.
3. *Denisov S.* Istoriia ob ottsakh i stradal'tsakh solovetskikh: Litsevoi spisok iz sobraniia F. F. Mazurina / Izd. podg. N. V. Ponyrko i E. M. Iukhimenko. M., 2002.
4. *Dmitrieva R. P.* Zhitie Germana Solovetskogo // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1988. Vyp. 2. Vtoraia polovina XIV — XVI v. Ch. 1. A–K.
5. *Iukhimenko E. M.* «Slovo vospominatel'noe o sviatykh chudotvortsakh, v Rossii vossiiavshikh» Semena Denisova kak otrazhenie kul'turno-agiologicheskikh nachinanii Vyga // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2010. T. 61.
6. *Iukhimenko E. M.* Staroobriadchestvo: Istoriia i kul'tura. M., 2016.
7. *Iukhimenko E. M.* Vygovskaia staroobriadcheskaia pustyn': dukhovnaia zhizn' i literatura. M., 2002. T. 2.
8. *Karvonen I.* Pyhän Aleksanteri Syväriläisen koulukunta — 1500-luvun luostarihistoriaa vai 1800-luvun venäläiskansallista tulkintaa? Joensuu, 2013.
9. *Likhachev D. S.* Tekstologia: na materiale russkoi literatury X–XVII vekov. L., 1983.
10. *Luk'ianov V. V.* Kratkoe opisanie kolleksii rukopisei Iaroslavskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia // Kraevedcheskie zapiski. Iaroslavl', 1958. Vyp. 3.
11. *Markelov G. V.* Sviatyie Drevnei Rusi: Materialy po ikonografii (prorisi i perevody, ikonopisnye podlinniki). SPb., 1998. T. 2. Sviatyie Drevnei Rusi v ikonopisnykh podlinnikakh XVII–XIX vekov.
12. *Mineeva S. V.* Rukopisnaia traditsiia Zhitia prep. Zosimy i Savvatiia Solovetskikh (XVI–XVIII vv.). M., 2001. T. 1.
13. *Panchenko O. V.* Kniga «Sad spaseniia» — solovetskii agiograficheskii svod perekhodnoi epokhi: istoriia teksta // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2022. T. 69.
14. *Pigin A. V.* Kratkie redaktsii Zhitia Aleksandra Oshevskogo // Akroterii. Problemy istorii, iskusstvovedeniia, arkhitektury i restavratsii: Sb. statei k 70-letiiu Aleksandra Gavrilovicha Mel'nika. M., 2022.
15. *Pigin A. V.* Videniia potustoronnego mira v russkoi rukopisnoi knizhnosti. SPb., 2006.
16. *Pigin A. V., Iukhimenko E. M.* Prepodobnyi Aleksandr Oshevskii: Zhitie, pochval'nye slova, molitvy: Issledovanie i teksty. Spb., 2023.
17. *Poletava E. A.* Longin, German i Bogolep Kozhezerskie // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2016. T. 41.
18. Prepodobnyi Dimitrii Prilutskii: Zhitie i Sluzhba / Izd. podg. S. A. Semiachko i F. V. Panchenko. Vologda, 2018.
19. *Romanova A. A.* «Polnyi mesiatseslov» F. P. Babushkina // Russkaia agiografia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii. SPb., 2017. T. 3.
20. *Semiachko S. A.* K istorii teksta Zhitia Grigoriia Pel'shenskogo // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2006. T. 57.
21. *Semiachko S. A.* Prepodobnyi Ioasaf Kamenskii i Spaso-Kamennyi monastyr' v pamiatnikakh srednevekovoii russkoi pis'mennosti. Vologda, 2021.
22. *Semiachko S. A.* Problemy izucheniia regional'nykh agiograficheskikh traditsii (na primere vologodskoi agiografii) // Russkaia agiografia: Issledovaniia. Publikatsii. Polemika. SPb., 2005. [T. 1].
23. *Semiachko S. A.* Zhitie Aleksandra Kushtskogo // Sviatyie podvizhniki i obiteli Russkogo Severa: Ust'-Shekhonskii Troitskii, Spaso-Kamennyi, Dionis'ev Glushitskii i Aleksandrov Kushtskii monastyri i ikh obitateli / Izd. podg. G. M. Prokhorov i S. A. Semiachko. SPb., 2005.
24. *Semiachko S. A.* Zhitie Amfilokhiia Glushitskogo // Sviatyie podvizhniki i obiteli Russkogo Severa: Ust'-Shekhonskii Troitskii, Spaso-Kamennyi, Dionis'ev Glushitskii i Aleksandrov Kushtskii monastyri i ikh obitateli / Izd. podg. G. M. Prokhorov i S. A. Semiachko. SPb., 2005.
25. *Semiachko S. A.* Zhitie Dionisiia Glushitskogo // Sviatyie podvizhniki i obiteli Russkogo Severa: Ust'-Shekhonskii Troitskii, Spaso-Kamennyi, Dionis'ev Glushitskii i Aleksandrov Kushtskii monastyri i ikh obitateli / Izd. podg. G. M. Prokhorov i S. A. Semiachko. SPb., 2005.
26. *Sirotkin S. V.* Belbzhskie skity v XVIII v. // Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.). M., 2004. Vyp. 3.
27. *Soboleva A. E.* «Iakozhe vtoryi Avraam'»: kak rasskazyvali o iavlenii Presvatoi Troitsy prp. Aleksandru Svirskomu knizhniku XVI–XIX vv. // Hermeneumata — 70. Sb. nauch. statei k 70-letiiu A. M. Kamchatnova (v pechati).
28. *Turilov A. A.* Iona Kerzhenskii // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2011. T. 25.
29. *Turilov A. A., Chernetsov A. V.* Otrenchennye verovaniia v russkoi rukopisnoi traditsii // Otrenchennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov. M., 2002.
30. *Voznesenskii A. V.* Staroobriadcheskie izdaniia XVIII — nachala XIX veka: Vvedenie v izuchenie. SPb., 1996.
31. Zhitie protopopa Avvakuma // Zhitie protopopa Avvakuma. Zhitie inoka Epifaniia. Zhitie boiaryni Morozovoi / Izd. podg. N. V. Ponyrko. SPb., 1994.

Андрей Андреевич Терещук

доцент института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена

Andrei Andreevich TereshchukAssociate Professor, Institute of Foreign Languages,
Herzen State Pedagogical University of Russia

ORCID: 0000-0001-8838-9302

san_petersburgo@inbox.ru; atereschuk@herzen.spb.ru

**КАРЛИСТСКАЯ ТЕМА
В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»****THE CARLIST THEME IN THE *DIARY OF A MADMAN* BY N. V. GOGOL**

В статье рассматриваются аллюзии в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» на историю начального этапа Первой Карлистской войны в Испании. Анализируется информация об Испании, которой мог обладать автор во время работы над произведением. Показывается привязка некоторых дат, упомянутых в тексте, к реальным событиям 1833–1834 годов. Проводится параллель между героем повести Поприщинным и претендентом на испанский престол доном Карлосом.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Записки сумасшедшего», Испания, карлизм, дон Карлос.

The article considers N. V. Gogol's allusions to the history of the initial period of the First Carlist War in Spain in his story *Diary of a Madman*. The information about Spain that the author might have possessed while writing the story is analyzed. The ties between certain dates mentioned in the text and the real events of 1833–1834 are outlined. Poprishchin, the protagonist of the book, is compared to the pretender to the Spanish throne Don Carlos.

Key words: N. V. Gogol, *Diary of a Madman*, Spain, Carlism, Don Carlos.

Список литературы

1. Воронаев В. А. Был ли Гоголь в Испании: современный взгляд // *Universum Humanitarium*. 2016. Вып. 2. № 1.
2. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М., 2009. Т. 3–4.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.; Л.], 1938–1952. Т. 3, 9, 10.
4. Золотуский И. П. «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела» // *Поэзия прозы: Статьи о Гоголе*. М., 1987.
5. Игнатьева Е. А. Тема журнализма в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // *Альманах современной науки и образования*. 2008. № 8 (15).
6. Кривонос В. Ш. Гротескная реальность и нарративный гротеск в «Записках сумасшедшего» Гоголя // *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. 2015. Т. 74. № 5.
7. Лотман Ю. М. О «реализме» Гоголя // Лотман Ю. М. *О русской литературе*. СПб., 1997.
8. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. *О русской литературе*. СПб., 1997.
9. Манн Ю. В. Гоголь. Книга первая. Начало. 1809–1835. М., 2012.
10. Немирович-Данченко В. И. Скобелев. М., 1993.
11. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000.
12. Ревзина О. Г. «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя // *Europa Orientalis*. 2012. Т. 31.
13. Скрипник А. В. Общественно-литературный фон повести «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008.
14. Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985.
15. Степанов Н. Л. Н. В. Гоголь. Творческий путь. 2-е изд. М., 1959.
16. Терещук А. А. Т. де Сумалакарреги и его роль в Первой Карлистской войне (1833–1840) // *Вестник Пермского университета. История*. 2017. № 2 (37).
17. *Albi de la Cuesta J.* El ejército carlista del norte (1833–1839). Madrid, 2017.
18. *Caridad A.* La desigual distribución espacial del primer carlismo: una propuesta explicativa cuantitativa // *Huarte de San Juan. Geografía e historia*. 2018. № 25.
19. *Hernández Lara V.* El San Petersburgo real e imaginado por N. V. Gógol // *Revista de Filología Románica*. 2011. № 2.

20. Lawrence M. Spain's First Carlist War, 1833–40. London, 2014. P. 3–4.
21. Monforte Dupret R. Ecos Cervantinos en la obra literaria de N. V. Gógol // *Eslavística Complutense*. 2005. № 5.
22. Ochoa Brun M. A. Historia de la diplomacia española. Madrid, 2017. Vol. XI.
23. Oyarzún R. Historia del carlismo. Valladolid, 2008.
24. Shmarev D. Los elementos de la prosa experimental en *Los apuntes de un loco* // Cuadernos de Rusística Española. 2009. Vol. 5.

References

1. Albi de la Cuesta J. El ejército carlista del norte (1833–1839). Madrid, 2017.
2. Caridad A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: una propuesta explicativa cuantitativa // Huarte de San Juan. Geografía e historia. 2018. № 25.
3. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. M., 2009. T. 3–4.
4. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. [M.; L.], 1938–1952. T. 3, 9, 10.
5. Hernández Lara V. El San Petersburgo real e imaginado por N. V. Gógol // *Revista de Filología Románica*. 2011. № 2.
6. Ignat'eva E. A. Tema zhurnalizma v povesti N. V. Gogolia «Zapiski sumasshedshego» // *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*. 2008. № 8 (15).
7. Krivonos V. Sh. Grotesknaia real'nost' i narrativnyi grotesk v «Zapiskakh sumasshedshego» Gogolia // *Izvestiia RAN. Ser. literatury i iazyka*. 2015. T. 74. № 5.
8. Lawrence M. Spain's First Carlist War, 1833–40. London, 2014. P. 3–4.
9. Lotman Iu. M. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolia // *Lotman Iu. M. O russkoi literature*. SPb., 1997.
10. Lotman Iu. M. O «realizme» Gogolia // *Lotman Iu. M. O russkoi literature*. SPb., 1997.
11. Mann Iu. V. Gogol'. Kniga pervaiia. Nachalo. 1809–1835. M., 2012.
12. Monforte Dupret R. Ecos Cervantinos en la obra literaria de N. V. Gógol // *Eslavística Complutense*. 2005. № 5.
13. Nemirovich-Danchenko V. I. Skobelev. M., 1993.
14. Ochoa Brun M. A. Historia de la diplomacia española. Madrid, 2017. Vol. XI.
15. Oyarzún R. Historia del carlismo. Valladolid, 2008.
16. Pumpianskii L. V. Klassicheskaia traditsiia: Sobr. trudov po istorii russkoi literatury. M., 2000.
17. Revzina O. G. «Zapiski sumasshedshego» N. V. Gogolia // *Europa Orientalis*. 2012. T. 31.
18. Shmarev D. Los elementos de la prosa experimental en *Los apuntes de un loco* // Cuadernos de Rusística Española. 2009. Vol. 5.
19. Skripnik A. V. Obschestvenno-literaturnyi fon povesti «Zapiski sumasshedshego» N. V. Gogolia. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2008.
20. Stennik Iu. V. Russkaia satira XVIII veka. L., 1985.
21. Stepanov N. L. N. V. Gogol'. Tvorcheskii put'. 2-e izd. M., 1959.
22. Tereshchuk A. A. T. de Sumalakarregi i ego rol' v Pervoi Karlistskei voine (1833–1840) // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia*. 2017. № 2 (37).
23. Voropaev V. A. Byl li Gogol' v Ispanii: sovremennyi vzgliad // *Universum Humanitarium*. 2016. Vyp. 2. № 1.
24. Zolotusskii I. P. «Zapiski sumasshedshego» i «Severnaia pchela» // *Poeziia prozy: Stat'i o Gogle*. M., 1987.

Игорь Владимирович Немировский

директор издательства «Academic Studies Press»

Igor Vladimirovich Nemirovsky

Director, Academic Studies Press

ORCID: 0000-0002-1433-8489

igor.nemirovsky@academicstudiespress.com

КАПИТАН ЛЕБЯДКИН И В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

CAPTAIN LEBYADKIN AND V. K. TREDIAKOVSKY

Статья посвящена образу капитана Лебядкина, героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Подчеркнута аномальность эстетики его сочинений и провокационность поведения соотносятся с литературной репутацией В. К. Тредиаковского как «смешного» поэта, поэта абсурда, чье стихотворчество осталось за пределами литературного канона, но чьи теоретические построения оказали немалое влияние на литературный процесс. Тредиаковский в глазах современников олицетворял литературную безвкусицу и потому был интересен Достоевскому как эстетический противовес диктату «хорошего вкуса», воплощенному в критике В. Г. Белинского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бесы», В. К. Тредиаковский, литературная репутация, рецепция, эстетический канон.

The persona of Captain Lebyadkin, a character of F. M. Dostoevsky's novel *The Possessed*, is analyzed in the article. The emphasized abnormality of the aesthetics of his writings and his provocative behavior correlate with the literary reputation of V. K. Trediakovsky, who was known as a «funny» poet, a poet of the absurd, with his poetry remaining outside the literary canon, but his theoretical constructions having a considerable influence on the literary process. Trediakovsky, in the eyes of his contemporaries, was a personification of the literary bad taste, and therefore Dostoevsky found him interesting as an aesthetic counterweight to the dictate of «good taste», embodied in the criticism of V. G. Belinsky.

Key words: F. M. Dostoevsky, *The Possessed*, V. K. Trediakovsky, literary reputation, reception, aesthetic canon.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1953. Т. 3, 4, 6.
2. Белова Н. А. Функции анекдота в раннем историческом романе 1830-х годов // Вестник урovedения. 2012. № 3 (10).
3. Бланк К. Стихи капитана Лебядкина: Шостакович и Достоевский // Opera Musicologica. 2012. № 3 (13).
4. Вершинина Н. Л. Н. А. Некрасов о В. К. Тредиаковском // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Материалы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. СПб., 2004.
5. Гардзонио С. Метрические опыты С. П. Шевырева и русский стих романтической эпохи // Philologica. 2012. Vol. 9. № 21–23.
6. Гуковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. Литература XVIII века. Ч. 1.
7. Достоевский в неизданной переписке современников / Статья, публ. и комм. Л. Р. Ланского // Лит. наследство. 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2021. Т. 10.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19; Т. 29. Кн. 1.
10. Елизаветина Г. Г. Живучесть легенды. Представление о В. К. Тредиаковском в русской публицистике середины XIX века // В. К. Тредиаковский и русская литература / Отв. ред. А. С. Курилов. М., 2005.
11. Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25.
12. Лажечников И. И. Знакомство мое с Пушкиным (Из моих памятных записок) // Лажечников И. И. Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М., 1989.
13. Лажечников И. И. Ледяной дом // Лажечников И. И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1994. Т. 4.
14. Немировский И. В. Капитан Лебядкин и его литературное окружение // Новое литературное обозрение. 2023. № 3 (181).
15. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в теории и практике В. К. Тредиаковского // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Материалы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. СПб., 2004.
16. Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2.
17. Тихомиров Б. Н. К вопросу о происхождении фамилии заглавного героя неосуществленного замысла Достоевского «Каргузов») // Pro memoria. Памяти академика Г. М. Фридлендера. СПб., 2003.
18. Тредиаковский В. К. Избр. произведения. М.; Л., 1963 (Библиотека поэта. Большая серия).
19. Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14 / Отв. ред. А. М. Панченко.
20. Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.
21. Reifman I. Vasilii Trediakovsky: The Fool of the «New» Russian Literature. Stanford, 1990.

References

1. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: [V 13 t.]. M., 1953. T. 3, 4, 6.
2. *Belova N. A.* Funktsii anekdota v rannem istoricheskom romane 1830-kh godov // Vestnik ugrovedeniia. 2012. № 3 (10).
3. *Blank K.* Stikhi kapitana Lebiadkina: Shostakovich i Dostoevskii // Opera Musicologica. 2012. № 3 (13).
4. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1979. T. 19; T. 29. Kn. 1.
5. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 35 t. SPb., 2021. T. 10.
6. Dostoevskii v neizdannoi perepiske sovremennikov / Stat'ia, publ. i komm. L. R. Lansкого // Lit. nasledstvo. 1973. T. 86. F. M. Dostoevskii. Novye materialy i issledovaniia.
7. *Elizavetina G. G.* Zhivuchest' legendy. Predstavlenie o V. K. Trediakovskom v russkoi publitsistike sereдины XIX veka // V. K. Trediakovskii i russkaia literatura / Otv. red. A. S. Kurilov. M., 2005.
8. *Etkind E. G.* Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina. L., 1973.
9. *Gardzonio S.* Metricheskie opyty S. P. Shevyreva i russkii stikh romanticheskoi epokhi // Philologica. 2012. Vol. 9. № 21–23.
10. *Gukovskii G. A.* Sumarokov i ego literaturno-obshchestvennoe okruzhenie // Istoriia rus-skoi literatury: V 10 t. M.; L., 1941. T. 3. Literatura XVIII veka. Ch. 1.
11. *Lazhechnikov I. I.* Ledianoi dom // Lazhechnikov I. I. Sobr. soch.: V 6 t. M., 1994. T. 4.
12. *Lazhechnikov I. I.* Znakomstvo moe s Pushkinym (Iz moikh pamiatnykh zapisok) // Lazhechnikov I. I. Basurman; Koldun na Sukharevoi bashne; Ocherki-vospominaniia. M., 1989.
13. *Nemirovskii I. V.* Kapitan Lebiadkin i ego literaturnoe okruzhenie // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. № 3 (181).
14. *Orlitskii Iu. B.* Stikh i proza v teorii i praktike V. K. Trediakovskogo // V. K. Trediakovskii: K 300-letiiu so dnia rozhdeniia. Materialy Mezhdunar. konf. Sankt-Peterburg, 12–13 marta 2003 g. SPb., 2004.
15. *Radishchev A. N.* Poln. sobr. soch.: V 3 t. M.; L., 1941. T. 2.
16. *Reifman I.* Vasilii Trediakovskiy: The Fool of the «New» Russian Literature. Stanford, 1990.
17. *Shishkin A. B.* Poeticheskoe sostiazanie Trediakovskogo, Lomonosova i Sumarokova // XVIII vek. L., 1983. Sb. 14 / Otv. red. A. M. Panchenko.
18. *Tikhomirov B. N.* K voprosu o proiskhozhdenii familii zaglavnogo geroia neosushchestvlen-nogo zamysla Dostoevskogo «Kartuzov» // Pro memoria. Pamiati akademika G. M. Fridlendera. SPb., 2003.
19. *Trediakovskii V. K.* Izbr. proizvedeniia. M.; L., 1963 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
20. *Vershinina N. L. N. A.* Nekrasov o V. K. Trediakovskom // V. K. Trediakovskii: K 300-letiiu so dnia rozhdeniia. Materialy Mezhdunar. konf. Sankt-Peterburg, 12–13 marta 2003 g. SPb., 2004.
21. *Zhivov V. M.* Pervye russkie literaturnye biografii kak sotsial'noe iavlenie: Trediakovskii, Lomonosov, Sumarokov // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 25.

Петр Романович Заборов

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Piotr Romanovich Zaborov

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5135-021X

p.zaborov@gmail.com

Ф. Д. БАТЮШКОВ И ДЕНИ РОШ**F. D. BATYUSHKOV AND DENIS ROCHE**

В статье освещена история знакомства историка литературы, критика Ф. Д. Батюшкова и французского переводчика русской литературы М. Дени Роша. Письма Дени Роша показывают,

как Батюшков способствовал контактам с русскими литераторами, консультировал в работе над переводами М. Горького, А. П. Чехова, В. Г. Короленко.

Ключевые слова: Ф. Д. Батюшков, М. Дени Рош, перевод, французско-русские отношения.

The article outlines the history of the acquaintance between the literary historian and critic F. D. Batyushkov and the French translator of Russian literature M. Denis Roche. The letters of Denis Roche show that Batyushkov facilitated his contacts with Russian writers, advised him on the translations of M. Gorky, A. P. Chekhov, V. G. Korolenko.

Key words: F. D. Batyushkov, M. Denis Roche, translation, French-Russian relations.

Список литературы

1. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 1, 2.
2. Зильберштейн И. С. Горький и Репин. М.; Л., 1944.
3. М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. [Вып.] II.
4. Сахарова Е. Дени Рош — переводчик Чехова // Чеховиана. Чехов и Франция. М., 1992.
5. Скворцова Л. А. Батюшков Федор Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.
6. Французские посетители Толстого / Публ. и пер. Л. Р. Ланского // Лит. наследство. 1965. Т. 75. Кн. 2.
7. Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1979. Т. 7.

References

1. Chekhov A. P. Poln. sobr. soch.: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. M., 1979. T. 7.
2. Frantsuzskie posetiteli Tolstogo / Publ. i per. L. R. Lansкого // Lit. nasledstvo. 1965. T. 75. Kn. 2.
3. Gor'kii M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. M., 1997. T. 1, 2.
4. M. Gor'kii. Materialy i issledovaniia. M.; L., 1936. [Vyp.] II.
5. Sakharova E. Deni Rosh — perevodchik Chekhova // Chekhoviana. Chekhov i Frantsiia. M., 1992.
6. Skvortsova L. A. Batiushkov Fedor Dmitrievich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biografi-cheskii slovar'. M., 1989. T. 1.
7. Zil'bershtein I. S. Gor'kii i Repin. M.; L., 1944.

Ксения Андреевна Кумпан

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ksenia Andreevna Kumpan

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5975-1042

kumpan1947@gmail.com

НАД РУКОПИСЯМИ СТАТЕЙ ВЯЧ. ИВАНОВА. ЧАСТЬ 2. «ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС КАК ЛИРИЧЕСКИЙ ПОЭТ»

WORKING ON THE MANUSCRIPTS OF VYACH. IVANOV'S ARTICLES. PART 2. JURGIS BALTRUSAITIS AS A LYRICIST

В работе, благодаря систематизации и расшифровке черновых рукописей Иванова к указанной статье, удалось идентифицировать среди них неизвестные записи Балтрушайтиса, послужившие смысловой основой для статьи Иванова. Эта рукопись не только уточняет историю статьи, свидетельствуя об участии в ней Балтрушайтиса, но дает материал для установки дат и выявления неизвестных вариантов ряда его стихотворений.

Ключевые слова: текстология, Вяч. Иванов, статья о Балтрушайтисе, история написания, неизвестная рукопись Балтрушайтиса.

Due to systematization and decoding of Ivanov's draft manuscripts for the article, unknown notes of Baltrusaitis were discovered therein, and they seem to provide the conceptual basis for Ivanov's article. Apart from clarifying the history of the article and indicating Baltrusaitis's involvement, the manuscript provides data for establishing the dates and identifying the unknown versions of a number of his poems.

Key words: textology, Vyach. Ivanov, article about Baltrusaitis, history of writing, unknown Baltrusaitis manuscript.

Список литературы

1. *Балтрушайтис Ю.* Дерево в огне: Стихи / Сост. и прим. Ю. Тумялиса. Вильнюс, 1983.
2. *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009.
3. *Богомолов Н. А.* Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011.
4. *Дауэтите В.* Юргис Балтрушайтис: Монографический очерк. Вильнюс, 1983.
5. *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1979. [Т.] III.
6. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: По Звездам. Опыты философские, критические и эстетические: Статьи и афоризмы. СПб., 2018. Кн. 2. Примечания.
7. *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. М., 1992.
8. *Котрелев Н.* Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. — Манифест московского «Lo studio italiano», составленный Юргисом Балтрушайтисом // Котрелев Н. За 50 лет: Избр. труды: В 2 кн. М., 2023. Кн. 1 (совм. с А. И. Демьяновой).
9. *Кумпан К. А.* Над рукописями статей Вяч. Иванова. Часть 1: «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана» // Русская литература. 2023. № 4.
10. Лит. наследство. 1976. Т. 85.
11. *Обатнин Г. В.* «Φιλία» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // Вяч. Иванов. Pro et contra. Антология. СПб., 2016. Т. 2.
12. *Обатнин Г. В.* Запись Вячеслава Иванова о системе Э. Гуссерля // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. М., 2018. Вып. 3.
13. Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым / Публ. О. А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993.

References

1. *Baltrushaitis Ju.* Derevo v ogne: Stikhi / Sost. i prim. Ju. Tumialisa. Vil'nius, 1983.
2. *Bogomolov N. A.* Sopriazhenie dalekovatykh. O Viacheslave Ivanove i Vladislave Khodaseviche. M., 2011.
3. *Bogomolov N. A.* Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki. M., 2009.
4. *Dauëтите V.* Iurgis Baltrushaitis: Monograficheskii ocherk. Vil'nius, 1983.
5. *Ivanov Viach.* Sobr. soch. Briussel', 1979. [T.] III.
6. *Ivanov Viach.* Sobr. soch.: Po Zvezdam. Opyty filosofskie, kriticheskie i esteticheskie: Stat'i i aforizmy. SPb., 2018. Kn. 2. Primechaniia.
7. *Ivanova L.* Vospominaniia. Kniga ob ottse. M., 1992.
8. *Kotrelev N.* Iz perepiski Iurgisa Baltrushaitisa s Viach. Ivanovym i Odoardo Kampa. — Manifest moskovskogo «Lo studio italiano», sostavlennyi Iurgisom Baltrushaitisom // Kotrelev N. Za 50 let: Izbr. trudy: V 2 kn. M., 2023. Kn. 1 (sovm. s A. I. Dem'ianovoi).
9. *Kump'an K. A.* Nad rukopisiami statei Viach. Ivanova. Chast' 1: «„Revizor“ Gogolia i kome-dii Aristofana» // Russkaia literatura. 2023. № 4.
10. Lit. nasledstvo. 1976. T. 85.
11. *Obatnin G. V.* «Φιλία» Viach. Ivanova kak rakurs k biografii // Viach. Ivanov. Pro et contra. Antologiya. SPb., 2016. T. 2.
12. *Obatnin G. V.* Zapis' Viacheslava Ivanova o sisteme E. Gusserlia // Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy. M., 2018. Vyp. 3.
13. Perepiska Viach. Ivanova s S. A. Vengerovym / Publ. O. A. Kuznetsovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1990 god. SPb., 1993.

Маша Левина-Паркер

независимый исследователь

Masha Levina-Parker

Independent Researcher

ORCID: 0000-0003-1078-4374

mashalev2008@gmail.com

Михаил Левин

независимый исследователь

Misha Levin

Independent Researcher

ORCID: 0000-0002-5005-2883

mishalevine8@gmail.com

МОДЕРНИСТЫ В ПОИСКАХ НЕЯСНОСТИ: К ТИПОЛОГИИ КВАЗИДЕТЕКТИВА

THE MODERNISTS IN SEARCH OF UNCERTAINTY: TOWARDS A TYPOLOGY OF QUASI DETECTIVE STORY

Давно замечено, что произведения ряда модернистов строятся кое в чем по образу и подобию детектива. Анализ произведений Белого, Пруста, Джойса, Платонова и Набокова показывает, что каждый из этих очень разных авторов исповедовал общий для всех принцип игры в загадки, и этот принцип лежит в основе особого способа повествования, который мы называем модифицированным детективом, или квазидетективом. Приемы создания загадок тоже во многом общие для них всех: умолчания, подача важного под личиной неважного, повествовательная инверсия, неясность ответов и отсутствие ясной постановки вопросов. Общим является и способ создания ключей для разгадки — неувязки между составляющими текста подсказывают читателю, что он стал жертвой обмана. Они отличаются великим разнообразием — от простой неувязки между двумя сообщениями до невидимого расхождения между планами изображения, когда, например, общие описания не согласуются с конкретными данными.

Ключевые слова: квазидетектив, загадка, вопрос-ответ, инверсия, неувязка, мираж, план изображения.

It has been noted long ago that Modernist writings often mimic some methods of a detective story. An investigation of the works by Bely, Proust, Joyce, Platonov and Nabokov reveals a conscientious pattern of playing with riddles, which is common for all of these quite dissimilar authors; this is the basis of a particular mode of narration which we call a detective story modified, or a quasi detective story. Their devices for creating riddles are also similar and often identical, such as lack of openness, passing of the important for unimportant, narrative inversion, obscure answers and invisible questions. Also common are ways of providing keys, namely, incongruities between elements of the text give the reader a hint that he has been fooled. Those are greatly diverse, from a simple incompatibility of statements to a hidden contradiction between various dimensions of depicting the same subject (e. g. a general view is in conflict with details).

Key words: quasi detective story, riddle, question/answer, inversion, incongruities, mirage, modes of depiction.

Список литературы

1. *Белый А.* Петербург / Изд. подг. Л. К. Долгополов. 2-е изд. СПб., 2004 (сер. «Литературные памятники»).
2. *Белый А.* На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1989.

3. Долинин А. Расшифровка. Как устроены тексты Набокова (см.: <https://arzas.academy/materials/1615>; дата обращения: 31.10.2023).
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8.
5. Киреева Н. В. Детектив как код прочтения романа В. Набокова «Лолита» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4 (2).
6. Левин Ю. И. Избр. труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
7. Левина-Паркер М., Левин М. Время набокковского «Дара» — забавы хронического мистификатора // Wiener Slawistischer Almanach. 2021. № 87.
8. Левина-Паркер М., Левин М. Квазидетектив Андрея Белого — линия бомбы в «Петербурге» // Новое литературное обозрение. 2018. № 5 (153).
9. Левина-Паркер М., Левин М. Теорема Платонова: исследование под покровом абсурда (коммунизм в «Чевенгуре» Андрея Платонова) // Новое литературное обозрение. 2021. № 1 (167).
10. Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения: «Петербург» Андрея Белого. СПб., 2020.
11. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1962. Т. 4.
12. Можейко М. А. «Философия детектива»: классика — неклассика — постнеклассика // Вестник Полоцкого гос. ун-та. 2012. Сер. Е: Педагогические науки; Культурология. № 15.
13. Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 2008. Т. 2.
14. Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2002–2006. Т. 3, 4.
15. Платонов А. Чевенгур. СПб., 2016.
16. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
17. Шкловский В. Тетива. О несходстве сходного. М., 1970.
18. Connelly K. C. From Poe to Auster: Literary Experimentation in the Detective Story Genre. PhD Thesis. Philadelphia, PA, 2009.
19. Joyce J. Ulysses. New York, 1986.
20. Mel'nikov N. «The Detective Story Taken Seriously...». V. V. Nabokov's Philosophical «Anti-Detective» Stories // Russian Studies in Literature. 2006. Vol. 42. № 4.
21. Nabokov V. Lectures on Literature. San Diego et al., 1982.
22. Nabokov V. The Real Life of Sebastian Knight. New York, 1976.
23. Proffer C. R. Keys to Lolita. Bloomington: Indiana UP, 1968.
24. Proust M. Du côté de chez Swann. Paris, 1995.
25. Proust M. Le côté de Guermantes. Paris, 1998.
26. Sterne L. The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman. New York, 2005.

References

1. Belyi A. Na rubezhe dvukh stoletii / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 1989.
2. Belyi A. Peterburg / Izd. podg. L. K. Dolgoplov. 2-e izd. SPb., 2004 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
3. Connelly K. C. From Poe to Auster: Literary Experimentation in the Detective Story Genre. PhD Thesis. Philadelphia, PA, 2009.
4. Dolinin A. Rasshifrovka. Kak ustroeny teksty Nabokova (sm.: <https://arzas.academy/materials/1615>; data obrashcheniia: 31.10.2023).
5. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1973. T. 8.
6. Joyce J. Ulysses. New York, 1986.
7. Kireeva N. V. Detektiv kak kod prochteniia romana V. Nabokova «Lolita» // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2009. T. 11. № 4 (2).
8. Lermontov M. Iu. Sobr. soch.: V 4 t. M.; L., 1962. T. 4.
9. Levin Iu. I. Izbr. trudy. Poetika. Semiotika. M., 1998.
10. Levina-Parker M., Levin M. Kvazidetektiv Andreia Belogo — liniia bomby v «Peterburge» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 5 (153).
11. Levina-Parker M., Levin M. Shedevr trudnogo chteniia: «Peterburg» Andreia Belogo. SPb., 2020.
12. Levina-Parker M., Levin M. Teorema Platonova: issledovanie pod pokrovom absurda (kommunizm v «Chevengure» Andreia Platonova) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. № 1 (167).
13. Levina-Parker M., Levin M. Vremia nabokovskogo «Dara» — zabavy khronicheskogo mistifikatora // Wiener Slawistischer Almanach. 2021. № 87.
14. Mel'nikov N. «The Detective Story Taken Seriously...». V. V. Nabokov's Philosophical «Anti-Detective» Stories // Russian Studies in Literature. 2006. Vol. 42. № 4.
15. Mozheiko M. A. «Filosofia detektiva»: klassika — neklassika — postneklassika // Vestnik Polotskogo gos. un-ta. 2012. Ser. E: Pedagogicheskie nauki; Kul'turologiia. № 15.
16. Nabokov V. Lectures on Literature. San Diego et al., 1982.
17. Nabokov V. Sobr. soch. amerikanskogo perioda: V 5 t. SPb., 2008. T. 2.

18. Nabokov V. *Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t.* SPb., 2002–2006. Т. 3, 4.
19. Nabokov V. *The Real Life of Sebastian Knight.* New York, 1976.
20. Platonov A. *Chevengur.* SPb., 2016.
21. Proffer C. R. *Keys to Lolita.* Bloomington: Indiana UP, 1968.
22. Proust M. *Du côté de chez Swann.* Paris, 1995.
23. Proust M. *Le côté de Guermantes.* Paris, 1998.
24. Shklovskii V. *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo.* М., 1970.
25. Sterne L. *The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman.* New York, 2005.
26. Tomashevskii B. V. *Teoriia literatury. Poetika.* М., 1996.

Ольга Сергеевна Лалетина

доцент кафедры истории русской литературы
Санкт-Петербургского государственного университета

Olga Sergeevna Laletina

Associate Professor, Department of History of Russian Literature,
St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0001-7482-4502

olalet@mail.ru

Елена Викторовна Хворостьянова

профессор кафедры истории русской литературы
Санкт-Петербургского государственного университета

Elena Viktorovna Khvorostianova

Professor, Department of History of Russian Literature,
St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0001-8277-5085

ekhvorost@mail.ru

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В. В. НАБОКОВА, К. К. ВАГИНОВА, А. П. ПЛАТОНОВА

EMERGENCE OF THE POETIC SYSTEMS OF V. V. NABOKOV, K. K. VAGINOV, A. P. PLATONOV: TACTICS AND STRATEGY

В статье под новым углом зрения исследуется проблема формирования стихотворных систем В. В. Набокова, К. К. Вагинова и А. П. Платонова, каждый из которых обрел популярность в качестве прозаика, но начинал свой творческий путь как поэт. На основе стиховедческого корреляционного анализа, учитывающего ряд стиховых параметров, показано, что все три автора выбирали однозначно «маргинальную» позицию в стратегии, но принципиально отличались друг от друга в тактике формирования поэтических систем.

Ключевые слова: русская поэзия XX века, история русского стиха, метрика, строфика, каталектика, В. В. Набоков, К. К. Вагинов, А. П. Платонов.

The article offers a new outlook on the problem of the emergence of poetic systems of V. V. Nabokov, K. K. Vaginov and A. P. Platonov, with each of them gaining notoriety as a prose writer, yet beginning his career as a poet. Correlation analysis that takes into account a number of the parameters of their verses shows that all the three authors chose an unambiguously «marginal» position as their strategy, but differed from each other considerably in the tactics of shaping their poetic systems.

Key words: Russian poetry of the 20th century, history of Russian verse, metrics, strophic, catalectics, V. V. Nabokov, K. K. Vaginov, A. P. Platonov.

Список литературы

1. *Битов А. Г.* Трижды Платонов // Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства. 2-е изд. Владивосток, 2007.
2. *Буренина О. Д.* Литература — «остров мертвых» (Набоков и Вагинов) // В. В. Набоков: pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология: В 2 т. СПб., 2001. Т. 2.
3. *Бутовская С. А., Захарова В. М., Монахова Г. Р.* Метрика и строфика И. Ф. Анненского // Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов. СПб., 2013.
4. *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. Пенза, 1972 (Учен. зап. Пензенского гос. педагогического ин-та им. В. Г. Белинского. Т. 123. Сер. филологическая).
5. *Гаспаров М. Л.* Русский трехударный дольник XX в. // Теория стиха. Л., 1968.
6. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 2000.
7. *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974.
8. *Григорьева Н.* Спрессованная культура: Литературный «ресайклинг» в позднем авангарде и соцреализме // Новое литературное обозрение. 2021. № 3 (169).
9. *Давыдов Д. М.* Русская наивная и примитивная поэзия: генезис эволюция, поэтика. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.
10. *Евлампиев И. И. А.* Платонов и В. Набоков: два наследника философской традиции Ф. Достоевского // Русский логос — 2: Модерн — границы контроля. Материалы междунар. философского конф., Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2019 г. СПб., 2019.
11. *Захарова В. М.* Метрика и строфика Г. В. Адамовича // Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов. СПб., 2013.
12. *Захарова В. М.* Система стиха русского акмеизма. Выпускная квалификационная работа ... магистра филологии. СПбГУ; филологический факультет; кафедра истории русской литературы. СПб., 2014.
13. *Ковалев П. А.* Заумь Хлебникова в традиции русской поэзии // Филологические исследования: Сб. науч. трудов в честь Г. Б. Курляндской. Орел, 2002.
14. *Ковалев П. А.* Поэтический дискурс Андрея Платонова // Андрей Платонов и художественные искания XX века: Проблемы рецепции. Воронеж, 2019.
15. *Кормилов С. И.* Русская литература 20–90-х годов XX века: основные закономерности и тенденции // История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена. М., 1998.
16. *Лалетина О. С.* Метрика и строфика И. С. Рукавишниковой // Петербургская стихотворная культура: материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008.
17. *Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.* «Консервативный» стих В. В. Набокова: квантитативные методы исследования и проблема интерпретации результатов (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2022. № 1 (60).
18. *Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.* «Консервативный» стих В. В. Набокова: специфика построения стиховой вертикали // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 9.
19. *Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.* Нетождественная строфика В. В. Набокова в контексте русского стиха XIX–XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4.
20. *Лотман М. Ю.* Метрика и строфика А. Х. Востокова // Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979.
21. *Ляпина Л. Е.* Метрический и строфический репертуар К. Д. Бальмонта // Проблемы теории стиха. Л., 1984.
22. *Матяш С. А.* Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011.
23. *Монахова Г. Р.* Метрика и строфика К. К. Вагинова // Петербургская стихотворная культура: материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008.
24. *Никольская Т. Л.* Трагедия чудаков // Вагинов К. К. Козлиная песнь. Труды и дни Свиштонова. Бамбочада. М., 1989.
25. *Павлова М. М.* Метрический и строфический репертуар Саши Черного // Проблемы теории стиха. Л., 1984.
26. Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов. СПб., 2013.
27. Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008.
28. *Руднев П. А.* Метрический репертуар А. Блока // Блоковский сборник. II: Труды Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972.
29. Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979.
30. *Смит Дж.* Русский стих Набокова // Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002.
31. *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Београд, 1953.

32. *Тверьянович К. Ю.* Метрика и строфика Б. К. Лившица // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008.
33. *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993.
34. *Федотов О. И.* Поэзия Владимира Набокова-Сирина. Ставрополь, 2010.
35. *Хворостянова Е. В.* Корреляция метрики и каталектики в русской силлаботонике XVIII — начала XXI вв. // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы VIII Международной науч.-теоретической конф., посвященной 90-летию КазНПУ имени Абая (24–26 мая 2018 г.). Алматы, 2018.
36. *Чебучева Е. П.* Метрико-строфический репертуар В. Ф. Ходасевича // Тверьянович К. Ю., Чебучева Е. П. Поэтика сборника Б. К. Лившица «Флейта Марсия». Метрико-строфический репертуар В. Ф. Ходасевича. СПб., 2004.
37. *Чертков Л. Н.* Поэзия Константина Вагинова // Вагинов К. К. Собр. стихотворений. Мюнхен, 1982.
38. *Чуковский Н. К.* Литературные воспоминания. М., 1989.
39. *Шерр Б. П.* Метрика и строфика В. А. Комаровского // Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов. СПб., 2013.
40. *Эпштейн М. Н.* Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М., 2015.
41. *Laletina O. S., Khvorostyanova E. V.* Catalectics of V. V. Nabokov's Classical Verse in the Context of Russian Poetic Tradition // Proceedings of the International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, July 21, 2021). Melbourne, 2021. Part 1.

References

1. *Bitov A. G.* Trizhdy Platonov // Bitov A. G. Piatoe izmerenie: Na granitse vremeni i prostranstva. 2-e izd. Vladivostok, 2007.
2. *Burenina O. D.* Literatura — «ostrov mertvykh» (Nabokov i Vaginov) // V. V. Nabokov: pro et contra. Materialy i issledovaniia o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova. Antologiya: V 2 t. SPb., 2001. T. 2.
3. *Butovskaia S. A., Zakharova V. M., Monakhova G. R.* Metrika i strofika I. F. Annenskogo // Peterburgskaia stikhotvornaia kul'tura — II: Materialy po metrike, strofike i rifme peterburgskikh poetov. SPb., 2013.
4. *Chebucheveva E. P.* Metriko-stroficheskii repertuar V. F. Khodasevicha // Tver'ianovich K. Iu., Chebucheveva E. P. Poetika sbornika B. K. Livshitsa «Fleita Marsiia». Metriko-stroficheskii repertuar V. F. Khodasevicha. SPb., 2004.
5. *Chertkov L. N.* Poeziia Konstantina Vaginova // Vaginov K. K. Sobr. stikhotvorenii. Miunkhen, 1982.
6. *Chukovskii N. K.* Literaturnye vospominaniia. M., 1989.
7. *Davydov D. M.* Russkaia naivnaia i primitivnaia poeziia: genezis evoliutsiia, poetika. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2004.
8. *Epshtein M. N.* Ironiia ideala. Paradoksy russkoi literatury. M., 2015.
9. *Evlampiev I. I. A.* Platonov i V. Nabokov: dva naslednika filosofskoi traditsii F. Dostoevskogo // Russkii logos — 2: Modern — granitsy kontroliia. Materialy mezhdunar. filosofskoi konf., Sankt-Peterburg, 25–28 sentiabria 2019 g. SPb., 2019.
10. *Fedotov O. I.* Poeziia Vladimira Nabokova-Sirina. Stavropol', 2010.
11. *Gasparov M. L.* Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika, ritmika, rifma, strofika. M., 2000.
12. *Gasparov M. L.* Russkii trekhudarnyi dol'nik XX v. // Teoriia stikha. L., 1968.
13. *Gasparov M. L.* Sovremennyi russkii stikh: Metrika i ritmika. M., 1974.
14. *Grigor'eva N.* Spressovannaia kul'tura: Literaturnyi «resaikling» v pozdnem avangarde i sotsrealizme // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. № 3 (169).
15. *Khvorost'ianova E. V.* Korreliatsiia metрики i katalektiki v russkoi sillabotonike XVIII — nachala XXI vv. // Problemy poetiki i stikhovedeniia: Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauch.-teoreticheskoi konf., posviashchennoi 90-letiiu KazNPU imeni Abaia (24–26 maia 2018 g.). Almaty, 2018.
16. *Kormilov S. I.* Russkaia literatura 20–90-kh godov XX veka: osnovnye zakonomernosti i tendentsii // Istoriiia russkoi literatury XX veka (20–90-e gody): Osnovnye imena. M., 1998.
17. *Kovalev P. A.* Poeticheskii diskurs Andreia Platonova // Andrei Platonov i khudozhestvennye iskaniia XX veka: Problemy retseptsii. Voronezh, 2019.
18. *Kovalev P. A.* Zaum' Khebnikova v traditsii russkoi poezii // Filologicheskie issledovaniia: Sb. nauch. trudov v chest' G. B. Kurliandskoi. Orel, 2002.
19. *Laletina O. S.* Metrika i strofika I. S. Rukavishnikova // Peterburgskaia stikhotvornaia kul'tura: materialy po metrike, strofike i ritmike peterburgskikh poetov. SPb., 2008.
20. *Laletina O. S., Khvorost'ianova E. V.* «Konservativnyi» stikh V. V. Nabokova: kvantitativnye metody issledovaniia i problema interpretatsii rezul'tatov (Stat'ia pervaiia) // Novyi filologicheskii vestnik. 2022. № 1 (60).

21. *Laletina O. S., Khvorost'ianova E. V.* «Konservativnyi» stikh V. V. Nabokova: spetsifika postroeniia stikhovoi vertikali // Nauchnyi dialog. 2022. T. 11. № 9.
22. *Laletina O. S., Khvorost'ianova E. V.* Netozhdestvennaia strofika V. V. Nabokova v kontekste russkogo stikha XIX–XX vekov // Nauchnyi dialog. 2022. T. 11. № 4.
23. *Laletina O. S., Khvorost'yanova E. V.* Catalectics of V. V. Nabokov's Classical Verse in the Context of Russian Poetic Tradition // Proceedings of the International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, July 21, 2021). Melbourne, 2021. Part 1.
24. *Liapina L. E.* Metricheskie i stroficheskie repertuar K. D. Bal'monta // Problemy teorii stikha. L., 1984.
25. *Lotman M. Iu.* Metrika i strofika A. Kh. Vostokova // Russkoe stikhoslozhenie XIX v.: Materialy po metrike i strofike russkikh poetov. M., 1979.
26. *Matiash S. A.* Vol'nyi iamb russkoi poezii XVIII–XIX vv.: zhanr, stil', stikh. SPb., 2011.
27. *Monakhova G. R.* Metrika i strofika K. K. Vaginova // Peterburgskaia stikhotvornaia kul'tura: materialy po metrike, strofike i ritmike peterburgskikh poetov. SPb., 2008.
28. *Nikol'skaia T. L.* Tragediia chudakov // Vaginov K. K. Kozlinaia pesn'. Trudy i dni Svis-tonova. Bambochada. M., 1989.
29. *Pavlova M. M.* Metricheskie i stroficheskie repertuar Sashi Chernogo // Problemy teorii stikha. L., 1984.
30. Peterburgskaia stikhotvornaia kul'tura — II: Materialy po metrike, strofike i rifme peterburgskikh poetov. SPb., 2013.
31. Peterburgskaia stikhotvornaia kul'tura: Materialy po metrike, strofike i ritmike peterburgskikh poetov. SPb., 2008.
32. *Rudnev P. A.* Metricheskie repertuar A. Bloka // Blokovskii sbornik. II: Trudy Vtoroi nauch. konf., posviashch. izucheniiu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka. Tartu, 1972.
33. Russkoe stikhoslozhenie XIX v.: Materialy po metrike i strofike russkikh poetov. M., 1979.
34. *Sherr B. P.* Metrika i strofika V. A. Komarovskogo // Peterburgskaia stikhotvornaia kul'tura — II: Materialy po metrike, strofike i rifme peterburgskikh poetov. SPb., 2013.
35. *Smit Dzh.* Russkii stikh Nabokova // Smit Dzh. Vzgliaid izvne: Stat'i o russkoi poezii i poetike. M., 2002.
36. *Taranovski K.* Ruski dvodelni ritmovi. Beograd, 1953.
37. *Tver'ianovich K. Iu.* Metrika i strofika B. K. Livshitsa // Peterburgskaia stikhotvornaia kul'tura: Materialy po metrike, strofike i ritmike peterburgskikh poetov. SPb., 2008.
38. *Tynianov Iu. N.* Problema stikhotvornogo iazyka // Tynianov Iu. N. Literaturnyi fakt. M., 1993.
39. *Vishnevskii K. D.* Russkaia metrika XVIII veka // Voprosy literatury XVIII veka. Penza, 1972 (Uchen. zap. Penzenskogo gos. pedagogicheskogo in-ta im. V. G. Belinskogo. T. 123. Ser. filologicheskaja).
40. *Zakharova V. M.* Metrika i strofika G. V. Adamovicha // Peterburgskaia stikhotvornaia kul'tura — II: Materialy po metrike, strofike i rifme peterburgskikh poetov. SPb., 2013.
41. *Zakharova V. M.* Sistema stikha russkogo akmeizma. Vypusknaja kvalifikatsionnaia rabota... magistra filologii. SPbGU; filologicheskii fakul'tet; kafedra istorii russkoi literatury. SPb., 2014.

Евгений Николаевич Никитин

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Evgenii Nikolaevich Nikitin

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

nikitin18@yandex.ru

ОБ ОДНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДРУЖБЕ: М. М. ПРИШВИН И С. Т. ГРИГОРЬЕВ

ON A WRITERS' FRIENDSHIP: M. M. PRISHVIN AND S. T. GRIGORYEV

В статье рассказывается об истории взаимоотношений М. М. Пришвина и С. Т. Григорьева (на материале их переписки). Григорьев широко публиковался; это происходило до тех пор, пока

рапповский критик С. Гаврилов не заявил в печати о враждебности художественных исканий Григорьева марксистско-ленинской теории. Вернуться в литературу писателю помог Горький. Переписку с ним С. Т. Григорьев возобновил при посредничестве Пришвина. Дружба двух литераторов продолжалась до самой смерти Григорьева в 1953 году. Приводимые в статье данные позволяют увидеть новые грани личности Пришвина.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, С. Т. Григорьев, дружба, литература.

The article outlines the story of the relationship between M. M. Prishvin and S. T. Grigoryev (based on their correspondence). S. T. Grigoryev was published a lot, until the Rapp critic S. Gavrilov made a public statement that S. T. Grigoriev's artistic pursuits were hostile to the Marxist-Leninist theory. Gorky helped the writer to make a literary comeback. Grigoriev resumed his correspondence with him through the mediation of Prishvin. The friendship between the two writers continued until S. T. Grigoriev's death in 1953. The data presented in the article offer new insights into the personality of M. M. Prishvin.

Key words: M. M. Prishvin, S. T. Grigoryev, friendship, literature.

Список литературы

1. Горький — С. Т. Григорьев: Переписка / Подг. Р. П. Пантелеева // Лит. наследство. 1963. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка.
2. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2013–2019. Т. 16, 21.
3. «Писательство — трудное и ответственное дело»: Переписка М. Горького с М. Пришвиным / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Н. Никитина // М. Горький: Материалы и исследования. М., 2014. Вып. 12. Горький. Неизвестные страницы истории (материалы и исследования).
4. *Подоксенов А. М.* М. М. М. Пришвин и Б. Э. Калмыков (к истории несостоявшейся повести о «настоящем большевике») // Русская литература. 2020. № 2.
5. *Пришвин М. М.* Дневники. 1926–1927 / Подг. текста Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой. М., 2003.
6. *Пришвин М. М.* Дневники. 1928–1929 / Подг. текста Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой. М., 2004.
7. *Пришвин М. М.* Дневники. 1942–1943 / Подг. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, комм. Я. З. Гришиной. М., 2012.
8. *Пришвин М. М.* Дневники. 1952–1954 / Подг. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2017.
9. *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1957. Т. 6.
10. *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1983. Т. 5.
11. *Шторм Г.* Сергей Тимофеевич Григорьев (1875–1953) // Григорьев С. Т. Александр Суворов. М., 2013.

References

1. Gor'kii — S. T. Grigor'ev: Perepiska / Podg. R. P. Panteleeva // Lit. nasledstvo. 1963. T. 70. Gor'kii i sovetskie pisateli. Neizdannaiia perepiska.
2. *Gor'kii M.* Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. M., 2013–2019. T. 16, 21.
3. «Pisatel'stvo — trudnoe i otvetstvennoe delo»: Perepiska M. Gor'kogo s M. Prishvinym / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. E. N. Nikitina // M. Gor'kii: Materialy i issledovaniia. M., 2014. Vyp. 12. Gor'kii. Neizvestnye stranitsy istorii (materialy i issledovaniia).
4. *Podoksenov A. M.* M. M. M. Prishvin i B. E. Kalmykov (k istorii nesostoiavsheisia povesti o «nastoiashchem bol'shevike») // Russkaia literatura. 2020. № 2.
5. *Prishvin M. M.* Dnevnikhi. 1926–1927 / Podg. teksta L. A. Riazanovoi; komm. Ia. Z. Grishinoi i L. A. Riazanovoi. M., 2003.
6. *Prishvin M. M.* Dnevnikhi. 1928–1929 / Podg. teksta L. A. Riazanovoi; komm. Ia. Z. Grishinoi i L. A. Riazanovoi. M., 2004.
7. *Prishvin M. M.* Dnevnikhi. 1942–1943 / Podg. teksta Ia. Z. Grishinoi, A. V. Kiselevoi, L. A. Riazanovoi; stat'ia, komm. Ia. Z. Grishinoi. M., 2012.
8. *Prishvin M. M.* Dnevnikhi. 1952–1954 / Podg. teksta Ia. Z. Grishinoi, L. A. Riazanovoi; komm. Ia. Z. Grishinoi. SPb., 2017.
9. *Prishvin M. M.* Sobr. soch.: V 6 t. M., 1957. T. 6.
10. *Prishvin M. M.* Sobr. soch.: V 8 t. M., 1983. T. 5.
11. *Shtorm G.* Sergei Timofeevich Grigor'ev (1875–1953) // Grigor'ev S. T. Aleksandr Suvorov. M., 2013.

Елена Рудольфовна Обатнина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Rudol'fovna Obatnina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1823-6321

lena.eo@mail.ru

**УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ И «ПАРИЖСКАЯ НОТА»
(К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА А. М. РЕМИЗОВА
С ЖУРНАЛОМ «ЧИСЛА»)**

**THE MUSIC TEACHER AND THE «PARISIAN NOTE»
(CONCERNING THE HISTORY OF A. M. REMIZOV'S ENGAGEMENT
WITH THE LITERARY MAGAZINE *CHISLA*)**

Новонайденные материалы личного архива Ремизова существенно дополняют историю журнала «Числа», в которой оказалась недооцененной роль писателя в кругу творческой молодежи. Отдельные факты биографии Ремизова 1930–1934 годов собраны в статье в цепочку событий, которые раскрывают его первые шаги к образованию литературной «школы» для парижской молодежи, состоявшей из представителей таких органов печати, как «Воля России», «Новая газета» и «Числа». Публикации писателя в «Числах», в частности его рассказы из корпуса романа «Учитель музыки», рассматриваются в статье как способ литературного влияния на круг молодых литераторов «Чисел», а также как реакция писателя на критическую рецензию эстетической программы числовцев.

Ключевые слова: русская эмиграция, «парижская нота», журнал «Числа», роман «Учитель музыки», литературная молодежь, учителя и ученики, литературное поведение, критическая рецензия, А. М. Ремизов.

The newly discovered data from Remizov's personal archive make a major contribution to the history of the magazine *Chisla*, since formerly the role of the writer in its circle of young artists has been underestimated. The article combines individual facts of Remizov's biography (1930–1934) into a sequence of events that outline his first steps towards establishing a literary «school» for the young Parisians, involving the representatives of such press organs as *Volya Rossii*, *Novaya Gazeta* and *Chisla*. The article analyzes Remizov's publications in *Chisla*, in particular, his short stories, later on to be incorporated into the novel *The Music Teacher*, as a source of literary influence on the youth circle at *Chisla*, as well as the writer's response to the critical reception of the magazine's aesthetic program.

Key words: Russian emigration, «Parisian note», magazine *Chisla*, *The Music Teacher*, young litterateurs, teachers and students, literary behavior, critical reception, A. M. Remizov.

Список литературы

1. *Адамович Г.* Собр. соч. «Комментарии» / Сост., послесловие и прим. О. А. Коростелева. СПб., 2000.
2. *Бем А. Л.* Письма о литературе. = *Bém A. L.* Dopisy o literatuře / Сост. и авт. предисловия М. Бубеникова и Л. Вахаловска. Praha, 1996.
3. *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. М., 2010.
4. *Вахненко Е. Е.* Очерки In memoriam в творческом наследии А. М. Ремизова: новонайденное «Послание» парижскому некрополю // Русская литература. 2021. № 2.
5. *Галкина М. Ю.* К вопросу об имперсонализме Бориса Поплавского // Литературоведческий журнал. 2008. № 22.
6. *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000.
7. *Грачева А. М.* Литературные мистификации А. М. Ремизова 1940-х годов // Русская литература. 2019. № 4.

8. Доценко С. Н. Кто такой «музыкант Набоков»? (из комментария к книге А. Ремизова «Учитель музыки») // *Slavica Revalensia*. 2022. Vol. IX.
9. Доценко С. Н. «Несвоевременная рокировка»: А. Ремизов глазами В. Набокова // *Культура русской диаспоры: Знаки и символы эмиграции: Сб. статей / Ред. А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. М., 2015.*
10. Доценко С. Н. О литературном генезисе имени героя книги А. Ремизова «Учитель музыки» // *Георгий Адамович и... (К проблеме изучения культуры русской диаспоры). Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева (1959–2020). Riga, 2021 (Rusistica Latviensis; [вып.] 9).*
11. Зиновьева Н. В. Дискуссия об искусстве и политике на страницах журнала «Числа» // *Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. Вып. 3.*
12. Из переписки В. Ф. Ходасевича с Мережковскими / Вступ. статья, публ. и комм. Н. А. Богомолова // *Новое литературное обозрение. 2008. № 2 (90).*
13. Кибальник С. А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли // *Литературоведческий журнал. 2005. № 19.*
14. Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // *Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб., 2013.*
15. Коростелев О. А. Цех поэтов // *Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб., 2013.*
16. Мельников Н. «До последней капли чернил...»: Владимир Набоков и «Числа» // *Мельников Н. О Набокове и прочем. М., 2014.*
17. «Мы с Вами очень разные люди»: Письма Г. В. Адамовича А. П. Бурову (1933–1938) / Публ. О. А. Коростелева // *Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2007. Вып. IX.*
18. Обатнина Е. Р. К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // *Литературный факт. 2021. № 3 (21).*
19. Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: учитель и его ученики (к истории смыслообраза «учитель музыки» в контексте нового искусства XX в.) // *Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2023. Т. 22. № 9. Филология.*
20. Обатнина Е. Р. Димитрий Солунский и Алексей Человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д. В. Filosofova и А. М. Ремизова) // *Русский модернизм и его наследие. Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клягис, М. Ю. Эдельштейна. М., 2021.*
21. Обатнина Е. Р. «Другой» Набоков vs Набоков-Сирун: об одном случае упоминания в романе Алексея Ремизова «Учитель музыки» // *Studia Litterarum. 2023 (в печати).*
22. Обатнина Е. Р. Неизвестная статья Константина Мочульского / Алексея Ремизова (мотивация сокрытия имени как ключ к атрибуции текстов) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge) / Vienna Slavic Yearbook (New Series). 2022. Bd. 10.*
23. Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая. «Эстетно-разложенец» // *Литературный факт. 2020. № 3 (17).*
24. Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая. Были и небыли парижских будней // *Литературный факт. 2020. № 4 (18).*
25. Оцун Н. *Современники. Paris, 1961.*
26. Переписка З. Н. Гиппиус с С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизовым (1905–1941) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // *Лит. наследство. 2021. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 2.*
27. Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемиловскому / Вступ. статья и комм. А. М. Грачевой; подг. текстов Т. С. Царьковой // *Русская литература. 1990. № 2.*
28. Поляков Ф. Алексей Ремизов и Житие протоппа Аввакума: воссоздание текста культуры в эмиграции // *Gedächtnis und Phantasma: Festschrift für Renate Lachmann / Hrsg. S. K. Frank, E. Greber, S. Schahadat, I. Smirnov. München, 2001 (Die Welt der Slaven; Sbd. 13).*
29. Резникова Н. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2012.
30. Ремизов А. М. Как научиться писать / Публ. и прим. А. М. Грачевой // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003 (Collana di Europa Orientalis; [вып.] 4).*
31. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 6. Лимонарь.
32. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 9. Учитель музыки: каторжная идиллия.
33. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак.
34. Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2023. Т. 17. С. П. Р.-Д. Девятикнижие памяти. Книги I–V.
35. Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов / Публ. и комм. О. Раевской-Хьюз // *Вестник Русского Христианского Движения (Париж). 2005/2006. № 190 (1).*
36. Слобин Г. Двойное сознание и двуязычие в рассказе А. М. Ремизова «Индустриальная подкова» в контексте журнала «Числа» // *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую*

литературу, 1920–1940: Междунар. науч. конф. (Женева, 8–10 дек. 2005 г.) / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар [и др.]. М., 2007.

37. Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин, 2016.

38. *Токарев Д. В.* «Бутылка в море»: Б. Поплавский и А. де Виньи // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова / Сост. М. Э. Маликова, Д. В. Токарев. СПб., 2011.

39. *Чиннов И.* О «Числах» и «числовцах» // Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / Сост. О. Ф. Кузнецова. М., 2003.

40. *Шаховская З.* В поисках Nabokova. Отражения / Вступ. статья П. Алешковского. М., 1991.

41. *Янгиров Р. М.* «Новая газета»: К истории печатного диалога и молодой эмигрантской литературы с художественной культурой Франции // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940: Междунар. науч. конф. (Женева, 8–10 дек. 2005 г.) / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар [и др.]. М., 2007.

42. *Яновский В. С.* Ушел Адамович // Новое русское слово. 1972. 26 марта. № 22566.

43. *Beyszac M.* La vie culturelle de l'émigration russe en France: Chronique (1920–1930). Paris, 1971.

References

1. *Adamovich G.* Sobr. soch. «Kommentarii» / Sost., posleslovie i prim. O. A. Korosteleva. SPb., 2000.

2. *Bem A. L.* Pis'ma o literature. = *Bém A. L.* Dopisy o literatuře / Sost. i avt. predislovia M. Bubenikova i L. Vakhalovska. Praha, 1996.

3. *Beyszac M.* La vie culturelle de l'émigration russe en France: Chronique (1920–1930). Paris, 1971.

4. *Chinnov I.* О «Chislakh» i «chislovtsakh» // Pis'ma zapreshchennykh liudei. Literatura i zhizn' emigratsii. 1950–1980-e gody. Po materialam arkhiva I. V. Chinnova / Sost. O. F. Kuznetsova. M., 2003.

5. *Dotsenko C. N.* Kto takoi «muzykant Nabokov»? (iz kommentariia k knige A. Remizova «Uchitel' muzyki») // Slavica Revalensia. 2022. Vol. IX.

6. *Dotsenko S. N.* «Nesvoevremennaia rokirovka»: A. Remizov glazami V. Nabokova // Kul'tura russkoi diaspory: Znaki i simvoly emigratsii: Sb. statei / Red. A. A. Danilevskii, S. N. Dotsenko. M., 2015.

7. *Dotsenko S. N.* O literaturnom genezise imeni geroia knigi A. Remizova «Uchitel' muzyki» // Georgii Adamovich i... (K probleme izuchenii kul'tury russkoi diaspory). Posviashchaetsia pamiati Olega Anatol'evicha Korosteleva (1959–2020). Rīga, 2021 (Rusistica Latviensis; [vyp.] 9).

8. *Galkina M. Iu.* K voprosu ob impersonalizme Borisa Poplavskogo // Literaturovedcheskii zhurnal. 2008. № 22.

9. *Gracheva A. M.* Aleksei Remizov i drevnerusskaia kul'tura. SPb., 2000.

10. *Gracheva A. M.* Literaturnye mistifikatsii A. M. Remizova 1940-kh godov // Russkaia literatura. 2019. № 4.

11. *Iangirov R. M.* «Novaia gazeta»: K istorii pechatnogo dialoga i molodoi emigrantskoi literatury s khudozhestvennoi kul'turoi Frantsii // Russkie pisateli v Parizhe: Vzgliad na frantsuzskuiu literaturu, 1920–1940: Mezhdunar. nauch. konf. (Zheneva, 8–10 dek. 2005 g.) / Sost. i nauch. red. Zh.-F. Zhakkar [i dr.]. M., 2007.

12. *Ianovskii V. S.* Ushel Adamovich // Novoe russkoe slovo. 1972. 26 marta. № 22566.

13. Iz perepiski V. F. Khodasevicha s Merezhkovskimi / Vstup. stat'ia, publ. i komm. N. A. Bogomolova // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 2 (90).

14. *Kibal'nik S. A.* Ekzistentsializm v russkoi literature i mysli // Literaturovedcheskii zhurnal. 2005. № 19.

15. *Korostelev O. A.* «Parizhskaia nota» i protivostoianie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoi literaturnoi emigratsii // Korostelev O. A. Ot Adamovicha do Tsvetaevoi: Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ia. SPb., 2013.

16. *Korostelev O. A.* Tsekh poetov // Korostelev O. A. Ot Adamovicha do Tsvetaevoi: Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ia. SPb., 2013.

17. *Mel'nikov N.* «Do poslednei kapli chernil...»: Vladimir Nabokov i «Chisla» // Mel'nikov N. O Nabokove i prochem. M., 2014.

18. «My s Vami ochen' raznye liudi»: Pis'ma G. V. Adamovicha A. P. Burovu (1933–1938) / Publ. O. A. Korosteleva // Diaspora: Novye materialy. Parizh; SPb., 2007. Vyp. IX.

19. *Obatnina E. R.* Aleksei Remizov: uchitel' i ego ucheniki (k istorii smysloobraza «uchitel' muzyki» v kontekste novogo iskusstva XX v.) // Vestnik NGU. Ser. Istoriia, filologiya. 2023. T. 22. № 9. Filologiya.

20. *Obatnina E. R.* Dimitrii Solunskii i Aleksii Chelovek Bozhii o literaturnykh «chadakh» (novonaidennnye dopolneniia k istorii epistoliarlynykh kontaktov D. V. Filosofova i A. M. Remizova) // Russkii modernizm i ego nasledie. Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letiiia N. A. Bogomolova / Pod red. A. Iu. Sergeevoi-Kliatis, M. Iu. Edel'shteina. M., 2021.
21. *Obatnina E. R.* «Drugoi» Nabokov vs Nabokov-Sirin: ob odnom sluchae upominaniia v romane Alekseia Remizova «Uchitel' muzyki» // *Studia Litterarum*. 2023 (v pechati).
22. *Obatnina E. R.* Etiudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaia. «Esteto-razlozhenets» // *Literaturnyi fakt*. 2020. № 3 (17).
23. *Obatnina E. R.* Etiudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' vto-raia. Byli i nebyli parizhskikh budnei // *Literaturnyi fakt*. 2020. № 4 (18).
24. *Obatnina E. R.* K istorii russkoi zarubezhnoi pechati: ideinyi vektor zhurnala «Ukhvat» — neiavnoe i ochevidnoe // *Literaturnyi fakt*. 2021. № 3 (21).
25. *Obatnina E. R.* Neizvestnaia stat'ia Konstantina Mochul'skogo / Alekseia Remizova (motivatsiia sokrytiia imeni kak kliuch k atributsii tekstov) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge)* / *Vienna Slavic Yearbook (New Series)*. 2022. Bd. 10.
26. *Otsup N.* *Sovremenniki*. Paris, 1961.
27. *Perepiska Z. N. Gippius s S. P. Remizovoi-Dovgello i A. M. Remizovym (1905–1941) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. E. R. Obatninoi* // *Lit. nasledstvo*. 2021. T. 106. Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius: V 2 kn. Kn. 2.
28. *Pis'ma A. M. Remizova k V. V. Peremilovskomu / Vstup. stat'ia i komm. A. M. Grachevoi; podg. tekstov T. S. Tsar'kovo* // *Russkaia literatura*. 1990. № 2.
29. *Poliakov F.* Aleksei Remizov i Zhitie protopopa Avvakuma: vossozdanie teksta kul'tury v emigratsii // *Gedächtnis und Phantasma: Festschrift für Renate Lachmann / Hrsg. S. K. Frank, E. Greber, S. Schahadat, I. Smirnov. München, 2001 (Die Welt der Slaven; Sbd. 13)*.
30. *Remizov A. M.* Kak nauchit'sia pisat' / Publ. i prim. A. M. Grachevoi // *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy / Otv. red. A. M. Gracheva i A. d'Ameliiia*. SPb.; Salerno, 2003 (*Collana di Europa Orientalis*; [vyp.] 4).
31. *Remizov A. M.* *Sobr. soch. M., 2001. T. 6. Limonar'.*
32. *Remizov A. M.* *Sobr. soch. M., 2002. T. 9. Uchitel' muzyki: katorzhnaia idilliia.*
33. *Remizov A. M.* *Sobr. soch. M., 2003. T. 10. Peterburgskii buerak.*
34. *Remizov A. M.* *Sobr. soch. SPb., 2023. T. 17. S. P. R.-D. Deviatiknizhie pamiati. Knigi I–V.*
35. *Remizov i YMCA-Press: Perepiska 1925–1932 godov / Publ. i komm. O. Raevskoi-Kh'iu* // *Vestnik Russkogo Khristianskogo Dvizheniia (Parizh)*. 2005/2006. № 190 (1).
36. *Reznikova N.* Ognennaia pamiat': Vospominaniia ob Aleksee Remizove. SPb., 2012.
37. *Shakhovskaiia Z.* V poiskakh Nabokova. Otrazheniia / *Vstup. stat'ia P. Aleshkovskogo*. M., 1991.
38. *Slobin G.* Dvoinoe soznanie i dvuiazychie v rasskaze A. M. Remizova «Industrial'naia podkova» v kontekste zhurnala «Chisla» // *Russkie pisateli v Parizhe: Vzgliad na frantsuzskuiu literaturu, 1920–1940: Mezhdunar. nauch. konf. (Zheneva, 8–10 dek. 2005 g.) / Sost. i nauch. red. Zh.-F. Zhakar [i dr.]*. M., 2007.
39. *Sto pisem Georgiia Adamovicha k Iuriiu Ivasku (1935–1961) / Pod red. L. M. Surisa*. M.; Berlin, 2016.
40. *Tokarev D. V.* «Butylka v more»: B. Poplavskii i A. de Vin'i // *Zapadniy sbornik: V chest' 80-letiiia Petra Romanovicha Zaborova / Sost. M. E. Malikova, D. V. Tokarev*. SPb., 2011.
41. *Vakhnenko E. E.* Ocherki In memoriam v tvorcheskom nasledii A. M. Remizova: novonaidennoe «Poslanie» parizhskomu nekropolii // *Russkaia literatura*. 2021. № 2.
42. *Varshavskii V. S.* *Nezamechennoe pokolenie*. M., 2010.
43. *Zinov'eva N. V.* Diskussiia ob iskusstve i politike na stranitsakh zhurnala «Chisla» // *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Ser. Istoriia i filologiiia*. 2019. T. 29. Vyp. 3.

Чжицян Лю

доцент Цзянсуского университета науки и технологий (КНР)

Zhiqiang Liu

Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (China)

ORCID: 0000-0001-7121-0062

liuzhiqiang@mail.ru; liu.chzh@just.edu.cn

Хуэй Сюн

профессор Сычуаньского университета (КНР)

Hui Xiong

Professor, Sichuan University (China)

ORCID: 0000-0001-5516-8255

byxiongh@126.com

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВODOВ
КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВODOВ
СТИХОТВОРЕНИЯ ЦАО ЧЖИ «ВЗДОХИ»**

**SOME FEATURES OF POETICAL TRANSLATIONS OF CHINESE CLASSICAL
POETRY IN RUSSIA: THE CASE OF TRANSLATIONS OF *THE SIGHS* BY CAO ZHI**

В данной статье рассматривается вопрос о переводческой рецепции стихотворения Цао Чжи «Вздохи» в России. Характеризуя работы известных переводчиков — Л. Е. Черкасского, В. А. Журавлева, М. Е. Кравцовой, можно сделать следующие выводы: все переводчики показали высокую степень их адекватности оригинальному стихотворению. Все три перевода стихотворения «Вздохи» репрезентируют переводческую школу, заданную В. М. Алексеевым, где главная цель — передать смысловое наполнение, эмоциональность и образность оригинала. При этом можно проследить три стадии эволюции переводческого мастерства. Перевод В. А. Журавлева сосредоточился на адаптации китайской поэзии к художественному восприятию массового российского читателя. Перевод Л. Е. Черкасского обозначает вектор на объединение художественного воплощения оригинального текста и его исходных формальных и лексических особенностей. Перевод М. Е. Кравцовой — попытка показать читателю своеобразие китайской поэзии.

Ключевые слова: китайская поэзия, поэтические переводы, переводная множественность, Цао Чжи, переводчики, Л. Е. Черкасский, В. А. Журавлев, М. Е. Кравцова.

This article examines the previously unreported issue of the Russian translators' perception of Cao Zhi's poem *The Sighs*. Analyzing the works of L. E. Cherkassky, V. A. Zhuravlev, M. E. Kravtsova, one can draw the following conclusions: all the translators stayed very faithful to the original text. All the three translations represent the translation school founded by V. M. Alekseev, where the main goal was to convey the meanings, emotionality and imagery of the original. At the same time, three stages of the evolution of translation skills can be traced. V. A. Zhuravlev's translation is focused on adapting Chinese poetry to the artistic perception of the mass Russian reader. L. E. Cherkassky's translation is a step towards uniting the artistic embodiment of the original text and its original formal and lexical features. The translation by M. Ye. Kravtsova is an attempt to show the reader the originality of Chinese poetry.

Key words: Chinese poetry, poetic translations, plurality in translation, Cao Zhi, translators, L. E. Cherkassky, V. A. Zhuravlev, M. E. Kravtsova.

Список литературы

1. Алимов А. И., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в. Поэзия, проза: В 2 ч. СПб., 2014.

2. Антология китайской поэзии: В 4 т. / [Пер. Л. Е. Черкасского и др.]; под ред. Го Можо, Н. Т. Федоренко. М., 1957. Т. 1.
3. *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. М., 2012.
4. *Гу Юй.* Парус, плывущий на море поэзии: исследование русско-китайского перевода поэзии. Тяньцзинь: Издательство Нанькайского университета, 2019 (谷羽. 帆船, 在诗海上漂流: 俄汉诗歌翻译研究. 天津: 南开大学出版社, 2019. 第).
5. Духовная культура Китая. Энциклопедия: В 5 т. М., 2008. Т. 3. Литература. Язык и письменность / Ред. М. Л. Титаренко [и др.].
6. *Кравцова М. Е.* Поэзия вечного просветления. СПб., 2001.
7. *Кравцова М. Е.* Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. СПб., 1994.
8. *Кравцова М. Е.* Поэтическое творчество Шэнь Юэ, 441–513. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
9. *Кравцова М. Е.* Словарь китайских поэтов с V в. до н. э. по X в. н. э. СПб., 2019.
10. *Левин Ю. Д.* Проблема переводной множественности // Литература и перевод: проблемы теории. М., 1992.
11. *Лысенкова Е. Л.* Проза Р. М. Рильке в русских переводах. М., 2004.
12. *Лю Чжицян, Ван Фэн.* «Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине»: о поэтическом творчестве Л. Е. Черкасского // Новое литературное обозрение. 2020. № 162.
13. *Лю Чжицян, Первушина Е. А.* Заветная звезда Леонида Черкасского: о переводах китайских поэтов первой трети XX века: монография. Владивосток, 2019.
14. *Лю Чжицян, Первушина Е. А.* О переводческой позиции Л. Е. Черкасского в его переводах китайской поэзии первой трети XX века // Иностранные языки в высшей школе. 2018. № 1 (44).
15. *Лю Чжицян.* Леонид Евсевич Черкасский в Китае // Научный диалог. 2018. № 6.
16. *Лю Чжицян.* Основная периодизация в исследовательской, творческой и просветительской деятельности Л. Е. Черкасского // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1.
17. *Лю Чжицян.* Переводческая трансформация Л. Е. Черкасского названий китайских стихотворений (на материале сборника «Дождливая аллея», 1969) // Мир русского слова. 2015. № 2.
18. *Лю Чжицян.* Своеобразие рецепции национального колорита в переводах Л. Е. Черкасского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66).
19. *Лю Чжицян.* Стихотворение Сюй Чжимо «Я не знаю, куда ветер дует» в переводе Л. Е. Черкасского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4.
20. *Масленникова Е. М.* Переводная множественность как следствие вариативности понимания текста // Межкультурная коммуникация и перевод. М., 2003.
21. *Меньшиков Л. Н.* Предисловие переводчика // Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. СПб., 2007.
22. *Первушина Е. А.* Множественность параллельных русских переводов сонетов Шекспира как проблема переводной литературы // Вестник Университета Российской академии образования. 2005. № 1 (27). III Андреевские чтения.
23. Резной дракон: Поэзия эпохи Шести династий: III–VI вв. / Пер. М. Е. Кравцовой. СПб., 2004.
24. *Топер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2001.
25. Хрестоматия по литературе Китая / Сост., вступ. статья, прим. М. Е. Кравцовой. СПб., 2004.
26. *Цао Чжи.* Фея реки Ло / Предисловие Л. Е. Черкасского. СПб., 2000 (Библиотека мировой литературы. Восточная сер.).
27. *Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л.* Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков. Магадан, 2001.
28. *Черкасский Л. Е.* Новая китайская поэзия (20–30-е гг.). М., 1972.
29. *Черкасский Л. Е.* Поэзия Цао Чжи. М., 1963.
30. *Шерстнева Е. С.* Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

References

1. *Alimov A. I., Kravtsova M. E.* Istoriia kitaiskoi klassicheskoi literatury s drevnosti i do XIII v. Poeziia, proza: V 2 ch. SPb., 2014.
2. Antologija kitaiskoi poezii: V 4 t. / [Per. L. E. Cherkasskogo i dr.]; pod red. Go Mozho, N. T. Fedorenko. M., 1957. T. 1.
3. *Chaikovskii R. R., Lysenkova E. L.* Neischerpaemost' originala. 100 perevodov «Pantery» R. M. Ril'ke na 15 iazykov. Magadan, 2001.
4. *Cherkasskii L. E.* Novaia kitaiskaia poeziia (20–30-e gg.). M., 1972.
5. *Cherkasskii L. E.* Poeziia Tsao Chzhi. M., 1963.
6. Duhovnaia kul'tura Kitaia. Entsiklopediia: V 5 t. M., 2008. T. 3. Literatura. Iazyk i pis'mennost' / Red. M. L. Titarenko [i dr.].

7. *Gasparov M. L. Metr i smysl. M., 2012.*
8. *Gu Iui. Parus, plyvushchii na more poezii: issledovanie russko-kitaiskogo perevoda poezii. Tian'tszin': Izdatel'stvo Nan'kaiskogo universiteta, 2019 (谷羽. 帆船, 在诗海上漂流: 俄汉诗歌翻译研究. 天津: 南开大学出版社, 2019. 第).*
9. *Khrestomatia po literature Kitaia / Sost., vstup. stat'ia, prim. M. E. Kravtsovoi. SPb., 2004.*
10. *Kravtsova M. E. Poeticheskoe tvorchestvo Shen' Iue, 441–513. Dis. ... kand. filol. nauk. L., 1983.*
11. *Kravtsova M. E. Poeziia Drevnego Kitaia: Opyt kul'turologicheskogo analiza. Antologiya khudozhestvennykh perevodov. SPb., 1994.*
12. *Kravtsova M. E. Poeziia vechnogo prosvetlennia. SPb., 2001.*
13. *Kravtsova M. E. Slovar' kitaiskikh poetov s V v. do n. e. po X v. n. e. SPb., 2019.*
14. *Levin Iu. D. Problema perevodnoi mnozhestvennosti // Literatura i perevod: problemy teorii. M., 1992.*
15. *Liu Chzhitsian, Pervushina E. A. O perevodcheskoi pozitsii L. E. Cherkasskogo v ego perevodakh kitaiskoi poezii pervoi treti XX veka // Inostrannye iazyki v vysshei shkole. 2018. № 1 (44).*
16. *Liu Chzhitsian, Pervushina E. A. Zavetnaia zvezda Leonida Cherkasskogo: o perevodakh kitaiskikh poetov pervoi treti XX veka: monografiia. Vladivostok, 2019.*
17. *Liu Chzhitsian, Van Fen. «Stikhi o Prekrasnoi Dame i ob Odnom Gospodine»: o poeticheskom tvorchestve L. E. Cherkasskogo // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 162.*
18. *Liu Chzhitsian. Leonid Evseevich Cherkasskii v Kitae // Nauchnyi dialog. 2018. № 6.*
19. *Liu Chzhitsian. Osnovnaia periodizatsiia v issledovatel'skoi, tvorcheskoi i prosvetitel'skoi deiatel'nosti L. E. Cherkasskogo // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2015. № 1.*
20. *Liu Chzhitsian. Perevodcheskaia transformatsiia L. E. Cherkasskogo nazvanii kitaiskikh stikhotvorenii (na materiale sbornika «Dozhdlivaia alleia», 1969) // Mir russkogo slova. 2015. № 2.*
21. *Liu Chzhitsian. Stikhotvorenie Siui Chzhimo «Ia ne znaiu, kuda veter duet» v perevode L. E. Cherkasskogo // Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2014. № 4.*
22. *Liu Chzhitsian. Svoeobrazie retseptsii natsional'nogo kolorita v perevodakh L. E. Cherkasskogo // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12 (66).*
23. *Lysenkova E. L. Proza R. M. Ril'ke v russkikh perevodakh. M., 2004.*
24. *Maslennikova E. M. Perevodnaia mnozhestvennost' kak sledstvie variativnosti ponimaniia teksta // Mezkhkul'turnaia kommunikatsiia i perevod. M., 2003.*
25. *Men'shikov L. N. Predislovie perevodchika // Kitaiskaia poeziia v perevodakh L'va Men'shikova. SPb., 2007.*
26. *Pervushina E. A. Mnozhestvennost' parallel'nykh russkikh perevodov sonetov Shekspira kak problema perevodnoi literatury // Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia. 2005. № 1 (27). III Andreevskie chteniia.*
27. *Reznoi drakon: Poeziia epokhi Shesti dinastii: III–VI vv. / Per. M. E. Kravtsovoi. SPb., 2004.*
28. *Sherstneva E. S. Perevodnaia mnozhestvennost' khudozhestvennoi prozy kak problema teorii perevoda. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009.*
29. *Toper P. M. Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniia. M., 2001.*
30. *Tsao Chzhi. Feia reki Lo / Predislovie L. E. Cherkasskogo. SPb., 2000 (Biblioteka mirovoi literatury. Vostochnaia ser.).*

Кирилл Сергеевич Корконосенко

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Kirill Sergeevich Korkonosenko

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0001-9714-6860

korkonos@mail.ru

ПЕРЕВОДЫ К. И. ТИМКОВСКОГО В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ

TRANSLATIONS BY K. I. TIMKOVSKY
AS EVALUATED BY THE RUSSIAN CRITICISM

В заметке дается анализ отзывов на испанские переводы Константина Ивановича Тимковского (1814–1881), переводчика и пропагандиста испанской литературы в России. Ни в рецензиях современников, ни в работах советских времен, посвященных русской рецепции испанской драмы, не встречается указаний, что Тимковский переводил стихотворные драматические произведения прозой. Переводческие эксперименты Тимковского остались в стороне от магистральных путей, от сформировавшейся в России традиции перевода классической испанской драматургии.

Ключевые слова: история перевода, теория перевода, русско-испанские взаимосвязи, К. И. Тимковский, Сервантес, Кальдерон, Франсиско де Рохас, Леандро Моратин, Агустин Морето.

The article analyzes the reviews of Konstantin Timkovsky's (1814–1881) translations from Spanish; he was a translator and a champion of Spanish literature in Russia. Neither the reviews of his contemporaries, nor the works of the Soviet scholars mention that Timkovsky's translations of verse drama texts were done in prose. His translation experiments remained aside from the main pathways, from the mainstream Russian tradition of translating classical Spanish drama.

Key words: history of translation, theory of translation, Russian-Spanish relations, K. I. Timkovsky, Calderon, Cervantes, Francisco de Rojas, Leandro Moratín, Agustín Moreto.

Список литературы

1. *Жданова А. В.* К истории перевода пьес Лопе де Вега в России: восприятие и оценка литературной критикой в XIX веке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. № 3.
2. *Кальдерон де ла Барка П.* Пьесы. М., 1961. Т. 1.
3. *Коган Г. А.* Педро Кальдерон де ла Барка. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1781–1983) // Iberica. Кальдерон и мировая культура. Л., 1986.
4. *Корконосенко К. С.* Испанская классическая литература в переводах Константина Тимковского // Литературный факт. 2022. № 3 (25).
5. *Русская романтическая новелла.* М., 1989.

References

1. *Kal'deron de la Barka P.* P'sy. M., 1961. T. 1.
2. *Kogan G. A.* Pedro Kal'deron de la Barka. Bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke (1781–1983) // Iberica. Kal'deron i mirovaia kul'tura. L., 1986.
3. *Korkonosenko K. S.* Ispanskaia klassicheskaiia literatura v perevodakh Konstantina Timkovskogo // Literaturnyi fakt. 2022. № 3 (25).
4. *Russkaia romanticheskaiia novella.* M., 1989.
5. *Zhdanova A. V.* K istorii perevoda p'es Lope de Vega v Rossii: vospriiatie i otsenka literaturnoi kritikai v XIX veke // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiiia. 2008. № 3.

Анна Сергеевна Урюпина

заведующая Отделом рукописных фондов
Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (ГМИРЛИ)

Anna Sergeevna Uryupina

Head of the Department of Manuscript Collections
Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (GMIRLI)

ORCID: 0000-0001-9247-1544

urana1409@gmail.com

О ДВУХ ПРОТОТИПАХ ГЕРОЕВ РАССКАЗА А. М. РЕМИЗОВА «ГОРОСКОП»

A. M. REMIZOV'S STORY *THE HOROSCOPE*: TWO PROTOTYPES OF THE PROTAGONISTS

В заметке приводятся сведения о лицах, ставших прототипами главных героев рассказа А. М. Ремизова «Гороскоп» — юристе Г. Г. Шклявере и княжне М. А. Прозоровской-Голицыной. Поскольку они оставались в кругу знакомых писателя, а рассказанная история могла их обидеть, текст произведения долгое время не публиковался.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, первая волна русской эмиграции, «Гороскоп», Г. Г. Шклявер.

The article provides information about the individuals who were used by A. M. Remizov as the prototypes of the main characters of his short story *The Horoscope*, lawyer G. G. Shklyaver and Princess M. A. Prozorovskaya-Golitsyna. Since both belonged to the circle of the writer's acquaintances, and could find the story offensive, the text of the work had remained unpublished for a long time.

Key words: A. M. Remizov, first wave of Russian emigration, *The Horoscope*, G. G. Shklyaver.

Список литературы

1. Голицына-Прозоровская (урожд. княжна Трубецкая) Мария Петровна // Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Библиографический словарь: В 3 т. М., 2008. Т. 1.
2. Незабывтые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–2001: В 6 т. М., 2006. Т. 6. Кн. 2.
3. Ремизов А. М. «Фигли-мигли». «Гороскоп» / Публ. А. С. Урюпиной // Русская литература. 2022. № 3.

References

1. Golitsyna-Prozorovskaia (urozhd. kniazhna Trubetskaia) Mariia Petrovna // Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii, 1919–2000: Bibliograficheskii slovar': V 3 t. M., 2008. T. 1.
2. Nezabytye mogily. Rossiiskoe zarubezh'e: Nekrologi 1917–2001: V 6 t. M., 2006. T. 6. Kn. 2.
3. Remizov A. M. «Figli-migli». «Goroskop» / Publ. A. S. Uriupinoi // Russkaia literatura. 2022. № 3.

Егор Владимирович Сартакoв

доцент МГУ имени М. В. Ломоносова

Egor Vladimirovich Sartakov

Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-7434-635X

esartak@mail.ru

«МАЛАЯ» ДРАМАТУРГИЯ Н. В. ГОГОЛЯ В НОВОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ

N. V. GOGOL'S «MINOR» DRAMAS IN A NEW ACADEMIC EDITION

[Рец. на:] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2023. Т. 5. 1126 с.

[Review:] *Gogol' N. V.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. M.: Nauka, 2023. T. 5. 1126 s.

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6430-2778

tamisquevich@yandex.ru

**«НЕДОСТОВЕРНЫЕ» МЕМУАРЫ
КАК ВОСКРЕШЕНИЕ ДУХА ВРЕМЕНИ**

**«UNRELIABLE» MEMOIRS
AS THE RESURRECTION OF THE ZEITGEIST**

[Рец. на:] *Бурнашев В. П.* Воспоминания петербургского старожила: В 2 т. / Сост., автор предисловия, комм. и аннотированного указ. имен А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 504 с.

[Review:] *Burnashev V. P.* Vospominaniia peterburgskogo starozhila: V 2 t. / Sost., avtor predisloviia, komm. i annotirovannogo ukaz. imen A. I. Reitblat. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. T. 1. 512 s.; T. 2. 504 s.

Светлана Анатольевна Дубровская

профессор кафедры русского языка как иностранного
Национального исследовательского Мордовского государственного университета
им. Н. П. Огарева

Svetlana Anatol'evna Dubrovskaiia

Professor, Department of Russian as Foreign Language,
National Research Mordovia State University

ORCID: 0000-0002-5660-8977

s.dubrovskaya@bk.ru

Олег Ефимович Осовский

профессор кафедры иностранных языков № 1
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Oleg Efimovich Osovskii

Professor, Department of Foreign Languages № 1,
Plekhanov Russian State University of Economics

ORCID: 0000-0002-9869-3233

osovskiy_oleg@mail.ru

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ТЕРМИНАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ**

**RUSSIAN LITERATURE
IN TERMS OF HISTORICAL NARRATOLOGY**

[Рец. на:] Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): Экспериментальный словарь / Под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. 316 с.

[Review:] Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russskoi literatury): Eksperimental'nyi slovar' / Pod red. V. I. Tiupy. M.: Editus, 2022. 316 s.

Надежда Юрьевна Алексеева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Iurievna Alekseeva

Leading Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0009-0516-5908

alexenad18@gmail.com

**НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
ОТДЕЛА ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА
В 2022 ГОДУ**

**DEPARTMENT OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY,
RESEARCH SEMINAR
IN 2022
[Meeting Abstract]**

Анна Борисовна Белова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anna Borisovna Belova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-7912-4959

beloniria@mail.ru

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПИСЬМЕННАЯ И ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ»**

**THE WRITTEN AND ICONOGRAPHIC TRADITION
OF ANCIENT RUSSIA
RESEARCH CONFERENCE
[Meeting Abstract]**

Наталья Аркадьевна Прозорова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalia Arkad'evna Prozorova

Senior Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3828-4080

arhivistka@mail.ru

**ШЕСТОЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»**

RUSSIAN LITERATURE IN THE SOVIET ERA
SIXTH RESEARCH SEMINAR
[*Meeting Abstract*]

Светлана Анатольевна Васильева

профессор кафедры истории и теории литературы
Тверского государственного университета

Svetlana Anatol'evna Vasil'eva

Professor, Department of History and Theory of Literature,
Tver State University

ORCID: 0009-0008-2923-2557

rabota165@mail.ru

Александр Юрьевич Сорочан

профессор кафедры истории и теории литературы
Тверского государственного университета

Aleksandr Iur'evich Sorochan

Professor, Department of History and Theory of Literature,
Tver State University

ORCID: 0000-0003-1213-8499

bvelvet@yandex.ru

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВЕК КАК СЮЖЕТ»**

CENTURY AS A PLOT
NATIONAL RESEARCH CONFERENCE
[*Meeting Abstract*]

Марина Юрьевна Любимова

ведущий научный сотрудник Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки

Marina Iur'evna Liubimova

Leading Researcher, The National Library of Russia

ORCID: 0000-0003-3951-5549

lyubimova1955@gmail.com

Елена Андреевна Михайлова

заведующая сектором русских фондов XVIII–XXI веков
Отдела рукописей Российской национальной библиотеки

Elena Andreevna Mikhailova

Head, Sector of Russian Funds of the 18th–19th Centuries,
The National Library of Russia

ORCID: 0000-0002-4322-5117

elena.mihailova@inbox.ru

**VI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ»**

***HISTORY OF RUSSIAN CULTURE
IN ARCHIVAL DOCUMENTS
SIXTH RESEARCH CONFERENCE
[Meeting Abstract]***

Учредители:

Российская академия наук

Отделение историко-филологических наук РАН

119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а

Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64

oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40

irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и информации Российской Федерации

Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*

Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филличева, А. Ю. Соловьев*

Корректор *Т. А. Румянцева*

Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Подписано к печати 16.05.2024 г. Дата выхода в свет 27.05.24.

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.

Усл. печ. л. 27,3. Уч.-изд. л. 31. Тираж 215 экз.

Заказ 377. Цена свободная.

16+

Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-039-24

ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.